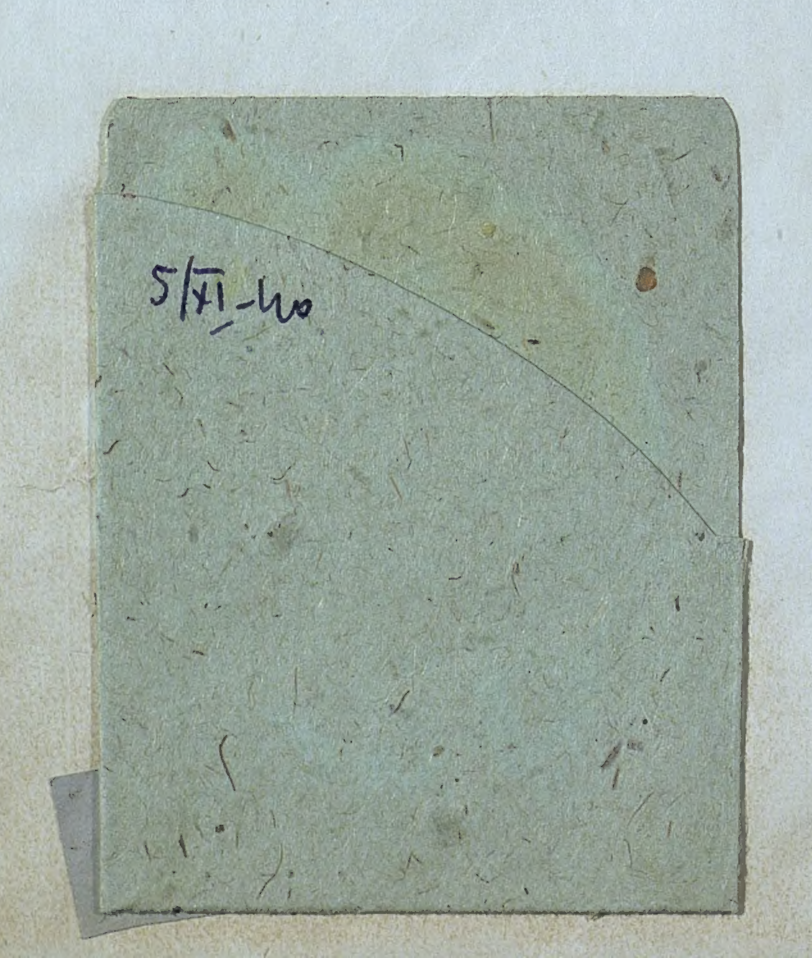
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ
ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878-1917

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1939

5/XI-40

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ
ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1939

RELATIONS INTERNATIONALES
DE L'ÉPOQUE DE L'IMPÉRIALISME

DOCUMENTS DES ARCHIVES
DES GOUVERNEMENTS
IMPÉRIAL ET PROVISOIRE
1878-1917

2-E SÉRIE
1900-1913

1939

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ
ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878-1917

СЕРИЯ ВТОРАЯ
1900-1913

1 9 3 9

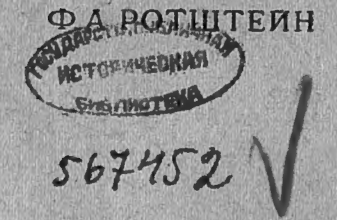
КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ
ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

А. П. БОЛЬШЕМЕННИКОВ

А. С. ЕРУСАЛИМСКИЙ

А. А. МОГИЛЕВИЧ

Ф. А. РОТШТЕЙН

ТОМ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

ЧАСТЬ I

14 МАЯ 1911 г. — 13 СЕНТЯБРЯ 1911 г.

ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ
ПРОФЕССОР
А. С. ЕРУСАЛИМСКИЙ

ПРИ УЧАСТИИ
А. И. АВТОКРАТОВОЙ
И
О. И. СТАНИСЛАВСКОЙ

Редактор *А. Могилевич.*

Техред *И. Галактионов.* Корректор *Л. Саксаганская.*

Государственное издательство политической литературы № 2012. МОЭИ.
Подписано к печати с матриц 27/V 1939 г.
Формат 70Х108 1/16. 30 1/2 печ. л. Уч.-авт. л. 53,1. 134400 зн. в 1 печ. л. Заказ № 6060.
Леноблгорлит № 2443.
Бумага Камского бумкомбината. Тираж 12000 экз. Цена книги 12 р.

Набор и матрицы 2-я типография ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького. Ленинград. Гатчинская, 26.

Отпечатано с матриц в типографии „Лен. Правда". Ленинград, Социалистическая, 14.

К ЧИТАТЕЛЯМ

С выпуском в свет настоящего тома Комиссия по изданию документов эпохи империализма приступает к опубликованию II серии документов «Международные отношения в эпоху империализма» из архивов царского и временного правительств. Это издание документов, относящихся к периоду 1878—1917 гг., Комиссия выпускает в трех сериях:

I серия — 1878 — 1899 гг.,

II серия — 1900 — 1913 гг. (серия «предвоенная»),

III серия — 1914 — 1917 гг. (серия «военная»).

Начав свою работу с опубликования материалов, освещающих период первой мировой империалистической войны, Комиссия до настоящего времени выпустила в свет т.т. I—X (в 13 книгах) III серии, охватывающие период с 14 января 1914 г. по 13 апреля 1916 г. Продолжая разработку материалов дальнейшего периода (с апреля 1916 г. до 7 ноября 1917 г.), Комиссия одновременно приступила к разработке и опубликованию материалов, включенных во II серию издания. Эта серия будет состоять из 24 томов.

Материалы этой серии (издание которой открывается одним из последних ее томов, а именно XVIII томом), относящиеся к годам непосредственной подготовки первой мировой империалистической войны, приобретают в создавшейся международной обстановке, когда вторая мировая империалистическая война уже началась, особо актуальный интерес.

О методах и приемах публикации документов, включенных во II серию, см. «Международные отношения в эпоху империализма», серия III, т. I, стр. XXV — XXXII.

Издание трудов Комиссии «Международные отношения в эпоху империализма», начиная с настоящего тома, осуществляется Государственным Издательством Политической Литературы.

Комиссия
по изданию документов
эпохи империализма

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ[1]

Помимо общепринятых в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:
Военное министерство — воен. м-во.
Выпуск — вып.
Генеральное консульство — ген. консульство.
Депеша — деп.
Докладная записка — докл. записка.
Константинополь — К-поль.
Литографская копия — лит. копия.
Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.
Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.
Министр — м-р.
Памятная записка — пам. записка.
Посольство — пос-во.
Правительство — прав-во.
Телеграмма — тел.

Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914, Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, Berlin — Gr. Pol.
Известия министерства иностранных дел — Изв. МИД.
«Красный Архив», изд. Центрархива — Кр. Арх.
Материалы по истории франко-русских отношений, Москва 1922 г. — М.
Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии, изд. МИД, Петербург 1913 г. — Ор. кн.
Siebert, B. — Graf Benckendorffs Diplomatischer Schriftwechsel, Verlag von Walter de Gruyter u. C°, Berlin und Leipzig 1928—Siebert.
Stieve, Friedrich.—Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis—Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, Berlin 1925 — Stieve.
Un Livre Noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. Novembre 1910 — Juillet 1914, Librairie du Travail, Paris 1923 — L. N.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ АРХИВНЫХ ШИФРОВ

А. Вн. П. К. Б. К. сов. м. — Архив внутренней политики, культуры и быта. Канцелярия совета министров.
Блгрд[2]. — Дела российской миссии в Белграде.
Брлн. — Дела российского посольства в Берлине.
Вена[2]. — Дела российского посольства в Вене.
ВИА ГУГШ — Военно-исторический архив. Главное управление генерального штаба
II д-т[2]. — Второй департамент.
К. — Канцелярия министерства.
К. ст. — Китайский стол.
К-поль. — Дела российского посольства в Константинополе.
Лдн. — Дела российского посольства в Лондоне.
МИА МГШ — Морской исторический архив. Морской генеральный штаб.
ОПО Ватикан — Особый политический отдел. Ватиканский стол.
П. А. — Политический архив.
П. ст. — Персидский стол.
С. А. — Секретный архив министра.
Ср. Аз. ст. — Средне-азиатский стол.
Трактаты — Фонд трактатов.
Яп. ст. — Японский стол.

---

[1] О методах и приемах публикации, принятых в настоящем издании, см. серия III, т. I, стр. XXV—XXXII.
[2] Для XIX т.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

ТОМ XVIII

(14/1 мая 1911 г. — 13 ноября/31 октября 1911 г.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(14/1 мая 1911 г. — 13 сентября/31 августа 1911 г.)

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
37	24/11.V	Письмо	Бенкендорф — Нератову	К. 86	37
38	24/11.V	Письмо	Бенкендорф — Нератову	П. ст. 4464	41
		Приложение: Меморандум о беседе сэра Э. Грея с росс. послом		П. ст. 4148	44
39	24/11.V	Письмо	Извольский — Нератову	К. 105	45
40	24/11.V	Тел. № 38	Остен-Сакен — Нератову	К. 19	47
41	24/11.V	Тел.	Н. Гирс — Нератову	К. 132	47
42	24/11.V	Депеша № 39	Н. Гирс — Нератову	К. 131	48
43	24/11.V	Тел. № 283	Чарыков — Нератову	П. А. 1042	49
44	24/11.V	Письмо № 3572	Поливанов — Столыпину	П. А. 3646	49
45	24—22/11—9.V	Письмо № 275	Коковцов — Нератову	К. ст. 876	51
46	25/12.V	Тел. № 651	Нератов — Чарыкову	П. А. 2083	52
47	25/12.V	Тел. № 52	Извольский — Нератову	К. 104	53
48	25/12.V	Тел. № 53	Извольский — Нератову	К. 104	53
49	25/12.V	Тел. № 23	Долгорукий — Нератову	К. 110	53
50	25/12.V	Депеша № 18	Неклюдов — Нератову	П. А. 1347	54
51	25/12.V	Тел. № 79	Гартвиг — Нератову	К. 17	55
52	25/12.V	Тел. № 297	Чарыков — Нератову	К. 148	55
53	25/12.V	Тел. № 383	Поклевский — Нератову	К. 123	56
54	25/12.V	Тел. № 386	Поклевский — Нератову	К. 123	57
55	25/12.V	Тел. № 338	Коростовец — Нератову	К. 107	57
56	25/12.V	Депеша № 44	Малевский — Нератову	Яп. ст. 918	58
57	26/13.V	Тел. № 54	Извольский — Нератову	К. 104	59
58	26/13.V	Письмо	Остен-Сакен — Нератову	К. ст. 876	59
59	26/13.V	Тел. № 300	Чарыков — Нератову	П. А. 1042	60
60	26/13.V	Депеша № 45	Малевский — Нератову	Яп. ст. 918	61
61	27/14.V	Тел. № 659	Нератов — Чарыкову	П. А. 122	62
62	27/14.V	Тел. № 19	Н. Гирс — Нератову	К. 132	62
63	28/15.V	Письмо № 284	Коковцов — Нератову	К. ст. 876	63
64	30/17.V	Тел. № 669	Нератов — Неклюдову	П. А. 2255	64
65	30/17.V	Тел. № 670	Нератов — Гартвигу	П. А. 2251	65
66	30/17.V	Тел. № 103	Бенкендорф — Нератову	К. 84	65
67	30/17.V	Депеша № 58	Чарыков — Нератову	К. 31	66
68	30/17.V	Письмо № 2490	Столыпин — Нератову	К. ст. 1314	67
69	1.VI/19.V	Письмо № 391	Нератов — Бенкендорфу	Ср. Ав. ст. 966	68
70	1.VI/19.V	Письмо № 392	Нератов — Бенкендорфу	Лдн. 415	68
71	1.VI/19.V	Письмо № 630	Нератов — Коковцову	К. ст. 876	69
		Приложение: Справка, составленная в м-ве ин. дел		К. ст. 876	70
72	1.VI/19.V	Депеша № 17	Свербеев — Нератову	П. А. 328	71
73	1.VI/19.V	Тел. № 409	Поклевский — Нератову	К. 123	73
74	2.VI/20.V	Тел. № 108	Бенкендорф — Нератову	К. 84	73
75	2.VI/20.V	Тел. № 109	Бенкендорф — Нератову	К. 84	74
76	2.VI/20.V	Донесение № 21	Б. Арсеньев — Нератову	Ср. Ав. ст. 962	74
77	2.VI/20.V	Депеша № 20	Неклюдов — Нератову	П. А. 1347	75
78	2.VI/20.V	Депеша № 51	Коростовец — Нератову	К. ст. 134	76
79	3.VI/21.V	Письмо	Неклюдов — Нератову	П. А. 1347	78
80	4.VI/22.V	Тел. № 688	Нератов — Поклевскому	П. ст. 3006	79
81	4.VI/22.V	Запись, сделанная в м-ве ин. дел		К. ст. 876	79
82	4—3.VI/22—21.V	Письмо № 294	Коковцов — Столыпину	К. ст. 876	81
83	6.VI/24.V	Письмо № 411	Нератов — Поклевскому	П. ст. 4557	85
84	6.VI/24.V	Письмо	Бенкендорф — Нератову	К. ст. 876	86

ПРИЛОЖЕНИЯ К ТОМУ

№ 1. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову[1].

*/. Телеграмма № 46. 14/1 мая 1911 г.

Вчера состоялся совет министров, на котором решено, ввиду все ухудшающихся известий из Феца и просьбы султана Мулай-Гафида о помощи, ускорить движение французской колонны, которой предписано не останавливаться в пути и войти в столицу вместе с туземным отрядом. В появившемся вчера вечером официозном сообщении сказано, что занятие Феца французскими войсками продолжится лишь строго необходимое время.

Извольский.

№ 2. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 249. 14/1 мая 1911 г.

При обсуждении бюджета общественных работ великий визирь вчера заявил, что в силу уговора с Россией[2] Турции нельзя дать концессию на железные дороги в восточной части Малой Азии и что при равенстве условий русским капиталистам обеспечено преимущество. «Мы не можем построить на свои средства необходимые однако линии Ангора — Сивас, Самсун — Сивас, Сивас — Эрзингян — Эрзерум — Баязет, Сивас — Харпут, Трапезунд — Эрзерум. Мы ведем переговоры с некоторыми группами, чтобы найти деньги и сдать постройку». Проект с предпринимателями, т. е. с Ламорне[3], будет представлен парламенту осенью, ибо переговоры имеют решиться во время перерыва сессии. Дорога в Европейскую Турцию, в том числе линия Приштина — Скутари — Турецкая Гавань, входят в эти переговоры. Проект Честера[3] будет внесен завтра. Палата одобрила и правительство ассигновало 100 000 лир как временный кредит на постройку казенного Самсун-Сивасского участка.

Чарыков.

---

[1] Нератов был назначен временно управляющим м-вом ин. дел 18/5 марта 1911 г. ввиду продолжительной болезни Сазонова.

[2] По соглашению от марта 1900 г. турец. прав-во обязалось предоставить русским капиталистам сооружение железных дорог на побережье Черного моря, в случае, если оно признает желательным постройку этих железных дорог, но не будет строить их на средства турец. казны. Концессии на эти линии должны были быть предоставлены русским капиталистам на тех же основаниях, на которых постройка Багдадской ж. д. была предоставлена германскому Обществу Анатолийских железных дорог. Указанное соглашение не распространялось на участок от Адабазар до Гераклеи, а также на линии городов: Ангора, Кайсарие, Сивас, Харпут, Диарбекир и Ван.

[3] В «Записке о железных дорогах в Малой Азии», составленной в росс. м-ве финансов в апреле-мае 1911 г., имеются следующие сведения о проектах предпринимателей Ламорне и Честера. В марте 1911 г. Ламорне представил турец. прав-ву проект концессии на сооружение сети железных дорог: главной линии Самсун — Сивас с тремя дополнительными линиями: Сивас-Харпут, Сивас — Эрзингян — Эрзерум и Силе — Иозгад.

В 1910 г. американский предприниматель Честер обратился к турец. прав-ву с ходатайством о предоставлении ему концессии на сооружение следующих ж.-д. линий: а) от Сиваса до Вана через Харпут, Аргану, Диарбекир и Битлис; б) от какого-либо пункта линии (а) до Юмурталык или до Суэдиэ; в) от какого-либо пункта линии (а) до Сулеймание через Моссул и Керкук. При этом Честер требовал права на разработку минеральных богатств, находящихся в полосе по обе стороны полотна будущих железных дорог, шириной в 20 клм.

№ 3. Памятная записка английского посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

15/2 мая 1911 г.

His Britannic Majesty's Government have carefully considered, in consultation with the Government of India, the proposed trans-Persian railway project.

His Majesty's Government are ready to assent to it in principle and to agree to the initiation of negotiations between its promoters in England and in Russia subject to the following conditions:

1. The line shall enter the British sphere at Bundar-Abbas instead of at Kerman subject to reconsideration as the result of actual survey, and shall in any case join the Indian railway system at Karachi and not at Nushki.

2. There shall be a break of gauge at Bundar-Abbas, or wherever the line enters the British sphere of influence in Persia.

3. In return for the cooperation of Great Britain in the project, which examination has shown to be likely to benefit Russia far more than Great Britain or India, Russia shall pledge herself not to entertain or support, without coming to an understanding with Great Britain, any proposal for a line in the neighbourhood of the Perso-Afghan frontier within the Russian or neutral sphere in Persia.

4. Russia shall support demands made by Great Britain of the Persian Government for concessions of the following branch lines connected with the proposed trans-Persian railway:

a) from Mohammerah to Khorremabad with a branch to a port to be constructed at Khor Musa;

b) from Bundar-Abbas or Charbar via Regan and Bam to Kerman;

c) from Bushire via Aliabad to some point on a line

d) from Bundar-Abbas via Shiraz to Ahwaz.

5. The main line and those of the above branches which lie in the neutral sphere — i. e. a), c) and d) — shall be internationalised; but the branch which lies entirely in the British sphere — i. e. b) — shall be a purely British project.

6. Absolute equality of treatment in all respects shall be guaranteed to British and British-Indian trade passing over the line and its branches.

Перевод.

Правительство его величества внимательно рассмотрело совместно с правительством Индии предлагаемый проект Трансперсидской железной дороги.

Правительство его величества готово одобрить проект в принципе и выразить согласие на то, чтобы между заинтересованными в нем группами в Англии и России были начаты переговоры на следующих условиях:

1. Линия должна войти в сферу английского влияния у Бендер-Аббаса вместо Кермана, причем этот вопрос может быть пересмотрен в связи с результатами изысканий, и во всяком случае должна сомкнуться с индийской железнодорожной сетью у Карачи, а не у Нушки.

2. Ширина колеи будет изменена у Бендер-Аббаса или в каком-либо ином пункте, где линия войдет в английскую сферу влияния в Персии.

3. Взамен содействия Англии проекту, рассмотрение которого показало гораздо большую выгодность его для России, чем для Англии или Индии, Россия обязуется не рассматривать и не поддерживать без соглашения с Англией какого-либо предложения о постройке дороги вблизи персидско-афганской границы, в пределах русской или нейтральной зоны в Персии.

4. Россия поддержит обращение Англии к персидскому правительству о предоставлении концессий на следующие ветки, связанные с предполагаемой Трансперсидской железной дорогой:

а) от Мохаммеры до Хоремабада с веткой к порту, имеющему быть построенным в Хор-Муса;

б) от Бендер-Аббаса или Чахбара через Реган и Бам до Кермана;

с) от Бушира через Алиабад к какому-нибудь пункту на линии

д) от Бендер-Аббаса через Шираз до Ахваза.

5. Главная линия и те из вышеуказанных веток, которые лежат в нейтральной зоне, т. е. а), с) и д) — будут интернационализованы; но ветка, которая лежит внутри британской зоны, т. е. б), будет только британским сооружением.

6. Английской и англо-индийской торговле будет гарантировано полное равенство условий во всех отношениях на основной линии и ее ответвлениях.

№ 4. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине Коростовцу.

*/. Телеграмма № 598 [1]. 15/2 мая 1911 г.

Сообщена послу в Токио.

№ 303 [2] получен.

Мы опровергли официальными сообщениями в печати переданные и в здешние газеты слухи о переговорах между Россией и Японией относительно более активной политики в Китае, указав, что задачами нашей дальневосточной политики являются сохранение status quo и поддержание дружественных отношений с Китаем.

Вы могли бы сделать сходное опровержение в местной печати.

[Нератов.]

№ 5. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

*/. Телеграмма № 610 [3]. 15/2 мая 1911 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 242 [4].

Из разговора с германским послом заключаю, что отказ Германии от линии Багдад — Залив еще не решен, хотя бы и условно [5]. Окончательное направление дело получит лишь по выяснении некоторых связанных с ним вопросов, интересующих германское правительство. Нам желательно возможно точнее определить, какая непосредственная связь существует между концессией Александретты и вопросом об участии Германии в деле Багдад — Залив и зависит ли осуществление первой от второго.

Нератов.

№ 6. Поверенный в делах [6] в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 15/2 мая 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Секретной телеграммой от [11 мая] 28 апреля, № 32 [7], я имел честь довести до сведения вашего превосходительства, что дополнительные объяснения г. Тошева, болгарского посланника в Белграде, вполне подтвердили те положения, которые были высказаны г. Миловановичем о желательных условиях болгаро-сербской дружбы и дальнейшей общности действий этих двух соседних держав.

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 11 мая/28 апр. за № 303 Коростовец доносил: «Здешняя официозная газета печатает специальную телеграмму из Токио, сообщающую, что «между Россией и Японией ведутся переговоры об оборонительном и наступательном союзе на почве манчжурского вопроса».

[3] Лит. копия. Опубл. Siebert, II, S. 92, N 399.

[4] Тел. от 11 мая/28 апр. за № 229 Чарыков сообщал, что англ. прав-во еще не дало ответа на турец. предложение об интернационализации железной дороги Багдад — Залив. По словам англ. и франц. послов в К-поле, Лоутера и Бомпара, Германия оставила за собой право иметь в этом предприятии долю не меньшую, чем какая-либо другая держава, и выговорила себе концессию на железную дорогу и порт Александретта при заключении Турцией в 1910 г. займа на берлинском и венском рынках.

Тел. от 12 мая/29 апр. за № 242 Чарыков сообщил дополнительно: «По достоверным сведениям, соглашения по всем упомянутым вопросам оформлены письменно, как части единого уговора».

[5] У Siebert'а слова «хотя бы и условно» опущены.

[6] 22/9 марта росс. посланник в Софии Неклюдов выехал в Париж, сдав управление миссией Урусову.

[7] В тел. от 26/13 апр. за № 27 Урусов сообщал, со слов болг. премьер-м-ра и м-ра ин. дел Гешова, что серб. м-р ин. дел Милованович сделал предложение болг. посланнику в Белграде Тошеву о совместных действиях Болгарии и Сербии, направленных к разделу Македонии. Милованович указывал, что если Болгария и Сербия договорятся по этому вопросу, то он считает настоящий момент «достаточно благоприятным, чтобы, поддержав восстание

Относясь с полным доверием как к политическим верованиям, непрестанно высказываемым сербскими деятелями, так и к искренней их преданности России, я, по необходимости, должен притти к заключению, что упрек, сделанный г. Миловановичем по адресу г. Гешова, почему мне было сообщено последним все содержание конфиденциальной беседы, является доказательством, что существуют ходы сербской политики, которые признано желательным скрыть от с.-петербургского кабинета.

Не могу не привлечь внимания вашего превосходительства на то соображение, что центром тяжести обсуждаемого инцидента является вовсе не признание настоящего политического момента благоприятным для немедленного приступа, по достижении болгаро-сербского соглашения, к активным действиям, — о чем упоминается в телеграмме моей № 27 и против какового суждения, ему приписанного, протестовал г. Милованович, — а тот факт, что к столь важному решению, неисчислимому по своим последствиям, г. Милованович хотел притти без ведома России, помимо воли России.

Непризнанная теперь благоприятной политическая конъюнктура может быть признана балканскими политическими деятелями таковой через некоторое более или менее продолжительное время и, следовательно, тогда повлечет за собой соответствующее выступление. Я позволю себе усмотреть опасность подобного самостоятельного от России образа действий, возможную не только со стороны Сербии и Черногории, но и Болгарии, политические деятели коей, ныне стоящие у власти, благонамеренны не менее г. Миловановича, но они, как всякое правительство, являются не единственными факторами политической жизни страны, которая могла бы, при известных условиях, принять на свой страх и риск решение выступить самолично и без предварительного уговора с с.-петербургским кабинетом в критический момент на Балканах. За время недолгого моего пребывания в Софии мне уже приходилось слышать суждения о том,

---

в Македонии, воспользоваться создающимся положением, объявить войну Турции и таким образом окончательно разрешить восточный вопрос». Милованович отмечал, что это предложение «должно оставаться тайным для Греции и Черногории, только России может быть кое-что сообщено». По словам Урусова, «Гешов находится в большом затруднении, какой ответ дать на подобное предложение, безмерно удивившее и короля и весь кабинет».

Тел. от 29/16 апр. за № 59 Гартвиг передавал о своей беседе с Миловановичем: «По словам Миловановича, строго говоря, он не делал никаких предложений, а вступил с Тошевым в принципиальный обмен взглядов относительно возможных условий сербско-болгарского соглашения. Условия эти касались главным образом полюбовного раздела сфер влияний в Македонии. Сербы, как известно императорскому министерству из моих донесений, готовы пойти на большие уступки. По окончании беседы Тошев спросил: «Что же, по заключению соглашения мы должны по вашему мнению продолжать выжидательную политику или постараться вызвать события, дабы использовать договор?» На что Милованович ответил: «Соглашение должно предвидеть всякие случайности. Все будет зависеть от положения дела на Балканах. Возможно наступление и такого момента, когда вынуждены будем ускорить события». Наконец, на вопрос Тошева: «Не следует ли привлечь к переговорам Черногорию и Грецию», Милованович ответил: «Сначала необходимо нам самим договориться до каких-либо определенных условий соглашения, а затем можно посвятить в это и другие государства». Такова сущность беседы между Миловановичем и Тошевым. Если последний придал ей форму «предложения», указав и на благоприятный политический момент, то сделал он это несомненно не по злому умыслу, а имел в виду, в качестве ярого сторонника сербо-болгарского соглашения, возбудить в Софии интерес к этому делу, которое, по его мнению, стоит на точке замерзания».

В тел. от 11 мая/28 апр. за № 32 Урусов сообщал: «Тошев вновь беседовал с Миловановичем, причем читал ему выдержки из донесений своих к Гешову, в которых говорил о соглашении Сербии с Болгарией в целях своевременного поднятия восстания в Македонии и объявления Турции войны. Милованович, — сообщал далее Урусов, — признал правильной передачу беседы, причем выразил сожаление, что содержание ее, как он убедился из разговоров с Гартвигом, было полностью передано мне, и он говорил о возможности сообщить России кое-что, а Гешов сообщил все. Далее Тошев передает, что Милованович чувствует себя в настоящее время в крайне неловком положении, ибо не пользуясь вообще, как он сам то полагает, расположением Петербурга, он скомпрометировал себя тем, что отказался от общности действий с Черногорией, а вслед за тем держал с Болгарией совершенно иной язык». Урусов сообщал также, что Гешов, считая необходимым прежде всего «установить болгаро-турецкие отношения», намерен все же довести до благополучного разрешения вопрос «дружбы с Сербией». В заключение Урусов передавал: «Милоевич мне только-что сообщил, что весь инцидент считается им и Гешовым улаженным».

что Россия, будто бы, не принимает во внимание желания и стремления балканских славянских держав и преследует достижение только своих державных целей. Если до сих пор державы эти не уклонялись от политических предначертаний России, то причиной этому могла служить именно общая неблагоприятная конъюнктура для самостоятельных и ответственных выступлений, а также и то соображение, что до сих пор Сербия, Черногория и Болгария не бывали в одинаковой степени заинтересованы в развивавшихся на полуострове событиях; наконец, не было и прочного соглашения между Болгарией и Сербией.

Нынешнее выступление г. Миловановича старается восполнить этот существенный пробел, и дальнейшее его предложение о совместных с Болгарией действиях против Турции и явится той постоянной угрозой русским видам на второстепенную и подчиненную роль балканских славянских держав, против каковой наиболее действительным средством была бы решимость России взять в свои властные руки переговоры о политическом сближении Сербии с Болгарией: ибо болгаро-сербская дружба, учиненная в С.-Петербурге, может быть обоснована на таких прочных и обоюдно-удовлетворяющих принципах, что ни той ни другой державе не будет выгодно вызвать, без ведома России, какие-либо осложнения, с риском потерять расположение России и связанное с ним, заранее обусловленное и выговоренное, облегченное удовлетворение национальных вожделений.

Можно предположить, что одним из рассуждений, позволяющих делать рискованные во внешней политике опыты, подобно предложениям Черногории и Сербии [1], является убеждение, что Россия едва ли придет к решимости вновь начать войну из-за балканских затруднений; но вместе с тем, прекрасно понимая, что Россия на Ближнем Востоке имеет неистребимые великодержавные, исторические интересы, здешние политики учитывают то обстоятельство, что Россия от славянской политики никогда не сможет отказаться и не откажется и от защиты и поддержки своих славянских аванпостов на Балканах. Таким образом Россия неизбежно, в силу своих интересов, будет вовлечена в войну, начатую помимо ее желания славянскими державами. Если же последним ждать доброй воли России приступить к разрешению восточного вопроса, то пройдет много времени и будет упущено много благоприятных случаев заварить, с крупной надеждой на успех, балканскую кашу, — а терпение не есть качество юных славянских держав, где, по выражению гофмейстера Гартвига, жизнь бьет ключом.

Эта же личная заинтересованность России в балканских делах и некоторым образом дает смелость к настоящим выступлениям Черногории и Сербии, ибо следствием такого положения вещей является безнаказанность: если королю Николаю можно было пригрозить прекратить выдачу пособий, то относительно Сербии и подобной меры нельзя предпринять.

Одним из главных аргументов г. Миловановича, при объяснении гофмейстеру Гартвигу сущности своей беседы с г. Тошевым, является указание на то отрицательное отношение, которое встретила у белградского кабинета предложенная королем Николаем общность действий в Албании, каковое отношение как бы исключает возможность предложения Болгарии со стороны Сербии общности действий в Македонии. Привлекая внимание вашего превосходительства на то обстоятельство, что и король Николай тщательно советовал сербскому посланнику скрыть делаемое им предложение от России, не могу не высказать мнения, что ссылка г. Миловановича на отказ свой Черногории не является убедительной по отношению к обсуждаемому ныне инциденту.

---

[1] Деп. от 27/14 янв. за № 3 поверенный в делах в Цетинье Обнорский сообщал Сазонову, что король Николай и б. военный м-р Черногории Мартинович ведут переговоры с серб. посланником Петковичем «о совместных действиях в случае возможных осложнений на Балканском полуострове». В результате этих переговоров Петкович, по предложению короля Николая, послал в Белград тел. с предложением «прислать в Цетинье доверенное компетентное лицо для выработки вместе с черногорским правительством оснований такого рода соглашения». Серб. прав-во, как указывал далее Обнорский, считая неудобным послать своего представителя в Черногорию, предложило последней командировать со своей стороны доверенное лицо для переговоров в Венецию, «где король Петр со свитой будет в начале февраля с. г. по новому стилю».

Черногорское предложение имело, по моему скромному мнению, с точки зрения интересов Сербии две неудовлетворительные стороны: 1) предложение исходило от слабой Черногории, могущей служить подспорьем для удачи данной затее, но не могущей быть центром столь крупного и чреватого последствиями предприятия; 2) дело касалось Албании, т. е. местности, где имеются сербские интересы, но и в которой переплетаются непосредственные интересы Италии и Австрии, причем последняя является угрозой существования Сербии не только в смутное, но и в мирное время. Впутавшись вдвоем с Черногорией в подобное предприятие, Сербия рисковала[1] окончательно скомпрометировать свое международное и без того достаточно шаткое положение, а вместе с тем конечная прибыль от затеваемой смуты была бы более чем призрачной и сомнительной.

Отказ от черногорского предложения является таким же естественным, как и сербское предложение Болгарии, ибо здесь речь идет о Македонии, которая с давних пор служит объектом небезосновательных национальных вожделений Сербии, — и предложение делается Болгарии, т. е. самодовлеющей силе, союз с которой является действительным средством достичь, при общности работы, каких-нибудь реальных результатов. Кроме того, нельзя упускать из виду, что, зная о готовности Черногории к активному выступлению, Сербия, делая свое предложение Болгарии, как бы рассчитывала на союз всех трех славянских держав, каковое соображение несомненно сыграло известную роль в настоящем инциденте.

Заканчивая это письмо, считаю долгом упомянуть, что, как я мог заключить из слов г. Гешова, вслед за разговором с г. Миловановичем, г. Тошев имел беседу в том же духе с г. Пашичем[2].

Как я имел уже честь телеграфировать, инцидент этот считается гг. Гешовым и Милоевичем, здешним сербским поверенным в делах, выясненным и улаженным[3], что можно только приветствовать с точки зрения возможности установления в недалеком, можно надеяться, будущем дружеских и прочных болгаро-сербских отношений согласно видам России.

Примите и пр.

Кн. Урусов.

№ 7. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 43. 15/2 мая 1911 г.

За последние два дня происходили близ черногорской границы в 15 верстах от Подгорицы ожесточенные битвы между турецкими войсками и албанскими инсургентами, укрепившимися на горе Дечич. По слухам турки имели решительный успех[4].

Арсеньев.

№ 8. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Лондоне, Париже и Риме — Бенкендорфу, Извольскому и Долгорукому.

⁄. Телеграмма № 611[5]. 16/3 мая 1911 г.

Возбуждение турецким правительством вопроса о посылке на Крит кадиев и ассигнование на этот предмет особого кредита служит поводом возбуждения умов на острове и может создать нежелательные осложнения[6].

---

[1] Так в оригинале.
[2] Серб. премьер-министр.
[3] Имеется в виду тел. от 11 мая/28 апр. за № 32 (см. стр. 3, прим. 7).
[4] Тел. от 16/3 мая за № 44 С. Арсеньев сообщал Нератову, что турки взяли высоты Дечича, занятые албанскими повстанцами. «Повстанцы, — сообщал далее Арсеньев, — разбежались по разным направлениям. Часть их, преследуемая турецкими войсками, пытается прорваться в Черногорию».
[5] Лит. копия.
[6] Тел. от 13 мая/30 апр. за № 247 Чарыков сообщал, что «Причиной возбуждения турецким правительством вопроса о критских кадиях явились настояния некоторых депутатов из

Чарыков предлагает передать вопрос этот на обсуждение четырех драгоманов посольств с представителем Порты.

Имея в виду, что дело это, помимо политического момента, имеет специально религиозную сторону, мы были бы готовы принять предложение Чарыкова, в случае если державы-покровительницы изъявят свое согласие.

Благоволите объясниться по сему поводу с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать [1].

Нератов.

№ 9. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 345 [2]. 16/3 мая 1911 г.

Получил письма №№ 234 [3] и 241 [4].

Единственной легко осуществимой в настоящую минуту финансовой операцией для Персии является конверсия ею долга нашему банку на условиях, на коих таковая же операция предоставлена Шахиншахскому банку. При этом, по единовременной выплате всей задолженности нашему банку в пользу шахского правительства должны остаться около 9 миллионов рублей. Необходимо однако, чтобы Персия непосредственно к нам обратилась с просьбой о выпуске такого займа или о содействии к его осуществлению, и едва ли можно сомневаться, что при нынешнем регенте и кабинете она так и поступит. Самым выгодным для наших здешних интересов было бы помещение этого займа в России, как например в ссудо-сберегательные кассы; если это неосуществимо, то мне кажется, что нам следовало бы обратиться за помощью французского рынка. В вопросах персидской политики Франция до сих пор во всем следовала нашим указаниям, отказывалась от всяких денежных ссуд, и она наверно была бы обижена, если бы для первой финансовой операции в Персии мы обратились бы к содействию не

мусульманского духовенства на обеспечении духовных и юридических нужд критских мусульман, страдающих от отсутствия кадиев. В видах этих палата депутатов приняла 21 апреля дополнительный кредит к смете шейх-уль-исламата в 2 300 турецких лир на жалование и прочие расходы трех кадиев для острова».

[1] Тел. от 17/4 мая за № 96 Бенкендорф ответил: «Никольсон мне сказал, что поскольку английское предложение было вчера отправлено в Петербург, Париж и Рим, ему кажется предпочтительным выждать ответ на это выступление и держать предложение Чарыкова в резерве». Как сообщал Бенкендорф, Никольсон лично «не симпатизирует идее вмешательства драгоманов в такие дела», которые до того времени разрешались непосредственно тремя кабинетами. Тел. от 20/7 мая за № 50 Извольский ответил, что Круппи «склоняется в пользу английского предложения, чтобы за отсутствием верховного комиссара державы-покровительницы сами выбрали кадиев из списка, составленного шейхом-уль-исламом». Тел. от 21/8 мая за № 22 Долгорукий ответил, что итал. прав-вом «предложение Чарыкова, вследствие отказа Франции, отвергнуто».

[2] Опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 132, с сокращениями.

[3] При письме от 31/18 марта за № 234 первый департамент м-ва ин. дел препроводил в тегеранскую миссию переписку «по поводу намерения банкирского дома «Seligman Brothers» выпустить на лондонском рынке персидский заем в 6—7 млн. ф. ст.».

[4] Письмом от 4 апр./22 марта за № 241 (копии Бенкендорфу и Коковцову) Нератов сообщил Поклевскому, что его посетили банкир Зелигман и его доверенный Беддос. Они заявили о своем намерении выпустить персидский заем на 30 млн. руб. под обеспечение земельной подати и остатков от таможенных доходов. Зелигман заверял Нератова, что он намерен действовать в этом деле в полном согласии с Россией и Англией и что часть выручки с займа будет употреблена на погашение части долгов Шахиншахскому и Учетно-ссудному банку в Персии. Нератов считал недопустимым полный выкуп персами своих обязательств России и Англии «ввиду того преобладающего значения и права голоса во всех персидских делах, которые вытекают из того факта, что мы являемся главными кредиторами этой страны и притом на столь значительные суммы». В заключение Нератов писал: «Самая суть вопроса, на мой взгляд, заключается в том, чтобы шахское правительство прониклось убеждением, что помимо России и Англии оно не в состоянии заключить какого бы то ни было займа и чтобы оно непременно обратилось к обеим державам с просьбой о посредничестве в этом деле. Я продолжаю при этом думать, что на этой почве нам удобнее всего будет основать некоторые наши требования, в том числе, в особенности, требование необходимых нам железнодорожных концессий».

французской фирмы. Лишь в случае отказа Франции, заем мог бы быть поручен Зелигману и то под непременным условием, чтобы все доходы северных таможен продолжали поступать в наш банк. В частности дом Зелигмана не внушает особенного доверия, и попытка войти с ним в близкие сношения может кончиться разными разоблачениями в английской радикальной прессе и запросами в английском парламенте, как то уже имело место по отношению к английскому правительству, вследствие неудавшейся в прошлом году попытки этого дома заключить здесь заем. Здешний представитель Зелигмана, Мур, сообщает мне, что полковник Беддос приезжает сюда, и что императорское правительство будто уже выразило согласие на предоставление ему конверсионного займа. Если это верно, то ввиду отсутствия других возможных финансовых комбинаций, я предполагал бы сосредоточить мои разговоры с вышеупомянутым лицом на этой операции. Если же подобного обещания дано не было, то могу ли я ему заявить, что Учетно-ссудный банк желает сохранить за собой устройство этого займа, и что никакие другие финансовые операции нежелательны, пока Персия не улучшит своей администрации и не установит надлежащих мер контроля для предупреждения расхищения денег.

Прошу указаний спешно.

Поклевский.

№ 10. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 347. 16/3 мая 1911 г.

Регент сообщил мне вчера, что из Одессы прибыли в Гюмиш-Тепе два агента бывшего шаха, один европеец, а другой русский подданный — туркмен. Оба будто бы занимаются агитацией среди туркмен, и регент просит миссию принять зависящие меры против них. Поручил Иванову [1] проверить эти сведения и запросил его о возможности, в случае надобности, задержания этих лиц в Гюмиш-Тепе.

Поклевский.

№ 11. Посол в Токио временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 108. 16/3 мая 1911 г.

Получил телеграммы №№ 518 [2], 591 [3], от [10 мая] 27 апреля [4] и 590 [5].

---

[1] Росс. консул в Астрабаде.

[2] Тел. от 29/16 апр. за № 518 Нератов известил Малевского о своей беседе с япон. послом в Петербурге Мотоно. «Я указал ему, — передавал Нератов, — на опасения, которые внушает нам усиленное внимание, обращаемое китайским правительством на Манчжурию и выражающееся в ее колонизации, в заключении иностранного займа на ее нужды и в особенности в усилении китайских войск в Манчжурии». При этом Нератов отмечал опасность, угрожавшую русским железнодорожным линиям в Манчжурии со стороны китайских войск. Мотоно возразил, что «по его сведениям, китайские войска в Манчжурии ни по качеству, ни по количеству не представляют опасности; он считает невозможным, чтобы китайцы решились напасть на нас или на японцев. Опасность он видит со стороны американцев, флот которых с окончанием Панамского канала будет настолько силен в Тихом океане, что японский флот, достаточный для обороны против него, будет не в силах вести наступательные операции. По мнению посла, России и Японии следует сговориться и обеспечить свое положение в Китае ранее наступления этого срока».

[3] В тел. от 11 мая/28 апр. за № 591 Нератов поручал Малевскому в объяснениях с япон. м-ром ин. дел «ближе подойти к интересующему нас делу совместного с Японией ограждения status quo в Манчжурии от нарушающих его привлечения в эту область международных капиталов и развития в ней китайских вооружений».

[4] Повидимому, имеется в виду тел. Нератова от 10 мая/27 апр. за № 578, содержание которой в основном изложено в депеше Малевского от 17/4 мая за № 44 (см. № 16).

[5] Тел. от 11 мая/28 апр. за № 590 (опубл. Stieve, I, S. 92, N 69), которая была передана в Лондон, Токио и Пекин, Нератов известил Извольского о сделанном ему франц. поверенным в делах Панафье сообщении, что кит. прав-во обратилось с просьбой к четверному синдикату немедленно же выдать ему аванс в 400 000 ф. ст. в счет займа в 10 млн. ф. ст., предварительный контракт на который был незадолго до этого подписан. Нератов ответил, что выдача аванса не встретит возражений России только в том случае, «если бы китайское прави-

Сегодня маркиз Комура [1], внимательно выслушав доводы, изложенные в этих телеграммах, с еще большей определенностью сказал мне, что Япония не считает в настоящее время возможным отклониться от своей политики выжидательного наблюдения по отношению к Китаю. Он не видит способа привлечь китайское правительство к тройственному с нами соглашению по вопросу о status quo в Манчжурии, пока Китай не вернет нам своего доверия. А до тех пор всякое совместное выступление наше, даже в самом благожелательном для Китая смысле, будет встречено там подозрительно и не только не улучшит, а скорее ухудшит положение. Будущее покажет, возможно ли осуществить намечаемый нами план путем ли устройства новых займов для Китая или участия России и Японии в нынешнем займе четырех держав. Воспрепятствовать последнему нет никакой возможности, тем более, что он уже утвержден регентом. Министр полагает, что наиболее полезно для обеих держав оставаться в выжидательном положении, тщательно наблюдая за ходом дел в Манчжурии. Дальнейшее развитие последних определит обоюдное отношение их к манчжурскому вопросу. По сведениям японского министра, полученным 15 апреля, имеется условие о немедленной выдаче аванса в 1 000 000 ф. Комура думает, что 400 000, о коих запрашивал Панафье, входят в эту условленную сумму аванса.

Малевский.

№ 12. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 47. 17/4 мая 1911 г.

Получил телеграммы №№ 590 [2] и 593 [3].

Сделал предписанное сообщение Круппи [4], который обещал вскоре дать ответ. По этому поводу Круппи сказал, что заинтересованные французские финансисты указывают, что, если бы вследствие возражений России французское правительство отказало в котировке китайского займа, сказанный заем может состояться без участия Франции. Дабы предотвратить эту опасность, здесь возникла мысль побудить Россию принять участие в синдикате. На вопрос Круппи, думаю ли я, что императорское правительство согласится на подобную комбинацию, я ответил, что не имею на этот счет никаких указаний, но лично полагаю, что Россия, в свое время отказавшаяся участвовать в синдикате, вряд ли имеет ныне какие-либо основания переменить свой взгляд на это дело. Прошу инструкций на случай, если Круппи вернется к этой мысли.

Извольский.

тельство обязалось не считать этот факт предрешающим вопрос о самом займе и покрыть авансированную сумму из какого-либо другого источника в случае неутверждения контракта». Что же касается самого займа, то Нератов заявил Панафье, что его интересуют как назначение, так и гарантии займа, так как, по имеющимся у него сведениям, часть его предположено израсходовать на нужды Манчжурии, где у России имеются «важные специальные интересы», а гарантиями его будут служить некоторые доходы Манчжурии. Нератов поручал Извольскому просить франц. прав-во ознакомить его с условиями займа, сославшись на заявление франц. прав-ва от 13 марта/28 февр. (Имеется в виду пам. записка, переданная франц. м-вом ин. дел Извольскому. В этой пам. записке указано, что «правительство республики примет участие лишь в такой операции, которая будет считаться с законными интересами союзных и дружественных ему держав».)

[1] Япон. м-р ин. дел.

[2] См. стр. 8, прим. 5.

[3] В тел. от 11 мая/28 апр. за № 593 (опубл. Stieve, I, S. 99, N 73) Нератов уточнил свою тел. за № 590, указав, что он просит ознакомить его не с контрактом на заем, а с «программой промышленных предприятий в Манчжурии, на которые предназначена часть этого займа».

[4] М-р ин. дел в м-ве Мониса.

№ 13. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 46. 17/4 мая 1911 г.

Копия Чарыкову.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 44 [1].

На сделанное турецким посланником заявление, что в случае, если при преследовании албанских повстанцев, переходящих черногорскую границу, турецкие пули попадут на черногорскую территорию, Черногория не должна считать такой образ действий враждебным актом со стороны Турции, черногорский министр иностранных дел ответил нотой, что, принимая к сведению это заявление, королевское правительство тем не менее, ввиду воинственного настроения черногорцев, не может ручаться, что такой образ действий турок не подаст повода к вооруженному конфликту. Ввиду вновь обострившихся отношений между Черногорией и Турцией мне представляется крайне необходимым, чтобы Торгут-паше [2] было дано категорическое предписание при преследовании повстанцев всемерно избегать стрельбы по черногорской территории, дабы не дать черногорскому правительству повода заявить, что оно вызвано турками на оборонительную войну [3].

Арсеньев.

Верно.

Царское Село, [19] 6 мая 1911 г.

№ 14. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 264 [4]. 17/4 мая 1911 г.

Представляю за № 265 [5] текст сообщения Порты великобританскому и французскому послам о германском отказе от линии Багдад—Залив. Подлинный текст декларации послам неизвестен. Оба считают декларацию умышленно неясной и, подобно всем германским соглашениям с Портой, убыточной для последней, чему обычно способствуют взятки. Концессия же Александрийской ветки и гавани бесповоротна, и ее осуществление нисколько не зависит от участия Германии в деле Багдад — Залив. Великобританское правительство все еще не ответило.

Чарыков.

№ 15. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 265 [6]. 17/4 мая 1911 г.

«8 mars 1911. Déclaration. La compagnie de Bagdad est prête à se désister de sa concession de 400 à 500 kilomètres de chemin de fer à partir du Golfe Persique ainsi qu'à sa concession d'un port à Bassorah et dans le Golfe Persique en faveur d'une nouvelle compagnie ottomane dans laquelle la compagnie de Bagdad consent à être en minorité vis-à-vis du capital ottoman. Néanmoins elle tient à ce que sa

[1] См. стр. 6, прим. 4.
[2] Начальник военных сил по борьбе с малиссорами.
[3] Тел. от 20/7 мая за № 48 С. Арсеньев сообщал Нератову, что росс. воен. агент в Черногории Потапов представил ему документальные доказательства того, что черног. прав-во снабжало оружием албанских повстанцев. «Сербский посланник сказал мне, — передавал далее Арсеньев, — что генерал Мартинович, глава военной партии и интимный советчик короля, сообщил ему, что король решил вызвать турок на объявление войны Черногории в уверенности, что тогда Россия все-таки должна будет поддержать Черногорию».
[4] Опубл. Siebert, II, S. 92, N 400.
[5] См. № 15.
[6] Опубл. Siebert, II, S. 93, N 401.

participation soit égale à celle du capital d'une nation tierce non ottomane. En même temps la compagnie de Bagdad se réserve de s'entendre avec la nouvelle compagnie ou avec l'Etat ottoman pour demander une compensation pour la perte subie par elle par suite de sa renonciation aux 500 kilomètres plus haut mentionnés et dont la construction est plus facile et moins coûteuse que le restant de la ligne de Bagdad». Ce texte fut communiqué aux deux ambassades le 24/11 mars. Dans l'exemplaire remis à Lowther les mots «est prête à se désister» sont changés par Rifaat-Pacha [1] en «se désiste» et le mot «compensation» remplace le mot «indemnité» qui est effacé [2]. Les ambassadeurs ne s'expliquent pas ces variations.

Tcharykow.

Перевод:

«8 марта 1911 года. Декларация. Компания Багдадской дороги готова отказаться от концессии на 400—500 километров железной дороги, начиная от Персидского залива, а также от концессии на постройку порта в Басре и в Персидском заливе в пользу новой турецкой компании, в которой компания Багдадской дороги соглашается иметь меньшую долю по сравнению с турецким капиталом. Тем не менее она желает, чтобы ее участие было равно участию третьей нации, не турецкой. В то же время компания Багдадской дороги оставляет за собой право договориться с новой компанией или с оттоманским государством с целью потребовать компенсацию за убытки, причиняемые ей ее отказом от вышеупомянутых 500 километров, сооружение которых легче и дешевле, чем остальная часть Багдадской линии». Этот текст был сообщен обоим посольствам 24/11 марта. В том экземпляре, который был передан Лоутеру, слова «готова отказаться» заменены Рифаат-пашой словом «отказывается», а слово «компенсация» поставлено вместо зачеркнутого «возмещение». Послы не уясняют себе этих изменений.

Чарыков.

№ 16. Посол в Токио временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 44. 17/4 мая 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к моим телеграммам за №№ 96, 101 [3] и 108 [4] считаю долгом сообщить вашему превосходительству некоторые подробности моих объяснений с маркизом Комура по манчжурским делам, чтобы ближе осветить отношение японского правительства к вопросу оживления китайской деятельности в сфере нашего влияния в Манчжурии.

Предметом первой моей беседы с Комура [4 мая] 21 апреля были соображения, изложенные в телеграмме вашей № 518 [5], касающиеся главным образом опасности для железнодорожных линий наших в Манчжурии от усиления китайских войск.

---

[1] Турец. м-р ин. дел.

[2] В деп. от 18/5 мая за № 55 Чарыков, повторяя сообщение, сделанное в публикуемой тел., писал, что исправления были сделаны самим Рифаат-пашой и что Бомпар и Лоутер не знают, какой из двух редакций следует верить. «Однако, — писал Чарыков, — в обоих случаях германское правительство имеет, повидимому, основание считать свой отказ от линии Багдад — Залив еще не решенным, хотя бы и условно». «По мнению обоих моих сослуживцев, — сообщал Чарыков, — с германской стороны проявлена в деле обычная бесцеремонность по отношению к Турции, в соединении с беззастенчивой эксплоатацией слабости и корыстолюбия турецких государственных деятелей в ущерб интересам их отечества и на пользу выгодам Германии. Подобное отношение германцев к туркам здесь известно, но лишь недавно начали раздаваться в парламенте некоторые робкие голоса, преимущественно оппозиционных депутатов, указывающих на различные злоупотребления германской Анатолийской и Багдадской железных дорог и на тяжесть германской экономической эксплоатации».

[3] Тел. от 6 мая/23 апр. за № 96 и тел. от 12 мая/29 апр. за № 101 в основном изложены в публикуемом документе.

[4] См. № 11.

[5] См. стр. 8, прим. 2.

Не придавая моему заявлению характера конкретного предложения, я постарался выведать взгляд министра на мысль взаимного между Россией, Японией и Китаем соглашения относительно дислокации и количества китайских войск в районах Китайской Восточной и Южно-Манчжурской железных дорог. Маркиз Комура ответил мне, что получил от барона Мотоно письмо, в котором имеется намек на подобное соглашение, и передал это письмо князю Кацура [1] на прочтение. Со своей стороны, он, министр, предписал в свое время японским консулам в Харбине, Чанчуне и Цицикаре следить за военной деятельностью китайцев в Манчжурии, но никаких тревожных сведений от них не получал. Также и в Южной Манчжурии особого увеличения китайских войск не замечается, и поэтому японское правительство не намерено посылать туда подкреплений железнодорожной охраны. Он уверен также, что Китай в настоящее время не решится предпринять что-либо против России или Японии и считает невероятной попытку китайцев разрушить железнодорожную линию. Не говоря о технической трудности такого предприятия, если речь не идет о снятии нескольких рельсов, перерыв мирового сообщения Азии с Европой возбудит против Китая все европейские государства и лишит его моральной и финансовой поддержки, в которых он так нуждается. Этого не может не сознавать китайское правительство. Он, маркиз Комура, думает, что обе державы — Россия и Япония — должны пока оставаться в выжидательном положении, не предпринимая ничего относительно Китая, чтобы не побудить китайское правительство к каким-либо действиям, направленным к поддержанию собственного престижа в стране. «Let them alone» [2] — вот лучшая для нас политика в Китае, заметил министр, повторив, что в этом заключается и сущность его инструкций Иджуину [3], которому предписано «to be quiet» [4]. Это не мешает нам однако, прибавил маркиз, тщательно наблюдать (carefully watch) за всем, что делается китайцами в Манчжурии, и, в случае действительной опасности, согласиться на совместные меры в защиту наших интересов.

Второе мое объяснение с Комура [11 мая] 28 апреля, вызванное телеграммой вашей от [10 мая] 27 того же месяца [5], касалось займа четырех держав, вмешательства последних в манчжурские дела при посредстве гарантий займа и необходимости, в ограждение обоюдных преимущественных интересов России и Японии в Манчжурии, привлечь Китай к тройственному с нами соглашению для охраны там status quo. Развивая перед министром план подобного тройственного соглашения путем финансирования Китая займами, от участия в коих были бы устранены враждебные нашему положению в Манчжурии элементы, я, между прочими доводами, указывал на то соображение, что участие Франции и Англии в группе четырех держав не гарантирует нас от попытки китайцев осуществить проект железнодорожного строительства в Манчжурии в противность интересам наших линий. В самом деле, по уговору банкиров каждой национальной группе предоставлено право не участвовать в предприятии, которому она не сочувствует. Стало быть, германо-американская группа может согласиться на финансирование такого дела в Манчжурии, на которое ни английская, ни французская не пойдут. Замечание это, повидимому, произвело впечатление на министра, и самый план привлечения Китая в тройственное с нами и Японией соглашение не встретил с его стороны принципиальных возражений. Признавая его весьма серьезным и обещая всесторонне его обдумать, маркиз Комура однако тут же заметил, что привлечение Китая к совместной политической с нами программе в Манчжурии встретит непреодолимые трудности в том крайнем недоверии, какое Китай питает ныне к России и Японии. Подобная политическая комбинация при всей своей заманчивости требует, по его словам, взаимного доверия между сторонами, основанного на почве откровен-

[1] Председатель совета м-ров и м-р финансов Японии.
[2] «оставить их в покое».
[3] Япон. посланник в Пекине.
[4] «быть тихим».
[5] См. стр. 8, прим. 4.

ности и дружелюбия, а этого именно в настоящем случае не имеется: всякое совместное выступление России и Японии по манчжурским делам будет немедленно истолковано в Китае как посягательство на его суверенные права, как агрессивный замысел и т. п. Сознавая эту невыгоду своего теперешнего положения, японская политика в Китае стремится всеми мерами вернуть к Японии доверие Китая и устранить его подозрительность. Еще недавно, когда произошло столкновение китайской и японской полиции в Мукдене, квантунский генерал-губернатор и генеральный консул Койке настаивали на энергичных мерах против китайцев, но он, министр, не дал хода этим представлениям и пошел на примирение с китайцами на почве взаимных уступок. Такой умеренный образ действий имел хорошие последствия, что усматривается уже из состоявшегося на-днях подписания окончательного соглашения между Китаем и Японией о Фушунских и Янтайских копях.

Ссылаясь на этот пример, министр припомнил, что еще недавно убеждал нас не делать слишком резких выступлений против Китая по поводу торговли в Монголии. Он имел при этом в виду, что добрые отношения наши с Китаем необходимы нам самим для ограждения важнейших наших политических интересов и что раз пошатнувшееся доверие Китая весьма трудно будет вернуть при наличности тех влияний, которые ныне проявляются в Пекине. В заключение нашей беседы министр обещал мне сообщить более подробно свое заключение, получив отзыв барона Мотоно о беседе с вашим превосходительством.

Наконец, вчерашний почти полуторачасовой разговор мой с маркизом Комура имел своим предметом соображения и данные, переданные мне в ваших телеграммах за №№ 590 [1], 591 [2] и 601 [3].

На этот раз министр был гораздо более категоричен.

Внимательно выслушав меня, он, видимо, заранее подготовив свой ответ, с определенностью сказал мне, что Япония не считает возможным отклониться в настоящее время от своей политики в Китае. Последняя же имеет ближайшей своей целью прежде всего вернуть (regain) доверие и дружбу Китая, а потому ограничивается выжидательным наблюдением за ходом событий. Такую же политику он считает наиболее соответственной и нашим интересам, так как, пока Китай не вернет нам своего доверия, привлечь его к совместной политической комбинации в Манчжурии будет фактически невозможно. При теперешнем настроении в Китае всякое выступление Японии и России, даже в наиболее благоприятном для Китая смысле, будет встречено там с подозрительностью и враждебностью. От этого положение может не только не улучшиться, но скорее ухудшиться. Так, например, проект ограничения войск в Манчжурии будет принят не иначе, как посягательство на суверенитет Китая, на его внутреннюю независимость.

Переходя к вопросу привлечения Китая в проектированное соглашение путем финансирования его займами, министр прежде всего отметил трудность установить заранее, в каких пределах может состояться такое снабжение китайского правительства иностранным капиталом при посредстве обеих держав. Ведь Китаю потребуется для проведения его денежной, административной и политической реформ и для улучшения его земледельческих и промышленных условий не одна сотня миллионов. Готовы ли обе державы принять на себя ответственность такого финансирования? Вопрос этот представляется министру очень сложным и требующим зрелого обсуждения. Будущее покажет, возможно ли осуществить и в какой мере намечаемый нами план путем финансовых услуг Китаю в форме новых дополнительных займов или участием в нынешнем займе четырех держав. Последний должен несомненно осуществиться, так как воспрепятствовать ему ни Япония, ни Россия не имеют возможности, притом же кон-

---

[1] См. стр. 8, прим. 5.

[2] См. стр. 8, прим. 3.

[3] Тел. за № 601 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. В журнале исх. тел. она датирована 13 мая/30 апр.; относительно ее содержания указано: «О награждении Ноги орденом».

тракт займа утвержден уже регентом. Он думает однако, что группы банкиров четырех держав не особенно тесно связаны между собой и делает предположение, что деятельность этого синдиката не будет особенно значительна. Во всяком случае, за обеими державами останется право, если наблюдения покажут, что действие финансового синдиката проявляется слабо, вступить в него денежным участием и тем обеспечить за собой большинство четырех голосов против двух, или — если действие это окажется слишком сильным (что представляется ему мало вероятным),то условиться взаимно, как обеспечить свои преимущественные интересы.

Пока же, по его мнению, наилучшее для обеих держав — оставаться в выжидательном положении, тщательно наблюдая за ходом дела в Манчжурии и за употреблением, которое китайцы предполагают сделать из занятых денег.

Повторив еще раз, что японскому правительству неизвестно с точностью содержание контракта, подписанного 15 апреля, маркиз Комура на заявление мое о требовании Китая выдать ему из суммы 10 млн. фунтов аванс в 400 тыс. фунтов немедленно,т. е. еще до рассмотрения плана расходования занятой суммы, министр [1] заметил, что, насколько ему известно, в контракте имеется условие, которое предвидит, что китайское правительство получает аванс в 1 млн. фунтов немедленно по утверждении контракта. Если это так, то, по всей вероятности, сумма в 400 тысяч, о которой запрашивал нас французский поверенный в делах, входит в эту условленную сумму аванса. В таком случае просьба китайцев не представляет, по его мнению, ничего особенного.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 17. Временно управляющий министерством иностранных дел помощнику военного министра Поливанову.

Письмо № 301. 18/5 мая 1911 г.
Весьма секретно.

М. г. Алексей Андреевич,

Письмом от [13 мая] 30 минувшего апреля за № 2269 [2] вашему высокопревосходительству угодно было осведомиться, признает ли вверенное временному управлению моему ведомство в настоящее время возможным, в соответствии с общей политической обстановкой и последними событиями в Албании, продолжать высылку Черногории субсидии и военных материалов.

Вследствие сего считаю долгом уведомить вас, что министерство иностранных дел не усматривает пока никаких оснований к изменению существующего порядка вещей по отношению к высылке Черногории субсидии и военных материалов во исполнение принятых нами обязательств.

К сему считаю долгом присовокупить, что если бы в дальнейшем ходе событий произошли какие-либо обстоятельства, могущие повлиять на изменение взгляда министерства на настоящий вопрос, то я не замедлю о сем поставить в известность ваше высокопревосходительство.

Примите и пр.

Нератов.

---

[1] Так в оригинале.

[2] В письме от 13 мая/30 апр. за № 2269 Поливанов передавал Нератову полученные им от воен. агента в Черногории Потапова сведения о «вызывающем по отношению к Турции поведении черногорского правительства и о доказанной поддержке им албанского восстания». При этом Поливанов указывал, что Потапов возбуждал ходатайство «о задержке отправления предназначаемых для Черногории оружия и военных материалов» и о скорейшей высылке части назначенной для нее денежной субсидии. Отмечая противоречивый характер ходатайств Потапова, Поливанов просил Нератова осведомить его о взгляде м-ва ин. дел по указанному вопросу.

№ 18. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 48[1]. 18/5 мая 1911 г.

Здесь очень озабочены ходом сосредоточенных в Мадриде франко-испанских переговоров о Марокко[2]. Испанское правительство только-что представило записку с изложением своих пожеланий. Исходя из того положения[3], что в результате настоящих событий и занятия Феца[4], Франция совершенно подчинит этим султана, мадридский кабинет требует для себя полного господства в зоне влияния, отведенной Испании франко-испанским секретным соглашением 1904 года. Круппи считает это требование по существу неприемлемым и опасным, ибо оно клонится к фактическому разделу Марокко и может подать повод Германии объявить об упразднении Алжесирасского акта. Французское правительство продолжает заявлять, что Фец будет занят на самый короткий срок, что Франция остается на почве Алжесирасского акта и что единственная ее цель — укрепление власти султана. Я еще раз указал Круппи на серьезную опасность бросить Испанию в объятия Германии. Круппи обещал самым добросовестным образом изучить испанскую записку и, не вступая на опасный путь раздела, найти способ дать практическое удовлетворение Испании. Мне кажется весьма желательным воздействовать в умеряющем смысле на мадридский кабинет, который несомненно возбуждается под рукой Германией. Если не ошибаюсь, английский посланник в Мадриде весьма близко стоит к переговорам и вполне склоняется к французскому взгляду[5].

Извольский.

№ 19. Посол в Мадриде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 6. 18/5 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Несмотря на кампанию, начатую в испанской прессе и главным образом газетой «Imparcial» против Франции с момента начала движения французских вооруженных сил на Фец, можно положительно утверждать, что мнения, выражаемые испанскими листками, не служат отголоском мнений королевского правительства.

Особенной яростью в своих нападках отличается «Imparcial», не без основания считающийся здесь официозным органом, так как одним из главных его руководителей состоит министр земледелия г. Гассет.

Обстоятельство это придает каждой появляющейся в этой газете политической статье оттенок известной осведомленности, но в данном случае читающая публика сильно заблуждается, принимая все высказываемое в «Imparcial» за отголосок правительственного мнения.

Председатель совета министров сделал уже несколько заявлений по этому поводу, и во всех них красной нитью проходит заверение о неизменности добрых отношений между обеими странами, переговоры между коими, исполненные взаимного доверия, протекают самым нормальным образом.

Заявлениям этим нет основания не верить, так как факты говорят за них.

Правда, успешному ходу переговоров много содействует пребывающий здесь французский посол г. Жоффре, который с необыкновенным тактом старается со-

---

[1] Опубл. М., стр. 89, и Stieve, I, S. 99, N 74.

[2] См. № 19.

[3] У Stieve: «Ueberzeugung» («убеждения»).

[4] См. № 1.

[5] Ответной тел. от 22/9 мая за № 635 (опубл. М., стр. 89) Нератов сообщал: «Вполне разделяя мнение о желательности удержать Испанию от решительных требований и выступлений в марокккском вопросе, полагаем однако предпочтительным, чтобы Франция и Испания уговорились полюбовно, согласно высказанному вам г. Круппи намерению, и раньше каких-либо с нашей стороны шагов будем выжидать результатов франко-испанских переговоров, происходящих в Мадриде».

гласовать взаимные интересы обеих стран и сгладить все возникающие временами шероховатости. Деятельным ему помощником в этом трудном деле является также мой английский сотоварищ сэр Морис де Бунзен, который, по приказанию своего правительства, принял на себя роль как бы посредника и советника переговаривающихся сторон.

Участие сэра Морис де Бунзена должно лишь приветствовать, так как этот испытанный и всеми уважаемый дипломат, пользуясь здесь огромным личным престижем, может значительно повлиять на успешный исход переговоров.

Новым возникновением так называемого «марокксвого вопроса» кабинет Каналехаса поставлен в довольно затруднительное положение.

Протесты республиканцев и социалистов против политики авантюр в Африке, выразившиеся в запросах в палате [1] и уличной манифестации 7 мая, в которой приняло участие более 30 000 манифестантов, с одной стороны, и кампания прессы, требующей энергичных действий в Марокко — с другой стороны, заставляют правительство действовать с тщательной осторожностью. Кровавые барселонские беспорядки 1909 года, вызванные мелильской кампанией [2], хотя и слишком еще свежи в памяти у всех, тем не менее военные успехи соседней Франции и боязнь потерять политическое свое значение в Марокко неминуемо толкнут Испанию на более активные действия.

Поэтому, как в своих заявлениях, так и в недавно появившемся правительственном сообщении, Каналехас, из опасения каких-либо внутренних или внешних осложнений, не вполне договаривает свои мысли.

Начав с заявления, что Испания будет согласовывать свои действия с обстоятельствами, не переступая рамок, установленных Алжесирасским генеральным актом, в правительственном своем сообщении, появившемся по занятии испанскими войсками Кудии Федерико, Кудии Фехана и высот Кондессы, трех стратегических пунктов по пути на Тетуан, он уже более откровенен, объясняя, что занятие этих пунктов было вызвано необходимостью воспрепятствовать тому, чтобы дорога на Тетуан не была отрезана восставшими племенами.

С тех пор еще два пункта заняты испанцами и все в том же направлении.

Очевидно, что настоящим объектом для испанцев служит Тетуан, предполагаемое занятие коего, в случае занятия французами Феца, ни для кого здесь более не тайна.

Примите и пр.

Барон Ф. Будберг.

№ 20. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 49. 19/6 мая 1911 г.

Ссылаюсь на ваши телеграммы 590 [3] и 593 [4] и на мою телеграмму № 47 [5]. Министерство иностранных дел только-что сообщило мне письменно [6], что

---

[1] Деп. от 22/9 апр. за № 5 Будберг сообщил, что на запрос, сделанный прав-ву в парламенте относительно марокканских событий, Каналехас дал уклончивый ответ. Он заявил, писал Будберг, «что подобного рода международные вопросы парламентскому обсуждению не подлежат. Испания связана международными договорными обязательствами и преждевременное опубликование предполагающихся мер неуместно». Каналехас подчеркнул необходимость оказать доверие кабинету, обещая дать в будущем полный отчет о своих мероприятиях. Он заявил также о твердом намерении кабинета придерживаться рамок Алжесирасского акта и других международных соглашений и при этом «не выходить из рамок ассигнованных на военные дела бюджетных средств».

[2] Имеется в виду вооруженное выступление в Барселоне в июле 1909 г. в связи с отправкой испанских войск в Мелилью для подавления восстания марокканского племени кабилов.

[3] См. стр. 8, прим. 5.

[4] См. стр. 9, прим. 3.

[5] См. № 12.

[6] Имеется в виду пам. записка франц. прав-ва от 18/5 мая, представляющая ответ на сообщение росс. пос-ва в Париже от 15/2 мая (см. № 12). Содержание пам. записки франц. прав-ва полностью изложено в публикуемом документе.

в программу китайского правительства входят следующие расходы на Манчжурию:

1) На заселение и развитие скотоводства около 14 миллионов таэлей; 2) на развитие земледелия и лесоводства в Хейлунцзянской области около 4 миллионов; 3) на разработку золотых приисков в Мохо и других местностях около 2 миллионов и 4) на монетную реформу в Манчжурии около 20 миллионов. Всего сорок миллионов таэлей. Круппи выражает желание возможно скорее узнать взгляд императорского правительства на эту программу, обращая вместе с тем наше внимание на то, что, в случае отрицательного отношения к ней России, отказ одной лишь Франции участвовать в займе не помешает осуществлению последнего, так как английская, германская и американская группы синдиката могут обойтись без поддержки французского денежного рынка. Что касается до нашего заявления, что выдача аванса в 400 тысяч фунтов стерлингов не встретит возражений со стороны России, только если бы китайское правительство обязалось не считать этот факт предрешающим вопрос о самом займе, и покрыть авансированную сумму из какого-либо другого источника в случае неутверждения контракта, то министр иностранных дел желал бы знать, готово ли императорское правительство сделать заявление в этом смысле в Пекине и потребовать означенного обязательства от китайского правительства, ибо одно устранение французской группы не удержит синдикат от согласия на выдачу просимого аванса [1]. Круппи считает, что в виду сложности вопроса, крайне необходимо, чтобы российское и французское правительства изучили сообща наилучшее его разрешение. Записка Круппи будет препровождена вам следующим курьером.

Извольский.

№ 21. Генеральный консул в Канее временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 36. 19/6 мая 1911 г.

Копии в Афины и в Константинополь.

Получил телеграмму Чарыкова № 274 [2].

Ссылаюсь на мое донесение от [17]4 мая № 9 [3].

В долгом отсутствии на острове кадиев повинны не критяне, а Турция, не пожелавшая признать порядок их назначения, установленный конституцией

---

[1] Тел. от 20/7 мая, также помеченной № 49, Извольский сообщал, что, по мнению Круппи, «для достижения своей цели Россия должна предпринять соответственные шаги в Пекине и Лондоне». Круппи выразил готовность поручить франц. послу в Лондоне «подготовить почву для переговоров между нами и лондонским кабинетом». Тел. от 22/9 мая за № 633, передавая Бенкендорфу текст сообщения франц. прав-ва, Нератов предлагал ему добиться согласия Грея отправить соответствующие указания в Пекин, причем Бенкендорф должен был указать Грею, «что по нашей мысли эти шаги не должны носить политического характера, но явиться следствием желания банкиров оградить свои интересы на случай неутверждения контракта».

[2] Тел. от 18/5 мая за № 274 Чарыков сообщал со слов турец. м-ра ин. дел, что «кадии еще не назначены и что они не будут отправлены, пока Порта не сговорится с державами». Вместе с тем Чарыков передавал, что «конституция 1907 года не признана Портой и отрицается самими критянами, и потому не могла бы служить препятствием к назначению из Константинополя кадиев, которые во всяком случае подлежат верховной санкции шейх-уль-ислама».

[3] В донесении от 17/4 мая за № 9 Шебунин сообщал исторические данные по вопросу о кадиях: «С турецких времен на Крите существовали четыре центра, где сосредоточивалось управление духовными делами мусульман». «В этих городах, — сообщал далее Шебунин, — были учреждены суды шери, с кадиями во главе; при каждом кадии, ведавшем преимущественно судебно-нотариальную часть, состояли муфтии — толкователи закона и священного писания, на котором эти законы шариата основаны. По прекращении на Крите турецкого режима и введении автономии, учреждение кадиев и их судов было сохранено в новой конституции, но применительно к новым принципам административного управления порядок назначения кадиев и муфтиев был, разумеется, несколько видоизменен: за шейх-уль-исламом

острова. Последняя введена была здесь с одобрения держав-покровительниц, и расшатывать созданные ею устои, единственно правильные из всего, что происходит ныне на Крите, было бы в высшей степени опасным для дела мира. За последнее время на острове не произошло ничего нового, что потребовало бы изменять настоящее status quo. Поспешность, с которой Порта провела закон о содержании критских кадиев [1], превращающий их в турецких чиновников и потому представляющий нарушение автономии Крита, слишком возбудила здешние умы, чтобы можно было надеяться на спокойное принятие населением какого бы то ни было компромисса в этом деле. Поэтому, как о том усиленно ходатайствует перед нами исполнительный комитет, и как полагают мои коллеги и я, было бы крайне желательным в видах поддержания здесь спокойствия не поднимать в настоящую минуту вовсе этого вопроса, оставив ныне действующий порядок в том виде, как он без вреда для кого-либо существует уже двенадцать лет. В дополнение и некоторое исправление сведений, изложенных в телеграмме моей № 35 [2], считаю долгом установить на основании более точного расследования, что практически от отсутствия кадиев мусульмане нисколько не страдают, так как замещение кадиев муфтиями происходит на основании точного смысла действующего закона и все распоряжения последних вполне признаются местными властями. Муфтии же находятся все на своих постах и функционируют совершенно правильно.

Шебунин.

Верно.

Царское Село, [20] 7 мая 1911 г.

№ 22. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 357. 20/7 мая 1911 г.

Министр иностранных дел передал мне через Гирса [3], что шахское правительство на-днях запросило Осборна, согласился ли бы его синдикат вступить в переговоры о постройке железной дороги от Персидского залива к северу, если со стороны английского правительства не встретится препятствий к тому. О сношении с синдикатом Осборн выразил готовность выслушать предложение шахского правительства. Министр уверял Гирса, что он отлично понимает, что никакой подобный проект не может осуществиться без согласия императорского правительства, но все же его сообщение носило весьма неясный и сбивчивый характер и он даже не указал точно протяжение и направление железной дороги, а можно было лишь догадаться, что речь идет о линии от Мохаммеры до Джульфы. При этом министр иностранных дел не формулировал никакой просьбы, так что, по всей вероятности, весь разговор был только пробным шаром. Накануне им было сделано подобное же сообщение Барклаю [4] вместе с просьбой узнать, насколько солиден синдикат Осборна. Барклай ограничился указанием на неосуществимость железнодорожных планов в Персии без согласия России и ныне

сохранена лишь инвеститура кадиев, назначение же их, равно и муфтиев, передано в руки верховного комиссара; кроме того, введена и обычная служебная присяга. Когда, однако, первая конституция была окончательно выработана и, получив утверждение великих держав-покровительниц, была издана и введена в силу, применение указанных положений ее относительно кадиев встретило на первых же порах затруднение: верховный комиссар назначил особым декретом, как это полагалось по конституции, кадиев в Канею, Ретимо и Кандию, а шейх-уль-ислам запретил им принести требуемую присягу».

[1] См. стр. 6, прим. 6.

[2] Содержание тел. Шебунина от 12 мая/29 апр. за № 35 в основном изложено в публикуемом документе и в донесении от 17/4 мая за № 9 (см. стр. 17, прим. 3).

[3] М. М. Гирс — первый драгоман росс. миссии в Тегеране.

[4] Англ. посланник в Тегеране.

испрашивает инструкции своего правительства. Если императорское правительство находит возможным приступить к обсуждению железнодорожного вопроса в Персии, то было бы полезно заявить шахскому правительству, что с просьбой о приискании капиталов для постройки железной дороги оно должно предварительно обратиться к России и Англии.

Поклевский.

К докладу.

Царское Село, [22]9 мая 1911 г.

№ 23. Консул в Фучжоу посланнику в Пекине Коростовцу.

Донесение № 75 [1]. 21/8 мая 1911 г.

Что у Японии — как на севере Китая, в Манчжурии, так и на юге — существует определенная, ясно разработанная политика, руководимая, с одной стороны, министерством иностранных дел, а с другой — военным министерством в лице генерального резидента в Корее, генерал-губернатора на Гуаньдунском полуострове и генерал-губернатора о. Формозы, в том меня убеждает еще раз та связь, которая существует как между японскими консулами в различных пунктах Китая, так между ними и лицами, руководящими и направляющими их деятельность. Консулам неукоснительно сообщаются и по телеграфу и по почте не только все важнейшие события во внешней жизни государства, как, например, присоединение Кореи или заключение в минувшем году нового японо-русского соглашения касательно Манчжурии [2], но даже мелкие факты, могущие иметь какое-либо отношение к их деятельности.

В то время как иностранные консулы в Фучжоу были в полном неведении относительно последних событий в Кантоне (убийство исполняющего обязанности цзянь-цзюня Фу-ци и нападение шайки революционеров на присутственное место генерал-губернатора), японский консул в порте г. Такасу исправно получал от своего коллеги в Кантоне телеграммы о ходе событий. В донесении своем императорской миссии от [22] 9 октября минувшего года за № 236 [3] я писал, что консульский корпус порта Фучжоу в заседании своем 19/6 октября вполне присоединился к постановлению консульского корпуса и таможенного даотая в г. Шанхае, по которому порт признается неблагополучным по чуме, холере или другой какой-либо заразной болезни в том случае, когда после обнаружения первого случая заболевания последующие еженедельные отчеты портового врача о ходе болезни, основанные на самых достоверных источниках, показывают в среднем три новых случая заболеваний ежедневно. Идя на заседание, г. Такасу уже имел в руках письмо своего генерального консула в Шанхае, подробно сообщающее о постановлении шанхайского консульского корпуса по этому поводу. Такая аккуратность японских консулов удивила всех нас.

Все это, вместе взятое, свидетельствует, с одной стороны, о той тесной связи, какая существует между отдельными консулами, стоящими над ними лицами и центральным правительством, а с другой — о вполне определенной политике и целях, к каким стремится каждый из них.

Помню, с какой последовательностью проведена была японцами намеченная ими программа действий в Южной Манчжурии после русско-японской войны в период 1906—1908 гг.

Из вышесказанного ясно вытекает, что, какое бы событие ни возникло в Китае, Япония готова к нему и сумеет использовать его в своих выгодах. И как бы ни были иногда вздорны и нелепы сами по себе слухи о тех или других планах

---

[1] Маш. копия.
[2] Имеется в виду русско-япон. соглашение от 4 июля/21 июня 1910 года.
[3] Указанное донесение в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

японцев, тем не менее в основе своей они имеют истинную подкладку. Не подлежит сомнению, что японцы имеют твердое намерение при благоприятных обстоятельствах завладеть и Южной Манчжурией и Фуцзяньской провинцией. Существуют, конечно, подобные же желания и у других держав, но они довольно неясны и не имеют за собой такой прочной опоры, как у японцев. Известно недавнее заявление трону китайского посланника в Токио Ван Да-се о полной готовности Японии к захвату Манчжурии.

Понятны отсюда опасения патриотов за свое отечество вообще и фуцзяньцев за свою провинцию в частности. Местная китайская газета «Цзянь янь» предупреждает об опасности, грозящей Фуцзяни со стороны Японии: провинция наводнена японскими шпионами, следящими за проявлениями китайской жизни. Задача для Японии в этом отношении облегчается тем, что формозские китайцы являются родственными фунцзяньцам и легко могут быть пущены в дело. Недавно в Фучжоу был китаец-полицейский с Формозы и собирал сведения о зарождающейся народной милиции в городе. Другие японцы под видом купцов производят съемки по всей провинции. В средине минувшего апреля около порта Сарчена (Шачэн) Фунинской области видели двух японцев, путешествующих в джонке, производящими съемки вдоль берегов.

В номере от 26 апреля газета «Цзянь янь» высмеивает заявление японского буддийского священника, пытавшегося несколько лет тому назад открыть в Фучжоу школу для китайцев, высказанное им недавно в Токио, что из всех держав фуцзяньцы предпочитают Японию и, в случае каких-либо осложнений, охотно отдадутся под покровительство этого государства.

Для нас представляется крайне важным выяснение вопроса, принимают ли японцы участие в мятежных замыслах различных китайских революционных партий, чтобы затем, пользуясь затруднительным положением Китая, захватить ту или другую часть его, насколько велико оно и в чем проявляется. К сожалению, в Фучжоу представляется крайне затруднительным проследить это явление. Задача эта должна быть разрешена будущим нашим представителем в Кантоне, центре революционной деятельности, если там последует открытие российского консульства.

Бельченко.

№ 24. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 49. 22/9 мая 1911 г.

Копию сообщаю Чарыкову.

Сегодня король призвал к себе декана дипломатического корпуса, итальянского посланника, и поручил объявить всем начальникам миссий следующее: ввиду сосредоточения значительной численности турецких войск вдоль черногорской границы, король опасается агрессивных намерений Турции. Посему король приказал раздать 12 000 ружей резервистам и все приготовить на случай мобилизации армии, которая, по словам короля, может быть мобилизована в 5 дней. Эти меры король готов отменить лишь в том случае, если державы гарантируют ему, что Турция не нападет на Черногорию.

Арсеньев.

№ 25. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Цетинье С. Арсеньеву.

Телеграмма № 638. 23/10 мая 1911 г.

Сообщается послам в Берлине, Вене, Париже, Лондоне и Риме.

Телеграмма № 49 получена [1]. Вам передается моя открытая телеграмма Чарыкову [2].

[1] См. № 24.
[2] См. № 27.

Благоволите самым настоятельным образом внушить королю и правительству необходимость при существующем положении тщательно воздержаться от всякого шага, могущего быть истолкованным как выступление, направленное против Турции, или как поощрение восставшим албанцам [1].

Нератов.

С[огласен].

Царское Село, [23] 10 мая 1911 г.

№ 26. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Лондоне, Париже, Риме, Берлине и Вене — Бенкендорфу, Извольскому, Долгорукому, Остен-Сакену и Н. Гирсу.

Телеграмма № 639. 23/10 мая 1911 г.

За №№ 2 и 3 вам передаются мои телеграммы Чарыкову (открытая) [2] и Арсеньеву № 638 [3].

Благоволите в означенном смысле объясниться с правительством, при коем вы аккредитованы, и высказать при этом, что мы были бы рады, если бы державы сочли уместным высказаться в Константинополе и Цетинье в одинаковом с нами смысле.

Нератов.

С[огласен].

Царское Село, [23] 10 мая 1911 г.

№ 27. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 640. 23/10 мая 1911 г.

Сообщается росс. представителям в Берлине, Вене, Париже, Лондоне, Риме и Цетинье.

Благоволите сделать оттоманскому министру иностранных дел сообщение в следующем смысле.

Со времени возникновения смуты в албанских округах оттоманское правительство непрестанно заверяло императорское правительство в своем твердом намерении не нарушать международного мира. Из последних известий явствует, что турецкие войска сосредоточены преимущественно в непосредственном соседстве с черногорской границей. Отсюда вытекает серьезная опасность для мира, так как малейшая случайность может вызвать пограничное столкновение, последствия коего было бы трудно ныне же предусмотреть.

При этом императорское правительство находит необходимым прибавить, что принятые черногорским правительством меры военного характера по охране границы отнюдь, по его мнению, не должны считаться актом, угрожающим соседней стране, а лишь естественными мерами самообороны и поддержания порядка на своей территории.

В убеждении, что Порта разделяет таковую точку зрения, императорское правительство выражает надежду, что оттоманское правительство признает возможным во имя поддержания спокойствия и мира заявить незамедлительно и в ре-

---

[1] В ответной тел. от 25/12 мая за № 53 С. Арсеньев сообщил Нератову, что на сделанное им заявление король ответил, что он «безусловно подчиняется советам императорского правительства и будет тщательно воздерживаться от всякого шага, могущего быть истолкованным, как выступление против Турции или поощрение восставшим албанцам».

[2] См. № 27.

[3] См. № 25.

шительной форме о своих совершенно миролюбивых чувствах в отношении Черногории и тем способствовать ограничению пределов военного положения и даже возможности отмены сделанных уже Черногорией чрезвычайных военных распоряжений.

Императорское правительство, с своей стороны, озабочиваясь сохранением мира, не преминет продолжать свои советы умеренности и спокойствия черногорскому королевскому правительству [1].

Нератов.

С[огласен].

Царское Село, [23] 10 мая 1911 г.

№ 28. Временно управляющий министерством иностранных дел министру финансов и председателю совета министров Коковцову и Столыпину.

Письмо №№ 588, 587. 23/10 мая 1911 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич, Петр Аркадьевич,

В дополнение к предыдущей переписке считаю долгом препроводить при сем к вашему высокопревосходительству копию секретной телеграммы посла нашего в Париже от [19]6 сего мая [2] относительно назначения той части заключаемого Китаем у англо-франко-германо-американского синдиката займа, которая предназначается на нужды Манчжурии. Как вы изволите усмотреть, эта часть сказанного займа не имеет целью ни постройку Цзинчжоу-Айгунской железной дороги, ни какое-либо иное железнодорожное строительство в Манчжурии; однако, цели, для которых предположено истратить эту сумму, составляющую 20 млн. лан, являются не вполне для нас желательными, так как дело идет, между прочим, о содействии переселению в Манчжурию из Внутреннего Китая. Вам известно также, что гарантиями этого займа служат некоторые доходы манчжурских провинций.

Отношение Японии к займу можно ныне считать выясненным сношениями, которые мы имели с японским правительством согласно постановлению особого совещания [22]9 мин. апреля по делам Дальнего Востока [3] в видах ограничения китайских вооружений в Манчжурии. Ход этих сношений был следующий: мы начали с предварительных объяснений в С.-Петербурге и в Токио о значении, которое японцы придают развитию китайских вооруженных сил, причем выяснилось, что японское правительство не считает китайскую армию сколько-либо для себя опасной и убеждено в неспособности китайского правительства организовать — по крайней мере в близком будущем, — войско, способное померяться силами с армиями великих держав. Ввиду сего я воспользовался неоднократно деланными мне здешним послом конфиденциальными заявлениями об опасениях, которые внушает ему заключаемый китайским правительством у англо-франко-германо-американского синдиката заем, чтобы связать этот вопрос с вопросом о количестве и дислокации китайских войск в Манчжурии. С этой целью послу в Токио было поручено войти с японским министром иностранных дел в объяснения

---

[1] Содержание вышеприведенных инструкций Чарыкову было опубликовано С.-Петербургским телеграфным аг-вом 24/11 мая.

[2] См. № 20.

[3] Особое совещание 22/9 апр. по дальневосточным делам приняло решение приступить без замедления к переговорам с япон. прав-вом по вопросу ограничения китайских вооружений в Манчжурии. В случае невозможности добиться ограничения вооружений и в случае отказа кит. прав-ва изменить свою политику, создающую угрозу положению России в Северной Манчжурии, росс. прав-во, по мнению совещания, будет вынуждено «усилить охрану дороги введением войск в полосу отчуждения Китайской Восточной железной дороги». Далее в журнале совещания указывалось: «В связи с предположенными переговорами о вооружениях в Манчжурии, совещание нашло необходимым сохранить в Джаркенте сосредоточенный в этом пункте наш отряд, присутствие которого может оказаться полезным в случае необходимости оказать на китайцев давление в связи с этими переговорами».

касательно выработки тройственного между нами, Японией и Китаем соглашения об охране общего status quo в Манчжурии; вопрос о вооруженных силах в этой области предполагалось ввести лишь как составную часть в сказанное соглашение, а для его достижения попытаться, пользуясь влиянием, которое мы и Япония имеем в Париже и Лондоне, устранить от дела финансирования китайских займов на нужды Манчжурии враждебные нашей и японской политике на Дальнем Востоке элементы и сосредоточить это дело в руках какой-либо англо-франко-русско-японской комбинации. Мысль эта, пущенная нами в виде пробного шара, не только не встретила сочувствия японского правительства, но маркиз Комура ответил гофмейстеру Малевскому-Малевичу [1] с полной определенностью, что Япония не считает в настоящее время возможным отклониться от своей политики выжидательного наблюдения по отношению Китая, что он не видит способа привлечь китайское правительство к тройственному с нами соглашению по вопросу о status quo в Манчжурии, пока Китай не вернет нам своего доверия, а до тех пор всякое совместное выступление России и Японии, даже в самом благожелательном для Китая смысле, будет встречено в Пекине подозрительно и не только не улучшит, а скорее ухудшит положение. По мнению маркиза Комура, будущее покажет, возможно ли осуществить намечаемый нами план путем ли устройства новых займов для Китая или участия России и Японии в нынешнем китайском займе у синдиката четырех держав, воспрепятствовать же последнему нет никакой возможности, тем более, что он уже утвержден князем-регентом. Сообразно этому изменился и тон здешнего японского посла, который, посетив меня на-днях, уверял меня, что заем у англо-франко-германо-американского синдиката не представляет никаких неудобств для России и Японии, так как ввиду несомненности того, что манчжурский вопрос будет со временем решен в смысле, намеченном нашим политическим соглашением [4 июля]21 июня 1910 г., нам может быть только выгодно, чтобы эти области заселялись и развивались экономически; что же касается вооружений Китая, то если они не представляются опасными для Японии, которая находится в Мукдене в ближайшем соседстве тех мест, где сосредоточена китайская армия, то тем более может к этим вооружениям равнодушно относиться Россия, отделенная от Чжилийской провинции японской сферой влияния.

Я не имею в виду вдаваться в оценку тех задних мыслей, которые руководят в данном случае японской политикой, но несомненно, что Япония поставила своей ближайшей целью установить с китайским правительством доверчивые отношения, что от преследования этой цели она не считает ныне возможным отклониться и решила поэтому помириться с заключаемым китайским правительством у синдиката четырех держав займом, обеспечиваемым доходами манчжурских провинций, и мы не можем рассчитывать на ее содействие для противодействия утверждению контракта на сказанный заем.

Как вы изволите припомнить, японское правительство отнеслось также несочувственно к предложению примкнуть к синдикату Русско-азиатского банка, считая конкуренцию его с англо-франко-германо-американским синдикатом невозможной.

Параллельно с общим вопросом о китайском займе у синдиката банкиров четырех держав возник частный вопрос об авансировании ныне же сказанным синдикатом китайскому правительству 400 000 ф. ст., в счет общей суммы этого займа. Из этой суммы 300 000 ф. ст. предназначаются на покрытие чрезвычайных издержек по борьбе с чумной эпидемией минувшей зимы, а остальная сумма — на нужды земледелия в Манчжурии. Когда французское правительство осведомилось о том, как мы отнеслись бы к немедленной выдаче такого аванса, я ответил, что его выдача не встретила бы с нашей стороны возражений только в том случае, если бы китайское правительство обязалось не считать факт получения аванса предрешающим вопрос об утверждении контракта на самый заем, и следовательно, обещало бы, в случае неутверждения упомянутого контракта, покрыть авансированную ему сумму из какого-либо другого источника. Парижский кабинет вы-

[1] См. №№ 11 и 16.

разил согласие сделать такого рода заявление в Пекине, но желал бы, чтобы этот его шаг был поддержан англичанами. Поэтому я обращаюсь к лондонскому кабинету, через нашего посла при с.-джемском дворе, с просьбой повлиять в желательном нам смысле на представителя английской группы участников синдиката [1]. О последующем по этому вопросу я не премину поставить ваше высокопревосходительство в известность [2].

К вышеизложенному считаю долгом присовокупить, что при объяснениях по поводу настоящего китайского займа с нашим послом в Париже, французский министр иностранных дел особенно настаивал на том, что если бы во внимание к тем неудобствам, которые программа расходования этого займа представляет для России, французское правительство отказало ему в котировке на парижской бирже, заем этот все-таки состоялся бы, хотя бы и без участия французских капиталов. По словам г. Круппи, среди заинтересованных финансовых кругов возникла поэтому мысль предложить России участвовать в сказанном займе.

Доводя о вышеизложенном до сведения вашего высокопревосходительства, имею честь покорнейше просить вас не отказать сообщить мне в возможно скором времени ваши соображения касательно того, как нам следует отнестись к программе расходов китайского займа у синдиката четырех держав, а равно по вопросу о возможном участии Русско-азиатского банка в этой финансовой операции [3].

Вышеизложенные сведения я сообщаю также министру финансов и при этом прошу его изложить свои соображения касательно того, как нам следует отнестись к программе расходования китайского займа у синдиката банкиров четырех держав, равно как и по вопросу о возможном участии Русско-азиатского банка в этой финансовой операции [4].

Примите и пр.

Нератов.

№ 29. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [5]. 23/10 мая 1911 г.

Confidentielle.

Monsieur le Gérant,

Mr. Cambon m'a communiqué hier quelques renseignements sur le séjour ici de l'empereur d'Allemagne [6]. Il m'a confirmé ce que Sir A. Nicolson m'avait dit

---

[1] См. стр. 17, прим. 1.

[2] Тел. от 25/12 мая за № 335 Коростовец передавал свою беседу с советником вай-ву-бу, который спросил его, почему росс. прав-во относится отрицательно к займу. Не имея инструкций от м-ва ин. дел, Коростовец ограничился заявлением, что в России «действительно не сочувствуют займу по многим причинам и прежде всего потому, что Китай своим образом действий показал, что не желает считаться с положением, занимаемым Россией в Манчжурии, и с ее законными там правами». В конце тел. Коростовец высказал мнение, что предпринятые росс. прав-вом шаги могли бы быть использованы для того, чтобы выговорить включение России «в число существующих групп для финансирования будущих китайских предприятий, например, Ургинской линии, на что указывал как французский посланник, так и представитель американского синдиката Стрэт».

Письмом от 26/13 мая за № 605 в дополнение к публ. документу Нератов уведомил Коковцова, что франц. посол дал заверение «в полной готовности его правительства принять во внимание наши интересы и пожелания в вопросе о займе китайского правительства у англо-франко-германо-американского синдиката». Ж. Луи однако предупреждал Нератова, что «речь может итти лишь о полном недопущении сказанного займа, но что правительство республики не может итти на какую-либо комбинацию, при которой заем осуществился бы без участия французских капиталов».

[3] Против слов: «Доводя о вышеизложенном... финансовой операции» на полях помета рукой н-ка дальневосточного отдела м-ва ин. дел Козакова: «Для Коковцова».

[4] Против слов: «Вышеизложенные сведения... финансовой операции» на полях помета рукой Козакова: «Для Столыпина».

[5] Опубл. Siebert, II, S. 95, N 403.

[6] Вильгельм II отправился 14/1 мая в Лондон и уехал оттуда 20/7 мая.

avant le départ de l'empereur et répété ce matin: que sa majesté s'est abstenue de toute conversation politique avec les hommes d'Etat anglais.

Seul le comte de Metternich était venu chez Sir E. Grey et lui avait demandé quelle était et serait l'attitude de l'Angleterre dans la question du Maroc, et ce que le Cabinet de Londres pensait de l'avance des Français sur Fez.

Sir Edward avait répondu à l'ambassadeur que les arrangements passés entre la Grande Bretagne et la France imposaient à l'Angleterre l'obligation d'appuyer la France, que d'ailleurs le gouvernement anglais considérait que la France avait non seulement le droit, mais le devoir de veiller à la sécurité des intérêts français, anglais et étrangers dans la Capitale du Maroc en vertu même des engagements qu'elle avait contractés, que le gouvernement anglais considérait que la situation à Fez, se compliquant chaque jour par suite des luttes intestines des tribus marocaines, rendait l'intervention française toute indiquée et utile à tout le monde.

Le comte de Metternich, usant d'ailleurs d'un langage tout de confiance et amical, ne contesta pas ce point de vue et borna ses observations au cas où l'occupation française devrait se prolonger.

Sir Edward répondit que même en ce cas l'attitude anglaise ne pourrait pas subir de modification et qu'il ne pensait pas que le gouvernement allemand puisse se trouver lésé, attendu que de par l'arrangement passé entre l'Allemagne et la France, l'Allemagne avait renoncé à toute influence et ingérence politique, à la seule condition que ses intérêts économiques se trouvent assurés et garantis contre tout désordre politique dans le pays.

L'ambassadeur d'Allemagne avait alors donné des assurances des dispositions en tout point conciliantes et pacifiques du gouvernement allemand, craignant seulement des développements inattendus qui pourraient troubler la situation. Sir Edward répondit à ceci que l'Angleterre en tout cas et en toute occasion resterait fidèle à ses engagements avec la France.

Mr. Cambon me dit que Sir Edward, fort inquiet un moment par rapport à cette question du Maroc, avait été plutôt rassuré par cet entretien avec l'ambassadeur d'Allemagne, entretien auquel la présence à Londres du souverain allemand donnait une importance que je n'ai pas besoin de signaler à votre excellence.

Le rôle de l'Espagne avait, tant ici qu'à Paris, inspiré de certaines inquiétudes. D'un côté on trouvait assez naturelle la nervosité de l'esprit public en Espagne à cause de la proximité du théatre des événements et de l'intérêt que l'Espagne y avait depuis toujours porté [1]. Toutefois on se demandait si une attitude aussi énergique, qui n'excluait pas la possibilité de complications avec la France, pouvait être tout à fait indépendante. L'occupation de Fez par la France et de Tetuan par l'Espagne, alors qu'une absence complète de troubles sérieux dans les parages intéressant l'Espagne ne justifiaient guère l'expédition espagnole, ouvrait la porte à un partage du Maroc, ce qui aurait constitué une question très sérieuse. Pourtant, d'après Mr. Cambon, les dernières nouvelles de Madrid seraient plus rassurantes, et le roi aurait lui-même déclaré que les troupes espagnoles n'occuperaient pas Tetuan. Mr. Cambon ajouta que l'ensemble de ces considérations avait jusqu'à un certain degré calmé les appréhensions tant à Paris qu'à Londres.

Mr. Cambon me dit que cet entretien de mon collègue d'Allemagne avec Sir E. Grey avait été le seul entretien politique entre les hommes d'Etat anglais et allemands pendant le séjour de l'empereur.

Je demandai ce matin à Sir A. Nicolson si la question de Bagdad avait été directement ou indirectement mise sur le tapis, — il me répondit qu'il n'y avait été fait aucune allusion.

Il est vrai que l'empereur a eu un long entretien avec Mr. Asquith. Le roi s'en était informé auprès du premier ministre, qui avait répondu que l'entretien, très intéressant en lui-même, avait eu tout entier un caractère historique, où il s'agissait de l'influence des races les unes sur les autres et de la supériorité de certaines d'entre elles sur toutes les autres.

---

[1] У Siebert'а слова: «à cause... toujours porté» опущены.

La presse, tout en faisant un accueil chaleureux à la personne du souverain allemand et de son auguste famille, s'est dans son ensemble montrée fort réservée en matière politique.

Ce séjour a d'un côte été un succès incontestable. Plus que jamais jusqu' ici l'empereur a su gagner le public anglais, et en ce sens sa présence a contribué à atténuer les antipathies nationales et à encourager les efforts communs d'établir des relations plus amicales, mais en politique réelle et du jour, je doute que ce séjour ait eu quelque résultat appréciable.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

P. S. J'ai vu Sir E. Grey après avoir écrit cette lettre. Il m'a confirmé ce que Mr. Cambon m'avait dit au sujet de l'entretien avec le comte de Metternich et répété le mot dont il avait usé, Mr. Cambon me l'avait signalé. Mais je n'étais pas sûr d'un mot anglais en sa bouche.

Le comte de Metternich a demandé ce qu'il en serait, si le gouvernement marocain tombait entièrement sous l'influence de la France et que l'acte d'Algéciras se trouve violé. Sir Edward lui a répondu que tous les engagements de l'Angleterre, en cas de complications deviendraient «operative».

Benckendorff.

Перевод.

Доверительное.

Г. управляющий,

Г. Камбон сообщил мне вчера некоторые сведения о пребывании здесь германского императора. Он подтвердил мне то, что сэр А. Никольсон сказал мне перед отъездом императора и что он повторил сегодня утром: что его величество воздержался от всяких политических бесед с государственными деятелями Англии.

Один лишь граф Меттерних заходил к сэру Э. Грею и спросил у него, какова нынешняя и будущая позиция Англии в вопросе о Марокко, и что думает лондонский кабинет о продвижении французов на Фец.

Сэр Эдуард ответил послу, что соглашения, заключенные между Англией и Францией, налагают на Англию обязательство поддерживать Францию, что английское правительство считает к тому же, что Франция, в силу своих соглашений, не только имеет право, но и обязана охранять французские, английские и иностранные интересы в столице Марокко, что, по мнению английского правительства, положение в Феце, усложняясь с каждым днем в результате междоусобных войн марокканских племен, делает вмешательство Франции вполне уместным и полезным для всех.

Граф Меттерних — в выражениях, носивших, впрочем, вполне доверительный и дружеский характер, — не оспаривал этой точки зрения и ограничился лишь замечаниями на тот случай, если бы французская оккупация затянулась.

Сэр Эдуард ответил, что даже и в этом случае позиция Англии не могла бы измениться и что, по его мнению, германское правительство не сможет быть задето этим, принимая во внимание, что по соглашению, заключенному между Германией и Францией, Германия отказалась от всякого политического влияния и вмешательства при одном условии, что ее экономические интересы будут обеспечены и гарантированы от всяких политических беспорядков в стране.

Германский посол дал тогда заверения о примирительном и миролюбивом во всех отношениях настроении германского правительства, опасающегося лишь неожиданного развития событий, которое могло бы осложнить положение. Сэр Эдуард ответил на это, что во всяком случае Англия при всех обстоятельствах останется верной своим соглашениям с Францией.

Г. Камбон сказал мне, что сэр Эдуард, сильно тревожившийся одно время по поводу марокского вопроса, был скорее успокоен этой беседой с германским послом, беседой, приобретающей, благодаря присутствию в Лондоне германского императора, значение, на которое мне нет надобности обращать внимание вашего превосходительства.

Роль Испании внушала некоторую тревогу как здесь, так и в Париже. С одной стороны, находили довольно естественной нервозность испанского общественного мнения вследствие близости театра событий и ввиду того интереса, который Испания всегда проявляла к этому вопросу. Однако здесь задавались вопросом, может ли быть вполне независимой столь решительная позиция, не исключающая возможности осложнений с Францией, Занятие Феца Францией и Тетуана Испанией, — тогда, когда полное отсутствие серьезных беспорядков в областях, интересующих Испанию, нисколько не оправдывало [бы] испанскую экспедицию, — открывало бы возможность к разделу Марокко, чем был бы создан весьма серьезный вопрос. Однако, по словам г. Камбона, последние известия из Мадрида более успокоительны,

и сам король будто бы заявил, что испанские войска не займут Тетуана. Г. Камбон добавил, что все эти соображения до некоторой степени устранили опасения как в Париже, так и в Лондоне.

Г. Камбон сказал мне, что эта беседа моего германского коллеги с сэром Э. Греем была единственной политической беседой между английскими и германскими государственными деятелями за время пребывания императора.

Сегодня утром я спросил у сэра А. Никольсона, был ли прямо или косвенно затронут вопрос о Багдадской железной дороге. Он ответил мне, что об этом не упоминалось.

Правда, император имел продолжительную беседу с Асквитом. Король осведомился о ней у премьер-министра, который ответил, что беседа, очень интересная сама по себе, имела всецело исторический характер; речь шла о влиянии одних рас на другие и о превосходстве некоторых из них над всеми остальными.

Пресса, оказывая горячий прием особе германского императора и его августейшей семье, показала себя в целом очень сдержанной в политических вопросах.

С одной стороны, это посещение имело бесспорный успех. Более чем когда-либо император сумел завоевать симпатии английского общества — и в этом смысле его присутствие содействовало уменьшению национальной неприязни и поощрению совместных усилий к установлению более дружественных отношений, — но я сомневаюсь, чтобы для реальной политики настоящего момента это посещение имело какой-либо осязательный результат.

Примите и пр.

Бенкендорф.

P. S. После того, как было написано это письмо, я виделся с сэром Э. Греем. Он подтвердил мне то, что сказал мне г. Камбон по поводу беседы с графом Меттернихом и повторил употребленное им слово. Г. Камбон обратил мое внимание на это слово, но я не был уверен в точности английского слова в его устах.

Граф Меттерних спросил, что произойдет, если марокканское правительство целиком подпадет под влияние Франции и если Алжесирасский акт будет нарушен. Сэр Эдуард ответил ему, что в случае осложнений все обязательства Англии «войдут в силу».

Бенкендорф.

№ 30. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 23/10 мая 1911 г.

Strictement confidentielle.

Monsieur le Gérant,

M'étant trouvé à Wiesbade lors du séjour de l'empereur Guillaume dans cette ville, j'ai eu l'honneur d'être convié à déjeuner chez sa majesté le jour de son départ pour Londres. L'empereur m'a fait un accueil des plus aimables. Sa majesté avait très bonne mine et se disait fort satisfaite de son séjour à Corfou [1].

L'entretien avait un caractère plutôt général et exempt de toute préoccupation politique. A ma question si l'horizon du moment lui paraissait satisfaisant, sa majesté a répondu qu'elle ne voyait pas ce qui pouvait inspirer quelques soucis sérieux.

Après déjeuner je repris ce thème avec Mr. de Jenisch, ministre de Prusse à Darmstadt, qui avait accompagné l'empereur dans son voyage en Grèce en qualité d'employé diplomatique.

Celui-ci m'a affirmé que sa majesté partageait complètement la manière de voir du chancelier de l'empire quant à la phase actuelle de la question marocaine; confiance dans les assurances de la France qu'elle ne nourrit aucune intention d'enfreindre les limites tracées par l'acte d'Algéciras et l'absence de tout désir du côté de l'Allemagne de créer des difficultés au Cabinet de Paris. L'arrangement particulier conclu en 1909 [2] entre la France et l'Allemagne déterminait donc encore le caractère de relations réciproques entre elles.

Le point de vue exposé ci-dessus m'a été confirmé personnellement par Mr. de Bethmann-Holweg.

Le chancelier a appuyé principalement sur ce que leur confiance dans la France n'excluait pas la méconnaissance du danger que recélait la tournure qu'a prise le

[1] Вильгельм вернулся в Германию из путешествия на Корфу 4 мая/21 апр. 1911 г.

[2] Имеется в виду франко-герм. соглашение от 9 февр./27 янв. 1909 г., в силу которого франц. прав-во признавало промышленные и коммерческие интересы Германии в Марокко, а герм. прав-во — специальные политические интересы Франции в этой стране.

problème marocain. Il était évident pour Mr. de Bethmann que la France, sans vouloir, pourrait être amenée forcément à dépasser les limites qu'elle s'était prescrites dans sa présente intervention militaire. «En ce cas, — dit le chancelier, — et comme je l'ai franchement exposé à l'ambassadeur de France, tous les signataires de l'acte d'Algéciras reprendraient ipso facto leur liberté d'action».

«Mais alors, — fis-je, — la situation serait grosse d'avenir et quelle attitude jugeriez-vous nécessaire de prendre?»

«Eh bien, répondit mon interlocuteur, — on verra. Cela ne me donne aucune préoccupation pour le moment. *Je saurais toujours m'arranger avec la France*».

Il n'est pas difficile d'expliquer cette réponse d'un caractère sibyllin. L'éventualité prévue serait exploitée par le Cabinet de Berlin dans le sens d'obtenir des compensations sous forme par exemple d'un port sur la côte marocaine. Peut être bien le but secret des velléités de l'Allemagne. Cette combinaison dont le mirage date de loin pourrait servir d'explication de l'attitude que l'Allemagne a prise dès le commencement dans les complications marocaines.

Veuillez agréer, etc. Osten-Sacken.

Перевод.

Строго доверительное.

Г. управляющий,

Будучи в Висбадене во время пребывания императора Вильгельма в этом городе, я имел честь получить приглашение на завтрак у его величества в день его отъезда в Лондон. Император оказал мне самый любезный прием. Его величество выглядел очень хорошо и говорил, что он очень доволен своим пребыванием на Корфу.

Беседа носила скорее общий характер, лишенный всякой политической окраски. На мой вопрос, считает ли он в данный момент положение удовлетворительным, его величество ответил, что он не видит ничего, что могло бы внушать серьезные опасения.

После завтрака я возобновил разговор на ту же тему с г. Ениш, прусским посланником в Дармштадте, сопровождавшим императора в качестве дипломатического чиновника во время его путешествия в Грецию.

Он подтвердил мне, что его величество полностью разделяет взгляд имперского канцлера на современную стадию марокканского вопроса: доверие к заверениям Франции о том, что она не питает никакого намерения нарушить условия, установленные Алжесирасским актом, и отсутствие всякого желания со стороны Германии создавать затруднения парижскому кабинету. Следовательно, характер взаимоотношений Франции и Германии попрежнему определяется особым соглашением, заключенным между ними в 1909 г.

Вышеизложенная точка зрения была мне подтверждена лично самим г. Бетман-Гольвегом.

Канцлер особо подчеркнул, что их доверие к Франции не исключает недооценки опасности, таящейся в том обороте, который принял марокканский вопрос. Для г. Бетмана очевидно, что Франция, помимо своей воли, может быть вынуждена выйти за пределы, намеченные ею себе при ее нынешнем военном выступлении. «В этом случае, — сказал канцлер, — как я откровенно высказал французскому послу, все державы, подписавшие Алжесирасский акт, ipso facto вернули бы себе свободу действий».

«Но тогда, — сказал я, — положение будет чревато последствиями, и какую позицию сочли бы вы нужным занять?»

«Ну, — ответил мой собеседник, — это мы увидим. Пока что меня это нисколько не тревожит. *Я всегда сумел бы договориться с Францией*».

Не трудно уяснить себе смысл этого загадочного ответа. Предусматриваемый случай был бы использован берлинским кабинетом для того, чтобы получить компенсации в виде, например, порта на марокканском побережье. Быть может это — предмет тайных вожделений Германии. Эта комбинация, которая мерещится [Германии] уже давно, могла бы служить объяснением той позиции, которую Германия заняла с самого начала марокканских осложнений.

Примите и пр.

Остен-Сакен.

№ 31. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Депеша № 29. 23/10 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Недоразумение, возникшее в Софии по поводу известного донесения г. Тошева [1], окончательно выяснилось. Оказывается, там признали, что Сербия ни-

[1] См. стр. 3, прим. 7.

каких предложений о совместном с Болгарией активном выступлении не предъявляла и что болгарский представитель в Белграде вполне добросовестно передал своему правительству содержание чисто академической беседы, которую он имел с сербским министром иностранных дел относительно условий возможного соглашения между обоими государствами. В этом смысле почти одновременно получили извещение — Милованович от сербского поверенного в делах в Софии и Тошев от министра-президента Гешова, который просит считать «инцидент закрытым».

Конечно, все хорошо, что хорошо кончается. Однако нельзя не задать себе вопроса, как могло возникнуть подобное недоразумение, едва не обостривщее взаимные отношения соседей, искавших сближения? Как мог болгарский министр иностранных дел найти в донесении своего агента то, чего там не было, симулировать смущение и приводить нечто несуществующее, как доказательство недобросовестности сербского правительства?

Все это, мне кажется, вопросы не праздные; но на них, к сожалению, Гешов не сумеет ответить, ибо, видимо, он не властен изменить нынешнее направление внешней политики Болгарии, которая явно противится соглашению с Сербией, открывая тем широкое поле для всяких опасных случайностей.

По мнению моего болгарского коллеги, в Софии более не должны надеяться на возможность урегулирования добрососедских отношений с Турцией, о чем будто бы мечтал нынешний кабинет. После недавнего загадочного происшествия на границе, жертвой которого пал болгарский офицер Георгиев [1], следует, напротив, ожидать усиления взаимного недоверия. А посему Тошев думает, что настоящая минута благоприятна для возобновления сербо-болгарских переговоров, которые однако могут иметь успех лишь при условии решительного воздействия со стороны императорского правительства на Гешова и Данева [2].

Излишне прибавлять, конечно, что сербские министры, несмотря на недавнюю неудачу, готовы всегда пойти навстречу болгарским предложениям.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 32. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 30. 23/10 мая 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На-днях здешний итальянский посланник имел со мной не лишенную значения доверительную беседу, содержание коей я почитаю долгом представить на благоусмотрение вашего превосходительства.

По сведениям, полученным из Рима, сказал мне г. Бароли, турецкое правительство, несмотря на дружеские заверения Черногории, не сомневается в ее прямом участии в албанском движении, которое открыто поддерживается ею вооруженной силой и денежной помощью. Турецкому терпению однако скоро настанет конец, и если Черногория не образумится, то в Константинополе не остановятся даже пред открытием против нее военных действий. Осведомившись об этих угрозах, король Николай будто бы заявил, что он готов будет принять

---

[1] В деп. от 25/12 мая за № 19 Неклюдов сообщал, что на турец. границе был убит турец. солдатами болг. офицер Георгиев. В связи с затянувшимся расследованием этого дела Неклюдов писал: «Оппозиция не замедлила использовать это происшествие для нападок на нынешнее правительство, обвиняя его в преступной слабости по отношению к туркам. В прошлое воскресенье [21/8 мая] состоялся в Софии оппозиционный митинг, вынесший соответственную резолюцию, но, в общем, брожение в настоящую минуту улеглось и, главное, противникам министерства не удалось возбудить манифестаций в офицерской среде, к чему сделаны были попытки».

[2] Лидер партии прогрессистов. Принимал участие в формировании коалиционного кабинета Гешова в марте 1911 г.

турецкий вызов, заранее уверенный в том, что в критическую минуту Сербия не останется равнодушной и также двинет свою армию против общего врага славянских народностей.

Заявление короля Николая произвело впечатление на итальянское правительство, и г. Бароли поручено было тщательно осведомиться, в какой степени Сербия расположена оказать активную помощь Черногории, в случае прямого столкновения ее с Турцией. Пашич и Милованович, с которыми откровенно объяснился мой итальянский коллега, конечно, высказались по сему поводу в отрицательном смысле, указав именно на опасность игры, затеянной черногорцами, сочувствовать которой Сербия не может уже потому, что она направлена против жизненных интересов славянства.

Не имея оснований не доверять искренности столь определенных заявлений министров, г. Бароли все же пожелал узнать и мое мнение относительно истинных намерений сербского правительства в случае развития тревожных событий на Балканах. При этом посланник не скрыл от меня, что возможность, при указанных условиях, активного выступления Сербии устрашает Рим главным образом потому, что оно неминуемо повлекло бы за собой австро-венгерское вмешательство, которое вовсе не отвечает интересам Италии.

На это я сказал своему коллеге, что ни одной минуты не сомневаюсь в искренности и благоразумии сербского правительства, в планы которого, конечно, не входят активные действия на Балканах. Сербия нуждается в мире, а потому не нарушит его даже в случае вооруженного столкновения между Турцией и Черногорией. Но, заметил я далее, никто не может заранее предугадать оборот событий на столь воспламеняющейся почве, как Ближний Восток. Если Турция, под предлогом подавления албанской революции и военной прогулки в пределы Черногории, станет, как это всегда бывало, разжигать мусульманский фанатизм в прилегающих областях, то за безучастие Сербии перед кровавой резней в Коссовском вилайете поручиться, конечно, нельзя. Во всяком случае, ни одно правительство в Белграде, к какой бы партии оно ни принадлежало, не в силах было бы тогда сдержать общенародное возмущение в стране и таким образом Сербия, несмотря на все свое благоразумие, оказалась бы втянутой в балканские события. Для предотвращения таких грозных последствий необходимо самое решительное воздействие в Цетинье, а отчасти и в Константинополе, где, между прочим, полезно было бы поддерживать убеждение, что, в случае войны Турции с Черногорией, к последней неминуемо примкнет Сербия; быть может, это умерило бы военный пыл турок.

Наконец, заметил я, не мешало бы и в Вене дать понять, что науськиванием Черногории против турок австро-венгерское правительство берет на себя ответственность за могущие возникнуть на Балканском полуострове осложнения. И сделать это предостережение приличествует более всего Италии, как союзнице Австрии, но союзнице, искренне заинтересованной в сохранении мира на Востоке.

«Вот вопрос, — воскликнул Бароли, — который все еще остается загадкой для моего правительства! Участвует ли Австрия в подстрекательстве Черногории? Есть данные *за* и *против*; во всяком случае представляется непонятным, какой интерес может быть у Австро-Венгрии осложнять дела на Балканах в ту минуту, когда она сама испытывает большие финансовые затруднения?!»

Отдавая отчет по данному ему правительством поручению, г. Бароли предполагает, в согласии с высказанными мной выше соображениями, донести и о том, что на нейтралитет Сербии можно рассчитывать только при условии сохранения спокойствия среди православного населения прилегающих к королевству округов.

В заключение настоящего донесения полагаю небезынтересным упомянуть, что в беседе с председателем совета сербских министров г. Бароли отметил факт значительного *разногласия* во взглядах Италии и Австрии на балканские дела. К сожалению, воскликнул он, Италия еще *не готова*, чтобы в этом отношении стать решительно на сторону держав Тройственного согласия.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 33. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 31. 23/10 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к секретной телеграмме моей от [22] 9 сего мая № 75 [1], я почитаю долгом несколько подробнее остановиться на донесении сербского посланника в Париже, содержание коего мне доверительно сообщено было Пашичем.

Г. Веснич встретился с директором Оттоманского банка тотчас по возвращении его из Франкфурта, где он вел переговоры с немецкими капиталистами по поводу промышленных предприятий в Турции вообще и железнодорожного строительства, в частности.

По словам Обуано, он вынес из этих бесед весьма пессимистические впечатления, особливо в отношении так называемой северной (сербской) трассы Дунайско-Адриатической дороги. Один из директоров Немецкого банка Гвиннер категорически высказался против осуществления этого проекта, как по экономическим, так и политическим соображениям.

Весьма интересной и знаменательной представляется аргументация этого финансиста, очевидно, снабженного, как вероятно и все немецкие банковские учреждения, соответственными указаниями из Берлина.

Гвиннер прежде всего сказал, что Адриатическая дорога, сама по себе, не может иметь никакого экономического значения, а между тем сооружение ее несомненно пагубно отзовется на благосостоянии Вранье-Солунского пути, крупными акционерами которого являются германские капиталисты.

Соображение, невыдерживающее критики. Дело в том, что дорога Вранье—Солунь, обслуживая частью местные турецкие рынки, принимает главным образом грузы, направляемые *из Сербии в Египет*, количество коих возрастает с каждым годом, и, само собой разумеется, не может подвергнуться сокращению вследствие сооружения в совершенно ином направлении железного пути, предназначенного для установления торговых связей между Сербией, Италией, Францией и Англией.

Что касается *политических* соображений, представленных г. Гвиннером против осуществления адриатического проекта, то они отличаются необычайной откровенностью и, мне кажется, заслуживают нашего особого внимания.

По мнению директора Немецкого банка, проект Дунайско-Адриатической линии задуман в Петербурге с целью нанести удар железнодорожной политике гр. Эренталя в Боснии. Названный проект, стало быть, нарушает прямые интересы Австро-Венгрии. А так как Германия, добавил Гвиннер, во всех делах, касающихся Балканского полуострова, политических и экономических, должна итти рука об руку со своей союзницей, то мы, немцы, естественно всеми силами будем противиться сооружению Адриатической дороги, пользуясь для этого нашим исключительным влиянием в Константинополе.

Заявление это, повидимому, произвело большое впечатление на директора Оттоманского банка Обуано. Нельзя сказать, чтобы оно находилось в соответствии с теми обещаниями, которые неоднократно давались по сему поводу как берлинским кабинетом, так и лично германским императором.

По поводу всего изложенного не бесполезно также отметить некоторую *неравномерность* участия, проявляемого Германией по отношению к интересам своих двух союзниц: с одной стороны, она всеми силами отстаивает на Балканах экономические и политические выгоды Австро-Венгрии, с другой — готова употребить все свое влияние, чтобы похоронить промышленное предприятие, громадное значение которого для Италии не подлежит никакому сомнению. Не

[1] Тел. за № 75 помечена 23/10 мая. Содержание ее исчерпывается публикуемым документом.

является ли это новым доказательством существующего в Тройственном союзе *разногласия* по балканским вопросам.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 34. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁒ Депеша № 56. 23/10 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Телеграммами от 17/4 сего мая за №№ 268 и 269 [1] я имел честь довести до сведения вашего превосходительства о неблагоприятном для Франции обороте вопроса о железнодорожном строительстве в Турции: палата депутатов не согласилась одобрить принципиально заключения крупного железнодорожного займа, проектированного во Франции, а постановила, что Самсун-Сивасская дорога будет построена самим турецким правительством на собственные средства [2]. При таком обороте дела французы оказались бы вовсе отстраненными от сооружения и эксплоатации новых турецких железных дорог. А фактическими строителями и распорядителями на этих дорогах явились бы, по примеру Хеджасской линии, германские инженеры и техники. Барыши же от 30 млн. рублей, ассигнованных на Самсун-Сивасскую постройку, разошлись бы полностью по турецким карманам. Французский посол, возмущенный этим проявлением германских происков и турецкого чиновнического корыстолюбия, имел с тех пор с великим визирем и новым министром финансов объяснения, о коих он сообщил мне следующее.

Дабы успокоить и обнадежить посла, ему было заявлено, что соглашение с французскими предпринимателями об изысканиях Адриатической дороги (contrat d'études) и вообще о македонско-албанской железнодорожной сети окончательно установлено. Оно переводится на турецкий язык и имеет быть подписано на этих днях.

Что же касается решения палаты о Самсун-Сивасской линии, оно-де не меняет существа дела: и без того было решено строить известную малоазиатскую сеть не концессионным, а казенным способом, что не исключает участия французских предпринимателей. При этом вопрос о железнодорожном займе оставлен попрежнему открытым, так как палата не указала, из какого источника имеет быть покрытым расход, разрешенный ею на постройку Самсун-Сивасского участка.

По мнению г. Бомпара, подписание договора об Адриатической дороге и македонско-албанской сети явилось бы для французов и для нас немаловажным успехом. Относительно же малоазиатских линий посол ожидает, что все лето пройдет в нелегких переговорах с Портой и в скрытой борьбе против немецких интриг и денежных вожделений турецких бюрократов.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 35. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁒ Письмо. 23/10 мая 1911 г.
Весьма секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

При весьма секретном письме от [17] 4 ноября мин. года за № 1035 [3] г. министру угодно было препроводить ко мне, для моего личного сведения, копию

[1] Содержание указанных тел. исчерпывается публикуемым документом.

[2] См. № 2.

[3] Указанное письмо Сазонова является препроводительной запиской к копии его доклада от 17/4 ноября 1910 г.

с его всеподданнейшего доклада от означенного числа, содержащего сущность его переговоров с германским императором и германскими государственными деятелями в Потсдаме.

Переговоры эти касались нескольких вопросов, имеющих первостепенное значение для наших интересов в отношении Турции, как то: панисламизма, предотвращения австро-венгерских захватов на Балканах, турецких захватов в пограничной турецко-персидской полосе и железнодорожного вопроса как в Северной Персии, так и в Малой Азии [1].

Ввиду этого обстоятельства и принимая во внимание, что означенные переговоры еще, повидимому, не вполне завершены, позволяю себе изложить в настоящем письме некоторые совершенно личные соображения касательно возможно широкого использования проектированного соглашения с Германией для обеспечения русских интересов в Турции.

Но прежде чем говорить о том, что́ желательно, отмечу те благоприятные результаты, которые уже возымело здесь потсдамское свидание, и те неблагоприятные явления, с которыми нам еще приходится здесь бороться.

1. Прекратилась травля России и всего русского на столбцах здешней германской газеты «Osmanischer Lloyd», чему нельзя не радоваться искренно во всех отношениях.

2. Поощрения панисламизму той же газеты и, в частности, ее корреспонденции из Петербурга в защиту «Угнетаемых русскими мусульман» тоже ослабели и даже прекратились, в особенности перед недавней поездкой германского престолонаследника в Россию.

3. В турецко-персидском споре [2] замечается с турецкой стороны эволюция в примирительном смысле с принципиальным отказом хотя от доли произведенных на счет Персии захватов. Эту эволюцию я приписываю, между прочим, возрастающему убеждению турок, что Германия не поддержит их покушений на целость владений Персии, входящих в состав нашей сферы экономического влияния в этой стране.

Зато остаются в силе и даже развиваются в Турции следующие неблагоприятные для нас явления:

1. Систематические злобные нападки на русское правительство и на Россию со стороны крайней радикальной турецкой печати, субсидируемой различными революционными организациями и, в особенности, евреями-сионистами.

2. Пропаганда панисламизма и пантюркизма среди русских мусульман — особенно татар Крыма, Оренбурга и Кавказа — деятельно продолжается со стороны турецких духовных, гражданских и военных агитаторов, принимая все более политический характер, с присоединением революционной окраски. Мое обстоятельное заключение по этому важному вопросу препровождается сегодня в императорское министерство [3].

3. Морские вооружения, замедленные на полтора года нашими дипломатическими средствами, принимают форму, открыто направленную против нас, с заказом турками дредноутов. Правда, безденежье затрудняет этот заказ. Но оно не составляет непреодолимого препятствия, в особенности, если Германия будет толкать Турцию на путь увеличения морских сил. Кстати, те транспорты, которые недавно куплены турками в Германии и Англии, предназначены, несомненно, для перевозок войск по Черному морю во вред нам.

Есть еще новейший и опаснейший симптом в рассматриваемом деле. Велико-

---

[1] В своем докладе Сазонов указывал, что в его беседах с Вильгельмом II, Кидерлен-Вехтером и Бетман-Гольвегом обсуждались также вопросы о морских вооружениях Англии и Германии и о деятельности масонских лож.

[2] В Архиве Внешней Политики хранится «журнал совещания представителей генерального штаба и министерства иностранных дел по вопросу о турецких захватах в Персии» от 14/1 марта 1911 г., в котором указывается: «Турки постепенно подвигаются на восток и, судя по имеющимся сведениям, занимают ныне большую часть территории между бывшей фактической турецко-персидской границей и Урмийским озером».

[3] Отношение первому департаменту от [23]10 мая 1911 г. за № 124. [Прим. оригинала.] Не воспроизводится.

британский посол сказал мне на-днях, что идет речь о приглашении для константинопольского морского училища не только англичанина, но и одного *германского* морского офицера.

Эта мера вполне соответствует германофильству теперешних морского и военного министров и великого визиря и является, по моему глубокому убеждению, лишь первым шагом к внедрению германских инструкторов в турецкий флот, подобно их роли в сухопутном войске.

Англичанами турецкое правительство теперь не вполне довольно и, действительно, по наблюдению нашего морского агента, они теперь работают менее ревностно, чем вначале.

Ведь и для Англии появление в водах Леванта отряда из 4 австро-венгерских и 2 исправных турецких дредноутов — не может быть приятно.

Для нас же соединение в руках германских инструкторов турецких сухопутных и морских сил составило бы положительную и серьезную опасность.

Наконец, 4) Турция усиленно озабочена, в связи с общей и всесторонней реорганизацией своей армии, проложением преимущественно стратегических шоссейных и железных дорог к своим границам и, в том числе, по направлению к нашей кавказской окраине и к Персии.

Какими же способами можно бы использовать предполагаемое русско-германское соглашение, с выгодой для русских интересов, в отношении перечисленных выше 4 пунктов?

Для правильной постановки этого вопроса необходимо проникнуться убеждением, что самое категорическое соглашение с Германией может быть для нас лишь *подспорьем* в области наших отношений к Турции: основой же этих отношений должна служить лишь наша собственная сила и боевая готовность на море и на суше.

Турция, в отличие от прочих современных держав, остается до сих пор не столько государством, сколько войском-завоевателем, стоящим лагерем среди покоренных им чуждых народностей.

Это свойство воинственности составляет коренную основу турецкого племени и является, с одной стороны, источником его могущества, а с другой — причиной его политической несостоятельности: все силы племени направлены на военное дело, и их нехватает на дело управления.

С таким соседом можно жить в мире только пока он чувствует себя слабейшим. А присущий туркам фатализм побуждает их в таком случае сравнительно легко подчиняться своей участи и мириться с неизбежным.

Поэтому, если России возможно поддерживать прочные дружеские отношения с государствами современного типа, как например с Францией, Англией или даже Германией, независимо от постоянного подсчета обоюдных вооруженных сил, то, напротив, отношения к Турции неминуемо испортятся, во вред нам, лишь только она почувствовала бы, что сила в данную минуту на ее стороне.

Турки открыто заявляют, что, вторгнувшись в Европу мечом и огнем, они так же из нее уйдут или погибнут, все уничтожив.

Потому недопустимо, чтобы Турция хоть на короткое время вернула себе преобладание над нами на Черном море, и крайне желательно, чтобы она не могла рассчитывать в неудобных для нас вопросах на поддержку Германии.

Основой же предполагаемого нашего соглашения с Германией касательно рассматриваемых турецких вопросов могло бы служить обоюдное заявление, сделанное, как видно, в Потсдаме, что ни Россия, ни Германия не примет участия в комбинации, острие коей было бы направлено против одной из них.

1. Обращаясь к первому из упомянутых вопросов — нападкам на Россию турецкой печати, в особенности сионистской, нельзя не обратить внимания на тот факт, что евреи и в частности сионисты в Турции пользуются благоволением с германской стороны.

Факт этот объясняется числом евреев, участвующих, в различных ролях, в здешних германских торгово-промышленных предприятиях, отчасти завися-

щих от германского правительства и германских банков и в свою очередь помогающих немецким начинаниям в Турции.

Мне кажется, что если бы германское правительство искренно того пожелало, оно могло бы повлиять на евреев и в особенности на сионистов Салоник и Константинополя в смысле умерения их печатных нападок на русское правительство и на Россию.

Что же касается собственно *турецкой* печати, то среди ее представителей имеются не только благоразумные и умеренные деятели, но и убежденные сторонники дружбы с Россией. Когда еврейские возгласы станут менее громкими, голос этих людей станет слышнее.

2. В отношении панисламизма дело обстоит проще.

При малейшем желании берлинского кабинета, здешний «Osmanischer Lloyd» станет, вместо недавнего поощрения панисламизма, указывать туркам на действительную и неоспоримую опасность, которая возникла бы для Турции, если бы она увлеклась воинствующим панисламизмом и пантюркизмом и пропагандой этих учений за пределами Оттоманской империи.

Принятие такого тона названной газетой и, соответственно сему, кое-какими германскими официозами немедленно охладило бы пыл здешних агитаторов и усилило бы положение тех порядочных мусульман, которые, уважая свою веру, не считают пригодным делать из нее орудие политической интриги.

3. Относительно морских вооружений Турции было бы достаточно заручиться обещанием с германской стороны *не отпускать в Турцию германских морских офицеров-инструкторов*.

Такое обещание отнюдь не вредило бы германским торгово-промышленным интересам, так как оно не препятствовало бы дальнейшей продаже туркам второсортных германских военных судов. Мера эта однако свидетельствовала бы перед нами о нежелании Германии оттачивать это острие, направленное турками против нас.

Денежной помощи на морские вооружения турки едва ли ждут от Германии и едва ли последняя согласилась бы обещать нам не оказывать им таковой, хотя, конечно, подобное обещание было бы для нас очень полезно.

4. Не менее важен вопрос об отношении германского правительства к русским интересам в деле проектируемого турками железнодорожного строительства по направлению к нашей кавказской окраине и к Персии.

По этому вопросу в письме г. министра отмечено, что руководителями германской политики было проявлено полное согласие на условие, «чтобы Германия формально обязалась не строить никаких других линий от Багдадской магистрали по направлению к русской и персидской границам к северу от Ханекена и не поддерживать других лиц в подобных предприятиях» [1].

Здесь германский посол отрицал изъявление Германией такового согласия, казавшегося туркам обидным для их самолюбия.

Но в данном случае было бы вполне возможно отстранить вопрос о турецком самолюбии, придав означенному обязательству Германии, ввиду крайней важности его для нас, форму, например, сепаратного секретного добавления *к общему* тексту русско-германского уговора.

Рассматриваемое обязательство подлежало бы, быть может, даже некоторому развитию в соответствии с теми гарантиями, которые нам готово, повидимому, дать французское правительство в том же деле и которые намечены в новой редакции ст. V проекта протокола и в статьях II и X оного, касающихся компании Честера [2].

Именно, казалось бы желательным заручиться и со стороны Германии заявлением, что «pour la réalisation des dispositions convenues, le gouvernement

---

[1] Письмо министра иностранных дел послу в Константинополе от [17] 4 ноября 1910 г. за № 1035. [Прим. оригинала.] Цитируемая Чарыковым фраза об обязательстве Германии взята из доклада Сазонова (см. стр. 32, прим. 3).

[2] См. приложение к № 202.

russe peut compter sur le concours amical du gouvernement allemand pour faire prévaloir ses vues»[1].

Такое заявление соответствовало бы уже сделанному в Потсдаме с нашей стороны указанию на крайне вредное значение, которое известные линии имели бы для нас не только с экономической, но и со стратегической точек зрения.

С такой заручкой мы имели бы перед собой, при приступе к переговорам с Портой о пересмотре соглашения 1900 г.[2], *изолированную Турцию.*

Это обстоятельство предрешило бы существо вопроса в нашу пользу, и искомая новая формула должна была бы уже главным образом служить лишь для придания уступкам турок по возможности удобоприемлемый для последних внешний вид.

Конечно, существование специального русско-французского соглашения должно бы храниться в совершенной тайне от Германии, как и от Турции. Но это нисколько не мешало бы установлению между Россией и Германией параллельного, по данному особому вопросу, уговора.

Любопытно, что русско-германский уговор, будучи параллельным русско-французскому, оказался бы обширнее его и не менее, если не еще более необходимым: соглашение с Францией касается только малоазиатских железных дорог, а уговор с Германией охватывает также и персидские.

По буквальному смыслу приведенного выше текста письма[3] г. министра, можно полагать, что германское правительство согласно не строить, между прочим, линию Ангора—Сивас, как направляющуюся от «Багдадской магистрали» в сторону русской границы.

Если это так, то, ввиду постановления особого совещания [15] 2 июня 1910 г.[4] о перемещении «запретной зоны» на восток, можно было бы предоставить Германии возможность продолжить линию Хайдар-Паша — Ангора до Иозгада, на Сивасской сети.

Это дозволение явилось бы солидной материальной компенсацией за политическую услугу, которую Германия оказала бы нам желаемой нами поддержкой в вопросе о постройке железных дорог к востоку от линии Самсун—Сивас—Харпут—Диарбекир—Ханекен.

Во всяком случае Германия может предпринять постройку линии Ангора — Сивас лишь после отмены или соответственного изменения соглашения 1900 г. Поэтому берлинскому кабинету выгодно в этом отношении способствовать успеху наших переговоров с Портой о замене упомянутого соглашения иным актом.

Было бы также полезно оговорить, что выражение «и не поддерживать других лиц в подобных предприятиях» обнимает и производство железнодорожного строительства самим турецким правительством.

Принимая во внимание, что каждая железнодорожная линия, которая направлялась бы по Малой Азии в сторону Кавказа или Персии, явилась бы более или менее нежелательным конкурентом для линии Багдад—Ханекен, можно, право, думать, что Германия должна бы согласиться на проектируемое обязательство прежде всего в собственных торгово-экономических интересах.

Политические же выгоды общего характера, проистекающие для Германии из потсдамского соглашения, более чем уравновесили бы те местные затруднения, которые могли бы при этом возникнуть для Германии в области ее отношений к Турции.

Я был бы крайне признателен вашему превосходительству, если бы вы признали возможным поставить меня в известность, совершенно секретно, о вашем

---

[1] «для осуществления обусловленных положений российское правительство может рассчитывать на дружеское содействие германского правительства, дабы отстоять свои взгляды».

[2] См. стр. 1, прим. 2.

[3] Так в оригинале. Следует читать: «доклада» (см. стр. 32, прим. 3).

[4] На особом совещании по вопросу о Самсун-Сивасской ж. д. от 15/2 июня 1910 г. было признано необходимым отказаться от соглашения 1900 г. с тем, чтобы «добиться от Турции заключения нового договора, который гарантировал бы нас от сооружения железных дорог к востоку от линии Самсун—Сивас—Харпут—Диарбекир—Моссул—Ханекен».

взгляде по содержанию настоящего письма, ввиду того капитального значения, которое имеет для наших здешних политических интересов выяснение отношения к оным берлинского кабинета.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 36. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

⁒. Телеграмма № 645. 24/11 мая 1911 г.

Телеграммы №№ 345[1] и 360[2] получены.

Никаких определенных обещаний нами Зелигману дано не было. Мой разговор с ним точно изложен в письме № 241[3]. Судя по имеющимся у нас данным, предложение Зелигмана было отклонено великобританским правительством, поддерживавшим Шахиншахский банк, через который и состоялся заем. Ввиду этого мы считаем себя свободными от каких-либо обязательств по отношению к Зелигману и считаем, что, в случае обращения к нам персидского правительства об устройстве займа, операция эта может быть предоставлена нашему банку, от которого уже будет зависеть войти в соглашение с иностранными финансистами по своему усмотрению, если помещение займа в России окажется невозможным. Подробности почтой[4].

Нератов.

№ 37. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁒. Письмо[5]. 24/11 мая 1911 г.

Monsieur le Gérant,

J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre personnelle de votre excellence en date du 18/5 mai[6].

Je me rendis hier matin chez Sir Arthur Nicolson, qui me dit que Sir G. Buchanan l'avait prévenu par une dépêche qui venait d'arriver par courrier que j'aurais à lui parler très confidentiellement de l'affaire de Bagdad et de l'état actuel de nos négociations avec l'Allemagne. Il me donna à lire cette dépêche qui reproduit très exactement tout ce que vous avez bien voulu me mander dans votre lettre et complète le récit de votre entretien avec l'ambassadeur.

Sir Arthur comprit tout de suite tout le sérieux et la difficulté de la situation.

Après m'avoir fait remarquer qu'il était en réalité difficile de donner une opinion sans connaître de façon plus complète l'ensemble des contre-propositions allemandes[7], Sir Arthur, convaincu qu'une rupture de nos négociations avec l'Allemagne serait déplorable, me dit que s'il s'agissait, comme vous l'aurait dit le comte de Pourtalès, de prendre un engagement «extending to the whole Bagdad system so as to include the Gulf-section, whose construction has still to be provided for», il faudrait pourtant ajouter à cette déclaration quelque réserve, qui tout en impli-

---

[1] См. № 9.

[2] Тел. от 20/7 мая за № 360 Поклевский сообщал: Беддос «считает, что императорское правительство выразило принципиальное согласие на погашение этого долга из займа, который Зелигман намеревается выпустить на лондонском рынке».

[3] См. стр. 7, прим. 4.

[4] См. № 83.

[5] Опубл. Siebert, II, S. 98; N 404.

[6] Письмо Нератова от 18/5 мая в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[7] В Архиве внешней политики хранится недатированный проект русско-германского соглашения, который и содержит, повидимому, «совокупность германских контрпредложений». Можно думать, что содержание именно этого проекта изложено Нератовым в его докл. записке от 4 июля/21 июня (см. № 159).

quant l'absence de toute opposition principielle, nous conserve néanmoins une liberté d'action, qui permette notre coopération, si nos intérêts l'exigent, et nous gare de sacrifices financiers, comme le serait une obligation de consentir en tout cas, en dehors des autres Puissances et au gré de l'Allemagne seulement, à l'augmentation des droits de douanes turques.

Du reste il me dit qu'il ne pouvait me donner que son opinion toute personnelle et me référa à Sir E. Grey.

Je viens de voir le ministre.

Mais, avant de rendre compte de mon entretien avec lui, permettez moi de relever certaines assertions que vous a faites le comte de Pourtalès.

Il admet que l'Allemagne possède des fonds suffisants pour construire sans aide la ligne de Koniah à Bagdad. Cela me semble probable, mais cela n'est pas prouvé. Tous les organes allemands officiels et financiers le maintiennent. Les financiers anglais et français sont plus sceptiques. Ces derniers surtout, pensent que la finance allemande ne saurait se passer de la Bourse de Paris. En tout cas le calcul semble basé sur les surplus de la Dette Ottomane. Mais le Trésor turc ne peut se passer de ces surplus à d'autres fins, à moins de trouver des ressources puisées à une autre source, qui ne peut être que la surtaxe douanière.

L'Allemagne, d'après Mr. de Pourtalès, tiendrait surtout à l'arrangement projeté avec nous à cause de l'insuccès de ses tentatives d'accord avec l'Angleterre et la Turquie. Pour ce qui est de la Turquie, la rétrocession de la section du Golfe par les concessionnaires allemands moyennant des conditions multiples, en partie financières, me paraît un fait accompli. De ce côté il n'y a pas eu insuccès. La Turquie, au contraire, semble s'être inféodée encore davantage aux intérêts allemands. Du côté de l'Angleterre, l'expression insuccès est prématurée: les négociations avancent lentement tout comme les nôtres.

Naturellement que pour l'Allemagne elles seraient considérablement facilitées, si la Russie, séparant tout-à-fait ses intérêts de ceux de l'Angleterre et de la France, laissait la principale arme qui lui reste, celle du droit de disposer de son consentement à la surtaxe.

Ici se pose la question de nos intérêts directs en Perse et il est, je crois, bien nécessaire d'étudier de quelle façon ils seraient en réalité et solidement garantis. Nous aurons livré notre dernier et puissant moyen d'action, nous serons privés de tout appui français et anglais surtout; l'Angleterre se verra obligée de traiter tout autrement avec l'Allemagne, et il me semble probable que l'Allemagne, n'ayant plus que l'Angleterre seule à considérer et désireuse de maintenir la paix, lui fera la part fort large.

D'un autre côté l'Allemagne, maîtresse d'un réseau de chemin de fer formidable, également important au point de vue économique, politique et stratégique en Turquie, s'étendant à travers toute l'Asie Mineure, reliant toutes les mers, se trouvera tellement inféodée aux intérêts de la Turquie, que, forcée d'avoir les intérêts turcs en vue à l'égal presque des siens propres, il sera difficile, je dirais impossible, d'admettre qu'elle puisse tenir tous les engagements qu'elle est disposée à prendre avec nous. Son intérêt propre sera l'intérêt de la Turquie et non pas la sauvegarde des intérêts russes en Perse.

Je ne puis m'empêcher d'ajouter ici que si nous acceptions l'offre de capitaux allemands pour la construction de nos chemins de fer en Perse, ne fusse que de la ligne Khanékin — Téhéran, notre influence politique dans la Perse septentrionale ne pourra qu'y perdre progressivement.

Nous nous trouverons, en construisant ces lignes, qui, nuisibles en elles-mêmes à notre commerce et notre industrie [1] ne constituent en réalité qu'une concession à l'Allemagne pour nous onéreuse, avoir du même coup créé en Perse un intérêt politique allemand de premier ordre.

J'avoue que je ne vois aucunement cette sécurité pour nos intérêts, cette garan-

---

[1] У Siebert'а слова: «et notre industrie» опущены.

tie dans le sacrifice que l'Allemagne me semble nous demander, un sacrifice qui va bien au delà de tout ce qui s'est dit à Potsdam et depuis.

J'en viens à mon entretien avec Sir E. Grey.

Le ministre envisagea la question sérieusement mais avec beaucoup de calme. Il me rappela ce qu'il avait dit, il y a peu de temps [1] à la Chambre des Communes; il s'était exprimé à peu près en ce sens [2]:

«Tant que la Turquie sur son propre territoire donnait des concessions soit pour des chemins de fer, des ports, ou telle autre entreprise et ne demandait à personne le sacrifice de droits stipulés, une opposition principielle était vaine, guère légitime et sans effet; que d'un autre côté les Puissances étaient libres d'accorder ou ne pas accorder pour ces entreprises les facilités dont elles disposent légitimement».

Ceci se rapporte, me dit Sir Edward, à la surtaxe sur les douanes turques. Sir Edward y voit le fond de la question. Il me dit qu'il serait préférable et plus clair que notre déclaration ne se rapporte qu'à la section Koniah — Bagdad, mais que si une telle rédaction devenait impossible, tant que nous garderions les mains libres dans la question de la surtaxe, il n'avait pas d'argument péremptoire à faire valoir.

Répondant à des questions d'éclaircissement que je lui posais, il me dit, que, selon lui, l'entente des trois Puissances pour le chemin de fer de Bagdad, à laquelle le Cabinet de Londres continuait à se tenir, avait pour objet non pas le principe d'une opposition inconditionnelle à la construction du système du chemin de fer de Bagdad, mais le principe que les trois Puissances n'accorderaient leur consentement à la surtaxe, le jour où elle deviendra nécessaire, — qu'ensemble et d'un commun accord.

Qu'ainsi si nous trouvions nécessaire pour éviter une rupture des négociations avec l'Allemagne, une stipulation [3] qui étende la portée de l'article I du projet du [8 décembre] 25 novembre 1910 [4], à tout le réseau du chemin de fer de Bagdad, la phrase finale devrait y être comprise et entendue comme jusqu'ici, c'est à dire qu'elle réserve les droits de la Russie concernant la surtaxe, dont le sacrifice est un sacrifice pécunier et économique [5]. Le ministre ajouta que s'il n'en était pas ainsi, toute la situation serait modifiée.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Я имел честь получить личное письмо вашего превосходительства от 18/5 мая.

Вчера утром я отправился к сэру Артуру Никольсону, который сказал мне, что сэр Дж. Бьюкенен в депеше, только что полученной с курьером, уведомил его, что я буду весьма доверительным образом говорить с ним о Багдадской дороге и о настоящем положении наших переговоров с Германией. Он дал мне прочесть эту депешу, весьма точно воспроизводящую все, что вам угодно было сообщить мне в вашем письме, и дополняющую сообщение о вашей беседе с послом.

Сэр Артур сразу же понял всю серьезность и трудность положения.

Заметив, что действительно трудно высказать какое-либо мнение, не имея более точных сведений о совокупности германских контрпредложений, сэр Артур, убежденный в том, что разрыв наших переговоров с Германией был бы прискорбным явлением, сказал мне, что если речь идет, как вам говорил граф Пурталес, о том, чтобы взять обязательство, «распространяющееся на всю систему Багдадской дороги, включая и отревок залива, постройка которого еще подлежит обеспечению», то следовало бы все же добавить к этой декларации некоторые оговорки, которые, предполагая отсутствие всякого противодействия

[1] У Siebert'a слова: «il y a peu de temps» опущены.

[2] У Siebert'a слова: «il s'était... en ce sens» опущены.

[3] У Siebert'a слова: «Qu'ainsi si... une stipulation» заменены словами: «Wenn wir uns daher in der Zwangslage befinden einer Klausel zustimmen zu müssen» («Если мы будем вынуждены согласиться на статью».)

[4] У Siebert'a: «29 november». Эта статья гласит: «Императорское правительство выражает готовность не оказывать противодействия осуществлению Багдадской железной дороги и обязуется не чинить никаких препятствий участию иностранных капиталов в этом предприятии. Само собой разумеется, что от России не будет потребовано при этом никаких денежных или экономических жертв».

[5] У Siebert'a слова: «et économique» опущены.

в принципе, тем не менее оставляли бы за нами свободу действий, допускающую наше участие, если того потребуют наши интересы, и избавляли бы нас от жертв финансового характера, как, например, обязательство согласиться во всяком случае, помимо других держав и исключительно по желанию Германии, на повышение турецких таможенных пошлин.

Впрочем он сказал мне, что он может высказать мне лишь свое личное мнение, и предложил мне переговорить с сэром Э. Греем.

Я только-что виделся с министром.

Но прежде, чем дать отчет о моей беседе с ним, разрешите мне коснуться некоторых утверждений, высказанных вам графом Пурталесом.

Он допускает, что Германия располагает средствами, достаточными для того, чтобы построить без [посторонней] помощи линию от Кония до Багдада. Мне кажется это вероятным, но не доказанным. Вся германская пресса, официальная и финансовая, утверждает это. Английские и французские финансисты настроены более скептически. Особенно эти последние думают, что германские капиталы не сумеют обойтись без парижской биржи. Во всяком случае расчет основан, повидимому, на излишках оттоманского долга. Но турецкое казначейство не может обойтись без этих излишков, необходимых ему на другие цели, если только оно не изыщет иных средств из другого источника, который не может быть ничем другим, кроме надбавки на таможенные пошлины.

По словам Пурталеса, Германия особо настаивает на проектируемом соглашении с нами, вследствие неудавшихся попыток притти к соглашению с Англией и Турцией. Что касается Турции, то переуступка германскими концессионерами участка залива на разных сложных, отчасти финансовых, условиях кажется мне совершившимся фактом. С этой стороны неудачи не было. Напротив, Турция, повидимому, еще более подчинилась германским интересам. По отношению к Англии говорить о неудаче преждевременно: переговоры подвигаются вперед медленно, так же, как и наши.

Конечно, для Германии они были бы значительно облегчены, если бы Россия, полностью отделив свои интересы от интересов Англии и Франции, отказалась от главного оставшегося у нее оружия, а именно: права располагать своим согласием на повышение пошлин.

Здесь возникает вопрос о наших прямых интересах в Персии, и является, я думаю, необходимым обсудить, каким путем они могут быть действительно и прочно гарантированы. Мы лишимся нашего последнего и мощного средства воздействия, мы лишимся прежде всего всякой поддержки со стороны Франции и Англии; Англия окажется вынужденной совершенно изменить свои отношения с Германией, и мне кажется возможным, что Германия, которой придется считаться лишь с одной Англией, желая сохранить мир, сделает ей весьма широкие уступки.

С другой стороны, Германия, оказавшись хозяйкой громадной железнодорожной сети, одинаково значительной в Турции с экономической, политической и стратегической точек зрения, охватывающей всю Малую Азию и соединяющей все моря, окажется до такой степени подчиненной интересам Турции, что будет вынуждена считаться с турецкими интересами почти наравне со своими. Тогда будет трудно, и я бы сказал невозможно, предположить, что она сможет выполнить все обязательства, которые она намерена взять на себя по отношению к нам. Ее собственными интересами будут интересы Турции, а не ограждение русских интересов в Персии.

Не могу не прибавить здесь, что если мы примем предложение германских капиталов для сооружения наших железных дорог в Персии, хотя бы для одной только линии Ханекен—Тегеран, наше политическое влияние в Северной Персии может лишь прогрессивно уменьшаться.

Соорудив эти линии, которые, сами по себе, нанося вред нашей торговле и нашей промышленности, явятся в действительности лишь обременительной для нас уступкой Германии, мы тем самым создадим для Германии крупнейшие политические интересы в Персии.

Признаюсь, что я никоим образом не вижу этого обеспечения, этой гарантии для наших интересов в той жертве, которую, мне кажется, Германия требует от нас, в жертве, далеко превосходящей все то, что было сказано в Потсдаме и после.

Я перехожу к моей беседе с сэром Э. Греем.

Министр отнесся к этому вопросу серьезно, но с большим спокойствием. Он напомнил мне то, что было им недавно сказано в палате общин; он высказался приблизительно в следующем смысле:

«До тех пор, пока Турция на своей территории дает концессии на железные дороги, порты и какие-либо другие предприятия, никому не предъявляя требования пожертвовать выговоренными правами, принципиальное противодействие будет напрасным, не вполне законным и безрезультатным. С другой стороны, державы свободны предоставлять или не предоставлять этим предприятиям льготы, которыми они располагают на законном основании».

Это относится, сказал мне сэр Эдуард, к повышению таможенных пошлин в Турции. В этом сэр Эдуард видит суть вопроса. Он сказал мне, что было бы лучше и яснее, чтобы наше заявление относилось только к участку Кония—Багдад, но что если такая редакция станет невозможной, то пока мы сохраняем свободу действий в вопросе о повышении пошлин, он не может выставить категорических возражений.

Отвечая на предложенные мной для ясности вопросы, он сказал мне, что, по его мнению, согласие трех держав относительно Багдадской железной дороги, которое лондонский кабинет попрежнему желает сохранить, имеет в виду не безусловное принципиальное противодействие сооружению системы Багдадской железной дороги, а тот принцип, в силу кото-

рого все три державы дадут свое согласие на повышение пошлин лишь совместно и по общему соглашению тогда, когда это повышение станет необходимым.

Таким образом, если, во избежание разрыва переговоров с Германией, мы найдем необходимым принять формулу, распространяющую значение статьи 1 проекта от [8 декабря] 25 ноября 1910 г. на всю сеть Багдадской железной дороги, то необходимо сохранить в ней ее заключительную фразу, которая должна пониматься и толковаться так же, как и до сих пор, т. е. что в отношении повышения пошлин она оставляет за Россией права, отказ от которых является жертвой денежного и экономического характера. Министр добавил, что если бы дело обстояло иначе, все положение изменилось бы.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 38. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 24/11 мая 1911 г.

Cher Анатолий Анатольевич,

Ce courrier-ci ne me donne que 48 heures, ce qui est peu pour des questions aussi sérieuses que celles que soulève votre lettre personnelle [1]. Elle m'a absorbé tout entier, et j'ai été forcé de négliger quelques autres points, qui peuvent d'ailleurs attendre.

Comme vous le verrez j'ai été mis en communication de suite avec Nicolson et Grey. Quant au résultat de nos conversations j'aurais pu vous le soumettre, sans même en référer à eux.

Au fond dans votre lettre vous me demandez surtout quel accueil le gouvernement anglais ferait à la substitution du terme, chemin de fer de Bagdad y compris la section du golfe, au terme que nous avions proposé à l'Allemagne «Koniah — Bagdad» [2].

La question ainsi posée, la réponse est simple. Nous ne pouvions nous attendre à ce qu'on aime cette substitution. Mais en somme s'il ne s'agissait que de cela et que notre liberté d'action pour la surtaxe des douanes turques était maintenue, et malgré que cela rende la négociation anglaise d'un degré plus difficile, on aurait certainement préféré cette substitution à une rupture de négociations entre l'Allemagne et nous, qu'on redoute.

Le danger est que le Cabinet de Berlin n'entende le rétablissement du premier projet de l'art. I [3], autrement que nous, et que cela se découvre plus tard et ne crée de grosses difficultés.

En réalité Grey ne comprend pas, et j'avoue que je partage entièrement son opinion, pourquoi l'Allemagne tient si fort à ce que nous nous déclarions «disposés à ne pas faire d'opposition». Quelle valeur cette expression vague et théorique peut-elle bien avoir et quelle opposition réelle pouvons nous et avons nous jamais pu faire autre qu'une opposition basée sur notre droit de consentir ou refuser la surtaxe. En réalité l'argument que selon Buchanan, Pourtalès nous a fait, n'a de sens qu'ainsi compris. Une déclaration de notre part ne regardant que Koniah — Bagdad n'a plus de valeur parce que l'argent est soi-disant trouvé. Mais pour la section du golfe l'argent n'est pas trouvé, c'est d'argent qu'il s'agit surtout, par conséquent de la surtaxe.

A Potsdam il en était autrement. Mais d'ailleurs même à Potsdam le Cabinet de Berlin n'a pu attacher à notre déclaration que surtout une importance politique, celle de formuler une différence entre notre point de vue et le point de vue anglais et de semer un germe de discorde dans l'entente anglo-franco-russe, entente qui d'ailleurs était admise par Mr. de Kiderlen, après que S. D. Sazonow l'eut réservée.

Le résultat n'ayant pas été atteint, on va plus loin, et on s'en prendra à Berlin au droit de consentement à la surtaxe. Si les choses en venaient là, il m'importe de vous dire qu'il n'y a pas d'illusions à se faire, c'est la fin de l'entente. Grey,

[1] Указанное письмо в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.
[2] См. стр. 37, прим. 7.
[3] См. стр. 39, прим. 4.

dans le mémorandum que je joins à cette lettre [1], est modéré dans sa conclusion. «It would be fatal to the future cooperation of France, Russia and Great Britain *in the question*».

Ce n'est pas de cette question seulement qu'il s'agit. C'est de toute l'entente. Il ne subsisterait que les conventions, qui n'ont de valeur que celle de l'esprit dans lequel elles sont appliquées. Le jour que notre changement d'attitude, notre retraite de l'entente à trois sera porté à la Chambre des Communes, et ce jour ne peut pas tarder, l'effet sera tel, la surprise si grande et d'ailleurs le terrain à Londres si bien préparé par l'Allemagne, que le revirement sera subit et complet. Le monde politique anglais ne regardera plus que vers l'Allemagne.

Il ne faut pas oublier que cette entente à trois, qui devait amener un arrangement final à quatre, est, s'il a été formulé par Grey, né surtout sous nos auspices, que c'est nous qui avons suivi d'un œil jaloux toutes les tentatives de négociations indirectes et directes de l'Angleterre avec l'Allemagne, que l'Angleterre l'an dernier a rompues, dès qu'elle a vu qu'elle quittait cet accord, que l'Allemagne l'y entraînait, et que nous lui avons fait part de nos impressions.

Potsdam a inspiré des inquiétudes, mais Potsdam était correct, et nos explications ont suffi. Mais à Potsdam alliance et entente était maintenue, notre ministre des affaires étrangères déclarait à Mr. de Kiderlen ne pas pouvoir toucher certaines questions sans consultation avec l'ambassadeur d'Angleterre.

Aujourd'hui nous sommes loin de là, nos communications avec l'Angleterre sont ultraconfidentielles et secrètes et doivent rester inconnues à Berlin. Ceci a dû frapper ici, et je doute que notre prestige de Grande Puissance indépendante puisse y gagner. Notre prestige actuel est surtout moral, il n'en a que plus de prix pour l'avenir.

Je comprends qu'il faut faire des concessions à l'Allemagne. Mais je ne crois pas que nous puissions lui faire celle de la surtaxe. Elle constituerait un virement de bord, un changement de front politique, duquel il n'a pas été question à Potsdam et auquel nous aurions été amenés depuis par une pression allemande progressive. Je ne saurais trouver d'autre expression.

Le pire est que si les choses en venaient là, je ne saurais me persuader que nous y trouverions des garanties pour nos intérêts en Perse. De par la force des choses, la même progression agirait. Déjà on nous propose des capitaux. Des capitaux plus abondants et plus mobiles, une industrie plus entreprenante, mieux outillée et plus riche que la nôtre nous refouleraient. Les intérêts économiques entraîneront les intérêts politiques, ce qui réduirait à une valeur bien faible celle de notre sphère d'influence.

Je ne suis pas de ceux qui entrevoient en ces hypothèses du danger stratégique immédiat. Pourtant, il ne faudrait pas perdre de vue que l'immensité même du succès politique pour l'Allemagne, constitué par l'entreprise de Bagdad, crée entre elle et la Turquie un lien que les progrès même de l'armée turque, organisée sous l'égide allemande, rendra d'autant plus conséquent. Je ne vois pas que des assurances, quelque formelles qu'elles puissent être, tiennent contre la force des choses, surtout quand nous serons isolés.

Il me paraît que notre réponse au contre-projet allemand, si on se décide chez nous à accorder comme concession extrême, la substitution d'une expression à l'autre, devrait clairement ramener les choses au point où elles en étaient restées à Potsdam même, qui sont le maintien de l'alliance et des ententes et la nécessité pour nous de consulter les intérêts de la France et de l'Angleterre en ces matières.

En ce cas en effet, mais, je l'avoue, dans mon opinion, dans ce cas seulement, les garanties que nous offre l'Allemagne ont une valeur réelle.

Si l'Allemagne voulait aller plus loin, je n'y vois aucun intérêt pour nous, et d'ailleurs je ne vois pas du tout que les rapports entre l'Angleterre et l'Allemagne aient empiré par suite de la réponse catégorique qu'au sujet du Maroc Sir E. Grey vient de donner au comte de Metternich [2].

---

[1] См. приложение к публикуемому документу.
[2] См. № 29.

Laissez moi terminer en vous priant de transmettre à notre chef et à M-me Sazonow, combien ma femme et moi sommes heureux des nouvelles que vous nous donnez. Nous les en félicitons de tout cœur.

Croyez moi, cher Анатолий Анатольевич, votre sincèrement dévoué

Benckendorff.

Ci-joint le mémorandum [1] que m'a transmis Grey après notre entretien. Il m'avait dit qu'il le ferait, en appuyant sur certains côtés de la question plus fort qu'il ne l'avait fait avec moi.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

До отправки курьерской почты остается только 48 часов, этого мало для [ответа на] столь серьезные вопросы, которые поставлены в вашем личном письме. Оно поглотило все мое внимание и я вынужден был отложить некоторые другие вопросы, которые могут, впрочем, подождать.

Как вы увидите, я немедленно снесся с Никольсоном и Греем. Что касается до результатов наших бесед, то я мог бы вам их сообщить даже не беседуя с ними.

В сущности в вашем письме вы меня главным образом спрашиваете о том, как отнеслось бы английское правительство к тому, чтобы предложенное нами Германии выражение «железная дорога Кония—Багдад» было заменено выражением «Багдадская железная дорога», включая сюда и участок залива.

Раз этот вопрос поставлен так, то ответ прост. Мы не могли рассчитывать на то, что эта замена понравится. Но в общем, если бы речь шла лишь об этом и если бы наша свобода действий относительно повышения турецких пошлин была бы сохранена, то, несмотря на то, что это несколько затруднило бы для Англии переговоры, здесь предпочли бы эту замену разрыву переговоров между Германией и нами, чего опасаются.

Опасность состоит в том, что берлинский кабинет может истолковать восстановление первого проекта статьи 1 иначе чем мы, и что это обнаружится позже и создаст серьезные затруднения.

В действительности Грей не понимает, и, признаюсь, я вполне разделяю его мнение, почему Германия так настаивает на том, чтобы мы заявили о своей «готовности не оказывать противодействия». Какую ценность может в действительности иметь это туманное и теоретическое выражение и какое реальное противодействие мы можем или могли когда-либо оказать за исключением того, которое основано на нашем праве давать или не давать согласие на добавочный тариф. В действительности, аргумент, который, по словам Бьюкенена, нам предъявил Пурталес, имеет смысл лишь в таком понимании. Заявление с нашей стороны лишь относительно [линии] Кония—Багдад не имеет больше ценности, т. к. деньги будто бы найдены. Но для участка залива деньги не найдены, а речь идет главным образом о деньгах, следовательно о повышении пошлин.

В Потсдаме дело обстояло иначе, но впрочем даже в Потсдаме берлинский кабинет мог придать нашей декларации лишь сугубо политическое значение, а именно: сформулировать различие между нашей точкой зрения и английской и посеять семя раздора в англо-франко-русском согласии, согласии, допущенном, впрочем, г. Кидерленом после того, как С. Д. Сазонов внес свои оговорки.

Так как результат не был достигнут, то идут дальше, и в Берлине возьмутся за вопрос о праве [России] согласиться на повышение пошлин. Если дело дойдет до этого, то должен вам сказать, что нельзя создавать себе иллюзий — это означает конец согласия. В меморандуме, который я прилагаю к этому письму, Грей делает умеренное заключение. «Это имело бы роковые последствия для будущего сотрудничества Франции, России и Англии *в данном вопросе*».

Речь идет не только об этом вопросе, [но] обо всем согласии. [От него] оставались бы лишь конвенции, имеющие значение лишь в зависимости от того, в каком духе они применяются. В тот день, когда в палате общин будет оглашено, что наша позиция изменилась и мы выходим из Тройственного согласия — а этот день не за горами, — впечатление будет таково, удивление так сильно, а почва в Лондоне так хорошо Германией подготовлена, что перемена будет внезапной и полной. Английский политический мир будет смотреть лишь в сторону Германии.

Нельзя забывать, что это Тройственное согласие, которое должно было привести в конечном счете к четверному соглашению, зародилось главным образом по нашей инициативе, хотя и было сформулировано Греем. Это мы ревнивым взором следили за всеми попытками прямых и косвенных переговоров между Англией и Германией, которые Англия в прошлом году порвала, как только увидела, что она отходит от этого соглашения и что Германия побуждает ее к этому и когда мы поделились с ней [Англией] нашими впечатлениями.

Потсдам вызвал некоторое беспокойство, но в Потсдаме были корректны и наших объяснений оказалось достаточно. Но в Потсдаме согласие и союз были сохранены; наш министр

[1] См. приложение к публикуемому документу.

иностранных дел заявил г. Кидерлену, что он не может касаться некоторых вопросов не посоветовавшись предварительно с английским послом.

В настоящее время мы далеки от этого. Наши сношения с Англией ведутся совершенно доверительно и секретно и должны оставаться неизвестными в Берлине. Здесь это должно было произвести впечатление, и я сомневаюсь в том, чтобы наш престиж независимой великой державы мог бы от этого выиграть. Наш теперешний престиж является главным образом моральным и имеет поэтому тем большую ценность на будущее время.

Я понимаю, что надо сделать уступки Германии. Но я не думаю, что мы могли бы ей сделать уступку в отношении повышения пошлин. Такая уступка явилась бы поворотом курса, переменой политического фронта, о чем не было речи в Потсдаме и к чему мы были бы вынуждены прийти под возрастающим давлением со стороны Германии. Я не сумел бы подыскать другого выражения.

Всего хуже, что если бы дело приняло такой оборот, я не был бы убежден в том, что мы найдем в этом гарантии для наших интересов в Персии. В силу обстоятельств это давление будет возрастать. Нам уже предлагают капиталы. Капиталы более значительные и более подвижные, промышленность более предприимчивая, лучше оборудованная и более богатая, чем наша, оттеснили бы нас. Интересы экономические повлекут за собой интересы политические, что значительно уменьшило бы для нас ценность нашей сферы влияния.

Я не принадлежу к числу тех, которые видят в этих гипотезах непосредственную стратегическую опасность. Тем не менее не следует упускать из виду, что громадное значение для Германии политического успеха, каковым является багдадское предприятие, создает между ней и Турцией связь, которую успехи самой турецкой армии, созданной под германским руководством, делают еще более последовательной. Я не вижу, чтобы заверения, как бы категоричны они ни были, могли бы противостоять силе вещей, в особенности когда мы окажемся изолированными.

Если даже мы примем решение в виде крайней уступки дать согласие на замену одного выражения другим, мне кажется, что наш ответ на германский контрпроект должен с полной ясностью восстановить положение вещей в том виде, в каком оно находилось в Потсдаме, а именно: сохранение союза и согласия и необходимость для нас считаться с интересами Франции и Англии в этих вопросах.

Действительно в этом случае, но, признаюсь, по моему мнению только в этом случае, гарантии, которые нам предлагает Германия, имеют реальную ценность.

Если бы Германия желала пойти дальше, то я не вижу в этом никакой выгоды для нас; кроме того я не вижу, чтобы отношения между Англией и Германией ухудшились из-за категорического ответа, который сэр Э. Грей только что дал графу Меттерниху по поводу Марокко.

Разрешите мне заключить письмо просьбой передать нашему шефу и г-же Сазоновой, насколько моя жена и я счастливы были получить известия, которые вы нам передаете. Мы их поздравляем от всего сердца.

Прошу вас, дорогой Анатолий Анатольевич, верить моей искренней преданности.

Бенкендорф.

Прилагается меморандум, который мне передал Грей после нашего разговора. Он сказал мне, что он это сделает, затронув некоторые стороны вопроса более резко, чем он это сделал в беседе со мной.

Приложение.

Memorandum of a conversation between
Sir E. Grey and the Russian Ambassador. May 23-rd 1911[1].

In discussing the Russo-German negotiations with Count Benckendorff today, Sir E. Grey explained to His Excellency that it was originally understood that although Great Britain, France and Russia were negotiating separately, until all three parties were satisfied no final arrangement was to be concluded in regard to the Bagdad Railway. It had been contended by Mr. Sazonow that the arrangement concluded at Potsdam did not constitute a breach of this understanding on the grounds that the Railway beyond Bagdad was not included in the Potsdam arrangement. His Majesty's Government were much disappointed at the idea that this point should be allowed to disappear upon which the Russian Minister for Foreign Affairs had laid so much stress.

Sir E. Grey told Count Benckendorff that in his opinion the essential point was that Russia should not enter into any obligation to give her consent to the proposed increase in the Turkish Customs dues and if this were made absolutely

[1] Заголовок оригинала.

clear and in such a way as to leave no possible room for dispute, he would not insist upon the definition of the Railway to a point which might lead to the rupture of the negotiations which were proceeding between the Russian and German Governments.

On this point however, Sir E. Grey considered that there should be no ambiguity between Germany and Russia, for if Germany were in a position to contend that Russia had deprived herself by the Potsdam agreement of the right to object to the increase in the Turkish Customs duties, it would be fatal to the future cooperation of France, Russia and Great Britain in the question.

Перевод.

Памятная записка о разговоре между сэром Э. Греем и российским послом 23 мая 1911 г.

Обсуждая сегодня с графом Бенкендорфом вопрос о русско-германских переговорах, сэр Э. Грей пояснил его сиятельству, что первоначально подразумевалось, что хотя Англия, Франция и Россия ведут переговоры каждая в отдельности, окончательное соглашение относительно Багдадской железной дороги не может быть заключено до тех пор, пока все три стороны не будут удовлетворены. Г. Сазоновым было подтверждено, что соглашение, заключенное в Потсдаме, не составляет нарушения этого уговора на том основании, что железная дорога за Багдадом не была включена в Потсдамское соглашение. Правительство его величества было весьма разочаровано мыслью, что может быть допущено изъятие этого пункта, который русский министр иностранных дел так подчеркивал.

Сэр Э. Грей сказал графу Бенкендорфу, что, по его мнению, существенным является то, что Россия не должна брать на себя обязательства согласиться на предполагаемое увеличение турецких таможенных пошлин и что если это будет сделано совершенно ясно и в такой форме, чтобы не оставить почвы для споров, то он не будет настолько настаивать на формуле определения железной дороги, чтобы это могло повести к разрыву переговоров, происходящих между российским и германским правительствами.

Сэр Э. Грей, однако, полагает, что в этом пункте не должно быть неясности между Россией и Германией, так как, если бы Германия оказалась в состоянии утверждать, что Потсдамским соглашением Россия сама лишила себя права возражать против увеличения турецких таможенных пошлин, это имело бы роковые последствия для будущего сотрудничества Франции, России и Англии в данном вопросе.

№ 39. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [1]. 24/11 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Сегодня утром я телеграфировал вам, что здесь получено известие о вступлении в прошлое воскресенье [2] французского отряда под начальством генерала Муанье в Фец [3]. Французские войска не встретили под стенами Феца никакого сопротивления и нашли европейские колонии вполне невредимыми.

Несмотря на отмену приема в министерстве иностранных дел, я только-что виделся с г. Круппи и мог лично поздравить его с благополучным результатом похода. Я нашел министра в весьма радостном настроении, он отозвался с величайшей похвалой о действиях генерала Муанье, которого газеты и публика обвиняли в медленности, но который на самом деле выказал величайшую предусмотрительность и энергию. Столь быстрый и верный успех его операций показал всю неосновательность мнения, что войска должны были двинуться не из области Шауя, а со стороны алжирской границы и реки Мулуя, в каковом случае дело не обошлось бы без кровопролитных столкновений с местными племенами.

На мой вопрос, в чем состоит дальнейшая программа французского правительства по отношению к Марокко, г. Круппи дал мне следующие объяснения:

«Французское правительство заявило державам, что оно намерено оставаться в пределах Алжесирасского акта и что войска его займут Фец лишь на

[1] Опубл. М., стр. 90.
[2] 21/8 мая.
[3] Соответствующая тел. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

«строго необходимое время»; от этого заявления Франция отнюдь не отступится; оккупация Феца продлится ровно столько времени, сколько потребуется на то, чтобы упрочить положение султана Мулай-Гафида и махзена. Для этой цели в Феце имеется уже подходящее орудие, а именно существующая в силу прежних договоров с Марокко французская военная миссия под начальством полковника Манжена. С помощью этой миссии будет организовано достаточно сильное шерифское войско; несомненно, что после блестящего успеха похода, в Феце в высшей степени возрастет престиж французского представителя и французских офицеров, а это в свою очередь может послужить лишь на пользу общего спокойствия и безопасности. Как только эта цель будет достигнута, французское правительство не преминет возвратить свой отряд в Казабланку, и оно не сомневается в том, что все без исключения державы убедятся в полной его искренности и лойяльности».

В дальнейшем разговоре я коснулся Испании и спросил г. Круппи, в каком положении находятся его переговоры с испанским правительством. Министр сказал мне, что на последние испанские предложения (о которых я телеграфировал вам 18/5 мая за № 48 [1]) он не нашел возможным ответить контрпредложениями, дабы не подчеркивать неприемлемость испанской точки зрения; но он снабдил французского посла в Мадриде инструкциями, обнимающими целый ряд практических уступок, которые, по его убеждению, должны удовлетворить Испанию. «Уверяю вас, — сказал мне г. Круппи, — что я готов сделать для Испании все, что возможно и даже более того, что возможно; на одно лишь мы не можем пойти — это на предлагаемый нам замаскированный раздел Марокко, который дал бы повод третьей державе потребовать и для себя часть империи шерифов.

Испанцы заражены манией подражания: каждый наш шаг в Марокко вызывает с их стороны стремление сделать соответствующее движение, даже если в нем на самом деле нет никакой надобности. Так, они только-что выдвинули свои войска на позицию в нескольких километрах от Тетуана. Если вслед за этим они захотят занять и самый Тетуан (что, впрочем, они отрицают), то это может вызвать возражения не только со стороны Франции, но и со стороны других держав, т. е. прежде всего со стороны Англии. Тем не менее я проникнут убеждением, что мы должны и можем сговориться с Испанией, и к этому ныне направлены все наши усилия».

Не видя никакой причины не доверять искренности г. Круппи, я тем не менее продолжаю несколько сомневаться в основательности его оптимизма. На мой вопрос, может ли он хотя бы приблизительно определить длительность оккупации Феца, он ответил уклончиво, и мне кажется, что он вряд ли отдает себе отчет в трудности практического выполнения намеченной им программы. Как бы то ни было, если первый акт марокканского «действа» прошел несомненно благополучно, ныне открывается второй и наиболее деликатный его период. Как я уже высказал в предыдущем письме [2], было бы чрезвычайно опасно, если бы период этот совпал с внутренним политическим кризисом, возможность коего, повидимому, все еще не устранена.

Примите и пр.

Извольский.

---

[1] См. № 18.

[2] Имеется в виду письмо от 23/10 мая, в котором Извольский отмечал пошатнувшееся положение кабинета Мониса вследствие внезапной смерти воен. м-ра Берто (21/8 мая). «Нынешнее правительство, — писал Извольский, — является результатом несколько искусственной комбинации и не опирается на твердое и сплоченное большинство: главной опорой ему служат соединенные партии радикалов и радикалов-социалистов, представителем коих в кабинете являлся покойный г. Берто. С его исчезновением г. Монису будет очень трудно удержать эти партии в своем подчинении, и теперь уже раздаются голоса в пользу передачи власти в руки истинного их вождя г. Комба. Говорят также о возможности кабинета под председательством г. Клемансо. Подобное шаткое положение правительства вызывает особенную тревогу ввиду стоящего на очереди марокканского вопроса и связанных с ним международных затруднений».

№ 40. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 38. 24/11 мая 1911 г.

Получил № 639 с приложениями [1].

Передал содержание телеграммы. Нашел вопрос в принципе уже предрешенным. Вчера вечером турецкий посол дал самые положительные заверения, что Турция не питает никаких неприязненных намерений по отношению к Черногории. Посол обвинял черногорское правительство в нарушении принципа нейтралитета. Черногорские офицеры в своей форме находятся в рядах албанцев, которые отчасти вооружены черногорскими ружьями. Присутствие главных сил турецких войск у черногорской границы посол объясняет тем обстоятельством, что разбитые албанцы ищут убежища в Черногории. Низами-паша заметил, что его правительство высоко бы оценило преподание Германией королю Николаю советов благоразумия, но прибавил, что Порта впрочем считает единственно веским нравственное воздействие России в Цетинье. Управляющий германским департаментом иностранных дел, поблагодарив за сделанное ему сообщение, откровенно объявил даже до присылки официального ответа, что Германия не может присоединиться к нашим представлениям в Константинополе уже по той причине, что, примирившись в силу обстоятельств с новым турецким режимом, берлинский кабинет желает дать младотурецкой партии доказательство своего доверия, принимая к сведению неоднократные заверения Порты об отсутствии у ней каких-либо агрессивных замыслов против Черногории. Мероприятия Порты, по словам г. Циммермана, вызваны необходимостью поддержать законное владычество Турции в одной из своих провинций и заручиться уплатой налогов, следуемых с ее албанских подданных. Управляющий министерством закончил обычными заверениями о полном сочувствии Германии ко всяким мерам, преследующим цель сохранения мира на Балканском полуострове, и обещал подтвердить мне своевременно свой вышеизложенный ответ официально со слов канцлера.

Остен-Сакен.

№ 41. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма [2]. 24/11 мая 1911 г.

Ответ на телеграмму № 639 [3].

Паллавичини принял меня сегодня за отсутствием министра иностранных дел [4]. Объявил мне, что австро-венгерское правительство не считает возможным высказаться в Константинополе в одинаковом с нами смысле, потому что оно уверено, что Турция не угрожает Черногории и хочет только подавить восстание; мешать ей в посылке с этой целью войск было бы нецелесообразным. По его убеждению, предостережение, данное и оглашенное одновременно во всех органах печати, между тем как внушение Черногории не опубликовано, может только озлобить Турцию и привести к обратному результату; оно не послужит к преследуемой цели сохранения мира. До сообщения, сделанного нашим послом в Константинополе, вопрос о совместном воздействии всех держав мог обсуждаться; теперь же пред совершившимся фактом Австрия не считает возмож-

---

[1] См. №№ 25, 26 и 27.

[2] Номер отсутствует.

[3] См. № 26.

[4] В деп. от 1 марта/16 февр. за № 19 Н. Гирс, сообщая, что Эренталь уезжает в двухмесячный отпуск, писал: «Управление министерством иностранных дел во время его отсутствия будет возложено на австро-венгерского посла в Константинополе, маркиза Паллавичини. Это является совершенно новым прецедентом в Австро-Венгрии и указывает, что в настоящую минуту здесь придают особенно важное значение балканским делам».

ным присоединиться к такому шагу. Паллавичини прибавил, что в ответ на обращение короля Черногории к германскому[1] посланнику с просьбой передать коллегам желание его величества о воздействии держав на Турцию, австрийскому посланнику дано предписание считать недействительным такой неправильный шаг, но если черногорское правительство обратится лично к нему, ответить, что Австрия убеждена в миролюбивых намерениях Турции по отношению к Черногории, вследствие чего не считает возможным предпринять какие бы то ни было шаги в Константинополе; при этом она снова обращает внимание Черногории на необходимость сохранения строгого нейтралитета в вопросе о восставших албанцах. Паллавичини прибавил, что все вышеизложенное он говорит с ведома министра иностранных дел. Французский посол в Вене, по предписанию своего правительства, запросил Паллавичини, какой ход Австрия намерена дать желанию короля Черногории. Ему был дан тождественный ответ, как и мне.

Гирс.

№ 42. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 39. 24/11 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вчера появился текст нового военного закона, который будет представлен на утверждение парламентов обеих половин монархии.

В предыдущих моих донесениях я неоднократно останавливался на подробностях этого закона, усиливающего вооруженные силы Двуединой монархии[2]. Усиление это увеличивает, конечно, также и военные силы Тройственного союза. Но кроме того, Австро-Венгрия, опираясь на сильную армию и на флот, который с постройкой новых дредноутов будет иметь серьезное значение, будет в состоянии вести более самостоятельную относительно своей северной союзницы внешнюю политику и таким образом явится для нас величиной, с которой нам еще более придется считаться и притом независимо от того, как будет смотреть Германия на то или другое направление австро-венгерской политики.

Это в особенности нужно будет принимать в соображение в вопросах нашей политики на Балканском полуострове.

Примите и пр.

Н. Гирс.

---

[1] Так в оригинале. Ср. № 24.

[2] Препровождая Нератову проект бюджета общих расходов Австро-Венгрии на 1911 г., Н. Гирс, в деп. от 29/16 янв. за № 8 отмечал, что в части расходов на вооружение «по сравнению с прошлым годом бюджет возрос на 45 000 000 крон на армию; в 56 500 000 на флот. В бюджете на армию предвидятся особые расходы на перевооружение артиллерии, постройку казарм, улучшение крепостей, всего в размере 24 000 000. В морском же бюджете 55 000 000 крон испрашивается на выполнение судостроительной программы, в которую входит постройка четырех дредноутов, из коих два уже строятся на верфях в Триесте, и некоторых других судов. Всего на эти постройки потребуется 312 400 000 крон, которые распределены на шесть лет. Этим, однако, не исчерпываются предвидимые в будущем расходы на вооруженные силы монархии. Новый военный закон, на утверждении коего парламентом в этом году настаивает правительство, потребует увеличение ежегодного кредита на армию от 50 до 60 млн. крон».

Деп. от 15/2 марта за № 24 Н. Гирс, сообщая об утверждении «без существенных изменений» австрийской и венгерской делегациями общеимперского бюджета на 1911 г., писал: «Предполагаемое введение двухлетнего срока службы в войсках увеличит военный бюджет более чем на 60 млн. крон в год и потребует единовременных расходов в 75 млн. Кроме того, должен быть осуществлен целый ряд реформ по усовершенствованию организации армии. Все эти реформы, по предположению военного министра, должны быть закончены в 5-летний срок. К тому же времени предполагается окончить постройку новых судов. Необходимые для этой постройки 312 млн. крон распределены на этот срок. Так что к 1916 году общеимперский ежегодный бюджет на оборону монархии достигнет более 500 млн. крон, т. е. увеличится на сумму около 100 млн. крон против нынешнего нормального бюджета».

№ 43. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 283. 24/11 мая 1911 г.

№ 1.

Получил телеграмму № 640 [1].

Сделал министру иностранных дел сообщение в указанном смысле. Слушая меня, министр имел перед глазами напечатанную сегодня утром в здешних газетах телеграмму СПБ телеграфного агентства [2], и по окончании моего сообщения сказал следующее: «В противность дипломатическим обычаям, содержание этого сообщения было обнародовано ранее, чем оно было сделано турецкому правительству. Это обстоятельство ставит меня в крайне неприятное и тягостное положение и обязует меня прежде, чем дать ответ, представить дело на обсуждение совета министров. Если бы телеграмма появилась хотя несколькими часами после дипломатического сообщения, дело было бы иное, тем более, что напечатанный в газетах текст носит несомненно характер угрозы — «comminatoire». Такой оборот дела вместе с тем не соответствует тому дружественному характеру, который имели до сих пор переговоры русского и турецкого правительств о черногорских делах, по поводу которых Порта сама не раз обращалась к доброму воздействию России. Не все правительства отнеслись так к сообщению, обращенному королем Николаем к дипломатическим представителям в Цетинье [3], что несомненно будет оценено в Турции. Напротив, некоторые уже заявили нам, что увещания должны быть обращены скорее к Черногории, чем к Турции. Мы отнюдь не желаем напасть на Черногорию, и войска, сосредоточенные теперь в стране малиссоров, имеют исключительно целью водворение среди них порядка. Мы желаем только, чтобы Черногория не оказывала поддержки повстанцам, интернировала переходящих на черногорскую территорию и не дозволяла таковым возвращаться вооруженными для возобновления борьбы с нашими войсками». Я сказал министру, что сам удивился, прочитав сегодня утром в здешних газетах телеграфное известие о порученном мне сообщении, и могу заявить министру официально, что СПБ телеграфное агентство не есть ни официальный, ни официозный орган русского правительства. Появление этой телеграммы поставило меня в затруднение и обязывает меня указать министру, что текстом сообщения императорского правительства является тот, который я ему прочел. Министр не без основания припомнил наши дружеские настояния в Цетинье. Мы и теперь заявляем, что будем продолжать свои советы умеренности и спокойствия черногорскому правительству. Наше нынешнее обращение имеет целью облегчить ограничение пределов военного положения и даже отмену сделанных уже Черногорией чрезвычайных военных распоряжений. Текст моего сообщения передаю за № 2 [4].

Чарыков.

№ 44. Помощник военного министра председателю совета министров Столыпину.

Письмо № 3572 [5]. 24/11 мая 1911 г.
Секретно.

М. г. Петр Аркадьевич,

В препровожденной вашему высокопревосходительству при письме от [1 мая] 18 апреля с. г. за № 3514 копии письма моего временно управляющему министер-

---

[1] См. № 27.

[2] См. стр. 22, прим. 1.

[3] См. № 24.

[4] Тел. от того же числа за № 284 (№ 2) Чарыков передавал Нератову франц. текст сообщения, врученного им турец. м-ру ин. дел. Содержание этого сообщения — точный перевод тел. Нератова от 23/10 мая за № 640 (см. № 27).

Тел. от 25/12 мая за № 292 Чарыков извещал Нератова, со слов турец. м-ра ин. дел, что ответ турец. прав-ва будет передан Нератову через посла в Петербурге.

[5] Маш. копия, препровожденная Поливановым Нератову при письме от 24/11 мая за № 3573 (см. стр. 51, прим. 1).

ством иностранных дел [1], я высказывал уже мысль, что стремление не допустить на кавказско-турецком фронте изменения современного соотношения нашей боевой готовности с турецкой обязывает нас придерживаться принципа, что на каждый километр турецких железных дорог по направлению к нашей границе мы должны отвечать несколькими верстами наших рельсовых путей на Кавказе.

Ныне ряд донесений нашего посла в Константинополе и другие сведения, получаемые из Турции, ярко рисуют интенсивность развития вопроса о широком железнодорожном строительстве в Азиатской Турции, причем намечаются к постройке чрезвычайно важные в стратегическом отношении линии, сооружение которых коренным образом изменит не в нашу пользу современные условия сосредоточения турецкой армии к границам Закавказья.

Хотя линии эти и пролегают по тому соседнему с Закавказьем и Черным морем району Азиатской Турции, в котором, по договору с Портой 1900 г. мы имеем преимущественное право на получение железнодорожных концессий, однако, по заявлению нашего посла в Константинополе, мы не можем все-таки решительно и открыто противиться постройке намеченных турками линий, так как это было бы «проявлением открыто-враждебных Турции намерений России».

Единственным поэтому реальным средством решительного парализования вредных для нас последствий развития сети малоазиатских железных дорог является соответствующее усиление нашей кавказской сети.

Война с Турцией при нашем единоборстве с ней не представляется для нас опасной при двух условиях: 1) господстве нашем на Черном море и 2) при сохранении нынешнего нашего преимущества в быстроте сосредоточения армии на кавказско-турецком театре войны, а потому, как в вопросе развития Черноморского флота, так и в железнодорожной подготовке кавказского театра, мы должны во что бы то ни стало итти впереди Турции. Если у нас будет сильный флот на Черном море и хорошо развитая сеть стратегических железных дорог на Кавказе, то нам не только не будут опасны турецкие железные дороги, но они могут даже быть нам полезны, особенно при смычке их с нашей закавказской сетью, так как мы сможем ими воспользоваться при нашем энергичном наступлении в пределы Турции.

Покупка Турцией броненосцев и заказ дредноутов уже пошатнули уверенность в нашем господстве на Черном море [2], так как господство это, хотя бы на короткое время до проведения в жизнь программы усиления нашего Черноморского флота, перейдет в руки турок. В вопросе о флоте на Черном море нас таким образом Турция уже опередила, что, казалось бы, обязывает нас в еще большей мере приложить все старания к ускорению до крайнего предела нашего железнодорожного строительства на Кавказе.

Только с осуществлением постройки железных дорог на Кавказе, о которых военный министр имел уже случай сообщить вам в письме от [17] 4 ноября 1910 года, № 4311 [3], можно будет считать наше положение на Кавказе безопасным при нашем единоборстве с Турцией, даже несмотря на *временное* господство на Черном море турецкого флота.

Ввиду всего вышеизложенного, считаю долгом еще раз довести до сведения вашего высокопревосходительства, что раз мы не можем дипломатическим путем воспрепятствовать развитию сети стратегических железных дорог в Азиатской Турции, нам совершенно необходимо напречь до последней степени интенсивность постройки стратегических железных дорог на Кавказе, так как иначе

---

[1] Имеется в виду письмо Поливанова от 1 мая/18 апр. за № 3513, содержание которого в основном изложено в публикуемом документе.

[2] Деп. от 11 июля/28 июня за № 72 Чарыков сообщал о подписании турец. прав-вом дополнительной конвенции и контракта (с фирмой Армстронг-Виккерс и Максим) на постройку двух дредноутов, вооруженных 13½-дюймовыми орудиями. Первый дредноут, согласно контракту, должен был быть готов 15/2 февр., а второй, — в июле 1913 года.

[3] Указанное письмо в делах б. воен. м-ва не обнаружено.

мы не можем считать безопасным наше положение в Закавказьи не только в случае борьбы нашей с коалицией, в состав которой войдет Оттоманская империя, но даже и при нашем единоборстве с Турцией.

Что касается железнодорожного строительства в Малой Азии, то по вопросу о нем я еще раз нашел необходимым высказать опасения военного министра в письме временно управляющему министерством иностранных дел от [24] 11 сего мая за № 3573 [1], копию которого при сем препровождаю.

Примите и пр.

А. Поливанов.

№ 45. Министр финансов временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 275. 24—22/11—9 мая 1911 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Согласно сведениям, полученным правлением Русско-азиатского банка из Пекина от своего местного представителя, вопрос о реализации китайского займа в 10 млн. ф. ст. [2], относительно которого недавно состоялось соглашение между китайским правительством и международным консорциумом банкиров, еще не может считаться окончательно разрешенным. Согласно тексту указанного соглашения консорциум обязан немедленно внести Китаю только один миллион ф. ст.; второй миллион имеет быть выплачен только по одобрении представителями четырех держав, капиталисты которых входят в состав консорциума, программы расходования выручки займа; остальные же 8 миллионов будут внесены не ранее октября сего года. Около 70% указанной выручки предназначается на монетную реформу и 30% — на Манчжурию, причем в число гарантий входят доходы манчжурских провинций, в особенности сборы с табака, соли и спиртных напитков.

Таким образом настоящий заем представляет собой серьезную попытку иностранцев создать интересы в Манчжурии, с которыми придется считаться как России, так и Японии. Это обстоятельство уже вызвало в Японии большое неудовольствие. В японской печати началась ожесточенная кампания против китайского правительства и международного консорциума. Японское правительство, согласно мнению, высказанному директором-распорядителем «Yokohama Specie Bank» в беседе с пекинским представителем Русско-азиатского банка, также не останется безучастным зрителем того, как иностранцы пытаются вложить свои деньги в манчжурские предприятия с тем, чтобы затем вмешаться и в политические дела, касающиеся Манчжурии. Вообще создалось такое положение, что в Пекине, по словам представителя Русско-азиатского банка, ожидают выступления русского и японского посланников, направленного к тому, чтобы путем соответствующих представлений китайскому правительству помешать оконча-

[1] В письме от 24/11 мая за № 3573 Поливанов обращал внимание Нератова на следующие противоречащие друг другу факты: желательность участия России в железнодорожном строительстве в Азиатской Турции всегда рассматривалась росс. воен. ведомством как средство задержать постройку этих железных дорог, между тем, как русско-французский синдикат при деятельном участии французского и поддержке росс. посла в К-поле добивается осуществления постройки линий Самсун—Сивас, Самсун—Сивас—Эрзерум и Сивас—Харпут. «Таким образом, — писал Поливанов, — русско-французский синдикат стремится ныне к постройке именно тех линий, которые, с точки зрения наших стратегических интересов, являются для нас наиболее нежелательными и мы, поддерживая этот синдикат, не только не используем наше соглашение 1900 г. в смысле противодействия сооружению этих линий, но, наоборот, своей поддержкой синдиката способствуем этому сооружению». В заключение Поливанов просил Нератова ориентировать его «в этом столь важном для наших военных интересов вопросе».

[2] На полях имеется помета рукой Козакова: «80 млн. лан всего. 40 млн. на Манчжурию»

тельному заключению займа и тем нанести удар престижу международного консорциума.

С своей стороны, я считал бы важным приложить все усилия к тому, чтобы затормозить осуществление контракта о выпуске китайского займа в 10 млн. ф. ст., и с этой точки зрения мне представляется очень полезным, чтобы наш посланник в Пекине — совместно со своим японским коллегой, — заявил китайскому правительству, что заключение через посредство иностранцев займа, имеющего целью удовлетворение нужд Манчжурии, рассматривается нами, как недружелюбный со стороны Китая шаг по отношению к России.

Вместе с тем считаю долгом довести до сведения вашего превосходительства, что, по мнению Русско-азиатского банка, для обеспечения наших интересов в Китае нам нельзя ограничиваться одними протестами, а необходимо выступить конкурентами в той области, в коей действует международный консорциум. Исходя из этой мысли, Русско-азиатский банк решил воспользоваться изданным недавно указом богдохана о выкупе в казну частных железнодорожных предприятий и предложить Китаю необходимые для совершения этой операции средства от имени учрежденного банком международного синдиката. В то же время правление банка выясняет возможность заключения соглашения с большим консорциумом, пользуясь последовавшими со стороны последнего предложениями, причем правление полагает, что главным условием такого соглашения должно было бы явиться разграничение сфер влияния в Китае с тем, чтобы застенные области — Манчжурия, Монголия и Восточный Туркестан — вошли в сферу влияния нашего банка. Обсуждение этого вопроса состоится по прибытии в С.-Петербург Стрэта, который ожидается здесь около [28] 15 текущего мая. Вместе с тем правление банка вновь высказывает пожелание, чтобы французское правительство предложило французским участникам консорциума настаивать на том, чтобы последний воздерживался от финансирования предприятий к северу от Великой стены применительно к англо-русскому соглашению 1899 года [1].

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 46. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

*/. Телеграмма № 651. 25/12 мая 1911 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 640 [2].

Ввиду стремления некоторых заграничных газет придать порученному вам сообщению [3] характер угрозы и даже ультиматума, я объяснил Турхан-паше [4], что сообщение это не есть определенный текст какой-либо ноты и не только не заключает угрозы, но заключает вызванное напряженностью положения непосредственное обращение к миролюбию Порты, в коем не сомневаемся.

Турхан обещал телеграфировать в этом смысле. Вышеизложенное благоволите иметь в виду при разговорах с турками и коллегами. В этом смысле появится заметка в печати.

Нератов.

---

[1] Имеется в виду обмен нот между Россией и Англией 28/16 апр. 1899 года. Росс. прав-во обязалось не домогаться для себя или для русских подданных железнодорожных концессий в бассейне Янцзы, а англ. прав-во, со своей стороны, обязалось не добиваться железнодорожных концессий на север от Великой китайской стены.

[2] См. № 27.

[3] См. № 43.

[4] Турец. посол в Петербурге.

№ 47. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

½. Телеграмма № 52 [1]. 25/12 мая 1911 г.

Ссылаюсь на телеграммы №№ 638 и 639 [2].

Тотчас же по получении этих телеграмм сделал предписанное в них сообщение. Круппи только-что дал мне чрез своего секретаря следующий ответ: «Вследствие известий о тревожном настроении короля черногорского парижский кабинет еще ранее нашего сообщения, а именно третьего дня, уведомил своих послов, что он готов присоединиться к шагам, могущим быть предпринятыми державами для обеспечения мира на Балканах. Ныне французское правительство охотно примкнет к другим кабинетам, дабы сделать в Константинополе и Цетинье представления в том же смысле, как и русское правительство, и не преминет предписать своим представителям в Турции и Черногории сговориться об этом со своими коллегами».

Извольский.

№ 48. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

½. Телеграмма № 53 [3]. 25/12 мая 1911 г.

Дополнение моей телеграммы № 52 [4].

Считаю необходимым отметить, что мое вчерашнее сообщение Круппи я закончил словами: «Мы были бы рады, если бы французское правительство, а также и другие кабинеты высказались в Константинополе и Цетинье в том же смысле». Между тем в своем ответе Круппи высказывает готовность примкнуть к совместным шагам всех кабинетов и предписать французским представителям в Турции и Черногории сговориться об этом со всеми своими коллегами. Я не преминул попросить прислать ко мне с ответом секретаря, обратив внимание Круппи на эту разницу и на желательность, ввиду вероятного крайнего обострения положения, предписать французскому послу оказать Чарыкову немедленную поддержку, не дожидаясь соглашения с другими послами. Ввиду отсутствия Круппи из Парижа по случаю праздника я получу ответ не раньше завтрашнего дня.

Извольский.

№ 49. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

½. Телеграмма № 23. 25/12 мая 1911 г.

Получил №№ 638 и 639 [2].

Оценивая всю важность сообщения императорского правительства и полагая, что единоличное выступление России только может усугубить таковую, римский кабинет однако не решается сразу предписать своему представителю в Константинополе высказаться в одинаковом смысле. Он считает необходимым сперва выяснить точку зрения других кабинетов, в особенности берлинского, сомневаясь, чтобы последний последовал нашему приглашению. На последнее обращение Черногории, Германия, по имеющимся здесь сведениям, ответила, что она убеждена, что Турция, без вызова со стороны Черногории, и не думает на нее нападать. Из этого ответа я заключаю, что берлинский кабинет уже связан. Его ответ предрешает ответ Италии.

Долгорукий.

---

[1] Опубл. Stieve, I, S. 106, № 81.
[2] См. №№ 25 и 26.
[3] Опубл. Stieve, I, S. 106, № 82 (без указания номера), где ошибочно адресована м-ру ин. дел.
[4] См. № 47.

№ 50. Посланник в Софии [1] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 18. 25/12 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В телеграмме от [11 мая] 28 апреля [2] и в письме от [15] 2 мая [3] князь Л. В. Урусов вернулся к недоразумению, возникшему между белградским и софийским кабинетами по поводу известного разговора г. Тошева с Миловановичем.

Вопреки уверениям сербов, болгарский посланник в Белграде настаивает на первоначальных своих впечатлениях: «Милованович предложил-де софийскому кабинету разграничение Македонии с тем, чтобы оба правительства могли немедленно согласиться о совместных действиях для практического осуществления этого разграничения; и кроме того, сербский министр отсоветывал посвящать Россию во всю полноту своего предложения».

С своей стороны Милованович, которого я посетил при моем проезде через Белград, заверил меня в присутствии г. Гартвига, что вопрос об окончательном разграничении Македонии был действительно упомянут им в разговоре с г. Тошевым; было далее установлено, что подобное теоретическое разграничение послужит, при благоприятных обстоятельствах, желательным основанием для возбуждения решительных событий и для совместных действий против Турции; но одновременно с сим, он, Милованович, не преминул высказать и подчеркнуть, что вышеупомянутые «благоприятные обстоятельства» далеко еще не наступили, а что, напротив того, настоящее политическое положение полуострова и Европы исключает надежду на немедленное осуществление сербских и болгарских вожделений.

Г. Гешов, с которым я уже двукратно виделся и долго разговаривал, настаивает с своей стороны на версии Тошева.

И г. Гешов, и г. Милованович — люди серьезные, всегда отличавшиеся чистотой своих славянских убеждений и искренностью своих чувств по отношению к России; такого же мнения г. Гартвиг и относительно своего болгарского коллеги Тошева. Таким образом мы не имеем права заподозрить ни ту, ни другую сторону в умышленном искажении истины. Остается думать, что разговор на щекотливую тему о разграничении Македонии привел одну из сторон к заблуждению bona fide относительно намерений и заявлений другой.

Как прекрасно известно вашему превосходительству, пожелания сербов — на случай возникновения решительных событий на Балканском полуострове — следующие: занять Старую Сербию и северную Албанию, пробив себе путь к Адриатическому морю южнее Черногории; при осуществлении подобного плана Сербия — для укрепления этой искусственной полосы владения по обе стороны чаемой Адриатической железной дороги — нуждается в северных округах Македонии и специально в Ускюбском округе; но занять Ускюб и даже до всякого занятия подготовить владычество свое в этом крае сербской школьной пропагандой Сербия может лишь при согласии и попустительстве Болгарии. Вот почему вопрос о разграничении влияния и пропаганды в Македонии представляется для Сербии главным объектом ее переговоров и чаемого соглашения с Болгарией.

Но с своей стороны Болгария, имеющая через Кюстендиль, Куманово и Ускюб ближайшее и даже единственное проникновение в долину Вардара [4], вовсе не намерена уступать Ускюба сербам, а напротив того, серьезно занята осуществлением железнодорожной линии Кюстендиль—Куманово и укреплением своего влияния среди славянского населения Ускюбского округа.

---

[1] Дата возвращения Неклюдова из Парижа не установлена (см. стр. 3, прим. 6).

[2] См. стр. 3, прим. 7.

[3] См. № 6.

[4] На юг от шоссе Кюстендиль—Эгри-Паланка—Куманово, долины Вардара и Струмы, вплоть до линии Константинополь—Солунь и далее даже до самого моря, отделены друг от друга пустынными горными дебрями, по которым только кое-где проложены горные (вьючные) тропы. [Прим. оригинала.]

При таковом расположении сербов и болгар разговоры между ними, естественно, обставлены недомолвками, недоразумениями и взаимной подозрительностью.

Очень может статься, что, разговаривая с Тошевым, г. Милованович старался прельстить своего болгарского собеседника намеком на возможность скорого возникновения решительных событий, которые должны найти Сербию и Болгарию во всеоружии братского единения; Тошев этот намек мог принять за предложение вызвать сообща желаемые события, а болгарский министр иностранных дел, получив столь сенсационное сообщение и зная, насколько мы покровительствуем сербо-болгарскому единению — не преминул обратиться к нам с указаниями на легкомыслие или даже на вероломство сербов.

Все происшедшее может лишь послужить доказательством того, насколько трудно установить между сербами и болгарами соглашение относительно разграничения сферы национальной пропаганды в северных областях Македонии. Мне кажется, что лишь будущие и в особенности решительные обстоятельства и события подскажут обеим сторонам решение спорного между ними вопроса. Покамест же нужно желать и добиваться того, чтобы сношения между сербским и болгарским дворами, между сербским и болгарским ученым и торгово-промышленным миром, между сербской и болгарской молодежью учащались и становились возможно лучше и теснее, а чтобы, попутно с этим, в северной Македонии соревнование между сербскими и болгарскими школьными учителями и приходскими настоятелями отнюдь не выражалось бы в убийствах и доносах друг на друга турецким властям. Если хоть этого мы достигнем, то и это будет великим шагом вперед.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 51. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 79. 25/12 мая 1911 г.

Переданное вчера С.-Петербургским телеграфным агентством полное содержание представлений, которые уполномочен был сделать Порте посол наш в Константинополе от имени императорского правительства [1], произвело во всех здешних политических кругах самое благоприятное впечатление. Между тем Прессбюро напечатало сегодня телеграмму из турецкого официального источника, в коей отмечает полное несоответствие сообщения названного агентства с действительностью. По турецкой версии российский посол имел будто бы лишь весьма дружескую беседу с оттоманским министром иностранных дел, который указал Чарыкову, насколько было бы существеннее для достижения желаемой цели дать необходимые предостережения в Цетинье. Константинопольская телеграмма добавляет, что Чарыковым выражено глубокое сожаление по поводу преждевременного опубликования сообщения императорского правительства. Телеграмма эта вызвала здесь большое смущение.

Гартвиг.

№ 52. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 297 [2]. 25/12 мая 1911 г.

Ссылаюсь на донесение Миллера от [13 мая] 30 апреля, № 44 [3].

Центральное турецкое правительство безусловно искренне желает мира с Черногорией. Но офицерство 3 македонского корпуса и действующего на черно-

[1] См. № 27 и стр. 22, прим. 1.
[2] Царск. экз.
[3] В донесении от 13 мая/30 апр. за № 44 управляющий вице-консульством в Скутари Б. Миллер сообщал, что в связи с беспорядками в местности Пука турки послали туда один

горской границе отряда, продолжая заниматься политикой и критикуя теперешний кабинет, стремится напасть на Черногорию, как тому два года назад тот же корпус собирался вторгнуться в Фессалию. К сожалению, Торгут-паша очевидно разделяет это настроение, что видно из донесения Миллера, подтверждаемого здешним черногорским представителем. Неустойчивость нынешнего кабинета, окончательная баллотировка судьбы коего последует завтра, еще более ослабляет влияние центрального гражданского правительства на окраине. Черногорский посланник сообщил мне, что центр албанской революции — в Корфу, куда отправились албанские главари за оружием и иной помощью. Мне кажется в особенности опасным отмеченное Миллером намерение Торгут-паши занять Дульциньо и Антивари, еще не слившиеся с остальной Черногорией. Такой оборот дела создал бы положение, вызвавшее известную европейскую морскую демонстрацию именно у Дульциньо. Однако пока Махмуд-Шевкет-паша останется военным министром, можно надеяться, что приграничные войска не втянутся сами произвольно в войну. Зато черногорцы, по признанию Поповича [1], не решаются прекратить деятельную помощь албанским повстанцам, опасаясь утратить их содействие на случай совместной борьбы с турками.

Чарыков.

№ 53. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 383 [2]. 25/12 мая 1911 г.

Дополнение телеграммы № 347 [3].

Иванов сообщает, что по проверенным сведениям в Гюмиш-Тепе приезжал представитель бывшего шаха Мунтазим-оль-Мольк, который собрал более двух тысяч подписей на возвращение Мохамед-Али-шаха и будто бы просил туркмен задержать открытие военных действий на 20 дней, дабы преждевременные волнения не помешали приезду шаха. Русские подданные в агитации не участвовали, и сам агент выбыл теперь обратно в Одессу. Так как Мунтазим постоянно проживает в Одессе при бывшем шахе и волнения среди диких туркмен могут представить серьезную опасность для русских подданных и мирного населения Персии, ходатайствую о подобающем внушении шаху с предупреждением, что агенты его среди туркмен будут нами задерживаться [4].

Поклевский.

батальон. «На днях, — указывал далее Миллер, — отправлен также один батальон (а по сведениям Греговича [черног. консул в Скутари] даже два) в область Анамалит, граничащую с черногорским округом Дульциньо. Я предполагаю, что турки хотят охранять эту часть своей границы от провоза через нее контрабанды и прохода в Черногорию — или через эту часть Черногории в Турцию — албанских и прочих волонтеров. Но г. Грегович смотрит на это распоряжение Торгут-паши очень мрачно и оно его чрезвычайно тревожит. По его словам, округа Дульциньо и Антивари, доставшиеся Черногории после войны, совершенно беззащитны. Этнографически они не принадлежат к Черногории, так как населены албанцами, значительная часть коих мусульмане (напр. почти весь город Дульциньо), сохраняющими до сих пор свои турецкие симпатии. Поэтому, по мнению Греговича, раз Торгут-паша поставил себе целью отомстить Черногории за помощь повстанцам и ее унизить, он не преминет сперва ее провоцировать, а потом для «восстановления равновесия» перейти границу именно в этом наименее защитном для Черногории пункте».

[1] Черног. поверенный в делах в К-поле.

[2] Опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 144.

[3] См. № 10.

[4] Тел. от 26/13 мая за № 656 (опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 144), Нератов предписал ротмистру Хабаеву, находившемуся в Одессе при экс-шахе Мохамед-Али, довести до сведения последнего, что «агитация в Персии через состоящих при нем лиц является совершенно недопустимой и может поставить нас в невозможность отстаивать его права на пенсию, если бы персидское правительство, осведомившись об интригах Мунтазим-оль-Молька, решило лишить его таковой». В заключение Нератов поручал Хабаеву заявить

№ 54. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 386. 25/12 мая 1911 г.

Полковник Беддос виделся с некоторыми членами правительства, и министр иностранных дел усиленно допрашивал его, не желает ли дом Зелигмана, по соглашению с Россией и Англией, взяться за постройку железной дороги в Персии с севера на юг. Вследствие этого Беддос просил меня узнать, согласится ли императорское правительство на то, чтобы Зелигман ныне же возбудил перед шахским правительством ходатайство о предоставлении ему опциона сроком на два или три года на постройку железной дороги от Джульфы до Мохаммеры. Получив опцион, Зелигман постарается образовать англо-российско-французский синдикат или какой угодно другой по усмотрению обоих правительств, причем он обязывается во всем, что касается постройки этой железной дороги, следовать указаниям из Петербурга и Лондона.

Поклевский.

№ 55. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 338. 25/12 мая 1911 г.

Аванс в 460 000 фунтов уже выдан банкирским синдикатом в Шанхае. Китайским правительством была представлена нижеследующая программа расходования этих денег: 1) 300 000 фунтов на оплату расходов по борьбе с чумой; 2) 95 000 на земледельческие нужды Манчжурии, именно на административные надобности, обследование земель, путей сообщения, составление карт, изготовление отчетов и переводов по вопросам земледелия, скотоводства и колонизации; 3) 35 000 на устройство опытной станции по производствам сахарному, бумажному, ткацкому и другим, а также по исследованию минеральных продуктов, и 4) 30 000 на модельную и рисовальную мастерские, особенно земледельческих машин. Программа эта была подписана Чжао Эрр-сюнем [1] 3 мая н. ст. и сообщена мне частным и конфиденциальным образом. Ввиду совершившегося таким образом факта и ввиду безнадежности всякого протеста с нашей стороны перед китайским правительством, особенно после недавних наших ультимативных выступлений [2], считал бы целесообразным сделать попытку в смысле соглашения с банкирским синдикатом, либо приняв в нем участие, либо отказавшись от противодействия ему взамен некоторых гарантий по таким предприятиям в Манчжурии, которые бы мы считали прямо направленными против наших интересов. Шаг этот имел бы более шансов на успех, если бы был сделан нами самостоятельно без участия японцев, дабы не вызывать подозрения групп; в случае удовлетворительного результата достигнутое нами положение обеспечило бы последующие объяснения с японцами по манчжурским делам.

Коростовец.

экс-шаху, что консулу в Астрабаде будет предписано принять соответствующие меры против агитаторов вроде Мунтазима.

Ответным письмом от 27/14 мая за № 48 (на имя помощника заведующего отделом Среднего Востока Персиани) Хабаев сообщил, что Мохамед-Али, категорически отрицая свою связь с Мунтазим-оль-Мольк, заявил ему: «Я Мунтазим-оль-Молька не знаю и никогда его не видел, не только в Одессе, но и в Персии. Из свиты моей его также никто не мог видеть в Одессе, иначе об этом мне было бы доложено».

Содержание письма Хабаева было передано Поклевскому тел. от 3 июня/21 мая за № 683.

[1] В начале апреля 1911 г. был опубликован указ об отставке манчжурского вице-короля Силяна и о назначении на его место Чжао Эрр-сюня, занимавшего такой же пост в Сычуани.

[2] Имеются в виду ультимативные требования, предъявленные росс. прав-вом Китаю 16/3 февр. и 14/1 марта 1911 г. относительно соблюдения кит. прав-вом договорных обязательств.

№ 56. Посол в Токио временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 44 [1]. 25/12 мая 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Официальные поездки наших государственных и общественных деятелей уже не раз подавали повод к неблагоприятным толкам за границей и неправильной оценке в иностранной печати нашей внешней политики. То же, к сожалению, повторилось и ныне по поводу путешествия на Дальний Восток военного министра Сухомлинова и бывшего председателя Государственной думы Гучкова.

Известие о приезде в Японию с официальным поручением генерала Сухомлинова проникло в здешнюю прессу из наших газет и стало комментироваться на разные лады, причем ставилось в связь с недавними нашими осложнениями в Китае. Впоследствии, когда выяснилось, что военный министр сюда не прибудет, тут стали упорно повторять слух о предстоящем его свидании в Корее с генералом Терауци [2]. При этом делались намеки на какие-то важные переговоры между Россией и Японией относительно предстоящего раздела Манчжурии. К известию о путешествии генерала Сухомлинова пристегнули затем сообщения о поездке во Владивосток генерала Вернандера, в Уссурийский край — генерал-губернатора Гондатти, в Манчжурию — г. Гучкова. Распространился слух и о том, что вслед за военным министром на Дальний Восток выедет и морской министр и даже министр иностранных дел, немедленно по выздоровлении. Слухи эти находили себе подтверждение в телеграммах японо-немецкого общества «Deutsche-Japan Post» и немало волновали японское общественное мнение. «Частые поездки государственных и общественных деятелей России на Дальний Восток указывают на то,— говорят газеты,— что Россия снова устремила туда свои взоры. Пока окончательный курс новой политики России еще не установился,— заявляют они,— но все эти поездки показывают, что русское правительство занято выработкой новой политической программы и одновременно принимает ряд стратегических мер для усиления своего положения».

Такое «оживление» нашей деятельности на Дальнем Востоке объяснялось здесь сперва воинственными замыслами России против Китая, но в последнее время, как видно например из прилагаемой в переводе статьи «Ници-ници» [3], стало тревожить японское общественное мнение уже с другой стороны: высказывается опасение, не направлено ли все это не против Китая, а против Японии. Не готовится ли Россия, спрашивает вчера «Ниппон», отомстить Японии за поражения 1904—1905 годов? Не вдохновляется ли она идеей реванша?

Новый толчок столь нелепым толкам дан приписываемыми г. Гучкову словами, будто бы сказанными им корреспонденту, что «столкновение между Россией и Японией из-за Манчжурии неизбежно». Ему же газеты приписывают заявление, что Россия недовольна ответом Китая на русский ультиматум и ожидает новых осложнений, почему и должна спешно готовиться ко всяким случайностям на Дальнем Востоке.

Как ни маловероятны подобные толки, они несомненно приносят нам большой вред. Конечно, правительственные круги Японии не придают им значения, но на широкие слои населения они могут произвести известное действие, во всяком случае для нас неблагоприятное. События прошлых лет достаточно показали, насколько опасно возбуждать недоверие и подозрительность японского народа, обладающего исключительной чуткостью ко всему, что затрагивает его национальное самолюбие.

---

[1] За этим же номером имеется еще одна деп. Малевского от 17/4 мая. (См. № 16.)
[2] Ген.-губернатор в Корее.
[3] Содержание приложенной к деп. статьи от 17/4 мая в основном изложено в публикуемом документе.

Прилагаю также выдержку из появившейся вчера статьи токийской газеты «Майници-демпо» о беседе г. Гучкова с харбинским корреспондентом относительно русско-японских отношений [1].

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 57. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 54 [2]. 26/13 мая 1911 г.
Секретно.

Поздно вечером виделся с Круппи, который очень озабочен нашим единоличным и энергичным выступлением в Константинополе. Не имея никаких сведений об этом выступлении ни от Луи, ни от Бомпара, он видимо опасается предписать французскому послу в Константинополе оказать Чарыкову непосредственное и быстрое содействие. Вследствие моих настояний он обещал телеграфировать Бомпару тотчас обсудить с Чарыковым положение, осведомиться о форме и выражениях, в которых было сделано наше сообщение Порте и, в случае если бы он затруднился поддержать это сообщение пред оттоманским правительством, немедленно телеграфировать об этом сюда [3].

Извольский.

№ 58. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Письмо. 26/13 мая 1911 г.
Très confidentiel.

Monsieur le Gérant,

Mr. van der Vliet [4] m'a communiqué votre désir d'étre informé sous main des conditions dans lesquelles les banques allemandes participent à l'emprunt sino-américain.

Les maisons de crédit allemandes les plus notables sont représentées dans cette affaire par la «Deutsche-Asiatische Bank» à Shanghai, qui cumule les ressources financières des institutions suivantes: «Disconto-Gesellschaft», «Deutsche Bank», «Schaffhausener Bank Verein», «Handelsgesellschaft», «Mendelssohn & Co» et «S. Bleichröder».

---

[1] Текст приложенной к деп. статьи гласит: «Бывший председатель Государственной думы Гучков, находящийся в особо близких отношениях к русскому премьеру Столыпину, по поводу своего путешествия по Дальнему Востоку рассказал в Харбине одному из корреспондентов, что Япония в будущем откроет враждебные действия в отношении России. Распространение подобного слуха мы считаем злонамеренным, имеющим в виду разъединить Россию и Японию. Если действительно г. Гучков говорил так, то он имел очевидно в виду угодить американцам. Трудно предвидеть, что будет по истечении ста лет, но в настоящее время неотложной нуждой России и Японии является противодействие третьему государству. Это должно быть хорошо известно и г. Гучкову. Мы желаем, чтобы такие скороспелые заключения бывшего председателя Государственной думы не были ошибочно истолкованы русским народом».

[2] Опубл. М., стр. 94.

[3] Тел. от 26/13 мая за № 188 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Жорж Луи сообщал Круппи, что, выполняя поручение последнего, он беседовал с Нератовым, который ему дал удовлетворительные объяснения по поводу выступления в К-поле. Нератов сказал, что выступление было устным и что оно внушено исключительно желанием сохранения мира; с другой стороны, росс. прав-во обратилось к другим кабинетам с просьбой действовать одновременно в Цетинье и в К-поле. Ссылаясь на это, Луи рекомендовал своему прав-ву поддержать выступление Чарыкова в К-поле, так как «наше участие в этом выступлении подчеркнет и оттенит его мирный и успокаивающий характер».

[4] Первый секретарь росс. пос-ва в Берлине.

Les banques allemandes détiennent un quart de la somme générale de l'emprunt, soit 50 millions de marks.

La coopération des fonds allemands est dictée par des considérations politiques imposées par le gouvernement, et le monde financier allemand ne pourrait pas en concéder une part quelconque à titre privé.

Comme preuve pourrait servir, au dire de Mr. de Mendelssohn, l'exemple de l'Amérique. Voulant participer à cet emprunt combiné primitivement par l'Allemagne, la France et l'Angleterre seules, l'Amérique n'a pu y participer qu'après une longue et pénible négociation diplomatique avec les Cabinets de Paris, Londres et Berlin.

En ces conditions je ne prévois pas la possibilité d'acquérir une part de l'emprunt pour les banques russes sans se faire admettre officiellement dans le groupe des syndicats qui détient l'emprunt chinois.

Veuillez agréer, etc. Osten-Sacken.

Перевод.

Весьма доверительно.

Г. управляющий,

Г. фан дер Флит сообщил мне о вашем желании негласно осведомиться об условиях, на которых германские банки участвуют в китайско-американском займе.

Наиболее значительные германские банкирские дома представлены в этом предприятии шанхайским «Deutsche Asiatische Bank», охватывающим финансовые ресурсы следующих предприятий: «Disconto-Gesellschaft», «Deutsche Bank», «Schaffhausener Bank Verein», «Handelsgesellschaft», «Mendelssohn & C°» и «S. Bleichröder».

Германские банки имеют долю, равную четверти общей суммы займа, т. е. 50 млн. марок.

Сотрудничество германских фондов диктуется политическими соображениями правительства, и германский финансовый мир не мог бы переуступить какую либо долю частным порядком.

Доказательством мог бы, по словам г. Мендельсона, служить пример Америки. Желая принять участие в этом займе, первоначально предпринятом только Германией, Францией и Англией, Америка смогла сделать это лишь после длительных и трудных дипломатических переговоров с кабинетами Парижа, Лондона и Берлина.

В этих условиях я не вижу возможности для русских банков приобрести долю в займе без того, чтобы они были официально приняты в группу синдикатов, являющуюся держателем китайского займа.

Примите и пр. Остен-Сакен.

№ 59. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 300. 26/13 мая 1911 г.

Продолжение моих телеграмм №№ 285 [1] и 297 [2].

Французский посол тоже не получил инструкции, но говорил вчера с министром иностранных дел о тревоге черногорского короля. Министр заявил послу, что Турция отнюдь не желает напасть на Черногорию, война с которой не может принести Турции никакой выгоды, но возбудила бы международный вопрос, огромное значение коего турецкое правительство понимает. Бомпар говорил также с военным министром и убедился, что Махмуд-Шевкет — противник идеи войны с Черногорией. Итальянский посол получил из Рима телеграмму о русском обращении касательно представлений Порте в защиту Черногории, на что Сан-Джулиано сказал, что даст ответ. Посол однако сам заговорил вчера с министром иностранных дел об опасениях короля Николая и выслушал от министра категорические заверения миролюбивых намерений Турции. Сегодня посол полу-

[1] Тел. от 24/11 мая за № 285 Чарыков сообщал Нератову, что англ. посол «получил из Лондона телеграмму о сообщении короля Николая итальянскому посланнику касательно черногорских военных мероприятий [см. № 24], но без указания сделать какое-либо сообщение по этому предмету Порте». По словам Чарыкова турец. м-р ин. дел заявил англ. послу, что «Турция отнюдь не желает напасть на Черногорию, с которой нельзя взять военного вознаграждения и на горах которой нет даже пастбищ».

[2] См. № 52.

чил телеграмму от консула в Скутари, подтверждающую тревожные сведения Миллера [1] и отмечающую, что местное турецкое офицерство считает войну с Черногорией «неминуемой и близкой». Повстанцы одержали снова несколько успехов с потерей турками пулемета или даже двух орудий и части лагеря. Торгут-паша выехал на позицию для личного командования. Итальянский военный агент, видевшийся вчера с военным министром, выслушал от него вполне миролюбивые заявления. По турецким сведениям, берлинский и венский кабинеты отказались сделать представления Турции в пользу Черногории [2] и, напротив, заявили здесь, что представление надлежит делать в Цетинье. Турецкая печать, следуя внушениям правительства, относится довольно спокойно к русскому сообщению [3]. Она удивляется несвоевременности обнародования агентской телеграммы, ссылаясь на неодобрительный отзыв о сем одного посла — несомненно германского — и германо-австрийской печати, и предвидя ухудшение русско-турецких отношений. «Osmanischer Lloyd» осторожно злорадствует.

Чарыков.

№ 60. Посол в Токио временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 45. 26/13 мая 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На-днях меня посетил американский посол и имел со мной продолжительную беседу о китайском займе у банкиров четырех наций. Цель его визита, очевидно, состояла в том, чтобы выведать от меня, происходит ли какой-нибудь обмен мнений по этому предмету между Россией и Японией, как о том сообщали здешние газеты, ссылаясь на русские источники (см. мою телеграмму № 104 [4]), и каковы предположения наши по существу дела. Конечно, я не поддался на расспросы моего почтенного коллеги, но воспользовался затронутой им темой, чтобы расспросить его для личного сведения, что ему известно о статьях контракта, подписанного в Пекине, и насколько изложение этих статей, помещенное в китайских газетах и потом перепечатанное здесь, соответствует действительности. Г. О'Брайен отозвался также незнанием текста контракта банкиров и вполне согласился со мной, насколько странно и необычно, что деловое соглашение о займе держится в столь строгом секрете. Я обратил внимание моего собеседника на то, что это обстоятельство возбуждает подозрительность здешнего общественного мнения и дает повод газетам заключать, что в контракте имеются неподлежащие оглашению статьи. В дальнейшем разговоре американский посол затронул вопрос об участии России и Японии в этом займе и сообщил мне, что во время своего пребывания в Вашингтоне объяснялся по этому поводу с помощником статс-секретаря Миллером, ведающим японо-китайские дела; из его слов он вынес убеждение, что американское правительство не встретит никаких возражений против вступления нашего и Японии в сказанный 100-миллионный заем и упомянул о 5-процентном долевом участии. Он на мой вопрос высказал уверенность, что и ныне федеральное правительство поддержит нас, если бы группа русских банков пожелала примкнуть к финансовой комбинации банкиров четырех держав.

Вчера на обычном приеме в министерстве иностранных дел я затронул вопрос о займе в разговоре с маркизом Комура и упомянул о моем свидании с г. О'Брайеном. Оказывается, что еще раньше американский посол обращался к Комуре от имени своего правительства с официальным приглашением японскому правительству участвовать в займе. Маркиз в ответ просил посла выразить от имени японского правительства благодарность федеральному правительству за дружеское предложение, но вместе с тем заявил, что не может высказаться по существу

[1] См. стр. 55, прим. 3.
[2] См. №№ 40 и 41.
[3] См. № 27.
[4] Указанная тел. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

этого предложения, так как не знает условий заключенного контракта. Трудно было бы изъявить согласие на участие в таком договоре, условия коего неизвестны. Этим попытка американцев здесь и закончилась. Говоря со мной о принципиальной стороне вопроса, маркиз Комура указал на условие, которое он считал бы необходимым для участия Японии в займе: Япония могла бы вступить в него не иначе, как на равных с другими державами основаниях. Впрочем, он сомневается в возможности Японии примкнуть к подписанному и уже утвержденному регентом контракту банкиров четырех держав и думает, что это встретило бы существенные трудности — Япония не согласится на роль «держателя акций», ссужающего своими деньгами чужое финансовое предприятие.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 61. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 659 [1]. 27/14 мая 1911 г.

Вчера Турхан-паша прочитал мне полученную им от Рифаата-паши телеграмму, содержащую ответ на наше обращение к Турции [2].

Выслушав текст этой телеграммы, я спросил Турхан-пашу, оставит ли он мне его для более внимательного рассмотрения. Посол ответил, что он на это не имеет полномочия и просил ограничиться словесным от него сообщением.

Я должен был тогда заявить ему, что в отношении формы сообщения и редакции его я не могу войти в какие-нибудь объяснения, не имея пред глазами текста, но что по первому впечатлению выслушанного я не могу не обратить его внимания на некоторые непонятные для меня выражения и фразы. Посол истолковал заключающиеся в сообщении выражения в смысле для нас благожелательном, заверив, что турецкое правительство, конечно, не имело в виду сказать нам что-нибудь неуместное или неприемлемое. Вместе с тем он обещал телеграфировать в Константинополь о сделанном мной замечании.

После этого я сказал Турхан-паше, что, собственно, по существу дела об отношении Турции к Черногории прочитанная им телеграмма дает ясный ответ в смысле неимения у турецкого правительства каких-либо агрессивных замыслов против королевства и что русское правительство, как оно уже ранее объявило, будет продолжать в Цетинье свою умиротворяющую деятельность.

Турхан-паша в заключение просил не опубликовывать сделанного им сообщения, на что я ему сказал, что, не имея текста, я не могу его огласить, что обнародование сообщений зависит совершенно от правительства, от коего они исходят.

Необходимо, чтобы вы обратили внимание Рифаата на сделанную мной относительно формы и текста сообщения оговорку и чтобы он принял это к сведению [3].

Нератов.

С[огласен].

Царское Село, [27] 14 мая 1911 г.

№ 62. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 19. 27/14 мая 1911 г.

Je viens de voir pour la première fois depuis son retour au ministère des affaires étrangères Aehrenthal. Il m'a confirmé la déclaration de Pallavicini [4], puis il a ajouté les paroles suivantes que je crois devoir transmettre textuellement: «Pour les affaires

---

[1] Царск. экз.

[2] См. № 43.

[3] Ответной тел. от 29/16 мая за № 307 Чарыков сообщил, что он сделал заявление турец. м-ру ин. дел в смысле публикуемой тел. «Министр сказал, что осведомлен о сем Турханом-пашой по телеграфу. Дипломатическая сторона инцидента кажется мне теперь исчерпанной».

[4] См. № 41.

des Balkans il y a deux systèmes, ou le maintien absolu du status quo en laissant les pays balkaniques se débrouiller entre eux,— ou l'intervention [1], comme vous l'avez faite cette fois. Nous sommes pour le premier système qui, selon nous, sert mieux la cause de la paix. Nous ne demandons pas mieux que de causer avec vous, mais s'associer ou causer après une décision déjà prise n'est plus la même chose. L'empereur a donné des instructions au comte de Thurn [2], veut la paix et fera tout pour la maintenir, il désire aussi des relations amicales avec la Russie et des conversations qui intéressent les deux pays, c'est son plus sincère désir dont son ambassadeur saura se faire le fidèle interprète». Le ministre des affaires étrangères est convaincu que le roi du Monténégro ne veut pas la guerre, mais il désire paraître avoir la main forcée par les Puissances pour le maintien de la paix. J'ai répondu que les sentiments pacifiques et humanitaires de mon auguste maître sont trop connus pour être mis en doute, son gouvernement en donnant des conseils de sagesse simultanément à la Turquie et au Monténégro croit justement servir la cause de la paix.

Giers.

Мне глубоко безразлично мнение г. Эренталя.

Царское Село, [29] 16 мая 1911 г.

Перевод.

Я только что виделся с Эренталем, впервые со времени его возвращения в министерство иностранных дел. Он мне подтвердил заявление Паллавичини, затем добавил следующие слова, которые я считаю нужным привести дословно: «Для балканских дел имеются две системы: либо полное сохранение status quo, предоставив балканским странам самим выходить из своих затруднений, либо вмешательство, как это сделали вы на сей раз. Мы за первую систему, которая, по нашему мнению, лучше служит делу мира. Мы не желаем ничего лучшего, как переговорить с вами, но объединяться или вести переговоры после уже принятого решения — это не одно и то же. Император дал инструкции графу Турну, желает мира и сделает все, чтобы сохранить его. Он стремится также к дружественным отношениям с Россией и к переговорам, интересующим обе страны, это его самое искреннее желание, верным истолкователем которого сумеет стать его посол». Министр иностранных дел убежден в том, что черногорский король не хочет войны, но желает создать впечатление, что державы принудили его к сохранению мира. Я ответил, что миролюбивые и гуманные чувства моего августейшего повелителя слишком хорошо известны, чтобы в них можно было сомневаться; его правительство, давая благоразумные советы Турции и Черногории одновременно, думает, что оно именно служит делу мира.

Гирс.

№ 63. Министр финансов временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 284. 28/15 мая 1911 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Письмом от [23] 10 сего мая за № 588 [3] ваше превосходительство изволили просить моего заключения по вопросу о том, как нам следует отнестись к предположенной программе расходов за счет займа, заключаемого Китаем через посредство международного консорциума, а равно о возможности участия в этой финансовой операции Русско-азиатского банка.

Вследствие сего имею честь сообщить вашему превосходительству, что, с своей стороны, я присоединяюсь к высказанному в вашем письме за № 588 мнению о том, что программа расходов на Манчжурию, о которой говорится в телеграмме нашего посла в Париже от [19] 6 сего мая за № 49 [4], в общем должна быть признана не соответствующей нашим интересам ввиду того, что она имеет целью усиление китайского элемента в северной Манчжурии. Тем не менее, так как мы по Портсмутскому договору обязались не противодействовать принятию Китаем общих мер, направленных к развитию торговли и промышленности в Манчжу-

---

[1] В царск. экз. слово «l'intervention» подчеркнуто рукой Николая II.
[2] Австро-венг. посол в Петербурге.
[3] См. № 28.
[4] См. № 20.

рии, то, конечно, нам было бы весьма трудно заявлять по сему предмету формальный протест, и все, что мы могли бы сделать, это указать Китаю,— как я уже сообщал в моем письме от [22] 9 сего мая за № 275 [1], что заключение на нужды Манчжурии займа через посредство иностранцев рассматривается нами, как недружелюбный со стороны Китая шаг по отношению к России, и в то же время воздействовать через французское правительство на французских участников международного консорциума.

В связи с этим считаю долгом сообщить вам, что, согласно полученным мной от Русско-азиатского банка сведениям, французский министр иностранных дел заявил указанным участникам консорциума, что французское правительство допустит котировку на парижской бирже нового займа только в том случае, если консорциум достигнет соглашения с русским правительством. Это заявление, повидимому, произвело сильное впечатление на участников консорциума, среди коих возникли опасения за дальнейшую участь самого консорциума. Ввиду этого правление Русско-азиатского банка считает весьма желательным, чтобы Россия продолжала свои настояния перед Францией в том расчете, что это или побудит международный консорциум войти в соглашение с синдикатом нашего банка в смысле отказа от распространения своей деятельности к северу от Великой стены или же поведет к дезорганизации консорциума, причем французские участники последнего присоединятся к синдикату Русско-азиатского банка.

Вместе с тем директор Русско-азиатского банка г. Верстрат довел до сведения министерства финансов, что он имел ныне беседу с японским послом в С.-Петербурге, причем барон Мотоно, повидимому, недовольный вмешательством международного консорциума в манчжурские дела, отметил желательность того, чтобы не только французские, но и английские участники консорциума вышли из состава последнего и образовали, вместе с русскими и японскими капиталистами, новую группу, которая была бы достаточно сильна для того, чтобы ставить свои условия американским и германским банкам.

С своей стороны, я затрудняюсь судить, в какой мере переданное мне г. Верстратом мнение барона Мотоно соответствует в настоящее время взглядам японского правительства, потерпевшим недавно, как видно из письма вашего превосходительства от [23] 10 сего мая за № 588, существенное изменение, но я не могу не заметить, что при создавшихся условиях образование нового русско-англо-франко-японского синдиката для финансирования предприятий к северу от Великой стены представлялось бы с точки зрения наших интересов более желательным, чем участие России в нынешнем международном консорциуме.

В ожидании уведомления о последующем, прошу вас, милостивый государь, принять и пр.

В. Коковцов.

№ 64. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Софии Неклюдову.

Телеграмма № 669. 30/17 мая 1911 г.

Сообщается в Константинополь.

Турхан-паша передал мне вчера, оговорив, что не имеет на то специального поручения, содержание телеграммы от Рифаат-паши о пограничных турецко-болгарских столкновениях [2], высказав мысль, что императорское правительство сочтет, может быть, уместным успокаивающе воздействовать на Болгарию.

Я, конечно, изъявил готовность действовать в этом направлении и прошу вас высказаться перед софийским правительством в том смысле, что упомянутые

[1] См. № 45.
[2] См. стр. 29, прим. 1 и № 77.

инциденты, как не представляющие сами по себе особого значения, не послужат поводом к каким-либо осложнениям [1].

Нератов.

С[огласен].

Царское Село, [30] 17 мая 1911 г.

№ 65. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

%. Телеграмма № 670. 30/17 мая 1911 г.

Телеграмма № 80 получена [2].

Сколь ни желательно содействие наше взаимным объяснениям сербов и болгар, но личная ваша поездка с этой целью в Софию при настоящих обстоятельствах способна привлечь внимание и возбудить предположения о существовании переговоров, главнейшим залогом успеха коих служит наивозможная тайна. Против поездки в Ниш очевидно возражений нет.

[Нератов.]

С[огласен].

Царское Село, [30] 17 мая 1911 г.

№ 66. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Телеграмма № 103. 30/17 мая 1911 г.

Grey me dit que l'ambassadeur d'Italie était venu lui demander ce qu'il pensait de notre démarche à Constantinople [3]. Grey lui a répondu qu'il ne comprenait pas l'émotion de la presse au sujet de ce qui s'était passé, que l'ambassadeur russe, d'après ses informations, avait été chargé dans l'intérêt de la paix d'attirer oralement et amicalement l'attention de la Turquie sur le danger de la concentration des troupes qui devait avoir comme résultat des armements monténégrins, qu'en même temps le ministre russe à Cettigné avait été chargé de signaler au roi et au gouvernement monténégrins le danger de tout acte de provocation et de toute imprudence; que le gouvernement britannique non seulement ne voyait rien d'extraordinaire dans cette démarche d'une Puissance aussi directement intéressée que la Russie, mais qu'il croyait que le résultat avait été salutaire. Grey m'a autorisé à vous informer de son entretien.

Benckendorff.

Перевод.

Грей сказал мне, что итальянский посол приходил к нему спросить, что он думает о нашем демарше в Константинополе. Грей ответил ему, что не понимает возбуждения прессы по поводу происшедшего, что, по имеющимся у него сведениям, русскому послу было поручено устно и в дружеской форме обратить внимание Порты на опасность концентрации войск, результатом которой должно явиться вооружение Черногории; что одновременно русскому посланнику в Цетинье было поручено указать королю и правительству Черногории на опасность всяких вызывающих и неосторожных действий; что английское правительство не только не усматривает чего либо необычного в этом выступлении столь непосредственно заинтересованной державы, какой является Россия, но что оно считает благотворным результат выступления. Грей уполномочил меня уведомить вас о его беседе.

Бенкендорф.

---

[1] В ответной тел. от 31/18 мая за № 33 Неклюдов сообщал, что убийство болг. офицера «сильно возбудило болгарское общественное мнение», и что убийство турец. офицера болгары приписывают вине самих турок. «Болгарское правительство, — передавал Неклюдов, — сделает все возможное, чтобы предупредить дальнейшие инциденты на границе; но Гешов просит и вас повлиять на Порту, дабы турки правильно и строго относились к поведению своих патрулей на болгарской границе».

[2] Тел. от 27/14 мая за № 80 (опубл. Siebert, II, S. 102, N 405) Гартвиг выражал желание лично отвезти полученную в Белграде экспедицию из Вены для росс. миссии в Софии, чтобы, пользуясь случаем, обменяться взглядами с болг. м-рами и Даневым. По мнению Гартвига, это «произвело бы здесь хорошее впечатление и, быть может, дало бы новый толчок переговорам между Болгарией и Сербией». В заключение Гартвиг сообщал, что по пути он мог бы остановиться в Нише для ближайшего ознакомления с делами консульства.

[3] См. №№ 27 и 43.

№ 67. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 58 [1]. 30/17 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Истекшая неделя была заполнена здесь шумом, вызванным обращением черногорского короля к защите держав от возможного нападения турок.

Наше сообщение Порте [2] привело к требуемому результату: Порта заявила незамедлительно и в решительной форме о своих совершенно миролюбивых чувствах по отношению к Черногории и сделала это не только по отношению к императорскому правительству, но и к пребывающим здесь послам, а равно и черногорскому посланнику и своему парламенту, получив при сем от последнего единогласное одобрение.

А вслед за означенным голосованием турецко-черногорские дипломатические отношения не замедлили войти в нормальный фазис и даже представили возможность пока еще принципиального обсуждения посещения Константинополя королем Николаем и связанного с этим событием заключения между Турцией и Черногорией известного экономического и политического соглашения [3].

Министр иностранных дел не скрыл от меня, что этот результат был бы достигнут значительно легче и скорее, если бы, согласно дипломатическим обычаям, турецкое правительство было осведомлено о сообщении русского правительства сначала через императорское посольство в Константинополе, а не из газетного циркуляра С.-Петербургского телеграфного агентства.

Я тоже думаю, что, при обычной форме возложенного на меня сообщения, Рифаат-паша тотчас сделал бы мне то миролюбивое заверение, которое мы от него ожидали, не прибегая предварительно к совету министров и к воздействию на турецкую печать, дабы удержать ее от чересчур враждебных России выходок.

Благодаря этому воздействию комментарии означенной печати оказались довольно умеренными.

Но смысл их, явственно, следующий: русская телеграмма раскрыла русские карты; Россия попрежнему ненавидит Турцию и все ее заверения о сочувствии турецкому возрождению — лишь обман, имеющий целью усыпить турок до той поры, пока Россия не восстановит своих сил, потрясенных японской войной. Россия ищет раздавить Турцию, пока последняя не успела оправиться и окрепнуть от старого режима, а пока Россия пользуется теперешними временными затруднениями Турции, чтобы ее публично оскорбить и унизить. Но это не удастся России. Все оттоманы сплотятся, забыв внутренние распри для спасения отечества, и если державы Тройственного согласия оказываются на русской стороне, Турции надлежит тем доверчивее и крепче опереться на ее истинных друзей — Германию и Австро-Венгрию.

Эта последняя мысль нашла себе практическое выражение во вчерашнем голосовании доверия кабинету Хакки-паши целокупными силами партии «Единение и прогресс».

Мне известно, что принципиальные противники Хакки-паши, осуждавшие его чрезмерное германофильство, подали вчера за него голос потому, что убедились в правильности его оценки выгоднейшего направления внешней политики Турции — спасение от русского насилия возможно только в объятиях Германии.

---

[1] Опубл. L. N., II, p. 482.

[2] См. телеграммы г. управляющего министерством послу в Константинополе №№ 640, 651 и 659; телеграммы посла г. управляющему министерством №№ 283, 284, 285, 292, 297, 300, 304, 305, 307, 308 и 309. [Прим. оригинала.] (См. №№ 27, 46, 61, 43, стр. 49, прим. 4, стр. 60, прим. 1, №№ 52, 59 и стр. 62, прим. 3.)

Телеграммы Чарыкова от 28/15 мая за № 305 и от 29/16 мая, №№ 308 и 309, касались запросов в палате депутатов, ответа турец. м-ра ин. дел и прений по поводу турецко-черногорского конфликта. Тел. от 28/15 мая за № 304 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[3] См. письмо посла г. управляющему министерством от [4 мая] 21 апреля 1911 г. [Прим. оригинала.] Указанное письмо в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

Я полагаю, что со временем это впечатление сгладится и что опять здесь начнут раздаваться голоса, призывающие к доверию к России и к дружбе с ней.

Но это будет не скоро и, став на путь обращения к Турции, как к слабейшему,— и не без практического результата,— мы должны абсолютно сохранить за собой наше теперешнее положение сильнейшего.

Газета «Новое время», новейшие угрозы коей Турции будут здесь несомненно приняты к сведению и записаны на память, прямо говорит [1]: «В крайнем случае добрый совет может быть послан, если это окажется нужным, с почетным сопровождением», очевидно намекая на русский Черноморский флот.

Между тем в секретном письме морского министра от [4 мая] 21 апреля с. г. за № 906/76 [2] я с ужасом читаю: «Несмотря на меры, намеченные ведомством к ускорению нашего судостроения на Черном море, надлежит иметь в виду *неизбежность* временного *преобладания* на нем *турецких* дредноутов, постройка коих в Англии возможна в течение двух лет».

Императорское правительство, которое, напрягая планомерные усилия со времен Петра Великого, достигло при Александре III русского господства на Черном море, *не может* допустить не только неизбежности, но и возможности даже самого кратковременного преобладания на Черном море турецкого флота.

Черногорский инцидент является тому поразительным примером.

Будь сегодня это преобладание в руках турок, каково бы было наше положение?

Вместо теперешних вынужденных миролюбивых заверений турки замедлили бы ответом и послали бы свою эскадру к Севастополю, бессильному бороться с их дредноутами.

И тогда нам осталось бы на выбор или испытать то унижение, которое теперь пережили турки, или вести с ними войну, которая началась бы, подобно крымской, с уничтожения нашего Черноморского флота.

Очевидно, до такой альтернативы допустить дела нельзя и потому на императорском правительстве лежит долг принять для «постройки линейных кораблей, миноносцев и подводных лодок в числе, обеспечивающем наше преобладание над турецким флотом» [3], не те меры, которые приведут к неизбежности хотя бы временного преобладания на Черном море турецких дредноутов, а те меры, хотя бы самые экстренные и исключительные, которые, путем срочной постройки русских дредноутов, обеспечат и впредь за словом русского царя, обращаемым к турецкому султану, тот неоспоримый авторитет, которым это слово до сих пор, с божьей помощью, пользовалось и пользуется.

Примите и пр. Н. Чарыков.

№ 68. Председатель совета министров временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 2490. 30/17 мая 1911 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вследствие письма вашего превосходительства от [23] 10 сего мая за № 587 [4] по поводу предположенного китайским правительством у англо-франко-германо-американского синдиката займа, имею честь уведомить вас, милостивый государь, что, ознакомившись с настоящим делом, я не мог не обратить внимания на вызывающее некоторые сомнения поведение в этом деле японского правительства, сначала предостерегавшего нас об опасности заключаемого Китаем у англо-франко-германо-американского синдиката займа, а затем отнесшегося отрица-

[1] [24] 11 мая 1911 г. № 20629. [Прим. оригинала.] Номер газеты указан ошибочно, следует читать: № 12629.

[2] Приложение к весьма секретному письму г. управляющего министерством послу в Константинополе от [13 мая] 30 апреля с. г. № 295. [Прим. оригинала.] Указанное письмо в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[3] См. вышеупомянутое письмо морского министра. [Прим. оригинала.]

[4] См. № 28.

*

тельно как к мысли о сосредоточении сей операции в англо-франко-русско-японских руках, так даже и к предположению Русско-азиатского банка примкнуть к вышеуказанному синдикату. Ввиду сего мне казалось бы, что русскому правительству необходимо было бы настаивать на участии нашем в предполагаемом китайском займе, если, конечно, министр финансов изыщет для сего соответственную комбинацию. В этом именно смысле я, одновременно с сим, снесся с министром финансов [1], прося его почтить меня отзывом по сему предмету

Сообщая о сем, прошу принять и пр.

П. Столыпин.

№ 69. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 391. 1 июня/19 мая 1911 г.

Секретно.

М. г. граф Александр Константинович,

В декабре текущего года, как известно, имеет состояться в Индии коронационный дурбар, причем впервые в истории этой страны на этом торжестве будет присутствовать сам король-император. По имеющимся сведениям, к участию в дурбаре, согласно установившемуся обычаю, имеют быть приглашены лишь местные консульские представители держав, и какого-либо чрезвычайного представительства последних на этом выдающемся торжестве пока не предвидится. Между тем, вследствие ограниченной роли, которая предоставляется в Англии и ее колониях чинам консульского корпуса, нельзя не признать, что таковые не могут явиться в достаточной мере представителями своих правительств. Это соображение имеет особенный вес для нас, как державы, близко соприкасающейся с Индией и тесно связанной с Великобританией частью договорными обязательствами, частью общностью интересов на почве азиатской политики. Мне кажется, что этим столь удобным случаем следовало бы воспользоваться, дабы подчеркнуть в глазах не только азиатов, но и всего мира прочное согласие, установившееся между обеими великими державами, более всех других непосредственно заинтересованными в судьбах Среднего Востока. Это, по моему мнению, могло бы лучше всего быть достигнуто, если бы на предстоящем индийском коронационном дурбаре Россия могла быть представлена высокопоставленным лицом, облеченным особыми на то полномочиями [2].

Передавая вашему сиятельству таковые мои соображения, имею честь покорнейше просить вас воспользоваться первым удобным случаем, чтобы осторожно прозондировать почву в Лондоне в видах выяснения вопроса о том, не будет ли великобританское правительство склонно допустить, хотя бы в виде исключения для России, посылку нами особого чрезвычайного представителя на упомянутое выше торжество [3].

В ожидании уведомления вашего о последующем, пользуюсь случаем, чтобы возобновить и пр.

Нератов.

№ 70. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 392. 1 июня/19 мая 1911 г.

Секретно.

М. г. граф Александр Константинович,

Препровождая при сем копию с врученной мне великобританским послом памятной записки по вопросу о великом транзитном пути из Европы в Индию через Персию [4], считаю долгом сообщить вашему сиятельству, пока для личного

---

[1] Повидимому, письмо Столыпина Коковцову было отправлено того же числа за № 2491 (ср. № 82).

[2] Вопрос, изложенный в публикуемом документе, был поднят росс. ген. консулом в Индии Б. Арсеньевым в донесении от 30/17 марта за № 12.

[3] На маш. копии имеется помета: «Всеподданнейше доложено устно [13 июня] 31 мая 1911 г. в Петергофе».

[4] См. № 3.

вашего сведения, что уже по первому взгляду некоторые из условий, которыми лондонский кабинет обставляет свое согласие на создание этого пути, представляются мне едва ли приемлемыми. Прежде всего бросается в глаза стремление англичан придать дороге западное направление, намечая ее на Бендер-Аббас и явно упуская из виду, что тем самым они приближают ее к сфере Багдадской железной дороги, которая, вследствие этого, со временем, легко могла бы быть связана с означенным путем и отвлекла бы по меньшей мере часть транзитных грузов в свою сторону. На это я не преминул тут же обратить внимание сэра Дж. Бьюкенена.

Независимо от этого линия Тегеран—Бендер-Аббас явилась бы одной из меридиональных персидских дорог, возникновение коих, по известным вам соображениям, признано принципиально нежелательным с точки зрения наших экономических интересов.

Условие, изложенное в п. 3-м записки, ограничивающее, как вы изволите убедиться, нашу свободу действий не только в нейтральной зоне, но и в нашей собственной сфере влияния, могло бы быть приемлемо для нас только в том случае, если словам «in the neighbourhood of the Perso-Afghan frontier» [1] не будет придано слишком широкого толкования. А между тем есть, повидимому, основание думать, что англичане при этом имеют в виду воспрепятствовать сооружению даже таких железных дорог, как Асхабад-Мешедская, которую нам однако рано или поздно необходимо будет осуществить.

Что касается намечаемых лондонским кабинетом в п. 4-м памятной записки линий, то вопрос о нашем отношении к ним требует еще известного изучения, и я пока лишен возможности высказать о них какое-либо суждение.

В связи с высказываемыми ныне великобританским правительством пожеланиями вопрос о великом транзитном пути во всей его совокупности подлежит обсуждению в особом совещании заинтересованных ведомств, после чего лишь может быть окончательно формулирован взгляд императорского правительства на это дело.

Передавая об изложенном и предоставляя себе вернуться со временем вновь к этому вопросу, обращаюсь к вам с просьбой не отказать в вашем содействии представителям русской группы при приезде их в Лондон для переговоров с английскими группами об образовании предварительного «Société d'Etudes», не предрешая тем самым вопрос об осуществлении самого предприятия [2].

Примите и пр.

А. Нератов.

№ 71. Временно управляющий министерством иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 630. 1 июня/19 мая 1911 г.
Спешно. Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Имею честь препроводить к вам при сем составленную в министерстве иностранных дел справку о дипломатическом положении вопроса о китайском займе у англо-франко-германо-американского синдиката [3].

Уже по составлении этой справки, вечером [31] 18 сего мая меня посетил французский посол, который сообщил мне, что его правительство считает возможным, чтобы в случае нашего желания принять участие в сказанной финансовой операции русским капиталистам была предоставлена одна пятая часть общей суммы

---

[1] «вблизи персидско-афганской границы».

[2] Ответной тел. от 13 июня/31 мая за № 112 Бенкендорф сообщил, что, по поручению Хомякова, его посетил Гукасов (Хомяков и Гукасов — члены русского консорциума по сооружению Трансперсидской ж. д.). Гукасов просил у Бенкендорфа поддержки для образования общества подготовительных работ по сооружению упомянутой ж. д. Бенкендорф посоветовал Гукасову написать Хомякову, что такое общество не может быть создано раньше, чем будет выработан проект ж. д., который был бы принят обоими правительствами, и что в тот момент имелся лишь английский проект (см. № 3), вызывавший возражения росс. прав-ва.

[3] См. приложение к публикуемому документу.

займа. Из слов г. Жоржа Луи, ссылавшегося на нежелательность дальнейшего дробления этой суммы, неизбежного в случае предоставления части займа японским банкам, я мог заключить, что французское правительство относится несочувственно к предоставлению японцам доли в настоящем займе Китая у иностранного синдиката банкиров.

Посол указывает также на желание парижского кабинета узнать ныне же, к какому решению императорское правительство придет по вопросу о своем отношении к этому займу, так как приезжающий, по его сведениям, на один день [4 июня] 22 сего мая в С.-Петербург г. Стрэт проедет затем в Париж, где будет иметь объяснения с французскими государственными и финансовыми деятелями.

Сообщая о вышеизложенном для соображения вашего высокопревосходительства, считаю долгом покорнейше просить вас в возможно непродолжительном времени почтить меня вашим заключением по содержанию настоящего письма и приложенной к оному справки.

Примите и пр.

[Нератов.]

Приложение.

Справка, составленная в министерстве иностранных дел [1].

Подписание контракта на заем китайского правительства у англо-франко-германо-американского синдиката ставит вопрос о том, как мы должны отнестись к этой финансовой операции. Заем этот, заключенный отчасти на нужды Манчжурии, обеспеченный некоторыми доходами этой области и сопряженный с обязательством китайского правительства занимать у того же синдиката деньги, которые понадобились бы в будущем на дальнейшее развитие предприятий, для проведения коих он предназначен, слишком затрагивает наши интересы, чтобы мы могли отнестись к нему безучастно. Политический характер займа был с самого начала подчеркнут американским статс-секретарем; по сведениям из Берлина, тамошние банкиры также видят в этом займе политический шаг Германии. Это сознается и в Пекине, где худо скрывают опасение, что заем у синдиката четырех держав будет опротестован русским и японским правительствами.

Наши объяснения с последним доказали однако, что оно не склонно выступить с таким протестом, хотя конечно было бы радо, если бы Россия взяла на себя сделать необходимые шаги, чтобы расстроить этот заем. Но не говоря уже о той ответственности, которую мы приняли бы на себя таким образом действий, который несомненно вызвал бы недовольство не только Китая, Соединенных Штатов и Германии, но даже дружественных нам Франции и Англии,— наш протест против заключения сказанного займа едва ли не остался бы бесплодным, особенно ввиду того, что, как выяснилось, он не был бы поддержан японцами. Помириться же с тем, что вопреки выраженному нами желанию китайцы заключат заем у синдиката четырех держав, было бы тяжелым ударом для нашего влияния в Пекине, последствия которого дали бы себя надолго чувствовать в нашей дальне-восточной политике.

Между тем, объяснения, которые имели наши послы в Париже и Лондоне с французским и великобританским министрами иностранных дел, не оставляют сомнения в том, что ни французское ни английское правительства не возьмут на себя обязанности расстроить заем у англо-франко-германо-американского синдиката. Г. Круппи определенно заявил гофмейстеру Извольскому[2], что если бы правительство республики отказало в котировке этого займа на парижской бирже, заем тем не менее состоялся бы, хотя бы и без участия французских капиталистов, а этого последнего оборота дела французское правительство не считает возможным допустить.

Если таким образом приходится признать, что мы не можем рассчитывать на чье-либо содействие, чтобы помешать Китаю получить у англо-франко-германо-американского синдиката условленную между ними сумму в 10 млн. ф. ст., то

[1] Черновик написан рукой Козакова. Не датирован.
[2] См. №№ 12 и 20.

нет недостатка в предложениях нам принять участие в операциях этого синдиката по финансированию китайских займов: об этом говорили и американский посол в С.-Петербурге, и французский министр иностранных дел. Наш посланник в Пекине также считает, что нам следует согласиться с этим синдикатом и либо принять в нем участие, либо выговорить себе известного рода выгоды и условия взамен нашего отказа от противодействия настоящему займу [1].

Таким образом, есть основания предполагать, что мы можем принять участие в этом займе и получить благодаря этому некоторое право контроля как за расходованием получаемых китайским правительством сумм, так и за отношением синдиката к гарантирующим заем доходам Манчжурии. Но если бы даже это не удалось нам по отношению *настоящего* займа (ввиду, например нежелания участников синдиката предоставить нам соответствующую нашим интересам долю участия в займе), переговоры, которые мы вели бы по этому поводу, несомненно привели бы к тому, что мы имели бы голос в *дальнейших* операциях синдиката, что представило бы немаловажные выгоды, так как нужда в будущих крупных иностранных займах очевидно будет все более и более ощущаться китайским правительством.

Эти переговоры могли бы также повести к возможности такого соглашения с синдикатом, которое изъяло бы из сферы его деятельности дело железнодорожного строительства в Манчжурии или даже во всем лежащем к северу от Великой стены Китае, устраняя таким образом наиболее остро угрожающую нам опасность проникновения иностранцев в область нашего преимущественного влияния. Возможность такого результата предусматривается как действительным статским советником Коростовцом, так и графом Бенкендорфом. Последний, давая отчет о своих объяснениях с сэром Эд. Греем и французским послом в Лондоне, сообщает [2] о возникшей у них мысли, чтобы французское правительство заявило в Пекине, что оно допустит котировку на парижской бирже займа у синдиката четырех держав только после того, как китайское правительство сообщит ему детальную программу расходования получаемых сумм, в которую будет включена категорическая декларация относительно манчжурских железных дорог; такой шаг французского правительства должен, по мысли английского министра иностранных дел и императорского и французского послов, быть поддержан великобританским посланником в Пекине.

№ 72. Посланник в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 17. 1 июня/19 мая 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На прошлой неделе, накануне отправления последней моей экспедиции, итальянский посланник принят был королем в аудиенции, испрошенной по случаю возвращения его величества с Корфу.

Король сразу заговорил с маркизом Карлотти о предложенной Англией передаче державам-покровительницам принадлежащего верховному комиссару права назначения кадиев [3], которая, нарушая, по мнению его величества, дарованную Криту автономию, неминуемо должна будет привести к серьезным осложнениям на острове и в Греции, а осложнения эти могли бы повлечь за собой необходимость занятия Крита международными отрядами.

Король, с трудом, повидимому, сдерживавший свое волнение, заявил своему собеседнику, что если бы державы лишили его величество признанного за ним права назначения верховного комиссара, то ему не оставалось бы другого исхода как, отказавшись от престола и сложив с себя ответственность за последующие события, удалиться из Греции.

---

[1] См. № 55.

[2] Имеется в виду тел. Бенкендорфа от 28/15 мая за № 100, содержание которой частично изложено в публикуемом документе, частично в письме Бенкендорфа от 6 июня/24 мая (см. № 84).

[3] См. стр. 7, прим. 1.

Обо всем этом король просил телеграфировать маркизу Сан-Джулиано, присовокупив при этом, что он сделает одинаковые сообщения остальным представителям держав-покровительниц.

Не осведомленный о подробностях английского предложения маркиз Карлотти не имел возможности успокоить короля оговоркой, поставленной лондонским кабинетом во главе своего предложения, а именно, что назначение кадиев могло бы состояться лишь в том случае, если бы доказана была необходимость подобной меры, что едва ли можно ожидать, так как, по общим заверениям наших представителей на Крите [1], деятельность муфтиев признается там в настоящую минуту вполне достаточной и вполне повидимому удовлетворяет всем юридическим и духовным нуждам критских мусульман.

Успокоительный этот аргумент выдвинут был моим английским сотоварищем и произвел, повидимому, известное впечатление на короля, который, приняв вслед за маркизом Карлотти сэра Френсиса Эллиота, жаловался также и ему на намерение держав нарушить дарованную ими Криту конституцию, на серьезные последствия, которые сказанное нарушение могло бы вызвать как на Крите так и в Греции, а равно и на безысходное положение, в которое был бы поставлен король, если бы у него отнято было право назначения верховного комиссара.

Ни французский посланник, ни я не имели случая видеть его величество. Г. Девилль не просил аудиенции, а я, имевший честь неоднократно беседовать с королем на Корфу во время моего четырехдневного пребывания на этом острове, тем менее имел оснований беспокоить короля ходатайством о приеме, по возвращении нашем в Афины.

Жалобы и угрозы, подобные тем, которые обращены были его величеством к итальянскому посланнику, не представляют ничего нового, так как король не раз уже указывал на то, что обстоятельства могут его поставить в необходимость покинуть престол.

Тем не менее, нельзя, мне кажется, не согласиться с тем, что лишение его величества признанного за ним права назначения верховного комиссара действительно поставило бы его в крайне затруднительное положение как по отношению к Греции, так и к Криту, а минута эта надвигается с прекращением в сентябре месяце полномочий Заимиса, если бы державы признали в силу тех или иных соображений желательным изменить существующий порядок назначения верховного комиссара.

Ввиду этого, а также ввиду неясности настоящего положения, весьма понятно, что в Афинах возвращение к режиму, предшествовавшему 1908 году, представило бы известную выгоду, и что эллинское правительство могло бы естественно к этому стремиться, несмотря на те огромные затруднения, которые неминуемо вызвало бы на Крите водворение хотя бы и указанного королем комиссара, так как мера эта очевидно является шагом назад.

Возвращаясь к вопросу о кадиях, считаю долгом обратить благосклонное внимание императорского министерства на то обстоятельство, что если в настоящую минуту отсутствие их и не ощущается, то положение это может со дня на день измениться со смертью или болезнью муфтиев на Крите. Поэтому вопрос этот, казалось бы, требует серьезного обсуждения, дабы державы не были застигнуты врасплох.

При последнем свидании моем с министром иностранных дел, последний затронул в частном разговоре вопрос о кадиях, который продолжает сильно его тревожить, особенно ввиду того, что державы собираются присвоить себе право их назначения. Грипарис старался мне доказать, что всего целесообразнее было бы передать это право критскому исполнительному комитету, который «признан державами, так как они вступили с ним в сношения с самого момента провозглашения аннексии». Это право, на его взгляд, вытекало бы уже из того, что комитет этот назначает своей властью всех чиновников критской администрации.

На это я ему возразил, что о признании настоящего правительства нет и речи, и можно лишь сказать, что державы «молчаливо его терпят» для вопросов внутрен-

[1] См. № 21.

него управления острова, с чем Грипарис в конце концов вынужден был согласиться.

Что же касается до местных чиновников, о коих он упомянул, то между таковыми и кадиями существует, на мой взгляд, огромное различие, так как последние, получая свою инвеституру от шейх-уль-ислама, находятся в духовной связи с Константинополем.

Поэтому, если бы действительно и признано было целесообразным, чтобы, ввиду отсутствия верховного комиссара, принадлежащее последнему право назначения кадиев перешло к державам, то подобная постановка вопроса свидетельствовала бы только о желании держав решить его сообразно с интересами критского населения, так как этим они доказали бы Турции, что притязания ее лишены всякого законного основания.

К тому же, прибавил я, английское предложение, как известно самому министру иностранных дел, обусловлено необходимостью доказать, что муфтии не в состоянии удовлетворить духовным и юридическим интересам мусульманского населения на Крите.

С. Свербеев.

Примите и пр.

P. S. Маркиз Карлотти сообщил мне содержание своей беседы с королем *вполне конфиденциально*.

Ut in litteris С. Свербеев.

№ 73. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 409. 1 июня/19 мая 1911 г.

Получил телеграмму № 645 [1].

Я передал полковнику Беддосу, что наш банк постарается поместить персидский конверсионный заем в России, или, если окажется неудобным, то войдет от себя в соглашение с иностранными финансистами. Беддос продолжал утверждать, что эта операция была нами обещана Зелигману, и запросил меня, согласится ли наш банк передать ему этот заем, если последний не будет [2] в России. Я повторил, что, судя по телеграмме вашего превосходительства, наш банк не желает связывать себя какими-либо на этот счет обязательствами. Повидимому, Зелигман будет торопить обращение к нам шахского правительства с просьбой о конверсионном займе, дабы заставить нас скорее определить наше отношение к этой операции и в надежде, что мы все же согласимся в конце концов передать ее ему [3].

Поклевский.

№ 74. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 108. 2 июня/20 мая 1911 г.

№ 2.

Grey a eu entrevue avec l'ambassadeur américain sur le sujet traité dans le télégramme № 1 [4]. Il lui a dit que le gouvernement anglais était tenu de prendre en sérieuse considération l'opinion en cette matière des gouvernements russe, français et japonais. Il ne lui a pas caché que Mr. Cambon et moi étaient venus l'entretenir

---

[1] См. № 36.

[2] Так в оригинале.

[3] Ответной тел. от 4 июня/22 мая за № 687 Нератов сообщил Поклевскому: «О специальном конверсионном займе не было речи, Зелигман предполагал лишь предоставить персам обратить часть общего займа на погашение некоторых долгов нашему и английскому банкам. Вы можете определенно дать понять Беддосу, что ввиду положения, занятого великобританским правительством в вопросе о займе по отношению к Шахиншахскому банку, мы будем поддерживать в этом вопросе интересы нашего банка».

[4] Повидимому, имеется в виду тел. от 2 июня/20 мая за № 107, в которой Бенкендорф сообщал о разговоре Грея с руководящими деятелями англ. группы консорциума. (См. № 84.)

à ce sujet. Grey a ajouté que dans son opinion les difficultés de la question au point de vue politique et diplomatique ne pourraient être levées que par la communication d'un programme détaillé qui excluerait la construction des chemins de fer et réserverait l'emploi des fonds pour des projets amélioratifs dans l'intérêt de la province. Mr. W. Reid lui a répondu qu'il en référerait à son gouvernement. Grey m'avait prévenu de son intention de s'adresser à l'ambassadeur américain et au groupe financier anglais. Il m'a dit que Mr. W. Reid était déjà venu lui porter ses (?)[1] au sujet de l'attitude anglaise, et c'est à la seconde entrevue qu'il s'est clairement expliqué avec lui. Grey pense que la clef de la situation est à Washington.

Benckendorff.

Перевод.

№ 2.

Грей имел свидание с американским послом по вопросу, затронутому в телеграмме № 1. Он сказал ему, что английское правительство обязано по этому вопросу серьезно считаться с мнением русского, французского и японского правительств. Он не скрыл от него, что г. Камбон и я являлись к нему для беседы по этому поводу. Грей добавил, что, по его мнению, затруднения в этом вопросе с политической и дипломатической точек зрения могут быть устранены лишь сообщением обстоятельной программы, по которой исключалась бы постройка железных дорог и расходование фондов предназначалось бы на проекты благоустройства в интересах провинции. Г. У. Рид ответил ему, что он доложит об этом своему правительству. Грей предупредил меня о своем намерении обратиться к американскому послу и к английской финансовой группе. Он сказал мне, что г. У. Рид уже приходил представить ему свои (?) по поводу позиции Англии, и что во второй беседе он откровенно объяснился с ним. Грей думает, что ключ положения в Вашингтоне.

Бенкендорф.

№ 75. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 109. 2 июня/20 мая 1911 г.

Mes entretiens avec E. Grey, Nicolson et Cambon me persuadent de la très grande difficulté et des inconvénients sérieux à insister sur la question des garanties, beaucoup plus discutable que celle des chemins de fer. Ici on est convaincu que le gouvernement chinois n'abandonnera jamais le contrôle des douanes mandchouriennes, seul service chinois bien organisé. Ni la France, ni l'Angleterre ne veulent laisser l'Amérique agir seule, ni se priver l'une ou l'autre de l'appui sur les affaires chinoises. Le danger est qu'une attitude décisive de la France au sujet des chemins de fer et au sujet des garanties, avec l'appui catégorique anglais, ne mette toute l'affaire en mains exclusivement américaines, ce qui me paraît très contraire à nos intérêts.

Benckendorff.

Перевод.

Мои беседы с Греем, Никольсоном и Камбоном убеждают меня в том, что настойчивость в вопросе о гарантиях, — вопросе, гораздо более спорном, чем вопрос о железных дорогах, — представляет весьма большие затруднения и серьезные неудобства. Здесь убеждены в том, что китайское правительство никогда не откажется от контроля над манчжурскими таможнями, — единственным хорошо организованным китайским учреждением. И Франция, и Англия не хотят предоставить Америке действовать одной, а с другой стороны ни та, ни другая не хотят лишиться поддержки в китайских делах. Опасность заключается в том, что решающая позиция Франции в вопросе о железных дорогах и о гарантиях, при энергичной поддержке Англии, может привести к переходу всего дела исключительно в руки американцев, что, мне кажется, сильно противоречит нашим интересам.

Бенкендорф.

№ 76. Генеральный консул в Индии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Донесение № 21. Симла, 2 июня/20 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На этих днях я воспользовался представившимся удобным случаем для того, чтобы спросить секретаря по иностранным делам полковника Мак-Магона, на-

[1] Вопросительный знак в оригинале.

сколько подвинулась вперед разработка индийским правительством вопроса о сооружении индо-кавказской магистрали.

Уклонившись, со свойственной ему осторожностью, от сообщения мне каких-либо подробностей касательно признаваемого здесь желательным направления означенной линии, сэр Генри ограничился заявлением общего характера, что относящееся до нее русское предложение было доставлено сюда из Лондона на рассмотрение индийского правительства, которое, ознакомившись с ним, отнеслось к нему вполне сочувственно, о чем на прошлой неделе оно уведомило статс-секретаря по делам Индии.

«Лично я, — продолжал сэр Генри, — нахожу постройку великого индоевропейского рельсового пути необходимым. В настоящий момент, после установления полного единомыслия в этом вопросе между Англией и Россией, все дело сводится к тому, найдутся ли нужные средства для финансирования задуманного огромного предприятия. Надеюсь, что они окажутся налицо, — надеюсь тем более, что Англия так же, как и Россия, заинтересована в том, чтобы слишком очевидные замыслы Германии относительно захвата персидского рынка в свои руки не могли осуществиться. Помешать немецким планам может только постройка железной дороги, которая, соединив Индию с Россией, явилась бы в руках англичан и русских могущественным орудием для сохранения в неприкосновенности нынешнего, соответствующего интересам обеих сторон, соотношения иностранных влияний в Персии».

Эти слова руководителя внешней англо-индийской политики, недавнего еще пламенного недоброжелателя России, поныне не всегда умеющего скрыть свое подозрительное отношение к нашему проникновению в Среднюю Азию, нельзя не признать весьма характерными. Грозный призрак надвигающейся германской опасности — вот тот стимул, который заставляет даже самых непримиримых здешних руссофобов искать сближения с нами.

Примите и пр.

Б. Арсеньев.

№ 77. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 20. 2 июня/20 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В прошлую субботу, [27]14 мая, на турецко-болгарской границе между Кюстендилем и Эгри-Паланкой убит был турецкий офицер Зия-бей.

Убийство это послужило сигналом к довольно продолжительной перестрелке между соседними турецкими и болгарскими пограничными караулами, причем с обеих сторон было по два или по три человека легко раненых.

Болгарское правительство немедленно предложило туркам выслать на место происшествия смешанную комиссию, что и было исполнено уже в понедельник [1], но до сих пор комиссия эта не пришла к соглашению.

С турецкой стороны уверены, что убийство Зия-бея является заранее обдуманной местью за убийство капитана Георгиева [2]. Напротив того, болгары уверяют, что и в данном случае турецкие солдаты с офицером, застигнутые на болгарской территории, первые начали стрельбу.

В настоящую минуту волнение, возбужденное этим вторым «инцидентом», уже значительно улеглось; но никто не может поручиться, что завтра или послезавтра мы не услышим о новых столкновениях на пространной турецко-болгарской границе.

Г. Гешов приписывает подобное положение вещей на границе грубому и вызывающему поведению турецких караулов и их постоянным попыткам проникать на болгарскую территорию. Я с своей стороны полагаю, что болгарские солдаты и стражники с охотой принимают подобные вызовы и отвечают на них.

---

[1] 29/16 мая.

[2] См. стр. 29, прим. 1.

Ко всему этому присоединяются давнишние обоюдные счеты пограничного населения,— македонских выходцев и турок, помаков и болгар-христиан,— и всегдашняя готовность пограничного населения браться за ружья. Это положение дела, разумеется, затрудняет в значительной мере усилия обоих правительств охранять и улучшать добрососедские отношения между Турцией и Болгарией.

К этому прибавились за последнее время новые и тревожные вести из Македонии: во Флоринской казе Битолийского санджака неистовствует шайка какого-то Седр-эддина, которая, если верить болгарским известиям, нападает на мирных поселян и зарезала уже десятка два мужчин, женщин и детей. Подобные вести возбуждают болгарское население по обе стороны границы и дают лишние основания для возобновления деятельности македонских четников.

В настоящую минуту в Кюстендиле происходит тайный съезд главнейших македонских четников, за которым правительство зорко наблюдает.

Г. Гешов очень обеспокоен всеми этими тревожными явлениями, тем более, что они дают оружие в руки оппозиции (особенно стамбуловистской), обвиняющей нынешнее правительство в преступной слабости по отношению к Турции.

Нынешний болгарский кабинет будет тем не менее сохранять полное спокойствие и хладнокровие в вопросах внешней политики, ибо в настоящую минуту внимание его всецело поглощено выборами в Великое народное собрание.

Но, по миновании этой выборной горячки и после распущения в конце июня месяца Великого собрания, вопрос об отношении Болгарии к Турции может весьма легко обостриться и стать на первую очередь.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 78. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 51. 2 июня/20 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Ввиду отрицательного отношения японского правительства к идее тройственного соглашения с Китаем об охране status quo в Манчжурии, что, между прочим, усматривается из телеграммы посла нашего в Токио от [12 мая] 29 апреля, № 604 [1], я воздержался от объяснений с здешним японским посланником, ограничившись попутным вопросом о том, какие у него имеются сведения по сему вопросу. Мой японский коллега ответил, что ему известно, что по поводу привлечения Китая к совместному обсуждению политической программы в Манчжурии происходил обмен мнений между Петербургом и Токио, но что более определенных данных он не имеет и никаких указаний на сей предмет не получал. Во время дальнейшей беседы г. Иджуин высказал мысли, представляющие некоторый интерес в смысле характеристики настроения если не японского правительства, то его здешнего представителя. Прежде всего г. Иджуин заявил, что, по личному его мнению, привлечение Китая к тройственному соглашению — дело немыслимое, ввиду существующей здесь подозрительности ко всем действиям России и Японии. Между тем, как известно, именно японский посланник являлся сторонником такой тройственной комбинации и неоднократно в разговорах со мной возвращался к идее совместного соглашения с Китаем по манчжурским делам. Не так давно тот же Иджуин говорил в токийском азиатском обществе о необходимости для Японии защищать целость и неприкосновенность Китая от всяких внешних покушений. Как ваше превосходительство изволите припомнить, заявления эти были подхвачены печатью и, в частности, газетой «Новое время», истолковавшей их в том смысле, что Китай приглашается не уступать русским требованиям, ибо он найдет поддержку со стороны Японии, готовой гарантировать его от всяких слу-

---

[1] Повидимому, имеется в виду тел. Малевского за № 101 (см. стр. 11, прим. 3), переданная Нератовым Коростовцу 14/1 мая за № 604.

чайностей. Означенная статья была передана здешним официозом с различными, неблагоприятными для японцев комментариями, с явным расчетом дискредитировать в наших глазах г. Иджуина и усилить подозрительность к деятельности Японии, причем попутно затронут вопрос о притязаниях,кои должны быть предъявлены японцами к Китаю при пересмотре нашего торгового договора. Хотя подобные статьи, направленные к возбуждению взаимного недоверия между Россией и Японией, довольно обычное явление в здешней печати, настоящее выступление китайской газеты было, конечно, неприятно японскому посланнику. Весьма возможно поэтому, что теперешние заверения г. Иджуина объясняются желанием реабилитировать себя в наших глазах и даже внушены были ему свыше.

Развивая далее свою мысль,мой японский коллега заявил, что Китаю следовало бы внушить убеждение в необходимости более дружелюбных и доверчивых отношений к Японии и России, ибо таковые отношения диктуются географическими и историческими причинами и политической зависимостью его от названных держав. Г. Иджуин, между прочим, объяснил, что он воспользовался свиданием с новым манчжурским вице-королем Чжао Эрр-сюнем [1], чтобы указать ему на вред, причиняемый Китаю его антирусской и антияпонской политикой. При этом Иджуин отметил враждебное отношение к японцам со стороны китайской администрации, проявляемую ею агрессивность и перечислил случаи вторжения китайской полиции в полосу отчуждения и столкновения с кровавым исходом. Между тем ложно понимаемый низшими административными органами патриотизм и чинимые с китайской стороны насилия поддерживают между японцами и китайцами в Манчжурии взаимное раздражение и антагонизм и препятствуют установлению добрососедских отношений.

Переходя от частных случаев к общему вопросу о взаимоотношениях заинтересованных в Манчжурии держав, Иджуин, будто бы, предостерег вице-короля от чрезмерного увлечения усилением войск и вооружений, заметив, что Япония и Россия, даже взятые в отдельности, все же сильнее Китая и что последнему выгоднее жить с нами в мире, не рискуя опасными осложнениями. Японский посланник дал, кроме того, понять Чжао Эрр-сюню, сколь призрачны надежды некоторых китайских политиков, рассчитывающих на помощь Германии и Соединенных Штатов и строящих на этом фантастические комбинации для вытеснения России и Японии из Манчжурии; между тем названные державы едва ли пойдут дальше моральной поддержки и, конечно, не начнут войны с Японией и Россией ради Китая.

По словам моего японского товарища, вице-король весьма внимательно отнесся ко всем его внушениям и советам и согласился с желательностью установления более нормальных отношений в интересах как Японии,так и Китая. Иджуин думает, что Чжао Эрр-сюнь понимает положение дела и сознает необходимость применяться к обстоятельствам и ладить с Россией и с Японией. Он во всяком случае считает, что политика нового правителя Манчжурии окажется более примирительной и менее враждебной иностранному, в частности японскому влиянию.

Я уже имел честь докладывать вашему превосходительству в донесении от [2 мая] 19 апреля за № 38 [2] содержание своего разговора с манчжурским вице-королем, произведшим и на меня довольно хорошее впечатление своей деловитостью и интересом к делу. Но я пока не разделяю оптимизма своего японского товарища относительно благоприятных с точки зрения русско-японских интересов последствий нового назначения.

Примите и пр.

Коростовец.

---

[1] См. стр. 57, прим. 1.

[2] В указанном донесении Коростовец передавал Нератову, что в разговоре с Чжао Эрр-сюнем о русско-кит. отношениях последний отметил, что Китай «всегда свято соблюдал свои обязательства», а Россия «толкует договоры, касающиеся Манчжурии, слишком распространительным образом и требует от Китая чрезмерных уступок». По словам Коростовца, «Чжао не без основания считается одним из выдающихся администраторов и на этот раз выбор китайского правительства можно назвать удачным».

№ 79. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 3 июня/21 мая 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Как вы знаете, я лично никогда не придавал особенно угрожающего значения периодически повторяющимся попыткам австро-венгерской монархии заигрывать то с теми, то с другими балканскими государствами. Временное сближение никогда не выдерживало долгого искуса, и истинной основой обоюдных отношений Двуединой монархии и балканских славян служит все-таки стихийное недоверие и разобщение.

Тем не менее мы не должны закрывать себе глаз перед проявлениями подобного временного сближения, *ибо чаще всего они предшествуют каким-либо событиям бо́льшей политической важности.*

В настоящую минуту считаю долгом сопоставить следующие четыре явления в обоюдных отношениях Болгарии и Австро-Венгрии: 1) удавшийся прошлой осенью в Вене болгарский заем [1], 2) пожалование королю Фердинанду ордена Золотого руна [2], 3) недавнее свидание короля с графом Эренталем [3], и в особенности, 4) последовавшее третьего дня подписание консульской конвенции между Болгарией и Австро-Венгрией [4], причем последняя является таким образом первой из держав, окончательно пожертвовавшей правами капитуляций, столь оскорбляющими болгар; попутно отмечаю небывало лестный тон «Fremdenblatt» по адресу Болгарии.

Одновременно с этими проявлениями должна произойти и перемена в австрийском представительстве: здешний австро-венгерский посланник барон Гискра, человек не в меру усердный, суетливый и наивный, заменяется графом Тарновским, поляком, женатым на польке же, княжне Четвертинской, и пользующимся славой весьма умного и тонкого человека и вкрадчивого царедворца; и он и его жена были одно время в большой милости у покойного короля Эдуарда VII.

Повторяю, в данном случае важны для нас не признаки сближения, а вопросы, какими дальнейшими целями и замыслами руководствуется каждая из сторон при подобных дружелюбных заигрываниях [5].

Мне кажется, что Австрия главным образом не хочет утрачивать связей с королем Фердинандом и его страной, представляющей столь немаловажную силу на Балканском полуострове; эти связи могут быть при случае укреплены для какого-нибудь совместного действия, как могут быть и беззастенчиво порваны в случае надобности. Очень может статься, что подобными же соображениями общего характера руководствуется и болгарская политика. И если при этом одной из сторон придется обмануться в своих расчетах, то я склоняюсь к мнению, что подобной обманутой стороной едва ли останется Болгария.

Примите и пр.

Неклюдов.

---

[1] В тел. от 4 дек./21 ноября 1909 г. (без номера) росс. посланник в Софии Сементовский-Курило уведомлял, что 3 дек./20 ноября болг. прав-во подписало договор на заем в 100 млн. франков у «Wiener Bankverein». Согласно условиям договора, «Wiener Bankverein» обязался выдать первые пятьдесят миллионов в конце 1909 и начале 1910 г., а остальную сумму — в конце 1910 г.

[2] В письме от 14/1 апреля Урусов сообщил, что орден Золотого руна был вручен Фердинанду 13 апр./31 марта.

[3] См. № 120.

[4] См. № 93.

[5] Деп. от 29/16 июня за № 21 Неклюдов извещал, что 19/6 июня состоялось вручение верительных грамот королю Фердинанду вновь назначенными в Софию сербским посланником Спалайковичем и австро-венгерским посланником графом Тарновским. «Не могу не отметить, — писал Неклюдов, — тот недостойно услужливый и заискивающий тон, в котором, очевидно, не без умысла, а может быть и по инструкциям из Вены, была составлена речь графа Тарновского».

№ 80. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 688. 4 июня/22 мая 1911 г.

Телеграмма № 408 [1] получена.

Не имея принципиально ничего против приглашения шахским правительством инструкторов из офицеров второстепенных держав, не можем не обратить внимания на то, что сосредоточение инструкторства в руках офицеров одной какой-либо державы придаст делу тенденциозный характер, который может привести к результатам, нежелательным ни для нас, ни для персов. В частности, для вашего личного сведения, должен заметить, что [2] приглашение шведских офицеров в Персию, быть может, последовало не без внушения Германии, стремящейся вовлечь Швецию в сферу своего политического влияния. Это обстоятельство приобретает особенное значение ввиду намерения персов поручить шведским офицерам организацию в самом Тегеране военной силы, которая явится противовесом казачьей бригады и может подорвать значение последней. Между тем, для улучшения тяжелого положения бригады и увеличения состава ее до сего времени со стороны персидского правительства еще ничего не сделано.

Благоволите сообщить ваше заключение по поводу этих соображений [3].

Нератов.

№ 81. Запись, сделанная в министерстве иностранных дел [4].

4 июня/22 мая 1911 г.

Точка зрения японского правительства на китайский заем у англо-франко-германо-американского синдиката может быть признана установленной.

[4 июня] 22 мая японский посол при высочайшем дворе посетил управляющего министерством иностранных дел и от имени своего правительства сделал ему следующее сообщение:

Японское правительство относится несочувственно к этому займу и ни в каком случае не согласится принять в нем участие, хотя бы и было приглашаемо к тому правительствами держав, банкиры которых составили сказанный синдикат. Оно считает несогласным с занимаемым Японией и Россией в Манчжурии первенствующим положением, чтобы эти две державы играли второстепенную роль в деле финансирования заключаемых Китаем на нужды этой области займов и ограничивались присоединением к финансовым операциям, решенным и осуществляемым менее заинтересованными нациями. Но с другой стороны, токийский кабинет не считает возможным требовать расторжения контракта на заем, уже подписанного китайским правительством с представителями синдиката четырех держав, опасаясь, что таким образом действий Япония вызвала бы недовольство держав — участниц синдиката — и раздражение Китая, с которым она находит необходимым в целях как японской, так и русской политики в Манчжурии, по возможности, восстановить дружеские отношения, потерпевшие вследствие подозрений, которые возбудило в китайском правительстве заключение русско-японского политического соглашения 1910 г.

Поэтому японское правительство решило примириться с заключаемым Китаем у синдиката четырех держав займом, который, по мнению японских государ-

[1] Тел. от 31/18 мая за № 408 Поклевский сообщил Нератову о намерении перс. прав-ва пригласить на службу еще несколько шведских офицеров, которым «будет вероятно также поручена организация некоторой военной силы в Тегеране».

[2] Далее зачеркнуто: «Швеция несомненно может считаться сателлитом Германии».

[3] Ответной тел. от 14/1 июня за № 451 Поклевский сообщал, со слов франц. посланника, что шведские офицеры будут находиться в Персии под покровительством франц. миссии. К проекту увеличения казачьей бригады регент, Сепехдар и м-р ин. дел относятся вполне сочувственно, «но пока трудно сказать, возможно ли в ближайшем времени проведение его через меджлис».

[4] Черновик написан рукой Козакова. На оригинале имеется заголовок: «Изложение устного сообщения японского посла в С.-Петербурге от [4 июня] 22 мая 1911 г.».

ственных людей, сам по себе не представляет большой опасности по незначительности суммы, предназначаемой на предприятия в Манчжурии (40 млн. лан). Правда, гарантиями займа служат доходы манчжурских провинций, но неудобства этого скажутся только, если Китай станет неисправным плательщиком по этому займу. Не говоря уже о том, что такого оборота дела нельзя предвидеть в ближайшем будущем, трудно предположить, чтобы неисправность Китая коснулась только платежей по займу у англо-франко-германо-американского синдиката. Можно считать несомненным, что неисправность эта скажется на платежах по всем китайским займам, и тогда возникнет общий вопрос о задолженности Китая, в котором вопрос о гарантиях настоящего займа будет лишь деталью.

Действительно, опасной стороной контракта на этот заем является, по мнению японского правительства, принятое в нем на себя Китаем обязательство заключать у того же синдиката все последующие займы на нужды Манчжурии. Это обязательство изложено следующим образом в 16-й ст. контракта:

«Если китайское правительство пожелает получить из некитайских источников — в дополнение к суммам полученным от настоящего займа — деньги на продолжение или завершение предусматриваемых этим соглашением предприятий, то китайское правительство сперва пригласит банки (подписавшие контракт) реализовать заем для доставления потребных капиталов; но если китайское правительство не согласится с банками относительно условий такого дополнительного займа, другие финансовые группы могут быть приглашены реализовать его, а если китайское правительство решит пригласить иностранных капиталистов принять участие, совместно с китайскими капиталистами, в манчжурских предприятиях, предусматриваемых настоящим займом или имеющих быть предпринятыми в связи с ним, то банки будут прежде всего приглашены принять таковое участие».

Выговоренное синдикатом в свою пользу по этому пункту контракта преимущественное право финансировать китайские предприятия в Манчжурии японское правительство считает безусловно недопустимым и желало бы, совместно с императорским правительством, выступить сперва в Париже и в Лондоне, а затем, если в том представится надобность, также в Вашингтоне и в Берлине с требованием уничтожения сказанного пункта. По мысли японского правительства требование это могло бы быть основано на том соображении, что этот пункт контракта нарушает принцип открытой двери в Манчжурии, создавая в ней преимущественное положение для четырех держав, участниц займа. В объяснениях с парижским и лондонским кабинетами могло бы быть, кроме того, указано на признание ими Манчжурии сферой преимущественных русских и японских интересов. Отказ заинтересованных правительств уничтожить 16-ю статью контракта служил бы доказательством политического характера заключаемого у синдиката четырех держав займа. Это обстоятельство должно затруднить возможность такого отказа, и его можно использовать при переговорах по настоящему предмету.

В случае невозможности добиться отмены 16-й статьи контракта, японское правительство предлагает нам действовать опять-таки совместно, чтобы не допустить котировки на парижской бирже настоящего займа или, по крайней мере, последующих займов Китая, заключаемых у того же синдиката. В этом направлении, по словам бар. Мотоно, японское правительство предполагает итти далеко; оно приложит все усилия, чтобы не допустить заключения Китаем займа на условиях, предрешающих необходимость для Японии и России отказаться от возможности когда-либо занять руководящую роль в деле финансирования китайских займов на нужды Манчжурии.

Таким образом занятое японским правительством в вопросе о займе у англо-франко-германо-американского синдиката положение сводится к следующему: оно не намерено противиться заключению этого займа по общим политическим соображениям, но оно не считает возможным допустить сосредоточения финансирования китайских займов на Манчжурию в руках сказанного синдиката.

Поэтому оно будет добиваться, во-первых, уничтожения того пункта контракта, который создает возможность такого сосредоточения, а в дальнейшем будет стремиться создать финансовую группу из японских, русских и французских банкиров, которая заняла бы в этом деле руководящее положение и от которой зависело бы привлечение к нему финансистов других национальностей.

Для достижения этих целей японское правительство предлагает нам действовать совместно с ним.

№ 82. Министр финансов председателю совета министров Столыпину.

Письмо № 294 [1]. 4—3 июня/22—21 мая 1911 г.

Спешно. Секретно.

М. г. Петр Аркадьевич,

Письмом от [30] 17 сего мая за № 2491 [2] ваше высокопревосходительство, ссылаясь на сообщенные вам временно управляющим министерством иностранных дел сведения, изволили просить моего отзыва по вопросу о нашем отношении к займу, заключаемому Китаем у англо-франко-германо-американского консорциума, причем, со своей стороны, вы обратили внимание на не вполне понятный образ действий в этом деле японского правительства и полагали необходимым настаивать на участии России в указанной финансовой операции.

Вслед затем в звании камергера высочайшего двора действительный статский советник Нератов при письме от [1 июня] 19 мая за № 630 [3] препроводил на мое заключение составленную в министерстве иностранных дел записку, в которой приводятся сведения о современном дипломатическом положении вопроса о китайском займе, а равно высказываются некоторые соображения о возможном нашем отношении к данной операции.

Препровождая при сем вашему высокопревосходительству, в копиях, указанное письмо временно управляющего министерством иностранных дел за № 630 и приложенную к сему письму записку, имею честь сообщить вам, что я вполне разделяю основную мысль, высказанную министерством иностранных дел в этой записке, и вместе с ним полагаю, что заключаемому Китаем у международного консорциума займу несомненно присуще политическое значение, и что поэтому осуществление данной операции с точки зрения наших интересов представляется совершенно нежелательным. Наиболее важно в этом отношении то, что большая часть займа — по сообщению российского посла в Париже, до 40 млн. лан, т. е. половина всей его суммы — предназначается на нужды Манчжурии, в том числе на развитие китайской колонизации в северных округах этой страны, причем главными источниками гарантии платежей по займу будут служить некоторые доходы всех трех манчжурских провинций. Инициатива этой операции, насколько известно, принадлежала Америке, которая сочла нужным привлечь к участию в деле капиталистов Англии, Франции и Германии; при этом Россия, впрочем также, повидимому, как и Япония, вовсе не была предупреждена о предполагавшейся операции, и даже теперь, когда соглашение о займе уже подписано, подробности этого соглашения тщательно скрываются не только от нас, но и от японцев.

Правда, международный консорциум, который принял на себя обязательство реализации займа, повидимому, не выговорил себе права не только управления заложенными источниками дохода, но даже фактического контроля над правильностью их сбора, и таким образом иностранные правительства, покровительствующие консорциуму, имеют с формальной точки зрения возможность утверждать, что сделка носит исключительно финансовый характер и отнюдь не посягает на те политические интересы, которыми обладают в Манчжурии Россия и Япония. Однако с таким освещением дела едва ли можно согласиться, так как не подлежит

[1] Маш. копия, препровожденная Коковцовым Нератову при письме от 4—3 июня/22—21 мая за № 296.

[2] См. № 68 и стр. 68, прим. 1.

[3] См. № 71 и приложение к нему.

никакому сомнению, что предоставление целого ряда источников дохода в определенном районе в обеспечение сделки, заключенной с иностранцами, создает для последних возможность и политического вмешательства в дела этого района.

Стоя на этой точке зрения, я не могу не видеть в основе настоящей финансовой операции той же цели, какая руководила статс-секретарем федерального правительства Ноксом при возбуждении им в 1909 г. вопроса о нейтрализации Манчжурии [1]. Если тогда предполагалось изъять из рук России и Японии железнодорожные линии, служащие главным орудием их влияния в Манчжурии, то теперь имеется в виду создать, в противовес этим предприятиям, финансово-экономические интересы четырех держав и тем обеспечить им право голоса в решении всех вопросов, касающихся названной страны. Таким образом, в новом проекте сквозит расчет лишить Россию и Японию их нынешнего преобладающего положения в Манчжурии, а при благоприятной конъюнктуре, быть может, и вновь поставить на очередь вопрос о полной нейтрализации Манчжурии в том виде, в каком она проектировалась Ноксом. В конечном результате, если делу суждено осуществиться, нам едва ли не придется считаться со своего рода протекторатом над Манчжурией четырех держав, во главе с Северо-Американскими Соединенными Штатами.

В свое время мы относились совершенно отрицательно к проекту нейтрализации Манчжурии и тем содействовали его полной неудаче, и я полагаю, что такое же отношение должно быть нами усвоено и к проектированному ныне международным консорциумом займу, как составляющему первый шаг на пути к достижению той же самой цели — ослабления нашего влияния в Манчжурии.

Необходимость такого отношения является, на мой взгляд, особенно настоятельной ввиду того, что данную операцию нельзя считать исчерпывающей все замыслы ее инициаторов. История образования международного консорциума показывает, что он имеет целью широко использовать ярко проявившееся в последние годы стремление Китая к обновлению своего строя и реформированию своих вооруженных сил. Уже одно образование столь крупного консорциума из представителей четырех наиболее заинтересованных держав не находило бы себе достаточного объяснения, если бы дело сводилось к сравнительно небольшому займу в 10 млн. ф. ст. Несомненно, имеется в виду ряд дальнейших операций для реализации средств на другие нужды Китая, как то: создание сухопутных и морских сил, сооружение железных дорог, разные промышленные и просветительные начинания и т. п. На это, впрочем, содержится указание и в самом контракте о займе в 10 млн. ф. ст. в форме принимаемого Китаем на себя обязательства занимать у того же консорциума деньги, если они понадобятся для довершения тех предприятий, на проведение коих этот заем предназначен. Таким образом едва ли можно сомневаться, что мы стоим накануне целого ряда соглашений консорциума с Китаем о разного рода финансовых операциях.

Равным образом вполне вероятным представляется и то, что в основу этих операций будут положены те же принципы, которые после продолжительного обсуждения были признаны с обеих сторон приемлемыми для первой сделки в 10 млн. ф. ст. Следует предвидеть, кроме того, что и в дальнейшем консорциуму будет столь же мало дела до наших интересов, и наоборот, будет оказано полное

[1] В пам. записке, переданной росс. м-ву ин. дел 17/4 дек. 1909 г., прав-во США предложило на рассмотрение росс. прав-ва проект коммерческой нейтрализации Манчжурских ж. д. Содержание этого проекта и последующих переговоров было передано росс. м-ром ин. дел Извольским росс. представителям в Вашингтоне, Лондоне, Париже и Пекине в тел. от 25/12 дек. 1909 г. за № 131: «Согласно этому проекту, все железнодорожные линии в Манчжурии, как существующие, так и будущие, должны составлять собственность Китая, находясь в то же время под контролем и гарантией держав, которые примут участие в этом проекте путем реализации займа, необходимого Китаю для выкупа старых и постройки новых линий в Манчжурии. Если же исполнение проекта во всем его объеме оказалось бы неосуществимым, то державы, сочувствующие «коммерческой нейтрализации» Манчжурии, могли бы присоединиться к соглашению между Америкой, Англией и Китаем для совместной постройки линии от Цзиньчжоу на Айгун и других линий, которые сделаются необходимыми вследствие будущего коммерческого развития Манчжурии».

содействие всем планам Китая, какие он сочтет необходимыми для облегчения себе борьбы с нами. На это указывает и та руководящая роль, которую сыграли в деле заключения займа в 10 млн. ф. ст. американцы и которую они, вероятно, постараются сохранить и на будущее время ввиду их очевидных стремлений укрепить свое влияние в Китае. Поэтому нельзя не опасаться, что в первую очередь будет поставлено осуществление именно наиболее нежелательных для нас проектов, которые однако пользуются наибольшей популярностью у враждебно настроенных по отношению к нам правящих сфер в Пекине.

Из изложенного ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что вопрос о нашем отношении к международному консорциуму надлежит, по моему мнению, рассматривать с точки зрения ограждения наших интересов не столько в связи с заключаемым ныне займом в 10 млн. ф. ст., который сам по себе, если бы его можно было рассматривать, как вполне изолированную операцию, быть может, не так уже для нас и опасен, сколько в предвидении неизбежности совершения Китаем, через посредство того же консорциума, новых кредитных операций.

Руководствуясь главным образом этим соображением, я, со своей стороны, затрудняюсь присоединиться к мнению о том, что нам надлежало бы воспользоваться последовавшим с разных сторон приглашением принять участие в реализации займа в 10 млн. ф. ст. Насколько можно судить по дошедшим до министерства финансов сведениям наше участие свелось бы лишь к получению известной доли этого займа, именно, по словам французского посла в С.-Петербурге, одной пятой всей суммы займа, но все прочие условия остались бы, повидимому, без всякого изменения, и вопрос о дальнейших операциях консорциума остался бы открытым. Само собой разумеется, что подобное скромное участие не дало бы нам никаких осязательных результатов в смысле ограждения наших интересов, и мы лишь облегчили бы осуществление сделки, которая представляется для нас нежелательной. Кроме того, что самое главное, мы своим участием одобрили бы вмешательство иностранцев в манчжурские дела и весьма затруднили бы себе в будущем возражения против новых проектов консорциума, быть может, для нас значительно более вредных.

Со своей стороны, я полагаю, что единственным верным средством для обеспечения наших интересов в Китае являлось бы если не полное разрушение консорциума, то во всяком случае существенное его преобразование, и, как мне кажется, подобный результат может быть нами достигнут при содействии Франции и Японии. Правда, в доставленных мне из министерства иностранных дел документах проводится та мысль, что нам нельзя рассчитывать на поддержку названных держав, однако, я, со своей стороны, склонен думать, что этот вопрос остается до сих пор недостаточно освещенным.

Дело в том, что Япония не может не быть заинтересованной в сохранении своего преобладания в Южной Манчжурии и потому она естественно должна относиться несочувственно к попыткам других иностранцев создать там реальные интересы. Из бесед, которые я имел случай вести по этому делу с японским послом в С.-Петербурге в последние дни, я вынес впечатление, что Япония действительно так и смотрит на заем в 10 млн. ф. ст. и только из опасения трудностей борьбы с сильным международным консорциумом предпочитает избегать таких шагов, которые, в случае вероятного неуспеха, лишь осложнили бы ее отношение к Китаю.

Что же касается Франции, то она во всяком случае выражает готовность пойти навстречу нашим пожеланиям, и нам поэтому надлежало бы воспользоваться этим для того, чтобы откровенно объяснить французскому правительству, что для нас важно помешать осуществлению намеченной ныне операции именно для того, чтобы поставить консорциум в невозможность совершения в будущем подобных операций, направленных в ущерб нашим интересам. Конечно, французский министр иностранных дел вполне прав, указывая на то, что закрытие парижской биржи для займа в 10 млн. ф. ст. не устраняет возможности реализации его в Англии, Германии и Америке, но нельзя упускать из виду, что для будущих, более обширных, операций консорциуму, очевидно, не обойтись без француз-

ского рынка, и опасение того, что французское правительство, не допустив котировки настоящего займа на парижской бирже, так же отнесется и к последующим операциям консорциума, может несомненно теперь же расстроить всю эту комбинацию или, по крайней мере, дать ей другое, более приемлемое для нас, направление. Если же, вопреки этому предположению, оказалось бы, что нынешний заем все-таки имеет шансы осуществиться и при условии закрытия для него парижской биржи, то сделанному на этот случай правительством республики заявлению о нежелательности с его точки зрения полного устранения французских капиталов от займа можно было бы противопоставить соображение о том, что французские капиталы были бы не лишены возможности принять в нем негласное участие в той или другой применяемой в подобных операциях форме.

Изложенное приводит меня к выводу, что мы могли бы рассчитывать на содействие со стороны как Японии, так и Франции, если бы наши пожелания не ограничивались одним отрицательным отношением к предположениям консорциума, а намечали бы для удовлетворения вызвавшей самое возникновение консорциума потребности новый путь, вполне согласованный со справедливыми интересами всех прикосновенных к этому делу сторон.

Останавливаясь на этом последнем вопросе, я полагаю, что нам следовало бы, заявив протест против реализации займа в 10 млн. ф. ст. и настаивая на том, чтобы французское правительство отказало в официальной котировке указанного займа, в то же время предложить со своей стороны комбинацию, в основу которой могли бы лечь следующие мысли.

Нынешнее положение вещей заключает в себе внутреннее противоречие, которое состоит в том, что с одной стороны стоят Россия и Япония, обладающие крупными политическими интересами в Северном Китае, а с другой стороны — консорциум капиталистов четырех держав, преследующий, по его словам, исключительно коммерческие цели, но вместе с тем, ввиду особого положения Китая, дающий державам, представители коих входят в состав консорциума, возможность и политического вмешательства. Столкновение интересов этих двух групп держав могло бы быть уничтожено только новой их группировкой, при которой политические и финансовые интересы были бы распределены более равномерно. Достигнуть этого можно было организацией нового финансового консорциума при активном участии России и Японии, с тем однако, чтобы этот консорциум в сфере практического осуществления своих задач подразделился на две группы более или менее одинаковой силы. В одну из таких групп могли бы войти капиталисты России, Японии и, быть может, Франции или нейтральных государств, тем более, что в этом направлении Русско-азиатским банком уже сделан почин путем организации особого синдиката, а в другую — капиталисты Америки, Германии и Англии. Указанные группы, для избежания взаимной конкуренции, должны были бы заключить между собой соглашение о распределении сфер влияния, причем на долю первой группы следовало бы отнести, в виде общего правила, весь Северный Китай к северу от Великой стены или иной демаркационной линии, а на долю второй — весь остальной Китай. Подобное распределение сфер влияния, уже принятое в англо-русском соглашении в отношении железнодорожных концессий, признавалось в еще более широком смысле б. министром иностранных дел республики Пишоном, которым было заявлено, что он не допустит, без согласия России, котировки на парижской бирже займов, имеющих целью осуществление каких бы то ни было предприятий в Манчжурии, Монголии и Китайском Туркестане [1].

[1] Деп. от 8 дек./25 ноября 1910 г. за № 65 поверенный в делах в Париже Неклюдов сообщал, что в беседе его с франц. м-ром ин. дел Пишоном последний сказал, что в кит. займах следует различать две категории: а) займы, предназначенные на ж.-д. строительство в среднем Китае, по поводу которых существует соглашение между Францией, Англией, Германией и Америкой, б) займы, «покровительствуемые» Америкой и предназначенные на «промышленное развитие Манчжурии». Последние, по словам Пишона, не встречают сочувствия в парижских финансовых кругах. «Парижский кабинет, — заявил далее Пишон, — вполне оценивая специальные интересы России и Японии

Изложенный вопрос представляется мне настолько важным, что я считал бы необходимым принятие неотложных мер для всестороннего его выяснения путем сношений с французским и японским правительствами, с тем, чтобы в зависимости от результатов этих сношений, данное дело было внесено на обсуждение совета министров или особого совещания по китайским делам.

Копия настоящего моего письма сообщается одновременно с сим временно управляющему министерством иностранных дел [1].

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 83. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Письмо № 411. 6 июня/24 мая 1911 г.

М. г. Станислав Альфонсович, Секретно.

В дополнение к секретным моим телеграммам от [24] 11 [мая] и [4 июня] 22 сего мая за №№ 645 [2] и 687 [3] считаю долгом сообщить вашему превосходительству следующие соображения по вопросу о новом персидском займе, об устройстве коего хлопочет фирма Зелигман.

Не отвергая принципиально предложения последней, я однако ясно дал понять Зелигману и Беддосу, что в этом деле им необходимо заручиться предварительным согласием лондонского кабинета. Они же, со своей стороны, подтвердили, что не замедлят вступить в соответствующие переговоры с великобританским министерством иностранных дел.

По имеющимся у нас данным, ходатайство Зелигмана было в Лондоне отклонено. Это подтверждается между прочим тем обстоятельством, что в вопросе о займе великобританское правительство продолжало поддерживать Шахиншахский банк, который и заключил сделку с шахским правительством. Ввиду сего мы имеем полное основание считать себя свободными от каких-либо обязательств по отношению к Зелигману и, следуя примеру Англии, предоставить реализацию займа — если бы персы нас о том просили — нашему Учетно-ссудному банку Персии, от которого будет зависеть привлечение к этому делу, в случае надобности, тех или иных иностранных капиталов.

При этом само собой разумеется то, что условия займа должны будут быть выработаны нами с ведома великобританского правительства и что дальнейшее поступление в наш банк всех доходов северных таможен должно будет быть в полной мере обеспечено.

в северных провинциях Китая, вовсе не склонен покровительствовать подобным предприятиям и, в случае надобности, помешает осуществлению такого займа, против которого Россия и Япония имели бы основание протестовать».

[1] Письмом от 5 июня/23 мая за № 300 Коковцов в дополнение к публикуемому письму извещал Нератова, что, по сведениям представителя Русско-азиатского банка в Пекине, Гойера, «французский посланник в Пекине, отправившийся на-днях в отпуск в Париж, предполагает приложить старания к тому, чтобы урегулировать вопрос о займе на нужды Манчжурии и во всяком случае содействовать заключению между англо-франко-германо-американским консорциумом и синдикатом Русско-азиатского банка соглашения относительно будущих финансовых операций в Китае», причем это соглашение, по мнению франц. посланника, может быть достигнуто независимо от противодействия России уже заключенному займу в 10 млн. ф. ст. Далее, возвращаясь к затронутому в публикуемом письме вопросу о желательности размежевания интересов в Китае в смысле англо-русского соглашения 1899 г. (см. стр. 52, прим. 1), Коковцов писал: «Ныне мной получено сведение о том, что английские капиталисты, например, директор Гонконг-Шанхайского банка г. Аддис, несмотря на происходившие недавно между русским и английским правительствами объяснения, продолжают считать указанное соглашение уже утратившим свою силу и потому признают для себя возможным осуществление даже железнодорожных предприятий в Манчжурии. Само собой разумеется, что такой взгляд имеет для нас значение лишь постольку, поскольку он разделяется великобританским правительством. Ввиду этого, повидимому, было бы весьма желательно выяснить при предстоящих объяснениях с названным правительством, как оно смотрит в настоящий момент на указанный вопрос».

[2] См. № 36.

[3] См. стр. 73, прим. 3.

Что касается высказанного вами в телеграмме вашей за № 345 [1] мнения о желательности привлечения к реализации займа предпочтительно французских капиталов, то я должен заметить, что принципиально едва ли можно отвергать преимущественное право русских и английских капиталов на применение в Персии. Казалось бы, что Франция имела бы основание считать себя обиженной лишь в том случае, если бы к реализаций займа привлечены были какие-либо другие иностранные капиталы кроме русских и английских. Устанавливая этот принцип, я однако отнюдь не хочу тем самым сказать, что осуществление означенной операции, в случае невозможности помещения займа в России, должно быть непременно поручено Зелигману. Напротив, я полагаю, что какие-либо соглашения с последним могли бы иметь место лишь в том случае, если бы он заручился поддержкой великобританского правительства, которое тогда и озаботилось бы привлечением к этому делу наиболее желательных капиталов. Между прочим, и сам Зелигман в разговоре со мной, переданном в письме моем от [4 апреля] 22 марта с. г. за № 241 [2], высказывал полную готовность руководствоваться в этом отношении указаниями, которые будут ему преподаны обоими правительствами.

Как вы могли усмотреть из того же письма моего, о каком-либо специальном конверсионном займе между мной и Зелигманом не было никакой речи. Он высказал лишь пожелание, чтобы в видах придания займу более популярности в Персии, шахскому правительству разрешено было часть крупного займа на общеправительственные нужды обратить на погашение некоторых долгов нашему и Шахиншахскому банку. Против такой постановки вопроса с моей стороны возражений не было ввиду того, что для нашего банка было бы несомненно полезно вернуть часть своих капиталов, предоставленных шахскому правительству на сравнительно мало выгодных условиях.

В заключение считаю долгом подтвердить, что, как и вы изволите отмечать[1], нам следует обязательно выждать обращения к нам персидского правительства относительно устройства займа, отнюдь не принимая в этом деле на себя инициативы. Это особенно важно при настоящем, еще далеко не устойчивом, положении дел в Персии и в видах предоставления нам возможности обставить заем желательными нам условиями.

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 84. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 6 июня/24 мая 1911 г.[3]

Monsieur le Gérant,

Votre excellence connaît par mes télégrammes la substance de mes entretiens avec Sir E. Grey et Sir A. Nicolson au sujet de l'emprunt que la Chine a contracté récemment [4].

Sir Edward ne croit pas possible de faire de l'opposition à l'avance de 40 000 [5] livres qui est un fait accompli. Il ne croit pas que cette avance constitue une approbation de l'emprunt en son entier, attendu qu'il lui paraît évident que si des dif-

---

[1] См. № 9.

[2] См. стр. 7, прим. 4.

[3] Оригинал ошибочно датирован 4 июня/24 мая.

[4] Имеются в виду телеграммы Бенкендорфа за №№ 99, 100 (см. стр. 71, прим. 2), 107 (см. стр. 73, прим. 4), 108 (см. № 74) и 109 (см. № 75). В тел. от 28/15 мая за № 99 Бенкендорф сообщал о беседе Грея с япон. послом Като; на вопрос Грея о мнении Като по поводу кит. займа последний ответил, «что японское правительство в особенности настаивает на применении к Манчжурии принципа открытых дверей, что по первым сведениям настоящий заем должен создать некоторую привилегию финансовой группе четырех держав в отношении всякого займа, предназначающегося на развитие Манчжурии, — привилегию, на которую Япония не могла бы согласиться». Бенкендорф добавлял при этом, что указанные сведения не проверены и что Като не проявляет в Лондоне никакой инициативы, в результате чего ослабляется аргументация росс. прав-ва.

[5] Так в оригинале. Ср. №№ 20 и 28.

ficultés s'élevaient au sujet de la réalisation de l'emprunt, cette avance devrait être remboursée ou consolidée par la Chine autrement.

Sir Edward, sur la base des engagements contractés avec nous, s'est expliqué au sujet de cet emprunt avec les directeurs à Londres du groupe financier anglais, les prévenant qu'il était urgent qu'un programme détaillé et complet pour l'emploi des fonds empruntés en Mandchourie soit présenté et que le Cabinet de Londres ne pourrait appuyer diplomatiquement en aucune façon tout programme qui comporterait des chemins de fer jugés par la Russie comme nuisibles à ses intérêts.

Sir Edward a tenu un langage semblable à Mr. Whitelaw Reid. Le gouvernement japonais n'avait pas fait de démarche auprès du gouvernement anglais. Sir Edward demanda l'opinion de l'ambassadeur du Japon qui répondit comme j'en ai informé votre excellence.

C'est en ce sens que s'est transformé l'idée, surgie de nos entretiens avec Mr. Cambon et le ministre, d'un appui diplomatique que l'Angleterre donnerait à Pékin à une démarche française[1].

Je ne connais pas la décision finale du gouvernement français. Pour cette raison il ne m'est pas possible d'exprimer une opinion complète sur l'important sujet dont il s'agit.

Vous voudrez bien me permettre de vous communiquer les réflexions que m'inspirent les informations dont je dispose.

Avant toute intervention de ma part l'ambassadeur d'Amérique était déjà venu entretenir Sir E. Grey, se plaignant de la réticence du Cabinet de Londres au sujet de l'emprunt. Sir Edward avait de prime abord évoqué ses engagements envers la Russie et le Japon; ce n'est qu'après avoir causé avec moi que le ministre était devenu plus explicite avec mon collègue des Etats Unis.

L'impression que j'ai de la situation et qui, je crois, est partagée par Sir Edward, et en partie, je crois, par Mr. Cambon, peut se résumer ainsi.

La clef de la situation est à Washington; une garantie complète de nos intérêts ne saurait être obtenue que par suite d'explications amicales avec le gouvernement des Etats Unis.

C'est de là que vient toute l'initiative et le marché américain suffit à lui seul pour fournir la totalité de l'emprunt actuel et même au delà — sans parler du marché allemand, dont je ne connais pas les dispositions. La France peut et paraît disposée à fermer d'autorité le marché de Paris.

Le groupe de financiers anglais sans être dépendant du gouvernement anglais, subit néanmoins son influence. Mais ceci ne s'applique qu'au groupe actuel, tel qu'il est. Il existe à Londres plusieurs autres groupes anglo-américains, tout prêts à entrer en ligne, si le groupe actuel, à la suite d'une pression exercée par le gouvernement, venait à se retirer.

Par conséquent le résultat d'une opposition catégorique anglo-française aurait, à moins de quelque arrangement entre nous et l'Amérique, le résultat de laisser celle-ci maîtresse de la situation et peut être des finances chinoises.

Un pareil résultat est redouté à Londres et à Paris autant qu'il serait nuisible à nos intérêts.

Il me semble par conséquent que d'exiger des gouvernements anglais et français de se déclarer absolument et d'aller au delà de la ligne de conduite qu'ils semblent vouloir adopter, serait risquer le pire des resultats, et qu'il est prudent, en ce moment, de ne soulever que la question des chemins de fer mandchouriens, ce qui d'ailleurs nous permettrait de negocier avec l'Amérique pour telles lignes contre lesquelles nous avons moins d'objection. Il me paraît qu'il y a là base de négociations.

Mais, en ce cas, je crois qu'il ne faudrait pas soulever la question des garanties. A Londres on ne pense pas que le gouvernement chinois puisse jamais etre amené à conceder à une Puissance étrangère un contrôle sur les douanes. Ceci excluerait le danger principal.

---

[1] О проектируемом выступлении в Пекине см. приложение к № 71.

Il y a surtout que cette question des garanties est extrêmement délicate: en nous attaquant à des droits souverains de la Chine nous pourrions nous attirer le soupçon de quelque intention, peut-être, de nous attribuer à nous même le contrôle et de sortir par ce moyen du status quo et de la théorie des portes ouvertes.

Une pareille impression à donner serait dans mon opinion décidément fâcheuse; l'Amérique y puiserait un argument et une arme puissante, et l'appui que la France et l'Angleterre sont tout disposées à nous donner, tout autant par égard pour leurs propres intérêts, que par suite de leurs engagements avec nous, se trouverait en grande partie paralysé.

Nous ne nous bornerions pas à défendre nos intérêts légitimes et incontestés, mais nous indiquerions des vues plus avancées, ce qu'il me paraît urgent d'éviter.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Из моих телеграмм вашему превосходительству известна сущность моих бесед с сэром Э. Греем и сэром А. Никольсоном по вопросу о займе, заключенном недавно Китаем.

Сэр Эдуард не считает возможным оказывать противодействие выдаче аванса в 40 000 фунтов, которая является совершившимся фактом. Он не считает, что этот аванс означает одобрение займа в целом, так как ему кажется несомненным, что, если возникнут затруднения в связи с реализацией займа, то Китай должен будет вернуть этот аванс или консолидировать его каким-либо иным образом.

На основе принятых по отношению к нам обязательств сэр Эдуард объяснился по вопросу об этом займе с лондонскими руководителями английской финансовой группы, предупредив их, что необходимо представить полную и подробную программу расходования в Манчжурии полученных от займа фондов и что лондонский кабинет никоим образом не мог бы поддержать дипломатическим путем программу, которая предусматривала бы железные дороги, признаваемые Россией вредными для ее интересов.

То же самое сэр Эдуард говорил и г. Уайтлоу Риду. Японское правительство не предпринимало шагов перед английским правительством. Сэр Эдуард спросил мнение японского посла, который ответил так, как я сообщил вашему превосходительству.

В этом смысле и видоизменилась возникшая из моих бесед с г. Камбоном и министром мысль о дипломатической поддержке, которую Англия окажет французскому выступлению в Пекине.

Я не знаю окончательного решения французского правительства. Поэтому я не имею возможности высказать законченное мнение по серьезному вопросу, о котором идет речь.

Позвольте мне сообщить вам размышления, на которые наводят меня имеющиеся в моем распоряжении сведения.

Прежде чем я предпринял какие-либо шаги, американский посол беседовал уже с сэром Э. Греем, жалуясь на скрытность лондонского кабинета в вопросе о займе. Сэр Эдуард прежде всего напомнил о своих обязательствах по отношению к России и Японии; лишь после разговора со мной министр более подробно высказался перед моим американским коллегой.

Мое впечатление от положения дела, разделяемое, как мне кажется, сэром Эдуардом и отчасти, я думаю, Камбоном, можно резюмировать следующим образом.

Ключ положения находится в Вашингтоне; лишь в результате дружественных объяснений с правительством Соединенных Штатов можно добиться полной гарантии наших интересов.

Оттуда исходит вся инициатива, и американский рынок сам по себе способен дать всю сумму нынешнего займа и даже больше, не говоря о германском рынке, положение которого мне неизвестно. Франция может и, повидимому, расположена закрыть парижский рынок.

Английская финансовая группа, не являясь зависимой от английского правительства, все же находится под его влиянием. Но это относится лишь к теперешней группе, как она есть. В Лондоне имеется несколько других англо-американских групп, готовых выступить, если бы нынешняя группа, под давлением правительства, ретировалась.

Следовательно, энергичное англо-французское противодействие имело бы — за исключением какого-либо соглашения между нами и Америкой — тот результат, что последняя осталась бы хозяйкой положения, а может быть и хозяйкой китайских финансов.

В Лондоне и в Париже боятся подобного результата в такой же мере, как мы считаем его вредным для наших интересов.

Мне кажется, следовательно, что требовать от английского и французского правительств, чтобы они высказались окончательно и пошли дальше той линии поведения, которую они повидимому желают принять, значило бы рисковать [возможностью] наихудших последствий и что в настоящий момент было бы благоразумным поднять вопрос лишь о манчжурских железных дорогах, что впрочем позволило бы нам вести переговоры с Америкой о тех линиях, против которых мы имеем меньше возражений. Мне кажется, что в этом может состоять база для переговоров.

Но в таком случае, мне кажется, не следует поднимать вопроса о гарантиях. В Лондоне не думают, чтобы можно было когда-нибудь заставить китайское правительство уступить иностранной державе контроль над таможнями. Это исключило бы главную опасность.

Следует особенно учесть то обстоятельство, что этот вопрос о гарантиях чрезвычайно щекотлив; посягая на суверенные права Китая, мы могли бы навлечь на себя подозрение в намерении, быть может, взять на себя контроль и тем самым нарушить status quo и принцип открытых дверей.

Было бы крайне прискорбно, по моему мнению, если бы создалось подобное впечатление; Америка использовала бы его как аргумент и как мощное оружие, а поддержка, которую нам готовы оказать Франция и Англия, как в силу их собственных интересов, так и в силу их обязательств по отношению к нам, была бы в значительной мере парализована.

Мы не ограничились бы защитой наших законных и бесспорных интересов, но показали бы, что мы имеем виды, идущие гораздо дальше, чего, по моему мнению, крайне необходимо избежать.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 85. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Письмо [1]. 6 июня/24 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Как я вам уже писал, можно признать, что первый акт марокксого «действа» окончился вполне благополучно [2]. Поход генерала Муанье, весьма тщательно подготовленный и обставленный, совершился с достаточной быстротой и без серьезных потерь. Французская военная миссия и европейские колонии — в безопасности. Султан Мулай-Гафид огражден от натиска восставших племен и утвержден на своем престоле. Теперь начинается второй и, может быть, наиболее трудный период. Франции предстоит доказать, что она не только искренно желает, но и в действительности может выполнить намеченную ею программу и сдержать данные ею обещания. В искренности намерений французского правительства сомневаться нет оснований; г. Круппи прочел мне конфиденциальным образом подробную инструкцию, посланную генералу Муанье тотчас после вступления его в Фец. Инструкция эта весьма благоразумна и категорична. Ему предписывается расквартировать в самой столице лишь туземные части своего отряда и тотчас приступить к организации достаточно сильного шерифского войска. Он должен всеми мерами поддерживать и усиливать авторитет султана и избегать всего, что могло бы быть истолковано, как акт протектората над Марокко. Затем, как только положение внутри Феца в достаточной мере утвердится, он должен обратиться против главных скопищ мятежных племен и, попутно наказав племя заеров, виновных в убийстве французского майора Маршан, установить прочные и безопасные сообщения между Фецом и морским побережьем. Параллельно со всеми этими действиями султану будет оказана финансовая помощь на основании последнего заключенного между ним и французским правительством соглашения. Программа эта, как видно, безупречна: весь вопрос в том, окажется ли возможным ее выполнить и не втянет ли она Францию в упорную борьбу против марокксой анархии и, в конце концов, в полное завладение всей страной и сопряженные с этим международные осложнения.

Примите и пр.

Извольский.

№ 86. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Письмо [3]. 6 июня/24 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из бесед моих как с французским министром иностранных дел, так и с испанским послом, я мог удостовериться, что отношения между Францией и Испанией на почве марокксого вопроса, увы, все еще далеко не налаживаются. За послед-

[1] Опубл. М., стр. 99.
[2] См. № 39.
[3] Опубл. М., стр. 94.

ние дни мне пришлось выслушать с обеих сторон горькие жалобы, и я должен признаться, что весьма трудно разобрать, кто прав и кто виноват. С испанской стороны указывается на крайне нелойяльное выполнение Францией заключенных ею с Испанией соглашений. Несмотря на то, что по духу этих соглашений Франция, являющаяся полной хозяйкой пяти шестых марокккской империи, обязана не конкурировать с Испанией в остальной шестой части, на самом деле французские представители и агенты систематически вытесняют испанцев даже из таких исторически входящих в зону испанского влияния местностей, как Тетуан и Эль-Ксар. Затем Испания вполне убеждена, что в результате происходящих ныне событий султан Мулай-Гафид всецело окажется в руках Франции, которая будет фактически владеть всей страной. Отсюда проистекает для Испании необходимость настаивать, чтобы ей ныне же была предоставлена полная свобода действий в отведенной ей секретными соглашениями 1904 года зоне. Параллельно с заявлениями в этом смысле Испания постепенно продвигает вперед, под различными предлогами, свои войска, которые находятся уже почти под самым Тетуаном и на 40 клм. далее черты, установленной ее соглашениями с султаном о районе действия испанской полиции. Все это указывает на крайнее возбуждение испанского правительства; в пылу разговора здешний испанский посол дошел до того, что сказал мне, что если Франция не согласится на требуемые уступки, Испания не остановится перед такими действиями, которые опять поставят ребром перед Европой весь марокккский вопрос, очевидно намекая на занятие Тетуана.

С французской стороны абсолютно отрицается всякое нарушение существующих с Испанией соглашений. Упадок испанского влияния в Марокко объясняется крайней экономической слабостью испанцев и неумелыми их действиями. Наконец, что касается дальнейшей судьбы Марокко, французское правительство заявляет, что оно отнюдь не стремится завладеть страной, что единственная его цель — укрепить авторитет султана и что оно ни минуты не помышляет о том, чтобы выйти за пределы Алжесирасского акта; испанские же предложения клонятся к фактическому разделу Марокко, на что Франция ни в каком случае согласиться не может.

Я уже имел случай высказаться, насколько подобная франко-испанская распря кажется мне опасной [1]. При последнем свидании моем с Крупли я подтвердил ему настойчивый совет притти к какому-либо соглашению с Испанией, которая иначе может вызвать весьма серьезные осложнения. Г. Крупли еще раз высказал мне искреннее желание найти способ фактически удовлетворить испанские пожелания, не вступая на опасный путь раздела Марокко. Из некоторых его слов я вывел заключение, что он считается с возможностью занятия испанцами Тетуана и что если это занятие состоится, французское правительство готово принять в этом деле примирительное положение.

Примите и пр.

Извольский.

№ 87. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [2]. 6 июня/24 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из последовательных телеграмм моих вам известно о давлении, которое я должен был произвести на г. Крупли, чтобы побудить его оказать быстрое содействие нашему послу в Константинополе в турецко-черногорском деле [3]. Колебания, обнаруженные по этому поводу парижским кабинетом, я объясняю главным образом малой опытностью и некоторой растерянностью г. Крупли, всецело поглощенного марокккскими делами и вряд ли отдавшего себе ясный отчет о степени серьезности моего сообщения. Я должен отдать ему справедливость, что как только я выразил присланному им ко мне секретарю некоторое недоумение по поводу как формы, так и характера полученного мной ответа,

[1] См. № 18.
[2] Опубл. М., стр. 99.
[3] См. №№ 47 и 48.

г. Крупни в тот же вечер, и несмотря на позднее время, лично явился ко мне и вполне откровенно со мной объяснился. Он не скрыл от меня, что единоличное и энергическое выступление наше в Константинополе весьма его встревожило и что, не имея никаких сведений ни от г. Жоржа Луи, ни от г. Бомпара о форме и выражениях, употребленных г. Чарыковым, он побоялся взять на себя ответственность предписать французскому послу присоединиться к сказанному выступлению без уговора с другими послами. Со своей стороны я столь же откровенно разъяснил ему, что если императорское правительство сочло нужным выступить в Константинополе, то это, без сомнения, было необходимо в видах сохранения мира и что малейшее колебание со стороны союзницы России могло бы произвести весьма нежелательное впечатление. В результате разговора г. Крупни за моим столом составил телеграмму к г. Бомпару, содержание коей вам известно [1].

О том, каким образом г. Бомпар выполнил возложенное на него поручение, мне известно лишь из газет и из некоторых слов, сказанных мне г. Крупни; полагаю, что Н. В. Чарыков не имел повода быть недовольным его содействием, ибо в противном случае вы, вероятно, поставили бы меня об этом в известность. Что касается до здешней печати, то, после минутного удивления, она вполне единодушно высказалась в пользу нашего образа действий и не преминула констатировать своевременность и вполне благоприятный результат нашего вмешательства. Единственным исключением, по совершенно непонятной для меня причине, явилась всегда дружественная нам газета «Journal des Débats», поместившая, вероятно, замеченную вами крайне бестактную статью. Я счел долгом обратить на этот факт внимание редакции сказанной газеты, которая поспешила выразить мне сожаление и исправить тон своих суждений.

Примите и пр.

Извольский.

№ 88. Поверенный в делах [2] в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 22. 6 июня/24 мая 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вследствие отсутствия маркиза ди Сан-Джулиано, отправившегося в Катанию для приема их величеств по случаю открытия памятника королю Умберто и для сопровождения их затем в Мессину и Реджио, я воспользовался первым случаем, чтобы запросить г. Боллати, не были ли получены в Консульте сведения из Константинополя после исполнения нашим послом возложенного на него поручения вызвать заявление оттоманского правительства относительно его миролюбивых чувств к Черногории [3]. Генеральный секретарь счел уместным вновь заявить, что королевское правительство не нашло возможным ответить немедленно на приглашение наше предписать своему представителю в Турции сделать однородное сообщение, а предварительно должно было осведомиться о мнении остальных кабинетов, в особенности берлинского и венского [4], к чему его обязывали союзные отношения, и что уже затем последовавшие события как бы сами собой исключили надобность присоединения Италии к выступлению России. При этом он подчеркнул, что выступление это явилось совершенной неожиданностью, вызвавшей удивление, даже смущение, как самим своим содержанием, так и формой, в которую его облекло императорское правительство. По его словам, итальянский посол в Константинополе в донесениях своих обращал внимание только на эти два пункта, но никаких заключений не выводил и о впечатлениях Порты не упоминал. Лично от себя г. Боллати прибавил, что, насколько ему возможно судить, на этот раз не удалось обнаружить неправоту Турции и что поэтому он скорее сожалеет о поспешности русского сообщения, которое не вполне привело

---

[1] См. № 57.
[2] Ввиду отъезда Долгорукого в отпуск, Корф вступил в управление пос-вом.
[3] См. № 27.
[4] См. №№ 40 и 41.

к результату, который имелся в виду. Он склонен думать, что к сведениям из Черногории надо относиться с все большим вниманием, но вместе с тем их очень строго оценивать, так как по местным условиям они легко принимают сгущенную окраску и рисуют безусловно тяжелое положение еще более серьезным. В заключение он заявил, что инцидент кажется исчерпанным и что ныне можно опять смотреть с сравнительным спокойствием на неурядицы турецкой империи.

Таковое настроение нашло новое выражение в ответе товарища министра иностранных дел на запрос депутата Галли, желавшего узнать, присоединилась ли Италия к русскому сообщению. Князь ди Скалеа ответил, что сообщение императорского правительства было внушено гуманитарными чувствами и искренним желанием обеспечить мир, но что инцидент касался исключительно двух заинтересованных держав, между которыми теперь происходит дружеский обмен мнений.

Невольно зарождается вопрос, почему запрос г. Галли не был отсрочен до возвращения министра, и не объясняется ли такая поспешность желанием скрыть настоящие побуждения маркиза ди Сан-Джулиано, который, по многим приметам, все больше склоняется перед внушениями из Берлина и выказывает меньшее противодействие Турции, отношения с которой казались далеко не хорошими еще нынешней зимой, когда дело шло об улажении затруднений в Триполи и в Ходейда.

Полагаю не лишним упомянуть, что пресса, в особенности та ее часть, которая считается официозной, на этот раз разошлась с заявлениями министерства. Так например «Popolo Romano» не постеснился прямо объявить, что все державы, подписавшие Берлинский трактат, не могут не быть согласными в оценке своевременности предупреждения, данного Россией. Остальные газеты, за исключением «Corriere della Sera», выступившего с совершенно превратным толкованием, отражали, мне кажется, самостоятельное общественное мнение, выражая настоящие чувства страны, которые в отношении Турции требуют более деятельную и независимую политику.

В заключение не могу не упомянуть о сведениях, сообщенных мне болгарским посланником на основании верных, будто бы, известий, полученных им из Константинополя. А именно впечатление, произведенное сообщением императорского правительства, превзошло все ожидания; оно явно указывает на возвращение России на путь исконной ее политики и должно обновить веру балканских государств в их освободительницу, которая, за другими заботами, их несколько потеряла из виду. Старания будто бы барона Маршалла [1] успокоить Порту не увенчались успехом, и она поставлена в новое для нее положение — не знать кому довериться и на кого опереться. Кроме того, по словам того же г. Ризова, к концу настоящего июня месяца следует ожидать восстания южной части Албании, где будто бы подготовления идут быстрым темпом и составят успех обширному движению.

Примите и пр.

Корф.

№ 89. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 33. 6 июня/24 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В развитие секретной телеграммы моей от [25] 12 мая[2] почитаю долгом сообщить несколько дополнительных сведений о том, как отнеслись в Сербии к представлениям императорского правительства в Константинополе по поводу черногорско-турецких осложнений.

Дело в том, что доходившие сюда за последнее время слухи о все более обостряющемся положении на албанской границе в достаточной мере волновали не

---

[1] Герм. посол в К-поле.
[2] Повидимому, имеется в виду тел. от 25/12 мая за № 79 (см. № 51).

только здешнее общественное мнение, но и правительственные круги. Это вполне понятно, ибо как бы ни были в настоящую минуту холодны и натянуты взаимные отношения между обеими родственными державами, все же Сербия не может безучастно относиться к судьбе Черногории, с которой она, рано или поздно, не теряет надежды сблизиться в обоюдных интересах. Поэтому всякое поражение Черногории было бы вместе с тем тяжелым ударом для сербских национальных идеалов.

Но помимо сего, возникшее сначала в узких пределах албанское движение, под многообразными влияниями и, главным образом, вследствие неосторожных подстрекательств из Цетинье, стало постепенно принимать более широкие размеры; наряду с этим возрастало и озлобление турок, всегда готовых прибегнуть к возбуждению мусульманского фанатизма, что, в свою очередь, явилось бы уже непосредственной угрозой для пограничного с Сербией православного населения.

Тревога в Белграде достигла своего апогея, когда турки открыто стали говорить, что не остановятся перед объявлением войны Черногории, а последняя самонадеянно заявила, что готова принять вызов.

В эту самую минуту С.-Петербургское телеграфное агентство передало сюда решительное слово императорского правительства. Впечатление было громадное. К сожалению, оно тотчас же начало таять, по мере того, как константинопольские телеграммы официального характера подняли целую бурю протестов, приносили свои комментарии, оскорбительные выражения и поправки к нашему правительственному сообщению. Наряду с этим, конечно, пускались и всяческие инсинуации венской печатью, имеющей здесь своих услужливых корреспондентов.

Как бы то ни было, вскоре вслед за разъяснениями из Петербурга и, главное, после вынужденного отступления турок, в конце концов принявших во внимание предостережения России, — и здесь прошло смущение. Все выдающиеся органы сербской печати оценили значение сделанных императорским правительством представлений в Константинополе, радостно приветствуют заступничество России за Черногорию, видя в нем знаменательный поворот к традиционной исторической политике ее на Ближнем Востоке.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 90. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 53. 6 июня/24 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Императорскому министерству и посольству нашему в Токио угодно было держать меня в курсе последних объяснений с японским правительством относительно взаимоотношений России, Японии и Китая на почве манчжурских дел, в частности применительно к недавнему займу, заключенному Китаем у банкирского синдиката четырех держав. Общий вывод из происходивших в Токио переговоров вполне подкрепляется впечатлениями, вынесенными мной из личных бесед с здешним японским посланником,— в настоящее время можно считать окончательно выясненным и установленным тот факт, что Япония первейшей своей задачей ставит установление дружеских и доверчивых отношений с Китаем (по ходячему японскому определению — отеческого попечения над Китаем) и не пойдет ни на какие совместные шаги с нами, которые могли бы послужить помехой на этом пути.

Если, как можно заключить из доставленного мне журнала особого совещания по дальневосточным делам [22] 9 апреля с. г. [1], своевременное установление этого факта побудит нас усиленно позаботиться о нашей боевой готовности на Дальнем Востоке, то подобный результат можно лишь всячески приветствовать, тем более, что он не преминет, в числе прочих последствий, значительно поднять

[1] См. стр. 22, прим. 3.

цену нашей дружбы в глазах японцев. Однако позиция, открыто занятая ныне токийским правительством, должна, на мой взгляд, значительно развязать нам руки и в Пекине.

За последнее время мне неоднократно уже приходилось обращать внимание императорского министерства на бесцельность и даже прямой вред японского вмешательства в наши отношения к Китаю. Если по соображениям формальным, так как мы, повидимому, считали себя тесно связанными и солидарными с Японией в Китае, мы сами до сих пор едва ли не шли навстречу подобному вмешательству, то после происходивших в Токио объяснений представляется естественным, чтобы Россия самостоятельно устанавливала свои отношения к Китаю, имея с этой страной не менее, если не более точек соприкосновения, чем Япония; дальнейшее же содействие последней устанавливать — за наш счет — доверчивые отношения с Китаем — не может отвечать нашим интересам.

Практически в области железнодорожного строительства и займов Китая японцы никогда не входили ни в какие объяснения с нами и достигали своей цели, обыкновенно сохраняя дело под покровом строгой тайны до успешного его завершения. Если, судя по всему, что приходится наблюдать здесь, а равно по полученным мной последним литографиям дипломатической переписки, важные вопросы этой категории станут на очередь в Пекине, не подлежит сомнению, что мы можем лишь выиграть, воспользовавшись той свободой действия, на которую уклончивое отношение Японии дает нам полное право, нисколько не преступая при этом связывающих нас с последней соглашений.

Изложенное соображение всецело применимо и к предстоящим переговорам по пересмотру русско-китайского торгового договора [1]. Недавний опыт показал, какой напряженный интерес проявляют японцы к этому делу; позволительно сомневаться, чтобы не только прямое или косвенное участие их в переговорах, но даже осведомленность Японии о ходе последних могли бы представить для нас малейшую выгоду; напротив, есть все основания опасаться как раз обратного результата. Ставя вопрос о взаимоотношениях с Китаем на более чем неопределенную, по своей широте и двусмысленности, почву возвращения доверия и дружбы Китая, каковую задачу можно преследовать самыми разнообразными и неожиданными способами, японцы дают и нам возможность отвечать им столь же неопределенными и общими местами на вероятные их попытки вмешаться в такие вопросы, в которых заинтересованными сторонами, уже вне всякого сомнения, можно считать исключительно Россию и Китай.

Что касается китайского правительства, то и оно со своей стороны сознает, повидимому, преимущество непосредственного соглашения с нами.

Примите и пр.

Коростовец.

Правильно.

Рейд «Штандарт», [26] 13 июня 1911 г.

№ 91. Журнал особого совещания по дальневосточным делам.

7 июня/25 мая 1911 г.

Председательствовал: Председатель совета министров статс-секретарь гофмейстер Столыпин.

Присутствовали:

Министр финансов статс-секретарь Коковцов.

Министр путей сообщения тайный советник Рухлов.

Морской министр вице-адмирал Григорович.

Временно управляющий министерством иностранных дел действительный статский советник Нератов.

Временно управляющий военным министерством генерал-от-инфантерии Поливанов.

Начальник генерального штаба генерал-от-кавалерии Жилинский.

[1] См. № 100.

В апреле 1911 года китайское правительство подписало контракт на заем в 10 млн. ф. ст. у англо-франко-германо-американского синдиката, образованного со специальной целью финансировать китайские займы. Контракт этот хранится в тайне, но из сообщенных императорскому правительству французским правительством сведений известно, что из общей суммы сказанного займа, официально носящего название займа на монетную реформу, 40 млн. лан, т. е. около половины этой суммы, предназначается на нужды Манчжурии и что заем гарантируется доходами манчжурских провинций Китая.

Усматривая в этих условиях доказательства политического характера настоящего займа, явно направленного для поддержки стремлений китайского правительства вытеснить из Манчжурии русских и японцев, императорское правительство обратилось к японскому правительству для выяснения его точки зрения на сказанный заем. Первоначальный ответ токийского кабинета ограничивался соображениями о бесполезности всяких попыток расстроить заем у синдиката четырех держав и о пользе, которую Россия и Япония могут извлечь из развития и заселения Манчжурии на полученные Китаем от этого синдиката средства. Между тем, как французское, так и американское правительства выступили с предложениями России принять участие в этом займе. Но затем взгляд японского правительства радикально изменился. [4 июня] 22 мая японский посол сделал временно управляющему министерством иностранных дел устное сообщение [1], содержавшее приглашение действовать совместно с японским правительством против англо-франко-германо-американского синдиката. Продолжая считать невозможным расторжение уже подписанного контракта на заем у синдиката, барон Мотоно указывал, что в этом контракте есть постановление, обязующее китайское правительство обращаться прежде всего к синдикату для всех дальнейших займов на нужды Манчжурии. Таким образом в пользу синдиката создается преимущественное право финансировать китайские предприятия в сказанной области, а Россия и Япония, державы наиболее заинтересованные в манчжурских делах, отстраняются от этого дела. Постановление это, изложенное в 16-й статье контракта, японское правительство находит нужным опротестовать, а если бы синдикат не согласился исключить эту статью из контракта, то, по мнению японского правительства, России и Японии следовало бы требовать отказа французским правительством в котировке — если не настоящего займа, который сам по себе не представляет особо серьезной опасности, то дальнейших китайских займов у синдиката четырех держав, — на парижской бирже.

Войдя в обсуждение сказанного предложения японского правительства, особое совещание присоединилось к мнению, изложенному министром финансов, который полагал, что намерения англо-франко-германо-американского синдиката имеют чисто политический характер и сводятся к новой попытке нейтрализовать Манчжурию. Потерпев неудачу с выдвинутым статс-секретарем Ноксом проектом выкупа на международные капиталы манчжурской железнодорожной сети, американцы видимо пытаются достигнуть той же цели создания в Манчжурии интересов великих держав путем финансирования на средства англо-франко-германо-американского синдиката всех тех предприятий в Манчжурии, которые китайское правительство предполагает провести, чтобы парализовать преобладающее влияние в этой области России и Японии. В этой новой форме враждебные нам выступления Соединенных Штатов являются для России еще более опасными, чем когда дело шло о нейтрализации лишь железных дорог в Манчжурии: тогда мы имели получить за наше согласие на выкуп Китайской Восточной железной дороги крупную сумму денег, которую мы могли затем истратить на развитие и оборону наших дальневосточных владений; настоящее же выступление грозит нам вытеснением из Манчжурии без всякой за то денежной компенсации. Контракт на заем у синдиката четырех держав остается неизвестным нам в подробностях, быть может, весьма существенных: о статье 16-й этого контракта мы узнаем

[1] См. № 81.

лишь косвенным путем через японцев; между тем статья эта создает для синдиката преимущественное право снабжать Китай деньгами на нужды Манчжурии, т. е. на направленные против нас предприятия. Возможно предположить, что точно так же от нас скрывают и другие, неприятные нам условия контракта. Программа расходования займа, сообщенная нам французским правительством, настолько схематична, что следует опасаться, не скрываются ли за ней цели гораздо более агрессивные, чем монетная реформа и развитие земледелия и колонизации в Манчжурии.

По изложенным соображениям особое совещание признало китайский заем у англо-франко-германо-американского синдиката явлением для нас вредным. Незначительность первого займа, от которого китайское правительство может получить только около 90 млн. рублей, делает возможным оставить его без особого внимания. Но с намерением англо-франко-германо-американского синдиката забрать в свои руки финансирование Манчжурии мы не можем помириться. Если видимое равнодушие к этому займу Японии могло создавать некоторые сомнения относительно того, не следует ли нам принять в нем участие, дабы иметь голос в финансовых вопросах Китая, то ныне, когда японское правительство предлагает нам действовать совместно с ним против попыток синдиката монополизировать китайские займы на нужды Манчжурии, не может быть речи о нашем участии в этой финансовой комбинации. Общность наших и японских интересов в этом деле побуждает нас действовать заодно с Японией, чтобы не уступить синдикату международных банкиров того положения, которое мы занимаем в Манчжурии.

Повидимому, насколько можно судить по заявлениям японского посла, его правительство не расположено протестовать против уже оформленного контрактом первого займа Китая у синдиката четырех держав: с этим займом и мы можем помириться без заметного ущерба для наших интересов. Но преимущественных прав синдиката мы не должны признавать и имеем все основания потребовать от французского правительства, чтобы оно приняло доступные ему меры против участия французских капиталов во враждебной нам деятельности англо-франко-германо-американского консорциума. Основания для такого требования нам дает как наше положение союзников Франции, так и признание правительством республики, что Северная Манчжурия составляет сферу преимущественных русских интересов. Правда, французское правительство предупреждает нас, что если бы оно отказало в котировке на парижской бирже займов консорциума банкиров четырех держав, то эти займы могли бы быть реализованы в Лондоне, Нью-Йорке и Берлине, но отговорка эта едва ли основательна. На самом деле без участия парижской биржи невозможно осуществить такое крупное дело, как план финансирования Китая, задуманный названным консорциумом. Предложения участия в этой финансовой операции, делаемые нам, и недавние объяснения представителя синдиката американца Стрэта с петербургским директором Русско-азиатского банка, которому он обещал, что синдикат не будет строить Цзинчжоу-Айгунской железной дороги [1], можно объяснить только опасениями, что русское правительство добьется отказа займам синдиката в котировке на парижской бирже.

На самом деле французским правительством руководит конечно нежелание упустить для французских капиталов такое выгодное помещение, как китайские займы. Чтобы удовлетворить этому естественному стремлению парижского кабинета, мы можем выдвинуть мысль об образовании самостоятельного синдиката русских, японских и французских банков, который мог бы размежевать с уже существующим англо-франко-германо-американским консорциумом их обоюдные сферы деятельности в Китае, оставив за собой местности к северу от Великой стены и предоставив консорциуму весь внутренний Китай.

---

[1] Содержание разговора Стрэта с Верстратом было сообщено последним Коковцову в письме от 5 июня/23 мая.

Признавая по этим соображениям, что вышеупомянутое предложение японского правительства должно быть нами принято, особое совещание уполномочило временно управляющего министерством иностранных дел выработать с японским правительством программу действий и сделать, совместно с сказанным правительством, необходимые шаги для устранения англо-франко-германо-американского синдиката банкиров от финансирования манчжурских займов китайского правительства.

П. Столыпин. В. Коковцов. И. Григорович. С. Рухлов. Ал. Поливанов. А. Нератов. Я. Жилинский.

№ 92. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 7 июня/25 мая 1911 г.[1]

Cher Анатолий Анатольевич,

Je ne vous envoie aujourd'hui qu'une lettre qui contient mon opinion sur l'emprunt chinois[2]. Il n'y a pas grand' chose à ajouter sinon que quelles que puissent être nos idées d'avenir au sujet de la Mandchourie, avant tout il faut y mettre, selon moi, une extrême prudence et ne pas donner l'éveil. La question des garanties le donnerait et nous créerait une opposition formidable pour nos intérêts directs actuels, en Chine et Amérique surtout. La question mandchourienne ne pourra jamais être résolue qu'au moyen de nos relations avec les Puissances, par accord, en temps et lieu, pour ne pas parler de moyens que nous avons déjà si tragiquement tentés.

Il y a un point sur lequel je voudrais attirer votre attention toute particulière parce qu'il regarde cet emprunt-ci, aussi bien que toutes les grandes entreprises actuelles. C'est une transformation d'abord lente, depuis deux ans très manifeste, des conditions dans lesquelles se meuvent les capitaux libres du monde entier. Jadis plus modestes, ils suivaient la direction des gouvernements.

Cette subordination n'est pas tout à fait éteinte, mais elle tend visiblement à s'effacer. Grâce à une prospérité croissante et gigantesque, le capital s'internationalise, se donne la main de pays à pays et tend avec succès non pas à suivre, mais à diriger les gouvernements, qui sont bien obligés, à contre coeur souvent, de tenir compte de ce phénomène. La France techniquement résiste, mais mal, son droit est mal documenté. Le jour viendra, je n'en doute pas, où le capital agira indépendemment des gouvernements. Nous y touchons. Par conséquent, compter sur les gouvernements est bâtir sur du sable. Nous sommes en mauvaise posture à ce point de vue, seuls à vouloir plutôt empêcher, que créer. Ceci tient à mille causes dans lesquelles je ne saurais entrer. Mais la question juive joue un grand rôle, de plus en plus clair et influent partout. Ici moins qu'ailleurs.

J'en viens à votre lettre[3]. Il est parfaitement exact que Sir Edward accepte, quoique sans plaisir, l'expression de la formule nouvelle au lieu de celle de Koniah—Bagdad[4]. Mais il marque dans son mémorandum[5], à neuf, qu'il serait urgent que la phrase «aucun sacrifice pécunier ou économique» soit dès aujourd'hui comprise à Berlin. Il ne faut pas qu'on puisse nous y dire, un jour ou l'autre: «Il fallait être plus clair». Ce qui peut arriver, et, je crains, arrivera. Je crois que ceci devrait être élucidé d'une façon ou de l'autre. Notre liberté dans la question des surtaxes devrait être, je crois, maintenue sans discussion possible, sans quoi les uns et les autres pourraient y voir double jeu, qui nous affaiblirait d'un côté comme de l'autre. Quant à la concession à la Turquie de la surtaxe, je crois comme vous, que le jour ou elle sera mûre, elle sera inconditionnelle. Le point qui prime tout est, qu'en vertu de nos accords nous ne sommes pas libres de l'accorder à nous seuls, pour

[1] Оригинал ошибочно датирован 7 апр./25 мая.
[2] См. № 84.
[3] Указанное письмо Нератова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.
[4] См. стр. 37, прим. 7.
[5] См. приложение к № 38.

nos seuls intérêts, sans briser l'accord. Il consiste à le donner conjointement, après décision prise à cet égard par les trois Puissances, chacune ayant réglé ses affaires après négociations séparées, mais non pas secrètes l'une pour l'autre. Telle est la base admise, que je sache jusqu'ici, qui ne saurait être détruite, sans les conséquences que vous savez.

Je dirai deux mots à Sir E. Grey au sujet de son attitude concernant la démarche à Constantinople [1]. Il ne fait nul mystère de son appréciation, et l'a répété à qui a voulu l'entendre.

J'en viens à la question Durbar [2]. A vous dire franchement je n'attribue aucune importance aux bruits de Calcutta. De fait ils n'ont aucune valeur. C'est là une question que le Cabinet décide à Londres, et ici je n'ai rien entendu dire de pareil. Plutôt le contraire. Ce que je compte faire à l'occasion, est de demander simplement si, en vue de nos rapports spéciaux, en Asie surtout, il pourrait être agréable au roi que nous déptions pour le saluer un très gros personnage. Se baser sur autre chose ne me semble pas possible. La pensée constitue un précédent trop grave pour l'Angleterre, je doute qu'elle y souscrive. La démarche n'en resterait pas moins amicale.

J'apprécie beaucoup les rapports d'Arsénieff, et ce qui me revient de son attitude à Calcutta. Mais, bien entre nous, il y a bien quelques symptômes de ce que le prince de Bismark appelait si bien «morbus consularis». Etre là pour défendre les intérêts russes ne constitue pas représenter la Russie. Ces deux idées se confondent. Il est vrai qu'en Orient, auprès des gouvernements indigènes, les consuls ont une situation spéciale mixte. Mais le gouvernement des Indes n'est pas un gouvernement indigène, c'est un gouvernement européen. Et il tient spécialement à ce qu'il n'y ait pas de confusion d'idées à ce sujet. Tout comme nous y tiendrions à Tiflis ou ailleurs.

Je ne puis vous exprimer ce que sont les préparatifs du couronnement du roi et les complications que la masse indescriptible d'étrangers, tant princes que particuliers, occasionne. Je vous en supplie ne m'envoyez plus personne, je ne saurais où les caser. Traiter d'affaires au milieu de tout cela est bien difficile.

Quant au Transpersan, je m'en tiendrai à vos instructions et vous en rendrai compte au fur et à mesure.

Mille compliments bien sincères.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Сегодня я посылаю вам лишь одно письмо с изложением моего мнения по вопросу о китайском займе. Не могу добавить ничего существенного, кроме того, что каковы бы ни были наши виды в будущем по вопросу о Манчжурии, прежде всего необходимо, по моему мнению, быть чрезвычайно осторожным и не возбуждать подозрений. Вопрос о гарантиях возбудил бы их и вызвал бы в Китае и в особенности в Америке сильнейшее противодействие нашим настоящим непосредственным интересам. Никогда манчжурский вопрос не сможет быть разрешен иначе, как только путем наших сношений с державами, путем соглашения, в свое время и надлежащем месте, если не говорить об уже испробованных нами средствах с их трагическим исходом.

Есть один пункт, на который я хотел бы обратить ваше особое внимание, потому что он касается этого займа так же, как и всех крупных предприятий настоящего времени. Это — сначала медленное, а за последние два года весьма заметное изменение условий, в которых обращаются свободные капиталы всего мира. Более скромные в прошлом они следовали указаниям правительств.

Это подчиненное положение не совсем исчезло, но в тенденции оно явно начинает исчезать. Благодаря гигантскому и все возрастающему благосостоянию, капитал приобретает международный характер, завязывая сношения от одной страны к другой, и не без успеха пытается не следовать директивам правительства, а руководить правительствами, которые зачастую против воли вынуждены считаться с этим обстоятельством. Технически Франция сопротивляется, но недостаточно; ее право мало обосновано. Настанет день — я в этом не сомневаюсь, — когда капитал будет действовать независимо от правительств. Мы подходим к этому. Следовательно рассчитывать на правительства — значит строить на песке.

---

[1] См. № 66.
[2] См. № 69.

С этой точки зрения мы находимся в скверном положении, потому что мы одни склонны скорее к тому, чтобы препятствовать, чем к тому, чтобы созидать. Это происходит от тысячи причин, в обсуждение которых я не могу входить. Но еврейский вопрос играет крупную роль, все более и более очевидную и повсюду имеющую влияние. Здесь меньше, чем где-либо.

Теперь я перехожу к вашему письму. Совершенно верно, что сэр Эдуард принимает, хотя и без удовольствия, новую редакцию формулы, вместо формулы Кония — Багдад. Но в своем меморандуме он вновь отмечает, что было бы необходимо, чтобы [значение] фразы «никакой жертвы денежного или экономического характера» было бы теперь же уяснено в Берлине. Не следует [допустить], чтобы там в один прекрасный день нам могли сказать по этому поводу: «Нужно было говорить яснее». Это может случиться, и я боюсь, что случится. Я думаю, что это должно быть выяснено тем или иным способом. Я думаю, что наша свобода действий в вопросе о повышении пошлин должна быть бесспорно сохранена, без чего как та, так и другая сторона могли бы усмотреть в этом двойную игру, которая ослабила бы наше положение с обеих сторон. Что касается уступки Турции [по вопросу] о повышении пошлин, я думаю, как и вы, что когда она назреет, она ничем не будет обусловлена. Самым главным моментом является то, что в силу наших соглашений мы не располагаем свободой дать согласие от нашего имени, только во имя наших интересов, не нарушив тем самым соглашения. Соглашение состоит в том, чтобы дать согласие совместно, после того, как на этот счет будет принято решение тремя державами и после того, как каждая из них урегулирует свои дела путем переговоров, ведущихся по отдельности, но не секретно одна от другой. Вот база, которая была, насколько мне известно, принята до настоящего времени; базу эту невозможно уничтожить без того, чтобы не последовали результаты, о которых вам известно.

Я скажу два слова сэру Э. Грею по поводу его позиции в вопросе о выступлении в Константинополе. Он отнюдь не скрывает своего мнения, и он повторял это для всех, кто хотел его слышать.

Перехожу к вопросу о Дурбаре. Сказать по правде, я не придаю никакого значения слухам из Калькутты. По существу они не имеют никакой ценности. Это вопрос, который правительство решает в Лондоне; здесь ни о чем подобном я не слышал. Скорее наоборот. Что я рассчитываю при случае сделать, это просто спросить, не будет ли приятно королю, ввиду наших особых отношений, в особенности в Азии, чтобы мы послали приветствовать его весьма видное лицо. Базироваться на чем-либо ином мне кажется невозможным. Этот проект является для Англии слишком серьезным прецедентом, и я сомневаюсь, чтобы она согласилась на него. Обращение сохранило бы тем не менее дружеский характер.

Я весьма одобряю донесения Арсеньева и все, что я слышу о его позиции в Калькутте. Но между нами будь сказано, здесь имеются некоторые симптомы того, что князь Бисмарк так удачно называл «morbus consularis». Быть там, чтобы защищать русские интересы, еще не значит представлять Россию. Эти два понятия смешиваются. Правда, на Востоке, при туземных правительствах консулы занимают особое, сложное положение. Но правительство Индии есть правительство не туземное, а европейское. И оно особенно желает, чтобы эти понятия не смешивались. Точно так же, как мы желали бы этого в Тифлисе или еще где-нибудь.

Я не могу вам выразить, что представляют собой приготовления к коронации короля и все осложнения, вызываемые неописуемым множеством иностранцев, как высокопоставленных, так и частных лиц. Я умоляю вас, не посылайте ко мне больше никого. Я не сумею их разместить. Говорить о делах в такой обстановке чрезвычайно трудно.

Что касается Трансперсидской дороги, то я буду следовать вашим инструкциям и по мере надобности буду давать вам отчет.

Тысяча искренних приветствий.

Бенкендорф.

№ 93. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 40. 7 июня/25 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Только-что заключенные между Австро-Венгрией и Болгарией консульская конвенция, договор об обмене судебных поручений и договор о выдаче преступников уничтожают капитуляции, которыми до сих пор, наравне с другими державами, пользовалась Австро-Венгрия в Болгарии.

Еще в 1902 году австро-венгерское правительство высказало Болгарии свое намерение отказаться от капитуляций, но лишь одновременно с другими великими державами. Ныне же Австро-Венгрия отказалась от них одна и первая, фактически, признала полную равноправность и самостоятельность королевства, не требуя от него никаких особенных привилегий для своих подданных и учреждений.

Австро-венгерское правительство сделало это, несмотря на то, что переговоры болгарских представителей в Берлине об отмене капитуляций не привели ни к какому результату. Германское правительство требовало, чтобы, в вознаграждение за эту отмену, болгарское правительство гарантировало некоторым немецким церквам и учебным и благотворительным учреждениям в Болгарии особенные привилегии, не желая очутиться в этом отношении в менее выгодном положении чем Франция, имеющая самые крупные подобные интересы в королевстве и желающая также воспользоваться вопросом об отмене капитуляций, чтобы укрепить особенное положение покровительствуемых ею учреждений.

Австро-Венгрия самостоятельно отказалась от капитуляций, следуя обычной своей, за последнее время, политике относительно молодого королевства. Допущение котировки в прошлом году на венской бирже без особенных гарантий болгарского займа, пожалование королю Фердинанду давно им желаемого ордена Золотого руна и, наконец, последовавшая теперь отмена капитуляций указывают на желание австро-венгерского правительства привлечь на свою сторону Болгарию и пользоваться ею для своих целей на Балканах. Что это хорошо сознают в Софии, я мог заключить из разговора по этому предмету с здешним болгарским посланником Салабашевым, который, между прочим, сказал мне, что в скором времени будет приступлено к переговорам о заключении торгового договора между Австро-Венгрией и Болгарией, и дал понять, что король, ныне пребывающий в Вене, сохраняя строжайшее инкогнито, намерен осенью сделать официальный визит императору Францу-Иосифу.

Здешняя печать старается усилить впечатление, произведенное отменой Австро-Венгрией капитуляций, и официозный «Fremdenblatt» в передовой статье говорит о доказательстве симпатии и доверия, которые Австро-Венгрия дала болгарскому государству и болгарской нации.

Сомнительно однако, чтобы усилия Австро-Венгрии увенчались успехом; король Фердинанд слишком тонкий политик, чтобы можно было бы безусловно на него рассчитывать; однако следует отметить ту систематичность, с которой в Вене ухаживают за Болгарией, и понятно, что болгарскому правительству до некоторой степени придется считаться с реальными доказательствами дружеских чувств придунайской монархии.

Нам, конечно, нужно принимать в соображение, что Австро-Венгрия оказала Болгарии действительные услуги, не требуя пока ничего взамен.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 94. Посланник в Стокгольме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 10. 7 июня/25 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На-днях закрылась очередная сессия шведского риксдага, последняя в настоящем составе нижней палаты, так как осенью — по слухам, в сентябре, — должны состояться новые выборы.

Сообщая донесением от 20/7 января сего года за № 2 г. министру иностранных дел о созыве риксдага, я препроводил гофмейстеру Сазонову текст тронной речи, содержавшей перечень важнейших законопроектов, предлагаемых правительством на обсуждение палат в текущем году [1].

Несмотря на усиленную работу, затянувшуюся на две недели дольше обыкновенного, риксдагу не удалось провести всех указанных в тронной речи законо-

---

[1] В деп. от 20/7 янв. за № 2 Нарышкин писал, что наиболее важными и спорными из законопроектов, предложенных на обсуждение народных представителей, были следующие: а) вопросы обороны, б) законопроект об ответственности рабочих и об урегулировании их отношений с работодателями, в) сооружение силовой станции для использования энергии водопадов, г) новый торговый договор с Германией.

проектов; разработка некоторых из них не была окончена самим правительством, не успевшим внести их в палаты в нынешнюю сессию.

Наиболее важными законами, принятыми риксдагом в текущем году, являются: 1) новый торговый договор с Германией, о коем я имел честь доносить депешей от [9 мая] 26 апреля сего года, № 9 [1]; 2) ассигнование средств на нужды государственной обороны; 3) постройка так называемой «внутренней» железной дороги; 4) преобразование высших технических училищ и основание низших земледельческих школ; 5) изменение в порядке обложения акционерных обществ и других торговых компаний и 6) основание совета по вопросам о применении и монополизации государством энергии водопадов.

По спорному вопросу об усилении военного могущества государства, о котором я имел случай доводить до сведения императорского министерства в предыдущих моих донесениях [2], правительству удалось склонить палаты на необходимость усиления шведского флота броненосцами так называемого типа «F». Однако риксдаг, признав необходимость постройки броненосцев, ассигновал на текущий бюджетный год всего 3 млн. крон на начало работ по постройке одного броненосца.

Остальные предположения комиссии об усилении и преобразовании сухопутных сил остались пока неисполненными.

Признано также нужным перенести морскую базу из Карлскроны в Стокгольм. Для осуществления этой задачи отпущено пока всего лишь 900 000 крон на начало работ по приспособлению имеющихся уже портовых сооружений.

Весьма важным является также развитие железнодорожной сети на севере Швеции. Риксдаг ассигновал средства на соединение долины Ström с рекой Ångerman, а также для доведения железного пути до русской границы в Великом княжестве финляндском. Кроме того, город Питео будет связан с железнодорожной линией на Elfsby. Равным образом разрешен заем на постройку подъездных путей в западной части области.

Однако правительству удалось добиться согласия риксдага на проведение этих линий, составляющих часть обширной программы развития железнодорожной сети на севере, лишь при условии, что постройка вышеназванных линий отнюдь не обязывает палаты соглашаться на осуществление всей программы железнодорожного строительства на севере.

Как мной было упомянуто выше, в сентябре предполагаются новые выборы в нижнюю палату риксдага, после коих, по существующему здесь мнению, распределение в ней партий должно измениться. Ожидают усиления обеих крайних партий, консерваторов и социал-демократов, и ослабления умеренно-либеральной партии свободомыслящих.

При этом сами члены нынешнего кабинета сомневаются в возможности для них остаться у власти. На случай перемены министерства кандидатом в заместители графа Таубе по должности министра иностранных дел здесь открыто называют теперешнего шведского генерального консула в Гельсингфорсе г. Бергстрёма, являющегося видным деятелем либеральной партии.

Примите и пр.

К. Нарышкин.

№ 95. Поверенный в делах [3] в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 57. 8 июня/26 мая 1911 г.

По вопросу о китайском займе французским министром иностранных дел получено известие, будто бы Япония решила действовать в одинаковом с нами

[1] Деп. от 9 мая/26 апр. за № 9 Нарышкин сообщал Нератову, что 1 мая/18 апр. в Берлине был подписан новый германо-шведский торговый договор, сроком до конца 1917 г.

[2] Имеются в виду депеши Нарышкина от 14/1 февр. за № 4 и 14/1 марта за № 6.

[3] Тел. от 7 июня/25 мая (без номера) Демидов сообщил, что ввиду отъезда Извольского в отпуск он вступил в управление пос-вом.

направлении. Указывая снова на бесцельность воздержания французской группы от участия в займе здесь, полагал бы крайне полезным в видах ограждения наших интересов в Манчжурии, чтобы мы совместно с Японией предприняли соответствующие шаги в Лондоне. Такое выступление, по мнению, высказанному мне в министерстве иностранных дел, могло бы повлиять на разрешение вопроса в желательном для нас смысле.

Демидов.

№ 96. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 60. 9 июня/27 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Здешние американцы возмущены образом действий турецкого правительства, добившегося отсрочки обсуждения честеровского проекта до осенней парламентской сессии, о чем я имел честь телеграфировать вашему превосходительству [3 июня] 21 сего мая за № 324 [1].

Вслед за этим событием все американцы уехали отсюда: управляющий посольством, посланник в Бухаресте Картер — в отпуск в Париж, а сам Честер и его сотрудник, инженер Кольт, — в Америку.

Прощаясь со мной, г. Картер рассказал мне, что вина во всем происшедшем падает на великого визиря Хакки-пашу. Он умышленно затянул дело до конца сессии и, в противность всем приличиям, внес в палату, одновременно с законопроектом об утверждении договора с компанией Честера, официальную записку своего подчиненного, директора департамента железных дорог Мухтар-бея, доказывающую, что этот законопроект должен быть отвергнут.

Посланник не скрыл от меня, что ему недвусмысленно намекали на необходимость дать Хакки-паше взятку, но что американские капиталисты отнеслись к этой мысли отрицательно.

Противодействие великого визиря было, по убеждению посланника, внушено Порте немцами, и систематические нападки на проект Честера, печатавшиеся за последнее время в газете «Jeune Turc», были германского происхождения.

Возобновит ли Честер свои домогательства осенью, посланник не знает. Это будет зависеть от решения представляемых им капиталистов. Во всяком случае, если даже парламент примет честеровский проект осенью этого года, к изысканиям можно будет приступить лишь будущей весной. Пока великим визирем останется Хакки-паша, американцам нельзя надеяться на успех.

В депеше от 30/17 сего мая за № 57 я уже имел честь отметить некоторые существенные и невыгодные для нас изменения, внесенные турками в первоначальный проект концессии Честера [2].

К ним парламентская комиссия добавила еще следующее:

1) Изыскания должны быть произведены не только для узкой колеи, но и для широкой и

---

[1] Дата указана ошибочно. Тел. за № 324 помечена 2 июня/20 мая. Содержание ее исчерпывается двумя первыми абзацами публикуемого документа.

[2] В деп. от 30/17 мая за № 57 Чарыков, указывая на то, что франко-турецкие железнодорожные переговоры вновь встречают чрезвычайные затруднения, писал: «Еще одним невыгодным для французов обстоятельством является новейшее изменение в проекте концессии Честера. В окончательной редакции означенного проекта, обсуждаемой ныне парламентом, компании Честера обеспечена на будущей линии Самсун — Харпут сбавка в одну треть с тарифов на перевозку строительных и иных железнодорожных материалов, причем между названной линией и честеровской сетью будет установлен льготный тариф (tarif préférentiel). Если честеровский проект пройдет, то французам будут предъявлены с турецкой стороны указанные тарифные уступки, как безусловно закономерное условие дарования им права построить и эксплоатировать линию Самсун — Харпут. Тем самым французы лишатся почти всецело главного средства воздействия на компанию Честера в вопросе о постройке его линии к востоку от Диарбекира».

2) Постройка всей честеровской сети, т. е. не только линии Юмурталык — Харпут — Диарбекир, но и линии Диарбекир — Битлис и Диарбекир — Сулеймание, должна быть окончена в определенный срок — именно в 12 лет.

Весьма возможно, что при дальнейшем обсуждении честеровского проекта в него будут введены и иные изменения того же свойства, изъемливающие честеровское предприятие из нашего и французского контроля и гарантирующие туркам дешевую и срочную постройку нежелательных для нас линий в сторону Вана и Сулеймание, вне сферы, предоставленной нашему влиянию соглашением 1900 года.

Ввиду сего нам не приходится особенно жалеть о новой отсрочке и вероятной окончательной неудаче честеровского проекта, каковая является, несомненно, результатом германского воздействия на великого визиря.

Хотя барон Маршалл и говорит теперь, что он не враждебен этому проекту, я не могу однако не припомнить пророчества посла, что «Честером не будет построено ни одного километра».

Надо лишь опасаться, как бы великий визирь и его германские советники не придумали взамен честеровской концессии какой-нибудь комбинации, еще менее доступной нашему влиянию и еще более для нас вредной.

Однако не все германофильские предположения великого визиря удаются: проваливая проект Честера, Хакки-паша провел через палату депутатов концессию в пользу германского общества Анатолийской дороги на ветвь от Адабазара до Боли [1], «с продолжением еще на 60 километров до каменноугольных залежей, исследованных одним германским инженером».

Законопроект этот наткнулся на сопротивление сената, враждебного Хакки-паше и его радикальной внутренней политике, и сенат отложил рассмотрение концессий Адабазар — Боли до осени.

В результате этих сложных интриг для Турции потерян, по крайней мере, еще один год в деле приступа к сооружению несомненно полезных для нее в экономическом и стратегическом отношениях железнодорожных линий.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 97. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Цетинье С. Арсеньеву.

⁄/. Телеграмма № 710. 10 июня/28 мая 1911 г.

Личная.

Сообщается в Вену, Константинополь и Рим.

Последние события в Албании в связи с движением миридитов нас крайне тревожат [2]. Посему весьма желательно быть возможно часто и точно осведомленными об отношении к сему вопросу Австрии и Италии, поскольку таковое отражается на цетинской почве.

Одновременно полагали бы полезным подтвердить черногорскому правительству, что, ввиду выяснившихся в благоприятном смысле отношений к нему Турции, мы более чем когда-либо уверены в твердой его решимости не предпринимать ничего, что могло бы подать повод к каким-либо трениям с последней.

Нератов.

---

[1] См. мою тел. от [11 мая] 28 апр. с. г. за № 232. [Прим. оригинала.]

В указанной тел. Чарыков уведомлял Нератова о том, что переговоры Турции с герм. об-вом Анатолийской ж. д. о концессии на ветвь Адабазар — Боли близятся к концу.

[2] Деп. от 5 июня/23 мая за № 32 С. Арсеньев извещал Нератова о том, что в приморской области Албании, к югу от Скутари, восставшее племя миридитов избрало временное прав-во, которое выпустило воззвание и прокламации с призывом к изгнанию турок.

№ 98. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 33. 10 июня/28 мая 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Статья по албанскому вопросу, появившаяся 8 июня нов. ст. в венской официозной газете «Fremdenblatt», произвела, повидимому, на его величество короля Николая довольно сильное впечатление.

По поводу этой статьи король в разговоре со мной высказался следующим образом: «Статья эта несомненно инспирирована графом Эренталем, лишь на-днях вступившим вновь в управление министерством. Что значат эти явно высказываемые симпатии Австрии албанскому движению? Почему понадобилось заявить о протекторате Австрии албанцам-католикам? Австрия открыла свои карты: она не находит более необходимым скрывать свои стремления стать твердой ногой в Албании. Но Италия не дремлет и сосредоточивает свои морские силы в Адриатическом море. Дай бог, чтобы албанский вопрос стал яблоком раздора между Австрией и Италией».

«Что же касается меня, — продолжал король, — я не желаю присоединения Албании к Черногории. Не скрою однако, что в случае возникновения конфликта между Австро-Венгрией и Италией я желал бы присоединить к Черногории искони принадлежавшие сербскому племени части Старой Сербии, с Призреном, бывшей столицей династии Неманичей, и Дечанской лаврой, этой святыней нашего народа. Но без воли России я никакой активной политики вести не буду. Я дал слово его императорскому величеству всячески избегать войны с Турцией и скорее соглашусь на сожжение нескольких черногорских сел турками, чем нарушу данное мной слово».

Король добавил, что впрочем после шага, сделанного Россией в Константинополе, замечается менее вызывающее поведение турок относительно Черногории, и с чувством глубокой благодарности высказался о поддержке, оказанной делу упрочения мира со стороны императорского правительства.

Примите и пр.

С. Арсеньев.

№ 99. Морской агент в Турции начальнику морского генерального штаба Эбергарду.

Письмо [1]. 11 июня/29 мая 1911 г.

Глубокоуважаемый Андрей Августович,

[25]12 мая гофмейстер Чарыков и министр иностранных дел Рифаат-паша, порознь каждый, из вечерних газет, напечатавших сообщение С.-Петербургского телеграфного агентства, узнали о том, что императорскому русскому послу в Константинополе из Петербурга предписано сделать Турции представления по поводу сосредоточения ею войск на черногорской границе и потребовать от Турции безотлагательного ответа в благоприятном для Черногории смысле. Несколько времени спустя императорским послом была получена от министра иностранных дел телеграмма, дословно схожая с напечатанной в газетах, причем телеграмма была не зашифрована, чем и объясняется заблаговременное появление ее в газетах [2]. В момент появления этого известия в газетах я находился в клубе и был вынужден тотчас же покинуть его, так как был окружен иностранными дипломатами и прочими лицами, забрасывавшими меня вопросами по поводу этого шага России; при этом даже собеседники из славянских народностей, благоприятно

[1] Текст публикуемого письма был переработан в росс. мор. ген. штабе и представлен Эбергарду в сокращенном виде.
[2] См. № 27.

к нам настроенных, и те недоумевали, обсуждая столь неожиданную и резкую форму этого инцидента; когда же русский императорский посол поспешил к министру иностранных дел и имел с ним свидание, стараясь смягчить форму данного ему предписания, то Рифаат-паша был настолько взволнован, что даже подбородок его трясся от негодования и волнения. В настоящее время здешние и европейские газеты единогласно высказывают мнения, что Россия не только раскрыла свое недружелюбие к Турции, но и нарушила международную вежливость, так как подобный шаг можно делать либо по отношению к вассальной стране, либо накануне объявления войны.

Такова фактическая сторона впечатления, произведенного здесь этим инцидентом. Факт этот имеет и будет иметь еще гораздо бо́льшие последствия, чем то кажется, да и сейчас уже он является бесспорно одним из самых крупных событий в наших взаимоотношениях с Турцией за эти последние годы.

Прежде всего этим инцидентом престиж гофмейстера Чарыкова как посла России совершенно дискредитирован, ибо незашифрованное телеграфное предписание это совершенно ясно показало всесветно, что инициатива этого представления исходит не от русского посла, а от Петербурга, причем форма представления совершенно противоречит духу и тону всех миролюбивых заверений, делавшихся гофмейстером Чарыковым за эти два года, иначе сказать, обнаружено, что Петербург совершенно не считается с политикой гофмейстера Чарыкова. Турки именно так и поняли, и газеты это высказали, говоря, что Турция не сомневается в личной расположенности к Турции гофмейстера Чарыкова, но в то же время она ясно видит, что Россия остается ее скрытым и непримиримым врагом, ожидающим лишь удобного момента для нападения. В рапорте моем № 117 [1] я имел уже случай остановить внимание ваше на неоднократно противоречивых и взаимно исключающих друг друга деятельности министра иностранных дел в Петербурге и деятельности гофмейстера Чарыкова в Константинополе и на пагубность этого явления, как подрывающего доверие Турции к России. Ныне инцидент этот лишь усугубил эту рознь, и надо, к сожалению, признать, что в глазах турок гофмейстер Чарыков не олицетворяет более России.

Затем, сделав подобный шаг, как упомянутое телеграфное предписание, России, казалось бы, уже следовало проявить должную твердость в соответствии с решительным тоном предписанного представления. Однако увидав впечатление, произведенное на Турцию и Европу, Россия поспешила, и в Петербурге и здесь в Константинополе, ослабить резкость инцидента, причем здесь императорскому российскому послу пришлось для этого говорить заведомую и всем очевидную неправду, будто напечатанная в газетах телеграмма С.-Петербургского телеграфного агентства с текстом предписания искажена и не соответствует действительности и что телеграфное агентство не есть официозное учреждение. Иначе сказать, сделав упомянутый шаг, Россия тотчас же отступила и поколебалась, что, конечно, не способствует поднятию ее престижа.

Наконец всем этим Россия сыграла в руку Австро-Венгрии, которая имеет повод отрицать свою помощь албанскому восстанию и указать на Россию, как на покровительницу Черногории и этого восстания.

Итак инцидентом [25] 12 мая: 1) дискредитирована деятельность русского посла, 2) посеяно крупное зерно недружелюбия Турции к России, могущее в будущем расцвести в открытую вражду, 3) нетвердостью своей нанесен ущерб своему же собственному престижу, 4) сыграно на пользу враждебным нам европейским государствам, и в частности Австрии.

Этот итог ущерба, понесенный Россией, приобретает еще большее значение, если сопоставить с полученной от министра иностранных дел гофмейстером Чарыковым копией ответа морского министра, гласящего, что «несмотря на меры к ускорению нашего судостроения на Черном море, надлежит иметь в виду неиз-

---

[1] Указанный рапорт в делах б. мор. ген. штаба не обнаружен.

бежность *временного* [1] преобладания на нем турецких дредноутов». Иначе сказать, зная заведомо, что наши морские вооружения запаздывают против турецких, мы преждевременно возбуждаем против себя Турцию и Европу. Такая политика петербургского кабинета не согласована со стратегией, и повторяется то, что было семь лет тому назад на Дальнем Востоке.

Необходимо России твердо выяснить, желает ли она и когда, войны с Турцией. Если война с Турцией в ближайшем будущем России нежелательна, то, согласно возложенной на них суровой нравственной ответственности, военный и морской генеральные штабы должны сделать совместный доклад государю императору о том, что политика наша не соответствует стратегии и что мы не только не принимаем никаких мер против втравливания нас Европой в войну с Турцией, но всецело помогаем сами этому поступками, подобно факту [25] 12 мая [2].

Однако возможно, что инцидент этот, может быть, произошел под влиянием распространенного в России среди безответственных крикунов мнения, будто Турцию нужно бить теперь же, пока она еще-де не закончила свои вооружения и не взирая на нашу собственную неготовность, так как Екатерина Великая, мол, объявляла не раз войну Турции, не располагая подготовкой военной силы.

Такие же приблизительно речи по-временам появляются и в так называемых патриотических газетах.

Екатерина Великая действительно поступала вполне правильно, так как каждая ее война являлась средством для достижения вполне определенных государственных целей, заключавшихся в расширении на юге сухопутных и морских границ до естественного их предела, и потому понятно, что Екатерина Великая ради этих задач внешней политики отложила даже и разрешение благих задач внутренней политики, предпринятых ею в начале царствования.

В совершенно ином положении находится Россия ныне. В переживаемую нами эпоху Россия везде достигла своих естественных границ, и потому все творческие силы правительства должны быть направлены на внутреннюю политику на благо и преуспеяние народное, и потому война с кем бы то ни было не только не желательна, но вредна даже истинным нуждам государства.

Черногорец, серб, болгарин — все вместе взятые — не стоят даже и одной капли русской крови, ибо каждый из них порознь нисколько не лучше турка, все отличие которого лишь в том, что он носит феску.

Если в ближайшие годы Россия будет воевать с Китаем, Турцией или Германией, то это отнюдь не будет значить, что война эта была нужна России, а будет лишь служить доказательством неспособности правительства и его легкомыслия. Это будет жестоко и несправедливо по отношению к русскому мужику.

Правда, такой вывод мой может показаться противоречием недавним моим собственным поступкам, когда я [11 марта] 26 февраля сего года в комиссии Государственной думы, а затем и в течение полуторачасового свидания [13 марта] 28 февраля с председателем совета министров горячо отстаивал необходимость и спешность морских вооружений на Черном море и в осуществлении коих вследствие этого я являюсь в значительной степени нравственным соучастником и ответчиком. Однако противоречия здесь на самом деле нет, ибо я полагаю, что готовиться к войне нужно всемерно и неустанно, но это не значит, что необходимо во что бы то ни стало воевать только для того, чтобы воевать. Война не есть цель, а средство для достижения поставленной цели. Мудрейшая из стран Англия неустанно и с громадными денежными жертвами готовится к войне, но в течение ста лет имела лишь одну большую войну, ревниво оберегая жизни сынов своих и достигая успеха благодаря мудрым дипломатам и благодаря своему просвещенному правительству.

---

[1] Весьма неопределенная и туманная директива для руководства русской политики в Турции. [Прим. оригинала.] В письме, представленном Эбергарду, это прим. опущено.

[2] В письме, представленном Эбергарду, последующая часть документа, кончая словами: «к русскому мужику», опущена.

На юге Россия действительно нуждается в обеспечении входа в Черное море, но задача эта, тесно связанная с участью Турции и ее целостью, не должна, по моему мнению, разрешаться по инициативе России, ибо если мы будем иметь войну с Турцией, нами затеянную, то мы тем самым возбудим против себя не только Европу, но и Америку, так как уже в лице одной Франции со времени 1878 года вложено в Турцию $2^1/_2$ миллиарда франков, Америка же накануне вклада громадных капиталов для снабжения Малой Азии обширной сетью железных дорог, иначе сказать не только объявление Россией войны Турции, но даже просто грубое обращение России с Турцией, подобно инциденту [25]12 мая, возбуждает справедливое негодование Европы и Америки, так как это грозит разорением их капиталистов и нарушению их мирного и культурного труда, что, по их мировоззрению, является большой несправедливостью не только по отношению к Турции, но и вообще по отношению к задачам всего человечества.

Таким образом Россия должна спокойно, не поддаваясь интригам, ожидать наступления естественного, в силу внутренней розни оттоманского элемента, распадения Турции и в этот момент быть готовой силой поддержать свои требования в европейском концерте.

Если же мы будем стремиться разрешить эту историческую задачу при посредстве войны, то даже при самом блестящем нашем успехе мы вновь предстанем пред Европой уже ослабленными войной, как то и было уже в 1878 году. Следовательно, ни теперь, ни в ближайшем будущем вызывать войны с Турцией нам не следует, и вот почему с этой точки зрения я не мог не осудить инцидента [25]12 мая, как по своей форме, так и по своей мысли вредного реальным интересам русского народа.

Впечатление от этого инцидента получилось здесь гораздо большее, чем о том известно императорскому правительству из официальных и неофициальных источников, а потому я и считал нужным об этом доложить. В заключение добавлю, что судить о произведенном впечатлении инцидента можно по тому уже факту, что сейчас же вслед за ним, как бы в ответ, в Салониках, т. е. центре младотурецкого влияния и мысли, газетой «Силах» тотчас же была открыта подписка на сбор денег для ведения мусульманами «священной» войны с Россией.

(Против газеты этой имп. послом возбуждено дело через мин. ин. дел).

Примите и пр.

Щеглов.

P. S. При сем образец из газет[1].

№ 100. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 55. 11 июня/29 мая 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из телеграммы моей от [5 июня] 23 мая [2] ваше превосходительство уже осведомлены о пунктах, которые китайское правительство предполагает обсудить при предстоящем пересмотре договора 1881 года. Прежде чем перечислить эти пункты, посетивший меня от имени князя Цина [3] Лу Чжен-сян заявил, что китайское правительство еще раз подтверждает свое намерение сохранить договор в возможной неприкосновенности и посему ограничиться лишь самыми неизбеж-

---

[1] Приложение не воспроизводится.

[2] Тел. от 26/13 мая за № 654 Нератов извещал Коростовца: «Для решения вопроса о начале переговоров относительно пересмотра договора 1881 г. мы ждем сообщения нам китайским правительством перечня тех пунктов этого договора, пересмотра коих оно желает».

Тел. от 5 июня/23 мая за № 356 Коростовец перечислял Нератову 5 пунктов, в которых, со слов Лу Чжен-сяна, особенно заинтересовано кит. прав-во при пересмотре торгового договора. Эти пункты приведены в публикуемом документе.

[3] Председатель совета м-ров.

ными изменениями, вызываемыми новыми экономическими условиями и обстановкой. Все дело пересмотра поэтому должно выразиться в изменении или уничтожении некоторых устаревших постановлений, что может быть достигнуто обменом нот, заключением особых протоколов или включением добавочных статей. Китайское правительство надеется, что Россия, со своей стороны, не будет требовать преимуществ, не предусмотренных в существующих договорах, и не станет возбуждать новых вопросов. Не давая полного перечня китайских пожеланий, Лу перечислил следующие пункты, являющиеся, по его словам, главными.

Пересмотр 3-й и 4-й статей договора касательно вопросов, связанных с подданством русских и китайцев в Илийском крае, и прав владения ими землей;

Пересмотр статьи 16-й, предусматривающей установление таможенного тарифа, в основу коего имеет быть положено 5% ad valorem;

Отмена 50-верстной свободной полосы по всей русско-китайской границе;

Пересмотр статьи 18-й касательно свободы плавания по Амуру, Сунгари и Уссури;

Предоставление Китаю открыть консульства в некоторых русских городах, например, в Андижане, Иркутске, Чите или Благовещенске, взамен предоставленного нам права учреждать консульства в Китае.

Во время дальнейшей беседы Лу Чжен-сян дал понять, что китайское правительство считает, что предстоящий пересмотр касается лишь России и Китая и не должен служить поводом для домогательств со стороны других держав, например, Японии, с целью получить от Китая аналогичные преимущества или компенсации. Китайское правительство желало бы, чтобы переговоры имели конфиденциальный характер и не сообщались никакой третьей державе. Лу прибавил, что ему предписано вести переговоры в самом примирительном духе и искать возможных компромиссов. То же самое повторил мне князь Цин при недавнем с ним свидании, подтвердив искреннее желание Китая притти с нами к соглашению по всем спорным вопросам. Я ответил князю, что у нас одушевлены самыми лучшими намерениями относительно Китая и также желают соглашения, но что достижение такового зависит в значительной степени от образа действия китайского правительства, которое, к сожалению, в последнее время выказывало мало дружелюбия и сговорчивости. Князь Цин возразил, что происшедшие пререкания были результатом недоразумений, которые, он надеется, уже рассеялись, и что Лу Чжен-сяну дана инструкция действовать самым примирительным образом.

Хотя китайцы подчеркивают свое намерение сохранить существующий договор и сделать лишь частичные изменения, но, как ваше превосходительство изволите усмотреть, в перечисленных пунктах затронуты все существенные части этого соглашения, на каковое обстоятельство я привлек внимание Лу Чжен-сяна. На мой вопрос об остальных притязаниях Китая Лу Чжен-сян намекнул на некоторые постановления, заключающиеся в статьях 10-й и 11-й договора, также требующие изменения соответственно духу времени [1]. По поводу требования о пересмотре 3-й и 4-й статей я заметил Лу, что вопросы, связанные с возвращением Илийского края, касаются части договора, не подлежащей, по точному смыслу статьи 15-й, обсуждению, что они не имеют отношения к торговым постановлениям и что у нас, вероятно, отклонят такое притязание. Лу ответил, что Китай не претендует на пересмотр упомянутых пунктов, но желал бы лишь выяснить некоторые злоупотребления, происходящие на почве принятия туземцами русского подданства и владения ими землей. Я также не скрыл от моего собеседника, что у нас придают весьма серьезное значение вопросу об изменении положения нашей торговли в Застенном Китае, каковое отношение подтверждается последними выступлениями императорского правительства в связи

---

[1] В статьях 10-й и 11-й договора говорится о праве росс. прав-ва назначать консулов в города Су-Чжоу и Турфан и о том, что все дела, которые будут возникать между подданными обоих государств в пределах Китая по поводу торговых сделок, будут разбираться консулами и кит. властями по взаимному соглашению.

с недавним ультимативным заявлением [1]. Столь же важное значение имеют в наших глазах вопросы об отмене 50-верстной полосы и о плавании на пограничных реках. Лу Чжен-сян объяснил, что Китай готов предоставить нам известные преимущества и компенсации, но рассчитывает, что русское правительство согласится положить в основу переговоров принцип равноправия и взаимства и не будет требовать исключительных привилегий, могущих лишь подорвать суверенные права Китая и вызвать несправедливые притязания со стороны других.

Пока трудно сказать, насколько искренни китайцы, говоря о своем желании притти с нами к соглашению на приемлемых для обеих сторон основаниях. Но можно думать, что часть здешних правительственных сфер действительно стремится с нами договориться даже ценой некоторых уступок, что между прочим подтверждается готовностью китайцев вести переговоры в Петербурге и выбором в качестве уполномоченного Лу Чжен-сяна, известного своим тактом и симпатиями к России [2].

Примите и пр.

Коростовец.

№ 101. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 22. 12 июня/30 мая 1911 г.

Имел с Эренталем вчера после дипломатического завтрака у него разговор. Обратил его внимание на глубокое впечатление, произведенное статьей официозного «Fremdenblatt», резко осуждающее поведение Турции в Албании, и добавил, что если она выражает точно его мнение по этому поводу, то доказывает, как Россия была права обратить дружески серьезное внимание Турции на опасность событий, происходящих на границе Черногории. Я просил министра высказаться о настоящих намерениях Австрии и, желая побудить его быть более откровенным, сказал, что, собираясь в среду [3] в Баден к Сазонову, к которому он относился всегда с уважением, я хотел бы, если разговор [коснется] событий на Балканах, передать ему мнение Эренталя. Министр ответил, что, питая искренние чувства к нашему министру иностранных дел, он рад случаю высказаться перед ним чистосердечно. Австрия, как и другие державы, постоянно давала дружественные советы Турции избегать лишнего кровопролития при подавлении оружием — на что она, конечно, имеет право — восстания, однако последняя при этом проявляет большую жестокость. Поэтому и в особенности так как общественное мнение Австрии требует защиты албанцев-католиков, министр считал нужным обратить внимание Турции на опасность, которую может вызвать на Балканах ее поведение. Вмешиваться во внутренние дела Турции Австрия не желает, доказательством тому служит, что она не посылала, по примеру Италии, военных судов в албанские порты для защиты своих подданных, так как мера эта может побудить турок обвинять державы в подстрекательстве восстания и заставить их отклонить от себя ответственность за происходящие в Албании

---

[1] См. стр. 57, прим. 2. В деп. от 22/9 марта за № 20 Коростовец писал, что, в связи с этими требованиями, в Манчжурии царило тревожное настроение и что «китайские власти, наряду с заботами об улучшении и усилении войсковых частей, расположенных в манчжурских провинциях с прошлого года, обратили внимание и на создание своего рода ополчения или сельской полиции путем снабжения оружием населения и обучения его элементарным военным приемам». Попутно Коростовец сообщал, что кит. прав-во сделало также «довольно крупные заказы на поставку ружей и боевых снарядов специально для манчжурских провинций у иностранных фирм, главным образом у немецких фирм «Арнольд Карберг» и «Карловиц».

[2] Тел. от 10 июня/28 мая за № 705 Нератов сообщал Коростовцу, что ввиду согласия кит. прав-ва на то, чтобы договор оставался в силе до конца его пересмотра, росс. прав-во не заинтересовано в скорейшем завершении переговоров. Поэтому Нератов считал желательным отложить приезд в Петербург Лу Чжен-сяна до осени.

[3] 14/1 июня.

события. Министр иностранных дел не доверяет ни королю черногорскому, ни королю болгарскому, и это еще более побуждает обратить внимание турок на серьезность положения, но он твердо намерен не отступать от принципов, высказанных им в 1910 г. [1] во время переговоров с нами. Считаю полезным отметить это заявление министра иностранных дел, предоставляя нашим представителям на Балканах проверить, насколько политика, проводимая там Австрией, им соответствует.

Гирс.

№ 102. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 63. 13 июня/31 мая 1911 г. [2]

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из обзора турецкой печати, препровождаемого вместе с сим в первый департамент, ваше превосходительство изволите ознакомиться с впечатлением, произведенным на турецкое общественное мнение недавним выступлением венской официозной газеты «Fremdenblatt» в защиту албанцев, о чем было упомянуто в моей телеграмме от [11 июня] 29 сего мая за № 364 [3].

Впечатление это весьма неприятное и отражает чувство разочарования, испытываемого теми турками, которые верили в искренность дружелюбных заявлений венского кабинета и полагали, что присоединение Боснии и Герцеговины является последним актом австро-венгерского наступления за счет новой Турции.

Здесь считают время, избранное для защиты албанцев, в особенности неблагоприятным потому, что теперешнее пребывание султана вблизи Албании должно было, как всем известно, сопровождаться проявлением особых милостей по отношению к той части Оттоманской империи, которую великий визирь так недавно назвал в парламенте «наиболее ценным украшением османской короны».

К тому времени военные действия Торгута-паши должны были обескуражить повстанцев, а нейтралитет Черногории должен был отнять надежды на помощь извне у тех албанцев, которые еще не взялись за оружие.

При таких обстоятельствах более или менее широкая амнистия, которая была бы возвещена султаном албанцам по собственному почину, должна была бы, по расчету турок, удовлетворить малиссоров и их соотечественников и положить начало общему успокоению.

Осуществлению этого плана помешали два обстоятельства.

Во-первых, русское заступничество за Черногорию подняло дух албанцев, как это усматривается из донесения управляющего императорским вице-консульством в Скутари от [3 июня] 21 сего мая за № 61 [4].

Во-вторых, прямое заступничество Австро-Венгрии за албанцев повысило без

---

[1] 20/7 февр. 1910 г. во время переговоров о восстановлении дипломатических сношений между Россией и Австро-Венгрией австро-венгерский посол в Петербурге Берхтольд передал м-ру ин. дел Извольскому пам. записку; в этой пам. записке австро-венгерское прав-во отмечало, что «ограждение status quo на Балканском полуострове является целью, к которой направлены политические тенденции обоих кабинетов».

[2] Оригинал ошибочно датирован 13 июня/31 мая 1910 г.

[3] Тел. от 11 июня/29 мая за № 364 Чарыков сообщал Нератову, что «австрийское выступление в защиту албанцев произвело среди турок крайне неблагоприятное впечатление. Здесь считают подобное вмешательство в исключительно внутреннее турецкое дело возмутительным, в особенности во время пребывания вблизи Албании самого султана и после еще недавних категорических уверений венского кабинета в дружбе к Турции».

[4] Донесением от 3 июня/21 мая за № 61 Миллер сообщал «о крайне благоприятном впечатлении, какое произвело русское сообщение на здешних албанцев-католиков». «Недавно, — указывал далее Миллер, — из разговора с английским вице-консулом (албанцем родом), я убедился, что у здешних католиков, под впечатлением русского шага, мелькнула даже слабая надежда на улучшение теперешнего отчаянного положения повстанцев и на возможность вмешательства в албанский вопрос держав, заинтересованных в судьбе здешнего края и населения».

всякого сомнения их требовательность по отношению к Порте, с надеждой на дипломатическую, а то и вооруженную поддержку со стороны венского кабинета.

Таким образом милости, имеющие быть дарованными албанцам султаном, окажутся, по всем вероятиям, недостаточными, и разочарование всех албанцев вообще может легко повести к распространению повстанческого движения на мусульманские округа Албании.

Положение турецкого правительства действительно трагическое: отказать албанцам в привилегиях, по сравнению с прочим населением империи, значит окончательно ожесточить этот свободолюбивый и воинственный народ и втянуться в вооруженную борьбу с ним, дорого стóящую, по существу самоубийственную и, при нравственной и материальной поддержке повстанцев извне, почти безнадежную для турок.

Даровать же Албании привилегированное положение на подобие Фецана, Хиоса и Афона, как это уже советует еврейская и германофильская радикальная газета «Le Jeune Turc» [1] — значило бы предоставить Австро-Венгрии совершить, после аннексии Боснии и Герцеговины, второй шаг по пути расчленения новой Турции отделением от нее Албании.

За этим шагом последует, неизбежно, третий — обособление Македонии. Уступки же, делаемые албанцам — христианам и мусульманам — должны быть, по необходимости, применены к арабам Иемена, Ассира и Хаурана, что, не без основания, пугает нынешних турецких правителей.

С точки зрения русских интересов новый оборот албанского вопроса не представляется вредным, лишь бы за означенным вопросом был сохранен характер внутреннего турецкого кризиса, не усложняемого настоящей войной. Для нас кризис этот явился бы естественным продолжением исторического процесса разложения турецкого государства, — процесса, препятствующего нежелательному для нас военно-политическому усилению Турции.

Туркам же новейший австро-венгерский почин ясно докажет, что не Россия, а Австро-Венгрия является врагом Турции, стремящимся к ее разрушению, причем турецкому правительству придется искать защиты у Германии не против России, а против Австро-Венгрии.

Каково бы ни было отношение Германии к австро-венгерскому почину, оно уже не спасет Турции от указанных выше вредных для нее последствий оного: удар турецкому обаянию среди албанцев нанесен, их сопротивление туркам усилено и к внутренним и внешним затруднениям младотурецкого правительства прибавилось еще одно, угрожающее не только интересам кабинета Хакки-паши, но и самому дальнейшему развитию жизни турецкого государства.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 103. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 450 [2]. 14/1 июня 1911 г.

Вчера меджлис единогласно вотировал составленный старшим американским советником Шустером законопроект, определяющий его права и обязанности. Его контролю подчинены фактически все персидские финансы: все государственные доходы и расходы, монетный двор, займы, концессии, денежные обязательства правительства и т. п.; кроме того, в создаваемых им управлениях он получает право назначать и увольнять всех чиновников.

Поклевский.

---

[1] Передовая статья от 28 мая 1911 г. «Nos droits et nos devoirs en Albanie». [Прим. оригинала.] («Наши права и обязанности в Албании».)

[2] Опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 158, со стилистическими изменениями.

№ 104. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Цетинье С. Арсеньеву.

Телеграмма № 726. 15/2 июня 1911 г.

Копии в Константинополь, Белград, Лондон, Париж, Рим, Берлин и Вену [1].

Турецкий посол сообщил мне о предстоящей прокламации Порты к албанцам, дающей им десятидневный срок для изъявления покорности, в каковом случае по отношению к восставшим обещано, что преследований не будет; обещаны дальнейшие благосклонные к населению меры к водворению порядка и в частности ассигнована большая сумма на возобновление разрушенных при военных операциях жилищ.

Порта надеется, что державы не откажутся выставить пред черногорским правительством примирительный характер этих распоряжений, позволяющий рассчитывать, что и королевство посодействует всеобщему успокоению, воздержавшись от какого бы то ни было вида дальнейшей помощи или поощрения албанцам, продолжающим, по сведениям Порты, в большом числе пребывать в Черногории, и посоветовав им вернуться на родину.

Благоволите осведомиться, было ли турками сделано подобное заявление непосредственно Черногории и со своей стороны высказаться о желательности в общих интересах мира пойти навстречу пожеланиям турецкого правительства [2].

Нератов.

№ 105. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Париже Демидову.

Письмо № 678. 15/2 июня 1911 г.

Secrète.

Mr. le Chargé d'affaires,

Vous trouverez ci-inclus le projet d'un aide-mémoire que vous êtes chargé de remettre au ministre des affaires étrangères [3].

Veuillez vous entendre avec l'ambassadeur du Japon, qui sera muni d'instructions à cet effet, pour fixer le jour où vous ferez cette communication, séparément l'un de l'autre. Nous nous sommes entendus avec le gouvernement japonais pour faire cette démarche le même jour, mais sans lui donner un caractère identique.

Pour votre part, en faisant cette communication, vous voudrez bien rappeler à Mr. Cruppi ce qu'il a écrit à Mr. Iswolsky à la date du 18 mai au sujet de la nécessité pour les gouvernements russe et français d'étudier de concert la solution de la question de l'emprunt chinois [4]. Profitant de cette invitation, nous nous adressons aujourd'hui à notre allié pour lui signaler les inquiétudes que nous cause la clause 16 du contrat pour cet emprunt, dont la présence lui donne le caractère d'une nouvelle attaque contre la situation que la Russie occupe en Mandchourie, analogue à celle du projet de neutralisation des chemins de fer mandchouriens.

---

[1] Тел. от 17/4 июня за № 744 Нератов предписал Бенкендорфу и Демидову довести содержание публикуемого документа до сведения соответствующего прав-ва и сообщал, что советник англ. пос-ва в Петербурге О'Берн и франц. посол Луи запрашивали его о шагах, предпринятых росс. прав-вом в Цетинье. Нератов выразил пожелание, чтобы до представления черног. прав-ву проектируемого сообщения франц. и англ. представители в Цетинье узнали у росс. посланника результат его выступления.

[2] Ответной тел. от 18/5 июня за № 71 С. Арсеньев сообщил о сделанном турец. посланником аналогичном заявлении и об ответе короля Николая, что он «желает мира, но не может заставить албанских беженцев вернуться на родину, так как они потребуют от Черногории или от великих держав гарантий, что турецкие обещания будут исполнены». В той же тел. Арсеньев сообщал о намерении короля послать в Петербург б. м-ра ин. дел Миушковича с письмом по этому вопросу.

[3] См. № 129.

[4] См. стр. 16, прим. 6.

Il nous semble que dans ces conditions ni la Russie ni la France ne devraient participer à cette opération, dans un moment surtout où les deux pays alliés ont particulièrement besoin de leur appui mutuel. Il est vrai que le refus de la cote à la Bourse de Paris pourrait ne pas empêcher l'emprunt en question d'être émis sur les marchés de Londres, de Berlin et de New-York. Mais le vaste plan du syndicat international de monopoliser le développement industriel de la Mandchourie ne pourra certes pas se réaliser sans la participation ouverte de la finance française. Nous sommes loin de vouloir empêcher les capitaux français de profiter du placement avantageux que peuvent offrir les projets d'un pareil développement. Nous croyons cependant qu'il serait préférable de former dans ce but un autre syndicat auquel la France, la Russie et le Japon prendraient part, et qui offrirait des garanties suffisantes de respecter nos intérêts spéciaux en Chine. Le nouveau syndicat pourrait s'entendre avec le consortium des banquiers américains, français, anglais et allemands, pour partager entre eux le champ des entreprises financières en Chine, celui-là se réservant la partie de ce pays au nord de la Grande muraille, et celui-ci — la Chine intérieure.

Veuillez attendre nos instructions télégraphiques pour la remise de l'aide-mémoire et nous télégraphier la réponse de Mr. Cruppi à votre communication.

Notre ambassadeur à Londres est chargé [1] d'informer le gouvernement anglais de la démarche que nous faisons auprès de celui de France.

Veuillez agréer, etc.

Nératow.

Ci-joint le texte de la clause 16 du contrat [2], qui nous est confidentiellement communiqué par le Cabinet de Tokio.

Ut in litteris

[Nératow.]

Перевод.

Секретное.

Г. поверенный в делах,

При сем прилагается проект памятной записки, которую вам поручается передать министру иностранных дел.

Благоволите договориться с японским послом, который получит инструкции на этот предмет, дабы установить день, когда вы сделаете это сообщение, каждый в отдельности.

Мы договорились с японским правительством предпринять этот шаг в один и тот же день, но не придавать ему идентичного характера.

Передавая это сообщение г. Круппи, благоволите, со своей стороны, напомнить ему о том, что он писал г. Извольскому 18 мая о необходимости для русского и французского правительств совместно изучить решение вопроса о китайском займе. Пользуясь этим приглашением, мы обращаемся ныне к нашей союзнице, чтобы указать ей на опасения, внушаемые нам 16-й статьей контракта на этот заем, наличие которой сообщает ему характер нового посягательства на положение, занимаемое Россией в Манчжурии, посягательства, аналогичного с тем, какое представлял собой проект нейтрализации манчжурских железных дорог. Нам кажется, что при этих условиях ни Россия, ни Франция не должны были бы принять участие в этой операции, тем более в такой момент, когда обе стороны особенно нуждаются во взаимной поддержке. Конечно, отказ в котировке упомянутого займа на парижской бирже мог бы и не помешать выпустить его на лондонском, берлинском и нью-йоркском рынках. Но обширный план международного синдиката монополизировать промышленное развитие Манчжурии не сможет, конечно, быть осуществлен без открытого участия французских финансов. Мы далеки от желания препятствовать французским капиталам воспользоваться выгодным помещением, какое могут представлять проекты подобного развития. Мы полагаем однако, что было бы предпочтительно создать с этой целью новый синдикат, в котором примут участие Франция, Россия и Япония и который в достаточной мере гарантирует уважение к нашим специальным интересам в Китае. Новый синдикат мог бы договориться с консорциумом американских, французских, английских и германских банкиров о разделе между ними поля финансовой деятельности в Китае, причем за первым оставалась бы часть этой страны к северу от Великой стены, а за вторым — Внутренний Китай.

[1] При письме от 15/2 июня за № 679 Нератов препровождал Бенкендорфу копию публикуемого документа и предписывал ему заручиться поддержкой анг. прав-ва в целях изъятия из контракта на заем ст. 16.

[2] При черновом отпуске приложение отсутствует. Текст ст. 16 контракта см. № 81.

Благоволите выждать наших телеграфных инструкций для вручения памятной записки и телеграфировать нам ответ г. Круппи на наше сообщение.

Нашему послу в Лондоне поручено уведомить английское правительство о шаге, предпринимаемом нами перед правительством Франции.

Примите и пр.

Нератов.

При сем прилагается текст 16-й статьи контракта, доверительно сообщенный нам токийским кабинетом.

Ut in litteris

[Нератов.]

№ 106. Изложение содержания письма далай-ламы [1].

После обычных приветствий и изложения причин и обстоятельств выезда из Тибета, далай-лама сообщает о своем обращении к Англии через индийское правительство с вопросом, как она отнеслась бы к официальному посещению им Лондона и к просьбе его о содействии для улажения дел между Тибетом и Китаем. На это последовал ответ, что он не может быть принят в эту зиму и что Англия не может быть посредником между Китаем и Тибетом. На вторичное обращение было отвечено, что в силу существующих договоров между Англией и Россией, с одной стороны, и Англией и Китаем — с другой, английское правительство затрудняется вмешиваться в тибетские дела. Поэтому далай-лама желал бы знать, как смотрит Россия на его поездку в Петербург через Лондон, указывая в то же время, что, насколько ему известно, тибетцы опасаются, что он подвергнет свое здоровье и жизнь риску и оставит народ без защиты и надежды.

Он просит ввиду этого, чтобы русское правительство, снесшись с английским, или единолично вошло с представлением к Китаю о восстановлении далай-ламы

---

[1] Заголовок оригинала. Черновик написан рукой Юдина. Не датирован.

Публикуемый документ был препровожден Нератовым Бенкендорфу при письме от 15/2 июня за № 680. В этом письме Нератов высказывал пожелание «вызвать лондонский кабинет на обмен мыслей о положении далай-ламы и о его дальнейшей участи. Предлогом к этим объяснениям послужила бы необходимость дать ответ его святейшеству на обращение его к нам». «Мы считаем неудобным, — писал Нератов, — оставить без всяких последствий письмо далай-ламы и в то же время считали бы желательным, руководствуясь духом русско-английского соглашения, предварительно обсудить совместно с лондонским кабинетом, в каком смысле составить ответ, чтобы не вышло существенного разногласия с теми заявлениями, которые в последнее время делались далай-ламе со стороны агентов индийского правительства». При этом Нератов указывал: «Полный перевод письма далай-ламы было бы неудобно предъявлять англичанам, так как оно содержит в себе некоторые направленные против них обвинения».

В Архиве Внешней Политики хранится машинописная копия перевода письма далай-ламы, поступившего в м-во ин. дел в марте 1911 г. В этом письме далай-лама отмечал, что со времени установления дружественных отношений между Россией и Тибетом последний держался «самого мирного и лойяльного поведения» по отношению к Китаю. «Однако, несмотря на это, китайцы отняли все права Тибета и довели до того, что мы, глава страны, вместе со своими приближенными лишены возможности оставаться в своей стране. О всех этих чрезвычайных обстоятельствах мне надлежало в то же время довести до сведения правительства вашего величества. Но в силу создавшихся условий, я вынужден был вступить в пределы английских владений. О всех бесчинствах, произведенных китайцами в моей стране, нами было подробно передано английскому правительству. Результатом этого было: Англия заявила протест Китаю о нарушении им договорных обязательств по отношению к ней, напомнив, что, согласно договору, Китай не должен держать свои войска вблизи Непала и Бутана. Затем последовал совместный протест России и Англии. Вслед за этим, казалось, дела улучшились, китайский резидент в Лхассе вдруг стал предупредительным, приглашал нас вернуться в столицу нашу, обещая восстановление прежних порядков. Но это был с его стороны лишь обман. К этому времени английское правительство решило отправить в Тибет отряд войска в 2 000 человек для охраны интересов английских подданных — купцов в Гянцзы. Очевидно, это была демонстрация со стороны англичан, с целью заставить китайцев вступить в выгодные для англичан переговоры. Возможно, что состоялись какие либо переговоры, ибо англичане приостановили свое решение отправить отряд, а китайский амбань в Лхассе стал проявлять еще большую свободу действий».

в правах. В случае невозможности этого шага далай-лама просит передать вопрос на международное рассмотрение. Кроме того, его святейшество указывает на необходимость присутствия в Лхассе русского и английского консулов для контролирования действий китайцев или, по крайней мере, о посылке научной экспедиции, которая могла бы убедиться в чинимых тибетцам со стороны Китая притеснениях [1].

Письмо заканчивается просьбой о советах по всем возбужденным вопросам и обычными приветствиями.

№ 107. Министр финансов временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 340. **15/2 июня 1911 г.**
Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из сообщенной мною при записке от [20] 7 апреля сего года за № 230 телеграммы председателя правлений обществ Энзели-Тегеранской и Тавризской дорог [2] вашему превосходительству известно, что действительный статский советник Подгурский в бытность свою в Тегеране, с моего разрешения и по соглашению с российским посланником, имел беседы с регентом и персидскими министрами, дабы выяснить, какого ответа можно было бы ожидать со стороны персидского правительства в случае возбуждения нами ходатайства о разрешении превратить Тавризскую колесную дорогу в железную и соорудить железнодорожную ветвь от станции этой дороги Софьян к Урмийскому озеру.

Как регент, так и первый министр Сепехдар отнеслись к возбужденному действительным статским советником Подгурским вопросу весьма доброжелательно, но вместе с тем ему было дано понять, что дело подлежит обсуждению в меджлисе, и что ввиду непримиримого отношения части меджлиса к России персидское правительство не может теперь дать определенного ответа на предложение о сооружении железной дороги Джульфа—Тавриз. К этому Сепехдар добавил, что как регент, так и весь кабинет министров прилагают свои усилия к тому, чтобы расположить меджлис в нашу пользу, и что он надеется в следующий приезд действительного статского советника Подгурского в Персию сообщить ему более благоприятные известия.

Как узнал затем действительный статский советник Подгурский от нашего посланника в Тегеране, последний вынес из беседы с персидским министром иностранных дел впечатление, что персы мечтают об осуществлении Тавризской ж. д. на наши деньги, но с тем, чтобы она была персидской дорогой, т. е. управлялась по персидским законам. Они готовы допустить русских в качестве главного инженера по постройке и управляющего дорогой, а равно не возражать против предоставления нам самостоятельности в деле установления тарифов, но при этом желают, чтобы администрация была подчинена персидскому правительству. Поэтому действительный статский советник Поклевский-Козелл, по словам действительного статского советника Подгурского, не надеется на возможность получения разрешения на укладку рельсов с сохранением условий концессии Тавризской дороги.

По этому поводу считаю долгом высказать, что изложенные персидские пожелания представляются мне, с точки зрения наших интересов, неприемлемыми. По моему мнению, нам необходимо добиваться оставления Тавризской ж. д. в наших руках на тех же условиях, которые установлены для нынешней колесной дороги. Во всяком случае будущая железная дорога должна быть русским предприятием, и мы могли бы лишь допустить персов к известному в нем участию.

---

[1] Вопрос о необходимости присутствия в Лхассе росс. и англ. консулов и о посылке научной экспедиции в письме далай-ламы не затрагивается.

[2] При записке от 20/7 апр. Коковцов препровождал Нератову тел. Подгурского от 18/5 апр., содержание которой изложено в публикуемом письме.

*

Так, часть оплаченных акций (не свыше, однако, $^1/_3$ или $^1/_4$ всего числа акций) могла бы быть предоставлена персидскому правительству и тем лицам, которые окажут услуги в деле получения разрешения на укладку рельсов; кроме того, персам может быть предоставлено право приобретения облигаций, в случае если таковые будут нами выпущены. Наконец, на низшие должности и в качестве чернорабочих могут быть допускаемы и персы, как это имеет место и ныне.

Благоприятным для нас в данном деле симптомом является то обстоятельство, что, согласно докладу действительного статского советника Подгурского, в Тавризе идет большая спекуляция на земельные участки в районе Тавриза, где, по мнению местных жителей, будет сооружен железнодорожный вокзал. Тавриз и вообще Азербайджан, повидимому, ждут с нетерпением постройки железной дороги, и оттуда идут по этому поводу ходатайства в Тегеран. Таким настроением местного населения мы могли бы воспользоваться для побуждения персидского правительства к скорейшей выдаче разрешения обществу Тавризской дороги на прокладку рельсов. Нельзя также не учитывать и факта отозвания с поста тавризского генерал-губернатора Мухбир-эс-Солтане, который, насколько мне известно, был одним из главных деятелей, тормозивших осуществление нами Тавризской ж. д.

Сообщая о вышеизложенном, позволяю себе обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой, не признаете ли возможным, буде вы присоединитесь к высказанным мной соображениям, снабдить нашего посланника в Тегеране соответствующими инструкциями в смысле скорейшего разрешения обществу Тавризской дороги прокладки рельсов до Тавриза и к Урмийскому озеру. При этом, быть может, было бы полезно предоставить действительному статскому советнику Поклевскому-Козелл дать понять персидскому правительству, что в случае промедления решения вопроса в благоприятном для нас смысле, укладка рельсов будет произведена самостоятельно без разрешения названного правительства, подобно тому, как организовано автомобильное движение между Джульфой и Тавризом [1].

В ожидании уведомления о последующем, прошу принять и пр.

В. Коковцов.

№ 108. Военный агент в Черногории начальнику генерального штаба Жилинскому.

Рапорт № 646 [2]. 16/3 июня 1911 г.

Весьма секретно.

Сегодня его величество король Николай настоятельно просил меня доложить вашему высокопревосходительству, а также и его высокопревосходительству, военному министру, *буквально* нижеследующее:

«Положение дел на турецко-черногорской границе в высшей степени серьезно. Восстание албанцев вовсе еще не подавлено, как это утверждают турки. Обещанная по истечении 10-дневного срока полная амнистия [3] не может привести к тому, чтобы албанцы положили оружие. И вот тогда-то турки, как бы черногорцы ни устраняли всякий повод к столкновению, должны будут начать войну с Черно-

[1] Пересылая публикуемое письмо Поклевскому при сопроводительном письме от 20/7 июня за № 431, Нератов между прочим писал: «Я имею в виду просить статс-секретаря Коковцова принять зависящие меры к выяснению условий, на которых французские капиталисты изъявили бы готовность принять участие в означенном строительстве, — конечно, под нашим флагом. Предложение осуществить нашу программу создания в Северной Персии сети железных дорог при помощи международного синдиката обсуждалось, между прочим, в совете министров, который принципиально его одобрил. Что касается высказанного в конце письма министра финансов мнения, что нам в крайнем случае следовало бы произвести укладку рельсов между Джульфой и Тавризом насильственным путем, то этот вопрос подлежал бы во всяком случае предварительному обсуждению в особом совещании по персидским делам». Далее Нератов просил Поклевского телеграфировать свое заключение по этому вопросу.

[2] Маш. копия.

[3] См. № 104.

горией, чтобы замаскировать крах младотурецкого режима. Таким образом война неизбежна, и его величество король *умоляет* императорское правительство лишь об одном, чтобы Россия предоставила Черногорию самой себе и ни в каком случае в войну не ввязывалась, ибо господарь сознает, что лишь сильная Россия нужна славянству, а потому и не желает, чтобы Россия из-за Черногории была хоть сколько-нибудь ослаблена какой бы то ни было войной. А чтобы не было никаких поводов обвинять Россию в поддержке Черногории, король, в случае возникновения войны с Турцией, попросит даже находящихся в Цетинье русских инструкторов уехать из пределов королевства. Единственно, чего желал бы король от России во время войны с Турцией, это присылки «Красного креста», сестер милосердия и немного денег».

Исполняя желание короля Николая, я считаю однако своим служебным долгом высказать, что выраженная его величеством положительная уверенность в неизбежности и близости войны с Турцией представляется не только мне, но и всем находящимся здесь, в Цетинье, иностранным представителям совершенно непонятной. Конечно, никогда нельзя отрицать возможности возникновения даже крупных событий совершенно внезапно и из-за какого-либо ничтожного повода; однако в настоящее время не имеется никаких веских данных утверждать, что война неизбежна. Продолжающееся прибытие в Албанию турецких войск, численность коих достигает уже 60 000 человек, понятно, не беспокоило бы короля, если бы поведение Черногории в отношении Турции было бы корректно. К сожалению, как вашему высокопревосходительству известно, этого не было. Тем не менее и при документально установленном участии Черногории в албанском движении все же нет оснований предполагать какие-либо агрессивные намерения Турции. Наконец, сосредоточенных в пределах Албании турецких войск едва-едва лишь достаточно, чтобы не быть застигнутым врасплох в случае всеобщего восстания албанцев, но совершенно недостаточно для того, чтобы, одновременно с подавлением этого восстания, вести еще и войну с Черногорией. *Есть основание предполагать, что его величеству, королю Николаю, самому хочется войны с Турцией, чтобы «спасти лицо» перед албанцами,* которых недалекие советники господаря, вместе с ним самим, так легкомысленно и неосторожно толкали в неравную борьбу с турками. *Есть также основание думать, что поводы к войне выискиваются не турками, а самими черногорцами, и что господарь приведенными в начале сего рапорта речами лишь подготавливает почву для того, чтобы впоследствии всю вину свалить на турок.* С той же целью производится в настоящее время, как самим королем, так и его «сотрудниками», настойчивое муссирование и умышленное раздувание самых мелких происходящих на границе событий [1].

Один из только-что упомянутых «сотрудников» короля, г. Лазарь Миушкович, на этих днях отправляется в С.-Петербург в качестве представителя его величества на все время албанского кризиса. Так как, несомненно, г. Миушкович явится к вашему высокопревосходительству, чтобы побеседовать о турецко-черногорских делах, то я позволю себе сказать о нем несколько слов.

Этот сомнительной нравственности господин, бывший председатель совета министров и бывший председатель государственного совета, являлся прежде одним из деятельных поощрителей албанского движения; теперь же, когда затеянная бригадиром Митаром Мартиновичем, в сообществе с ним, а также с бригадиром Янкой Вукотичем, наследником и самим королем, авантюра не удалась, он прикидывается противником прежней своей затеи. Во всяком случае полезно знать его тактику, которую я за 8 лет пребывания здесь изучил хорошо: обыкновенно он осуждает и даже бранит господаря, чтобы только вызвать на откровенность своего собеседника, а затем докладывает все услышанное господарю.

---

[1] Тел. от 16/3 июня за № 70 С. Арсеньев также сообщил Нератову о своем разговоре с королем Николаем, в котором последний повторил сказанное им Потапову. По мнению Арсеньева, король решил «воспользоваться первым же инцидентом, дабы вызвать войну с Турцией, рассчитывая на одновременное выступление Болгарии, и лишь ожидает получения из России субсидии за 2/3 года, что даст ему возможность начать войну».

Известия, которые будет сообщать этот господин в Петербурге, будут несомненно тенденциозного характера, ибо иначе он не выполнил бы миссии своего короля, который, посылая его, имеет в виду *разжечь в России интерес к столкновению с Турцией* [1].

Об изложенном доношу вашему высокопревосходительству [2].

Генерального штаба полковник Потапов.

№ 109. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 379. 16/3 июня 1911 г.

Ссылаюсь на мою депешу № 64 [3].

Порта возобновила переговоры с французскими предпринимателями, предложив им контрпроект декларации, обеспечивающей связь между адриатическими изысканиями и постройкой малоазиатской железнодорожной сети. Контрпроект [4] отправлен в Париж и считается французами приемлемым. Потребую у Бомпара его окончательный текст до сообщения Порте французского ответа.

Чарыков.

№ 110. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Вене Н. Гирсу.

*/. Телеграмма № 738. 17/4 июня 1911 г.

Передается Чарыкову.

Телеграмма № 22 [5] получена.

Я воспользовался свиданием с Турном на дипломатическом приеме, чтобы, упомянув о беседе вашей с Эренталем, высказать удовольствие по поводу того, что последний ставит в основу своей деятельности на Балканах соблюдение политического status quo в Турции и принципов, высказанных при переговорах в 1910 г., и со своей стороны уверил посла, что и императорское правительство придерживается тех же начал.

Нератов.

№ 111. Посол в Мадриде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 17/4 июня 1911 г.

Confidentielle.

Monsieur le Gérant,

Tandis qu'au Maroc les événements suivent leur cours, le côté théorique de la question n'a presque pas subi de modifications sur le terrain de Madrid depuis le dernier courrier réglementaire.

---

[1] Тел. от 19/6 июня за № 749 Нератов предлагал Арсеньеву отклонить приезд Миушковича в Петербург, указав черног. прав-ву, что всякие переговоры могут вестись в Цетинье с Арсеньевым. В тот же день тел. за № 77 Арсеньев ответил: «До получения этой телеграммы Миушкович сегодня выехал в Петербург».

[2] Публикуемый документ был представлен Сухомлиновым Николаю II при докладной записке от 29/16 июня, на которой имеется помета Николая II: «Полезно знать» и помета Сухомлинова: «Собственной его величества рукой написано «Полезно знать» [4 июля] 21 июня 1911 г. Генерал-от-кавалерии Сухомлинов».

[3] В деп. от 13 июня/31 мая за № 64 Чарыков сообщал о своей беседе с Бомпаром: «Французский посол настроен очень пессимистически по отношению к своим переговорам с Портой о железнодорожном деле». Далее Чарыков писал, что он поделился с Бомпаром «сведением из конфиденциального источника, указывающим на доверительные переговоры Порты с известной немецкой строительной фирмой «Lenz u. Co» в Берлине о предоставлении ей не только «постройки» Самсун-Сивасской линии, но и сооружения шоссейных дорог в Турции, уступленного пока французским предпринимателям».

[4] См. № 126 и приложение к нему.

[5] См. № 101.

L'incertitude au sujet de la durée de l'occupation de Fez [1] en est cause, et c'est elle qui a décidé l'Espagne à agir, comme j'ai eu l'honneur de le mander par mon télégramme secret en date du [3 juin] 21 mai 1911 [2].

A ma question, combien de temps il faudrait au général Moinier pour remplir la mission qui lui est confiée, le ministre des affaires étrangères me répondit: «On nous dit quelques semaines! Mais c'est là un terme bien vague et qui nous oblige à prendre des précautions».

Mr. Martin, conseiller de l'ambassade de France, que l'ambassadeur avait envoyé à Paris rendre compte de vive voix des différentes phases de ses pourparlers avec le Cabinet de Madrid, et avec lequel j'ai eu l'occasion de causer dès son retour, — m'a assuré que les instructions du général Moinier étaient positives et portaient en toutes lettres l'ordre de faire tous ses efforts pour que l'occupation de Fez se prolonge le moins possible [3].

«En moins de trois mois, — ajouta Mr. Martin, — le commandant Brémont a pu exercer une méhalla de 2 000 hommes qui, commandés par des officiers français, ont parfaitement tenu devant l'ennemi. Il n'y a aucune raison pour qu'en un laps de temps pareil le même résultat ne soit obtenu avec d'autres 3 000 ou 4 000; or, avec 5 000 à 6 000 hommes bien commandés et une somme d'argent suffisante, le sultan pourra se tenir et l'occupation cesser».

La facilité même des succès français est une cause de jalousie pour l'Espagne. On s'est dit à Madrid que ne rien faire équivalait à se désintéresser, à perdre ses droits.

Or, quand on n'a pas de prétexte d'ingérence ... on en crée! C'est dans ce but qu'à toutes ses dernières réceptions diplomatiques Mr. Garcia Prieto insistait beaucoup sur les désordres à El-Ksar et autres points de la zone de police espagnole.

De son côté la presse renchérissait sur les devoirs que la protection des nationaux impose au gouvernement espagnol et il était facile de constater comme le nombre de ces nationaux grossissait de jour en jour (à croire les journaux), tandis qu'il paraîtrait que, loin de servir d'attraction pour des familles, des désordres sont une raison de chercher d'autres parages offrant des garanties de sécurité.

Pas plus tard qu'hier, le ministre me dit que les nouvelles de Larache étaient bonnes et la tranquillité rétablie.

A cette même occasion il me dit que l'Espagne n'avait pas débarqué plus de 300 hommes, chiffre dont la modicité est, me paraît-il, la meilleure preuve qu'il n'a jamais été question d'une action bien sérieuse.

Le président du Conseil Mr. Canalejas répondit ces derniers jours à une interpellation de l'ex-ministre Villa-Nueva sur les stipulations de l'entente secrète de 1904 en disant qu'il ne pouvait admettre la discussion d'un arrangement qui n'avait pas cessé de sortir ses effets.

Si, d'un côté, l'échange d'idée entre la France et l'Espagne a été jusqu'ici empreint d'un désir sincère, autant qu'on en peut juger, de ne pas laisser les affaires du Maroc sortir du cadre de l'acte d'Algéciras, il est amusant, de l'autre, de noter l'attitude des ambassadeurs d'Angleterre et d'Allemagne à Madrid.

L'ambassadeur d'Angleterre sir Maurice de Bunsen est au courant des moindres détails des pourparlers entre la France et l'Espagne. A plusieurs reprises, pour déjouer la curiosité de la presse et des collègues, le ministre des affaires étrangères et l'ambassadeur de France se sont donné rendez-vous à l'ambassade d'Angleterre pour causer affaires sous les auspices de Sir Maurice.

Ce dernier s'exprime peu, mais suit avec d'autant plus d'attention tout ce qui pourrait étendre l'influence de la France sur la zone espagnole en Afrique, vu l'intérêt de ce côté de la question à cause de Gibraltar.

---

[1] См. № 39.

[2] Тел. от 3 июня/21 мая (без номера) Будберг сообщал: «Ввиду получаемых тревожных вестей из Лараша испанское правительство посылает туда два крейсера, чтобы оказать покровительство испанским подданным. Здесь несколько озабочены замалчиванием Францией времени оккупации Феца».

[3] См. № 85.

Le prince Ratibor, ambassadeur d'Allemagne, de son côté, fait preuve de prudence et ne s'aventure pas. Il fait l'impression de guetter le moment où les événements déchireront l'acte d'Algéciras, se bornant en attendant à encourager ceux des hommes influents de la cour et de la ville qui trouvent qu'un rapprochement avec l'Allemagne serait la meilleure digue à opposer aux progrès de la France au Maroc.

Ce sont là des idées qui gagnent du terrain tous les jours à Madrid. J'en constate des symptômes même chez le ministre des affaires étrangères.

Veuillez agréer, etc.

Baron Th. Boudberg.

P. S. A la réception d'hier le ministre des affaires étrangères me dit qu'un incident s'étant produit entre les représentants de France et d'Espagne à Tanger, c'était grâce aux efforts du chargé d'affaires de Russie qu'on s'était expliqué et que le gouvernement espagnol était touché et reconnaissant du procédé.

Перевод.

Доверительное.

Г. управляющий,

В то время как в Марокко события идут своим чередом, теоретическая сторона вопроса, со времени последней очередной курьерской почты, почти не претерпела изменений на мадридской почве.

Причиной этого является неуверенность относительно того, насколько продолжительна будет оккупация Феца; эта неуверенность и заставила Испанию действовать, как я имел честь сообщить вам в моей секретной телеграмме от [3 июня] 21 мая 1911 г.

На мой вопрос, сколько времени понадобится генералу Муанье для выполнения возложенной на него миссии, министр иностранных дел ответил мне: «Нам говорят, что несколько недель! Но это — весьма неопределенный срок, который заставляет нас принять меры предосторожности».

Г. Мартен, советник французского посольства, который ездил по поручению посла в Париж, чтобы представить словесный отчет о различных стадиях его переговоров с мадридским кабинетом и с которым я имел случай беседовать по его возвращении, уверил меня, что данные генералу Муанье инструкции носят категорический характер и содержат ясный приказ приложить все усилия к тому, чтобы оккупация Феца продлилась возможно короткое время.

«Меньше чем в три месяца, — добавил г. Мартен, — майор Бремон сумел организовать мегаллу в 2 000 человек, которые под командой французских офицеров прекрасно сражались с неприятелем. Нет никаких оснований к тому, чтобы тот же результат не мог бы быть достигнут в такой же срок с другими 3 000 или 4 000 человек, а с 5 000 — 6 000 человек, при хороших командирах и достаточных денежных средствах, султан сумеет удержаться и оккупация может прекратиться».

Легкость, с которой французы добились успеха, возбуждает зависть у Испании. В Мадриде говорят, что ничего не предпринимать — означает проявить безразличие, потерять свои права.

А когда нет предлога для вмешательства... его создают! С этой целью г. Гарсиа Прието на всех своих последних дипломатических приемах настойчиво говорил о беспорядках в Эль-Ксаре и в других пунктах испанской полицейской зоны.

Пресса, со своей стороны, преувеличенно распространяется об обязанности испанского правительства защищать своих подданных, и не трудно было заметить, как число этих подданных возрастало с каждым днем (если верить газетам), тогда как, казалось бы, наличие беспорядков не только не может привлечь туда семьи, но скорее должно побудить их искать другие области, где им была бы гарантирована безопасность.

Всего лишь вчера министр сказал мне, что из Лараша получены хорошие известия и что спокойствие восстановлено.

При этом он сказал мне, что Испания высадила не более 300 человек — цифра, незначительность которой служит, мне кажется, лучшим доказательством того, что о серьезных действиях никогда не было и речи.

На-днях председатель совета г. Каналехас, на запрос экс-министра Вилья-Нуэва об условиях секретного соглашения 1904 г., ответил, что он не может допустить обсуждения соглашения, которое еще не прекратило своего действия.

Если, с одной стороны, обмен взглядами между Францией и Испанией был до сих пор, насколько об этом можно судить, отмечен искренним желанием не допустить, чтобы марокканское дело вышло из рамок Алжесирасского акта, то, с другой стороны, забавно отметить позицию английского и германского послов в Мадриде.

Английский посол сэр Морис де Бунзен самым детальным образом осведомлен о перего-

ворах между Францией и Испанией. Чтобы обмануть любопытство прессы и своих коллег, министр иностранных дел и французский посол несколько раз устраивали свои встречи в английском посольстве, дабы вести деловые беседы под покровительством сэра Мориса.

Этот последний говорит мало, но с тем большим вниманием следит за всем, что могло бы распространить влияние Франции на испанскую зону в Африке ввиду интереса, который эта сторона вопроса представляет в связи с Гибралтаром.

Германский посол князь Ратибор, со своей стороны, проявляет осторожность и воздерживается от выступлений. Создается впечатление, что он выжидает момент, когда события уничтожат Алжесирасский акт, а пока что ограничивается тем, что поощряет тех из лиц, имеющих влияние при дворе и в столице, по мнению которых сближение с Германией может быть лучшим оплотом против успехов Франции в Марокко.

Эти взгляды с каждым днем все больше распространяются в Мадриде. Я наблюдаю их симптомы даже у министра иностранных дел.

Примите и пр.

Барон Ф. Будберг.

P. S. На вчерашнем приеме министр иностранных дел сказал мне, что между представителями Франции и Испании в Танжере произошел инцидент, но что благодаря стараниям российского поверенного в делах обе стороны объяснились и что испанское правительство тронуто этим образом действий и выражает признательность.

№ 112. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 456. 17/4 июня 1911 г.

Дополнение к № 453[1].

Оказывается, регент знал, что под влиянием интриг среди членов кабинета и меджлиса у Сепехдара созревала мысль покинуть Персию. В самый отъезд[2] Сепехдар намеревался ответить в меджлисе на предъявленный ему лично запрос о положении в Мазандеране, посредством коего националисты надеялись установить его причастность к прошлогоднему восстанию в этой провинции. В своей речи Сепехдар хотел разоблачить все интриги и поставить вопрос о доверии, между тем запрос был взят обратно и вместо этого [меджлис] уже причинил ему другую неприятность в деле бюджета министерства двора. Регент считает положение очень серьезным ввиду отсутствия подходящих людей и трудности управлять Персией при нынешних условиях. Он предложил теперь меджлису указать на лицо, которое пользуется его доверием на составление нового кабинета.

Поклевский.

№ 113. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Цетинье С. Арсеньеву.

⁄. Телеграмма № 747. 18/5 июня 1911 г.

Телеграмма № 70 получена[3].

Находим нужным, чтобы вы продолжали ваши настояния на примирительном образе действия королевского правительства. В этом же смысле выскажутся представители других держав. Королю Николаю вы могли бы напомнить, что в случае столкновения Черногории с Турцией Россия должна будет строго соблюдать все обязанности, вытекающие из положения нейтральной державы.

Нератов.

---

[1] Тел. от 16/3 июня за № 453 (Опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 163, с сокращениями) Поклевский сообщал, что меджлис уменьшил на половину содержание Сепехдара: вместо 120 000 томанов ассигновал 60 000. «Регент был обижен подобным несоблюдением формы вежливости, — передавал Поклевский, — и кабинет предложил вчера меджлису назначить особую комиссию для нового обсуждения этого вопроса, но таковое предложение было отвергнуто громадным большинством голосов. К вечеру Сепехдар, у которого уже давно накоплялось раздражение против меджлиса, выехал из Тегерана». Далее Поклевский сообщал, что Сепехдар выехал «будто бы в Европу».

[2] Так в оригинале.

[3] См. стр. 117, прим. 1.

№ 114. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 42. 18/5 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Статья, появившаяся в газете «Fremdenblatt» в связи с представлениями австро-венгерского посла в Константинополе, как вашему превосходительству известно из секретной моей телеграммы от 17/4 июня [1], была вызвана, по словам графа Эренталя, желанием австро-венгерского правительства указать Порте в дружеской форме на необходимость соблюдения большей умеренности при подавлении албанского восстания и на опасность, которая может произойти от непрерывающихся военных действий на Балканах.

Здешняя печать однако не посмотрела на этот шаг австро-венгерского правительства, как на обычный дипломатический прием; скорее, она старалась доказать, что он давно уже был необходим и вызван желанием подчеркнуть положение, которое занимает Австро-Венгрия на Балканах, как покровительница албанцев-католиков.

Клерикальные органы и в особенности христианско-социалистическая «Reichspost» прямо указывали на это, как на причину такого выступления и не скрывали при этом своей радости, что наконец Австро-Венгрия решила исполнить свой долг по отношению к покровительствуемым ею католикам. Другие газеты, как например «Zeit», усматривали в поведении австро-венгерского правительства желание последовать примеру России и напомнить балканским народностям, что Австро-Венгрия также может явиться их защитницей и что ее голос имеет значение на Балканах. При этом некоторые органы подчеркивали независимость от Берлина, проявленную Австро-Венгрией, и указывали на недоумение, с которым германская печать встретила известие об обращении венского кабинета к Порте. Ныне, после того как оттоманское правительство решило, повидимому, положить конец военным действиям и выступило с примирительными предложениями по отношению к албанцам, вся здешняя печать приписывает это влиянию представлений Австро-Венгрии и говорит о том значении, которое имеет Австро-Венгрия в политике на Балканах и о том успехе, которым увенчались ее шаги перед Портой. Происходящие ныне в Австрии выборы мешают печати уделять особенное внимание внешней политике, иначе, конечно, успех австро-венгерской политики был бы ею еще более преувеличен и только и было бы речи, что о новой победе Двуединой монархии на Балканах.

Я не вхожу в оценку того, насколько на перемену отношений оттоманского правительства к албанским повстанцам имело влияние представление Австро-Венгрии. Может быть, перемена эта вызвана скорее опасением, что восстание может возбудить серьезные осложнения на Балканах или даже смущение в мусульманском мире при виде того, какая судьба при новом турецком режиме выпадает на долю единоверных албанцев, бывших прежде оплотом мусульманства в Турции. Однако, я не могу не указать на то, что поведение Австро-Венгрии подтверждает то впечатление, которое получаешь в Вене насчет того, что здесь отнюдь не желают в настоящую минуту вызывать осложнений на Балканском полуострове и не воспользуются албанским движением для перехода к активной политике на Ближнем Востоке.

В связи с предыдущим я считаю необходимым обратить внимание вашего превосходительства на содержание одного разговора, бывшего у меня с здешним французским послом по поводу отношений графа Эренталя к албанскому вопросу. Г. Крозье сказал мне, что министр, говоря с ним по этому поводу, выразил свое удовольствие по случаю нашего обращения к Турции и сказал, что давно уже было пора, чтобы кто-нибудь обратился с твердым словом к младотуркам и напомнил бы им, что их поведение не всегда может встречаться с похвалой. Может

[1] Тел. Н. Гирса по этому вопросу от 17/4 июня в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

быть, слова эти до некоторой степени могут объяснить распространенное здесь мнение, что гр. Эренталь решился выступить с представлениями перед Портой лишь после нашей ноты и не только желая доказать, что и Австро-Венгрия имеет голос в балканских делах, но и надеясь, в случае неудачи, найти поддержку с нашей стороны и, может быть, положить начало сближению с нами [1].

Здесь также много говорят о том, что гр. Эренталь, выступая в защиту албанцев-католиков, хотел сделать приятное наследнику престола эрцгерцогу Францу-Фердинанду, известному своими клерикальными симпатиями.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 115. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 75. **18/5 июня 1911 г.**

Французский посланник сообщил мне свой разговор с австрийским посланником, который сказал, что по поручению своего правительства сделал категорическое представление королю строго соблюдать нейтралитет в албанском вопросе. Король ответил австрийскому посланнику, что хотя намерен быть нейтральным, но считает тем не менее войну с Турцией в ближайшем будущем неизбежной. Такие заявления короля совершенно не оправдываются образом действий турок, дают повод полагать, что король, продолжая заявлять о своем нейтралитете, желает так или иначе вызвать войну в надежде, что Россия вынуждена будет помогать черногорцам, даже если объявление войны со стороны турок последует вследствие вызывающего поведения Черногории.

Арсеньев.

№ 116. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 34. **19/6 июня 1911 г.**

Выборы в Великое собрание прошли в полном порядке, необходимое правительству большинство, повидимому, обеспечено.

Гешов сообщил мне вчера совершенно доверительно, что греческий посланник Панас сделал ему в субботу [2] следующее сообщение от имени своего правительства: Греция предлагает Болгарии сделать совместный шаг перед великими державами, чтобы ... на нестерпимый и крайний национализм, проявляемый младотурками и чтобы просить державы поддержать то тождественное представление, которое сделали Порте главы народных церквей в защиту прав христианских народностей империи. Гешов высказал мне, что хотя болгарское правительство весьма дорожит поддержанием столь недавно возникших искренних сношений Болгарии с Грецией, тем не менее он думает отклонить совершенно предложение греческого правительства, так как подобный совместный шаг не поведет ни к чему, но испортит болгаро-турецкие отношения, с таким трудом охраняемые. На вопрос Гешова, что я об этом думаю, я ответил, что запрошу вас, но что пока

---

[1] Тел. от 16/3 июня за № 367 Чарыков сообщал Нератову о своей беседе с турец. м-ром ин. дел, который заявил ему, что решение Порты относительно амнистирования албанцев «не следует приписывать воздействию венского кабинета. Все было решено гораздо ранее». В заключение турец. м-р выразил свою признательность росс. прав-ву «за его мощное влияние на Черногорию». По мнению Чарыкова, м-ра очень тяготит вмешательство австро-венг. прав-ва. «В связи с этой новой опасностью, — передавал Чарыков, — я замечаю здесь поворот в сторону России и Франции».

[2] 17/4 июня.

беру на себя ответственность вполне одобрить его воздержание. Гешов очень не желал бы, чтобы в Афинах узнали о настоящем доверительном его сообщении нам [1].

Неклюдов.

№ 117. Поверенный в делах в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо [2]. 20/7 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Посетив вчера г. Круппи для сообщения ему содержания телеграммы вашего превосходительства по албанским делам [3], я между прочим спросил его, в каком положении находятся франко-испанские переговоры в связи с последним выступлением Испании в Марокко [4].

Министр в своем ответе показался мне несколько сдержанным. Из слов его я вывел, что все стремления его направлены к скорейшему улажению возникшего недоразумения и что, отдавая себе полный отчет в психологии «бедной, но гордой родственницы», Франция должна заботливо оберегать «интимность беседы вдвоем».

Обмена мнений по жгучему вопросу в настоящее время не происходит. Г. Круппи, повидимому, совершенно спокойно смотрит на будущее и твердо убежден, что его примирительное направление и выжидательный образ действий приведут лучше всяких протестов к благоприятному результату. Такая политика, по заявлению г. Круппи, встречает полное сочувствие и со стороны большинства депутатов.

Малочисленность испанского войска, сказал мне министр, и скудность денежных средств служат достаточной гарантией незначительности испанского действия в Марокко и соответственно определяют его меру. На это я позволил себе однако возразить, что и небольшой отряд, незаконно и безосновательно вступающий в спокойную местность, может вызвать среди туземцев те самые беспорядки, которых столь желательно избегнуть.

Г. Круппи обещал мне дать через несколько дней более обстоятельные сведения по интересующему меня вопросу и закончил довольно наглядным сравнением для освещения настоящего положения. «Представьте себе, — сказал он, — что вы гуляете с вашей супругой по бульвару и что между ней и вами по какому-нибудь поводу возгорится ссора. Вы, конечно, постараетесь между собой говорить как можно тише, иначе сейчас же соберется вокруг вас толпа». «Eh bien, moi, — прибавил министр, — je désire éviter ces attroupements» [5].

Примите и пр.

Демидов.

№ 118. Поверенный в делах в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 23. 20/7 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Речь, произнесенная министром иностранных дел по поводу обсуждения бюджета вверенного ему ведомства, личный его авторитет не укрепила [6]. Можно

[1] Ответной тел. от 21/8 июня за № 760 Нератов сообщил Неклюдову: «Вполне понимаем те соображения, которые побуждают болгарское правительство отклонить предложение о совместном с Грецией шаге перед державами».

[2] Опубл. М., стр. 100.

[3] См. № 104.

[4] См. № 111 и стр. 119, прим. 2.

[5] «А я желаю избежать скопления толпы».

[6] Повидимому, имеется в виду выступление Сан-Джулиано в палате депутатов от 9 июня/27 мая.

сказать, что палата внимательно его выслушала и ее приняла к сведению, но не более. По окончании ее не раздалось ни одного знака одобрения и кроме г. Джиолитти [1], никто к маркизу ди Сан-Джулиано не подошел для обычного поздравительного рукопожатия. Речь же его ожидалась с нескрываемым нетерпением, т. к. нападки на руководителя внешней политики за последнее время все учащались и особенно резко высказывались в самом парламенте. Объяснить неуспех маркиза ди Сан-Джулиано довольно трудно ввиду того, что лично он пользуется всеобщими симпатиями и слывет за человека обширного ума. Всего вероятнее надо искать причину сдержанного приема его заявлений в отсутствии настоящего ораторского таланта, а также в форме, приданной его речи. Она действительно носила характер полемики, защиты, а в положительной своей части не отличалась уверенностью, т. е. именно воспроизводила то, за что министр подвергался обвинениям.

Решив преимущественно отвечать на запросы, Сан-Джулиано главным образом обратил свое внимание на два пункта: отношения Италии к Турции и к Австро-Венгрии. Что касается первого, то ему пришлось возражать депутату Киэза, который указывал на настоятельность применить к Албании 23 статью Берлинского трактата [2] и вместе с тем напомнил министру собственные слова, написанные им в 1903 г.: «Было бы бессмысленно и опасно настаивать на введении в Албании табачной монополии, государственных налогов и воинской повинности, а также требовать от миридитов и малиссоров, чтобы они изменили свои обычаи и подчинились, на место своих начальников и старшин, новым судьям». Кроме того, Киэза вспомнил заявления маркиза Висконти-Веноста 1900 г., а именно: «По поводу Албании могу сказать, что Италия и Австрия уже имели случай объясниться насчет обоюдных интересов на турецком берегу Адриатического моря и признать, что они вполне обеспечиваются соблюдением status quo». К сему Киэза добавил, что в 1906 г. г. Титтони [3], возвращаясь к тому же вопросу, заявил: «Если бы status quo не удалось сохранить, то Италия и Австрия должны будут сообща искать разрешения в установлении автономии, основанной на принципе национальностей». Становясь на иную точку зрения, бывший министр иностранных дел граф Гвичардини указал, что по отношению к Албании за последние пять лет положение осталось без изменения, но что неизвестно, что могло быть подготовлено на случай нарушения status quo. Несмотря на договоры и соглашения, Италия находится в настоящем уединении и как бы не случилось в ущерб ее повторения таких фактов, как присоединение Боснии и Герцеговины к Австрии и отобрания Hinterland'а Триполи Францией.

В возражениях своих маркиз ди Сан-Джулиано выяснил, во-первых, что о применении 23 ст. Берлинского трактата к Албании теперь речи быть не может уже потому, что таковое привело бы к последствиям, которые совершенно не входят в намерения великих держав, а, во-вторых, что, как в Риме, так и в Константинополе Италия не перестает подавать советы умеренности и осторожности, основываясь на мнении, что в новшествах следует придерживаться постепенности и считаться со старинными обычаями, традициями и условиями

---

[1] Председатель совета м-ров и м-р внутр. дел в кабинете, составленном в марте 1911 г., после того как вышло в отставку м-во Луццатти.

[2] Статья 23-я Берлинского трактата гласит: «Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г., с изменениями, которые будут признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом.

Разработка подробностей этих новых уставов будет поручена Блистательной Портой в каждой области особым комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие.

Проекты организаций, которые будут результатом этих трудов, будут представлены на рассмотрение Блистательной Порты.

Прежде обнародования распоряжений, которыми они будут введены в действие, Блистательная Порта посоветуется с Европейской комиссией, назначенной для Восточной Румелии».

[3] В 1906 г. Титтони был м-ром ин. дел.

жизни. В албанском вопросе главные интересы Италии всего лучше обеспечиваются соглашением с Австрией в соображении с мирными целями, которые преследуются всеми великими державами. Его надо рассматривать не с точки чувств [1], какими благородными они бы ни были, а в связи с общим международным положением, не забывая ни минуты, что цельность Оттоманской империи составляет основу итальянской политики.

Переходя к вопросу о Триполи, министр высказал свое неодобрение тем государственным деятелям и органам печати, которые поддерживают подозрительность Турции по отношению к действительным целям, преследуемым Италией. Ее интересы ограничиваются экономическим проникновением, и в этом направлении министр старался убедить своих слушателей, что никакая иная держава не пользуется никаким преимуществом в сравнении с Италией. Однако по сему поводу надо заметить, что на следующий же день в туринской газете «Stampa» появилось известие, что некоторой немецкой группой только-что приобретен и отчасти по найму занят значительный участок у самых ворот Триполи, между тем как до сих пор все попытки итальянцев покупать землю всегда наталкивались на крайние препятствия.

Что касается отношений Италии к Австро-Венгрии, то на эту тему говорил преимущественно граф Гвичардини. По его словам, итальянская внешняя политика в сравнении с другими отличается бездеятельностью. Связанная договорами, она из них не извлекает пользы, а вместе с тем уже не далек срок истечения или возобновления Тройственного союза. Если желательно ему вернуть первоначальное его значение, то, во-первых, необходимо исключить те элементы, которые привели к взаимному недоверию. Австрия не пользуется благорасположением Италии, народы их не питают симпатии друг к другу. Между тем об ирредентизме в политическом смысле говорить теперь неправильно; существует он в другой форме, а именно в той, которая требует, чтобы австрийские итальянцы пользовались одинаковыми с другими австрийскими народами правами и чтобы их положение было то же, что положение итальянцев на Мальте, на Корсике и в Швейцарии. До полного уравнения их прав доверие Италии к Австрии установиться не может.

В ответе своем на эту часть речи графа Гвичардини министр присоединился к отправной точке зрения своего предшественника и за ним повторил, что «турецкий берег до Превезы и земли до гор, разъединяющих Адриатический бассейн от бассейнов Черного и Эгейского моря, не должны подвергаться никакому политическому видоизменению в пользу какой бы то ни было третьей державы, а также, что ни одна из великих держав не должна увеличивать свои владения на Балканском полуострове в ущерб территориальному равновесию других держав[»].

Для поддержания такого положения, продолжал министр, существуют соглашения. Соглашения же эти требуют доверия, которое, с другой стороны, возможно только при постоянной дипломатической, военной и нравственной подготовке, чтобы предотвратить неподдающиеся предвидению события. Отношения между правительствами итальянским и австро-венгерским интимны и сердечны; непрерывающийся обмен мыслей по главным балканским вопросам удостоверяет, что между ними полное единодушие и совпадение взглядов. А потому второстепенные вопросы, выдвигаемые потребностями обыденной жизни, должны быть подчинены главным и разрешаемы на основании последних. Признавая тем не менее, что на политическом горизонте имеются тучи, министр подтвердил, что наравне со своими союзниками Италия старается их рассеять, но что она не даст себя увлечь.

Обвинение, что Италия уединена, министр отверг указанием на участие, которое в той или иной форме все цивилизованные страны приняли в торжествах юного королевства [2], но надо заметить мимоходом, что на этот раз он воздер-

[1] Так в оригинале.

[2] Имеется в виду торжественное празднование пятидесятилетней годовщины со дня объявления Рима столицей объединенной Италии.

жался от прямого заявления, что со всеми государствами итальянское правительство поддерживает наилучшие отношения.

Долгом считаю приложить при сем текст подлинной речи маркиза ди Сан-Джулиано [1].

Примите и пр.

Корф.

№ 119. Поверенный в делах в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 24. 20/7 июня 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

С совершенно необычайной яростью неофициозные газеты накинулись на маркиза Сан-Джулиано за последнюю его речь в парламенте [2]. Без исключения можно сказать все его обвиняют в предательстве интересов Италии в Оттоманской империи, а в особенности в Триполи и в недостойном попустительстве по отношению к младотуркам. Но это не все. На-днях в одном отделении собравшегося в Риме второго конгресса итальянцев, проживающих за границей, обсуждение политики маркиза Сан-Джулиано привело к резолюции, которую долгом считаю препроводить при сем во французском переводе, отметив при этом, что упомянутое отделение собиралось под председательством г. Фузинато, бывшего товарища министра иностранных дел [3].

Я бы не стал утруждать вашего внимания этого рода сведениями, если бы с различных сторон до меня не доходили слухи о том, что частью в недавно создавшейся среде националистов, частью в некоторых военных сферах складывается мнение, что для Италии настало время покончить с вопросом Триполи и его разрешить занятием, дабы, в случае новых успехов Австро-Венгрии на Балканском полуострове, не получить тот же Триполи из рук союзников, в виде компенсации за их новые приобретения. Если же заручиться им теперь, то при дальнейшем движении Австрии к Эгейскому морю Италия будет в полном праве требовать себе должного ей вознаграждения в Албании или вообще на Адриатическом море.

Проверить эти слухи является крайне затруднительным, но нет сомнения в том, что все, что относится к Триполи, возбуждает всеобщее внимание и вызывает своего рода раздражение, которое невольно передается и правительству. По сему поводу могу указать, что в течение зимы, когда в Триполи происходили незначительные инциденты между местным вали и итальянским консулом, то будто бы морским министерством были приняты все меры к отправке туда достаточных сил, причем имелась ввиду возможность их высадки. Сдерживающим элементом тогда являлся г. Луццатти, эту же роль играет теперь г. Джиолитти. Как бы то ни было, но личное положение маркиза ди Сан-Джулиано сильно поколеблено; авторитет его в парламенте подорван, а в общественном мнении об нем отзываются пренебрежительно, говоря вместе с тем о таких вопросах, которых до сих пор старались избегать, как опасных.

Примите и пр.

Корф.

---

[1] Приложение не воспроизводится.

В деп. от 4 июля/21 июня за № 26 Корф сообщал, что 22/9 июня Сан-Джулиано выступил с новой речью в сенате, в которой он подтвердил сказанное им в палате депутатов, а именно — принцип верности Италии союзам и дружбе с другими державами и принцип сохранения неприкосновенности Оттоманской империи.

[2] См. № 118.

[3] В указанной резолюции конгресс выражал «сожаление по поводу бездеятельности итальянского правительства», несмотря на ущерб, нанесенный итал. интересам младотурецким правом, и требовал «энергичных действий со стороны правительства для обеспечения итальянских прав и интересов в Триполитании».

№ 120. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

7. Депеша № 36. 20/7 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Тотчас по отклонении Болгарией, при весьма загадочных обстоятельствах, сербских предложений, касавшихся соглашения [1], король Фердинанд предпринял не менее загадочное путешествие. Здесь хорошо знали, что королю предстояло торжественное свидание с императором Францем-Иосифом [2], оно в достаточной мере комментировалось и подчеркивалось в местных оппозиционных кругах с целью рельефнее выставить неудачу с будапештским приемом [3] и указать на существенную разницу отношений Австро-Венгрии к Болгарии и Сербии.

Однако до условленного срока свидания обоих монархов оставалось еще много времени, и король Фердинанд тем не менее, против всяких ожиданий даже в самой Софии, поспешил покинуть свою столицу.

Путь из Болгарии в Австрию лежит чрез Белград, где не положено никаких встреч и приветствий, когда поездка имеет, так сказать, таинственный характер. Именно таковой она была на сей раз; на станцию не вызывался даже здешний болгарский посланник, все время находившийся в полном неведении относительно как цели, так и маршрута внезапно предпринятого его монархом путешествия.

По доходившим сюда позже слухам, король Фердинанд останавливался в Пеште, затем отбыл в свое венгерское поместье, где оставался весьма продолжительное время; вызывал к себе сыновей, принцев Бориса и Кирилла; потом отправился в Вену, имел дружественную беседу с гр. Эренталем, в течение которой, по газетным отчетам, обсуждались различные балканские дела. Наконец, лишь [6 июня] 24 мая состоялся прием короля императором Францем-Иосифом в Шенбрунне. Свидание было весьма сердечным, хотя, ввиду болезни маститого монарха, и не имело торжественного характера. Вслед за свиданием, вместо ранее предположенного немедленного отъезда в Болгарию, король Фердинанд вновь отправился в Венгрию и только на-днях, после долгого отсутствия, возвратился в Софию.

Все указанные обстоятельства вызывали понятное смущение в Сербии, подогревая, не без основания, уже давно существующее здесь недоверие к царственному руководителю болгарской внешней политики, нашедшему возможным мирно проводить время в среде австрийских и венгерских деятелей как раз в ту минуту, когда на Балканах развивались тревожные события.

О впечатлении, которое производят и в самой Софии таинственные периодические заигрывания короля Фердинанда с Веной, говорится в одном из недавних донесений нашего посланника в Болгарии, причем действительный статский советник Неклюдов высказывает надежду, что в результате этих заигрываний окажется *обманутой* Вена, а не София [4]. Благо будет, конечно, королю Фердинанду, если эти оптимистические предположения оправдаются. Но мне кажется, что следовало бы поставить вопрос несколько шире и спросить себя: а будет ли какая-либо польза для высших политических интересов, преследуемых Россией на Балканском полуострове, а также для прочих славянских государств от этих личных благ короля Фердинанда? В этом, я думаю, позволительно усумниться. И как жалка должна быть политика того славянского государя, который на свой собственный страх и риск, за спиной единоплеменных

---

[1] См. №№ 6, 31 и 50.

[2] В письме от 14/1 апр. Урусов, между прочим, сообщил Нератову, что король Фердинанд в феврале неофициально посетил Франца-Иосифа в Шенбрунне. «По возвращении короля из Вены, — писал Урусов, — можно отметить только слух о том, что король своим неофициальным визитом приуготовил свое позднейшее официальное, как болгарский король, посещение австрийского двора».

[3] Имеется в виду предполагавшееся в начале мая в Будапеште, но не состоявшееся свидание серб. короля Петра с императором Францем-Иосифом.

[4] См. № 79.

соседей, ведет азартную игру с коренным врагом славянства в надежде его обмануть! Да окажется ли вообще обманутой Австрия? Ведь и это еще большой вопрос. Пока результатами венских свиданий нескромная печать объявляет данное будто бы королем Фердинандом согласие на заключение с Австро-Венгрией секретной военной конвенции, для каковой цели предполагается изменить и соответственные постановления Тырновской конституции.

Таковой конвенцией, если она в самом деле состоится, несомненно будет нанесен последний удар славянской федерации на Балканах. Но поможет ли она в ближайшем будущем осуществлению болгарских вожделений в пределах Эгейского моря? На этот вопрос может быть дан только один отрицательный ответ.

Казалось бы, что милановская история Сербии, с такой же противоестественной военной конвенцией, должна была бы послужить грозным предостережением королю Фердинанду.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 121. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 20/7 июня 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Французский посол сообщил мне доверительно следующее.

Директор германской Багдадской железной дороги г. Гвиннер предложил некоторым французским финансовым деятелям вступить с ним в совещание по вопросу о дальнейшем направлении и финансировании железнодорожных предприятий в Турции.

На это предложение отозвался новый директор Оттоманского банка г. Ревуаль и съехался с г. Гвиннером, в сопровождении известного вашему превосходительству г. Обуано и еще одного француза, недавно во Франкфурте на Майне.

Гвиннер повел дело свысока, выставляя себя как бы хозяином всех железнодорожных дел в Турции, и показал французам свои договоры с Портой, которые, согласно его истолкованиям, действительно предоставляют Германии чрезвычайные права.

Вместе с тем г. Гвиннер высказал своеобразное учение, будто германским дорогам в Турции принадлежат неотъемлемо все экономические районы, которые ныне ими обслуживаются, ввиду чего, например, г. Гвиннер считает недопустимым постройку французами линии Иозгад — Силе — Сивас, ибо Иозгад тянет в экономическом отношении к германской станции Ангора.

Наконец, г. Гвиннер предложил г. Ревуалю учредить в Турции «железнодорожную кассу».

Назначение кассы этой не вполне ясно. Но повидимому, она должна была бы составиться из французских капиталов, которыми распоряжались бы немцы.

Г. Ревуаль не признал возможным продолжать переговоры при подобном отношении к делу германцев, и стороны разъехались, не придя ни к какому заключению.

Мотивом германского предложения служила, по мнению французского посла, необходимость для общества Багдадской дороги добыть от 300 до 400 млн. франков на осуществление только-что предоставленных ему турецким правительством предприятий: ветки на Александретту и продолжение магистрали от Эль-Халифа до Багдада.

Вопрос о линии Багдад — Персидский залив не был затронут во Франкфурте.

Во время этих переговоров г. Гвиннер высказывал довольно прозрачно, что он заручился согласием и поддержкой России, намекая на потсдамское свидание, и что, если бы французы стали противодействовать намерению г. Гвиннера, то они оказались бы изолированными.

Это последнее уверение было признано французами очень подозрительным.

Я, со своей стороны, высказал, что проверка оного в Париже и Петербурге без сомнения разъяснит дело, но что, насколько мне известно, уступки, сделанные Германией России в Потсдаме, касались в области железнодорожных дел отказа от сооружения германскими предпринимателями линий в тех областях Турции, которые прилегают к русской и персидской границам к северу от Ханекена.

Таковые уступки не только не влекут за собой изолирования Франции, но, напротив, устраняя германскую конкуренцию, могут лишь облегчить согласованные с русскими интересами французские предприятия на северо-востоке Малой Азии.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 122. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [1]. 21/8 июня 1911 г.

Cher Анатолий Анатольевич,

Vous avez mille fois raison de craindre que tous ces jours-ci il ne me sera pas possible de m'aboucher sérieusement ni avec Sir E. Grey, ni avec Sir A. Nicolson.

Mais pour ce qui regarde le principal objet traité dans votre lettre du [15] 2 juin [2] je n'en ai en réalité nul besoin. Sir Edward, comme vous le savez, a formulé son point de vue au sujet de la ligne Khanékin — Téhéran avec grande précision, et ce point de vue que le roi dans un important entretien m'a depuis confirmé, ne peut avoir changé [3].

Ce point de vue se résume et signifie ceci:

La convention n'offre pas de base directe [4] pour une protestation anglaise contre l'établissement d'un contrôle allemand sur la ligne en question, mais l'Angleterre redoute ce contrôle au point que si cette éventualité se réalisait, la base de notre convention serait ébranlée et sa portée politique neutralisée [5], parce que l'esprit de toute la convention est que dans le Nord de la Perse l'influence politique russe restera seule prédominante, comme l'influence anglaise dans sa sphère. Une ligne contrôlée par l'Allemagne donne à cette Puissance un intérêt politique de premier ordre. Dès lors l'Angleterre aura à compter à Téhéran avec l'Allemagne ce qui nécessitera des négociations que, d'après tout ce qui me revient ici, l'Allemagne désire vivement. Il est évident que toute la situation s'en trouverait modifiée au détriment de notre influence et de notre position en Perse.

Ceci regarde le contrôle financier, mais bien entendu encore beaucoup plus directement notre désistement pour la construction [6]. Un pareil désistement serait, je n'en doute pas, le coup de grâce à la politique anglo-russe en Perse et ferait place à une combinaison anglo-allemande.

C'est sur la base de ces raisonnements, qui d'ailleurs n'ont jamais été exprimés avec la netteté que j'y mets pour leurs conséquences politiques, que Sir Edward a formulé son conseil qui est de laisser pour le moment entièrement de côté la question financière — nullement urgente.

Ceci est ma réponse directe à la question posée dans votre lettre.

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 103, N 406, с сокращениями.

[2] Соответствующее письмо Нератова от 15/2 июня в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[3] У Siebert'а слова: «ne peut avoir changé» опущены.

[4] У Siebert'а «keine» («никакой»).

[5] У Siebert'а «in Frage gestellt wäre» («будет поставлена под вопрос»).

[6] У Siebert'а: «Dies bezieht sich auf die Ausübung der finanziellen Kontrolle durch Deutschland; die soeben geschilderten Folgen müssen um so eher eintreten, wenn wir auf die Herstellung der Bahn verzichten». («Это касается финансового контроля Германии; вышеизложенные последствия тем скорее наступят, если мы откажемся от постройки ж. д.».)

Un contrôle allemand de la ligne rencontrera en Angleterre une opposition très décidée, principielle, mais cette éventualité n'est, selon moi [1], guère à redouter parce que Sir Buchanan a déjà offert l'influence du gouvernement anglais sur le marché financier de Londres.

En l'absence de capitaux russes privés et en admettant que les capitaux du Trésor ne sauraient être affectés à ce but, le concours financier anglais moyennant un emprunt, garanti il est vrai par le gouvernement russe si nécessaire, nous est, je n'en doute pas, assuré.

Sir E. Grey relève ce point, désirant, je crois, nous rendre impossible de déclarer que nous *ne pouvons pas* garder le contrôle de cette ligne en nos mains. On nous en offrira quand le temps sera venu les moyens, et refuser cet emprunt ou la garantie si elle devenait nécessaire, signifierait non pas que nous ne pouvons pas, mais que nous ne voulons pas rester maîtres de ce contrôle, l'abandonnant ainsi à l'Allemagne pour des raisons autres que financières.

Cette question, réduite à une question de simple convenance financière, me semble préjugée par la situation politique. D'un côté nous nous sommes engagés vis-à-vis de l'Allemagne à construire éventuellement cette ligne, de l'autre — nous ne pourrons pas passer outre aux objections anglaises contre un désistement au profit de l'Allemagne sans une modification radicale de nos relations avec l'Angleterre en Perse.

L'emprunt deviendra une nécessité, avec ou sans garantie — selon les exigences du marché financier.

C'est ce qu'il faudra voir quand le temps viendra, mais il n'est pas venu encore [2] et le mieux, dans l'opinion de Sir Edward et j'ajouterai dans la mienne, est de ne toucher en aucune façon à ce côté de la question dans nos arrangements avec l'Allemagne.

Mais votre lettre soulève une question bien importante à mes yeux et de nature différente.

Pouvons nous promettre à l'Allemagne de construire cette ligne à une époque qui sera déterminée non pas par nous, mais par elle, sans avoir obtenu du gouvernement persan l'option pour cette ligne et en prévoyant des difficultés de ce côté? [3] A vrai dire je ne crois pas que ces difficultés puissent se maintenir longtemps même si, et cela est à prévoir, l'Allemagne s'abstenait à Téhéran de toute pression en faveur de la concession de cette ligne à la Russie.

Je crois qu'une pression anglo-russe énergique devra venir à bout des hésitations persanes.

Je reviendrai sur ce point avec Sir A. Nicolson quoique je n'aie pas de doutes à ce sujet, les intérêts anglais étant trop engagés en cette matière pour que le gouvernement ne s'en mêle pas.

J'en juge d'ailleurs d'après un entretien assez récent avec Sir Arthur.

En guise d'argument en faveur de nos pourparlers avec l'Allemagne, je lui dis que s'il y avait rupture, il y aurait grand danger que l'Allemagne ne demande la concession de cette ligne pour elle-même. Il en convint et me répéta qu'une rupture serait très peu désirable, mais il ajouta quant au cas dont je parlais qu'il ne resterait à la Russie et à l'Angleterre que de s'opposer ensemble à Téhéran à pareille concession par les moyens les plus énergiques et décisifs.

Tout en ne considérant pas comme probable que le gouvernement persan persiste dans son refus, la difficulté de promettre une chose qu'on ne possède pas, n'en subsiste pas moins et il me semble qu'il y aura lieu de s'en expliquer avec le Cabinet de Berlin, peut-être en exigeant son concours à Téhéran pour nos négociations avec la Perse, ou bien en formulant quelque réserve pour ce cas.

Je ferai, je l'espère, lundi prochain [4] la démarche prescrite au sujet de l'emprunt

---

[1] У Siebert'а слова: «selon moi» опущены.
[2] У Siebert'а слова: «mais il n'est pas venu encore» опущены.
[3] У Siebert'а слова: «et en prévoyant... ce côté» опущены.
[4] 26/13 июня.

mandchourien [1] avec toute la force possible, en me basant surtout sur notre offre de coopérer à un syndicat nouveau, ce qui permettra au Cabinet de Londres de ménager ses rapports avec le gouvernement américain, rapports qui sont une difficulté en cette matière [2].

Je profiterai d'une occasion pour revenir sur la question du Dalaï-Lama [3]. Elle est fort délicate et ici on appréciait surtout que nous n'ayons pas répondu. Elle est également délicate à un autre point de vue qui est que dans ma conviction le gouvernement des Indes connaît le vrai texte de la lettre et l'intermédiaire. De sorte que montrer à Londres un texte modifié ne semble pas possible sans produire un très mauvais effet.

Je vous écris entre deux fonctions et ne saurais ajouter rien de saillant à ce qui précède.

J'était à Windsor quand est parvenue au roi la nouvelle que le grand duc Michel ne pourrait venir. Sa majesté me fit prier chez lui et m'exprima sa consternation. Tout d'abord se présenta à l'esprit du roi que le grand duc Cyrille remplacerait le grand duc Michel, mais immédiatement se présentèrent à son esprit des objections que le roi considéra insurmontables et il me dit qu'il recevrait le grand duc Boris avec grand plaisir.

Le grand duc que j'ai reçu à Dover est arrivé en parfaite santé et s'acquitte parfaitement de sa tâche [4].

Veuillez me croire, cher Анатолий Анатольевич, votre très sincèrement devoué.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Вы тысячу раз правы, опасаясь, что в ближайшие дни у меня не будет возможности серьезно переговорить ни с сэром Э. Греем, ни с сэром А. Никольсоном.

Но для основного вопроса, изложенного в вашем письме от [15] 2 июня мне в сущности этот разговор и не нужен. Сэр Эдуард, как вы знаете, изложил свою точку зрения по поводу линии Ханекен—Тегеран с большой точностью, и эта точка зрения, которую король затем подтвердил мне в важном разговоре, не могла измениться.

Эта точка зрения в общем сводится к следующему:

Конвенция не дает непосредственного основания для английского протеста против установления германского контроля над названной линией, но Англия опасается этого контроля настолько, что если бы эта возможность осуществилась, то база нашей конвенции была бы поколеблена, и ее политическое значение нейтрализовано, так как смысл всей конвенции заключается в том, что в Северной Персии политическое влияние России останется преобладающим, подобно тому как влияние Англии в ее сфере. Линия, находящаяся под контролем Германии, создает для этой державы политические интересы первостепенного значения. Если это так, то Англии придется считаться в Тегеране с Германией, что вызовет необходимость в переговорах, которых, согласно всему, что я узнаю здесь, Германия желает живейшим образом. Очевидно, что все положение окажется в силу этого измененным в ущерб нашему влиянию и нашему положению в Персии.

Это касается финансового контроля, но, само собой разумеется, еще значительно более непосредственно — нашего отказа от постройки. Подобный отказ был бы, я в этом не сомневаюсь, смертельным ударом для англо-русской политики в Персии и привел бы к замене ее англо-германской комбинацией.

На основании этих рассуждений, которые, впрочем, никогда не были изложены с такой ясностью, какую я придаю [им], ввиду их политических последствий, сэр Эдуард дал совет в настоящее время оставить совершенно в стороне финансовый вопрос, отнюдь не срочный.

Это — мой прямой ответ на вопрос, поставленный в вашем письме.

Германский контроль над линией встретит в Англии весьма решительную принципиальную оппозицию, но этой возможности, по моему мнению, можно почти не опасаться, т. к. сэр Дж. Бьюкенен уже обещал [нам] воздействие английского правительства на лондонский финансовый рынок.

---

[1] См. № 105 и стр. 113, прим. 1.

[2] У Siebert'а последующая часть документа опущена.

[3] См. № 106.

[4] Вел. кн. Борис Владимирович присутствовал при коронации Георга V в качестве представителя Николая II.

Ввиду отсутствия русских частных капиталов и допуская, что капиталы казначейства не могут быть предоставлены для этой цели, английское финансовое содействие в виде займа, правда гарантированного, если это понадобится, российским правительством, для нас обеспечено, — я в этом не сомневаюсь.

Сэр Э. Грей подчеркивает этот пункт, желая, мне кажется, сделать для нас невозможным заявление, что мы *не в состоянии* удержать контроль над этой линией в наших руках. Нам будут предоставлены средства, когда для этого наступит время, а отказаться от этого займа или гарантии, если она окажется необходимой, означало бы не то, что мы не можем, но что мы не хотим оставаться хозяевами этого контроля, предоставляя его Германии по иным причинам, чем финансовые.

Этот вопрос, сведенный к вопросу простых соображений финансового характера, кажется мне предрешенным политической обстановкой. С одной стороны, мы приняли на себя обязательство в отношении Германии в случае возможности соорудить эту линию, с другой — мы не сможем пренебречь английскими возражениями против отказа [от этого обязательства] в пользу Германии без коренного изменения наших отношений с Англией в Персии.

Заем станет необходимым с гарантией или без нее, сообразно с требованиями финансового рынка.

Это надо будет обсудить, когда придет время, но оно еще не пришло и лучше всего, по мнению сэра Эдуарда, — добавляю, и по моему мнению, никоим образом не затрагивать эту сторону вопроса в наших соглашениях с Германией.

Но ваше письмо поднимает по моему мнению весьма важный вопрос и другого рода.

Можем ли мы обещать Германии построить эту линию в срок, который будет определен не нами, а ею, не получив от персидского правительства опциона на эту линию и предвидя затруднения с этой стороны? По правде говоря, я не верю, чтобы эти затруднения могли долго продолжаться, даже если бы, — а это надо предвидеть, — Германия воздержалась в Тегеране от всякого давления в пользу предоставления концессии на эту линию России.

Я думаю, что энергичное англо-русское воздействие справится с персидскими колебаниями.

Я вернусь к этому [в разговоре] с сэром А. Никольсоном, хотя на этот счет у меня нет сомнений, так как английские интересы слишком велики в этом деле, чтобы правительство в него не вмешалось.

Впрочем я сужу об этом по сравнительно недавнему разговору с сэром Артуром.

В виде аргумента в пользу наших переговоров с Германией, я сказал ему, что если бы они были прерваны, возникла бы большая опасность, как бы Германия не стала просить концессии на эту линию для себя самой. Он с этим согласился и повторил, что разрыв переговоров был бы мало желателен, но он добавил, что в случае, о котором я говорю, России и Англии останется лишь совместно противодействовать в Тегеране подобной концессии самыми решительными и энергичными средствами.

Если даже считать невероятным, что персидское правительство будет упорствовать в своем отказе, тем не менее весьма затруднительно обещать то, что вам не принадлежит, и, мне кажется, нужно будет объясниться по этому поводу с берлинским кабинетом, быть может требуя его содействия в Тегеране нашим переговорам с Персией или формулируя какую-нибудь оговорку на этот случай.

Надеюсь, что в будущий понедельник я предприму со всей возможной энергией демарш, предписанный мне в связи с манчжурским займом, основываясь главным образом на нашем предложении принять участие в новом синдикате, что позволит лондонскому кабинету сохранить его отношения с американским правительством — отношения, являющиеся затруднением в данном вопросе.

Я воспользуюсь случаем, чтобы вернуться к вопросу о далай-ламе. Это вопрос деликатный и здесь в особенности оценили, что мы не ответили. Он в равной мере щекотлив и с другой точки зрения, а именно: по моему убеждению, индийскому правительству известны и подлинный текст письма и посредник. Таким образом показывать в Лондоне измененный текст представляется невозможным без того, чтобы не произвести весьма дурное впечатление.

Я вам пишу между двумя приемами и не в состоянии добавить к предыдущему что-либо, заслуживающее внимания.

Я находился в Виндзоре, когда король получил известие, что великий князь Михаил не будет иметь возможности приехать. Его величество пригласил меня к себе и выразил мне свое огорчение. Прежде всего король подумал, что великий князь Кирилл заменит великого князя Михаила, но немедленно затем у него возникли возражения, которые король счел непреодолимыми, и он сказал мне, что примет великого князя Бориса с большим удовольствием.

Великий князь, которого я встретил в Дувре, прибыл вполне здоровым и прекрасно справляется со своей задачей.

Прошу вас, дорогой Анатолий Анатольевич, верить моей искренней преданности.

Бенкендорф

№ 123. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 21/8 июня 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

По возвращении моем из Баден-Бадена [1] я имел случай встретиться с графом Эренталем, который расспрашивал меня с большим участием о состоянии здоровья Сергея Дмитриевича Сазонова.

Затем министр выразил искреннее свое удовольствие по поводу разговора вашего превосходительства с графом Турном [2]. Никакого недоразумения не может быть, раз что Россия и Австро-Венгрия придерживаются тех же принципов политического status quo на Балканах. Эренталь находит, что положение на Ближнем Востоке все еще недостаточно успокоительное, потому что турецкое правительство не принимает во-время должных мер для умиротворения албанцев и дарования им льгот, а, с другой стороны, король Николай советует повстанцам не быть покладистыми. Граф Эренталь предполагает, что придется снова обратиться с самыми энергичными советами как к Турции, так и к Черногории в случае опасных для сохранения мира проволочек, для прекращения настоящего положения. Во время весьма доверительной беседы с австро-венгерским представителем король Николай сказал, что лично для Черногории гораздо выгоднее, чтобы Скутари принадлежало Турции, чем Австрии или Италии. «И я того же мнения, — добавил мне Эренталь, — потому что таким образом положение не обострится, мы не будем в разладе с Италией, и меня не будут обвинять в потаенных замыслах».

Министр обещал сообщать мне все сведения, которые он получит из Турции и Черногории, прося, в свою очередь, чтобы мы сообщали ему все то, что может послужить для совместного воздействия великих держав для сохранения мира.

В заключение граф Эренталь сказал мне, что донесения графа Турна как о вручении им верительных грамот, так и о беседах с вашим превосходительством, носят характер глубокой благодарности за всемилостивейший прием, оказанный ему государем императором, и доверие, выказываемое ему вами.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 124. Поверенный в делах в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 48 [3]. 22/9 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Последние запросы по марокккским делам, сначала в сенате, а затем в палате депутатов, мало осветили общественное мнение касательно взгляда правительства на высадку испанского отряда в Лараше и занятие Эль-Ксара. Незавершенные пока франко-испанские переговоры по этому поводу и непосредственная связь вопроса с секретным соглашением 1904 года достаточно оправдывают недомолвки французского министра иностранных дел.

Нельзя однако не сожалеть о такой сдержанности, хотя и вынужденной, но открывающей широкое поле всяким вредным комментариям в печати. Получается впечатление, будто Франция равнодушно относится к нарушению Испанией договоров и, несмотря на повторяющиеся протесты со стороны махзена, уклоняется от самых естественных возражений.

В самом деле, испанское выступление далеко не оправдывается обстоятельствами; оно и незаконно, и в высшей степени опрометчиво. Оно противоречит Алжесирасскому акту, будучи совершено без требуемого предупреждения держав, под шатким предлогом водворения порядка в совершенно спокойном округе.

---

[1] См. № 101.
[2] См. № 110.
[3] Опубл. М., стр. 104.

Оно, повидимому, не согласуется и с франко-испанским договором 1904 года, ставящим будто бы всякое выступление Испании в Марокко в зависимость от предварительного уговора с Францией. Наконец, оно создает вредное соперничество между обеими странами, призванными к дружескому сотрудничеству в деле умиротворения шерифской империи и раскрывает двери иностранному вмешательству. Такой рискованный шаг можно приписать разве только преувеличенному чувству самолюбия и стремлению во что бы то ни стало не отставать от Франции, обеспечивая себе на всякий случай господство в северной части Марокко, на которую Испания предъявляет свои будто бы исторически освященные права.

Совершенно иначе обстоит дело с Францией. Вступление французских войск в Марокко и занятие Феца состоялись по настоятельной просьбе самого султана; последнее было вызвано необходимостью охранить жизнь и имущество европейцев; о предстоявших мероприятиях французское правительство заранее уведомило державы, от которых никаких по этому поводу возражений не последовало. Существенная разница между действиями обоих правительств бросается в глаза.

Объяснения, данные недавно г. Круппи с трибуны палат ничего нового собой не представляют. Алжесирасский акт остается лозунгом французской политики в Марокко. Занятие Мекнеса отрядом ген. Муанье имело целью привести в покорность претендента Мулай-Зина и отчасти обеспечить безопасность сообщений между столицей и берегом, что и было достигнуто. Большинство восставших племен вокруг названной местности сложило оружие.

Что же касается дальнейшей деятельности Франции в Марокко, то на первой очереди стоит образование шерифского войска, достаточного для поддержания авторитета султана, и предоставление ему денежных средств на общегосударственные потребности. Затем предстоит положить конец варварской системе взимания налогов, злоупотреблениям коей следует главным образом приписать возбуждение среди племен.

Когда же Мулай-Гафид получит возможность помощью собственных сил предпринять эти реформы, генералу Муанье предписано будет вернуть свои войска тем или другим путем в Казабланку, наказав по дороге племя заёров, виновных в изменническом убийстве полковника Маршана.

Такова программа правительства. Будет ли оно в состоянии ее скоро выполнить, покажет будущее.

Примите и пр.

Демидов.

№ 125. Поверенный в делах в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 22/9 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Передовые статьи газеты «Temps» не перестают за последнее время подвергать строгой критике мероприятия правительства по марокксим делам.

Воспользовавшись испанским, по меньшей мере неосторожным, шагом, они пытаются ныне сеять раздор между обеими странами и тем в значительной степени затрудняют примирительную задачу руководителя французской иностранной политики.

Как вашему превосходительству известно, автор этих статей г. Тардье, один из самых талантливых французских журналистов, задумал использовать свое видное положение в печати, чтобы выхлопотать через г. Пишона двухмиллионную неустойку в пользу одной африканской компании, в делах коей он был лично заинтересован.

После категорического отказа бывшего министра и последующего разрыва между ним и г. Тардье, последний открыл систематическую газетную травлю против г. Пишона, отчасти способствовавшую его уходу от дел.

Мне известно, что при вступлении в управление его преемника г. Тардье обратился к г. Круппи в надежде восстановить прерванные сношения своей

газеты с иностранным ведомством, в чем ему было однако недвусмысленно отказано.

Отказ этот являлся тем более обоснованным, что в злоупотреблениях чиновников министерства иностранных дел Маймона и Руета [1] заподозрена была его причастность, хотя найденные у последних его письма в недостаточной мере установляли его виновность для предания суду.

На-днях появились в журнале «Humanité» две статьи, озаглавленные «L'agence Tardieu» и «Le prix du «Temps»», в коих г. Тардье открыто обвиняется в использовании столбцов «Temps» для своих личных финансовых предприятий. В статьях этих, между прочим, перечисляются субсидии, полученные некогда газетой от Абдул-Гамида.

Ваше превосходительство изволите припомнить настойчивость, с которой после потсдамских дней иностранный бюллетень «Temps» призывал французских капиталистов к самостоятельной финансовой политике в деле железнодорожного строительства на Востоке; оказывается, что и там была подкладка: г. Тардье обещана была значительная доля участия в предприятиях Хомс—Багдад.

Вообще следует с большой осторожностью относиться к суждениям этой газеты, утратившей в авторитетных сферах свой кредит. Возбуждения вредной полемики между печатями Испании и Франции и лишнее разжигание страстей может в настоящую минуту лишь послужить интересам третьей державы, зорко следящей за развитием событий. Если же я позволил себе обратить внимание вашего превосходительства на подчас личную подкладку направления газеты, то главным образом ввиду ее распространенности в России и того ошибочного представления, которое статьи ее могут у нас вызвать.

Примите и пр.

Демидов.

№ 126. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 67. 23/10 июня 1911 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Имею честь препроводить у сего сообщенный мне совершенно секретно французским послом текст турецкого контрпроекта декларации [2], о которой я упомянул в телеграмме от [20] 7 сего июня за № 379 [3] и которую французские предприниматели должны подписать при получении разрешения на производство изысканий Адриатической дороги и прочих линий македонско-албанской сети.

Рассматриваемый текст является выражением обоюдного недоверия и обоюдных опасений, питаемых в этом деле Портой и французскими предпринимателями.

Первая боится, что французы, заполучив политически важную Адриатическую дорогу и доходную Самсун-Сивасскую, не станут строить прочих условленных линий, и потому старается связать предпринимателей самыми категорическими обязательствами, угрожающими их карману.

Французы же опасаются, что Порта, предоставив им лишь изыскания македонско-албанской сети и обеспечив себе помещение во Франции займа в 25 млн. лир, не даст им ни постройки, ни эксплоатации Самсун-Сивасской дороги, самой для них в денежном отношении выгодной.

Послу еще неизвестен ответ французских доверителей г. Ламорне. Лишь только ответ этот будет получен, г. Бомпар передаст мне его, дабы мы могли сообща обсудить проектированную редакцию с точки зрения известных наших интересов, прежде чем г. Ламорне вручит ответ Порте.

По мнению самого г. Ламорне, французам нельзя согласиться на турецкую редакцию ст. 5-й проекта, предусматривающую установление в течение ближай-

[1] Имеется в виду процесс в марте—апреле 1911 г. по делу о продаже секретных документов из франц. м-ва ин. дел.

[2] См. приложение к публикуемому документу.

[3] Дата указана ошибочно. Тел. за № 379 помечена 16/3 июня (см. № 109).

ших шести месяцев условий постройки и эксплоатации всех железнодорожных линий бассейна Черного моря, считая такой срок слишком коротким и признавая нежелательным поставление в зависимость от этого срока всю совокупность малоазиатских линий, в том числе и Самсун-Сивасской.

Г. Ламорне считает вероятным внесение в Париже и других изменений в рассматриваемый текст, имеющих однако менее существенное значение.

К вышеизложенному необходимо добавить, что германское противодействие французским железнодорожным предприятиям в Турции энергично продолжается[1].

На-днях приехал сюда г. Гельферих (D-r Helfferich), представитель германских финансистов, с которыми Турция заключила в прошлом году известный заем.

В разговоре с г. Ламорне названный деятель прямо заявил, что «французы никогда не получат Адриатической линии» и добавил, что собственно французам нет и не может быть никакого дела до этой дороги.

Г. Ламорне ограничился возражением, что всякая железная дорога длиной в 400 клм. является для французских промышленников очень интересным и желательным предприятием.

Кстати, цель приезда сюда г. Гельфериха заключалась в уведомлении турецкого правительства о решении германо-австрийского синдиката воспользоваться своим правом отсрочить до 1912 г. выпуск второй доли прошлогоднего турецкого займа, что объясняется неимением в Германии и Австро-Венгрии свободных капиталов.

Однако германо-австрийская группа будет продолжать выдачу турецкому казначейству авансов в счет займа. Но за эти авансы Турции придется платить более высокий процент, чем тот, который был условлен для самого займа.

С точки зрения русских интересов, рассматриваемая декларация является довольно безразличной.

Впрочем, для нас выгодно официальное упоминание и в этом документе, что постройка линии «Самсун — Сивас (в местностях, прилегающих к Черному морю — dans les parages de la mer Noire), Сивас — Харпут — Эрзингян — Эрзерум и Эрзерум — Трапезунд» имеет быть произведена от имени общества «Régie Générale des chemins de fer» «за счет оттоманского правительства (pour le compte du gouvernement Ottoman)».

Эта редакция официального турецкого документа дает нам право во всякое время воспротивиться осуществлению постройки любой из названных линий или всех их в совокупности, опираясь на текст соглашения 1900 г., допускающий постройку каких бы то ни было линий в местностях, прилегающих к Черному морю, или русскими капиталистами, или «самим оттоманским правительством (le gouvernement Ottoman lui-même)». Или же мы можем обставить наше согласие на сооружение каких-либо из числа означенных линий французскими предпринимателями такими условиями, которые в достаточной мере обеспечивали бы со стороны Порты русские интересы.

Затем главная угроза, которая содержится в ст. 2-й, заключается в том, что при известных обстоятельствах «оттоманское правительство получает снова для себя полную свободу действий (le gouvernement Ottoman reprendrait son entière liberté d'action)».

Угроза эта, действительно, крайне серьезна для французов, ибо осуществление ее может повлечь за собой совершенное отстранение их от Самсун-Сивасской линии и всей малоазиатской сети.

По отношению же к нам выражение, что турецкое правительство «возвращает себе свободу действий», обозначает лишь, что оно прекращает свои уговоры с французскими предпринимателями, но что оно остается попрежнему связанным по отношению к России соглашением 1900 года.

Зато подписание рассматриваемой декларации с теми выгодными для французов изменениями, которые будут выработаны в Париже, обеспечит за нашими

[1] См. мое письмо от 20/7 июня с. г. [Прим. оригинала.] (См. № 121.)

сторонниками безусловно не только постройку, но и эксплоатацию и малоазиатской сети и македонско-албанской, с окончательным предотвращением участия в этих важных для нас делах германских или иных, стоящих вне нашего влияния, предпринимателей.

Само собой разумеется, что для сохранения за нами по отношению к Порте упомянутого выше права воспротивиться полностью или отчасти, по нашему усмотрению, осуществлению ее соглашения с французскими предпринимателями, наше предварительное ознакомление с содержанием означенного соглашения должно составить совершенную тайну.

Как только я получу от французского посла текст французского проекта, я не премину представить его на усмотрение вашего превосходительства с очередным курьером или же по телеграфу [1].

Примите и пр. Н. Чарыков.

Приложение.

Déclaration [2].

Une entente s'est établie entre le gouvernement ottoman et Mr... agissant au nom de la «Régie Générale des chemins de fer», entente ayant pour objet la construction, pour le compte du gouvernement ottoman et l'exploitation par ladite «Régie Générale» aux clauses et conditions à déterminer ultérieurement, des lignes de chemin de fer suivantes: Samsoun—Sivas (dans les parages de la mer Noire), Sivas—Harpout—Erzinghian—Erzéroum et Erzéroum—Trébizonde.

Toutefois, la construction et l'exploitation des lignes ci-dessus mentionnées (bassin de la mer Noire), ainsi que les contrats d'études relatifs aux réseaux de l'Albanie, sont subordonnés à l'accomplissement des conditions ci-après:

1. «La Régie Générale» prend l'engagement de faire aboutir dans un délai maximum de 6 mois à compter de la date de la présente déclaration, l'opération financière qui doit fournir les sommes nécessaires à la construction des lignes ferrées en question.

2. Tant que les lignes devant constituer le réseau de la mer Noire n'auront pas été entièrement construites et que le gouvernement n'aura pas procédé à la réception desdites lignes, les conventions que l'Etat doit conclure avec la «Régie Générale» pour l'exploitation des tronçons achevés n'auront pas de caractère définitif.

Dans le cas où la «Régie Générale» ne construirait pas ce réseau dans les délais et aux conditions prévues par les conventions qui seront conclues ultérieurement, le gouvernement ottoman reprendrait son entière liberté d'action.

3. Dans le cas où la «Régie Générale» ne pourrait pas faire aboutir l'opération financière indiquée plus haut, les conventions conclues ainsi que les contrats d'études seront considérés comme nuls et non avenus, et le gouvernement ne sera tenu d'indemniser la «Régie Générale» ni à titre de frais d'études, ni à quelque titre que ce soit, étant cependant entendu que les projets d'études dressés par la «Régie» pour les lignes de l'Albanie seront la propriété de ladite société.

---

[1] При деп. от 17/4 июля за № 75 Чарыков препроводил в м-во ин. дел текст нового франц. проекта, содержавший изменения, внесенные парижским синдикатом. Как писал Чарыков, наиболее существенное из этих изменений сводилось к следующему: «I. Прямо установлено, что предполагаемый железнодорожный заем имеет быть заключен при посредстве Оттоманского банка» и «II. Текст 2-й статьи декларации дополнен оговоркой: «За исключением, понятно, обстоятельств, не зависящих от его [синдиката] воли»». При этом Чарыков отмечал: «Эта оговорка имеет огромное значение, ибо если турки ее примут, то воспрепятствование нами в силу договора 1900 г. постройке французским синдикатом линий к востоку от Сиваса *не* повлечет за собой утрату названным синдикатом приобретенных им прав на постройку и на эксплоатацию линии Самсун—Сивас—Харпут, Иозгад—Силе и каких-либо иных линий, не встречающих с нашей стороны возражений. По словам французского посла, сообщившего мне прилагаемый текст, Порта не возражает против его редакции. Все усилия нового министра общественных работ, директора железнодорожного департамента, известного Мурад-бея и их германо-австрийских споспешников направлены теперь исключительно против постройки французами Адриатической железной дороги».

[2] Заголовок оригинала. Лит. копия.

4. Par contre, dans le cas où la «Régie Générale», ayant fait aboutir l'opération financière, le parlement ne ratifierait ni ladite opération, ni les clauses et conditions relatives à la construction et à l'exploitation des lignes ferrées mentionnées dans la présente déclaration, le gouvernement devrait payer à la «Régie» conformément à la convention, les frais des projets qu'elle aurait dressés et remis au gouvernement.

5. Les clauses et conditions de la construction et de l'exploitation des lignes ferrées du bassin de la mer Noire seront arrêtées dans un délai maximum de 6 mois à partir de la date de la présente déclaration.

Si les parties contractantes n'arrivent pas à s'entendre sur les clauses et conditions jusqu'à l'expiration de ce délai de 6 mois, les conventions relatives aux lignes ferrées en question seront considérées comme nulles et non avenues, et le gouvernement n'aura rien d'autre à payer que les frais d'études.

Перевод.

Декларация.

Между оттоманским правительством и г...., действующим от имени «Régie Générale des chemins de fer» достигнуто соглашение, имеющее целью сооружение за счет оттоманского правительства и эксплоатацию указанной «Régie Générale» следующих железнодорожных линий: Самсун—Сивас (на побережьи Черного моря), Сивас—Харпут—Эрвингян—Эрзерум и Эрзерум—Трапезунд, на условиях, которые будут определены впоследствии.

Однако сооружение и эксплоатация вышеуказанных линий (бассейн Черного моря), так же как и договоры на изыскания, относящиеся к албанским линиям, подчинены выполнению следующих условий:

1. «Régie Générale» обязуется провести в течение срока, не превышающего 6 месяцев со дня подписания настоящей декларации, финансовую операцию, которая должна доставить средства, необходимые для сооружения указанных железных дорог.

2. До тех пор пока линии, которые должны составить железнодорожную сеть на побережьи Черного моря, не будут сооружены полностью и правительство не приступит к приемке указанных линий, договоры, которые государство должно заключить с «Régie Générale» на эксплоатацию готовых участков, не будут носить окончательного характера.

В случае если «Régie Générale» не соорудит эту сеть в сроки и на условиях, предусмотренных в соглашениях, имеющих быть заключенными впоследствии, оттоманское правительство получит полную свободу действий.

3. В случае если «Régie Générale» не сможет провести упомянутую выше финансовую операцию, заключенные соглашения, а также и договоры на изыскания будут считаться недействительными, и правительство не будет обязано возмещать «Régie» ни расходы по изысканиям, ни какие-либо иные расходы, однако при том условии, что проекты по изысканиям, составленные «Régie» для албанских линий, останутся собственностью указанной компании.

4. Напротив, если после того, как «Régie Générale» проведет финансовую операцию, парламент не утвердит ни указанной операции, ни положений и условий по сооружению и эксплоатации железнодорожных линий, указанных в настоящей декларации, правительство обязано оплатить «Régie», согласно договору, расходы по составлению проектов, которые она передаст правительству.

5. Положения и условия сооружения и эксплоатации железнодорожных линий в бассейне Черного моря будут установлены в течение срока, не превышающего 6 месяцев, считая со дня подписания настоящей декларации.

Если договаривающиеся стороны не придут к соглашению относительно положений и условий до истечения этого шестимесячного срока, соглашения, относящиеся к указанным железнодорожным линиям, будут считаться недействительными, и правительство не должно будет оплатить ничего, кроме расходов по изысканиям.

№ 127. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 413. 24/11 июня 1911 г.

Копия в Цетинье.

Получил № 746 [1].

Подготовив почву, объяснился сегодня с министром иностранных дел в указанном смысле. Результат благоприятный. Прямые примирительные сношения

[1] Тел. от 18/5 июня за № 746 Нератов сообщал Чарыкову (копии в Вену, Берлин, Париж, Лондон, Рим и Цетинье): «Полагая, что добровольному возвращению на родину албанцев

с малиссорскими повстанцами поручены некоторым албанцам, сторонникам правительства, и, согласно вчерашней телеграмме Торгута-паши министру иностранных дел, малиссоры начинают группами изъявлять покорность. Параллельно сему предписано турецкому посланнику в Цетинье войти в непосредственные сношения с турецко-подданными пребывающими в Черногории албанцами, для побуждения их вернуться на родину. Посланнику предоставлено даже отправиться в Подгорицу с этой целью. Недавняя просьба посланника черногорскому правительству сообщить султанскую прокламацию относилась к албанцам, находящимся вдали от турецкой миссии и консульств, и носила характер обращения к дружественной любезности короля. Министр иностранных дел просит императорское правительство, в дополнение к совету, упомянутому в вашей телеграмме Арсеньеву за № 726 [1], за который он глубоко признателен, побудить короля содействовать установлению непосредственных сношений между оттоманскими подданными малиссорами в Черногории и местными турецкими посланником и консулами по делу о водворении беженцев на родину. Такое дальнейшее направление этого крупного дела крайне желательно и важно, ибо снимет с короля опасную для мира ответственность за возможную неудачу переговоров и сделает вопрос о гарантиях предметом сношений самих турок с беженцами, причем личность короля не будет скомпрометирована. Успешным прецедентом является тут осуществленное королем весной установление прямых сношений посланника с Болетинацем и Батушею. При таких условиях королю достаточно будет проявить спокойную форму корректности для того, чтобы, не ссорясь с Турцией, укрепить за собой обаяние среди албанцев. Последние уже склонны видеть не в Турции и не в Австрии, а в короле Николае искреннего друга и покровителя. Я думаю, что черногорскому правительству действительно следовало бы посоветовать албанцам взять с турок все то, что они теперь предлагают, дабы затем получить еще больше [2].

Чарыков.

№ 128. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 127. 26/13 июня 1911 г.

Grey me dit qu'il est inquiet des nouvelles d'Albanie. Il croit que seule une action des Puissances peut conjurer le danger pour la paix dans les Balkans, mais il pense qu'il sera très difficile de mettre d'accord toutes les Grandes Puissances assez rapidement. Il croit qu'il serait urgent que les Puissances les plus directement intéressées et affectées, la Russie et l'Autriche, auxquelles pourrait s'adjoindre l'Italie, devraient avant tout se mettre d'accord pour un plan d'action à Constantinople et à Cettigné. Il croit qu'il n'y aura pas de difficultés pour que les autres Puissances adhèrent à ce plan d'action ainsi combiné d'abord par la Russie, l'Autriche et l'Italie. Il n'en prévoit aucune de la part de l'Angleterre. Grey voudrait savoir si le gouvernement impérial penserait indiqué qu'il appuie ce projet auprès du Cabinet de Vienne. Grey trouve très difficile la situation du roi de Monténégro. Il comprend qu'il soit impossible au roi de conseiller un désarmement, sans que le gouvernement turc offre aucune garantie autre que promesse pour ce qui se passera après. Les Albanais ont fait parvenir au gouvernement anglais un mémoire

---

черногорское правительство не будет противодействовать, считаем самым действительным средством укрепления мира использование турками содействия албанских главарей, которые уже изъявили покорность султану и которые могли бы убедить своих сородичей возвратиться на родину с гарантией безопасности от турецкого правительства». В заключение Нератов просил Чарыкова объясниться в этом смысле с турец. прав-вом.

[1] См. № 104.

[2] Тел. от 25/12 июня за № 774 Нератов сообщал С. Арсеньеву (копии Берлин, Вена, Рим, Париж, Лондон, София, Белград и Константинополь), что публикуемая тел. «заключает указание на весьма выгодные для короля последствия от содействия его прямым объяснениям между албанцами, находящимися на территории королевства, и турецким правительством при посредстве турецких посланника и консулов в Черногории». Нератов предлагал «поощрить короля к продолжению такого образа действий».

signalant certains points pour lesquels ils désirent des garanties que Grey considère raisonnables, entre autre l'amnistie complète.

Benckendorff.

Перевод.

Грей сказал мне, что он встревожен известиями из Албании. Он считает, что только выступление держав может предотвратить опасность для мира на Балканах, но думает, что будет очень трудно привести все великие державы к согласию в достаточно короткий срок. Он считает крайне необходимым, чтобы наиболее заинтересованные и наиболее затронутые державы — Россия и Австрия, к которым могла бы присоединиться и Италия, — прежде всего пришли к соглашению относительно плана действий в Константинополе и Цетинье. По его мнению, не будет затруднений к тому, чтобы другие державы примкнули к этому плану, предварительно составленному Россией, Австрией и Италией. Со стороны Англии он не предвидит никаких затруднений. Грей желал бы знать, считает ли императорское правительство уместным, чтобы он поддержал этот проект перед венским кабинетом. Грей считает положение черногорского короля весьма затруднительным. Он понимает, что невозможно советовать королю разоружиться без того чтобы турецкое правительство представило гарантии, а не одни только обещания относительно того, что произойдет впоследствии. Албанцы прислали английскому правительству меморандум с указанием некоторых пунктов, по которым они желали бы получить гарантии, признаваемые Греем разумными, в том числе полную амнистию.

Бенкендорф.

№ 129. Памятная записка российского посольства в Париже французскому министру иностранных дел Круппи [1].

26/13 июня 1911 г.

Les renseignements qui parviennent au gouvernement impérial russe de Pékin et de Tokio indiquent que la clause 16 du contrat passé par le gouvernement chinois et le syndicat des banquiers américains, anglais, français et allemands pour l'emprunt de dix millions de livres sterlings, contient l'obligation du gouvernement chinois de s'adresser en premier lieu à ce syndicat pour tous les emprunts ultérieurs destinés au développement de la Mandchourie et de l'inviter à participer par ses fonds aux entreprises industrielles chinoises dans cette région. Une pareille stipulation crée au syndicat susindiqué une situation préférentielle en Mandchourie. Le syndicat paraît prétendre à un monopole des entreprises financières et industrielles dans les régions où la Russie et le Japon possèdent des intérêts spéciaux, en subordonnant ces intérêts à ceux du syndicat international.

Mr. Pichon et Mr. Cruppi ont bien voulu déclarer aux représentants russes à Paris que le gouvernement de la République ne participerait qu'à une opération financière en Chine ménageant les intérêts légitimes de la Russie et du Japon [2]. Or la clause 16 du contrat donne à l'emprunt en question un caractère politique, portant atteinte à ces intérêts.

Le gouvernement russe aime à espérer que le gouvernement français, reconnaissant le bien-fondé des appréhensions ci-dessus énoncées, refusera tout appui à l'emprunt chinois du syndicat des banquiers américains, anglais, français et allemands, tant que la clause précitée n'aura pas été éliminée du contrat pour cet emprunt [3].

---

[1] Лит. копия.

[2] См. стр. 8, прим. 5 и стр. 84, прим. 1.

[3] Проект этой пам. записки, препровожденной Нератовым Демидову при письме от 15/2 июня за № 678 (см. № 105), несколько отличался от публикуемого текста. Последний абзац в нем начинался словами: «Tout en exprimant le désir d'être renseigné sur le contenu de la clause 16 du contrat» («Выражая желание ознакомиться с точным содержанием 16-й статьи контракта».)

Тел. от 23/10 июня за № 766 Нератов предписал Демидову (копия Бенкендорфу) выпустить эти слова, ввиду того, что Ж. Луи сообщил уже 23/10 июня текст 16-й статьи. Этой же тел. Демидову предлагалось, «делая г. Круппи сообщение, предписанное секретным письмом за № 678 (см. № 105), выпустить место, уточняющее сферы деятельности обоих синдикатов, т. е. слова celui-là se réservant... la Chine intérieure».

19/6 июня Нератов телеграфировал за № 756 Демидову и Бенкендорфу: «По соглашению с здешним японским послом мы ожидаем, что вы и ваш японский сотоварищ сделаете предписанный вам письмом от [15] 2 июня по поводу китайского займа шаг в понедельник, [26] 13 июня».

Тел. от 26/13 июня (без номера) Бенкендорф сообщил Нератову, что он имел разговор

Перевод.

Сведения, получаемые императорским российским правительством из Пекина и Токио, указывают, что 16-я статья контракта, заключенного китайским правительством и синдикатом американских, английских, французских и германских банкиров на заем в 10 млн. ф. ст., содержит обязательство китайского правительства обращаться прежде всего к этому синдикату со всеми последующими займами, предназначаемыми для развития Манчжурии, и предложить ему принять участие своими капиталами в китайских промышленных предприятиях в этой области. Подобное постановление создает вышеуказанному синдикату преимущественное положение в Манчжурии. Синдикат, повидимому, претендует на монополию финансовых и промышленных предприятий в районах, в которых Россия и Япония имеют специальные интересы, подчиняя таковые интересам международного синдиката.

Г. Пишон и г. Круппи заявили российским представителям в Париже, что правительство республики примет участие лишь в такой финансовой операции в Китае, которая считалась бы с законными интересами России и Японии. Статья же 16-я контракта сообщает настоящему займу политический характер, наносящий ущерб этим интересам.

Российское правительство льстит себя надеждой, что французское правительство, признавая основательность вышеизложенных опасений, откажется от оказания всякой поддержки китайскому займу синдиката американских, английских, французских и германских банкиров, пока вышеуказанная статья не будет устранена из контракта на этот заем.

№ 130. Поверенный в делах в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 66. 26/13 июня 1911 г.

Сейчас передал Круппи памятную записку, приложенную к письму вашего превосходительства от [15] 2 июня за № 678 [1], и сделал предписанное в нем сообщение с изменениями, согласно телеграмме вашей № 766 [2]. Министр ввиду правительственного кризиса лишь временно отправляет текущие дела. Вследствие сего он ограничился принятием записки к сведению и обещал, что его преемник даст возможно скорый ответ. Г. Бапст [3], которому министр передал записку и с которым я виделся некоторое время спустя, сообщил мне следующее: французское министерство иностранных дел уведомило министерство финансов о протесте России и Японии против статьи 16-й контракта о китайском займе. Оно поставит ему на вид обязательства, принятые гг. Пишоном и Круппи о твердом намерении французского правительства принять во внимание законные интересы России в Манчжурии и выскажет необходимость не допустить котировки сказанного займа, буде таковая испрошена, пока статья 16-я не будет исключена. Французское министерство иностранных дел может дать заверение, что будущий министр финансов, кто бы он ни был, ни в каком случае не может пренебречь подобным заявлением политического характера. Что же касается предположения о втором синдикате для финансирования Китая, то вопрос этот будет представлен на обсуждение будущему министру. Считаю нужным присовокупить, что показанная мне Бапстом японская записка составлена в более мягкой форме относительно статьи 16-й, предлагая лишь видоизменить ее и не требуя ее исключения.

Демидов.

№ 131. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 81. 26/13 июня 1911 г.

Ссылаюсь на мои телеграммы № 70 [4] и 75 [5].

Получил из главного штаба вексель на один миллион четырнадцать тысяч крон для черногорского военного министерства. Наш военный агент требует, чтобы я выдал черногорскому правительству 500 000, остальную же сумму за-

---

с Греем по поводу 16-й статьи договора о реорганизационном займе у четверного синдиката. Грей согласился, что если смысл 16-й статьи понимать так, как его понимал Нератов, то выполнение ее создаст базу для монополии. Грей собирался обсудить этот вопрос с америк. послом и сообщить Бенкендорфу результат обсуждения.

[1] См. №№ 105 и 129.

[2] См. стр. 141, прим. 3.

[3] Директор политического департамента франц. м-ва ин. дел.

[4] См. стр. 117, прим. 1.

[5] См. № 115.

держал бы. Прошу штаб указаний, могу ли исполнить требование Потапова и положить остальную сумму, по размене векселя, на текущий счет миссии в черногорском банке, причем придется уплатить большой процент за размен. Со своей стороны полагал бы крайне необходимым ввиду серьезности политического положения задержать выдачу всего векселя, по крайней мере, на один месяц, ибо в противном случае считаю войну Черногории с Турцией неизбежной [1].

Арсеньев.

№ 132. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 784 [2]. 27/14 июня 1911 г.

Копии в Париж, Берлин, Вену, Рим, Константинополь, Белград, Цетинье и Софию.

О'Берн передал мне вчера опасения Грея о возможности осложнений, даже войны, из-за албанских дел и его мысль о неизбежности поставить вопрос о гарантии держав за улучшение положения в Албании на европейское обсуждение, причем основой разговоров должен бы служить частный уговор между Россией, Австрией и Италией о принципах этого обсуждения.

На случай разговоров Грея с вами считаю нужным сообщить вам следующие соображения, высказанные мной О'Берну:

1) Необходимо строго различать две стороны вопроса: внешнюю, т. е. отражение албанских волнений на отношениях Турции и Черногории, и внутреннюю, т. е. дарование Турцией албанцам реформ или привилегий.

2) По первой — нынешний примирительный образ действий короля и содействие его непосредственным переговорам турок и албанцев на черногорской территории снимает с Черногории ответственность за последующее отношение Турции к вопросу и потому в настоящем фазисе не вызывает необходимости европейского вмешательства.

3) По вопросу внутренних реформ для Албании тоже казалось бы желательным обождать окончательных результатов непосредственных переговоров Садреддин-бея [3] с албанскими главарями [4] и конца продленного еще на пятнадцать дней перемирия, тем [5] более, что мы не переставали считать этот вопрос внутренним турецким вопросом и не раз заявляли Порте о своем невмешательстве во внутренние ее дела.

Если бы, тем не менее, вопрос о гарантиях по чьей-либо инициативе был поставлен на очередь, мы, очевидно, примем участие в его обсуждении.

По словам О'Берна, Грей по настоящему вопросу объяснялся и с австро-венгерским послом в Лондоне.

Все вышеизложенное сообщается вам доверительно.

Нератов.

№ 133. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Письмо № 449 [6]. 27/14 июня 1911 г.
Весьма секретное.

Со времени своего переезда на жительство в Россию бывший шах Мохамед-Али не перестает, повидимому, мечтать о возможности не только возвращения

---

[1] Ответной тел. от 29/16 июня за № 792 Нератов, предлагая С. Арсеньеву выдать 500 000 крон черног. прав-ву, сообщал: «Об остальной сумме получите дополнительные указания». На докл. записке Нератова Николаю II от 29/16 июня, в которой было выражено мнение о желательности выдать черног. прав-ву на военные издержки 500 000 крон, а «с выдачей же остальных обождать до восстановления относительного спокойствия в крае», имеется помета Николая II: «Да». «Рейд «Штандарт», [4 июля] 21 июня 1911 г.».

[2] Опубл. Siebert, II, S. 106, N 407.

[3] Турец. посланник в Черногории.

[4] См. № 127.

[5] Далее зачеркнуто: «не менее, буде Грей сочтет уместным ныне же приступить к общему обсуждению вопроса, мы, конечно, примем в нем участие».

[6] Царск. экв.

своего в Персию, но и нового вступления на персидский престол. Эта мечта поддерживается в нем отчасти неустойчивостью положения дел в Персии, результатом коей могло бы явиться сознание самих персов, что в конце концов лучше иметь на престоле его, чем безгласного мальчика, отчасти влиянием и внушениями немалого количества лиц, которые, с падением Мохамед-Али утратили не только свое прежнее положение, но и возможность вернуться на родину, хотя бы даже совершенно частными людьми.

Увлекаемый означенной мечтой, Мохамед-Али неоднократно через доверенных лиц, в том числе, между прочим, через бывшего своего премьер-министра Саад-эд-Доуле, с которым он виделся в прошлом году в Вене, зондировал у нас почву, чтобы выяснить, как бы мы отнеслись к новому воцарению его в Персии. При этом он однако каждый раз давал самые положительные заверения, что не предпримет ничего без нашего согласия и будет всегда строго руководствоваться советами императорского правительства. Означенные выступления шаха и его сторонников объяснялись всегда высоко патриотическими побуждениями: Персия гибнет от внутренних неурядиц; настоящие вершители судеб ее представляют собой лишь кучку людей, совершенно неспособных водворить порядок и повести страну по новому пути; правительства, в настоящем смысле этого слова, нет; министры, лишенные инициативы и какой-либо фактической силы, на которую они могли бы опереться, ничего поделать не могут; Наср-оль-Мольк, при всех его хороших качествах, слишком слабый и нерешительный человек, чтобы совладать с настоящим тяжелым положением; только сильная традиционная власть в лице шаха, не младенца, а настоящего правителя, может спасти несчастную родину от полного развала и гибели. В частности Саад-эд-Доуле говорил, что он отнюдь не поклонник Мохамед-Али-шаха, от которого он, кроме неприятностей и недоверия, ничего не видел на своем веку, и что он готов был бы приветствовать любого другого энергичного и способного кандидата на шахский престол из царствующей династии; но вслед затем, перебирая всех принцев в отдельности, он приходил к выводу, что все же единственным подходящим кандидатом следует признать именно этого самого Мохамед-Али-шаха, который к тому же теперь научен горьким опытом и, в случае нового воцарения, будет несомненно действовать совершенно в ином духе, чем прежде. Все обращения к нам шаха сопровождались указаниями на то, что у него будто бы есть сильная поддержка в Персии, что он получает отовсюду приглашения вернуться и т. п. и что вопрос сводится главным образом лишь к деньгам, которые необходимы будут на первых порах для решительных действий.

Обсуждая ответы, которые надлежало давать Мохамед-Али-шаху в таких случаях, мы прежде всего не могли упускать из виду возможность так или иначе его возвращения ко власти, при продолжающейся крайней неустойчивости положения дел в Персии, а следовательно и необходимости для нас, считаясь с этим обстоятельством, не давать ему повода зачесть нас в ряды своих личных недоброжелателей, если не прямо противников. Но независимо от этого у нас были и иные соображения, которые побуждали нас относиться с большой осторожностью к даваемым шаху ответам.

Едва ли стоит распространяться о том, какие несомненные выгоды представляет для нас сильная шахская власть в Персии, вообще, при том условии, что всякому шаху будет выгодно опираться на нас, как это, за редкими и временными исключениями, бывало раньше. Это обстоятельство, в свое время, несомненно, вызвало вполне определенное отношение Англии к конституционному движению в Иране, направленному к ограничению сказанной власти. Англичане тогда, конечно, не могли предвидеть, что это движение выльется в конце концов в столь нежелательные с точки зрения их же интересов формы, какие оно приняло в настоящее время, и едва ли можно сомневаться в том, что лондонский кабинет несколько иными глазами смотрит ныне на свое прежнее детище. Двухлетний опыт персидской конституции дал к тому вполне достаточный повод.

Устраняя тем не менее совершенно возможность возвращения к прежнему шахскому абсолютизму с его вопиющим административным гнетом, произволом,

хищениями и другими атрибутами, мы все же считаем, что активный шах, хотя бы и ограниченный меджлисом, мог бы своим личным обаянием и влиянием в значительной мере способствовать успокоению умов и водворению порядка в стране.

Что касается личности Мохамед-Али-шаха, то следует прежде всего отметить, что он был далеко не худшим шахом из своей династии и что свержение его с престола было скорее результатом общего стечения обстоятельств, чем каких-либо особых провинностей с его стороны. Нельзя также не согласиться с тем, что он теперь многому научился и, вероятно, в случае возвращения к власти, стал бы применять совершенно иные методы управления, чем в прежнее свое царствование. В его благодарности, а следовательно и преданности России, в таком случае, едва ли можно было бы сомневаться, и, при умелом направлении его императорской миссией, из него, быть может, выработался бы правитель, полезный не только с точки зрения наших интересов, но и в смысле блага самой Персии.

Изложенные выше соображения приводят нас к общему заключению, что возвращение Мохамед-Али-шаха на престол, при непременном условии, конечно, что оно могло бы состояться без формального давления извне, было бы для нас несомненно выгодно.

С другой стороны, однако имеет первостепенную важность вопрос, насколько воцарение вновь бывшего шаха без особых потрясений представляется вообще возможным и каким образом оно могло бы осуществиться. Не подлежит сомнению, что неустойчивое положение вещей в Персии, граничащее порой с полной анархией, должно было в значительной мере отразиться на взглядах здравомыслящего большинства населения страны на настоящий склад высшего ее управления. Весьма вероятно поэтому, что, кроме упомянутых выше сторонников Мохамед-Али-шаха, есть и в самой Персии немало лиц, которые явно или тайно сочувствуют идее его возвращения ко власти. Возможно, что даже большая часть персов с искренней радостью приветствовала бы его вступление вновь на престол, если не из личных симпатий к нему, то в надежде, что он положит конец нынешнему смутному периоду. Но от всего этого до какой-либо контрреволюции в пользу бывшего шаха еще очень далеко, так как его сторонники, в противоположность его противникам, совершенно не сплочены и едва ли даже способны сплотиться без какого-либо объединяющего начала. Отдельные племена, как например туркмены или шахсевены, быть может, и готовы были бы стать открыто на его защиту, но, как показал опыт, и они ожидают для этого прибытия бывшего своего повелителя в свою среду и притом с достаточными средствами для борьбы, т. е. с деньгами, оружием и боевыми припасами и, в особенности, с могущественной поддержкой России. Сказать однако с уверенностью, что если бы Мохамед-Али последовал зову этих кочевников и во главе их двинулся на Тегеран, он достиг бы желаемого результата, абсолютно невозможно, при том условии, что какая-либо открытая поддержка его с нашей стороны или хотя бы снабжение его нами более или менее крупной суммой денег совершенно исключается. Вернее всего, что подобная авантюра шаха, если бы он на нее решился, окончилась бы для него весьма плачевно и, быть может, стоила бы ему даже жизни. А между тем всякое подобное выступление его было бы несомненно приписано нам и вызвало бы вновь целую бурю негодования против нас как среди нынешних хозяев Персии, так и в сочувствующей им части английского общества и английской прессы.

Если бы однако, вследствие непрекращающихся смут и беспорядков, в Персии самостоятельно возникло серьезное движение в пользу возвращения Мохамед-Али-шаха, и сторонники его сплотились бы хоть настолько, чтобы их голос пересилил бы голос их противников, и в особенности, если бы и молодой шах к ним примкнул, то появление прежнего правителя в пределах Персии могло бы быть признано своевременным, и в таком случае, казалось бы, с нашей стороны ему не должны были бы быть чинимы никакие препятствия.

Сообразно со всеми изложенными выше соображениями мы неизменно отвечали на запросы Мохамед-Али-шаха приблизительно следующим образом.

Принципиально мы ничего не имели бы против его возвращения в Персию и вступления его вновь на престол. Памятуя его дружественное отношение к нам и будучи уверены, что оно осталось бы таковым же и в будущем, мы были бы даже очень рады вновь увидеть его правителем соседней дружественной страны. Мы охотно верим, что он приложит все старания к водворению в последней порядка и благоденствия, как верим и тому, что в Персии есть очень много лиц, желающих и даже настоятельно требующих его возвращения туда. Однако мы вместе с тем, на основании всех достоверных сведений, коими мы располагаем, убеждены в том, что шах неправильно оценивает движение в Персии в его пользу. Его сторонников много, но они совершенно разрознены, не сплочены, разбросаны по всей стране; они не располагают никакой силой и потому большей частью робко скрываются и боятся возвышать свой голос. С другой стороны, его противники сплочены и сильны, в их руках администрация, войска и кучки головорезов — фидаев и анархистов. При таких условиях какая-либо попытка его проникнуть в Персию была бы только лишенной всякого здравого смысла авантюрой, которая не имела бы никаких шансов на успех и легко могла бы, в конце концов, стоить ему жизни. На нашу поддержку в подобном деле он ни в каком случае рассчитывать не должен. Напротив, в силу нашего обязательства в отношении Персии, мы даже не допустим, насколько это будет в нашей власти, какой-либо попытки в этом духе с его стороны. Если он желает вернуться в Персию на свой страх и риск, то пусть едет туда через Турцию или Персидский залив, но не через русско-персидскую границу. Даже если бы он перешел последнюю как-нибудь тайно, без нашего ведома, он безусловно навлек бы на нас обвинение в нарушении нами своего обязательства со всеми его нежелательными последствиями. Это было бы плохой благодарностью с его стороны за наше широкое гостеприимство. Но если бы движение в его пользу приняло бы в Персии серьезные размеры, если бы действительно народ потребовал его возвращения и собственный его сын и преемник, присоединившись к его сторонникам, отрекся от престола в его пользу, тогда мы, конечно, первые приветствовали бы его и оказали бы ему со своей стороны все зависящее содействие.

Независимо от этого, мы каждый раз привлекали тут же самое серьезное внимание Мохамед-Али на необходимость для него тщательно воздерживаться от каких-либо действий, которые могли бы послужить поводом для персидского правительства лишить его пенсии, на возмещение коей нами он рассчитывать не должен.

В ответ на подобные наши заявления шах неизменно отвечал, что он будет неуклонно следовать нашим добрым советам и положительно заверял нас, что он никогда себя в глазах персов не скомпрометирует, так как-де ни с кем никаких сношений не имеет.

Передавая об изложенном вашему превосходительству, для личного вашего сведения, считаю долгом высказать, что, по моему мнению, нам в вопросе о возможности возвращения в Персию Мохамед-Али следует строго придерживаться твердо установленной раз навсегда политики нашей невмешательства во внутренние дела Персии. Не предпринимая, ввиду этого, каких-либо шагов в пользу бывшего шаха, мы в одинаковой мере должны также воздерживаться от противодействия какому-либо движению, направленному к его реставрации, тем более что, как выше было указано, его возвращение ко власти было бы скорее полезно и желательно для нас.

Имея в виду, что попытки бывшего шаха склонить нас к оказанию ему содействия к возвращению ему утраченного престола могут возобновиться, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство принять возможные меры к выяснению, хотя бы приблизительно, и конечно не в одном лишь Тегеране, размеров и значения тех элементов, на поддержку коих Мохамед-Али мог бы рассчитывать, и о последующем почтить меня уведомлением [1].

Примите и пр.

[Нератов.]

[1] Тел. от 14/1 июля за № 877 Клемм передавал дипломатическому чиновнику при наместнике на Кавказе, что перс. поверенный в делах просил арестовать и отобрать документы

№ 134. Временно управляющий министерством иностранных дел военному министру Сухомлинову.

Письмо № 712. 27/14 июня 1911 г.

Весьма секретно.

М. г. Владимир Александрович,

Письмом от [23]10 сего июня за № 3667 [1] ваше высокопревосходительство изволите спрашивать меня, к каким результатам привели намеченные особым совещанием по дальневосточным делам [22] 9 апреля [2] переговоры о вводе наших войск в Северную Манчжурию и о давлении на китайское правительство для ограничения им своих вооружений в названной области.

Вследствие сего считаю долгом уведомить, что я имел честь ознакомить военное ведомство с предпринятыми министерством иностранных дел в этом направлении шагами, препроводив при записке от [6 июня] 24 мая за № 641 [3] в числе материалов для нового совещания копию письма на имя председателя совета министров от [23] 10 мая № 587 [4] (у сего прилагаемую) с изложением хода и результатов объяснений наших с японским правительством, которое самым категорическим образом высказалось против предложенного нами плана совместных действий в целях ограждения приобретенного Россией и Японией в Манчжурии положения.

Основываясь на этих данных, совещание [7 июня] 25 минувшего мая [5] поставило в первую очередь задачу противодействия вредным для нас предприятиям железнодорожного и экономического характера в Манчжурии, стоящим в связи с займом, заключенным Китаем у международного синдиката, и поручило министерству иностранных дел предпринять необходимые шаги, установив общность действий с японским правительством, что в настоящее время и служит предметом наших дипломатических сношений.

Эта программа деятельности не может быть, правда, признана непосредственно направленной к обеспечению нашего военного положения в Манчжурии, но министерство рассчитывает, что сотрудничество с Японией в вопросе о займе создаст более благоприятную почву для осуществления задуманного нами и отвергнутого японцами более широкого плана. Не отрицая, что передвижения китайских войск представляют для нас известную угрозу, я позволяю себе однако думать, что положение вещей все же не представляется настолько тревожным, чтобы вынуждать нас к принятию немедленных мер противодействия, не считаясь с явно обнаруженным Японией несочувствием к политике энергичного давления на Китай. Наше выступление несомненно будет использовано Японией для большего еще укрепления своего влияния в Китае в ущерб нашим интересам, так как она будет иметь в своем распоряжении весьма благодарное противопоставление нашего образа действий ее миролюбивой политике. Таким образом, едва ли достигши поставленной себе стратегической цели, ибо на наше увеличение военных сил в Манчжурии Китай может тем же ответить со своей стороны, — мы значительно ухудшим общий характер наших отношений к соседу, что в данный момент, ввиду готовящихся переговоров о пересмотре договора 1881 г., особенно нежелательно. Еще раз повторяя, что коренное решение манчжурского вопроса не может быть проведено без предварительного соглашения с Японией, я могу

у эмиссаров Мохамеда-Али, приехавших в Баку с большим количеством прокламаций. По этому поводу Клемм следующим образом определял позицию росс. прав-ва в данном вопросе: «Строго соблюдая принцип невмешательства во внутренние дела и, в частности, в борьбу партий в Персии и отнюдь не являясь принципиально противниками возвращения туда Мохамеда-Али, мы должны воздержаться от какого-либо противодействия его сторонникам в их стремлении способствовать его воцарению вновь. Вместе с тем однако для нас очень важно, чтобы в руки персидского правительства не попали какие-либо доказательства интриг со стороны Мохамеда-Али непосредственно, так как оно имело бы тогда основание лишить его пенсии, и нам бы пришлось заботиться о нем».

[1] Содержание указанного письма изложено в публикуемом документе.

[2] См. стр. 22, прим. 3.

[3] Указанная записка в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[4] См. № 28.

[5] См. № 91.

*

заверить ваше высокопревосходительство, что министерство иностранных дел ни на одну минуту не упускает из виду важности для нас обеспечить свои дальневосточные владения путем образования из Северной Манчжурии, в той или иной форме, надежного заслона и будет пользоваться всяким удобным случаем к тому, чтобы содействовать созданию благоприятной обстановки для осуществления поставленной задачи.

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 135. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 24. 27/14 июня 1911 г.

Эренталь сообщил мне предложение Грея о совместном выступлении держав в Константинополе для обеспечения малиссорам обещанных им льгот. Эренталь поручил австрийскому послу в Лондоне ответить, что он не считает практичным подобное совместное выступление, которое может обнаружить перед Турцией некоторое разногласие держав относительно способа применения гарантий для малиссоров в исполнении Турцией ее обязательств. По его мнению, следует держаться выжидательной политики и продолжать обращать серьезное внимание турецкого правительства на возможные последствия в случае его нерешительности. Эренталь поручил Турну сообщить вышеизложенное вашему превосходительству, так как тождественное предложение было сделано и нам английским послом в Петербурге. Эренталь находит, что Россия, Италия и Австрия, в качестве соседних держав, более всего заинтересованы в вопросе Ближнего Востока и должны стараться согласовать свои действия. Сан-Джулиано дал знать Эренталю, что он вполне разделяет его взгляд и отвечал в этом смысле Грею. Министр иностранных дел желал бы знать мнение нашего правительства [1].

Гирс.

№ 136. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 419. 27/14 июня 1911 г.

Копия в Цетинье.

Получил телеграмму № 774 [2]. Ссылаюсь на телеграмму Арсеньева № 70 [3]. Заявление короля Николая посланникам [4] о своем миролюбии и готовности следовать советам держав произвело здесь наилучшее впечатление и сняло с короля ответственность за исход турецко-албанских переговоров. Это тем более своевременно, что сегодня австрийский посол сам заявил черногорскому посланнику, что исход этот зависит от Черногории. Подчинившись советам держав, король установил как бы медиацию их между Черногорией и Турцией в случае предъявления новых турецких обвинений под влиянием инсинуаций венского кабинета. Последние однако едва ли будут иметь здесь теперь успех, ибо Австро-Венгрия вступается все решительнее за албанцев. Паллавичини сказал мне сегодня, что Порта проявила по случаю пребывания султана в Албании недостаточно внимания и благосклонности к албанцам. Так, султану следовало бы произнести речь на албанском языке и вообще быть более милостивым. Заступничество Австрии за албанцев [5] крайне неприятно туркам, и министр иностранных дел в разговоре со мной с горечью подчеркнул, что Коссовская прокламация султана [6]

---

[1] Ответной тел. от 30/17 июня за № 797 Нератов сообщал Н. Гирсу, что точка зрения росс. прав-ва изложена в тел. от 27/14 июня за № 784 и от 29/16 июня за № 790 (см. №№ 132 и 139).

[2] См. стр. 140, прим. 2.

[3] См. стр. 117, прим. 1.

[4] Тел. от 23/10 июня за № 79 С. Арсеньев сообщил: «Сегодня король пригласил к себе одновременно всех посланников и заявил им о своем миролюбии и готовности следовать советам держав. По предложению короля черногорского завтра турецкий посланник поедет в Подгорицу для разъяснения албанским главарям условия амнистии».

[5] См. №№ 98 и 101.

[6] См. № 104.

была вполне самостоятельным актом турок, «хотя ее стараются приписать иноземному воздействию». Смею думать, что при таком обороте дела нам и Черногории очень выгодно тщательно придерживаться заявленного королем Николаем посланникам миролюбивого образа действий, предоставляя Австро-Венгрии втянуться в конфликт с турками из-за албанцев, которые все-таки будут видеть не в ней, а в короле Николае, поддерживаемом Россией, своего искреннего друга и покровителя.

Чарыков.

№ 137. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 129 [1]. 28/15 июня 1911 г.

Personnel.

Reçu le télégramme № 684 [2].

Je développerai points de vue énoncés dès que reverrai Grey. Mais je puis vous dire de suite que Grey croit que le danger de guerre, malgré la bonne intention du roi de Monténégro et aussi le désir de la Porte de l'éviter, est pressant au point que l'intervention des Puissances seule le conjure. Il regarde les difficultés entre les Turcs et les Albanais comme insolubles non seulement en pratique mais même en principe, attendu qu'il y a du vrai dans les arguments albanais sans que les arguments turcs soient privés de tout fondement. Il en conclut que la force des armes devra en décider par rapport impossibilité pour le Monténégro de rester longtemps neutre. Je ne crois pas qu'il conteste les deux points de vue énoncés dans votre télégramme, mais pensera qu'il est trop tard pour procéder aussi méthodiquement; Lowther auquel j'en ai parlé hier me dit qu'il ne croit pas possible que le gouvernement turc admette les privilèges albanais au point nécessaire pour calmer la situation. Il croit le courant contraire trop fort en Turquie [3].

Benckendorff.

Перевод.

Лично.

Получил телеграмму № 684.

Я изложу Грею указанные точки зрения, как только снова увижусь с ним. Но уже теперь могу вам сказать, что, по мнению Грея, опасность войны настолько серьезна, что, несмотря на добрые намерения черногорского короля, а также на желание Порты избежать войны, предотвратить ее может лишь вмешательство держав. Существующие между турками и албанцами затруднения он считает не только практически, но и принципиально неразрешимыми, потому что доводы албанцев до известной степени справедливы, но и доводы турок не совсем лишены основания. Отсюда он заключает, что спор должен будет разрешиться силой оружия, ввиду невозможности для Черногории оставаться долгое время нейтральной. Я не думаю, что он будет оспаривать обе точки зрения, изложенные в вашей телеграмме, но он скажет, что уже слишком поздно действовать столь последовательно. Лоутер, с которым я говорил об этом вчера, сказал мне, что он не считает возможным, чтобы турецкое правительство согласилось дать привилегии албанцам в тех пределах, в которых это необходимо для водворения спокойствия. Он думает, что противоположное течение в Турции слишком сильно.

Бенкендорф.

№ 138. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 28/15 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Имею честь представить при сем на усмотрение вашего превосходительства любезно предоставленную мне великобританским посланником копию с договора

[1] Царск. экз.

[2] Очевидно ошибка. Тел. за № 684 датирована 3 июня/21 мая и адресована в Тегеран. Возможно имеется в виду тел. за № 784 от 27/14 июня (см. № 132).

[3] Ответной тел. от 30/17 июня за № 802 Нератов сообщил Бенкендорфу: «По сведениям, полученным нами непосредственно от Гирса и чрез посредство О'Берна, явствует, что ни в Вене, ни в Берлине, ни в Риме не склонны на совместное выступление в Константинополе по албанским делам, считая таковое равносильным возобновлению системы вмешательства во внутренние дела Турции, оставленной после переворота 1908 года».

о займе в 1 250 000 ф. ст., заключенного 8 мая/25 апреля с. г. между персидским правительством и Шахиншахским банком [1].

Заем этот предназначен прежде всего для покрытия долга персидского правительства Шахиншахскому банку, который составляет в настоящее время сумму около 610 000 ф. ст. Так как персидское правительство, на основании условий контракта, получит по $87^1/_2$ за 100, то посредством займа в его пользу очистится всего около 1 093 000 ф. ст., а чистых, за погашением вышеозначенного долга, около 483 000 ф. ст. Впрочем, по имеющимся у меня сведениям, персидское правительство уже взяло авансом у Шахиншахского банка, в счет нового займа, более 100 000 ф. ст.

Цена займа мне кажется чрезмерно высокой, по сравнению с кредитоспособностью Персии, и ее можно объяснить лишь конкуренцией по отношению к этой операции, неожиданно встреченной Шахиншахским банком в лице банкирского дома Зелигмана, и желанием первого добиться во что бы то ни стало контракта на заем. Шахиншахский банк принял на себя все расходы по производству этой операции и обязался также покрыть старинную претензию лондонской биржи к персидскому правительству за мошенничество, совершенное одним из персидских посланников в Лондоне в связи с предполагавшимся в то время выпуском персидских лотерейных билетов на тамошней бирже. Претензия эта определялась ранее в 30 000 ф. ст., но, кажется, Шахиншахскому банку удалось погасить ее гораздо дешевле. Несмотря на это, расходы по реализации займа представляются довольно значительными и для обеспечения себе приличной материальной выгоды Шахиншахскому банку придется выпустить на рынок заем не ниже 95 за 100, каковая цена несомненно является ненормальной для персидского 5% займа. Пребывающий здесь представитель Зелигмана полковник Беддос уверяет, что по такой цене и при наличности неблагоприятных сведений о внутреннем положении Персии заем в Лондоне успеха иметь не будет и что Шахиншахскому банку придется даже оставить за собой часть займа, предназначенную для выкупа прошлогоднего консолидированного и конвертированного долга.

Во всяком случае заем еще не выпущен, и можно думать, что Шахиншахский банк выжидает более благоприятного для этого момента. Официальным же предлогом задержки банк выставляет тревожное настроение лондонского рынка, вызванное крахом банка Биркбека.

Одно из условий договора предусматривает, что банк обязан предоставить в распоряжение персидского правительства реализованные посредством займа деньги не позже 3 месяцев по подписании договора, т. е. не позже 8 будущего августа н. ст. Так как заем еще не выпущен и подписка на него будет вноситься не сразу, то Шахиншахский банк затрудняется пока точно определить срок, когда им будет внесена в тифлисское казначейство сумма в 360 395 рублей за купленное у нас персидским правительством оружие. Однако банк принял к сведению предъявленный ему императорской миссией приказ шахского правительства об уплате этих денег, и директор банка заверил меня, что платеж будет произведен не позже 8 августа н. ст.

Вашему превосходительству уже известны из телеграфных моих донесений и из «обзоров событий», составляемых первым драгоманом вверенной мне миссии, те мытарства, через которые проекту этого займа пришлось пройти в меджлисе. Внесенный в конце прошлого года прежним кабинетом проект этот остался долгое время без движения вследствие оппозиции умеренного большинства, не желавшего допустить, чтобы столь значительные денежные ресурсы попали в руки националистов. Последние же старались повторить ту же игру по отношению к кабинету Сепехдара, причем, не имея возможности бороться с парламентским большинством по поводу самого принципа займа, они чинили всевозможные препятствия в отношении расходной сметы займа и способов его контролирования. Регенту и министерству стоило неимоверных усилий успешно провести первый из этих вопросов; что же касается до контроля над займом, то финансовая ко-

[1] Приложение не воспроизводится.

миссия меджлиса высказалась за поручение его особой комиссии из 8 европейских и 7 персидских чиновников, причем выработка и обсуждение программы действий подобной комиссии могли затянуться очень долго.

Приезд американских советников сразу подвинул решение этого вопроса. Со свойственной его соотечественникам решимостью и энергией г. Морган Шустер предложил меджлису отменить предположение о вышеупомянутой комиссии и всецело поручить контроль над расходованием полученных посредством займа денег министру финансов под наблюдением старшего американского советника. Находящийся под влиянием трудно объяснимого американского гипноза меджлис единогласно принял предложение г. Шустера, которому вскоре после этого были также предоставлены самые широкие полномочия по министерству финансов, о чем я имел честь донести в секретной телеграмме моей от [14] 1 июня № 450 [1].

Примите и пр.

С. Поклевский-Козелл.

№ 139. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 790 [2]. 29/16 июня 1911 г.

Сообщается в Париж, Берлин, Вену, Рим, Константинополь и Цетинье.

Дополнение моего № 784 [3].

О'Берн передал мне циркуляр Грея, в коем, основываясь на обращении албанцев к великобританскому правительству с просьбой довести об их положении до сведения держав, министр высказывает готовность, в случае аналогичных действий других держав, заявить Порте чрез посла в Константинополе о желательности, чтобы турецкое правительство дало амнистию, гарантировало свободу сложившим оружие и исполнило желание албанцев относительно школ, языка и денег на улучшение путей сообщения.

Лишь при этих условиях державы могли бы употребить свое влияние к прекращению восстания.

Я ответил, что эти пожелания вероятно будут приняты Портой, уже заявившей в этом смысле готовность, но, не зная подробностей албанского обращения, сомневаюсь, чтобы эти гарантии удовлетворили восставших. Поэтому обращение в Константинополь я считаю пока не сулящим успеха, хотя мы и готовы к нему присоединиться в случае общего согласия остальных держав.

Нератов.

№ 140. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 29/16 июня 1911 г.

Monsieur le Gérant,

J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre que votre excellence a bien voulu m'adresser en date du [15] 2 juin sub N 680 [4], concernant une réponse à donner au Dalaï Lama.

---

[1] См. № 103.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 107, N 408.

[3] См. № 132.

[4] См. стр. 114, прим. 1.

В тел. от 30/17 июня за № 805 Нератов сообщал Бенкендорфу о намерении Географического общества снарядить в ближайшем будущем научную экспедицию в Тибет с полковником Козловым во главе, и запрашивал мнение Бенкендорфа о том, «какое впечатление произведет посылка экспедиции на английские правящие круги, в связи с начатыми нами объяснениями по поводу письма далай-ламы».

Тел. от 1 июля/18 июня за № 132 Бенкендорф ответил: «Ввиду того, что в письме далай-ламы выражается пожелание, чтобы за отсутствием консульских представителей была послана научная экспедиция, то последняя будет рассматриваться здесь, как результат этого желания, что придает ей политический характер». «Мне кажется, — продолжал Бенкендорф, —

Avant de m'acquitter des instructions contenues dans cette lettre je crois devoir vous transmettre quelques considérations destinées à éclaircir le point de vue du gouvernement britannique dans la phase actuelle des affaires du Thibet.

L'Angleterre voit certainement de mauvais œil les progrès chinois dans ce pays. Elle tient à ce qu'il conserve une sorte d'autonomie. Mais le gouvernement anglais ne croit pas que le Dalaï Lama puisse utilement servir à cela. Il y a pour cela plusieurs raisons, mais l'une des principales est que son manque d'énergie et de courage personnel seront toujours un obstacle à ce qu'il se maintienne solidement. L'opinion est que sa popularité est contestée et qu'il n'a que peu d'influence sur les sujets bouddhistes de l'Empire des Indes.

Réfugié sur territoire britannique, il est libre d'y rester; on ne s'opposerait pas catégoriquement à son départ, mais on n'encouragera d'aucune façon, on découragera au contraire par tous les moyens possibles tout projet de visite à Londres, parce que l'on considère que de l'y laisser venir constituerait une sorte d'engagement de traiter avec lui directement de son retour à Lhassa, question dans laquelle le gouvernement britannique ne veut se mêler ni directement ni même indirectement.

Je crois, pour ma part, qu'il en serait de même pour le gouvernement impérial, et à plus forte raison, s'il obtenait l'autorisation de venir à Pétersbourg sans aller à Londres. L'engagement serait plus direct, surtout à considérer les questions que dans sa lettre le prélat compte entamer.

Elles me paraissent toutes contraires à l'esprit de la convention et en grande partie prévues par le préambule et les trois premiers articles.

Négocier avec lui soit en Russie même, soit par correspondance alors qu'il se trouve sur territoire britannique et quand le Cabinet de Londres s'y refuse de son côté, ne me paraît pas possible et, d'ailleurs, ne pourrait rester que sans résultat pratique. Le refus et les motifs du refus du Cabinet de Londres se trouvent mentionnés dans les réponses anglaises aux communications thibétaines. On y met spécialement en avant les traités passés avec la Russie et la Chine qui rendent inutile le voyage à Londres.

Il me semble qu'une réponse de notre auguste maître ne pourrait en substance être basée que sur les mêmes principes et ne pourrait que conclure avec tous les ménagements nécessaires au conseil de ne pas venir à Pétersbourg.

Bien entendu je partage entièrement les vues exprimées dans la lettre de votre excellence qu'il est essentiel de continuer à rester en contact amical avec le Cabinet de Londres au sujet de cette question. Je crois même que le texte de la convention nous en fait une obligation.

Mais négocier sur le sort futur du Dalaï Lama, ce qui admettrait l'éventualité d'une ingérence directe dans les affaires du Thibet à laquelle le Cabinet de Londres se refuse, me paraît une tentative destinée à un échec, par conséquence plutôt nuisible; le Dalaï Lama n'y gagnerait rien, et nos rapports avec l'Angleterre pourraient en souffrir.

я не ошибаюсь, предвидя, что английское правительство попросит нас отказаться в данный момент от этой экспедиции». «Вообще я думаю, — сообщал Бенкендорф, — что переписка с далай-ламой и недавние сношения с ним делают отправку экспедиции в настоящий момент нецелесообразной и могут отозваться неблагоприятно даже на ходе дел в Персии».

В письме от 27/14 июля за № 827 Нератов сообщил Бенкендорфу: «Мы, конечно, могли бы сделать уступку великобританскому правительству, так как настоятельной надобности в организации теперь же экспедиции не ощущается, но для нас важно, чтобы Англия оценила отказ от нашего предположения именно как уступку, ибо это связало бы и ее свободу действий в аналогичных обстоятельствах». Относительно ответа далай-ламе Нератов разделял мнение Бенкендорфа, что этот ответ должен быть составлен в «любезно уклончивой форме», что не исключало, по мнению Нератова, объяснений с англ. прав-вом по вопросам, затронутым в письме далай-ламы. «Мы получили бы таким образом, — писал Нератов, — может быть более определенное представление об отношениях Англии к теперешнему фазису тибетских дел и, кроме того, могли бы придать нашей готовности дать советы умеренности далай-ламе характер известной любезности по отношению к великобританскому правительству».

В письме от 2 авг./20 июля Бенкендорф ответил, что он намерен приступить к объяснениям с англ. прав-вом по вопросу о научной экспедиции в Тибет, «когда в Персии и в других странах восстановится нормальное положение».

La réponse du Cabinet de Londres me paraît toute indiquée. On nous dira que, le jour où la situation à Lhassa même permettra la restauration du Dalaï Lama, le gouvernement britannique ne s'y opposera en aucune façon, mais que de la forcer par une action directe sur le Thibet et par une pression sur la Chine ne peut entrer dans ses vues; ceci revient à dire que si nous entrons seuls dans cette voie, nous lui créerons de graves difficultés et cela est certainement contraire à l'esprit de la convention.

Sur la base de ce qui précède, discuter avec le Cabinet de Londres la substance sinon le texte de notre réponse me semblerait peu motivé.

Il me semblerait plus indiqué et plus simple de nous borner à aviser le gouvernement britannique que l'empereur, pas plus que le gouvernement des Indes, ne saurait laisser les missives du prélat thibétain sans réponse aucune, mais que, vu la circonstance qu'il se trouve réfugié sur territoire britannique et attendu qu'il s'agit des affaires intérieures du Thibet, le Cabinet impérial croit devoir communiquer au Cabinet de Londres la substance de la lettre du Dalaï Lama et notre réponse. Pour ce qui est de la substance de cette réponse, elle me paraît toute indiquée par les circonstances, comme j'ai eu l'honneur de m'en expliquer.

La marche que je me permets de proposer me semble d'autant plus indiquée que, votre excellence le sait, je ne saurais me départir de la conviction que le gouvernement des Indes est parfaitement au courant des agissements du Dalaï Lama, ce qui rend impossible d'agir à son insu. Le tenter sur territoire britannique même constituerait, il me semble, un procédé dont le Cabinet de Londres aurait lieu de se plaindre et de s'inquiéter.

Veuillez agréer, etc. **Benckendorff.**

Перевод.

Г. управляющий,

Я имел честь получить письмо вашего превосходительства от [15]2 июня за № 680 относительно ответа, который следует дать далай-ламе.

Прежде чем выполнить инструкции, содержащиеся в этом письме, я считаю своим долгом передать вам некоторые соображения, имеющие целью объяснить точку зрения английского правительства на настоящую стадию тибетского вопроса.

Англия, конечно, с неудовольствием наблюдает за успехами китайцев в этой стране. Она дорожит тем, чтобы сохранилась некоторого рода автономия. Но она не думает, что далай-лама может быть полезным в этом отношении. К тому есть много причин, но одной из главных является то, что отсутствие у него энергии и личного мужества будет всегда препятствием к упрочению его положения. Господствует мнение, что его популярность спорна и что он имеет лишь малое влияние на буддистов — подданных индийской империи.

Эмигрировав на английскую территорию, он может там оставаться; против его отъезда не возражали бы категорически, но никоим образом не будут поощрять, наоборот, будут всеми возможными средствами противиться всякому проекту посетить Лондон, так как полагают, что позволить ему приехать сюда значило бы взять на себя нечто вроде обязательства вести непосредственно с ним переговоры по вопросу об его возвращении в Лхассу — вопросу, в который английское правительство не желает вмешиваться ни прямо, ни даже косвенно.

Я думаю, что так же дело обстояло бы и для императорского правительства, тем более, если бы он [далай-лама] получил разрешение прибыть в Петербург, не отправившись в Лондон. Обязательство было бы более определенным, в особенности, если принять во внимание вопросы, которые первосвященник, как он говорит в своем письме, рассчитывает поднять.

Мне кажется, что все они противоречат духу конвенции и в большинстве предусмотрены во введении и в трех первых статьях.

Вести с ним переговоры либо в самой России, либо путем переписки в то время, когда он находится на английской территории и когда лондонский кабинет со своей стороны отказывается от переговоров, мне кажется невозможным, и к тому же это не может иметь практических результатов. Отказ и причины отказа лондонского кабинета указаны в английских ответах на тибетские сообщения. Там особенно подчеркиваются заключенные с Россией и Китаем соглашения, делающие бесполезной поездку в Лондон.

Мне кажется, что ответ нашего августейшего государя мог бы по существу базироваться лишь на тех же самых принципах и мог бы лишь содержать выраженный со всей необходимой осторожностью совет не приезжать в Петербург.

Разумеется, я целиком разделяю взгляд, высказанный в письме вашего превосходительства, что главное — это продолжать сохранять в этом вопросе дружеский контакт с лондонским кабинетом. Я думаю даже, что текст конвенции обязывает нас к этому.

Но вести переговоры о будущей судьбе далай-ламы, предполагающие возможность прямого вмешательства в тибетские дела, от чего лондонский кабинет отказывается, кажется

мне попыткой, обреченной на неудачу и, следовательно, скорее вредной. Далай-лама от этого не выиграет, а наши отношения с Англией могут пострадать.

Ответ лондонского кабинета мне кажется вполне ясным. Нам скажут, что в тот день, когда положение в самой Лхассе позволит восстановление далай-ламы, английское правительство никоим образом не будет этому препятствовать, но что в его виды не может входить намерение форсировать это путем прямого воздействия на Тибет или путем давления на Китай; другими словами, если бы мы одни захотели вступить на этот путь, то мы создали бы лондонскому кабинету серьезные затруднения, а это, конечно, противоречило бы духу конвенции.

На основании сказанного выше, я полагал бы, что обсуждение с лондонским кабинетом сущности, если не самого текста, нашего ответа было бы плохо мотивировано.

Мне казалось бы более уместным и более простым ограничиться сообщением английскому правительству, что император, так же как и правительство Индии, не может оставить без всякого ответа письма тибетского первосвященника, но ввиду того, что последний нашел себе убежище на английской территории и что речь идет о внутренних делах Тибета, императорский кабинет считает своим долгом сообщить лондонскому кабинету сущность письма далай-ламы и наш ответ. Что касается сущности этого ответа, то, как я уже имел честь объяснить, она кажется мне вполне вытекающей из обстоятельств.

Путь, который я позволяю себе предложить, мне кажется тем более уместным, что, как вашему превосходительству известно, я не могу отказаться от убеждения, что правительство Индии прекрасно осведомлено о действиях далай-ламы, а это не дает возможности действовать без его [правительства] ведома. Пытаться делать это на английской территории явилось бы, мне кажется, образом действий, по поводу которого лондонский кабинет имел бы основание сетовать и беспокоиться.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 141. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 24. 29/16 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В письме моем от [3 июня] 21 мая я коснулся вопроса о выступлении нашем в Константинополе в предупреждение столкновения между Турцией и Черногорией [1].

Последующие события блестящим образом оправдали наш шаг. Появившееся вскоре затем сообщение «Fremdenblatt» [2] в защиту албанцев и дипломатические шаги Австрии в том же направлении, — весьма осторожные, но не двусмысленные, — все это бесспорно оправдало и освятило наше выступление в защиту даже, быть может, и *не* угрожаемой Черногории.

В 1848 году, во время уличной революции в Вене, русский посланник граф Медем велел поднять русский флаг на здании посольства; к нему прибежали из ратуши умолять, чтобы флаг был снова спущен, так как революционеры грозили «разнести гнездо царизма и реакции».

«Die Fahne bleibt, — отвечал глубоко возмущенный Медем. — Sie bleibt, damit der Pöbel gut wisse, wo die Wiener-Schweinerei aufhört und wo Russland anfängt» [3]. Вот именно подобное напоминание о том, что существует Россия и что терпению и миролюбию ее есть известный предел — действует подчас весьма благотворно и отрезвляюще на турок, персов и тому подобных и содействует — буде оно преподнесено в благоприятный момент — сохранению мира и спокойствия.

К тому же для нас оказалось гораздо более выгодным выступить первыми в защиту мира, нежели сделать это после и как бы в подражание Вены.

Таким именно образом это и поняли здесь.

Что же касается нового выступления Австрии в защиту албанцев, то здесь объясняют себе это выступление совершенно так же, как понимает его и наша политическая печать:

«Австро-Венгрия постоянно стремилась к Салоникам; она однако не искала достигнуть этой заветной цели путем земельных приращений, ибо отнюдь не желала увеличивать числа своих славянских подданных, да и опасалась решитель-

[1] В письме от 3 июня/21 мая Неклюдов указывал, что объяснения, данные Чарыковым в К-поле (см. №№ 27 и 43), произвели в Софии «значительное» и «благоприятное» впечатление.

[2] См. №№ 98, 101, 102 и 114.

[3] «Флаг останется. Он останется, чтобы чернь хорошо знала, где кончается венское свинство и начинается Россия».

ного порицания Берлина; но в то же время она не допускала и мысли о захвате Македонии государством, не находящимся всецело в орбите австро-венгерской политики; ныне исход из всех этих затруднений найден: создается автономная Албания и притом не просто Албания, а «Greater Albania», т. е. заключающая в себе и Старую Сербию с Санджаком, и Битолию, и Ускюб с долиной Вардара; а Македония (вероятно, тоже in spe автономная) сводится к долине Струмы и к небольшому кусочку земли между Салониками и Воденой; эта автономная и «увеличенная» Албания будет, разумеется, под полным влиянием Австрии, и, во всяком случае, главным препятствием для захвата долины Вардара Болгарией».

Верно ли или неверно подобное объяснение, нам во всяком случае не след его здесь оспаривать. Боязнь быть отрезанными от долины Вардара и от Солуни, к обладанию коими болгары столь непреклонно стремятся, заставит их усиленно дорожить нашей дружбой и следовать нашим благоразумным советам. С другой стороны, не следует однако и слишком запугивать Болгарию перспективой албанской опасности, ибо это могло бы заставить их, очертя голову, ускорить и вызвать самые нежелательные события.

Можно — и вполне искренно — успокаивать их тем соображением, что образование автономной «Великой Албании» еще не так близко. В нынешнем году, под давлением событий, Порта немедленно послушалась австрийских настоятельных советов и выразила готовность предоставить малиссорам «права наиболее благоприятствуемых мятежников». Но подобная покладистость может просто-на-просто привести к тому, что в будущем году вспыхнет новое восстание в какой-либо другой части Албании. С другой стороны, турки все-таки довольно озабочены фактом успешного чужого вмешательства в их внутренние распорядки, как бы мягко и тактично ни было обставлено это вмешательство; вот почему, если в Болгарии восторжествует мнение Гешова и его друзей, что хорошие отношения с Портой и прекращение четнического движения в Македонии необходимы именно для успеха мирной болгарской пропаганды, то турки, сравнив поведение болгар с поведением арнаутов, едва ли будут склонны отдать сим последним «на поток и разграбление» славянское население македонских вилайетов.

После завтрака у короля Фердинанда в день открытия Великого народного собрания [1] я имел с его величеством первую мою политическую беседу. Король заговорил со мной именно о нашем выступлении в пользу Черногории и перешел затем к албанскому вопросу, высказывая не малую тревогу свою по поводу назревающих событий. Я счел своим долгом отвечать его величеству именно в вышеизложенном смысле, признавая идею «Великой Албании» опасной для болгарских населений Македонии, но указывая и на то, что с этой опасностью возможно бороться и бороться мирным путем.

Примите и пр. Неклюдов.

№ 142. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

30/17 июня 1911 г.

В среду, [28] 15 июня, меня посетил прибывший с особым поручением от короля Николая бывший черногорский министр Лазарь Миушкович [2], представивший повергаемое у сего на всемилостивейшее воззрение вашего императорского величества письмо короля Николая [3].

Целью своего приезда г. Миушкович выставил желательность более подробного освещения нынешних событий в Албании и Черногории с местной точки зрения.

Указав прежде всего на причины, вызвавшие албанское восстание и сводящиеся к обвинению турок в неисполнении прежних обещаний в отношении ал-

[1] 22/9 июня.

[2] См. № 108 и стр. 118, прим. 1.

[3] В письме от 19/6 июня король черног. сообщал Нератову, что он посылает Миушковича, как человека, пользующегося его полным доверием, для поддержания более прямой связи между росс. и черног. прав-вами.

банцев, г. Миушкович изложил затем современное положение дела в следующем приблизительно смысле:

Черногория строго соблюдает нейтралитет. Главнейшие пункты обвинения против нее заключаются в том, что среди восставших замечались черногорцы и что существует, будто бы, непрерывное сообщение между восставшими в Албании и беглецами в Черногории. По сведениям черногорского правительства, число черногорцев, сражавшихся вместе с албанцами, едва ли превышает ничтожное количество 100 человек и то разновременно — с начала движения: это едва ли может быть сочтено за умысел со стороны Черногории. Что же касается сношений укрывшихся на черногорской территории, преимущественно женщин и детей, с восставшими, возможность таковых сношений весьма проблематична ввиду занятия 60 000 турецкой армией всей пограничной полосы против каких-нибудь 2 или 3 тысяч повстанцев.

По словам г. Миушковича, король Николай твердо решил не вызывать военного столкновения с Турцией, но вместе с тем не считает возможным уклониться от военного отпора, если со стороны турок будет сделан какой-либо агрессивный шаг против Черногории.

Если бы дело дошло до войны, то черногорское правительство будет рассчитывать на то, что Россия не откажет в некотором содействии, хотя бы в форме отрядов «Красного креста».

В течение беседы г. Миушкович коснулся и вопроса о будущем Албании. Считая чрезвычайно опасным продолжение анархии в этом крае, дающей удобный повод Австро-Венгрии и Италии ко вмешательству, черногорское правительство в то же время понимает неудобства, с точки зрения турецкого правительства, введения автономии в Албании. Поэтому желательны хотя бы некоторые только реформы, могущие дать развиться местным албанским элементам для образования впоследствии самоуправляющейся провинции, способной дать отпор какому-либо иноземному вмешательству.

Главной заботой для черногорского правительства является ныне вопрос о водворившихся в Черногории беглецах из Албании. У правительства нет средств для их содержания, а возвратиться на родину без серьезных гарантий относительно их будущности беглецы не желают. Разрешить этот вопрос без участия Европы, по мнению г. Миушковича, невозможно, но вместе с тем он впрочем признал, что результаты нынешних переговоров турок с албанскими вождями ему еще неизвестны.

В заключение г. Миушкович заявил, что ему поручено королем оставаться в Петербурге до выяснения политического положения.

Не входя с г. Миушковичем в обсуждение всех затронутых в беседе вопросов, как выходящих из рамок возможных к разрешению теперь же, я счел однако уместным обратить серьезное внимание черногорского посланца на крайнюю опасность для самого королевства недостаточно миролюбивой политики со стороны Черногории и риска ее единоличной борьбы с Турцией: ввиду же собственного признания г. Миушковичем желательности лишь постепенного преобразования управления Албании, умеренность и нейтральность Черногории представляется особенно необходимой.

Из заявлений г. Миушковича нельзя вывести заключения, что черногорское правительство решилось на более активную политику, но несколько шумливые газетные отчеты о беседах с ним заставляют относиться с большой осторожностью к его заверениям. С другой стороны, сообщенное из Цетинье известие о выезде министра-председателя Томановича в продолжительный отпуск также не является успокоительным, так как Томанович выказал себя скорее миролюбиво настроенным.

Поэтому в дальнейших сношениях с г. Миушковичем я предполагаю еще настойчивее советовать сдержанность в черногорской политике [1].

Нератов.

---

[1] При письме от 29/16 июня за № 390 Нератов препровождал С. Арсеньеву свое письмо Николаю черног., в котором заверял последнего, что немедленно доведет до сведения Ни-

№ 143. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 130. 30/17 июня 1911 г.

Nicolson me dit que Grey est très satisfait de la réponse que votre excellence a donné à O'Beirne à la communication des demandes albanaises [1]. Les réponses de la France et de l'Autriche sont indécises. L'Allemagne, tout en appréciant les motifs, décline la participation. La réponse italienne n'est pas encore parvenue. Tevfik Pacha [2] est venu chez Nicolson dire que le bruit de projets de démarches collectives des Puissances s'était répandu à Constantinople, et que le gouvernement turc en serait désagréablement affecté. Nicolson lui a répondu qu'un mémorandum albanais avait été communiqué par le Cabinet de Londres aux Puissances, et qu'à ce sujet il s'était établi une solidarité entre elles sans résolutions jusqu'à présent. Nicolson est très étonné de la rapidité avec laquelle cette information est parvenue à Constantinople.

Benckendorff.

Перевод.

Никольсон сказал мне, что Грей весьма удовлетворен ответом, данным вашим превосходительством О'Берну на сообщение албанских требований. Ответы Франции и Австрии неопределенные. Германия хотя и признает мотивы, отказывается от участия. Ответ Италии еще не получен. Тевфик-паша приходил к Никольсону, чтобы сказать, что в Константинополе распространились слухи о проекте коллективных шагов держав, и что турецкое правительство этим неприятно поражено. Никольсон ответил ему, что албанский меморандум был сообщен державам лондонским кабинетом, и что в этом вопросе между ними установилась солидарность, но решений пока не принято. Никольсон крайне удивлен быстротой, с какой это известие дошло до Константинополя.

Бенкендорф.

№ 144. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 1 июля/18 июня 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Par son télégramme en date du 30/17 juin [3] votre excellence a bien voulu m'informer des réponses des Puissances à la dernière démarche anglaise provoquée par le mémorandum albanais[4]. Sir A. Nicolson m'avait donné à peu près les mêmes renseignements, comme j'ai eu l'honneur d'en rendre compte par mon télégramme № 130 [5].

En réalité je doute un peu que Sir E. Grey se soit attendu à plus de succès et je suis tenté de croire que cette démarche en elle-même, à part un fond de sentiment humanitaire dont la réalité en Angleterre n'est pas douteuse, a eu des motifs plus parlementaires que politiques. Une forte agitation de presse pour le cas où la Turquie use de sa puissance militaire de façon par trop brutale, entraînerait certainement

---

колая II сообщение, переданное ему Миушковичем, и что миссия Миушковича встретит в м-ве ин. дел самый благожелательный прием. В письме Арсеньеву Нератов писал: «Не откажите воспользоваться случаем передачи этого письма, чтобы, уверив его величество в неослабном нашем внимании к нуждам Черногории, повторить настойчивый совет о возможно полнейшем невмешательстве в турецко-албанские усобицы» (далее в черновом отпуске зачеркнуто: «так как раз лишившись характера внутреннего турецкого дела и став на международную почву, албанский вопрос в дальнейшем своем развитии вряд ли послужит к выгоде славянства вообще и России и Черногории в частности»).

В ответном письме от 9 июля/26 июня за № 40 Арсеньев извещал Нератова о выполнении данного ему поручения.

[1] См. № 139.

[2] Турец. посол в Лондоне.

[3] Повидимому, имеется в виду тел. Нератова от 30/17 июня за № 802 (см. стр. 149, прим. 3).

[4] См. № 139.

[5] См. № 143.

un mouvement d'opinion publique d'autant plus violent que l'enthousiasme pour le nouveau régime en Turquie se trouve déjà sensiblement ébranlé.

Sir E. Grey, s'il n'eut rien fait, eût été violemment attaqué au sein du parlement, et si la guerre éclatait, ces attaques auraient mis le Cabinet en danger. Le ministre a voulu parer d'avance à ce danger et pouvoir en quelque sorte rejeter la responsabilité pour les événements sur d'autres Puissances, non pas la Russie pourtant, dont la réponse a fait bonne impression; on ne s'attendait pas à plus.

A côté de ce point de vue parlementaire le Cabinet de Londres est pourtant réellement inquiet, parce que dans l'opinion des ministres la situation est telle qu'il est difficile de prévoir une solution satisfaisante, — une solution qui puisse convenir au parti national turc au pouvoir et aux appétits albanais.

Les Albanais, choyés et distingués entre tous par nombre de faveurs et d'avantages du temps de l'ancien régime, se voient menacés de tout perdre et pour la première fois réellement en danger d'être soumis par la force.

L'insurrection qui n'est encore que partielle peut devenir générale et créer ainsi à la Turquie des difficultés militaires tout à fait exceptionnelles.

Le Monténégro, dont l'attitude correcte et pacifique est hautement appréciée, devra pourtant finalement se trouver dans une situation qui ne permettra guère de compter absolument sur sa neutralité.

D'un autre côté, et ceci est l'opinion personnelle très arrêtée de Sir G. Lowther, exiger des Turcs des concessions suffisantes pour pacifier l'Albanie — c'est exiger ce que la Turquie ne peut pas donner, — aucun gouvernement turc n'en aurait la puissance vis-à-vis de l'opinion publique turque.

Cette antithèse est la raison des inquiétudes manifestes à Londres.

Je crois que les vraies pensées de Sir E. Grey se révelaient moins dans sa démarche à toutes les Puissances au sujet du mémorandum albanais, que dans l'idée suggérée par lui de quelque entente, préalable et plus modeste dans sa forme, entre les Puissances plus directement intéressées.

Prévoyant, pour le cas de danger, que de mettre toutes les Puissances d'accord serait impossible, il lui paraissait que même celles d'entre elles qui y mettraient le moins de bonne volonté ne sauraient faire opposition directe à des bases élaborées par la Russie, l'Autriche-Hongrie et l'Italie, — trois Puissances dont les intérêts seraient le plus directement affectés et qui ont par conséquent plus de droit de parler que d'autres, et je ne serais pas étonné qu'en cas de nécessité pressante il revienne à son idée.

Il est probable que la pensée de Sir E. Grey n'est pas de provoquer une ingérence directe, mais plutôt de prévenir une ingérence subite de la part d'une des Puissances isolément.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Телеграммой от 30/17 июня ваше превосходительство сообщили мне ответы держав на последнее выступление Англии, вызванное албанским меморандумом. Сэр А. Никольсон сообщил мне приблизительно те же сведения, о чем я имел честь уведомить в моей телеграмме № 130.

В действительности я несколько сомневаюсь, чтобы сэр Э. Грей ожидал большего успеха, и я склонен думать, что это выступление само по себе — помимо соображений гуманности, наличие которых в Англии не подлежит сомнению — было вызвано причинами скорее парламентского, чем политического характера. Сильная агитация в прессе, в случае, если бы Турция слишком грубым образом воспользовалась своей военной силой, вызвала бы, конечно, в общественном мнении движение тем более бурное, что восхищение перед новым режимом Турции уже заметно ослабело.

Если бы сэр Э. Грей ничего не предпринял, он подвергся бы в парламенте яростным нападкам, и в случае войны эти нападки поставили бы кабинет в опасное положение. Министр хотел заранее предотвратить эту опасность и до некоторой степени переложить ответственность за события на другие державы, однако не на Россию, ответ которой произвел хорошее впечатление; большего здесь не ожидали.

Наряду с этой парламентской точкой зрения, лондонский кабинет однако действительно обеспокоен, так как по мнению министров положение таково, что трудно предвидеть

удовлетворительное решение, приемлемое и для стоящей у власти турецкой партии националистов, и для албанских аппетитов.

Албанцы, избалованные и поставленные в особое положение при прежнем режиме многочисленными льготами и привилегиями, находятся перед угрозой лишиться всего; впервые перед ними встала реальная опасность быть покоренными силой.

Восстание, пока что частичное, может сделаться всеобщим и создать таким образом совершенно исключительные военные затруднения для Турции.

Черногория, корректная и миролюбивая позиция которой высоко оценивается, в конце концов все же должна будет оказаться в положении, которое навряд ли позволит безусловно рассчитывать на ее нейтралитет.

С другой стороны — и это твердое личное убеждение сэра Дж. Лоутера — требовать от турок уступок, достаточных для того, чтобы умиротворить Албанию, значит требовать то, чего Турция дать не может. Никакое турецкое правительство не было бы в силах сделать это вопреки общественному мнению.

Это противоречие и является причиной явного беспокойства в Лондоне.

Я думаю, что подлинные взгляды сэра Э. Грея меньше сказались в его выступлении перед всеми державами по поводу албанского меморандума, чем в выдвинутой им идее какого-либо предварительного и более скромного по форме уговора между более непосредственно заинтересованными державами.

Предвидя, что в случае опасности было бы невозможно привести к соглашению все державы, он предполагает, что даже и те из них, которые проявят меньше всего доброй воли, не смогут оказать прямого сопротивления основам, выработанным Россией, Австро-Венгрией и Италией — тремя державами, интересы которых были бы наиболее непосредственно задеты и которые, следовательно, больше других имеют право голоса; я не удивлюсь, если в случае настоятельной необходимости он вернется к этой мысли.

Возможно, что сэр Э. Грей имеет в виду не вызвать непосредственное вмешательство, но скорее предупредить внезапное и изолированное вмешательство со стороны одной из держав.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 145. Поверенный в делах в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 70. 1 июля/18 июня 1911 г.

Секретно.

Получил доверительное сообщение, что германский посол фон Шен уведомил сегодня французского министра иностранных дел о решении германского правительства отправить в марокккский порт Агадир канонерку для охраны интересов германских торговцев в названном крае. Г. де Сельв [1], приняв это сообщение к сведению, воздержался, будто бы, от какого-либо ответа по этому делу.

Демидов.

№ 146. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 92. 1 июля/18 июня 1911 г.

Сейчас посетил меня Пашич с целью выяснить настоящее положение. Министерский кризис вызван столкновением между министром финансов Протичем и министром публичных работ Продановичем по второстепенному внутреннему делу о займе городской общины [2]. Признав себя обиженным, Протич подал в отставку. Все усилия Пашича примирить министров и удержать нынешнюю коалицию до новых октябрьских выборов потерпели неудачу. Это вынудило и Па-

---

[1] Де Сельв — м-р ин. дел в кабинете Кайо, составленном 28/15 июня 1911 г.

[2] В деп. от 4 июля/21 июня за № 41 Гартвиг указывал, что кампания против Пашича велась уже давно, но что ему удавалось до сих пор преодолевать все затруднения. «Тем досаднее представляется нынешнее совершенно неожиданное столкновение двух министров, повлекшее за собой кабинетный кризис». По мнению Гартвига, наиболее желательной комбинацией является, конечно, сохранение коалиционного министерства из двух названных (старо- и младо-радикальной) партий. В таком случае вероятным главой мог бы быть старый радикал Андре Николич».

шича, не пожелавшего ради престижа своей партии сохранить главенство в кабинете с другими министрами, подать в отставку, которая принята королем. Возможными комбинациями представляются следующие: составление кабинета прежде всего поручено будет председателю скупщины Николичу, который попытается удержать коалицию из старых и молодых радикалов. В случае неудачи за дело возьмется Протич, который ограничится, вероятно, призывом только старых радикалов. Утешительным является сознание обеими радикальными партиями необходимости, во чтобы то ни стало, благополучно разрешить кризис, дабы избежать преждевременного роспуска скупщины. Король будет совещаться с Николичем сегодня в течение дня[1].

Гартвиг.

№ 147. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо[2]. 2 июля/19 июня 1911 г.

Cher Анатолий Анатольевич,

Veuillez me permettre de condenser, avant de recevoir le courrier, quelques réflexions sur les affaires dont vous avez bien voulu me charger ces derniers jours et de les considérer au point de vue de la situation générale, — point de vue qui dans mon humble opinion doit finalement prévaloir.

Je parlerai d'abord du Thibet, de la correspondance avec le Dalaï Lama et du projet d'une expédition scientifique. Il ne peut y avoir de doute dans mon jugement que ces deux affaires ne pourront être considérées ailleurs qu'en Russie, c'est à dire en Angleterre, en Allemagne et en Orient, que comme le début d'un renouvellement de l'action politique russe au Thibet.

J'ai sondé Sir A. Nicolson sur le projet qu'un grand duc viendrait saluer le roi aux Indes, en donnant à cette idée le caractère d'une manifestation de solidarité de la politique russe et anglaise en Orient. Sir Arthur, appréciant cette idée, m'a dit qu'avant toute réponse il devait en référer au roi.

Mais il me paraît évident qu'avec les apparences d'un changement d'attitude de notre part au Thibet cette manifestation prendrait un caractère différent. Tout au moins y aurait-il quelque contradiction apparente entre ces deux ordres d'idées, nullement de nature à consolider la confiance mutuelle, en ce moment-ci plus que jamais nécessaire.

Bien entendu les affaires du Thibet, sans simplifier cette question pour l'Angleterre, pouvant même lui attirer quelques difficultés de plus, n'en resteront pas moins surtout symptomatiques.

Il en est déjà différemment de celle de la limite des eaux territoriales. Ni l'Angleterre, sans risquer de graves difficultés pour ses eaux à elle, ni nous, ne pouvant céder en principe, — reste ouverte la voie admise par les deux Puissances d'une conférence. Mais le danger d'un incident ne se trouve pas exclu; de cette façon nous refuser à la dernière suggestion anglaise de négocier un modus vivendi dans ce but me paraîtrait donner à cette question une importance directement politique qui, à l'égal et plus encore que notre attitude dans les affaires thibétaines, réagirait sur toute la situation.

Cette situation me semble singulièrement complexe et délicate.

Pour ma part, au fond de tout je vois la gigantesque force d'expansion de l'Allemagne qui entraîne son influence et fatalement son drapeau. Si la presse dit vrai, nous en avons une nouvelle preuve aujourd'hui même au Maroc. Cette force d'expan-

---

[1] В деп. от 5 июля/22 июня за № 43 Гартвиг сообщил об образовании кабинета из одних старо-радикалов. Гартвиг передавал, между прочим, сделанное ему Миловановичем (занявшим в новом кабинете пост премьер-м-ра и м-ра ин. дел) заявление, что «внешняя политика, руководимая как и прежде им самим, ни в чем не изменится». В заключение Гартвиг выражал сомнение в прочности нового кабинета. Он считал, что «ни одна из искусственных комбинаций при настоящих политических условиях в стране продержаться долго не может».

[2] На оригинале имеется помета: «Если это письмо будет литографироваться, то прошу место, где говорится о поездке вел. князя в Индию, выпустить. [15]2 июля 1911 г. В. Клемм».

sion n'implique nullement que le Cabinet de Berlin fasse de propos délibéré une politique aggressive; mais elle entraîne des contremesures de la part des autres Puissances, ce qui présente toujours un danger de conflit.

En Asie, au point de vue de ces circonstances, je ne vois d'autre ressource que de maintenir notre solidarité avec l'Angleterre.

La force d'expansion allemande est telle que d'espérer de sa part des concessions ne peut, je crois, amener que des déceptions.

C'est aussi le point de vue anglais et c'est pourquoi s'est manifestée à Londres l'inquiétude que vous connaissez lorsque nous avons promis de joindre par ligne ferrée Khanékin à Téhéran. On y a vu une favorisation des intérêts allemands non seulement au détriment des intérêts économiques russes, mais aussi des intérêts politiques communs et des intérêts plus spécialement anglais, déjà pressés dans le Midi et dans la vallée de l'Euphrate à un degré beaucoup plus fort qu'il n'est généralement connu. Dès lors l'Angleterre ne pouvait guère risquer que le Midi de la Perse reste ouvert à l'Allemagne et a dû s'efforcer de s'assurer des concessions possibles pour qu'elles ne soient pas à la portée de l'Allemagne. Ceci ne pouvait pas plaire chez nous plus que n'a plu en Angleterre la ligne Khanékin — Téhéran, — un résultat nullement défavorable à la politique allemande.

Une sorte de nuage s'est élévé alors dans l'accord anglo-russe qui pourtant a laissé intact l'essence et la solidité de cet accord.

Si pourtant de nouvelles incertitudes surgissaient à propos du Maroc au moment où la question de la limite des eaux territoriales n'est pas encore en voie d'accomodation, il s'ensuivrait un ébranlement dans nos rapports politiques avec l'Angleterre et, parvenant dans l'opinion publique, cela pourrait nous créer des difficultés sérieuses dans toutes les questions où nous sommes intéressés.

C'est ainsi qu'il faut considérer les rapports entre l'Angleterre et l'Allemagne. En réalité au point de vue politique il n'y a eu aucun changement; aucune tentative de négociation n'a amené aucun résultat.

Cette force d'expansion si évidente et si considérable en impose à l'Angleterre, et c'est cette force même qui sous maintes formes agit directement en Angleterre même dans le sens de la conciliation, avec le résultat que l'antagonisme national a certainement perdu sa forme aiguë.

Viennent contribuer encore à ce résultat les nombreuses visites ici de l'empereur Guillaume. Si on a trouvé le nombre de princes allemands assistant au couronnement un peu exagéré, tout de même le pays y a vu une courtoisie internationale à laquelle il est sensible.

S'il est vrai, comme le veut la presse, que l'empereur Guillaume ait reçu en audience Mr. Ramsay Macdonald — un des chefs du Labour party et socialiste déclaré, — un pareil fait, quels qu'aient été les motifs peut-être entièrement différents de l'empereur, ne peut manquer d'agir sur l'opinion du parti radical surtout, celui même au sein duquel l'agitation allemande est la plus nourrie et où elle enregistre le plus de succès.

A côté de cela le gouvernement est complètement ferme; mais je ne puis que vous signaler avec insistance quels effets réellement nuisibles pourrait avoir sur cette fermeté que de soulever des questions, à tout prendre moins directement importantes pour nous, comme celle du Thibet, ou de pousser à l'extrême, sans tentatives de conciliation pratique, des questions économiques, comme celles des pêcheries et de la limite des eaux territoriales, qui, dans mon opinion, doivent être reglées conformément à nos intérêts, mais sans nuire à notre situation politique.

Cette lettre, trop longue déjà, est loin d'épuiser le sujet; ce que je voulais surtout, c'est signaler combien la situation politique est délicate et combien elle pâtirait de toute initiative inattendue.

Toute ma responsabilité se trouve engagée à vous présenter le plus clairement possible sous quel jour les choses apparaissent à Londres.

Veuillez me croire, cher Анатолий Анатольевич, votre très sincèrement dévoué

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Позвольте мне до получения почты изложить некоторые соображения, касающиеся дел, которые вы благоволили поручить мне за последние дни, и рассмотреть их с точки зрения общего положения, точки зрения, которая, по моему скромному мнению, должна, в конечном счете, преобладать.

Буду сначала говорить о Тибете, о переписке с далай-ламой и о проекте научной экспедиции. Для меня несомненно, что повсюду кроме России, т. е. в Англии, Германии и на Востоке эти два дела не смогут не считаться началом возобновления русской политической деятельности в Тибете.

Я вондировал сэра А. Никольсона относительно проектируемой поездки одного из великих князей в Индию, чтобы приветствовать короля, придав этой мысли характер демонстрации солидарности русской и английской политики на Востоке. Сэр Артур, оценив эту мысль, сказал мне, что до сообщения какого бы то ни было ответа он должен испросить указаний от короля.

Но мне кажется очевидным, что, при малейших признаках изменения нашей позиции в Тибете, эта демонстрация примет иной характер. Во всяком случае имелось бы некое кажущееся противоречие между тем и другим порядком мыслей, которое нисколько не могло бы укрепить взаимное доверие, в настоящий момент необходимое более, чем когда бы то ни было.

Само собой понятно, что тибетские дела, которые не упрощают этого вопроса для Англии и могут даже создать для нее новые затруднения, будут иметь тем не менее попрежнему главным образом симптоматическое значение.

С вопросом о границе территориальных вод дело обстоит уже иначе. Так как ни Англия, без риска серьезных затруднений в отношении своих собственных вод, ни мы в принципе не можем уступить — то для обеих держав остается открытым лишь признанный обеими державами путь конференции. Но опасность инцидента не исключена; таким образом, отказаться от последнего предложения Англии о переговорах о modus vivendi с этой целью, значило бы, как мне кажется, придать этому вопросу непосредственное политическое значение, что так же, как и наша позиция в тибетских делах, и даже еще более, — отозвалось бы на общей ситуации.

Это положение мне представляется необычайно сложным и щекотливым.

Со своей стороны, в основе всего этого я вижу гигантскую силу экспансии Германии, влекущую за собой ее влияние и, неизбежно, появление ее флага. Если пресса говорит правду, то сейчас мы имеем новое доказательство этому в Марокко. Эта сила экспансии нисколько не означает, что берлинский кабинет намеренно ведет агрессивную политику, но она вызывает контрмеры со стороны других держав, а это всегда создает опасность конфликта.

В Азии, с точки зрения этих обстоятельств, я не вижу другого средства кроме сохранения нашей солидарности с Англией.

Сила экспансии Германии такова, что надежды на уступки с ее стороны могут привести, я думаю, только к разочарованию.

Такова также и английская точка зрения, и потому-то в Лондоне сказалось то беспокойство, о котором вы знаете, когда мы обещали связать железнодорожным путем Ханекен с Тегераном. В этом увидели благоприятствование германским интересам, в ущерб не только русским экономическим интересам, но и совместным политическим интересам и более специальным английским интересам, уже теснимым на Юге и в долине Евфрата в гораздо большей степени, чем это общеизвестно. В силу этого Англия не могла рисковать тем, чтобы Юг Персии остался открытым для Германии, и должна была пытаться обеспечить себе возможные концессии, чтобы они не были доступны для Германии. Нам это могло понравиться не больше, чем Англии понравилась линия Ханекен— Тегеран, результат отнюдь не вредный для германской политики.

Своего рода облако пронеслось тогда над англо-русским соглашением, не коснувшись однако сущности и прочности этого соглашения.

Если бы однако новые сомнения возникли по поводу Марокко в момент, когда вопрос границ территориальных вод еще не находится на пути к разрешению, это имело бы следствием ухудшение наших политических отношений с Англией, которое, став известным общественному мнению, могло бы создать нам серьезные затруднения во всех вопросах, в которых мы заинтересованы.

Вот как следует смотреть на отношения между Англией и Германией. В действительности с политической точки зрения нет никакой перемены; ни одна из попыток начать переговоры не дала никаких результатов.

Эта столь явная и столь значительная сила экспансии производит впечатление на Англию, и именно эта сила действует в различных видах непосредственно в самой Англии в примирительном смысле, с тем результатом, что национальный антагонизм несомненно утратил свою острую форму.

Этому результату содействуют многочисленные поездки сюда императора Вильгельма. Если количество германских принцев, присутствовавших на коронации, находили несколько преувеличенным, то все же страна увидела в этом проявление международной вежливости, которую она ценит.

Если правда, как утверждает пресса, что император Вильгельм принял в аудиенции г. Рамзея Макдональда, — одного из вождей рабочей партии и известного социалиста, — то каковы бы ни были, быть может совершенно иные мотивы, которыми руководствовался

император, подобный факт не может не повлиять на настроение, в особенности радикальной партии, той самой, среди которой германская агитация наиболее сильна и где она имеет наибольший успех.

Наряду с этим правительство занимает вполне твердую позицию, но я могу лишь настойчиво указать вам, какое действительно вредное влияние на твердость этой позиции мы оказали бы, поднимая вопросы, которые, как, например, вопрос о Тибете, для нас в общем счете не столь непосредственно важны, или обостряя, без попыток практически их уладить, экономические вопросы, как вопросы рыболовства и границ территориальных вод, которые, по моему мнению, должны быть урегулированы в соответствии с нашими интересами, но без нанесения ущерба нашему политическому положению.

Это письмо, и так чересчур длинное, далеко не исчерпывает тему; я хотел в особенности отметить, насколько политическое положение щекотливо и насколько оно пострадало бы от всякого неожиданного начинания.

Чувство моей полной ответственности требует, чтобы я изложил вам насколько возможно яснее, в каком свете события представляются в Лондоне.

Прошу вас, дорогой Анатолий Анатольевич, верить моей искренней преданности.

Бенкендорф.

№ 148. Поверенный в делах в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 70[1]. 2 июля/19 июня 1911 г.

Г. де Сельв, с которым я сегодня имел продолжительную беседу, просил меня передать императорскому правительству свои чувства искренней преданности союзу с Россией и привязанности к англо-французским сердечным отношениям. Министр был в высшей степени озабочен вчерашним заявлением г. фон Шена об отправке германской канонерки в Агадир под предлогом защиты интересов германских фирм, между тем как названный порт закрыт для иностранной торговли, и там, следовательно, купцы торгуют под собственным страхом и риском. Он выразил послу свое крайнее удивление по поводу столь неожиданного шага, тем более, что на недавнем свидании в Киссингене между Кидерлен-Вехтером и Камбоном первый ни словом не обмолвился о таком решении германского правительства, затрудняющем дальнейший обмен мнений по марокккским делам между парижским и берлинским кабинетами. На самом деле Камбон, только-что прибывший сюда, лишь вчера узнал о событии. Министр иностранных дел прибавил в разговоре с фон Шеном, что, по его мнению, германское выступление противоречит духу франко-германского соглашения 1909 года. Министр иностранных дел настоятельно просил меня ходатайствовать перед императорским правительством о предписании нашему послу в Берлине выразить Кидерлен-Вехтеру такое же удивление по поводу ничем не оправдываемого действия Германии. Здешней печати предписана возможно большая выдержка и объективность в оценке события. Со своей стороны, я просил министра иностранных дел держать меня в курсе дела и воспользовался случаем, чтобы ознакомить его с нашими пожеланиями в вопросе о китайском займе[2].

Демидов.

№ 149. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 42. 2 июля/19 июня 1911 г.

Не имев возможности видеть сегодня, в воскресенье, помощника статс-секретаря по иностранным делам, я не знаю был ли граф Пурталес уполномочен известить ваше превосходительство о неожиданной посылке германского военного судна «Пантера» в марокккский порт Агадир. Завтра надеюсь увидеть г. Циммермана и буду телеграфировать. Г. Кидерлен-Вехтер, только-что вернувшись из отпуска, выехал в четверг[3] вторично в отпуск на неопределенное время.

Остен-Сакен.

---

[1] Опубл. Stieve, I, S. 121, N 95. За этим же № 70 имеется еще одна тел. Демидова (см. № 145).
[2] См. №№ 105 и 130.
[3] 29/16 июня.

№ 150. Военный агент в Черногории начальнику генерального штаба Жилинскому.

Рапорт № 657. **2 июля/19 июня 1911 г.**

Секретно.

Вчера, [1 июля] 18 июня, около 8 часов вечера, королевский военный министр, бригадир Джурович, пришел ко мне по поручению короля и заявил, что его величество приказал всех рекрут, прибывающих утром [2 июля] 19 июня в пункты квартирования штабов всех четырех дивизий, снарядить в течение ближайших двух дней и отправить в Подгорицу, где и расположить лагерем, тылом к реке Мораче, близ развалин Диоклеи, в 20 минутах от города.

Тотчас поняв, что господарь за счет нашей субсидии желает лишь бряцать оружием и сосредоточивает рекрут в расстоянии получаса от албанской границы вовсе не для обучения, а для того, чтобы посылать их во всякое время и по всякому поводу на границу и тем беспокоить и смущать турок, я ответил военному министру, что так как пребывание рекрут в Подгорице, при нынешних политических обстоятельствах, не даст возможности вести правильно их обучение, расписанное мной не только по неделям, но по дням и даже по часам, и так как сосредоточение туда как самих рекрут, так и учебных принадлежностей, а равно и устройство в чистом поле лагеря для них потребуют по крайней мере 8—10 дней, которые будут совершенно потеряны для обучения (из периода всего лишь в 48 учебных дней); наконец, так как пребывание рекрут вблизи самого места албанских событий лишит меня возможности контролировать их обучение — и лично, и через инструкторов (ибо поездки и смотры русских полковников будут несомненно объяснены турками, как подготовка Россией черногорцев к нападению на них)— то я считаю, что, при условии сосредоточения всех рекрут в Подгорице, назначение нашей субсидии и наших инструкторов не будет выполнено, а потому я и попросил бригадира Джуровича доложить его величеству буквально нижеследующее:

«В случае сосредоточения всех рекрут в Подгорице я не могу ручаться, что расходы, сопряженные с их созывом, будут приняты русским правительством на счет субсидии. По поводу этого я должен буду испросить указаний своего начальства. Тем не менее господарь является хозяином в своей стране, и он может поступать, как ему угодно».

С этим моим ответом бригадир Джурович отправился к королю, но уже через 10 минут вернулся и сказал:

«Король поручил мне спросить вас, а если бы его величество пожелал собрать всех рекрут не в Подгорице, а на Ловчене, в Никшиче или в Грахове (т. е. на австрийской границе), были ли бы в таком случае приняты на счет русской субсидии все расходы по содержанию рекрут?»

На это я ответил:

«Доложите его величеству, что при нынешних мирных отношениях Черногории к Австрии сосредоточение рекрут для обучения в названных вами пунктах не могло бы встретить возражений, а, следовательно, и расходы по содержанию рекрут были бы беспрепятственно приняты на счет субсидии. Вот если бы то же самое было сделано вами в период аннексии Боснии и Герцеговины, то я не мог бы взять на себя обязательства, что русское правительство согласится содержать ваших рекрут на самой границе за счет субсидии. Что же касается вопроса о Подгорице, то очень возможно, что и при настоящих политических обстоятельствах русское правительство позволит мне принять содержание собранных там рекрут на счет субсидии, но решить этот вопрос самостоятельно я не имею права и должен предварительно испросить указаний моего начальства».

Бригадир Джурович удалился, но минут через 10 снова вернулся и передал мне следующее:

«Его величество сказал, что не нужно ни о чем запрашивать русское правительство, что расходы по содержанию в Подгорице всех рекрут он примет на свой личный счет *и что он через русское правительство потребует от вас отчета в том ответе, который вы ему дали через меня*».

Так как вопрос обострился, то я задержал бригадира Джуровича у себя и попросил его немедленно же занести на бумагу все наши переговоры с господарем и удостоверить затем своей подписью, что все как высказанное мной, так и переданное им, верно. К 10 часам вечера написанный мной в форме обращения к королевскому военному министру протокол был бригадиром Джуровичем подписан и ныне хранится у меня как документ.

Сегодня, [2 июля] 19 июня, около 9 часов утра, король попросил меня к себе в кабинет; не подавая, против обыкновения, руки, посадил меня против себя за письменный стол и спросил сердитым голосом, сердито поводя глазами:

— «Вам известно мое неоднократное заявление, что без одобрения русского правительства я не израсходую ни одного патрона?»

— «Известно, ваше величество»,— ответил я.

— «Достаточно вам этого?»— продолжал король.

— «Нет, не достаточно, ваше величество»,— спокойно ответил я.

Король выразил на лице удивление и спросил:

— «Чего же вам еще нужно?»

— «Мне нужно, ваше величество, чтобы выдаваемая Россией военная субсидия расходовалась строго по назначению и соответственно тем указаниям, которые удостоились одобрения его величества государя императора и которые преподаны мне моим начальством для точного выполнения».

— «Значит, по вашим инструкциям выходит, что сборы рекрут на Ловчене, в Грахове и в Никшиче могут быть произведены за счет русской субсидии, а в Подгорице не могут»,— язвительно спросил король.

— «Я не говорил, ваше величество, что «не могут»,— спокойно возразил я,— но что, ввиду нынешних политических обстоятельств, я должен предварительно запросить согласие на это императорского правительства. То же самое я должен был бы сделать и в случае сбора рекрут на австрийской границе в период кризиса из-за аннексии Боснии и Герцеговины».

— «А, вот как! Ну, и распоряжайтесь вашими деньгами, как хотите! Я предоставляю вашему усмотрению запрашивать или не запрашивать русское правительство, но вы мне не должны мешать собирать рекрут там, где я хочу. Не надо мне ваших денег: я приму все расходы на мой личный счет, и рекруты завтра же будут отправлены в Подгорицу».

— «Это как будет угодно вашему величеству. Я вчера еще заявил вашему военному министру, что вы — господарь в своей стране и можете делать, что вам угодно, но что я не имею права без согласия русского правительства принять расходы по этому сбору на счет субсидии».

— «Повторяю вам, что вы можете запрашивать или не запрашивать русское правительство, но рекруты будут отправлены в Подгорицу, хотя бы за мой личный счет. И подождите еще немного: я приму все меры, чтобы обойтись без вашей субсидии. Продам хоть половину своего государства, чтобы только не нуждаться в ваших деньгах».

Последнюю фразу господаря я имел уже не раз случай слышать раньше, а потому никакого впечатления она на меня не произвела, и я ответил на нее молчанием.

Господарь встал, и, вероятно, видя, что строгость его меня не берет, уже гораздо мягче заговорил:

— «Ну, хорошо, мы уладим этот вопрос. До свидания», — и подал мне руку.

Через четверть часа после этого разговора король послал за г. Арсеньевым, которому я успел уже подробно доложить о всем вышеизложенном. По окончании аудиенции г. Арсеньев зашел ко мне и сообщил, что король наговорил ему массу похвал по моему адресу; что он любит меня, как своего сына; что я оказал Черногории неоценимые услуги и что он хочет еще раз поговорить со мной, для чего я должен зайти к нему сегодня же пополудни, когда буду свободен. Далее, что в Подгорице будет собрано всего лишь 1 200 рекрут (я доказал г. Арсеньеву, что

не 1 200, а около 3 000) и что расположены они будут далеко от города (я доказал г. Арсеньеву, что лагерь будет находиться в 20 минутах ходьбы от Подгорицы и в получасе от албанской границы). Наконец, король подтвердил посланнику еще раз, что все расходы будут уплачены им из его личной шкатулки.

Ввиду этого последнего заявления короля, я попросил г. Арсеньева выдать из субсидии не 500 000 крон, как предполагалось раньше, считая необходимым дать некоторый аванс на расходы по содержанию рекрут, а лишь 400 000 крон [1]. Г. Арсеньев согласился.

Вследствие переданного мне г. Арсеньевым желания короля, я отправился к нему около 5 часов дня. Его величество принял меня в высшей степени любезно и, хотя выразил, что не помнит, зачем ему нужно было меня видеть, тем не менее усадил меня рядом с собой, угощал папиросами и черным кофе и более получаса говорил обо всем, кроме того вопроса, из-за которого вчера и сегодня у нас происходили столь неприятные объяснения. Наконец со словами: «au revoir, mon cher», его величество милостиво отпустил меня.

Донося о вышеизложенном, прошу ваше высокопревосходительство в случае необходимости не отказать снабдить меня указаниями по затронутому в сем рапорте вопросу [2].

Генерального штаба полковник Потапов.

№ 151. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 498 [3]. 2 июля/19 июня 1911 г.

№ 1.

Получил телеграмму № 782 [4].

Продолжающийся министерский кризис [5] и затруднительность приискания какого-либо исхода после внезапного отъезда Сепехдара убеждают здешнее общественное мнение в неработоспособности меджлиса и в трудности управления страной при его новом составе. На роспуск же меджлиса, на котором настаивает Сепехдар, трудно рассчитывать, так как регент не решается на подобную меру, не предусмотренную персидской конституцией. Между тем продолжение нынешнего безвластия на руку сторонникам Мохамед-Али-шаха, число коих за последнее время значительно возросло. Вследствие отсутствия власти, в провинциях положение ухудшается, и многие из них, по доходящим до меня сведениям, готовы вновь принять бывшего шаха. Из довольно достоверных источников меня также уверяют, что даже Сепехдар и бахтиары сочувствуют этому движению, в каковом случае оно имело бы серьезные шансы на успех. В этом вопросе нам, мне кажется, следует занять совершенно нейтральное положение, дабы, с одной стороны, при неуспехе этого движения не портить начинающих налаживаться отношений с нынешним режимом, с другой же стороны, наше вмешательство в пользу Мохамед-Али-шаха сделает положение последнего более трудным в случае возвращения его на престол и может поставить нас в неловкое положение, которое не позволит нам в достаточной мере учесть выгоды от нового порядка вещей в Персии.

Поклевский.

---

[1] См. № 131.

[2] На полях имеется помета: «Всеподдан[нейшую] записку. Су[хомлинов.]»

[3] Частично опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 183, со стилистическими изменениями.

[4] Тел. от 27/14 июня за № 782 Нератов запросил у Поклевского оценку общего положения дел в Персии и его «предположения относительно мер, которые могли бы быть приняты в Сабзеваре, Талышах, Серабе и Караджадаге, где события приняли опасный для русскоподданных характер».

[5] См. № 112.

№ 152. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 499 [1]. 2 июля/19 июня 1911 г.

№ 2.

Относительно происходящих ныне в некоторых провинциях беспорядков позволю себе заметить следующее: до сих пор наши большие и малые отряды вводились в Персию для предупреждения опасности для интересов русско-подданных, а потому появление наших войск сопровождалось всегда заявлением об их уводе по наступлении успокоения. Последнее действительно и наступало в местах расположения наших отрядов, и власть правительства укреплялась в данных местностях, но все же на общее положение Персии это не влияло решающим образом. Этим лишь задерживалась окончательная развязка, причем персидское правительство, несмотря на приносимую ему нашими отрядами пользу, искало перед персидским и европейским общественным мнением в их же присутствии объяснения царящего в Персии неустройства и оправдания своего личного неумения править страной. Ввиду вышеизложенного и для избежания значительных материальных жертв, я считал бы желательным не вводить пока никаких новых войск и дать разыграться событиям. Если по нашим настояниям здешнее правительство сумеет восстановить порядок, то этим оно докажет свою жизнеспособность. В противном случае при водворении в стране анархии наши войска надлежало бы, по моему мнению, ввести в угрожаемые пункты только при одном из двух условий: либо по просьбе шахского правительства и на основании предварительного с ним соглашения, обеспечивающего наши главнейшие интересы, либо же по нашему собственному усмотрению для подавления анархии, и в таком случае вступление наших отрядов должно сопровождаться предъявлением Персии некоторых условий ультимативного характера, которые обеспечивали бы установление в будущем более прочного порядка в стране. Подобная выжидательность с нашей стороны особенно облегчается, кажется, тем обстоятельством, что при беспорядках, носящих политический характер, стороны настолько боятся нашего вмешательства, что они всячески избегают посягательств на жизнь и имущество русско-подданных. Из представляемого на усмотрение вашего превосходительства плана действий я находил бы возможным сделать исключение для Сераба, играющего важную роль для нашего торгового движения в Азербайджане и который в прошлом году уже был занят нашими войсками. Относительно необходимости нового его занятия и определения подходящего для этого момента я считал бы нужным считаться с мнением наших консулов в Тавризе и Ардебиле, относительно же возможности его осуществления при нынешнем (составе) ардебильского отряда, компетентными судьями могут быть лишь наши военные власти.

Поклевский.

№ 153. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 500. 2 июля/19 июня 1911 г.

Меджлис все еще пытается вернуть Сепехдара в Тегеран. Кроме упомянутых в телеграмме Некрасова условий [2], Сепехдар потребовал также предоставления диктаторских полномочий регенту. Последний от этого отказался, несмотря на готовность большинства меджлиса согласиться на это условие. Два дня тому назад регент и меджлис вновь телеграфировали Сепехдару, предлагая ему остаться

---

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 183, со стилистическими изменениями, как продолжение тел. № 498 (см. № 151).

[2] Тел. от 24/11 июня (без номера) консул в Реште Некрасов сообщил Нератову: «Сепехдар выезжает завтра, просит передать вам, что из патриотизма он, где бы ни был, вернется в Персию при условии немедленного роспуска депутатов меджлиса и доставки через месяц из России тридцати тысяч ружей и соответствующего количества патронов».

у власти и обещали поддержку меджлиса и свободу выбора министров. Сепехдар медлит ответом и постоянно откладывает отъезд в Европу. Есть некоторое основание предполагать, что он нарочно придумывает разные предлоги, дабы сюда не возвращаться, а тем временем в Реште идут подготовления к государственному перевороту [1].

Поклевский.

№ 154. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 811 [2]. 3 июля/20 июня 1911 г.

Сообщается в Париж и Берлин.

Французский посол, по поручению своего правительства, вошел со мной в обмен мыслей по поводу положения, создавшегося решением германского правительства отправить в марокский порт Агадир военное судно для защиты германских подданных и интересов [3].

Французское правительство сознает серьезность дела и, видимо, колеблется. Я счел необходимым отметить некоторые стороны вопроса, требующие вдумчивого к себе отношения.

Раз Германия оповестила все державы о своем решении, нельзя рассчитывать на то, что она его отменит. С этим решением нужно, следовательно, считаться как с совершившимся фактом. Военная сторона меры представляет очевидно лишь второстепенное значение; смысл ее дипломатический — обеспечение политических интересов Германии ввиду последовавшего уже ранее нарушения Францией Алжесирасского акта; вероятно желание Германии завязать новые переговоры с Францией по марокскому вопросу, опираясь на существующий уже факт.

Из объяснений моих с Луи явствует, что Франция, быть может, решится послать свое военное судно в Могадор по соседству с Агадиром, дабы не оставить германской военной меры без ответа военной же мерой, оправдывая таковую простой необходимостью усилить полицию в Могадоре, в согласии с Алжесирасским актом. Что касается дипломатической стороны вопроса, Луи высказался в пользу постановки дела на международную почву, в чем я согласился с ним, а не на почву единоличных переговоров Франции с Германией, что, по моему мнению, представляло бы больше опасности как для мирного исхода, так и с точки зрения нашей прикосновенности к переговорам. Поэтому можно ожидать, что парижский кабинет положит в основание своего ответа в Берлин международные акты с последующими международными сношениями [4] и сообщит свой ответ всем прикосновенным к этим актам государствам. К возможности конференции Луи отнесся несочувственно.

Так как великобританское правительство близко[5] затрагивается настоящим вопросом, желательно тщательно согласовать нашу и английскую точку зрения.

Благоволите осведомиться и спешно телеграфировать взгляд лондонского кабинета [6].

[Нератов.]

---

[1] Тел. от 4 июля/21 июня за № 512 (опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 186) Поклевский сообщил Нератову: «Уступая настояниям меджлиса, Сепехдар выехал вчера вечером из Решта в Тегеран».

[2] Царск. экз. Опубл. Siebert, II, S. 108, N 409 (где датирована 2 июля/19 июня).

[3] См. № 145.

[4] У Siebert'a слова: «с последующими международными сношениями» опущены.

[5] У Siebert'a: «noch mehr als uns» («еще ближе, чем мы».)

[6] Тел. от 3 июля/20 июня за № 135 (№ 1) (опубл. Siebert, II, S. 111, N 411) Бенкендорф сообщил, что он передал содержание публикуемой тел. Никольсону, который «ответил, что считает вопрос достаточно серьезным для того, чтобы он обсуждался завтра в заседании кабинета. Завтра он сообщит мне результаты. Тот же ответ он дал послам Франции и Германии».

№ 155. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 137 [1]. 3 июля/20 июня 1911 г.

N 3 [2].

L'ambassadeur d'Allemagne a accompagné d'ordre de son gouvernement la communication dont traite le télégramme N 2 [3] par communication supplémentaire explicative dont Nicolson m'a donné lecture.

En substance l'ambassadeur a dit que renseignements qui ont provoqué action française et espagnole n'étant pas confirmés par rapports allemands, action des deux Puissances rend acte Algéciras illusoire, que navire allemand se retirerait dès que forces françaises et espagnoles auraient fait retraite, que gouvernement allemand est prêt à entrer en nouvelles négociations avec la France et l'Espagne, aussi avec le gouvernement impérial (?) [4], au sujet Maroc, qu'il reconnaissait difficultés de cette négociation, mais que le gouvernement allemand ne les jugeait pas insurmontables [5].

Benckendorff.

Перевод.

№ 3.

По поручению своего правительства германский посол вместе с сообщением, о котором говорится в телеграмме № 2, сделал дополнительное разъяснительное сообщение, зачитанное мне Никольсоном.

По существу посол сказал, что так как сведения, вызвавшие выступление Франции и Испании, германскими донесениями не подтверждаются, то действия этих двух держав делают Алжесирасский акт призрачным; что германское судно уйдет как только будут отозваны французские и испанские войска; что германское правительство готово вступить в новые переговоры с Францией и Испанией, а также с императорским (?) правительством по вопросу о Марокко; что он признает затруднения, связанные с этими переговорами, но что германское правительство не считает их непреодолимыми.

Бенкендорф.

№ 156. Поверенный в делах в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 26. 3 июля/20 июня 1911 г.

Отправка Германией военного судна в Агадир явилась совершенной неожиданностью для королевского правительства; по первому впечатлению здесь осложнений не опасаются.

Корф.

№ 157. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 43 [6]. 3 июля/20 июня 1911 г.

Личная.

Продолжение моей телеграммы № 42 [7].

Помощник статс-секретаря меня известил сегодня об инструкциях, данных германскому представителю в С.-Петербурге для разъяснения вашему превосхо-

[1] Опубл. Siebert, II, S. 112, N 413.

[2] Тел. № 1 — см. стр. 168, прим. 6; тел. № 2 — см. прим. 3 к публикуемому документу.

[3] В тел. от 4 июля/21 июня за № 136 (№ 2) (опубл. Siebert, II, S. 112, N 412, где датирована 3 июля/20 июня) Бенкендорф сообщал: «Германский посол сделал сообщение о посылке немецкого судна в Агадир для защиты германских интересов вследствие просьбы германских подданных, живущих в окрестностях. Он сказал, что судно будет отозвано как только будет обеспечена безопасность в Марокко. Никольсон ответил, что Агадир не был открытым портом и что он не знал о том, что в его окрестностях живут иностранцы. Германский посол сказал, что аналогичное сообщение сделано в Париже и в Мадриде».

[4] Вопросит. знак в оригинале. Тел. от 20/7 июля за № 155 Бенкендорф сообщил, что в лит. копии публикуемой тел. допущена ошибка: вместо «impérial» («императорским») следует читать «anglais» («английским»).

[5] Тел. от 3 июля/20 июня за № 138 (№ 4) (опубл. Siebert, II, S. 113, N 414) Бенкендорф сообщал, что «Никольсон считает положение не тревожным, но очень серьезным из-за дополнительного сообщения Германии» и что лондонская пресса выражает симпатии Франции.

[6] Черновой отпуск, хранящийся в делах б. росс. пос-ва в Берлине.

[7] См. № 149.

дительству значения и побудительных причин посылки крейсера в Агадир. Не утруждая вас повторением уже вам известного, останавливаю ваше внимание на трех пунктах этого объяснения, а именно: [во-первых,] присутствие французских военных сил в Феце существенно изменило общее положение в Марокко. Султан, потеряв всякое обаяние в стране, опирается исключительно на французские штыки в ущерб влиянию прочих держав. Во-вторых, стремление Франции захватить будто бы полицейскую власть в марокккских портах, не упомянутых в Алжесирасском акте, и, в-третьих, настоятельные просьбы немецких подданных в южной части Марокко о защите их жизни и имущества от последствий распространяющейся во всей шерифской империи анархии. Все вышесказанное свидетельствует о том, как ловко сумела Германия найти предлог для захвата марокккской гавани в виде залога для участия в возможном будущем разделе султаната между Францией, Испанией и Германией [1]. Под личиной желания сохранить европейский мир берлинский кабинет обращается к нам с просьбой содействовать с нашей стороны благоприятному разрешению жгучего марокккского вопроса. Не полагало ли бы императорское министерство возможным воспользоваться этим обстоятельством, чтобы на почве взаимности покончить наши переговоры о персидских делах, так затянувшиеся со времени благоприятных условий Потсдамского свидания.

О[с т е н] - С[а к е н.]

№ 158. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

4 июля/21 июня 1911 г.

В субботу, [1 июля] 18 сего месяца, германский посол передал мне повергаемую у сего на высочайшее вашего императорского величества воззрение записку [2], в коей сообщается о принятом Германией решении послать военное судно в марокккский порт Агадир.

На другой день французский посол, сообщив мне о полученном правительством республики аналогичном германском сообщении, пожелал иметь обмен мнений с императорским министерством по сему новому фазису марокккского вопроса.

Обращение к нам французского посла имело последствием обмен телеграммами между императорским министерством и посольствами в Лондоне, Париже и Берлине, каковые точно также у сего повергаются на вашего императорского величества воззрение [3].

Телеграмма в Берлин была послана по настоятельной просьбе французского посла и облечена в возможно мягкую форму.

Н е р а т о в.

№ 159. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

4 июля/21 июня 1911 г.

Повергая у сего на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества новый проект [4] соглашения с Германией по персидским делам вместе

[1] В письме от 5 июля/22 июня Остен-Сакен писал, что из инструкций, данных Пурталесу, с которыми его познакомил Циммерман, можно «убедиться, что главной целью неожиданного шага Германии является желание, чтобы дальнейшая судьба марокккского вопроса была бы решена непосредственными переговорами между наиболее заинтересованными державами, т. е. Францией, Испанией и Германией, с исключением мысли о созыве новой европейской конференции. Вот, по вынесенному мной впечатлению, — продолжал Остен-Сакен, — настоящая цель берлинского кабинета, а состоявшаяся посылка германского судна послужит немецкой политике залогом для активного участия в разрешении вопроса, благодаря совершившемуся факту».

[2] Записка Пурталеса при публикуемом документе не обнаружена.

[3] К докладной записке приложена только копия тел. Нератова Остен-Сакену за № 815 (см. № 166).

[4] См. приложение к публикуемому документу. Предыдущий проект соглашения с Германией был представлен Сазоновым Николаю II 20/7 февр. 1911 года.

с последними германскими предложениями [1], на которые он является ответом, считаю долгом отметить и пояснить те пункты, по которым наш проект существенно разнится с германским.

В начале введения к соглашению берлинский кабинет пожелал внести новый элемент, о котором раньше совершенно не было речи, а именно, взаимное обязательство уважать целость и независимость Персии. Передавая мне означенный проект, германский посол указал, что эта фраза заимствована из англо-русского соглашения 1907 года. Впоследствии граф Пурталес добавил, что его правительство придает этому пункту чрезвычайно важное значение. Тем не менее пункт этот должен быть признан совершенно для нас неприемлемым, так как он являлся бы признанием с нашей стороны политических прав Германии в Персии, от притязаний на которые сам же берлинский кабинет с начала переговоров всегда добровольно и категорически отказывался. Эта фраза очевидно дала бы германскому правительству право голоса в политических вопросах Персии и возможность, по желанию, вмешиваться в наши отношения с этой страной под предлогом, что то или иное действие наше может отразиться на целости или независимости ее. Кроме того, как я уже высказал графу Пурталесу, такое обязательство, имеющее смысл в соглашении нашем с Англией, как соседкой Персии с юга, явилось бы фактически односторонним по отношению к Германии, которая, не будучи сопредельной с Персией, силой вещей не может покушаться на ее целость и независимость. Эта германская поправка поэтому подлежит исключению.

В ст. II своего проекта соглашения берлинский кабинет ввел три существенные поправки к нашему прежнему проекту, а именно: 1) обязательство с нашей стороны определить направление соединительной линии на Ханекен по соглашению с ним; 2) указание на то, что линия эта будет иметь исходной точкой г. Тегеран и 3) что постройка ее должна будет быть закончена через два года по окончании линии Садидже—Ханекен.

Не считая возможным согласиться полностью на первую из этих поправок, которая слишком связывала бы нашу свободу действий в отношении выбора направления нашей собственной линии, мы могли бы однако, дабы пойти навстречу Германии, пообещать, что в этом вопросе нами будут по возможности приняты в соображение пожелания германского правительства.

Второй из приведенных пунктов в сущности подтверждает письменно лишь то, на что мы еще во время Потсдамского свидания и последующих переговоров изъявили словесно согласие, почему уклониться ныне от принятия этого пункта было бы неудобно.

Третий пункт, определяющий срок постройки нами Тегеран-Ханекенской линии, является неприемлемым ввиду краткости приведенного берлинским кабинетом срока.

По тщательном рассмотрении всей второй статьи прежнего нашего проекта соглашения, выяснилось, что она вообще нуждается в некоторой переделке, так как в прежней редакции ее совершенно не была предусмотрена возможность отказа со стороны персидского правительства дать нам концессию на означенную линию, а равно тот случай, если бы мы, в силу каких-либо обстоятельств, оказались лишенными возможности выполнить принятое нами по отношению Германии обязательство. Поэтому введены в новую редакцию этой статьи следующие поправки: 1) испрашивая себе концессию на сооружение сети железных дорог в Северной Персии, мы обязываемся, между прочим, испросить таковую и на Тегеран-Ханекенскую линию, постройка которой нами затем должна будет быть начата не позже, как через два года по окончании германской ветки от Садидже на Ханекен, и закончена в четыре года; 2) если по истечении двух лет нами не будет приступлено к сооружению сказанной линии, то мы обязуемся заявить германскому правительству об отказе с нашей стороны от означенной концессии [2], и 3) при-

---

[1] Германский проект соглашения при публикуемой докладной записке не обнаружен.

[2] Включение этого пункта в новый проект вызывается, между прочим, и соображением о желательности смягчить неблагоприятное впечатление, которое производит на наши про-

нимая на себя обязательство не чинить международной торговле каких-либо препятствий на линии Тегеран — Ханекен, мы выговариваем себе со стороны Германии взаимность в этом отношении на направлении Ханекен — Багдад.

В статье III своего проекта берлинский кабинет настаивает, во-первых, на признании нами того, что наше обязательство не препятствовать сооружению Багдадской железной дороги распространяется на всю эту линию, вплоть до Персидского залива, а не только на участок Кония — Багдад, как то вытекало из редакции нашего прежнего проекта, и, во-вторых, на значительном смягчении нашей редакции второй части этой статьи, касающейся обязательства Германии не строить на турецкой территории железных дорог по направлению к нашей и персидской границам к северу от Ханекена.

Что касается первого из этих пунктов, то отрицать право Германии предъявлять нам такое требование представляется крайне затруднительным, так как с самого начала наших переговоров с ней, т. е. с 1907 г., мы говорили всегда о Багдадской дороге вообще. Отступление от этого в нашем предыдущем проекте было попыткой согласовать в этом отношении наше обещание Германии с видами Англии и Франции, которые в нашем обязательстве не чинить препятствий постройке Багдадской дороги вообще усмотрели с нашей стороны отклонение от уговора с ними действовать в этом вопросе солидарно. Однако, путем переговоров с лондонским и парижским кабинетами и указания им на то, что сохраняем за собой полную свободу действий в вопросе о 4% надбавке на таможенные пошлины в Турции, имеющей служить гарантией в отношении Багдадской дороги, нам удалось устранить опасения обоих дружественных правительств и потому ныне к удовлетворению указанного желания берлинского кабинета препятствий не встречается.

Желание германского правительства по возможности ограничить свое обязательство в отношении постройки железных дорог в Малой Азии вытекает из того обстоятельства, что, когда в Константинополе стал известен прежний проект соглашения, опубликованный газетой «Evening Times», и в Турции поднялось большое неудовольствие против Германии, берлинский кабинет поспешил заверить Порту, что никаких переговоров относительно малоазиатских железных дорог с Россией не ведется. Принимая во внимание, что, с одной стороны, и нами даны были в Константинополе приблизительно такие же разъяснения, а, с другой, что германское правительство фактически нам давало обещания в духе прежней редакции этого пункта, представляется возможным не настаивать на включении упомянутого обязательства Германии полностью в текст соглашения и предложить берлинскому кабинету, взамен этого, подтвердить нам обязательство свое в особой разъяснительной ноте, примерный текст которой при сем прилагается [1]. При этом является однако необходимым путем замены слов «raccordant la ligne de Bagdad» [2] словами «pouvant servir de raccordement de la ligne, etc.» [3], более точно определить в тексте соглашения, что речь идет не о соединительных ветках на самой границе, а о линиях, которые, в своем продолжении, могли бы явиться соединительными путями между Багдадской магистралью и нашими железными дорогами на Кавказе и в Персии.

Текст ст. IV прежнего проекта соглашения пришлось также подвергнуть существенной переработке, причем в новой редакции делается попытка склонить

мышленные круги принятие нами на себя обязательства построить Тегеран-Ханекенскую дорогу. [Прим. оригинала.]

[1] В приложенном проекте ноты имеется следующее заявление герм. прав-ва: «Под «линиями, которые могут служить для соединения Багдадской линии с границами России и Персии к северу от Ханекена» германское правительство разумеет все железнодорожные линии в области, заключенной между Багдадской железной дорогой и границами обоих вышеупомянутых государств к северу от Ханекена, и обязуется не принимать никакого решения относительно постройки подобных линий и не оказывать ни материальной, ни дипломатической поддержки подобным предприятиям в области, указанной выше, без предварительного согласия между Россией и Германией».

[2] «соединяющие Багдадскую линию».

[3] «которые могут служить для соединения линии и т. д.».

Германию к признанию за нами прав, которые она нам раньше сама предлагала, на случай постройки ею Ханекен-Тегеранской дороги, каким бы образом и кем бы эта постройка ни была осуществлена.

Вышеизложенные соображения и предположения были рассмотрены в особом совещании по персидским делам и им одобрены. Ныне приемлю смелость испрашивать всемилостивейшее соизволение на передачу прилагаемого проекта соглашения германскому послу.

Нератов.

Одобряю.

Рейд «Штандарт», [6 июля] 23 июня 1911 г.

Приложение.

Projet de Convention [1].

Préambule.

Les gouvernements russe et allemand, partant du principe de l'égalité de traitement pour le commerce de toutes les nations en Perse;

considérant, d'une part, que la Russie possède dans ce pays des intérêts spéciaux d'ordre politique, stratégique et économique, et que, d'autre part, l'Allemagne n'y poursuit que des buts commerciaux;

se sont mis d'accord sur les points suivants:

Article I.

Le gouvernement impérial d'Allemagne déclare qu'il n'a pas l'intention de rechercher pour lui-même ou d'appuyer en faveur de ressortissants allemands ou de sujets étrangers, au nord d'une ligne partant de Kasri-Chirin, passant par Isfahan, Iezd et Khakh et aboutissant à la frontière afghane à la latitude de Ghazik, — de concessions de chemins de fer, de routes, de navigation et de télégraphes.

Article II.

De son côté, le gouvernement russe, ayant en vue d'obtenir du gouvernement persan une concession pour la création d'un réseau de voies ferrées dans le Nord de la Perse, s'engage à demander, entre autres, une concession pour la construction d'une voie qui doit partir de Téhéran et aboutir à Khanékin pour raccorder sur la frontière turco-persane ledit réseau à la ligne Sadidjé — Khanékin, dès que cet embranchement du chemin de fer Koniah — Bagdad aura été achevé. Une fois cette concession obtenue, les travaux de construction de ladite ligne devront être commencés dans deux ans au plus tard après l'achèvement de l'embranchement Sadidjé — Khanékin et terminés dans le courant de quatre années. Le gouvernement russe se réserve de fixer en son temps le tracé définitif de la ligne en question, tout en prenant en considération, en tant que possible, les desiderata du gouvernement allemand à ce sujet. Les deux gouvernements faciliteront le trafic international sur la ligne Khanékin — Téhéran ainsi que sur celle de Khanékin à Bagdad en évitant toutes mesures qui pourraient l'entraver, telles que l'établissement de droits de transit ou l'application d'un traitement différentiel. Si au bout de deux années à partir du moment où l'embranchement Sadidjé—Khanékin du chemin de fer Koniah—Bagdad aura été achevé il n'est pas procédé à la construction de la ligne Khanékin—Téhéran, le gouvernement russe avisera le gouvernement allemand qu'il renonce à la concession se rapportant à cette dernière ligne.

Article III.

Reconnaissant l'importance générale qu'aurait pour le commerce international la réalisation du chemin de fer de Bagdad, le gouvernement russe s'engage à ne pas

[1] Царск. экз.

prendre de mesures visant à en entraver la construction ou à empêcher la participation de capitaux étrangers à cette entreprise, à condition, bien entendu, que cela n'entraîne pour la Russie aucun sacrifice de nature pécuniaire ou économique. En ce qui concerne la construction d'autres lignes pouvant servir de raccordement de la ligne de Bagdad aux frontières russe et persane au nord de Khanékin, le gouvernement allemand s'engage, en revanche, à ne prendre aucune décision à ce sujet sans un accord préalable entre les deux gouvernements.

Article IV.

Le gouvernement russe se réserve le droit de confier l'exécution du projet de la ligne de chemin de fer reliant son réseau en Perse à la ligne Sadidjé — Khanékin à un groupe financier étranger à son choix, au lieu de la faire construire lui-même. Mais, indépendamment de la manière dont la construction de ladite ligne sera effectuée, la Russie se réserve le droit à toute participation aux travaux qu'elle pourrait désirer, ainsi qu'à tous les privilèges de tarifs et d'autre nature que le constructeur se réservera pour lui-même. Le gouvernement russe jouira également du droit de préemption dans le cas où il désirerait acquérir plus tard le chemin de fer en question.

~~Dans tous les cas~~ les autres stipulations du présent arrangement resteront en vigueur.

С[огласен].

Рейд «Штандарт», [6 июля] 23 июня 1911 г.

Перевод.

Проект соглашения.

Введение.

Российское и германское правительства, исходя из принципа равноправия в отношении торговли всех наций в Персии;

принимая во внимание, с одной стороны, что у России имеются в этой стране специальные интересы политического, стратегического и экономического порядка, и что, с другой стороны, Германия преследует там лишь коммерческие цели;

вошли в соглашение по следующим пунктам:

Статья I.

Императорское германское правительство заявляет, что оно не имеет намерения ни добиваться для себя самого, ни поддерживать германских или иностранных подданных в получении железнодорожных, дорожных, навигационных и телеграфных концессий к северу от линии, идущей от Касри-Ширина, пролегающей через Исфагань, Иезд и Хак и заканчивающейся на афганской границе на широте Гязика.

Статья II.

Со своей стороны российское правительство, имея в виду получить от персидского правительства концессию на создание сети железных дорог на Севере Персии, обязуется, в числе прочих, испросить концессию на постройку пути, который должен начинаться от Тегерана и окончиться в Ханекене, для смычки на турецко-персидской границе означенной сети с линией Садидже—Ханекен, как только эта ветвь Кония-Багдадской железной дороги будет окончена. Когда эта концессия будет получена, работы по постройке означенной линии должны быть начаты не позже как через два года после окончания Садидже-Ханекенской ветки и окончены в течение четырех лет. Российское правительство предоставляет себе в свое время определить окончательное направление означенной линии, считаясь, по возможности, с пожеланиями германского правительства по этому предмету. Оба правительства облегчат международное сообщение на линии Ханекен — Тегеран, а также на линии от Ханекена до Багдада, избегая всяких мер, которые могли бы препятствовать ему, как, например, установления транзитных пошлин или применения диференциального тарифного обложения. Если по истечении двух лет с момента, когда Садидже-Ханекенская ветка Кония-Багдадской железной дороги будет закончена, не будет приступлено к постройке линии Ханекен — Тегеран, российское правительство уведомит германское правительство, что оно отказывается от концессии, относящейся к этой последней линии.

Статья III.

Признавая общее важное значение, которое имело бы для международной торговли осуществление Багдадской железной дороги, российское правительство обязуется не принимать мер, направленных к тому, чтобы воспрепятствовать постройке ее или помешать участию иностранных капиталов в этом предприятии, при условии, разумеется, что это не повлечет за собой для России никакой жертвы денежного или экономического свойства. В том, что касается постройки других линий, которые могут служить для соединения Багдадской линии с границами России и Персии к северу от Ханекена, германское правительство обязуется, в свою очередь, не принимать никакого решения по этому вопросу без предварительного соглашения между обоими правительствами.

Статья IV.

Российское правительство будет вправе поручить осуществление проекта железнодорожной линии, имеющей связать ее сеть в Персии с линией Садидже—Ханекен, иностранной финансовой группе по своему выбору, вместо того, чтобы строить ее самому. Но независимо от того, каким образом постройка означенной линии будет осуществлена, Россия оставляет за собой право на любое участие в работах, какое она могла бы пожелать, а равно и на все тарифные и иные льготы, которыми будет пользоваться строитель линии. Равным образом российское правительство будет пользоваться преимущественным правом в случае если бы оно пожелало приобрести впоследствии указанную железную дорогу.

Во всяком случае все остальные положения настоящего соглашения остаются в силе.

№ 160. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Берлине Остен-Сакену.

⅟. Телеграмма № 815 [1]. 4 июля/21 июня 1911 г.

Ввиду необходимости для нас выяснить себе значение и цель недавнего шага Германии в Марокко, благоволите в форме дружеского разговора попросить берлинский кабинет разъяснить нам, как участникам Алжесирасского акта, насколько, по мнению германского правительства, принятое им решение совместимо как с означенным актом, так и со специальными соглашениями, существующими по марокским делам, в частности между Германией и Францией, дающими, по нашему мнению, Франции основание претендовать на особое положение.

Для вашего сведения присовокупляю, что Пурталес объяснил, между прочим, необходимость меры отсутствием в округе Агадира европейской военной силы.

В случае ссылки с немецкой стороны на уже последовавшее, будто бы, нарушение Алжесирасского акта со стороны Франции, полагаем возможным возразить, что Франция на сообщение державам о своей экспедиции получила с их стороны молчаливое согласие ввиду исключительности обстоятельств.

[Нератов.]

№ 161. Поверенный в делах в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⅟. Письмо. 4 июля/21 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Присутствуя ежедневно на заседаниях парламента, министр иностранных дел за редким только исключением не видит никого из иностранных представителей. Сношения с ним происходят через главного секретаря, а потому о действительных намерениях или мнениях его непосредственно судить крайне трудно. По словам г. Боллати, на последнее сообщение английского правительства об албанских делах [2] маркиз ди Сан-Джулиано через него же ответил великобританскому поверенному в делах, что раньше, чем высказать личное свое впечатление, он полагает

---

[1] Царск. экз.
[2] См. № 139.

необходимым справиться с взглядами Берлина и Вены. Из Берлина же ему было через короткое время сообщено, что принять английское предложение было бы равно возвращению к старинной системе, применяемой к дореформенной Турции и не приведшей ни к каким осязательным результатам в Македонии. Старания мои узнать, как бы маркиз ди Сан-Джулиано ответил самостоятельно, не увенчались успехом, и пришлось мне удовлетвориться заявлением г. Боллати, что Италия и в балканских делах не может отделяться от своих союзников.

На вопрос мой, как следует понимать повторенные в обеих палатах министром уверения, что между Римом и Веной происходит постоянный обмен мыслей по албанским делам, генеральный секретарь как-будто стеснялся мне ответить, определенно указав только, что по каждому отдельному случаю возникали переговоры, результатом которых до сих пор было одинаковая оценка положения и вытекающее отсюда одинаковое по существу решение при свободе формы, придаваемой каждым правительством своим действиям. Кому в этих переговорах принадлежит первенствующая роль, из слов г. Боллати узнать было нельзя.

Примите и пр.

Корф.

№ 162. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 40. 4 июля/21 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Посол наш в Вене, отдавая в секретной телеграмме от [12 июня] 30 мая, № 22 [1] отчет о беседе своей с австро-венгерским министром иностранных дел касательно балканских событий, счел полезным предоставить российским представителям на Ближнем Востоке проверить, насколько проводимая здесь Австрией политика соответствует сделанным графом Эренталем заявлениям.

Я воспользуюсь этим случаем, чтобы представить на благоусмотрение вашего превосходительства несколько скромных соображений как по поводу возникших в близком соседстве с Сербией осложнений, так и по содержанию интересных откровений руководителя внешней политики Австро-Венгрии.

Прежде всего следует признать, что албанский вопрос не налаживается и продолжает служить угрозой спокойствию на Балканах. Между тем была минута, когда дело клонилось к умиротворению, и в Константинополе официально свидетельствовали о предстоящем окончательном подавлении смуты. Своевременно сделанный императорским правительством энергичный шаг [2], с одной стороны, образумил черногорцев, с другой — предостерег турок от военных увлечений, напомнив им о необходимости прежде всего навести порядок в своих собственных пределах.

Однако шаг этот не понравился в Вене, ибо он нарушал ее тайные планы. Беседуя по сему поводу с нашим послом (секретная телеграмма гофмейстера Гирса от [27]14 мая № 19 [3]), граф Эренталь сказал: по отношению к балканским делам существуют *две* (политические) *системы*: одна — безусловное поддержание status quo, с предоставлением балканским странам самим разбираться в своих делах; другая, которой последовала Россия, — вмешательство. Австрия отдает предпочтение *первой* системе, как наиболее служащей интересам мира.

Граф так сказал... и ровно через две недели поступил иначе! Официозная статья в «Fremdenblatt» явилась не только небывалой еще «интервенцией» во внутренние дела Турции, но и подлила масла в погасавший на Балканах пожар. Энергическое заступничество за взбунтовавшихся подданных султана, несомненно, породило несбыточные надежды в умах албанцев и приободрило короля Николая,

[1] См. № 101.
[2] См. №№ 27 и 43.
[3] См. № 62.

которому, конечно, не хотелось покидать поле политической авантюры с пустыми руками. Это на языке Вены называется служить интересам мира.

Сделав свое дело, Австрия снова принимает вид спокойной зрительницы событий, «en laissant les pays balkaniques se débrouiller entre eux»[1]. По крайней мере, как явствует из вышеупомянутой телеграммы посла нашего в Вене от [12 июня] 30 мая, гр. Эренталь настоятельно повторяет, что «вмешиваться во внутренние дела Турции Австрия не желает» и даже тайком указывает на некорректный поступок своей союзницы Италии, посылающей военные суда в албанские порты.

Но как бы то ни было, Турция последовала дружеским советам Австро-Венгрии и предлагает своим несговорчивым подданным разные льготы и привилегии, лишь бы они сложили оружие, которое им тотчас же будет возвращено.

Албанцы однако не верят туркам, требуют положительных гарантий, а тем временем подбивают к восстанию и те племена, которые до сих пор сидели смирно.

За последние дни телеграф принес известие, что в защиту албанских привилегий намерены выступить Англия, Италия и Франция (*Австрия не упоминается*), а король Николай с той же целью командирует по всем державам особого уполномоченного, который, по газетным сведениям, уже прибыл в С.-Петербург.

Что же представляет из себя Албания, к интересам которой так заботливо должны отнестись все великие державы?

Кроме приадриатической полосы, компактно населенной албанцами, другой албанской территории на Балканах нет. Различные племена этой народности разбросаны по Фракии, Фессалии, Македонии, Старой Сербии и Санджаку. Каким же образом можно говорить об автономии албанской провинции, раз самой провинции не существует? Очевидно, ее нужно *создать* для албанцев, наделив их землями, которые представляют собой историческое достояние сербов, болгар и македонцев. И державы, которые намерены настаивать пред Турцией на даровании албанцам «автономии», тем самым будут содействовать осуществлению заветной мечты Австро-Венгрии: создать под ее протекторатом от Адриатического моря — вдоль границы Черногории — через Косовский вилайет и Новобазарский санджак к границе Боснии *провинцию-буфер*, которая служила бы непреодолимым препятствием на путях слияния славянских народностей. Эта провинция врезалась бы железным клином в живой организм сербского племени!

Хлопотать об особых привилегиях албанцев, исконных врагов православного населения балканского полуострова, значит *действовать в ущерб славянским интересам*.

В этом недоразумении утешительным является то обстоятельство, что турки, повидимому, никогда не согласятся на удовлетворение тех требований, которые албанцы, поощренные заступничеством Австро-Венгрии, предъявили оттоманскому правительству. По сему поводу можно сказать — и слава богу!

Но от турок, конечно, можно и должно требовать усмирения восставших племен во что бы то ни стало.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 163. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо[2]. 4 июля/21 июня 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Во время моей последней беседы с великим визирем[3] он с видимым опасением старался выведать у меня, примкнуло ли или примкнет ли императорское прави-

[1] «предоставляя балканским государствам самим разбираться в своих делах».
[2] Опубл. Siebert, II, S. 113, N 415.
[3] См. мою тел. от [1 июля] 18 сего июня за № 428 и сегодняшнюю депешу № [69]. [Прим. оригинала.] Очевидно, имеется в виду тел. за № 428 от 2 июля/19 июня (опубл. Siebert,

тельство к тому предложению лондонского кабинета, которое упомянуто в секретных телеграммах вашего превосходительства графу Бенкендорфу от [27] 14 и [29] 16 сего июня за №№ 784 и 790 [1].

В ответ я ограничился замечанием, что английского предложения, собственно говоря, не существует и происходит лишь некоторый обмен мнений.

Я добавил, что прогрессивное улучшение отношений между Турцией и Черногорией дает нам надежду на благополучное улажение дела, и напомнил Хакки-паше, что мы не переставали считать отношения турецкого правительства к албанцам внутренним турецким вопросом и не раз заявляли Порте о своем невмешательстве во внутренние ее дела.

По сведениям из доверительного источника, известие о предложении сэра Э. Грея было сообщено сюда из Берлина с присовокуплением уведомления о решительном отказе лондонскому кабинету со стороны германского правительства. Последнее, таким образом, не замедлило использовать великобританское выступление, носившее явственно след поспешности и чрезмерной тревоги, дабы еще раз дешевой ценой сыграть перед Турцией роль могущественной ее защитницы от английского или даже общеевропейского насилия.

Этот жест, нетрудный для Германии, очень ценен для Турции, ибо лондонский кабинет предложил прибегнуть к тому самому коллективному воздействию послов на Порту в пользу реформ в Албании и даже в обеспечение «гарантий» реформ этих, которое, в применении к Македонии, послужило поводом к революции против султана Абдул-Гамида.

Подчиниться такому воздействию значило бы для нового режима самому наложить на себя руки и потому ответом державам явился бы, по всем вероятиям, взрыв турецкого фанатизма и военного шовинизма, направленный против иностранцев, христиан вообще и, прежде всего, против Черногории.

Иначе говоря, английское предложение не только не послужило бы к мирному улажению нынешнего кризиса, но обострило бы его до крайней и опаснейшей степени.

Нельзя не надеяться, что высказанные вашим превосходительством великобританскому поверенному в делах столь своевременные и веские возражения возымели в Лондоне умеряющее действие.

Здесь этому все будут рады, приписывая английский циркуляр, между прочим, личным проискам известного албанского депутата и деятеля Измаил Кемаль-бея, приехавшего недавно из Цетинье и Рима в Лондон [2].

Что же касается мысли сэра Э. Грея об установлении соглашения по албанскому вопросу между Россией и Австро-Венгрией, с присоединением к нему Италии, то инициатива подобного соглашения должна бы исходить во всяком случае, как мне кажется, не из С.-Петербурга, а из Вены, на что однако не имеется никаких указаний.

По моему глубокому убеждению наше соглашение с Австро-Венгрией никак не могло бы ограничиться албанским вопросом, а должно было бы получить гораздо большее, известное, содержание и подлежало бы заключению лишь в случае нашей уверенности в неотложном наступлении разрушения турецкой империи.

Симптомов, указывающих на такой несвоевременный для нас оборот дела, сейчас нет.

Напротив, все свидетельствует скорее о возобновлении в новой Турции того хронического, в корне неизлечимого, но медленного процесса внутреннего распада, который уже привел Турцию старого режима на край погибели.

Нам нет никакого расчета ускорять процесс этот, лишь бы был сохранен на

II, S. 110, N 410, где датирована 2 июля/18 июня), в которой Чарыков, сообщая о своей беседе с великим визирем, отмечал, что турец. прав-во «настроено совсем не воинственно и всемерно желает уладить албанское дело». В деп. от 4 июля/21 июня за № 69 Чарыков, между прочим, указывал, что «миролюбивый оборот в отношениях Турции и Черногории и в деле переговоров турецкого посланника в Цетинье с албанскими повстанцами продолжает упрочиваться».

[1] См. №№ 132 и 139.

[2] У Siebert'a: «aus Cetinje und London» («из Цетинье и Лондона»).

Балканах мир, обеспечивающий нам и христианским балканским государствам время и возможность продолжать нормальное развитие своих финансовых, экономических и военных сил, дабы день расчета застал нас и государства эти во всеоружии, а не врасплох.

Для меня обнаружившаяся ныне невозможность действительного покорения Албании турками является по отношению к туркам и их владычеству над покоренными ими народами началом конца.

С ослаблением их положения в Албании они постепенно лишаются того якоря, которым держалось их царствование в Европе.

Уступки, делаемые албанцам, могут прекратить теперешнее кровопролитие, но не примирят албанцев с турецким владычеством и не уменьшат их желания освободиться от него.

И тут, благодаря личной политике короля Николая, очень рискованной, но пока увенчавшейся успехом, выясняется возможность для албанцев искать для своих национальных стремлений опору вне Австро-Венгрии, опасной для них своим относительным могуществом, своей культурностью и своими аннексионистскими стремлениями.

Такой опорой является теперь Черногория, не могущественная, сродная по культуре самим албанцам и соединение с коей оказалось бы для них не аннексией, а лишь федерацией или даже личной унией.

К этим выгодам прибавилась бы однако мощная, но не опасная албанцам поддержка, которая перешла бы на них через посредство короля Николая со стороны сочувствующих ему более, чем Австро-Венгрии, русского и итальянского правительств.

Для Черногории такой план, лелеемый, повидимому, королем Николаем, чрезвычайно выгоден под условием, что его осуществление не вовлечет Черногорию в единоборство с Турцией или Австро-Венгрией.

Для нас, не имеющих прямых интересов в Албании, план этот может быть полезен тем, что он послужит к усилению Черногории. Во всяком случае, чем лучше и шире будут отношения короля Николая к разным албанским главарям, тем легче будет житься христианам-сербам, над которыми эти главари господствуют. Известно, что с прошлого года прекратились «зулумы», насилия и убийства, чинившиеся систематически за последние тридцать лет албанцами против сербов.

Правда, в настоящее время трудно сказать, насколько вышеочерченный план имеет, в конце концов, шансов на успех.

Но если он будет признан в принципе заслуживающим сочувствия с русской стороны, то его постепенное осуществление окажется выгодным для нас потому, что оно потребовало бы от нас лишь продолжения нашей теперешней политики поддержания мира на Балканах и сочувствия всестороннему культурному развитию различных балканских народностей.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 164. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Цетинье С. Арсеньеву.

*/. Телеграмма № 826. 5 июля/22 июня 1911 г.

Копии в Константинополь, Лондон, Париж, Берлин, Вену и Белград.

Телеграммы №№ 89 [1], 92 [2] и 94 [3] получены.

---

[1] Тел. от 3 июля/20 июня за № 89 С. Арсеньев сообщал: «Генерал Вукотич командирован в Калашин с назначением начальником северного отряда на случай осложнений с Турцией со стороны Косовского вилайета».

[2] Тел. от 4 июля/21 июня за № 92 Арсеньев сообщал о заявлении короля Николая, что им отдан приказ мобилизовать дивизию у Подгорицы; при этом король указал, что он «не желает войны с Турцией и что эта мера лишь предохранительная, ввиду сосредоточения турками войск на черногорской границе».

[3] Тел. от 4 июля/21 июня за № 94 Арсеньев сообщал: «Албанский депутат Измаил-Кемаль имел вчера прощальную аудиенцию у короля, выезжает завтра через Вену в Лондон».

Мобилизация подгорицкой дивизии и командировка Вукотича решительно противоречат сделанным нам через Миушковича заявлениям [1] о твердом решении короля не вызывать военного столкновения с Турцией и предоставить албанские реформы постепенному развитию, что, по собственному признанию Миушковича, вполне отвечает интересам самой Черногории. Турция и в парламенте и недавним циркуляром послам своим категорически заявила об отсутствии каких-либо враждебных Черногории намерений и просила не сомневаться в лойяльности исполнения даваемых ею обещаний. Последние распоряжения короля таким образом идут вразрез с примирительным воздействием императорского правительства и неоднократным обещанием короля следовать советам последнего.

Миушкович подымал вопрос и о посылке в Черногорию отряда «Красного креста» и помимо нас запросил короля о размерах желаемого содействия. Имейте в виду, что помощь «Красного креста» может последовать лишь в самом ограниченном размере в пределах уже ныне ощутительных санитарных и врачебных нужд албанских беженцев, а никак не в предвидении военных действий [2].

Нератов.

№ 165. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Берлине Остен-Сакену.

⁄. Телеграмма № 827 [3]. 5 июля/22 июня 1911 г.

Сообщается в Лондон и Париж.

Дополнение к телеграмме № 815 [4].

Телеграмма № 43 получена [5].

Ввиду возможности разговора с германским правительством по марокккским делам имейте в виду, что для нас не столько важны реальные интересы, ныне затронутые, сколько ценно соблюдение принципа о сохранении силы за соглашениями, до сих пор заключенными относительно Марокко. Поэтому германское правительство могло бы в разговорной же форме высказаться пред вами в смысле сохранения незыблемости прежних договоров, невзирая на принятые меры.

[Нератов.]

№ 166. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Берлине Остен-Сакену.

⁄. Телеграмма № 834 [6]. 5 июля/22 июня 1911 г.

Сообщается в Лондон и Париж.

Только-что бывший у меня германский посол возобновил заверения в том, что его правительство руководствовалось при посылке судна в Агадир исключительно необходимостью защиты своих подданных; в Берлине твердо решили отозвать обратно означенное судно, как только спокойствие будет обеспечено; германское правительство отнюдь не имеет в виду каких-либо политических перемен или утверждения своего на марокккской территории и, если оно прибегло

---

[1] См. № 142.

[2] Ответной тел. от 7 июля/24 июня за № 96 Арсеньев сообщал: «После сделанных мной королю представлений, мобилизация подгорицкой дивизии отменена. Ныне приготовления к мобилизации настолько подвинулись, что в случае надобности она может состояться в 24 часа. В присылке из России отряда Красного креста для лечения малиссоров не представляется необходимости, ввиду значительных средств, присланных из Англии и Америки, тем более, что командирование из России хотя бы малейшего санитарного отряда неизбежно было бы при нынешних обстоятельствах истолковано черногорским правительством, как поощрение Черногории к войне».

[3] Царск. экз.

[4] См. № 160.

[5] См. № 157.

[6] Царск. экз.

к указанной мере, то это сделано было ввиду отсутствия поблизости французской военной силы. Пурталес прибавил, впрочем, что если существуют уклонения от Алжесирасского акта, то не к Германии первой может быть обращен упрек. Германское правительство рассчитывает на содействие России для благополучного разрешения нынешних переговоров.

Я ответил, что мы, как участники Алжесирасского акта и союзники Франции, должны с большим вниманием отнестись к настоящему вопросу и что, стремясь к тому, чтобы последний фазис дела не отозвался на общем политическом положении, я должен принять к сведению заявление Пурталеса об отсутствии политического характера у принятой меры, вызванной только временными обстоятельствами.

Не полагаете ли вы возможным, объясняясь с германским правительством по этому поводу, получить заверение в тождественном смысле.

[Нератов.]

№ 167. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 139 [1]. 5 июля/22 июня 1911 г.

Complément au télégramme N 135 [2].

Communique par courrier à Paris, ainsi que le télégramme N 140 [3].

Grey me dit qu'en réponse à la communication allemande [4] il a répondu à l'ambassadeur d'Allemagne hier verbalement que l'Angleterre ne pouvait en aucun cas se désintéresser des affaires du Maroc à cause de ses intérêts propres plus considérables au Maroc que ceux de l'Allemagne et à cause de ses engagements avec la France aux clauses desquels l'attitude de l'Angleterre restait entièrement conforme, que l'apparition à Agadir d'un bâtiment allemand créait une situation nouvelle dont aucune solution ne pourrait être reconnue par l'Angleterre sans qu'elle y ait participé. Le texte de cette réponse a été décidé hier en Conseil du Cabinet. En réponse à ma question si dans son opinion il serait préférable de saisir toutes les Puissances signatrices d'Algéciras de la situation nouvelle, ou bien d'en faire l'objet de négociations entre les Puissances directement intéressées, Grey répondit que la France étant la plus intéressée, il lui abandonnait l'initiative en ce point et pensait appuyer l'opinion française. Personnellement il croyait que pour le moment des négociations directes entre l'Allemagne, la France, l'Espagne et l'Angleterre étaient plus indiquées en réservant une conférence pour le cas de nécessité. Grey prie votre excellence de considérer cette réponse comme toute confidentielle.

Benckendorff.

Перевод.

Дополнение к телеграмме N 135.

Передаю с курьером в Париж, как и телеграмму № 140.

Грей мне сказал, что в ответ на сообщение германского посла он ответил ему вчера на словах, что Англия ни в коем случае не может перестать интересоваться марокканским вопросом, так как имеет в Марокко свои собственные интересы, более значительные, чем интересы Германии, а также в силу своих соглашений с Францией, условиям которых позиция Англии продолжает полностью соответствовать; что появление в Агадире германского судна создает новое положение, по которому Англия не может признать никакого решения, принятого без ее участия. Текст этого ответа был выработан вчера в совете министров.

На мой вопрос, что по его мнению предпочтительнее — уведомить ли все державы, подписавшие Алжесирасский акт, о новом положении, или сделать это положение предметом пере-

[1] Опубл. Siebert, II, S. 117, № 416.
[2] См. стр. 168, прим. 6.
[3] См. № 168.
[4] См. № 155.

говоров между наиболее заинтересованными державами, — Грей ответил, что так как Франция заинтересована более других, то он предоставляет ей инициативу в этом вопросе и предполагает поддержать мнение Франции. Лично он полагает, что в настоящее время были бы более уместны непосредственные переговоры между Германией, Францией, Испанией и Англией, откладывая конференцию на случай необходимости. Грей просит ваше превосходительство считать этот ответ совершенно доверительным.

Бенкендорф.

№ 168. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 140. 5 июля/22 июня 1911 г.

Complément de mon télégramme N 126 [1].

Grey a reçu la réponse du gouvernement américain. Knox n'admet pas que l'art. 16 [2] puisse être entendu comme constituant monopole et déclare que le gouvernement américain s'oppose au principe de monopole. Knox ajoute qu'une clause identique se trouve dans le traité pour le chemin de fer de Yunnan et autres lignes du Sud. L'ambassadeur du Japon hier et moi aujourd'hui avons fait observer à Grey que l'exemple cité par Knox détruit son argumentation, une ligne de chemin de fer étant un objet défini et limité, essentiellement différent pour cette cause d'un programme vague d'améliorations et d'entreprises en Mandchourie. Grey partage cette opinion et s'adresse à neuf au gouvernement américain. Kato pense que le moment serait venu pour les gouvernements russe et japonais de s'adresser au gouvernement américain. C'est ce qu'il suggère à Tokio. Je partage cette opinion.

Benckendorff.

Перевод.

Дополнение к моей телеграмме № 126.

Грей получил ответ американского правительства. Нокс не согласен с тем, что 16-я статья может быть понята, как устанавливающая монополию, и заявляет, что американское правительство возражает против принципа монополии. Нокс добавляет, что идентичная статья имеется в договоре на железную дорогу в Юннане и на другие линии на Юге. Японский посол заметил Грею вчера, а я — сегодня, что приведенный Ноксом пример уничтожает его аргументацию, так как железнодорожная линия, будучи объектом определенным и ограниченным, существенно разнится по этой причине от неопределенной программы по благоустройству и предприятиям в Манчжурии. Грей разделяет это мнение и вновь обращается к американскому правительству. Като думает, что для русского и японского правительств пришло время обратиться к американскому правительству. Это он и предлагает в Токио. Я разделяю это мнение.

Бенкендорф.

№ 169. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо [3]. 5 июля/22 июня 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Je n'ai que peu de choses à ajouter au télégramme N 139 [4] que je viens d'expédier à votre excellence, rendant compte de l'entretien que j'ai eu ce matin avec Sir E. Grey au sujet de la réponse qu'il avait donné à la communication dont le comte de Metternich avait été chargé concernant l'envoi à Agadir d'un vaisseau de guerre allemand.

---

[1] Тел. Бенкендорфа за № 126 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Возможно Бенкендорф имеет ввиду свою тел. от 26/13 июня (без номера). (См. стр. 141, прим. 3.)

[2] См. № 81.

[3] Опубл. Siebert, II, S. 118, N 418.

[4] См. № 167.

Cette réponse, décidée en Conseil des ministres hier matin, sérieuse en sa teneur, ne ferme pourtant nullement la porte à des négociations ultérieures, à condition toutefois que l'Angleterre y prit part au double point de vue de ses intérêts propres et de son entente avec la France.

Peu édifié du procédé auquel le gouvernement allemand a cru devoir avoir recours, Sir E. Grey trouve la situation sérieuse, mais ne la prend pas au tragique.

Il me dit qu'il ne se rendait pas compte encore des mobiles qui avaient poussé l'Allemagne à cette détermination. Le prétexte d'intérêts allemands à défendre dans un port qui n'est pas un port ouvert, ne lui paraît pas sérieux. Il en a fait l'observation à l'ambassadeur d'Allemagne, lui disant que si l'Allemagne avait des intérêts au Maroc, ceux de l'Angleterre y étaient plus considérables encore. Le comte de Metternich n'a que très peu insisté sur ce point.

D'ailleurs, me dit le ministre, s'il s'agit d'intérêts allemands à sauvegarder, le calme une fois rétabli dans le pays et les forces françaises et espagnoles retirées, entraînant par là la retraite du vaisseau allemand, — alors le status quo ante se trouverait rétabli.

Il se pourrait, me dit le ministre, que l'Allemagne veuille simplement obtenir quelque chose. En ce cas il faut voir ce qu'elle désire obtenir et s'il s'agit de quelque compensation contre laquelle ni la France ni l'Angleterre n'aient d'objection. Car il faut les deux, me dit-il, les intérêts de la France et de l'Angleterre n'étant pas les mêmes.

Je pense que le ministre faisait allusion à l'éventualité de la demande d'un port par l'Allemagne; ceci créerait une difficulté très considérable en Angleterre et, je crois, n'y serait pas admis, sans même que les intérêts français fussent spécialement en cause.

Je demandai à Sir Edward comment il se représentait le cours de ces négociations. Il me dit qu'il adopterait le plan français, mais que personnellement il croyait que des négociations directes entre les Puissances intéressées — la France, l'Allemagne, l'Espagne et l'Angleterre — seraient le plus pratique et que le projet d'une nouvelle conférence pourrait être tenu en réserve si on ne s'arrangeait pas.

Le comte de Metternich n'a rien dit qui puisse indiquer que l'Allemagne désire décliner le concours anglais à ces négociations. C'est là toutefois une condition clairement établie dans la réponse anglaise.

Depuis que cette nouvelle est venue étonner le public, la presse a pris une attitude décidée, mais non pas aggressive. Seul, je crois, le «Daily News» adopte une attitude clairement anti-française et le «Westminster Gazette» a publié un article où l'inspiration allemande semble probable.

Sir Edward me pria de considérer sa communication comme confidentielle; j'attribuai le même caractère à celle que j'avais faite il y a deux jours à Sir A. Nicolson en exécution des instructions contenues dans le télégramme N 811 [1].

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Мне немногое остается добавить к телеграмме за № 139, которую я только-что отправил вашему превосходительству, сообщая о беседе с сэром Э. Греем, которую я имел сегодня утром по поводу ответа, данного им на сообщение графа Меттерниха о посылке германского военного судна в Агадир.

Этот ответ, выработанный вчера утром в совете министров, серьезен по содержанию, но отнюдь не закрывает двери для дальнейших переговоров, однако при условии, чтобы Англия приняла в них участие с точки зрения как своих собственных интересов, так и своего согласия с Францией.

Считая мало убедительным образ действий, к которому германское правительство сочло нужным прибегнуть, сэр Э. Грей находит положение серьезным, но не принимает его трагически.

---

[1] См. № 154.

Он мне сказал, что он еще не уяснил себе мотивы, побудившие Германию к такому решению. Предлог защиты германских интересов в порту, который не является открытым портом, не кажется ему серьезным. Он заметил это германскому послу, сказав, что если Германия имеет интересы в Марокко, то интересы Англии там еще более значительны. Граф Меттерних весьма мало настаивал на этом пункте.

Впрочем, сказал мне министр, если речь идет об ограждении германских интересов, как только в стране водворится спокойствие и французские и испанские войска будут отозваны, в результате чего уйдет и германское судно, — то status quo ante окажется восстановленным.

Возможно, сказал мне министр, что Германия просто хочет получить что-нибудь. В этом случае нужно узнать, чего она хочет и идет ли речь о какой-либо компенсации, против которой ни Франция, ни Англия не имеют возражений. Потому что, сказал он мне, нужно и то и другое, ибо интересы Франции и Англии не одинаковы.

Я думаю, что министр намекал на то, что Германия может потребовать порт; для Англии это создало бы весьма большие затруднения и, думаю, не будет принято, даже если бы это и не задевало специально интересов Франции.

Я спросил у сэра Эдуарда, как он себе представляет ход этих переговоров. Он ответил, что он примет французский план, но лично считает наиболее практичным, чтобы переговоры велись непосредственно между заинтересованными державами, Францией, Германией, Испанией и Англией, созыв же новой конференции можно держать в резерве — на случай, если бы не удалось договориться.

Граф Меттерних не сказал ничего, что могло бы указывать на желание Германии отклонить участие Англии в этих переговорах. Это условие однако ясно указано в английском ответе.

С тех пор как появилось это известие, вызвавшее всеобщее удивление, пресса заняла решительную, но не агрессивную позицию. Кажется только «Daily News» занимает явно антифранцузскую позицию и «Westminster Gazette» поместила статью, вероятно инспирированную Германией.

Сэр Эдуард просил меня считать его сообщение доверительным; я придал такой же характер сообщению, сделанному мною два дня тому назад сэру А. Никольсону в исполнение инструкций, содержащихся в телеграмме № 811.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 170. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. **5 июля/22 июня 1911 г.**

Cher Анатолий Анатольевич,

Voilà encore un coup de théatre à issue incertaine. On ne le prévoyait pas ici, mais on avait le sentiment d'une sorte de fermentation en Allemagne au sujet du Maroc. La démarche [de] Metternich lors du séjour de l'empereur Guillaume avait donné l'éveil [1]. Pour le moment, on ne sait pas du tout ce que veut l'Allemagne, mais on est décidé à négocier ensemble, rien de séparé. La situation est assez bien illustrée par la réponse que, d'après Mr. Cambon, Mr. de Selves aurait donné à Mr. de Schön à la première entrevue, où l'envoi du navire avait été annoncé [2]. Voilà me contrarie beaucoup [3]. Nous étions tout prêts à causer, ce que vous me dites rendra la conversation plus difficile, et c'est comme cela. Mr. de Kühlman [4] me dit, qu'il ne croit pas que l'Allemagne convoite un port. Ceci faciliterait les choses, du côté anglais. Grey m'a donné à entendre qu'il ne ferait aucune concession qui puisse atteindre les intérêts politiques de l'Angleterre. Un port les atteindrait certainement. Kühlman avec moi a prononcé le mot «bargain», un marché.

Je crois que si Grey avait eu la main tout à fait libre, sa réponse eût été encore plus explicite, mais il y a la fraction radicale du Cabinet qui est plus ou moins germanophile. Grey, Asquith et leurs amis sont plutôt d'accord avec les conservateurs et, en somme, la masse du pays. Le «Daily Cronicle» libéral parle comme le «Times», le «Daily News» non. La «Westminster Gazette» est sous l'influence de Mr. Spen-

[1] См. № 29.
[2] Ср. № 148.
[3] Так в оригинале.
[4] Советник герм. пос-ва в Лондоне.

der [1], qui est devenu un ami à Berlin en haut lieu. Je ne vois pas trop à quoi a servi à la France son arrangement avec l'Allemagne. C'est une raison pour nous d'être bien clairs, précis et prudents. Si j'étais de vous, j'aurais surtout évité tout arrangement secret. En conventions politiques, du genre de celui que nous nous efforçons de conclure avec l'Allemagne, un document secret n'a aucune valeur.

L'Allemagne n'admettra que ce qui sera communiqué au Reichstag, et les intérêts allemands économiques et autres se dirigeront en conséquence, s'en référer alors à un document secret est absolument illusoire. Il serait bien important de tenir Grey, soit par moi, soit par Buchanan, le plus exactement possible au courant des négociations, et même des difficultés qui surgissent. Il est difficile pour nous de juger quelle importance on attache ici à tel ou tel point. Une communication après coup peut produire des étonnements des plus nuisibles. Communiquer après n'est pas consulter avant. Et il y a une force pour nous dans l'argument que tel point ou tel autre n'est pas concevable parce qu'il affecte les intérêts anglais trop vivement. Ceci est vrai surtout aujourd'hui que l'Allemagne va se trouver en négociations avec un groupe pour le Maroc, ce qui est un avantage pour le groupe. Nous n'avons pas ce groupe, ce que j'ai toujours trouvé regrettable. Il y aurait tout avantage à mettre en lumière la solidarité avec l'Angleterre en Perse. La communication de la question que vous a posée l'ambassadeur de France a fait très bon effet ici. Nicolson ne m'a pas encore reparlé de la visite éventuelle d'un grand duc aux Indes. Je crois qu'il n'a pas revu le roi. Mais je sais qu'on s'occupe de la question. Il y a deux formes concevables pour ce projet. Celle que le grand duc vienne saluer le roi au nom de l'empereur, soit à Calcutta, soit à tel autre point, sans suivre le roi partout et au Durbar lui-même. C'est la forme à prendre en considération.

Celle de faire tout le voyage, ou même quelque partie essentielle avec le roi est, je crois, impossible. Il y aurait des difficultés tout d'abord d'étiquette avec les princes indiens plus ou moins ou presque tout à fait indépendants. Et il va de soi que le roi, se montrant là bas, ne voudra froisser personne.

Grey dira à Mr. Whitelaw Reid, qu'il ne conçoit la possibilité de l'art. 16, que si le programme est aussi exact et précis que pour un emprunt destiné à couvrir les frais de telle ou telle ligne de chemin de fer d'un point à un autre. Grey pense cependant que la déclaration de Mr. Knox que le gouvernement des Etats Unis est contraire au principe de monopole, autant que les autres gouvernements, est bonne à enregistrer et a sa valeur [2].

La crise parlementaire touche à son terme. Impossible à prévoir le dénouement. Mais il sera atteint à un moment où le public en est profondément las et tout à fait hostile à de nouvelles élections. Ou bien la Chambre des Lords cédera et passera le Parliament Bill, qui restreint ses pouvoirs, ou bien je crois qu'on créera non pas 400, mais 200 pairs, en commençant par les fils ainés. Il y en a, paraît-il, une trentaine. Les lords sont moins dans la main de leurs chefs de parti que les membres de la Chambre des Communes ne sont dans la main des leurs et pourraient s'obstiner. Ils y renonceront peut-être parce que la création des pairs assurerait à bref échéance le Home Rule, il est vrai très modifié, du projet Gladstone, et plusieurs autres mesures économiques pour lesquelles ils n'ont aucun goût. Le roi part pour le pays de Galles pour l'hommage au prince de Galles, puis en Ecosse et en Irlande. Puis il retournera en Ecosse, pour son propre compte et comme toujours à Balmoral.

Les cérémonies du couronnement, magnifiques en elles-mêmes, se sont passées sans contretemps aucun. Et, autant que j'ai pu m'en rendre compte, le grand duc Boris n'a fait partout que très bonne impression.

Veuillez me croire, cher Анатолий Анатольевич, bien sincèrement votre tout dévoué

Benckendorff.

---

[1] Альфред Спендер — издатель «Westminster Gazette».
[2] См. № 168.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Вот еще одно неожиданное событие с неопределенным исходом. Здесь его не предвидели, но чувствовали какое-то брожение в Германии по поводу Марокко. Демарш Меттерниха во время пребывания императора Вильгельма заставил насторожиться. В данный момент совершенно неизвестно, чего хочет Германия, но решено вести переговоры совместно, ничего не предпринимая сепаратно. Создавшееся положение довольно хорошо иллюстрируется ответом, который, по словам г. Камбона, де Сельв дал г. Шену на первом свидании, когда было объявлено о посылке судна. Вот что мне очень досадно. Мы совсем подготовились к беседе, а между тем, то, что вы мне сообщаете, делает разговор более затруднительным, и это именно так. Г. Кюльман сказал мне, что не думает, чтобы Германия стремилась получить порт. Это облегчило бы дело с точки зрения Англии. Грей дал мне понять, что не сделает никакой уступки, которая могла бы затронуть политические интересы Англии. Порт, разумеется, их затронул бы. Кюльман в разговоре со мной произнес слово: «bargain» — торг.

Думаю, что если бы Грей имел полную свободу действий, то ответ его был бы еще более решительным; но существует радикальная фракция кабинета, более или менее германофильская. Грей же, Асквит и их друзья скорее заодно с консерваторами и, в общем, с массой населения. Либеральная «Daily Cronicle» высказывается также, как «Times». А «Daily News» — нет. «Вестминстерская газета» находится под влиянием г. Спендера, который стал другом в берлинских высших сферах. Я не вижу, какую пользу принесло Франции соглашение с Германией. Для нас это — указание, что нужны ясность, точность и осторожность. Будь я на вашем месте, я особенно избегал бы всяких тайных соглашений. В политических конвенциях такого рода, как та, которую мы стараемся заключить с Германией, секретные документы не имеют никакой ценности.

Германия будет признавать лишь то, что будет сообщено рейхстагу, сообразно с чем и будут направляться германские интересы, экономические и иные; ссылаться тогда на тайный документ — абсолютно иллюзорно. Было бы очень важно, либо через меня, либо через Бьюкенена, по возможности точнее держать Грея в курсе переговоров и даже возникающих затруднений. Нам трудно судить, какую важность здесь придают тому или иному пункту. Сообщение об уже совершившихся фактах может вызвать удивление, [для нас] очень вредное. Сообщать о совершившемся факте — это не то же, что совещаться предварительно. А для нас имеет силу аргумент, что тот или иной пункт немыслим, ибо слишком живо задевает английские интересы. Это справедливо особенно сейчас, когда Германия вступает в переговоры о Марокко с группой, что выгодно для этой группы. У нас нет такой группы, и я всегда находил это достойным сожаления. Было бы весьма выгодно выставить на вид нашу солидарность с Англией в Персии. Сообщение о вопросе, заданном вам французским послом, произвело здесь очень благоприятное впечатление. Никольсон еще не говорил со мной о возможной поездке в Индию одного из великих князей. Кажется он не виделся с королем, но я знаю, что этим вопросом занимаются. Этот проект мыслим в двух вариантах. Один из них состоит в том, чтобы великий князь явился приветствовать короля от имени императора либо в Калькутту, либо в другое место, не следуя за королем повсюду и не являясь на дурбар. Это — та форма, которая достойна внимания.

Совершить вместе с королем все путешествие или хотя бы значительную его часть считаю невозможным. Прежде всего, возникли бы затруднения в смысле этикета с теми индийскими князьями, которые более или менее или же совершенно независимы. И, само собой понятно, король во время пребывания там не пожелает никого обидеть.

Грей скажет г. Уайтло Риду, что он признает возможность 16-й статьи лишь при столь же точной и определенной программе, как и для займа на покрытие стоимости той или другой железнодорожной линии от места до места. Однако, по мнению Грея, не лишено значения и следует иметь в виду заявление г. Нокса о том, что правительство Соединенных Штатов в такой же степени не согласно с принципом монополии, как и прочие правительства.

Парламентский кризис подходит к концу. Развязку предвидеть невозможно, но она произойдет в такой момент, когда публика основательно устала и когда она всецело [настроена] против новых выборов. Либо палата лордов уступит и пропустит парламентский билль, ограничивающий ее полномочия, либо создадут не 400, а 200 пэров, начиная со старших сыновей. Их, кажется, наберется десятка три. Но лорды не настолько во власти вождей своих партий, как члены палаты общин, и могут заупрямиться. Возможно, что они не сделают этого потому, что увеличение числа пэров обеспечило бы в близком будущем проведение гомруля, правда, очень видоизмененного сравнительно с проектом Гладстона, и некоторых других экономических мер, которые им совсем не по душе. Король уезжает в Уэльс по случаю инвеституры принца Уэльского, потом в Шотландию и в Ирландию. Затем он вернется в Шотландию уже по собственным делам и, как всегда, в Балмораль.

Церемонии коронации, сами по себе великолепные, прошли без малейшей запинки и, насколько я могу дать себе отчет, великий князь Борис произвел везде весьма хорошее впечатление.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 171. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 50. 5 июля/22 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Появившееся в минувшую субботу [1] в вечернем издании «Северо-германской газеты» известие о посылке военного судна «Panther» в марокканский порт Агадир, под предлогом защиты интересов германских подданных в южной части шерифской империи, было встречено здесь с патриотическим энтузиазмом.

Ввиду предпринятой Францией военной экспедиции в Фец и последовавшей ее примеру Испании [2] немецкое общественное мнение не раз за последнее время начинало критиковать бездействие правительства, столь хладнокровно, будто, относящегося к нарушению постановлений Алжесирасского акта и франко-германского соглашения 1909 года. Несмотря на то, что германское правительство казалось склонным признать причины, оправдывавшие выступление Франции, оно продолжало глухо указывать на то обстоятельство, что Франция возлагает на себя ответственность за последствия, которые могут вернуть свободу действий державам, обязавшимся Алжесирасским актом.

Пассивное отношение берлинского кабинета к проявлению Испанией самостоятельных действий в марокканском вопросе свидетельствовало затем о затаенном желании Германии не оставаться связанной узами алжесирасских постановлений.

Однако казалось, что занятое Германией выжидательное положение затягивается, а недавняя встреча французского посла г. Камбона с германским статс-секретарем фон Кидерлен-Вехтер в Киссингене подавала повод предполагать, что переговоры между Берлином и Парижем налаживаются в тиши и что Германия не замышляет никакого активного выступления.

Тем более изумляет нынешний ее шаг.

Местная печать не скупится хвалебными отзывами по адресу г. Кидерлена, напомнившего, по ее словам, своей решительностью времена политики Бисмарка. Подчеркивая необходимость громогласного заявления Германией о своих собственных интересах и принятия своевременных мер для их защиты, все органы следуют однако преподанному лозунгу, воздерживаясь от неприязненных или колких вылазок против Франции.

Так, например, говорит «Франкфуртская газета», что Франции не следует опасаться каких-либо замыслов Германии насчет территориальных приобретений в Марокко, пока она сама не помышляет о «тунизации» этой страны.

Ссылаясь на грозящие беспорядки в султанате и отсутствие безопасности, немецкая печать выдвигает таким образом в оправдание действий правительства подобные же причины, в которые она сама отказывалась верить, когда они выставлялись Францией.

Во всяком случае вся аргументация здешней прессы ведется в очевидном согласии с преподанными свыше указаниями.

Наиболее знаменательным являются при этом постоянные намеки на желательность непосредственного соглашения по марокканским делам между заинтересованными державами, Францией, Испанией и Германией, ввиду последовавшего, будто бы, нарушения двумя первыми постановлений Алжесирасского акта. Равным образом и соглашение 1909 г. считается утратившим свое прежнее значение.

Выражая надежду на благоприятное разрешение обострившегося марокканского вопроса, немецкая печать сознает всю важность переживаемого момента и отмечает с большим удовлетворением сдержанное настроение французского общественного мнения.

По последним распоряжениям, стоящее в порте Агадире военное судно «Panther» заменено крейсером «Берлин».

Примите и пр.

Гр. Остен-Сакен.

---

[1] 1 июля/18 июня.
[2] См. № 111.

№ 172. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Лондоне и Берлине — Бенкендорфу и Остен-Сакену и поверенным в делах в Париже и Вашингтоне — Демидову и Н. Кудашеву.

*/. Телеграмма № 840. 6 июля/23 июня 1911 г.

Японское правительство предупредило своих представителей в Париже, Лондоне, Берлине и Вашингтоне, что преимущественное положение, предоставленное китайским правительством международному синдикату по реализации займа для нужд Манчжурии, вопреки преобладающим интересам, которые Япония, наравне с Россией, имеет в этой области, заставляет его в принципе отклонить всякую мысль о возможности его участия в операции, ставящей его на один уровень с другими державами. Мы принципиально стоим на такой же точке зрения, о чем считаю долгом сообщить вам для сведения [1] на случай, если правительство, при коем вы аккредитованы, вступит с вами в объяснения по поводу сделанных совместных шагов России и Японии в Париже и Лондоне [2], направленных к тому, чтобы добиться отмены ст. 16-й контракта, которая обязывает Китай обращаться для дальнейших займов на нужды Манчжурии и для привлечения капиталов в манчжурские предприятия — прежде всего к названному синдикату.

[Нератов.]

№ 173. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 142 [3]. 6 июля/23 июня 1911 г.

Télégrammes NN 815 [4] et 827 [5] reçus.

Les affirmations de Pourtalès que vous me communiquez me paraissent puisées exclusivement [6] dans la communication officielle que le Cabinet de Berlin a faite à plusieurs Puissances. Pourtalès perd de vue et n'a peut être pas connaissance de la deuxième communication explicative [7] faite ici le même jour séance tenante. Cette dernière place les choses différemment. La protection des sujets n'est plus mentionnée. L'envoi d'un navire allemand à Agadir est motivé par l'ingérence militaire de la France et de l'Espagne considérée comme infraction à l'acte d'Algéciras suffisante pour rendre la portée de cet acte illusoire. Metternich a ajouté que le gouvernement allemand considère le retour au status quo ante comme extrêmement difficile à prévoir. Les explications par conséquent incomplètes sur lesquelles Pourtalès est chargé d'insister auprès de vous pourraient avoir pour but d'influer sur votre attitude et action diplomatique. Nicolson prie de considérer la communication qu'il nous [8] a faite comme strictement confidentielle. Du reste, tout en considérant la situation comme sérieuse, on n'est pas alarmé ici. Ce qui inquiète, c'est qu'on ne sait rien de ce qui s'est passé ou se passe à Agadir.

Benckendorff.

Перевод.

Телеграммы №№ 815 и 827 получены.

Утверждения Пурталеса, которые вы мне передали, почерпнуты, мне кажется, исключительно из официального сообщения, которое берлинский кабинет сделал нескольким держа-

[1] Последующая часть тел. отчеркнута карандашом и на полях имеется помета: «Для Берлина и Вашингтона».
[2] См. №№ 129, 130 и 168.
[3] Опубл. Siebert, II, S. 120, N 418.
[4] См. № 160.
[5] См. № 165.
[6] У Siebert'a слова: «me paraissent puisées exclusivement» заменены словами: «stützen sich («основаны»).
[7] См. № 155. У Siebert'a слово: «explicative» опущено.
[8] У Siebert'a «mir» («мне»).

вам. Пурталес упускает из виду, а, быть может, и не знает второго пояснительного сообщения, сделанного здесь немедленно в тот же день. Последнее иначе освещает дело. О защите подданных больше не упоминается. Отправка германского судна в Агадир мотивирована военным вмешательством Франции и Испании, которое рассматривается, как нарушение Алжесирасского акта, достаточное для того, чтобы сделать значение этого акта призрачным. Меттерних добавил, что германское правительство считает, что весьма трудно предвидеть возвращение к status quo ante. Неполные вследствие этого объяснения, на которых Пурталесу поручено настаивать перед вами, могут иметь целью повлиять на вашу позицию и дипломатические выступления. Никольсон просит считать сделанное им нам сообщение строго доверительным. Впрочем, считая положение серьезным, здесь не проявляют тревоги. Беспокоит то, что ничего не знают о происходившем или происходящем сейчас в Агадире.

Бенкендорф.

№ 174. Поверенный в делах в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо [1]. 6 июля/23 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В телеграмме моей от 2 июля/19 июня № 70 [2] я имел честь доложить вашему превосходительству о первой беседе моей с новым министром иностранных дел.

Г. де Сельв весьма любезно меня принял и начал с выражения своих чувств искренней преданности союзу с Россией и своего желания все более тесного его укрепления в будущем. Свои близкие отношения родства и общность мысли с престарелым г. де Фресине, этим поборником франко-русского сближения, министр считает достаточной для нас гарантией непоколебимости этих чувств и привязанности его к России.

Что касается Англии, то он высказал намерение придерживаться политики своих предшественников и неуклонно следовать по пути развития самых дружеских и сердечных с ней отношений.

После этого министр тотчас навел разговор на сообщение германского посла об отправке канонерки в Агадир. Прочитав ноту, он выразил г. фон Шену свое крайнее удивление по поводу такого решения германского правительства, а также и сожаление, что подобный шаг сделан как раз в тот момент, когда Франция и Германия приступили к дружественному обмену мыслей по марокккским делам. Он указал послу на тяжелое впечатление, которое такой образ действий произведет на французское общественное мнение и на несоответствие его с духом соглашения 1909 года.

Г. фон Шен, сказал мне министр, был видимо смущен этим ответом и ограничился заявлением, что решение его правительства отнюдь не представляет собой враждебного действия по отношению к Франции, а было, главным образом, вызвано необходимостью дать удовлетворение германскому общественному мнению, все громче выражающему свое неодобрение безучастию Германии в марокккских событиях.

Во время нашей беседы г. де Сельв несколько раз возвращался к своей просьбе о нашей поддержке, считая наиболее целесообразным выражение нами в Берлине такого же удивления по поводу названного инцидента. Он прибавил, что он считает вопрос весьма серьезным, но, стараясь не придавать ему преувеличенного значения, он будет возможно спокойнее ждать дальнейших событий.

Министр, между прочим, сообщил мне, что г. Камбон, только-что приехавший в Париж после свидания в Киссингене с германским статс-секретарем по иностранным делам, привез оттуда самые утешительные известия о ходе переговоров по установлению франко-германских отношений на почве марокккских дел и о благоприятном направлении германской печати. Ни малейшего намека не было сделано послу о готовящемся выступлении Германии, что, конечно, поставило его в весьма неловкое положение.

---

[1] Опубл. Stieve, I, S. 122, N 97, где ошибочно адресовано м-ру ин. дел.
[2] См. № 148.

Невзирая на настоящую конъюнктуру, г. де Сельв все-таки отправился с президентом республики в Голландию [1], дабы не подать повод своим отказом от поездки к чрезмерному толкованию настоящего инцидента. В его отсутствие г. Кайо сам управляет делами министерства иностранных дел.

Примите и пр.

Демидов.

№ 175. Поверенный в делах в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 6 июля/23 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Улегшееся было за последнее время общественное мнение по марокккскому вопросу снова пробудилось вследствие неожиданного выступления Германии.

Хотя здешняя печать, обыкновенно столь впечатлительная, удержалась в данном случае, отчасти под внушениями авторитетных сфер, от оскорбительных для Германии суждений, трудно ручаться, что при развитии событий она сохранит необходимое в настоящую минуту хладнокровие.

По этому случаю новый министр иностранных дел счел нужным принять, не по примеру своих предшественников, г. Тардье [2], который в недавно появившейся статье одобряет спокойный и достойный ответ г. де Сельва на сообщение германского посла [3].

В самом деле, нельзя не удивляться решению германского правительства, напоминающему времена танжерской тревоги и грозящему открыть новую эру международных осложнений. В Quai d'Orsay отказываются понять причину подобного шага. Некоторые усматривают в нем желание Германии повысить цену за свой окончательный отказ от всякого политического интереса в Марокко и получить значительные экономические или территориальные возмещения. Таков взгляд большинства. Другие обращают внимание на совпадение германского действия с путешествием президента республики в Голландию и с переменой кабинета [4]. Наконец, высказывается мнение о стремлении Германии захватить какой-нибудь порт на юго-западном побережье Марокко, что, впрочем, вызвало бы со стороны Англии самый энергичный протест.

Насколько эти предположения близки к истине, трудно сказать. В ноте г. фон Шена есть некоторый намек, отчасти теперь выяснившийся, на отправку впоследствии других судов. В таком смысле толковались слова «tout d'abord» [5], еще более встревожившие французское правительство. Замена канонерки «Пантера» крейсером «Берлин» дает, пожалуй, ключ к этой загадке. Кроме предлога охраны интересов германских торговцев, никаких указаний на мотивы, побудившие к такому шагу, в ноте не приводится. Устно же посол указал министру на необходимость удовлетворения германского общественного мнения, требующего, будто бы, какого-нибудь активного выступления. Возможно, что накануне выборов в Германии правительство действительно сочло нужным пойти навстречу вожделениям пангерманистов, дабы обеспечить себе поддержку со стороны этой неспокойной и воинственной партии.

Как бы то ни было, после некоторых колебаний здесь решили смотреть событиям в глаза. Я имел честь телеграфировать вашему превосходительству [6],

---

[1] Фальер в сопровождении де Сельва прибыл в Амстердам 4 июля/21 июня.
[2] См. № 125.
[3] См. № 174.
[4] См. стр. 159, прим. 1.
[5] «сначала».
[6] В тел. от 5 июля/22 июня за № 71 (опубл. Stieve, I, S. 122, N 96) Демидов передавал, со слов Бапста, что Грей дал П. Камбону заверения «о неуклонном намерении своего правительства строго соблюдать всякие обязательства, принятые Англией по отношению к Франции». «Передавая мне вышеизложенное, — сообщал Демидов, — г. Бапст просил

что г. де Сельв, а за ним и г. Бапст, придавая делу серьезное значение, выразили мне надежду, что императорское правительство не откажет предписать послу нашему в Берлине высказать удивление по поводу столь неожиданного действия Германии. В министерстве иностранных дел, очевидно, очень дорожат нашим и английским содействием. Не беря на себя судить, насколько поддержка в таком виде совместима с нашими добрососедскими отношениями с Германией, позволю себе однако заметить, что, призывая еще недавно к союзному чувству французского правительства в вопросе о китайском займе [1], мы едва ли можем ныне бессочувственно отнестись к делу, столь близко затрагивающему достоинство и законные интересы нашей союзницы.

Примите и пр.

Демидов.

№ 176. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 44 [2]. 6 июля/23 июня 1911 г.

Личная.

Из содержания моего письма от [6 июля] 23 июня за № 51 [3], отправленного по почте из Александрова, ваше превосходительство усмотрите, что здешний французский посол давно уже в секретных переговорах с Кидерленом и поступился принципом сохранения, во что бы то ни стало, постановлений Алжесирасского акта. Эти переговоры дошли до того, что теперешняя поездка Камбона в Париж была вызвана обещанием посла поддержать пред своим правительством предложение Германии уладить марокккский вопрос на почве компенсаций. Ввиду полученных мной сегодня новых ваших телеграмм [4] я полагаю, что точка отправления наших переговоров, имеющая целью незыблемость сохранения прежних договоров, будет оспариваема Германией, во-первых, на основании того, что хотя прочие державы и не протестовали против экспедиции французских войск, тем не менее выступление Франции принципиально непримиримо с буквой Алжесирасского акта, во-вторых, что Франция сама, как отмечено выше, готова поступиться Алжесирасским актом и соглашением 1909 года. После завтра, утром, буду иметь новый случай видеть Кидерлена, и, может быть, вашему превосходительству угодно будет снабдить меня на основании настоящей телеграммы добавочными инструкциями [5].

Остен-Сакен.

№ 177. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 6 июля/23 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

События последних двух недель в Австро-Венгрии приводят меня к следующему заключению.

Граф Эренталь убедился, что для мирного заключения балканских вопросов не следует мудрствовать и действовать лукаво, а придерживаться строго честной

меня уведомить о взгляде императорского правительства по сему поводу и какое решение оно считает возможным принять относительно желаемого здесь заявления нашего в Берлине». См. также № 148.

[1] См. №№ 105 и 130.

[2] Царск. экз.

[3] См. стр. 193, прим. 2.

[4] См. №№ 165 и 166.

[5] В тел. от 7 июля/24 июня за № 845 Нератов сообщал Остен-Сакену: «Луи отнесся сочувственно к мысли проверить в Берлине заявления Пурталеса, высказав при этом, что возвращающийся к своему посту Камбон тоже будет в состоянии сообщить вам свои впечатления о намерениях германского правительства».

миролюбивой политики России и избегать разногласия с Италией. Эренталь предпринял первый шаг, чтобы обменяться мнениями с нами о событиях Ближнего Востока [1], и в этом случае выказал даже некоторую откровенность, которая не в его характере.

В марокккском вопросе министр хотел доказать свое беспристрастие и независимость от Тройственного союза, настаивая исключительно на экономической политике открытых дверей. В этом смысле составлено официальное сообщение австро-венгерского правительства.

Представители православных стран Балканского полуострова зачастую заходят ко мне, жалуясь, что они не могут добиться быть принятыми в Балльплаце, так как Эренталь совсем уничтожил летом прием дипломатического корпуса, и в глазах их правительства они совсем не осведомлены.

По вопросам внутренней политики новый председатель австрийского министерства барон Гауч узнает в близком будущем на какое большинство в рейхстаге он может рассчитывать. Венгерский его коллега, граф Кун Хедервари, министр-президент, относится к нему сочувственно и заявил, что вопросы, близко касающиеся Венгрии, — банковый и военный, — будут разрешены в благоприятном смысле.

С турецко-черногорской границы не получено сегодня графом Эренталем никаких важных известий.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 178. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

7 июля/24 июня 1911 г.

Усилившееся за последние дни сосредоточение турецких и черногорских войск по обе стороны взаимной границы увеличивает напряженность положения и заставляет опасаться возможности вооруженного столкновения.

Непредвидимые последствия такого оборота дела, которые однако сулят положительную выгоду лишь посторонней конфликту третьей державе, побуждают серьезно остановиться на вопросе, нельзя ли предотвратить столкновение посредничеством.

Посредничество это, чтобы быть успешным, должно бы быть произведено сообща всеми великими державами, в каковом направлении уже была сделана попытка великобританским статс-секретарем по иностранным делам [2], а почин к нему, ввиду особой заинтересованности славянской державы, должен быть взят Россией. Единоличное же выступление России в этом вопросе рисковало бы вызвать вероятное противодействие других держав.

В случае принятия в принципе намечаемого здесь образа действий, предстояло бы прежде всего осторожно осведомиться о вероятном отношении Турции к принципу посредничества, дабы, с одной стороны, вперед связать ее, с другой же, в случае ее отказа, мочь возложить на нее вину за последующие события.

Если бы вашему императорскому величеству благоугодно было в принципе одобрить таковой образ действий в случае дальнейшего развития положения в неблагоприятном направлении и ввиду истечения [12 июля] 29 сего июня срока перемирия, дарованного турками албанским повстанцам, после чего положение легко может измениться к худшему, — приемлю смелость испрашивать указаний вашего императорского величества по телеграфу.

Нератов.

Одобряю.

Рейд «Штандарт», [10 июля] 27 июня 1911 г.

[1] См. № 123.
[2] См. № 132.

№ 179. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [1]. 7 июля/24 июня 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к моему вчерашнему доверительному письму за № 51 [2] имею честь препроводить у сего к вашему превосходительству копию [3], сообщенную мне германским статс-секретарем по иностранным делам, его докладной записки имперскому канцлеру о моем с ним разговоре.

Убедительнейше прошу сохранить этот документ для вашего личного сведения, так как это сообщение является особенной предупредительностью г. фон Кидерлен-Вехтера.

Примите и пр.

[Остен-Сакен.]

Приложение.

Докладная записка германского статс-секретаря по иностранным делам имперскому канцлеру Бетман-Гольвегу.

Берлин, 5 июля/22 июня 1911 г. [4]

Der Russische Botschafter hat mich heute aufgesucht und hat mir mitgeteilt, er habe von seiner Regierung den Auftrag [5], mich über Bedeutung und Zweck unseres Vorgehens in Agadir zu befragen [6].

Ich habe dem Botschafter gegenüber zunächst die tatsächlichen Vorgänge dargestellt. Ich habe ihm gesagt, dass durch das französische Vorgehen tatsächlich eine Gefahr für unsere nicht unbedeutenden Interessen im Süden entstanden sei. Irgend ein Schutz dieser Interessen sei nirgend vorhanden gewesen; wir hätten daher nicht umhin gekonnt, auf eine uns kürzlich zugegangene Bitte hin, die von vielen angesehenen deutschen Firmen ausgegangen sei, zum Schutz unserer Ange-

---

[1] Черновой отпуск, хранящийся в делах б. росс. пос-ва в Берлине.

[2] В письме от 6 июля/23 июня за № 51 Остен-Сакен передавал резюме записи своей беседы с Кидерленом 5 июля/22 июня, состоявшейся по поручению Нератова (см. № 160).

[3] См. приложение к публикуемому документу.

[4] Рукописная копия. Опубл. Gr. Pol., Bd. XXIX, S. 168, N 10593.

[5] В Gr. Pol. далее следует: «in ganz freundschaftlicher und vertraulicher Weise» («совершенно дружеским и доверительным образом»).

[6] В Gr. Pol. далее следует: «Im Laufe der Unterhaltung wollte der Botschafter dann noch besonders wissen, ob wir die Massregel schon länger vorbereitet hätten, ob wir die Algecirasakte als durch Frankreich tatsächlich verletzt oder gar beseitigt ansehen, und wie wir uns etwa die weitere Entwickelung dächten.

Der Botschafter gestand mir auch in einem gegebenen Moment, dass sich Russland für Marokko als solches in keiner Weise interessiere. Für Russland komme Marokko nur insoweit in Betracht, als es zu einem Streitobjekt werden könnte, durch dass Russland vermöge seines Bündnisvertrages in Mitleidenschaft gezogen werden könnte. Russland könne jede Verständigung über Marokko zwischen uns und Frankreich gutheissen. Dabei wollte der Botschafter aber gern wissen, ob England sich schon geäussert habe; die Engländer würden bei einer marokkanischen Aufteilung zwischen Deutschland, Frankreich und Spanien auch mitsprechen wollen. Eigentlich seien sie ja schon in Ägypten abgefunden; das würden sie aber wohl nicht mehr Wort haben wollen» («Кроме того во время беседы посол желал особенно осведомиться о том, подготовляли ли мы уже заранее меры, считаем ли мы, что Франция действительно нарушила и даже устранила Алжесирасский акт, и как мы себе представляем дальнейший ход событий.

Посол признал также, что в данный момент Россия совсем не заинтересована в Марокко, как в таковом. Для России Марокко имеет значение лишь постольку, поскольку оно может стать объектом спора, в который Россия может быть вовлечена вследствие своего союзного договора. Россия может приветствовать всякое соглашение о Марокко между Францией и нами. При этом посол желал однако знать, высказалась ли Англия; англичане пожелают также принять участие в переговорах между Германией, Францией и Испанией о разделе Марокко. Собственно говоря, они уже удовлетворены [тем, что получили] в Египте, но об этом они не захотят говорить»).

hörigen und ihrer Interessen das ohnedies auf dem Rückweg befindliche Kanonenboot «Panther» nach Agadir zu entsenden; da dieses reparaturbedürftig sei, würde es durch die «Berlin» abgelöst. Wenn in einem Teil der fremden Presse Zweifel an der Bedeutung und Schutzbedürftigkeit unserer Interessen geäussert würden, so wundere mich das; wir hätten gar keinen Zweifel geäussert, als uns die Franzosen versicherten, ihre Kolonie in Fez sei in Gefahr und sie müssten zu ihrer Rettung eine Expedition unternehmen. Und dabei habe unser Konsul in Fez konstant gemeldet, es sei keine Gefahr vorhanden, und die Ereignisse hätten ihm nachher Recht gegeben.

Dass das französische Vorgehen über den Rahmen der Algeciras-Akte hinausgehe, bedürfe wohl keines Beweises. Ich führte dem Botschafter dafür eine Reihe von Fällen an und wies ihn besonders darauf hin, dass bei der Algeciras-Akte nach langen Verhandlungen Frankreich und Spanien die Errichtung einer einheimischen Polizei mit fremden Instructoren, unter ganz begrenzten Bedingungen, in ganz bestimmten Hafenplätzen, unter internationaler Kontrolle zugestanden worden sei. Jetzt beginne Frankreich ungeniert einen Teil des Innern mit derartigen Einrichtungen zu überziehen. Ich betrachtete aber die Frage, ob und in welchen Punkten die Franzosen das internationale Abkommen verletzt haben, als eine nebensächliche; wir hätten absichtlich vermieden, den Franzosen Vorwürfe zu machen und sie auf die einzelnen Fälle festzunageln. Das würde nur zu unnützen gegenseitigen Rekriminationen führen und zu einer Verschlechterung unserer Beziehungen zu Frankreich. Ganz abgesehen von der Frage, ob und wie die Algeciras-Akte verletzt sei, sei Frankreich, wie ich zugeben wolle, durch die Erreignisse gezwungen, zu einer Reihe von Handlungen geführt worden, die sich zum mindesten nur künstlich in den Rahmen der Algeciras-Akte hinein interpretieren liessen. Das müsste notwendig zu Reibungen führen, die nur durch eine offene und freundschaftliche Aussprache beseitigt werden könnten. Zu einer solchen seien wir bereit, und das wisse man in Paris. Voraussetzung einer Verständigung sei es aber natürlich, dass Frankreich nicht den marokanischen Bissen allein verschlucke und uns stillschweigend vor die Tür setze. Dazu habe Frankreich schon nicht übel und ziemlich konsequent Miene gemacht. Erst habe es sich in Casablanca festgesetzt, weil dort französische Unternehmungen bedroht waren, und statt Casablanca nach Herstellung der Ordnung zu verlassen, habe es sich wie ein Oelfleck dort ausgedehnt und, um das ihm nicht gehörige Casablanca halten zu können, allmählich die ganze Schauia besetzt. Dann ging es nach Fez, dann nach Marrakesch, und das müsste doch endlich einmal ein Ende haben. Es würde uns niemand das Zeugniss verweigern können, dass wir der Entwickelung der Dinge mit grosser Ruhe und in weitgehendem Entgegenkommen gegen Frankreich zugesehen hätten. Wir hätten jedenfalls keinen Zweifel, dass eine Rückkehr zum status quo ante nicht mehr möglich sei und auch von den Franzosen, denen die Algecirasjacke zu eng geworden, gar nicht mehr ernsthaft angestrebt werden könne. Ich hätte aber schon Herrn Cambon gesagt, dass wir gern bereit seien, uns mit den Franzosen ohne Rekriminationen über das Geschehene auch auf anderer Grundlage auseinanderzusetzen. Herr Cambon habe das günstig aufgenommen, dabei aber angedeutet, dass die französische öffentliche Meinung eher jede andere Entschädigung Deutschlands als eine solche im Süden Marokkos ertragen würde. Ich hätte Herrn Cambon darauf erwidert, auch dazu seien wir bereit; Herr Cambon habe sich bereit erklärt, den Gedanken in Paris zu befürworten; nur darüber, wer den ersten Vorschlag machen solle, hätten wir uns vorläufig nicht verständigen können.

Ich hielte es für selbstverständlich, dass bei einem etwaigen deutsch-französischen Arrangement neben Spanien, dem Frankreich Zusicherungen gemacht zu haben scheine, vor allem auch die nicht unbedeutenden englischen Interessen in Betracht gezogen werden müssten. Ich hielte aber trotzdem für das Beste, wenn zunächst Deutschland und Frankreich, deren Beziehungen gerade in den letzten Zeiten durchaus freundliche gewesen seien, mit einander sprächen. Sie könnten dann zunächst England und Spanien in's Vertrauen ziehen und dann erst an die weniger interessierten Mächte herantreten; ein Misstrauen Englands sei bei seinen nahen

Beziehungen zu Frankreich wohl kaum zu befürchten; auch könne es ja über die Verhandlungen auf dem Laufenden gehalten werden [1].

Der Botschafter bat mich dann noch, ihn über die Entwickelung der Angelegenheit auf dem Laufenden zu halten. Das habe ich ihm zugesagt.

Kiederlen.

Перевод.

Российский посол посетил меня сегодня и сообщил мне, что он имеет поручение от своего правительства запросить меня о значении и цели нашего выступления в Агадире.

Прежде всего я изложил послу фактический ход событий. Я сказал ему, что в результате действий французов фактически создалась опасность для наших немаловажных интересов на Юге. Никакой защиты этих интересов нигде не существовало; поэтому мы были вынуждены, вследствие обращенной к нам недавно просьбы многих солидных германских фирм, послать в Агадир для защиты наших подданных и их интересов находившуюся и без того на обратном пути канонерку «Пантеру»; так как эта последняя нуждалась в ремонте, она была заменена «Берлином». Я удивлен, что в части иностранной прессы были высказаны сомнения относительно значительности наших интересов и относительно необходимости их защиты; мы не высказывали никаких сомнений, когда французы уверяли, что их колония в Феце в опасности и что они должны послать экспедицию для ее спасения. При этом наш консул в Феце постоянно доносил, что никакой опасности нет, и события показали, что он был прав.

Нет нужды доказывать, что действия Франции вышли из рамок Алжесирасского акта. В подтверждение этого я привел послу целый ряд фактов и в особенности указал на то, что по Алжесирасскому акту, после долгих переговоров, за Францией и Испанией было признано право сформировать туземную полицию под руководством иностранных инструкторов под международным контролем, в строго определенных портах и на вполне определенных условиях. Теперь Франция начинает бесцеремонно создавать подобные учреждения в части внутреннего района. Я считал однако второстепенным вопрос о том, нарушили ли французы международное соглашение и в каких пунктах. Мы умышленно избегали делать французам упреки и ловить их на отдельных фактах. Это привело бы к бесполезным взаимным обвинениям и к ухудшению наших отношений с Францией. Совершенно независимо от вопроса о том, был ли и каким образом нарушен Алжесирасский акт, Франция была, как я готов признать, вынуждена событиями предпринять целый ряд действий, которые могут по меньшей мере лишь искусственно толковаться, как не выходящие из рамок Алжесирасского акта. Это неизбежно должно было повести к трениям, которые могут быть устранены лишь искренним и дружеским обменом мнениями. К такому обмену мы готовы, и в Париже это знают. Предпосылкой соглашения естественно является однако то, чтобы Франция не проглотила одна марокканский кусок и втихомолку не выставила бы нас за дверь. Франция довольно основательно и последовательно готовилась к этому. Сперва она укрепилась в Казабланке, потому что находящиеся там французские предприятия были в опасности, и вместо того, чтобы по восстановлении порядка уйти из Казабланки, она распространилась там подобно масляному пятну, а для того, чтобы иметь возможность удержать непринадлежащую ей Казабланку, она заняла постепенно всю Шауйю. Потом она заняла Фец, затем Маракеш, и это должно же было когда-нибудь кончиться. Итак, никто не может отказать нам в признании, что мы с большим спокойствием и далеко идущей предупредительностью по отношению к Франции следили за развитием событий. Во всяком случае мы не сомневаемся, что возвращение к status quo ante больше невозможно, и что французы, которым алжесирасская куртка стала слишком узка, к этому серьезно и не стремятся. Я уже сказал г. Камбону, что мы готовы, без упреков за прошлое, объясниться с французами также и на других основаниях. Г. Камбон благоприятно отнесся к этому предложению, но намекнул при этом, что французское общественное мнение согласится скорее на всякую другую компенсацию Германии, чем на компенсацию в южной части Марокко. Я ответил г. Камбону, что мы согласны и на это; г. Камбон выразил готовность поддержать эту мысль в Париже; мы пока не могли только договориться о том, кто первый должен сделать предложение.

Я считаю само собой разумеющимся, что в случае франко-германского соглашения, наряду с интересами Испании, которой Франция дала повидимому заверения, должны быть приняты во внимание и немаловажные английские интересы. Я однако считаю, что самое лучшее было бы, чтобы прежде всего между собой вступили в переговоры Германия и Франция, отношения которых как раз за последнее время носили крайне дружественный характер.

---

[1] В Gr. Pol. далее следует: «Der Botschafter war sichtlich befriedigt über meine Ausführungen und fragte mich, ob es unsern Intentionen entspräche, wenn Russland sich in Paris im Sinne einer direkten Verständigung mit uns ausspräche. Als ich dies bejahte, versprach Graf Osten, in diesem Sinne nach Petersburg zu berichten». («Посол был видимо удовлетворен моими объяснениями и спросил меня, соответствует ли нашим намерениям, чтобы Россия высказалась в Париже за непосредственное соглашение с нами. Когда я ответил утвердительно, граф Остен обещал послать в Петербург донесение в этом смысле».)

Затем они могли бы привлечь к переговорам Англию и Испанию и только тогда обратиться к менее заинтересованным державам: едва ли можно опасаться недоверия Англии при ее близких отношениях с Францией; кроме того, ее можно было бы держать в курсе переговоров.

Затем посол попросил меня держать его в курсе развития событий. Я ему обещал это.

Кидерлен.

№ 180. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 521 [1]. 7 июля/24 июня 1911 г.

Сообщаю в Лондон.

Между Шустером и Морнаром [2] — острый конфликт из-за разграничения их взаимных прав и обязанностей. По принятии меджлисом закона, определяющего его полномочия, Шустер, помимо Морнара и даже с ним не познакомившись, обратился к обоим банкам и к другим банкирским конторам с просьбой перестать выплачивать таможенные доходы по чекам Морнара, последнему же написал письмо с требованием перевести на его имя все таможенные поступления и впредь уплачивать даже жалование таможенной администрации не иначе, как чеками, контрассигнированными Шустером. Морнар находит последнее условие унизительным для бельгийцев, лишающим их столь необходимого авторитета среди туземных таможенных служащих и фактически подчиняющим бельгийцев другим иностранцам, что бельгийское правительство в прошлом считало недопустимым. Кроме того, наш договор о конверсии предусматривает право Морнара удерживать из таможенных поступлений ежегодно 350 000 томанов на содержание администрации и затем тот же договор постановляет, что обязательные расходы уплачиваются нашим банком по приказу министра финансов, посредством таможенного управления. Требуя только, согласно с достоинством бельгийцев, независимости в их специальной сфере, Морнар нисколько не желает уменьшать прав главного казначейства, в полное распоряжение коего должны поступать остатки от таможенных поступлений, по уплате всех гарантированных последними обязательств. Конфликт очень обострился тем, что желающий подслужиться американцам Шахиншахский банк, не предупредив Морнара о получении от Шустера указаний и не попытавшись привести обоих этих лиц к соглашению, отказался уплатить по нескольким чекам Морнара, из которых один чек на уплату нашему банку временно находившихся в Шахиншахском банке доходов с северных таможен, а другой был выдан на имеющий специальное назначение таможенный фонд, который открыт лично на имя Морнара. Последнее обстоятельство настолько возмутило бельгийскую миссию, что она обратилась к Барклаю с официальной жалобой, угрожая директору банка судом в случае неполучения удовлетворения. Вообще директор и Шустер поступили с Морнаром как с каким-нибудь вором, несмотря на прекрасную и успешную его службу в Персии. Наш банк будет следовать указаниям Шустера лишь относительно остатков, во всем же остальном он руководствуется исключительно постановлениями договора о конверсии. Барклай очень недоволен директором банка за его грубый поступок и за то, что он не обратился к нему своевременно за указаниями, но предпочитает остаться нейтральным в возникшем споре, чтобы избежать обвинения в противодействии американцам. Хотя Шустер и обещает аккуратно производить все интересующие нас выплаты, мне кажется, что нам невыгодно допускать отступления от договора, так как американцы могут скоро уйти и главным казначеем может быть назначен перс. Поэтому я, основываясь на вышеупомянутом договоре и на ноте Гартвига и Марлинга от [6 марта] 22 февраля 1908 г. за № 78, упоминаемой в депеше Гартвига того же года за № 41 [3], и на традиционных наших отношениях

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 193, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[2] Главный директор персидских таможен.

[3] В деп. от 19/6 марта 1908 г. за № 41 росс. посланник в Тегеране Гартвиг сообщал, что он и англ. поверенный в делах Марлинг передали шахскому прав-ву ноту с заявлением о том, что Россия и Англия «не допустят никаких изменений в администрации таможен» и что эта нота «произвела, повидимому, должное впечатление на шахское правительство».

с бельгийцами, позволил себе высказать Барклаю мое негодование на поступок директора банка и горячо заступился за Морнара перед шахским правительством, которому я также намекнул, что в случае ухода бельгийцев буду ходатайствовать перед императорским правительством о замещении их русскими чиновниками. Если вашему превосходительству угодно одобрить мой образ действий, то я считал бы желательным еще решительнее поддержать бельгийцев перед персами и еще яснее высказаться относительно русских чиновников. К сожалению, ни Барклай, ни я не могли миролюбивым посредничеством содействовать улажению инцидента, так как Шустер, в погоне за популярностью среди националистов, не счел нужным сделать визиты иностранным представителям.

Прошу указаний [1].

Поклевский.

№ 181. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 853. 8 июля/25 июня 1911 г.

Сообщается в Цетинье и в Вену [2].

Вчера я высказал турецкому послу, что ввиду продолжающихся у турок переговоров как с албанцами, так и с черногорцами, не может быть сомнения, что турецкое правительство не возобновит военных действий [12 июля] 29 [июня], по истечении отсрочки, данной для изъявления албанцами покорности.

Сегодня австрийский посол предложил нам от имени своего правительства преподать в Константинополе советы в изложенном смысле, сказав, что со стороны Италии уже изъявлено на это согласие.

Я ответил Турну, что очень рад совпадению мыслей у нас и в Вене, но что от совместного или одновременного заявления лучше воздержаться, дабы наши усилия не были истолкованы в смысле вмешательства во внутренние дела Турции; что, впрочем, императорское посольство в Константинополе не упускает случая воздействовать на Порту в умеряющем смысле и что оно, вероятно, имело уже возможность высказываться в предлагаемом духе.

Нератов.

№ 182. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [3]. 8 июля/25 июня 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Je me réfère à votre télégramme secret du [5 juillet] 22 courant [4]. Ayant vu le secrétaire d'Etat ce matin, j'en ai profité pour l'informer de votre dernier entretien avec le comte de Pourtalès au sujet des affaires marocaines.

---

[1] Тел. от 8 июля/25 июня за № 523 (опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 197) Поклевский сообщал Нератову (копия Бенкендорфу): «Представляется очень странным, что Шустер начал свою деятельность в Персии с попытки подчинить себе и дискредитировать единственную уже правильно организованную европейскую администрацию. Можно предполагать, что националисты, тщетно стараясь в течение нескольких лет разрушить таможенную администрацию, ныне надеются достигнуть этого результата при помощи американцев». Далее Поклевский передавал: «Мне кажется, что, следуя традиционной нашей политике в этом вопросе, нам необходимо самым энергичным образом поддержать бельгийцев. Имея столь законную под собой почву, мы не можем заслужить обвинение в желании нарочно противодействовать американцам, которым в то же время полезно будет указать на необходимость считаться с нашими правами и влиянием».

[2] Публикуемая тел. была в тот же день сообщена Нератовым в Цетинье и Вену за №№ 852 и 854.

[3] Черновой отпуск, хранящийся в делах б. росс. пос-ва в Берлине. Датирован 9 июля/25 июня.

[4] См. № 166

Je lui ai demandé en premier lieu s'il acceptait la paternité des explications données par son ambassadeur à Pétersbourg sur la portée politique de l'envoi à Agadir d'une cannonière allemande la «Panthère».

Dans le cours de ces explications j'ai proposé à Mr. de Kiderlen de fixer en commun, séance tenante, la réponse que vous attendiez de moi.

Vous la trouverez ci-jointe sous forme d'un compte-rendu [1].

J'ai laissé à dessein les expressions et les tournures de phrases parfois peu correctes du secrétaire d'Etat pour leur garder la saveur d'un premier jet de sa pensée et pour engager davantage sa parole.

Votre excellence aura probablement comme moi l'impression que l'incident d'Agadir n'aurait peut-être pas eu lieu si la France n'avait pas interrompu les entretiens engagés sur l'initiative de Mr. Cambon. La coïncidence que cette rupture s'était produite après l'entrée des troupes françaises à Fez a blessé le Cabinet de Berlin qui soupçonne la France d'avoir voulu jouer l'Allemagne.

Le principal danger de la situation actuelle gît dans le fait que la France cherche à exercer une pression sur l'Allemagne par la menace du secours qu'elle espère trouver dans les Cabinets de St.-Pétersbourg et de Londres.

La presse française exaspère l'opinion publique en Allemagne en faisant des allusions sur le danger que risque l'Allemagne d'un secours en faveur de la France de ses alliés.

Mr. de Kiderlen craindrait de ne pas se trouver dans un moment donné assez fort pour tenir tête aux exigences d'une opinion publique exaspérée.

En effet, le secrétaire d'Etat ne cesse de recevoir des lettres belliqueuses qui représentent le moment actuel comme le plus favorable pour un appel à l'ultimo ratio, tandis que le gouvernement s'efforce à trouver dans des pourparlers, conduits avec une égale loyauté et sans récriminations, un moyen d'arriver à une issue pacifique du problème marocain.

Sur sa demande je laisse à Mr. Kiderlen copie de l'incluse [1].

Je crois de mon devoir d'ajouter que le secrétaire d'Etat se recommande à la discrétion de votre excellence.

Veuillez agréer, etc.

[Osten-Sacken.]

Перевод.

Г. управляющий,

Ссылаюсь на вашу секретную телеграмму от [5 июля] 22 сего июня. Я воспользовался свиданием с статс-секретарем сегодня утром, чтобы уведомить его о вашем последнем разговоре с графом Пурталесом о марокканских делах.

Прежде всего я спросил, признает ли он себя автором объяснений, данных его послом в Петербурге относительно политического значения посылки в Агадир германской канонерки «Пантера».

Во время этой беседы я предложил г. Кидерлену тут же составить совместно ожидаемый вами от меня ответ.

Вы найдете его в виде прилагаемого при сем доклада.

Я умышленно оставил без изменения выражения и порой не вполне правильные обороты речи статс-секретаря, чтобы сохранить в них оттенки непосредственного выражения его мысли и чтобы в большей мере связать его сказанными им словами.

У вашего превосходительства, как и у меня, вероятно создастся впечатление, что Агадирский инцидент не имел бы, может быть, места, если бы Франция не прервала переговоров, начатых по инициативе г. Камбона. То совпадение, что этот перерыв произошел после вступления французских войск в Фец, задело берлинский кабинет, подозревающий Францию в желании обмануть Германию.

Главная опасность настоящего положения заключается в том, что Франция стремится оказать давление на Германию, угрожая ей помощью, которую она надеется найти у петербургского и лондонского кабинетов.

Французская пресса вызывает раздражение германского общественного мнения своими намеками на грозящую Германии опасность ввиду помощи, которую могут оказать Франции ее союзники.

---

[1] См. приложение к публикуемому документу.

Г. Кидерлен опасается, что в известный момент он не будет в силах противиться требованиям раздраженного общественного мнения.

В самом деле, статс-секретарь не перестает получать воинственные письма, в которых настоящий момент изображается, как наиболее благоприятный для призыва к ultima ratio, в то время, как правительство стремится найти в переговорах, ведущихся с равной лойяльностью и без взаимных упреков, средство мирного разрешения марокканского вопроса.

По просьбе г. Кидерлена я оставляю ему копию приложения.

Считаю долгом прибавить, что статс-секретарь полагается на скромность вашего превосходительства.

Примите и пр.

[Остен-Сакен.]

Приложение.

Compte-rendu de mon entretien confidentiel avec Mr. de Kiderlen-Waechter, rédigé en commun avec lui [1].

Zehlendorf, 8 июля/25 июня 1911 г.

Je me suis acquitté auprès de Mr. de Kiderlen des ordres reçus par votre télégramme secret du [5 juillet] 22 courant [2]. Je dresse avec Mr. de Kiderlen la réponse suivante:

Il va sans dire que les engagements que l'Allemagne a pris sont valables pour elle en tant qu'ils seront respectés par les autres Puissances. Quant à l'engagement de 1909, entrevenu exclusivement entre la France et l'Allemagne, il n'a de valeur d'après son texte, tant que sera respecté l'acte d'Algéciras. L'Allemagne appuie principalement sur le fait que la France pour la protection de ses sujets est allée à Casablanca et y est restée en administrant toute la province comme un territoire français et qu'elle est allée à Fez en allégant la nécessité de la protection des sujets français. On ne saurait donc récuser à l'Allemagne le même droit de protéger ses sujets. Mr. de Kiderlen m'a fait observer que jusqu'ici l'Allemagne n'avait pas occupé un pouce de territoire marocain.

L'Allemagne s'est montrée prête, en évitant toute récrimination, de s'entendre avec la France qui étendait journellement son influence absolue dans le Maroc. Sur des propositions françaises l'Allemagne est entrée en négociations avec elle. Un texte d'un arrangement fixé entre l'ambassadeur de France et le gouvernement allemand a été amendé par le gouvernement français. Ces amendements ont également été acceptés par l'Allemagne. Paris n'a plus répondu. Ceci s'est passé au moment où la France préparait son expédition à Fez. Ce procédé français ne pouvait pas encourager le gouvernement allemand à continuer les pourparlers. Mais il est prêt tous les jours à les reprendre et il a surtout le désir d'éviter la question si l'acte d'Algéciras a été ou non lésé. Les dernières nouvelles de la presse française ont produit une très mauvaise impression en Allemagne, vu que celle-ci est menacée de la part de la France de l'ingérence en sa faveur de ses alliés. Dans cet état de choses le gouvernement allemand voit le seul danger, car l'opinion publique en Allemagne ne saurait supporter une retraite de son gouvernement devant une pression venant de l'étranger. Le gouvernement allemand fera tout son possible pour éviter un tel développement de la question et il espère que les gouvernements amis de la France voudront agir sur la France pour l'empêcher dans les conversations qu'elle semble disposée à engager avec l'Allemagne de la menacer constamment de l'appui de ses alliés.

Pour la dernière partie de votre réponse faite à Pourtalès, le secrétaire d'Etat m'a répondu que la démarche à Agadir a été motivée par le droit et le devoir que toute Puissance a de venir au secours de ses sujets, droit qui n'a pas été restreint par l'acte d'Algéciras, et dès que la situation ne sera plus menaçante pour les intérêts de ses sujets, l'Allemagne se retirera, autant que la France l'a promis pour les endroits qu'elle a occupés dans l'intérêt de la protection de ses propres

[1] Заголовок оригинала.
[2] См. № 166.

sujets. Comme conclusion le secrétaire d'Etat m'a confirmé confidentiellement une nouvelle fois que tout son but était d'éviter d'arriver avec la France à des récriminations mutuelles sur ce qui s'était passé, mais de rechercher en commun une solution respectant les droits des autres et garantissant une solution de nature à éviter à l'avenir tout froissement à propos de la question marocaine.

Перевод.

Отчет о моей доверительной беседе с господином Кидерлен-Вехтером, составленный совместно с ним.

Я выполнил [в беседе] с г. фон Кидерленом указания, содержавшиеся в вашей секретной телеграмме от [5 июля] 22 сего месяца. Совместно с г. фон Кидерленом я составляю следующий ответ:

Само собой разумеется, что обязательства, взятые на себя Германией, остаются для нее в силе постольку, поскольку они будут соблюдаться другими державами. Что касается обязательства 1909 г., заключенного исключительно между Францией и Германией, то, по своему тексту, оно имеет силу до тех пор, пока будет соблюдаться Алжесирасский акт. Германия подчеркивает главным образом тот факт, что Франция заняла Казабланку для защиты своих подданных и осталась там, управляя всей провинцией как французской территорией, и что она заняла Фец под предлогом необходимости защиты французских подданных. Следовательно и Германии нельзя отказать в праве защиты своих подданных. Г. фон Кидерлен заметил мне, что до сих пор Германия не заняла ни одной пяди марокканской территории.

Германия высказала готовность, избегая всяких взаимных упреков, договориться с Францией, которая с каждым днем все более и более распространяет свое неограниченное влияние на Марокко. По предложению Франции Германия вступила с ней в переговоры. Французское правительство внесло поправки в текст соглашения, выработанного французским послом совместно с германским правительством. Эти поправки были приняты и Германией. Ответа из Парижа не последовало. Это произошло в то время, когда Франция подготовляла свою экспедицию в Фец. Такой образ действий Франции не мог поощрить германское правительство к дальнейшим переговорам. Но оно готово возобновить их в любой день, и в особенности оно желает не затрагивать вопроса о том, был или не был нарушен Алжесирасский акт. Последние сообщения французской прессы произвели очень дурное впечатление в Германии ввиду угроз со стороны Франции, что ее союзники вмешаются в ее пользу. По мнению германского правительства, единственная опасность кроется в этом положении вещей, так как общественное мнение Германии не допустит, чтобы ее правительство отступило перед давлением извне. Германское правительство сделает все для него возможное, чтобы избежать такого развития вопроса, и оно надеется, что дружественные Франции правительства окажут на нее воздействие, дабы во время собеседований, которые она расположена, повидимому, начать с Германией, удержать ее от постоянных угроз вмешательства ее союзников.

По поводу последней части ответа, данного вами Пурталесу, статс-секретарь сказал мне, что выступление в Агадире мотивируется правом и обязанностью всякой державы притти на помощь своим подданным, правом, которое не было ограничено Алжесирасским актом, и, как только положение перестанет быть угрожающим для интересов ее подданных, Германия уйдет так же, как то обещала сделать Франция в отношении местностей, оккупированных ею с целью ограждения интересов ее собственных подданных. В заключение статс-секретарь еще раз доверительно подтвердил мне, что его целью было избежать взаимных обвинений по поводу всего происшедшего и совместно искать разрешения вопроса, ограждающего права других и гарантирующего решение, способное предотвратить в будущем всякие трения по поводу марокканского вопроса.

№ 183. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 525 [1]. 8 июля/25 июня 1911 г.

Оказывается, что один из трех новых американцев [2] должен быть офицером, на коего предположено возложить обязанности организации при главном казначействе специальной жандармерии для содействия взиманию налогов и пода-

[1] Царск. экз. Опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 198, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[2] Тел. от 26/13 июня за № 474 Поклевский сообщал: «Меджлис санкционировал приглашение еще трех американцев на должность младших кларков».

тей. Барклай сообщил мне под большим секретом, что Шустер в частном письме предложил эту должность Стоксу, покидающему в будущем октябре место военного агента при великобританской миссии. В письме указывается, что полем деятельности Стокса будет преимущественно, но не исключительно, Юг Персии. На случай запроса со стороны великобританского правительства, позволю себе заметить, что приглашение Стокса на персидскую службу противоречило бы желанию обоих правительств видеть на подобных должностях в Персии подданных второстепенных держав. Мне также кажется, что мы могли бы согласиться на назначение Стокса лишь в случае предоставления подобной же должности русскому офицеру в сфере нашего влияния, либо если бы организация персидских военных сил была поручена нашим инструкторам. Вообще эти предположения представляются однако маловероятными при нынешнем меджлисе [1].

П о к л е в с к и й.

№ 184. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 855 [2]. 9 июля/26 июня 1911 г.

Сообщается в Тегеран.

Ссылаюсь на телеграммы Поклевского за № 521 [3] и 523 [4].

По поводу конфликта между Шустером и Морнаром Бьюкенен уже обратился ко мне, указав при этом, что Грей склоняется па сторону Шустера, которого поддерживает Барклай, вопреки тому, что он говорил Поклевскому. Наша точка зрения, которую я намерен высказать Бьюкенену, сводится к следующему.

В согласии с великобританским правительством мы всемерно стремимся способствовать установлению в Персии прочного порядка. Одним из важных факторов последнего является несомненно таможенная администрация, единственная отрасль персидского управления, которая, благодаря многолетним трудам бельгийцев, поставлена вполне удовлетворительно. Поэтому бельгийцы всегда пользовались покровительством как с нашей, так и с английской стороны. Если мы теперь от них отступимся и допустим замену их другими лицами, то мы пойдем навстречу неизвестности, которая может подорвать все нынешнее благоприятное положение вещей в этой отрасли управления. Далее, по соглашению с лондонским кабинетом, мы твердо установили принцип, что, допуская привлечение к административному делу в Персии подданных второстепенных государств, мы должны всемерно избегать предоставления руководящей роли в этой стране подданным крупных держав, каковой являются несомненно и Соединенные Штаты. Мы согласились допустить приглашение Шустера и его сотрудников лишь из желания не обострять отношений с персидским правительством и считая, что деятельность их будет ограничена ролью советников; предоставлять же им фактически полное распоряжение всеми финансами, а через то и вообще всеми делами страны, мы считаем безусловно опасным и потому совершенно недопустимым. В противном случае в Персии неизбежно возникло бы влияние третьей державы, наличность коего противоречила бы одной из главных основ нашей совместной политики с Англией в этой стране.

Независимо от этого, пункт *Б* статьи четвертой соглашения между нашим Учетно-ссудным банком и шахским правительством ясно определяет роль таможенного управления в расходовании известной части доходов северных таможен. Допускать какие-либо изменения в этом отношении мы не намерены, так как это могло бы поколебать веру персов в незыблемость означенного соглашения вообще.

[1] Публикуемая тел. была передана Нератовым в Лондон 11 июля/28 июня за № 871 (опубл. Siebert, II, S. 122, N 420).
[2] Опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 199, с сокращениями и стилистическими изменениями.
[3] См. № 180.
[4] См. стр. 197, прим. 1.

Ввиду изложенных соображений мы считаем безусловно необходимым оказать поддержку Морнару и надеемся, что великобританское правительство признает возможным стать на нашу точку зрения и присоединиться к нам для совместных действий в указанном направлении.

Благоволите в ваших разговорах с Греем по этому вопросу энергично поддержать мое заявление Бьюкенену в этом смысле и о последующем телеграфировать [1].

Нератов.

№ 185. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Берлине Остен-Сакену и поверенному в делах в Вашингтоне Н. Кудашеву.

Телеграмма № 857. 9 июля/26 июня 1911 г.

Sub N 2 vous trouverez un projet de mémorandum à remettre au gouvernement auprès duquel vous êtes accrédité [2].

Veuillez vous concerter avec votre collègue du Japon qui est chargé de faire une communication analogue indépendamment de vous, mais le même jour.

La date de la communication est fixée pour mardi, le [11 juillet] 28 juin.

Veuillez ajouter de vive voix que nous demandons dans cette question également le concours des trois autres gouvernements intéressés [3].

[Nératow.]

Перевод.

За № 2 вы получите проект меморандума для вручения правительству, при котором вы аккредитованы.

Благоволите сговориться с вашим японским коллегой, которому поручено сделать аналогичное сообщение независимо от вас, но в один и тот же день.

Дата сообщения назначена на вторник, [11 июля] 28 июня.

Благоволите прибавить на словах, что в этом вопросе мы обращаемся также за содействием к трем другим заинтересованным правительствам.

[Нератов.]

№ 186. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Берлине Остен-Сакену и поверенному в делах в Вашингтоне Н. Кудашеву.

Телеграмма № 858 [4]. 9 июля/26 июня 1911 г.

N 2.

Texte de la communication:

Les renseignements qui parviennent au gouvernement impérial russe indiquent que la clause 16 du contrat passé par le gouvernement chinois et le syndicat des banquiers américains, anglais, français et allemands pour l'emprunt de £ 10 000 000 [5], contient l'obligation du gouvernement chinois de s'adresser en premier lieu à ce syndicat pour tous les emprunts ultérieurs destinés au développement

---

[1] Тел. от 14/1 июля за № 145 Бенкендорф сообщил, что Никольсон хочет предварительно запросить у Барклая более подробные сведения и считает возможным посредничество росс. и англ. посланников в Тегеране между Шустером и Морнаром.

[2] См. № 186.

[3] Тел. от 11 июля/28 июня за № 46 Остен-Сакен сообщил Нератову: «Сделал сегодня статс-секретарю по иностранным делам предписанное телеграммой № 858 [см. № 186] сообщение. Фон Кидерлен принял к сведению наше заявление для изучения вопроса».

Тел. от 12 июля/29 июня (без номера) Н. Кудашев сообщил, что он передал меморандум государственному секретарю, который заверил его «в полной готовности рассмотреть все наши доводы и пожелания». «Я вынес однако впечатление, — продолжал Кудашев, — что он будет убеждать нас в том, что 16-я статья монополии не создает».

[4] Лит. копия. Опубл. Gr. Pol., Bd. XXXII, S. 179, N 11756, Anlage 1.

[5] В Gr. Pol.: «10 millions dollars» («10 млн. долларов»).

de la Mandchourie et de l'inviter à participer par ses fonds aux entreprises industrielles chinoises dans cette région. Une pareille stipulation crée au syndicat susindiqué une situation préférentielle en Mandchourie. Le syndicat paraît prétendre à un monopole des entreprises financières et industrielles dans la région où la Russie possède d'importants intérêts spéciaux.

Le gouvernement russe a toujours respecté les droits appartenants aux autres nations en Mandchourie et tient de son côté à ce que aucune atteinte ne soit portée à ses droits légitimes acquis dans cette contrée.

Or, le projet en question tendant à entraver le développement des intérêts russes en Mandchourie en créant au syndicat une situation tout à fait exceptionnelle, le gouvernement russe aime à espérer qu'il sera tenu compte des objections formulées ci-dessus et s'adresse au gouvernement des Etats Unis (d'Allemagne) avec la prière de ne pas refuser d'user de son influence en vue de faire révoquer la clause 16 du dit contrat.

Fin de la communication à faire. [N é r a t o w.]

№ 2. *Перевод.*

Текст сообщения:

Получаемые императорским российским правительством сведения указывают, что 16-я статья контракта, заключенного китайским правительством и синдикатом американских, английских, французских и германских банкиров на заем в 10 000 000 ф. ст., содержит обязательство китайского правительства обращаться в первую очередь к этому синдикату по поводу всех будущих займов, предназначенных для развития Манчжурии, и предложить ему принять участие своими капиталами в китайских промышленных предприятиях в этой области. Подобное условие создает вышеуказанному синдикату преимущественное положение в Манчжурии. Синдикат претендует, повидимому, на монополию финансовых и промышленных предприятий в районе, где Россия имеет значительные специальные интересы.

Российское правительство всегда уважало права, принадлежащие другим нациям в Манчжурии, и, со своей стороны, желает, чтобы приобретенным ею в этой области законным правам не было нанесено никакого ущерба.

Так как указанный проект имеет тенденцию затруднить развитие русских интересов в Манчжурии, создавая синдикату совершенно исключительное положение, то российское правительство льстит себя надеждой, что вышеизложенные возражения будут приняты во внимание, и обращается к правительству Соединенных Штатов (Германии) с просьбой не отказать употребить свое влияние с целью исключения 16-й статьи указанного контракта.

Конец сообщения.

[Н е р а т о в.]

№ 187. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 861. 10 июля/27 июня 1911 г.

Личная.

Получено частное письмо [5 июля] 22 июня [1].

Вопрос о поездке великого князя в Индию далеко не считается здесь принципиально поставленным на очередь. Если она состоится, мы полагали бы именно желательным устроить присутствие великого князя на самом дурбаре в Дели. Свидание с королем в Калькутте не имело бы того значения и не устранило бы затруднения, на которые указывал Арсеньев [2]. Сопровождение великим князем короля в поездке по Индии после дурбара нами в виду не имелось [3].

[Н е р а т о в.]

---

[1] См. № 170.

[2] См. № 69.

[3] Ответной тел. от 11 июля/28 июня за № 144 Бенкендорф извещал Нератова, что в беседе с Никольсоном о предполагавшейся поездке вел. кн. в Индию он придал этому проекту «характер демонстрации перед Азией англо-русских отношений» и что на этом основании Никольсон придает ему серьезное значение. По мнению Бенкендорфа, «осуществление визита на дурбар встретит большие затруднения. Король захочет показаться там один».

Тел. от 12 июля/29 июня за № 874 Нератов сообщил Бенкендорфу: «Мы далеки от того, чтобы настаивать на приглашении великого князя на коронационные торжества в Индии, и какого-либо определенного проекта на этот счет у нас не существует. Если бы сами англи-

№ 188. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 445. 10 июля/27 июня 1911 г.

Копия в Цетинье.

Получил телеграмму от [11 июля] 28 июня [1]. Ссылаюсь на телеграмму № 433 [2].

Перемирие продолжено на 10 дней. При новом свидании с черногорским посланником министр иностранных дел возобновил откровенный и искренний разговор о сближении, и он добавил: «Мы убеждены теперь, что Россия не возбуждает Черногорию против Турции, но желает добрых отношений между ними. Я уверяю вас, вы об этом не будете сожалеть». Министр видимо убедился, что старания вызвать столкновения между Черногорией и Турцией исходят из Вены и вызваны желанием ослабить обеих. Министр сказал Поповичу, что Турции надо опереться на сербов и обещать удовлетворить в широкой мере сербские пожелания касательно железных дорог. Последнее подтверждается ожиданием французов скорого подписания уговора об окончательных изысканиях Адриатической линии и желания, высказанного великим визирем, чтобы к этим изысканиям было приступлено [3]. Попович считает такой поворот Порты большим успехом короля Николая. Разделяю это мнение и считал бы настоятельно необходимым для ограждения наших политических интересов и сохранения мира скорейший приступ с черногорской стороны к предлагаемым турками переговорам. Здесь вполне выяснилось, что албанская несговорчивость поддерживается австрийским агентом и что между прочим депутат Измаил-Кемаль редактирует различные албанские требования, получая денежную помощь от Австрии. В этом австрийском воздействии на албанцев кроется единственная опасность для мира.

Чарыков.

№ 189. Посол в Токио временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. С.-Петербург, 10 июля/27 июня 1911 г.

Весьма секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Перед своим отъездом в высочайше разрешенный мне отпуск [4] я имел несколько не лишенных политического интереса разговоров с главнейшими государственными деятелями Японии.

чане по общеполитическим соображениям, изложенным в моем письме № 391 [см. № 69] признали это желательным, то приглашение было бы, повидимому, встречено здесь сочувственно. Во всяком случае речь может быть лишь о самом дурбаре, и, если присутствование великого князя на нем будет признано невозможным, то отпадает весь вопрос вообще».

Тел. от 14/1 июля за № 146 Бенкендорф сообщил, что, по мнению Никольсона, имеются непреодолимые затруднения к тому, чтобы вел. кн. присутствовал на дурбаре, но что англ. прав-во сочувственно отнеслось бы к мысли о посылке в Бомбей русского военного судна «под командой капитана, не принадлежащего к числу князей царствующего дома», для того, чтобы приветствовать короля при его прибытии.

[1] Ошибка в дате. Возможно имеется в виду тел. Нератова от 8 июля/25 июня за № 853 (см. № 181).

[2] Тел. от 4 июля/21 июня за № 433 Чарыков извещал Нератова, со слов Поповича, что при свидании с турец. м-ром ин. дел Попович «заметил впервые со стороны министра более примирительное настроение и даже расположение к сближению с Черногорией. Попович воспользовался этим, чтобы возобновить совершенно частным образом разговор об экономическом и пограничном соглашении». Рифаат-паша, сообщал далее Чарыков, «попросил посланника снова притти к нему для продолжения беседы и принести с собой некоторый текст, могущий служить основанием для переговоров». По мнению Чарыкова, было бы желательно, чтобы черногорское прав-во использовало примирительное настроение Порты «для приобретения тех экономических и политических выгод, которые Порта до сих пор систематически отказывалась обсуждать».

[3] См. № 34.

[4] Тел. от 27/14 июня (без номера) Малевский сообщил, что он уезжает в отпуск и сдает управление пос-вом Броневскому.

На прошлой неделе меня навестил маршал князь Ямагата, председатель тайного совета и ближайший «генро» императора, признанный глава ныне стоящей у власти военной партии клана Чиошу. Престарелый маршал, под предлогом пожелать мне счастливого пути, долго распространялся о пользе русско-японского соглашения и высказывал надежды и пожелания дальнейшего укрепления дружеских связей между обеими империями для блага всеобщего мира на Дальнем Востоке и укрепления взаимных интересов России и Японии на азиатском материке.

На беседу князя Ямагаты, не выходившую из области общих мест, я не обратил бы внимания вашего превосходительства, если бы из последующего продолжительного разговора с премьер-министром князем Кацура не убедился, что визит князя Ямагаты имел целью личным авторитетом ближайшего советника императора придать больший вес той политической программе, которую развернули передо мной вслед за тем руководители японской политики — князь Кацура и маркиз Комура.

Князя Кацура я навестил в его частном доме, куда он просил меня приехать для доверительного обмена мнений перед моим отъездом в Петербург.

Премьер-министр начал с того, что предупредил меня, что взгляды современного правительства Японии на необходимость более тесного сближения с Россией являются не личной политикой тех или других государственных деятелей, а выражением мнения всего правящего класса Японии, одобряемого и поддерживаемого как самим императором, так и его сотрудниками, начиная с покойного князя Ито и нынешнего председателя тайного совета маршала Ямагаты. Если он, премьер, и не останется во главе правительства, то это нимало не изменит направления японской политики, тем более, что государственные «старейшие» (генро) достигли преклонных лет и ему, князю Кацура, как лицу, пользующемуся полным доверием императора, даже по выходе из правительства придется часто нести ответственность за направление государственных дел Японии. «Передайте кому следует в Петербурге, — сказал мне премьер, — что правящие классы здесь сознают пользу и необходимость единения между правительствами Японии и России. Если дружба наших народов будет развиваться дальше в том же направлении, то мы будем не только иметь преобладающее влияние на Дальнем Востоке, но и во всем мире, особенно с того момента, как Тихий океан сделается центром соперничества между разными государствами, имеющими в Азии и на Тихоокеанских островах экономические и политические интересы». Общность наших политических задач в Китае, продолжал премьер, требует дальнейшего упрочения и развития, так как Китай сделался ныне ареной всей дальневосточной политики. Что касается собственно Манчжурии, то обстоятельства, по мнению князя, несомненно приведут оба государства к необходимости проявить в ней более решительно свое влияние. «Мы должны быть там хозяевами, но желательно достигнуть такого положения, не вызывая потрясений в самом Китае, ни вмешательства в его судьбы третьих держав. Манчжурский заем четырех держав дает нам ближайший повод показать всему миру нашу обоюдную решимость действовать в манчжурских делах совместно». Говоря о внутренних китайских делах, князь Кацура высказывает пессимистический взгляд на нынешнее состояние китайской империи. Хорошо зная условия китайской государственной жизни, он высказывает убеждение, что в Китае нет людей и что направление теперешнего китайского правительства, стремящегося поправить внутренние дела путем иностранных займов, приведет к самым печальным результатам. Китай запутается в своих внешних долгах, может впасть в государственное банкротство и потерять свою полную независимость: иностранные кредиторы со временем потребуют осуществления гарантий и поставят вопрос о международной опеке над китайскими финансами. «К этому моменту нам следует готовиться, чтобы выступить совместно и добиться действительного обеспечения наших собственных исключительных интересов в Манчжурии. Какой цели должно достигнуть такое выступление, пока предвидеть еще трудно, но, быть может, наилучшим способом ограждения наших взаимных интересов будет установление такого порядка ве-

щей, который создал бы нам обоим в Манчжурии более определенное положение. Само собой разумеется, — прибавил князь Кацура, — что к этой цели мы должны итти осторожно, чтобы не вызвать потрясений в самом Китае и не подать повода к вмешательству третьих держав».

Говоря в заключение о парламентской и военной реформе Китая, премьер отнесся к ним весьма скептически: при разрозненности китайского населения, отсутствии людей и денег самые благие намерения китайского регента и его мандаринов могут остаться бесплодными.

Принявший меня с прощальным визитом накануне моего отъезда министр иностранных дел развил вышеприведенный план, намеченный князем Кацура, с еще большими подробностями. Упомянув о той несомненной пользе, которую принесло обеим державам политическое соглашение 1910 г., маркиз Комура остановился на необходимости дальнейшего развития дружественных отношений между Россией и Японией. Общность наших взаимных интересов в Манчжурии понуждает искать взаимной их поддержки и приведения их в гармонию. Министр уверен, что усиление положения в Манчжурии как России, так и Японии, возможно только при единении. Императорскому правительству должно быть известно настроение политических кругов Японии и стремление японского правительства закрепить взаимные откровенные отношения и дружбу.

Переходя к конкретному вопросу последнего манчжурского займа банкиров четырех держав, маркиз Комура отметил, что настоящее совместное выступление России и Японии перед правительствами Франции и Великобритании с протестом против постановлений контракта о праве приоритета названных финансовых групп, очевидно, касается только настоящего займа [1]. Но следует предвидеть развитие китайских аппетитов; первый удачно заключенный внешний заем поведет Китай к дальнейшим займам и, несомненно, вызовет в недалеком будущем крупную его задолженность. Судя по началу, Китай занимает, не думая о моменте расплаты, и легко идет на разные гарантии лишь бы получить побольше наличных средств на счет дешевого иностранного кредита. При теперешнем внутреннем финансовом и экономическом положении трудно предвидеть, чтобы Китай получил возможность аккуратно выплачивать проценты и погашение по своим внешним долгам. Может наступить момент уже в недалеком будущем, когда возникнет вопрос об удовлетворении кредиторов Китая за счет гарантий, что сведется в сущности к государственному банкротству Поднебесной империи. К этому моменту Россия и Япония должны готовиться, чтобы иметь возможность заявить о своих правах в Манчжурии и вступиться в ограждение своих интересов, которые придется отстоять и обеспечить решительными мерами. Но для этого, по мнению маркиза Комура, необходимо, чтобы оба государства, как Россия, так и Япония, вошли в состав иностранных кредиторов Китая и приняли участие путем ли приобщения к операциям существующей финансовой группы или самостоятельными займами в финансировании предприятий китайского правительства. Само собой разумеется, что сделаться «менторами» Китая на равных основаниях с Англией, Францией и Америкой удастся только в том случае, если Китай вернет России и Японии свое доверие и сам к ним обратится за денежной ссудой.

Говоря затем о современном политическом положении Китая, министр выражает крайне пессимистический взгляд на предстоящую парламентскую реформу и предположенные финансовые преобразования. Парламентская реформа в Японии обошлась без особых потрясений только благодаря тому, что императорская власть опиралась на войско и на хорошо организованную полицию. В Китае нет ни того, ни другого, так как нельзя считать серьезной силой в стране с 400 миллионным населением — сорок тысяч регулярных войск нового образца и те неуверенные попытки, которые делаются ныне для организования сельской полицейской стражи. Итак, можно предвидеть с уверенностью, что введение в Китае конституции вызовет поместные волнения и общую смуту. За неимением в ла-

---

[1] См. № 130 и стр. 113, прим. 1.

гере оппозиции сильных личностей революционное движение едва ли примет широкое распространение, но влияние его на экономические условия страны несомненно будет крайне неблагоприятным и только ускорит финансовый крах Китая. Китаю нужны внешние займы и для административных реформ и для преобразования монетной системы, но — при неумении китайцев — извлечь пользу из этих займов им не удастся. Таким образом, по мнению министра, со стороны Китая не угрожает опасности ни России, ни Японии еще на долгое время. По последним известиям, сообщенным японскому правительству из вполне достоверных источников, регулярных войск нового образца в настоящее время в Китае всего 40 000, из которых 33 000 находятся в Южной Манчжурии и только 7 000 в Северной, куда, насколько известно японскому правительству, никакого передвижения войск из Южной Манчжурии не происходит. Даже при значительном напряжении правительственных усилий число этих новых войск Китая не может возрастать в крупном масштабе.

Если в момент финансового кризиса Китая, продолжал маркиз Комура, Россия и Япония будут единодушны и сильны на Дальнем Востоке, то следует ожидать, что к их политическому блоку примкнет и Англия, и Франция: тогда никакие третьи державы не будут в состоянии угрожать нашим обоюдным интересам в Манчжурии.

Разномыслие между Россией и Японией, по словам министра, может выразиться только по вопросу о других, кроме Манчжурии, областях Китая, где могут возникнуть осложнения местного характера между Россией и Китаем. Сожалея о возможности таких случайностей, Комура просит при этом не забывать, что Япония имеет в Китае крупнейшие торговые интересы, по своим размерам равные английским. С этим обстоятельством надлежит считаться — Япония не может принести свою торговлю с Китаем в жертву, пока не будут затронуты ее собственные жизненные интересы на азиатском материке, как, например, ее интересы в Манчжурии.

О новом вице-короле Чжао Эрр-сюне маркиз Комура получил благоприятные известия от японского генерального консула в Мукдене Койке. Чжао Эрр-сюнь желает жить в мире и с русскими и с японцами, и главное внимание намерен обратить на развитие земледелия для поднятия экономического благосостояния вверенных ему провинций.

В заключение маркиз Комура просил меня поставить в известность императорское правительство о высказанных им взглядах на китайский вопрос, особенно подчеркивая то, что желание Японии еще более тесного сближения с Россией является не личной его, маркиза Комура, или премьер-министра князя Кацура политикой, а взглядом всего правящего элемента Японии, начиная с самого верховного ее правителя, чему доказательством является как деятельность правительства, так и отмеченное прессой настроение общественных групп и парламентских партий. В этом маркиз Комура просил и меня заверить императорское правительство.

В самый день моего отъезда ко мне заезжал еще министр путей сообщения барон Гото, которого, как я неоднократно замечал, присылают ко мне для сообщения предварительных мыслей, не получивших еще определенного официального выражения. Барон Гото говорит со мной в этих случаях как бы от своего имени и совершенно частным образом. На этот раз, распространяясь о необходимости более тесного политического сближения между Россией и Японией, барон Гото сделал мне намек, который я, ввиду его крайней неопределенности и неожиданности, предпочитаю передать вам на словах.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 190. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 870 [1]. 11 июля/28 июня 1911 г.

Сообщается в Лондон.

В дополнение к моей телеграмме за № 855 [2].

Сегодня мной сообщена великобританскому послу наша точка зрения на конфликт между Морнаром и Шустером. Бьюкенен обещал передать ее в Лондон. При этом он сказал, что, по полученным от Барклая сведениям, между Морнаром и Шустером будто бы уже намечается компромисс и что, по мнению лондонского кабинета, обеим миссиям следовало бы путем, каким они признают наиболее удобным, содействовать улажению на месте означенного конфликта.

Я ответил, что не встречаю к тому препятствий, при условии однако, что принципы, изложенные в моей телеграмме за № 855, будут соблюдены.

В означенной беседе я указал Бьюкенену и на то, что предоставленные ныне Шустеру обширные полномочия не соответствуют роли советника, которую шахское правительство предполагало ему придать. Это обстоятельство является, по нашему мнению, отступлением со стороны персов от почвы, на которой в сентябре прошлого года покоились переговоры между ними и обеими миссиями по поводу приглашения американцев [3].

О последующем прошу телеграфировать [4].

Нератов.

№ 191. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 872 [5]. 11 июля/28 июня 1911 г.

Сообщается в Лондон.

Телеграмма за № 525 получена [6].

Сегодня Бьюкенен коснулся вопроса о намерении Шустера поручить Стоксу сформирование специальной жандармерии. Я ответил, что, признавая полезность означенного мероприятия с точки зрения упорядочения персидских финансов, я полагал бы однако, согласно установленному принципу, что создание означенной воинской части должно было бы быть поручено офицеру второстепенной державы или, в крайнем случае, русскому и английскому офицерам в соответствующих районах. Посол обещал передать это своему правительству.

Нератов.

---

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 201, со стилистическими изменениями.

[2] См. № 184.

[3] Далее зачеркнуто: «на что и следовало бы привлечь внимание персидского правительства».

[4] Ответной тел. от 13 июля/30 июня за № 547 (опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 207) Поклевский сообщил, что по настоянию обеих миссий состоялось свидание между Шустером и Морнаром в присутствии м-ров ин. дел и финансов. Определенного соглашения между американцем и бельгийцем на этом свидании не состоялось, позднейшие же действия Шустера указывали, по мнению Поклевского, на то, что надежда на компромисс была преждевременной.

В письме от 12 июля/29 июня, посвященном конфликту Шустера с Морнаром, Поклевский писал: «Я желал бы лишь заметить, что поддержка нами бельгийцев нисколько не нарушает английских интересов в Персии и желание великобританского правительства не вмешиваться в возникший конфликт объясняется другими причинами, ничего общего с Персией не имеющими. Ввиду этого мне казалось бы возможным, чтобы мы оказали в данном случае помощь бельгийцам даже и в том случае, если здешняя великобританская миссия останется совершенно нейтральной. У нас слишком много веских оснований и интересов для объяснения подобного образа действий, и нас едва ли должна пугать перспектива ухода г. Шустера в случае, если ему не удастся настоять на своем. Мне кажется, что благоразумная часть европейского общественного мнения обвинит в этом уходе самого г. Шустера, его самонадеянность, горячность и нежелание ознакомиться с исторически сложившимися условиями в стране, где он был призван играть столь выдающуюся роль».

[5] Опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 202, со стилистическими изменениями и Siebert, II, S. 123, N 421.

[6] См. № 183.

№ 192. Посол [1] в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 73. 12 июля/29 июня 1911 г.

Министр иностранных дел дал мне сегодня следующие весьма доверительные сведения: происшедший третьего дня между Камбоном и Кидерленом разговор не выяснил намерений и пожеланий Германии. Камбон начал с заявления, что Франция ни в каком случае не согласится на утверждении Германии в какой бы то ни было части Марокко. Кидерлен на это не возражал и потребовал несколько дней для обсуждения вопроса с министром колоний. Мимоходом он упомянул о Конго, как о возможном предмете переговоров. Министр иностранных дел обещал мне самым подробным образом держать меня в курсе переговоров.

Извольский.

№ 193. Английский посол в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 13 июля/30 июня 1911 г.

Mon cher Monsieur Nératow,

Sir E. Grey, à qui j'ai fait part de la communication confidentielle que votre excellence a bien voulu me faire au sujet du projet d'un accord avec l'Allemagne[2], m'a chargé de vous rappeler que le texte de l'article III n'est pas conforme aux assurances catégoriques données par Mr. Sazonow, que l'accord ne s'applique pas au chemin de fer au sud de Bagdad [3].

Cependant Sir E. Grey ne veut pas insister sur ce point à condition qu'il soit clairement entendu entre les deux parties contractantes que cet accord ne porte aucun préjudice à la liberté d'action de la Russie au sujet de la majoration de 4% des douanes ottomanes.

Si ce point n'est pas nettement éclairci dès maintenant, il se pourrait que l'Allemagne fût à même d'entraver des négociations futures en soulevant cette question à l'avenir.

J'ai une communication à faire à votre excellence au sujet de notre traité avec le Japon, et je serais très reconnaissant si vous voudriez bien m'indiquer par le téléphone l'heure où je pourrais trouver votre excellence demain.

Votre sincèrement dévoué

Georges W. Buchanan.

Перевод.

Дорогой г. Нератов,

Сэр Э. Грей, уведомленный мной о доверительном сообщении, которое ваше превосходительство соблаговолили сделать мне о проекте соглашения с Германией, поручил напомнить вам, что текст статьи III не соответствует категорическим заверениям, данным г. Сазоновым в том, что соглашение не касается железной дороги к югу от Багдада.

Сэр Э. Грей не хочет однако настаивать на этом пункте при условии, что между двумя договаривающимися сторонами будет ясно установлено, что это соглашение не наносит никакого ущерба свободе действий России в вопросе о 4% повышении турецких пошлин.

---

[1] Тел. от 12 июля/29 июня (без номера) Извольский уведомил, что он вступил в управление пос-вом. См. стр. 101, прим. 3.

[2] См. № 159 и приложение к нему.

[3] В Арх. Вн. Пол. хранится следующая записка под заголовком: «Для памяти», подписанная Нератовым: «Передавая [14] 1 сего июля германскому послу новый проект соглашения по персидским делам, временно управляющий министерством словесно заявил графу Пурталесу следующее: 1) Замена термина «Кония-Багдадская ж. д.» прежнего проекта — термином «Багдадская ж. д.» сделана действительным статским советником Нератовым без предварительного одобрения отсутствующего министра иностранных дел. Он надеется, что министр ничего против этого иметь не будет, если по остальным пунктам состоится соглашение, но считает все же нужным отметить это обстоятельство в виде оговорки 2) Под словами «sacrifice de nature pécuniaire ou économique» следует, между прочим, понимать и 4% надбавку на таможенные пошлины в Турции».

Если этот пункт не будет тщательно выяснен уже теперь, то может случиться, что Германия сможет тормозить последующие переговоры, подняв этот вопрос в будущем.

Я имею сообщение к вашему превосходительству по поводу нашего договора с Японией и я был бы очень признателен, если бы вы сообщили мне по телефону, в какое время я смогу увидеться с вашим превосходительством завтра.

Искренно преданный вам

Джордж В. Бьюкенен.

№ 194. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 74 [1]. 13 июля/30 июня 1911 г.

По сведениям, полученным из Константинополя от Ревуаля, Порта, под давлением Германии и Австро-Венгрии, продолжает противиться сербскому проекту Дунайско-Адриатической железной дороги [2] и высказывается за линию Ускюб—Валона, т. е. за такое направление, которое делает осуществление сказанной железной дороги практически невозможным. Здешний итальянский посол Титтони телеграфировал об этом в Рим и напомнил маркизу Сан-Джулиано, что в 1908 г. он получил от Бюлова и Эренталя формальные уверения, что берлинский и венский кабинеты не будут тормозить осуществления Дунайско-Адриатической железной дороги. Титтони опасается также, что Германия воспользуется переговорами о Марокко, чтобы заручиться отказом Франции от поддержки Дунайско-Адриатической железной дороги и намерен напомнить де Сельву [3], что в этом вопросе Франция связана согласием с Россией и Италией. Я не премину при случае высказаться в том же смысле.

Извольский.

№ 195. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 13 июля/30 июня 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Со времени нашего совместного путешествия в Тырново у меня установились самые хорошие сношения с турецким посланником Ассим-беем, человеком симпатичным, неглупым и нервным. Неделю тому назад, в то время, когда телеграммы агентств указывали на новое ухудшение турецко-черногорских отношений, Ассим-бей, после обеда у германского посланника, отвел меня в порожнюю гостиную и завел весьма серьезный разговор.

Турецкий посланник начал горько жаловаться мне на поведение Черногории и сетовать на то, что недавним выступлением своим Россия [4] — хотя и совершенно вопреки своему желанию — поощрила короля Николая на новые интриги и враждебные Турции действия. «Мы отнюдь не желаем войны; мы знаем, что война может вызвать всеобщий пожар на Балканском полуострове, международное вмешательство и т. д.; вот почему мы многое терпим, но терпению нашему есть предел, и если нас заставят взяться за оружие, то мы возьмемся за него с решимостью отчаяния. То, что я говорю вам, не есть праздный послеобеденный

[1] Опубл. Stieve, I, S. 123, N 98 (где ошибочно адресована м-ру ин. дел). Публикуемая тел. была сообщена Нератовым Чарыкову 16/3 июля за № 893.

[2] Тел. от 15/2 июля 1911 г. за № 886 Нератов сообщал Чарыкову: «Представитель Оттоманского банка Ревуаль телеграфирует в Париж: «Комиссия, назначенная советом министров для изучения направления ж.-д. линий, будто бы настроена определенно враждебно по отношению к Дунайско-Адриатической ж. д. Говорят, что австрийский посол выступил с энергичным заявлением, что он будет возражать против Дунайско-Адриатической железной дороги, если одновременно не будет строиться Санджакская линия. Влияние германского военного генерального штаба также направлено против этой трассы».

[3] У Stieve вместо слов: «и намерен напомнить де Сельву» — «Ich werde de Selves davon erinnern» («Я напомню об этом де Сельву»).

У Stieve слова: «Я не премину... в том же смысле» опущены.

[4] См. №№ 27 и 43.

обмен мыслей; вы знаете, быть может, что я пользуюсь влиянием в среде моей партии и в сферах правительственных; месяца три тому назад я отказался от места посла в С.-Петербурге, вследствие слабости моих легких; я знаю, что я говорю, и мои слова выражают собой самые авторитетные у нас мнения. Позвольте же мне сказать вам, что мы глубоко огорчены переменой, которую ощущаем в отношениях к нам России. Вначале мы думали, что Россия намерена искренно поддержать наши попытки внести мир и порядок в Оттоманскую империю; я сам был горячим сторонником идеи, провозвестником которой является ваш посол в Константинополе, г. Чарыков, о союзе всех балканских государств, под главным политическим водительством Турции, — союзе, направленном против немецкого экономического засилья и эксплоатации. Но где теперь эти мечты? И неужели нет способа установить действительную дружбу в сношениях между вами и нами?»

Я счел долгом предпослать своему ответу замечание, что сам я, в противоположность Ассиму, не пользуюсь ровно никаким влиянием в наших правительственных сферах и поэтому могу ему отвечать только в качестве чисто частного лица; мимоходом я отметил, что лично вовсе не принадлежу к «немцеедам», а напротив того, считаю сохранение мира и добрососедских отношений между Россией и Германией величайшим благом и для моей родины, и вообще для Европы. «Не в науськиваньи друг друга против той или иной державы, — продолжал я, — должны мы с вами искать почвы для дружбы и согласия, а в добром и справедливом упорядочении наших собственных соседских отношений. Мы действительно были искренно расположены оказать младотурецкому правительству и симпатии и всяческую поддержку. Но что пожали мы через каких-нибудь полтора-два года? Проникновение турецких отрядов вплоть до Урмии[1] и продолжающийся захват персидской территории; спешную покупку вами дредноутов и, следовательно, необходимость для нас самих тратить огромные суммы на увеличение Черноморского флота». «Но ведь мы же не безумцы, — прервал меня Ассим-бей, — чтобы готовиться к войне с Россией. Если мы покупаем суда, то единственно для того, чтобы сохранить превосходство морских сил над Грецией, а что касается до проникновения наших отрядов до Урмии, то скажу вам доверительно: мы все время опасаемся, как бы Россия не заняла окончательно Азербайджана; а это вынудило бы нас прямо-таки на враждебные действия».

«Вы забываете, — прервал я в свою очередь моего собеседника, — что ваши дредноуты, купленные для Архипелага, могут через сутки очутиться в Черном море, а нам в Черном море нужно строить суда; я вас предупреждаю, что Россия, чего бы это ей ни стоило, поддержит превосходство своего Черноморского флота над турецким; только, конечно, она не будет благодарна вам за это новое напряжение ее расходов. Что же касается до Азербайджана, то Россия ввела туда свои войска для обеспечения порядка и безопасности караванных путей, и так же выведет их оттуда по миновании надобности; вы же претендуете на территориальные приобретения; и вы играете опасную игру, потому что если только ваши отряды проникнут еще немного далее, в Макинское ханство, они встретят там неминуемо русские войска. Говорю вам это «не как власть имущий», но как человек, все же знающий общественное настроение своей родины». Впрочем, прервал я самого себя, рассмеявшись, оставим эту персидскую почву, на которой мы только-что чуть-чуть не объявили друг другу войны... вернемся к этим добрым малиссорам и черногорцам. Вы говорите все о ваших затруднениях; но подумайте же и о затруднениях Черногории; сегодня выдаст вам она своих албанских соседей головой, а завтра они, озлобленные и мстительные, водворятся в своих горных гнездах; вы будете тогда защищать черногорскую границу от постоянных потрав, нападений, грабежей? Сомневаюсь..»

«Но что же тогда, по вашему, должны мы делать?» — спросил мой собеседник. — «Именно ничего особенного не делать, — ответил я ему, — ваши войска

[1] См. стр. 33, прим. 2.

простоят недели две, три, шесть — если нужно. Малиссоры поймут, наконец, что не их взяла, им надоест жить на «слабосильных порциях» (portions congrues) в Черногории, и они окончательно сдадутся и вернутся. Ваше положение трудное, я это понимаю и сердечно вам сочувствую; но отнюдь не отчаянное и даже не серьезное, лишь бы вы сами не выказывали чересчур много нервности, которая к вам даже и не идет...»

Мы расстались с Ассим-беем в тех же приятельских отношениях, в каких начали эту небезынтересную беседу.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 196. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 147. 14/1 июля 1911 г.

J'ai eu deux conversations avec MM. Homiakoff, Petchkovski et Bark [1]. Ils ont vu Nicolson et quelques financiers. J'ai moi-même revu Nicolson hier. L'impression de ces messieurs et la mienne est qu'un comité d'études à Londres n'est pas organisable avant tout début [2] entre les gouvernements sur un tracé et tout le projet se trouve remis. Le gouvernement anglais, ayant fait le premier pas en nous communiquant ses desiderata dans un mémorandum [3], il me paraît que la seule façon d'éviter une interruption complète serait d'adresser au gouvernement anglais un contre-mémoire qui, laissant pour le moment ouverts tous les autres points du mémorandum anglais et déclarant les réserver pour des négociations ultérieures, se bornerait à dire que si le gouvernement anglais veut renoncer à Bender-Abbas et négocier quelques autres points pour l'entrée de la ligne dans la sphère anglaise, nous acceptons le point final de Karachi.

Benckendorff.

Перевод.

У меня было два разговора с гг. Хомяковым, Печковским и Барком. Они виделись с Никольсоном и несколькими финансистами. Сам я вчера виделся с Никольсоном. Впечатление этих господ, как и мое, то, что в Лондоне невозможно организовать «комитет по изучению» до начала переговоров между правительствами о направлении линии, и весь проект [поэтому] отсрочен. Ввиду того, что английское правительство сделало первый шаг, сообщив нам свои замечания меморандумом, мне кажется, что единственным способом для нас избежать полного перерыва переговоров было бы послать английскому правительству ответную памятную записку, которая, оставляя пока открытыми все другие вопросы английского меморандума и резервируя их для будущих переговоров, ограничивалась бы заявлением, что если английское правительство желает отказаться от Бендер-Аббаса и вести переговоры о других пунктах вступления линии в английскую зону, то мы согласны на Карачи, как на конечный пункт.

Бенкендорф.

№ 197. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 75. 14/1 июля 1911 г.

Ссылаюсь на ваше письмо от [15] 2 июня за № 678 [4].

Только что получил от де Сельва следующее письменное сообщение: «Вследствие ноты императорского российского посольства от 26 июня [5], правительство республики тотчас уведомило о возражениях России французскую группу, которая заявила о своей готовности отказаться от 16-й статьи контракта. Кроме того, французскому послу в Вашингтоне поручено объявить американскому правительству, что французское правительство будет принуждено отказать займу

---

[1] В. Н. Печковский и П. Л. Барк—члены русск. консорциума по сооружению Трансперсидской ж. д. См. также стр. 69, прим. 2.

[2] Так в оригинале.

[3] См. № 3.

[4] См. № 105.

[5] Имеется в виду пам. записка от 26/13 июня (см. № 129).

в котировке, если финансовый консорциум не даст удовлетворения требованию императорского правительства. Наконец, французский министр иностранных дел уведомил вчера утром министра финансов, что он не может дать свое согласие на допущение займа в десять миллионов ф. ст. до тех пор, пока не состоится такое соглашение, которое вполне удовлетворило бы по отношению к ст. 16-й российское и японское правительства».

Текст сообщения вышлю с ближайшим курьером [1].

Извольский.

№ 198. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 459. 14/1 июля 1911 г.

Ссылаюсь на телеграммы №№ 433 [2] и 445 [3].

Видимое уклонение Черногории от переговоров, предлагаемых турецким правительством, и ее новейшие спешные вооружения заставляют подозревать намерение ее нарушить европейский мир или на собственный страх или по наущению венского кабинета. Опасность велика [4]. Только самое решительное воздействие на короля Николая может побудить его последовать образу действия, более согласному с русскими интересами.

Чарыков.

№ 199. Посол в Мадриде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 9. 15/2 июля 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Первая весть о занятии порта Агадира Германией сделалась известной испанскому правительству через здешнее германское посольство.

На дипломатическом приеме посол князь Ратибор вручил министру иностранных дел ноту, излагающую причины (защита подданных и интересов), заставившие германское правительство прибегнуть к помянутому шагу.

Г. Гарсиа Прието растерялся, — как он мне сам сознался потом, — и ограничился принятием заявления «к сведению», сказав послу, что, так как это сообщение является для него вполне сюрпризом, он может о нем высказать только личное мнение и предпочитает поэтому отложить дальнейший обмен мнений до того времени, когда он будет в состоянии говорить от имени своего кабинета.

Князь Ратибор сознался мне, что он тем легче удовлетворился этим ответом, что решение своего правительства и для него также было новинкой; ничего в переписке с Берлином не предвещало чего-либо подобного.

Для Испании, выдвинувшей защиту соотечественников как повод к занятию Лараша, Эль-Ксара [5] и т. д., трудно не признать за другой державой тождественных прав!..

Надо сознаться, что выбор Агадира для демонстрации, — пока принципиального характера, — весьма удачный.

Агадир — не в числе упомянутых в Алжесирасском акте пунктов, хотя и находится в зоне французского протектората. К тому географическое его

[1] Копия пам. записки франц. м-ра ин. дел, датированная 15/2 июля, была препровождена Извольским при деп. от 20/7 июля за № 60 (опубл. Stieve, I, S. 126, N 101). Эта деп., так же как и публикуемая тел., является изложением содержания франц. пам. записки.

[2] См. стр. 204, прим. 2.

[3] См. № 188.

[4] Тел. от 14/1 июля за № 106 С. Арсеньев передавал Нератову: «Сербский посланник Гаврилович сообщил мне, что, по поручению короля, черногорский министр иностранных дел Томанович запросил его, какое положение примет Сербия в случае войны Черногории с Турцией. Он ответил, что никаких инструкций по этому вопросу еще не имеет, но запросит свое правительство».

[5] См. стр. 119, прим. 2.

положение, напротив Канарийских островов, делает его занятие особенно чувствительным для Испании.

В Мадриде удивление уступило место надежде, что выступление Германии не понравится Франции.

В частной беседе министр высказал мне опасение, как бы новый шаг Германии не послужил предлогом к бесконечному занятию Феца!

Я ответил г. Гарсиа Прието, что, по-моему, Франция по отношению к Марокко находится в исключительном положении: призванная султаном, она определенно придерживается провозглашенной программы, и нет причин сомневаться в ее искренности.

Выступление же Германии является скорее ответом на шаги Испании и об этом приходится тем более сожалеть, что весь вопрос вследствие этого вступил в фазис, разрешение которого потребует не мало сговорчивости и взаимной уступчивости.

Здесь все взоры устремлены на то, что сделает Англия? Местная печать старается использовать появление части великобританского флота перед Гибралтаром, но это может произвести впечатление разве на тех, кто не знает, что «Mediterranean Squadron» ежегодно в это время крейсирует в этих краях.

Примите и пр.

Барон Ф. Будберг.

№ 200. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Вене Н. Гирсу.

*/. Телеграмма № 900 [1]. 16/3 июля 1911 г.

Вследствие слухов о новых интригах в Персии со стороны бывшего шаха Мохамеда-Али, находящегося ныне, по газетным сведениям, в Мариенбаде, великобританское правительство предложило нам сделать ему вновь совместное внушение. Не встречаем препятствий к тому, чтобы с вашей стороны, по соглашению с вашим английским коллегой, было сделано Мохамеду-Али следующее заявление: по дошедшим до нас сведениям именем его величества ведется в Персии усиленная агитация. Считаем долгом вновь напомнить ему обязательства, которые он принял на себя перед отъездом из Тегерана и которые были закреплены соглашением [7 сентября] 25 августа 1909 года между персидским правительством и русской и великобританской миссиями. В силу этого соглашения шах рискует лишиться назначенной ему пенсии, если персидское правительство в состоянии будет доказать его участие в упомянутой агитации. Поэтому мы вновь дружески советуем ему тщательно воздерживаться от таковой.

О последующем прошу телеграфировать [2].

Нератов.

№ 201. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 548 [3]. 16/3 июля 1911 г.

Сообщаю в Лондон.

Получил № 872 [4].

Английское правительство запросило Барклая, не будет ли приглашение шведского офицера для организации финансовой жандармерии наилучшим разрешением вопроса о Стоксе. Барклай подсказал эту комбинацию в частном

---

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 3, со стилистическими изменениями.

[2] Ответной тел. от 19/6 июля за № 28 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 8) Н. Гирс сообщил: «По соглашению с английским послом мы решили поручить первым секретарям наших посольств вручить бывшему шаху подписанную нами ноту сообразно с полученными нами инструкциями тождественного содержания. Пока однако не удалось узнать, где находится шах. Местные полицейские власти заявили, что он не в Мариенбаде».

[3] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 4, с сокращениями и стилистическими изменениями и Siebert, II, S. 123, N 422, где помечена N 549.

[4] См. № 191.

письме Шустеру, который в энергичном и несколько диктаторском тоне ответил следующее: «Для финансовой жандармерии им уже приглашены несколько американцев, во главе коих он решил поставить Стокса, который будет находиться под его непосредственным контролем и руководством; выбор Стокса объясняется исключительно его личными качествами, а не политическими соображениями, с которыми Шустер ничего общего не имеет; о приглашении офицеров второстепенных держав не может быть и речи, так как он считает возможным поручить столь ответственное дело лишь человеку, лично ему известному; сделанное им Стоксу предложение всем известно, и отмена его может быть объяснена лишь политическими причинами, чего он допустить не может». С другой стороны, по словам Барклая, Стокс решил, подав в отставку, принять предложенную ему должность, и повидимому, как он, так и Шустер намерены в этом вопросе итти напролом. Барклай очень огорчен этим поворотом дела и вполне понимает, что мы имеем право [1] протестовать перед шахским правительством против приглашения Стокса и угрожать, что если таковое состоится, то мы будем настаивать на назначении русских инструкторов для реорганизации персидской армии. Мне кажется, что последняя угроза является наиболее подходящей, так как русским офицерам не подобает служить под непосредственным начальством Шустера [2], да и последний вместе с персидским правительством будет противиться распределению командования специальной жандармерией соответственно сферам влияния России и Англии. Представляя на решение вашего превосходительства этот самый щекотливый из всех возникших за последнее время вопросов, позволяю себе высказать личное мнение, что, может быть, непосредственные меры воздействия английского правительства на Стокса побудят последнего отказаться от поступления на персидскую службу [3].

Поклевский.

№ 202. Временно управляющий министерством иностранных дел военному министру, министру финансов и министру торговли и промышленности — Сухомлинову, Коковцову и Тимашеву.

Письмо № 428. 17/4 июля 1911 г.
Весьма секретно.

М. г.

Происходившие между Францией и Турцией переговоры о постройке железнодорожных линий на территории последней, затихшие на некоторое время, по доходящим до нас ныне сведениям, должны возобновиться в самом непродолжительном времени.

В связи с этим гофмейстером Чарыковым был выработан совместно с французским послом особый протокол [4] соглашения, коим обусловливаются взаимоотношения наши с Францией, в случае участия последней в железнодорожном строительстве в Турции.

Препровождая у сего копию означенного протокола к вашему ... [5], имею честь покорнейше просить о сообщении мне взгляда вашего по вопросу, насколько

---

[1] У Siebert'a: «sollen» («должны»).

[2] У Siebert'a: «Stokes» («Стокса»).

[3] Ссылаясь на публикуемую тел., Нератов тел. от 17/4 июля за № 903 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 5, со стилистическими изменениями и Siebert, II, S. 125, N 424) предписал Бенкендорфу (копия Поклевскому) осведомиться, считает ли лондонский кабинет возможным путем своего влияния на Стокса добиться отказа последнего от предлагаемой ему должности. Нератов выражал опасения, «что ввиду положения, в которое мы в противном случае будем поставлены, мы можем оказаться вынужденными изыскать для себя какую-либо компенсацию, хотя бы в виде предлагаемого Поклевским требования приглашения наших офицеров для реорганизации персидской армии». Тел. от 18/5 июля за № 151 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 7) Бенкендорф сообщил, что в результате его объяснений с Никольсоном Барклаю были посланы инструкции, которые он имел «основание считать энергичными».

[4] Парафированный проект протокола был переслан Чарыковым в м-во ин. дел при письме от 25/12 апр.

[5] Пропуск в оригинале.

подобный акт при настоящих условиях обеспечивает интересы наши и не встречается ли, по мнению вашему, необходимости каких-либо в нем изменений [1].

В ожидании отзыва вашего пользуюсь настоящим случаем и пр.

[Нератов.]

Приложение.

Projet de protocole [2]. Secret.

Les ambassadeurs de Russie et de France à Constantinople ayant été chargés par leurs gouvernements d'étudier ensemble les modalités d'une entente concernant la sauvegarde des intérêts commerciaux, financiers et militaires de la Russie et de la France dans la construction et l'exploitation de certaines lignes de chemins de fer projetées dans l'Empire Ottoman, sont tombés d'accord pour soumettre à l'approbation de leurs gouvernements respectifs les dispositions suivantes:

I

Les deux ambassades se tiendront mutuellement au courant des négociations qui se poursuivent à Constantinople relativement aux chemins de fer dont l'énumération suit au III du présent protocole.

II

Ces négociations ont pour but la construction et l'exploitation par des groupes français de lignes de chemins de fer soit par voie de concession en Turquie d'Europe, soit au moyen, en Anatolie, de 2 accords distincts, savoir un contrat de construction pour le compte du gouvernement ottoman à conclure entre celui-ci et une compagnie française d'entreprises et une convention d'affermage de l'exploitation par une société ottomane à créer à l'aide de capitaux principalement français.

Les 2 ambassades envisagent aussi et favoriseront la réalisation d'une entente entre les contractants français et le groupe américain «Chester», ou la société qui lui serait substituée, en vue de la jonction éventuelle des lignes respectivement construites et exploitées par eux et de la sauvegarde de leurs intérêts communs dans la construction et l'exploitation de ces lignes et le développement des 2 réseaux.

Le gouvernement ottoman ayant exprimé le désir de s'entendre avec le gouvernement impérial de Russie au sujet du remplacement de l'accord russo-turc de l'année 1900 concernant les chemins de fer d'Anatolie par un autre acte, des pourparlers auront lieu aussi sur cette matière; ils se poursuivront entre l'ambassade impériale de Russie à Constantinople et la Sublime Porte.

III

Les lignes de chemins de fer visées par le présent protocole sont les suivantes:

A. Turquie d'Europe.

1. Le chemin de fer dit «Danube-Adriatique», partant de la frontière serbe à Mrdaré et se dirigeant vers la mer Adriatique par ou près Prichtina, Prizrend et Scutari avec embranchement sur Diakovo et Ipek.
2. Une ligne de Sirovitch à Janina et à la mer.
3. Eventuellement une ligne partant de la frontière bulgare pour gagner Gradska par Istib et se prolongeant de Gradska à Dibré par Monastir.
4. Eventuellement une ligne reliant Elassona à Caraféria.

---

[1] Письмо аналогичного содержания было отправлено Нератовым Столыпину 17/4 июля за № 435. Проект протокола был препровожден Извольскому при письме от того же числа за № 429.

[2] Заголовок оригинала. Лит. копия. Не датирована.

B. Turquie d'Asie.

1. La ligne de Samsoun—Sivas—Dibré—Kharpout avec prolongement éventuel jusqu'à Diarbékir et embranchement, à l'est, de Tourkal à Tokat et à l'ouest, de Zihleh vers Yozgat.

2. La ligne de Dibré à Erzindjian et Erzéroum.

3. Le chemin de fer de Trébizonde à Erzéroum.

4. Eventuellement une ligne de Diarbékir à Bitlis et Van.

Cette liste sera complétée ou modifiée selon la marche des négociations qui se poursuivent actuellement à Constantinople.

IV

Pour ce qui est des lignes susvisées de la Turquie d'Europe le gouvernement russe attache au chemin de fer «Danube-Adriatique» une importance toute particulière.

Le gouvernement français joindra ses efforts aux siens et lui prêtera son appui diplomatique auprès du gouvernement ottoman et, s'il était reconnu utile d'un commun accord, auprès des gouvernements italien, serbe et monténégrin, afin de faciliter et d'activer la construction et le raccordement et d'assurer l'utile exploitation du chemin de fer «Danube-Adriatique» de façon à ce qu'il soit achevé et ouvert au trafic international avant la ligne de Mitrovitza — Ouvatz dans le cas où la construction de celle-ci viendrait à être décidée par le gouvernement ottoman.

Le gouvernement russe est disposé à apporter dans ce but les modifications nécessaires aux stipulations de l'accord existant au sujet du syndicat Danube-Adriatique.

Pour les autres lignes à construire et à exploiter en Turquie d'Europe le gouvernement français peut compter sur le concours amical du gouvernement russe dans tout ce qui pourrait servir les intérêts français.

V

Les lignes des chemins de fer susvisées à construire en Anatolie, à l'exception de celle de Diarbékir à Van, sont situées dans la zône réservée par l'accord russo-turc de 1900 aux capitalistes russes; le gouvernement impérial n'envisage pas moins avec faveur la construction et l'exploitation de toutes ces lignes par des entrepreneurs et capitalistes français dans les formes et aux conditions énumérées au présent protocole.

Ces lignes doivent être rangées à ce point de vue en 2 catégories:

1. La ligne principale de Samsoun à Kharpout avec son prolongement jusqu'à Diarbékir et ses embranchements de Tokat et de Yozgat.

2. Les voies ferrées autres que l'embranchement de Tokat, situées à l'est de la ligne de Samsoun à Diarbékir, savoir celles de Dibré à Erzéroum, de Trébizonde à Erzéroum et éventuellement de Diarbékir à Van.

En ce qui concerne les lignes de la première catégorie, il est à souhaiter qu'elles soient étudiées, construites et mises en exploitation dans le plus bref délai en prenant uniquement en considération leur rendement financier et économique; pour celles de la seconde catégorie, les études peuvent être faites aussitôt et aussi rapidement que cela conviendra aux entrepreneurs français, mais il y aurait lieu, pour leur construction, de tenir compte en outre des intérêts militaires qui s'y trouvent engagés.

L'ambassadeur de France à Constantinople ayant déjà fait valoir auprès de la Sublime Porte toute l'importance qu'il y a pour elle à s'entendre avec le gouvernement russe en vue de remplacer l'accord de 1900 par un autre acte plus conforme à la situation actuelle, il n'y a pas lieu de faire mention de l'accord de 1900 dans les contrats de construction à conclure entre les entrepreneurs français et le gouvernement ottoman, ces contrats visant exclusivement le côté technique des travaux à effectuer, tandis que le réglement des questions politiques et diplomatiques qui

se rattachent à l'accord russo-turc de 1900 incombe entièrement aux gouvernements russe et ottoman.

«A défaut de modifications apportées à cet accord avant la remise au ministre ottoman des travaux publics des études relatives aux lignes de la seconde catégorie, tous pourparlers ultérieurs avec la Porte concernant les contrats de construction, l'examen contradictoire et l'établissement des prix forfaitaires et du délai de constructions des lignes de cette catégorie resteront subordonnés au consentement préalable de la Russie, basé lui même sur l'accord à intervenir entre elle et la Turquie au sujet des modifications susmentionnées. Bien entendu, c'est au gouvernement russe qu'il appartiendra, le cas échéant, de s'opposer aux pourparlers dont il s'agit. Pour la réalisation des dispositions du présent article le gouvernement russe peut compter sur le concours amical du gouvernement français pour faire prévaloir ses vues». (Cet alinéa a été modifié d'après le télégramme de Mr. Tcharykow)[1].

VI

Les divers contrats de concession, de construction et d'affermage qui se rapporteront à la construction et à l'exploitation des lignes visées par le III du présent protocole seront communiqués confidentiellement, en temps utile, par l'ambassadeur de France à l'ambassadeur de Russie.

Les dispositions prises dans les contrats d'emprunts destinés à subvenir aux dépenses d'établissement de celles des dites lignes qui seront construites à l'entreprise pour le compte du gouvernement ottoman, et qui auront pour objet d'assurer, d'une façon que le gouvernement français jugera suffisante, l'affectation à ces dépenses du produit de ces emprunts, seront également communiquées confidentiellement à l'ambassade impériale de Russie.

VII

Dans les conseils d'administration de la compagnie concessionnaire du «Danube-Adriatique» et de la société d'exploitation du réseau de l'Anatolie du Nord, les intérêts russes seront représentés, tant dans la partie de ses conseils qui siège à Constantinople que dans celle qui siège à Paris, au moins par un membre, qui jouira des mêmes droits et de la même situation que les autres membres des dits conseils d'administration.

---

[1] Приписка в скобках сделана в м-ве ин. дел. Последний абзац статьи V был изменен по желанию Нератова, выраженному им в его тел. от 1 мая/18 апр. за № 532.

Первоначальная редакция этого абзаца была следующая:

«A défaut de modifications apportées à cet accord dans les délais d'études impartis par les contrats de construction des lignes de la seconde catégorie, l'ambassadeur de France avisera l'ambassadeur de Russie de la remise qui sera faite de ces études au ministre ottoman des travaux publics en vue de leur examen contradictoire et de l'établissement des prix forfaitaires et des délais de construction, afin que le gouvernement impérial soit mis ainsi, en temps utile, en mesure de sauvegarder ses intérêts militaires en s'appuyant sur l'accord de 1900 et de s'opposer, s'il le juge utile, à la construction desdites lignes sans son assentiment. En cette occurence le gouvernement russe peut compter sur le concours amical du gouvernement français pour faire prévaloir ses vues». («Если в это соглашение не будут внесены изменения в отношении сроков для изысканий, установленных в контрактах на сооружение линий второй категории, французский посол уведомит российского посла о вручении результатов изысканий турецкому министру общественных работ для рассмотрения их обеими сторонами и установления глобальных цен и сроков сооружения, с тем чтобы императорскому правительству была таким образом в надлежащее время предоставлена возможность оградить свои военные интересы, на основании соглашения 1900 г., и воспрепятствовать, если оно сочтет это нужным, сооружению указанных линий без его согласия. В этом случае российское правительство может рассчитывать на дружеское содействие французского правительства для осуществления своих взглядов»).

Тел. от 5 мая/22 апр. (без номера) Чарыков уведомил, что франц. посол в К-поле «после долгих колебаний» выразил согласие на новую редакцию последнего абзаца статьи V.

В частном письме от 9 мая/26 апр. Чарыков излагал свои соображения относительно воздействия России на ж.-д. строительство Турции, уже исходя из того предположения, что измененный проект русско-франц. протокола будет одобрен обоими прав-вами.

Ces représentants des intérêts russes pourront ne pas être de nationalité russe si des considérations diplomatiques dont les deux gouvernements demeurent juges s'y opposent, mais ils seront en tous cas proposés au choix de l'assemblée générale sur la désignation officieuse des institutions compétentes russes participant à l'affaire.

VIII

Lors de la construction et de l'exploitation des lignes projetées en Anatolie une part à établir par une entente entre les participants russes et français sera réservée aux matériaux russes, tels que rails, wagons, locomotives, ouvrages de pont, etc.; la préférence sera également donnée, à conditions égales, au pétrole et aux autres produits russes n'ayant pas en France de similaires de la même qualité.

Si les circonstances venaient à le permettre, un nombre limité de techniciens subalternes russes recommandés par le gouvernement ou les participants russes serait admis au service de l'entreprise de construction et de la société d'exploitation des lignes visées au même titre que les employés français. Un nouvel échange de vues aura lieu, le moment venu, à ce sujet entre les deux ambassades.

IX

En matière de tarifs sur les mêmes lignes il sera assuré au commerce russe d'importation et d'exportation le traitement de la nation la plus favorisée, et les facilités pratiques les plus larges lui seront accordées en toutes matières.

Dans le port de Samsoun un mouillage de premier choix sera réservé aux navires russes et surtout aux paquebots y faisant un service régulier.

X

L'entente envisagée au II du présent protocole entre les contractants français et le groupe américain «Chester», ou la société qui lui serait substituée, aura pour but, d'une part, de réglementer les relations des deux réseaux dans des conditions également profitables pour tous deux, notamment en facilitant l'adduction par la voie de Samsoun des matériaux nécessaires à la construction et à l'exploitation du réseau américain et en procurant aux voyageurs et marchandises provenant de ces réseaux un débouché facile et avantageux sur la mer Noire et, d'autre part, d'amener le groupe américain «Chester», ou la société qui lui serait substituée, à prendre l'engagement de ne pas commencer la construction de voies ferrées à l'est du méridien de Diarbékir sans le consentement préalable des contractants français.

XI

Dans le cas où d'autres questions relatives aux chemins de fer énumérés au III du présent protocole viendraient à se présenter, les soussignés se réservent de les examiner ensemble dans le sens des stipulations de celui-ci et de les soumettre éventuellement à l'appréciation de leurs gouvernements.

Перевод.

Проект протокола.

Секретно.

Российский и французский послы в Константинополе, получив от своих правительств поручение совместно рассмотреть условия соглашения об ограждении коммерческих, финансовых и военных интересов России и Франции при сооружении и эксплоатации некоторых проектируемых в Оттоманской империи железнодорожных линий, согласились предложить на одобрение своих правительств следующие постановления:

I

Оба посольства будут взаимно держать друг друга в курсе переговоров, ведущихся в Константинополе относительно железнодорожных линий, перечисленных ниже в статье III настоящего протокола.

II

Эти переговоры имеют целью сооружение и эксплоатацию железнодорожных линий французскими группами, посредством концессии в Европейской Турции и путем двух отдельных соглашений в Анатолии, а именно: договора о сооружении за счет оттоманского правительства, каковой имеет быть заключенным между этим последним и французским обществом предпринимателей, и соглашения о сдаче эксплоатации в аренду турецкой компании, организованной с помощью, главным образом, французских капиталов.

Равным образом оба посольства предусматривают и будут благоприятствовать осуществлению соглашения между французскими участниками договоров и американской группой «Честер» или обществом, которое заменит ее, в целях возможного соединения сооруженных и эксплоатируемых ими линий и ограждения их общих интересов при сооружении и эксплоатации этих линий и развитии обеих сетей.

Так как оттоманское правительство выразило желание договориться с императорским российским правительством относительно замены русско-турецкого соглашения 1900 г. касательно Анатолийских железных дорог другим актом, то переговоры будут вестись также и по этому вопросу; они будут происходить между императорским российским посольством в Константинополе и Высокой Портой.

III

Линии, имеющиеся в виду в настоящем протоколе — следующие:

А. Европейская Турция.

1. Так называемая «Дунайско-Адриатическая» железная дорога, идущая от сербской границы в Мрдаре и направляющаяся к Адриатическому морю через или вблизи Приштины. Призрена и Скутари, с ответвлением на Дьяково и Ипек.

2. Линия от Сырович до Янины и до моря.

3. В случае возможности, линия, идущая от болгарской границы, доходящая до Градско через Иштиб и продолжающаяся от Градско до Дибры через Монастырь.

4. В случае возможности, линия, соединяющая Елассон с Караферия.

Б. Азиатская Турция.

1. Линия Самсун—Сивас—Дибре—Харпут, возможно, с продолжением до Диарбекира и ответвлением на восток, от Турхала до Токата и на запад, от Силе к Иозгату.

2. Линия от Дибре на Эрзингян и Эрзерум.

3. Железная дорога от Трапезунда до Эрзерума.

4. В случае возможности, линия от Диарбекира до Битлиса и Вана.

Этот список будет дополнен или изменен в зависимости от хода переговоров, ведущихся в настоящее время в Константинополе.

IV

Что касается вышеуказанных линий в Европейской Турции, то российское правительство придает Дунайско-Адриатической железной дороге совершенно особое значение.

Французское правительство присоединит свои усилия к усилиям российского правительства и окажет ему дипломатическую поддержку перед оттоманским правительством и, если по обоюдному согласию это будет признано полезным, — перед итальянским, сербским и черногорским правительствами, с целью облегчить и ускорить сооружение и соединение и обеспечить надлежащую эксплоатацию Дунайско-Адриатической железной дороги так, чтобы она была закончена и открыта для международного движения раньше линии Митровица—Увац, в случае если оттоманское правительство решит построить эту последнюю.

Российское правительство согласно внести с этой целью необходимые изменения в условия существующего соглашения о Дунайско-Адриатическом синдикате.

В отношении других линий, намеченных для сооружения и эксплоатации в Европейской Турции, французское правительство может рассчитывать на дружественное содействие российского правительства во всем, что могло бы послужить французским интересам.

V

Вышеуказанные железнодорожные линии, намеченные к постройке в Анатолии, за исключением линии от Диарбекира до Вана, расположены в зоне, предоставленной по соглашению 1900 г. русским капиталистам; тем не менее императорское правительство благосклонно относится к сооружению и эксплоатации всех этих линий французскими предпринимателями и капиталистами в форме и на условиях, перечисленных в настоящем протоколе.

С этой точки зрения эти линии должны делиться на две категории.

1. Главная линия от Самсуна до Харпута с продолжением ее до Диарбекира и с ответвлениями на Токат и Иозгат.

2. Железные дороги, кроме ответвления на Токат, расположенные к востоку от линии от Самсуна до Диарбекира, а именно: линии от Дибре до Эрверума, от Трапезунда до Эрзерума и, возможно, от Диарбекира до Вана.

Что касается линий первой категории, то желательно, чтобы изыскания, сооружение и ввод их в эксплоатацию были закончены в самый короткий срок, принимая во внимание исключительно их финансовое и экономическое значение; для линий второй категории изыскания могут быть сделаны в такой срок и так быстро, как это будет желательно для французских предпринимателей, но при постройке их следует принять помимо того во внимание затронутые ими военные интересы.

Так как французский посол в Константинополе уже указывал Высокой Порте, насколько для нее важно договориться с русским правительством о замене соглашения 1900 г. другим, более соответствующим настоящему положению, актом, то о соглашении 1900 г. не следует упоминать в будущих контрактах на постройку железных дорог между французскими предпринимателями и оттоманским правительством, поскольку эти контракты имеют в виду техническую сторону работ, тогда как урегулирование дипломатических и политических вопросов, связанных с русско-турецким соглашением 1900 г., целиком касается российского и оттоманского правительств.

«В случае, если в это соглашение не будут внесены изменения до вручения оттоманскому министру общественных работ результатов изысканий по линиям второй категории, то все последующие переговоры с Портой относительно контрактов на сооружение, обсуждения с обеих сторон и установления глобальных цен и срока сооружения линий этой категории будут подчинены предварительному согласию со стороны России, основанному в свою очередь на будущем соглашении между ней и Турцией по поводу вышеуказанных изменений. Само собой разумеется, что право в надлежащем случае возражать против указанных переговоров будет принадлежать российскому правительству. Для осуществления постановлений настоящей статьи российское правительство может рассчитывать для достижения своих целей на дружеское содействие французского правительства». (Этот абзац был изменен согласно телеграммы Чарыкова.)

VI

Различные концессионные договоры, договоры на сооружение и аренду, относящиеся к сооружению и эксплоатации линий, указанных в статье III настоящего протокола, будут в надлежащее время доверительно сообщены французским послом российскому послу.

Условия, принятые в контрактах на займы, предназначенные на покрытие расходов по сооружению тех из указанных линий, которые будут построены предпринимателями за счет оттоманского правительства, и имеющие целью обеспечить удовлетворительным, по мнению французского правительства, способом обращение на эти расходы выручки от этих займов, будут равным образом доверительно сообщены императорскому российскому посольству.

VII

В административных советах концессионной компании «Дунайско-Адриатической» железной дороги и общества по эксплоатации северо-анатолийской сети русские интересы будут представлены, как в находящихся в Константинополе, так и находящихся в Париже отделениях [административных] советов не менее чем одним членом, который будет иметь те же права и то же положение, что и другие члены упомянутых административных советов.

Эти представители русских интересов могут и не быть русскими подданными, если к тому будут иметься препятствия дипломатического характера, судить о которых предоставляется обоим правительствам, но во всяком случае их кандидатуры будут представлены общему собранию по официозному указанию компетентных русских учреждений, участвующих в предприятии.

VIII

При сооружении и эксплоатации намеченных в Анатолии линий поставка известной части материалов, как то: рельс, вагонов, паровозов, мостовых конструкций и т. д., размеры которой должны быть установлены по соглашению между русскими и французскими участниками, будет предоставлена России; предпочтение будет также оказано, при равных условиях, русской нефти и другим русским продуктам, если во Франции не окажется подобных продуктов того же качества.

Если позволят обстоятельства, в предприятие по сооружению и в общество по эксплоатации намеченных линий будет принято, на равных с французскими служащими условиях, ограниченное число русских техников, рекомендованных русским правительством или русскими участниками. По этому поводу между обоими посольствами состоится в надлежащее время новый обмен мнениями.

IX

В области тарифов на тех же линиях русской импортной и экспортной торговле будет обеспечен режим наиболее благоприятствуемой нации и во всех отношениях будут предоставлены самые широкие льготы.

В Самсунском порту русским судам и в особенности товаро-пассажирским пароходам, совершающим туда регулярные рейсы, будет предоставлено наилучшее место для стоянки.

X

Предусматриваемое в ст. II настоящего протокола соглашение между французскими предпринимателями и американской группой «Честер» или обществом, которое ее заменит, будет иметь целью, с одной стороны, регламентировать отношения обеих сетей в одинаково выгодных для них обеих условиях, в частности путем облегчения подвоза через Самсун материалов, необходимых для постройки и эксплоатации американской сети, и путем предоставления пассажирам и товарам этой сети свободного и выгодного транзита к Черному морю и, с другой стороны, побудить американскую группу «Честер» или общество, которое ее заменит, взять на себя обязательство не начинать сооружения железных дорог к востоку от меридиана Диарбекира без предварительного согласия французских участников соглашения.

XI

В случае возникновения других вопросов, касающихся железных дорог, перечисленных в статье III настоящего протокола, нижеподписавшиеся оставляют за собой право рассмотреть их совместно в духе постановлений этого последнего и, в случае надобности, внести их на рассмотрение своих правительств.

№ 203. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо [1]. 17/4 июля 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Je sors d'un entretien avec Sir A. Nicolson au cours duquel nous avons abordé, très confidentiellement d'ailleurs, le sujet du renouvellement du traité d'alliance anglo-japonais [2].

Je lui dis que sans nous étonner de la modification apportée au texte du traité et rendue évidemment nécessaire par le projet de traité d'arbitrage avec les Etats Unis, il n'en était pas tout à fait de même de la prolongation du traité et que quelque modification qu'aient subie depuis les rapports entre la Russie et l'Angleterre on saurait difficilement ne pas se souvenir à cette occasion des motifs de la première conclusion de cette alliance et de son caractère évident de précaution contre un conflit éventuel entre la Russie et l'Angleterre, comme lord Lansdowne l'avait lui-même énoncé dans une lettre privée qu'il m'avait adressée à cette époque.

Sir Arthur me répondit qu'un retour aux rapports qui existaient alors entre la Russie et l'Angleterre était une préoccupation qui n'entrait dans l'idée de personne à Londres et que toute arrière-pensée vis-à-vis de la Russie avait été exclue entièrement lors des décisions prises récemment au sujet du traité.

Sir Arthur me dit qu'en réalité il s'agissait de toute autre chose et de nature fort délicate, concernant surtout les colonies, l'Australie plus spécialement. Il me dit qu'en présence de la législation des colonies fort inhospitalière pour l'élément jaune, si le traité avait cessé de rester en vigueur il s'en serait suivi une situation où des frictions sérieuses auraient été constamment à redouter, ce qui entraînerait pour l'Angleterre un danger pour la paix sinon immédiat, pourtant constamment à redouter.

Le traité, tel qu'il est, se trouve être une garantie contre tout imprévu possible et avait pour cette raison été reçu en Angleterre avec vive satisfaction. Il a, me dit-il, le caractère d'une garantie contre l'humeur ressentie au Japon à la suite du traitement auquel était assujetti l'élément japonais en Australie surtout.

Sir Arthur ajouta qu'une considération d'un caractère tout différent avait aussi pesé lors de ce renouvellement. Depuis la conclusion du traité anglo-japonais l'Angleterre avait sensiblement diminué ses forces maritimes dans le Pacifique pour renforcer d'autant ses flottes en Europe.

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 126, N 426.

[2] Новый англо-японский договор был подписан 13 июля/30 июня 1911 года. Опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. II, стр. 64.

L'Angleterre s'était par conséquent assuré d'une très sérieuse garantie de plus pour la paix dans l'Extrême Orient et avait pu renforcer ses forces navales là où elles pourraient éventuellement devenir nécessaires [1].

Quoique Sir Arthur ne m'en ait rien dit, je crois devoir insister sur l'omission dans le nouveau traité de la clause relative à la défense des Indes, car cela me paraît symptomatique au point de vue de la direction de la politique anglaise.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

У меня только что состоялась беседа с сэром А. Никольсоном, во время которой мы затронули, впрочем весьма доверительно, вопрос о возобновлении англо-японского союзного договора.

Я сказал ему, что мы не удивлены изменению, которое внесено в текст договора и стало очевидно необходимым в силу проекта арбитражного договора с Соединенными Штатами, но мы совершенно иначе относимся к продлению договора и, каковы бы ни были изменения с тех пор в отношениях между Россией и Англией, трудно не вспомнить по этому поводу о причинах, повлекших первоначальное заключение этого договора и о том, что он явно носил характер предосторожности на случай возможного конфликта между Россией и Англией, как то сам сообщил мне в то время в частном письме лорд Лансдоун.

Сэр Артур ответил мне, что в Лондоне никто и не помышляет о возврате к отношениям, существовавшим тогда между Россией и Англией и что во время решений, принятых недавно по поводу договора, была совершенно исключена возможность задней мысли по отношению к России.

Сэр Артур сказал мне, что в действительности речь идет о совершенно ином вопросе, очень щекотливого характера, который касается главным образом колоний и в особенности Австралии. Он сказал мне, что вследствие негостеприимного для желтого элемента законодательства колоний, с прекращением действия договора создалось бы положение, при котором пришлось бы постоянно опасаться серьезных трений, что повлекло бы для Англии, если и не непосредственную, однако постоянно угрожающую опасность нарушения мира.

Договор в том виде, в каком он существует, является гарантией против всякой неожиданности; поэтому он и был принят в Англии с живым удовлетворением. Договор этот, сказал Никольсон, имеет характер гарантии против неудовольствия, ощущаемого в Японии в связи с обращением, которому подвергается японский элемент в особенности в Австралии.

Сэр Артур добавил, что при этом возобновлении было также учтено соображение совершенно другого характера. Со времени заключения англо-японского договора, Англия значительно сократила свои морские силы в Тихом океане для того, чтобы настолько же увеличить свой флот в Европе.

Таким образом Англия обеспечила себе еще одну очень серьезную гарантию мира на Дальнем Востоке и могла усилить свои морские силы там, где они, возможно, смогут стать необходимыми.

Хотя сэр Артур мне ничего об этом не говорил, но я считаю долгом подчеркнуть исключение из нового договора статьи об обороне Индии, так как это кажется мне симптоматичным с точки зрения [дальнейшего] направления английской политики.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 204. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 556. 17/4 июля 1911 г.

Тождественная телеграмма посылается в Лондон [2].

Регент сказал вчера Черчиллю [3], что Салар-эд-Доуле [4], заняв Курдистан, Герус и некоторые местности, провозгласил Мохамеда-Али шахом и послал об этом соответствующую телеграмму меджлису. Керманшах начал уже колебаться. Один агент бывшего шаха находится среди шахсевен; несколько других были задержаны в Баку вследствие подозрительности их паспортов, но затем им было разрешено проследовать далее в Персию. Напомнив о том, что он строго придерживается данных обоим правительствам обещаний действовать во всем по соглашению с ними, регент просил обе миссии в тот же день ответить на следующий жизненный вопрос, который он им задаст в качестве частного человека:

[1] У Siebert'a последующая часть письма опущена.
[2] Публикуемая тел. была отправлена Поклевским Бенкендорфу в тот же день за № 557.
[3] Секретарь англ. миссии в Тегеране.
[4] Брат экс-шаха.

«Ввиду вышеизложенных событий и возможной попытки Мохамед-Али-шаха вернуться на престол, какое положение займут Россия и Англия? Останутся ли они нейтральными, предоставляя сильнейшей стороне победить или же они остановят бывшего шаха и даже силой воспрепятствуют ему вновь воцариться в Персии?» Регент заметил, что в ответ ему достаточно одного намека и что тогда он будет знать, что ему делать, очевидно подразумевая свой отъезд. Только-что получив письмо вашего превосходительства № 449 [1], я просил Черчилля передать регенту, что попытки бывшего шаха вернуть себе престол не пользуются ни поощрением, ни нравственной, ни материальной поддержкой императорского правительства, которое, насколько мне известно, неоднократно отклоняло его величество от подобного образа действий, указывая на опасные от этого последствия, как для него лично, так и для его материального положения. На вопрос же регента о том, примут ли оба правительства активные меры противодействия против Мохамеда-Али, которые в сущности свелись бы к гарантированию нынешнего режима и порядка вещей в Персии, мы с Барклаем не нашли возможным ответить без специальных инструкций от наших правительств. Считаю долгом добавить, что в разговорах моих с Барклаем я неоднократно позволял себе высказывать мое личное мнение о полном нашем нейтралитете в вопросе о новом воцарении низверженного шаха, при том я ему указывал, что недопущение нами его проезда через Россию по пути в Персию, где он бы действовал на свой риск и страх, было бы, по моему мнению, отступлением от такого нейтралитета и активной помощью нынешнему персидскому правительству и что даже заявление наше о том, что мы будем придерживаться такого образа действий, вероятно, лишит его шансов на возвращение себе престола.

Хотя мысль о воцарении бывшего шаха вовсе не улыбается Барклаю, он все же признавал мою точку зрения логичной и естественной. Прошу указаний вашего превосходительства относительно ответа, который обе миссии должны дать регенту, а также по вопросу о проезде Мохамед-Али-шаха чрез Россию, каковой вопрос, мне кажется, будет иметь решительное значение для осуществления его планов в Персии.

Поклевский.

№ 205. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 558 [2]. 17/4 июля 1911 г.

Разростающееся движение в пользу Мохамед-Али-шаха вновь усилило опасения всех партий меджлиса насчет Сепехдара, в случае если он останется вне правительства. Поддавшись настояниям, Сепехдар вчера на заседании меджлиса объявил о сохранении им должности первого министра, причем он попросил несколько дней отсрочки для образования министерства. Вообще настроение здешних правящих и парламентских сфер меняется почти ежедневно. Регент пытается примириться с бахтиарами, дабы заручиться их поддержкой для нынешнего режима и, главным образом, чтобы побудить их послать сильный отряд против Салара. Меджлис единогласно по телеграфу просил Сердар-Асада [3] немедленно вернуться в Персию.

Поклевский.

№ 206. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

18/5 июля 1911 г.

Австро-венгерский посол передал мне повергаемую у сего на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение памятную записку [4], в коей

---

[1] См. № 133.

[2] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 6, со стилистическими изменениями.

[3] Б. м-р внутренних дел и воен. м-р. 11 июля/28 июня 1910 г. по выходе в отставку был выбран почетным членом меджлиса.

[4] В пам. записке, переданной Турном 12 июля /29 июня, указывалось, что по мнению австро-венгерского м-ва ин. дел в албанском деле следует различать два вопроса: о малио-

излагается взгляд венского кабинета на настоящее положение албанских дел в связи с возможными осложнениями между Турцией и Черногорией.

Проявляемые последней воинственные намерения и продолжающееся брожение среди восставших племен приводят венский кабинет к мысли о необходимости установления согласованного образа действий между наиболее заинтересованными державами.

Подобного рода словесное сообщение сделал мне и итальянский посол, осведомляясь при этом также, как и граф Турн накануне, о мнении императорского правительства по сему вопросу.

Оговорив сначала, что отсрочка в 20 дней, данная Портой малиссорам [1], отстраняет необходимость немедленного вмешательства держав, я все же не мог упустить из виду, что подобный шаг возможен и что от участия в нем нам вряд ли можно будет уклониться.

В силу сего я счел необходимым в очень осторожной форме затронуть этот вопрос и, изложив также в виде памятной записки свой взгляд на дело, сообщил его графу Турну, а копию — итальянскому послу.

Текст означенной записки приемлю смелость повергнуть на высочайшее благовоззрение [2].

Посетившему же меня вслед за сим турецкому послу я счел долгом намекнуть на возможность международного вмешательства в уверенности, что Турхан-паша не замедлит снестись по сему поводу с Портой и таким путем нам удастся ознакомиться с отношением последней к выступлению держав. Первое же произведенное моими словами впечатление на Турхана-пашу было, повидимому, неблагоприятное.

Об изложенном почитаю долгом всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

Нератов.

№ 207. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

18/5 июля 1911 г.

Приемлю смелость повергнуть на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества переданный мне японским послом и ныне уже опубликованный в английских газетах текст англо-японского союзного договора [3], который должен заменить собой соглашение 1905 года.

Пересмотр этого последнего акта вызван был намерением Англии заключить с Северо-Американскими Соединенными Штатами договор об обязательном разрешении всех возникающих недоразумений и споров третейским разбирательством (о чем ведутся переговоры между этими государствами), и в соответствии с сим в новом тексте соглашения включена статья четвертая, освобождающая от союзных обязательств против третьей державы, с которой одна из союзниц вступила

сорах и о турецко-черног. отношениях. Первый вопрос является внутренним делом Турции, второй же вопрос представляет международный интерес. Поэтому австро-венгерское м-во ин. дел предлагает, чтобы Австро-Венгрия, Россия и Италия приступили к переговорам «относительно шагов, которые следует предпринять как в Цетинье, так и в Константинополе в целях предотвращения начала враждебных действий».

[1] Тел. от 12 июля/29 июня за № 105 С. Арсеньев извещал Нератова о полученном турец. посланником в Цетинье уведомлении, «что перемирие турецких войск с албанцами продлено еще на двадцать дней». Ср. № 188.

[2] В пам. записке от 18/5 июля росс. м-во ин. дел, соглашаясь с мнением австро-венг. м-ва ин. дел, что в албанском деле следует различать два вопроса, высказывало мнение, что в вопросе о малиссорах державы могут лишь продолжать давать дружеские советы с целью по возможности ограничить распространение повстанческого движения. Росс. м-во ин. дел отмечало, что в целях предотвращения вооруженного конфликта между Турцией и Черногорией, оно предусматривает возможность вмешательства держав, в виде предложения посредничества в случае, если положение примет угрожающий оборот. Далее, в пам. записке указывалось, что «обмен взглядами между державами относительно образа действий в настоящем балканском кризисе был бы весьма полезен, в особенности если удастся добиться присоединения турецкого правительства к взглядам держав».

[3] См. стр. 222, прим. 2.

в договорные отношения об общем третейском разбирательстве. На практике это постановление сводится к тому, что, в случае войны Японии с Америкой, Англия не должна будет оказать первой вооруженного содействия [1].

Кроме этого, из прежнего акта исключены две статьи, касающиеся Кореи и Индии и предусматривавшие свободу действий: для Японии по охране ее преобладающих интересов в Корее, а для Англии — по обеспечению безопасности ее индийской границы. Тогда как изъятие первого постановления является естественным следствием аннексии Кореи, второй пункт не лишен политического значения и служит симптомом улучшения отношений России как с Англией, так и с Японией.

Наконец, срок действия договора, который истекает в 1915 г., продолжен до 1921 года.

Сообщение о подписании нового англо-японского договора сделано было мне на словах также и английским послом [14] 1 июля в один день с бароном Мотоно.

Нератов.

№ 208. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Цетинье С. Арсеньеву.

Телеграмма № 905. 18/5 июля 1911 г.

Телеграмма № 106 получена [2].

Мы крайне опечалены, что течение мыслей короля продолжается в сторону возможности вооруженного столкновения с Турцией [3].

Благоволите безотлагательно привлечь внимание его величества на то, что война с Турцией послужит лишь к ослаблению Черногории, и подчеркнуть, что в конечном результате ни для Черногории, ни для Турции державы не допустят каких-либо выгод, в особенности же земельных приращений [4].

Нератов.

№ 209. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 907 [5]. 18/5 июля 1911 г.

Телеграмма за № 147 [6] получена.

Не встречаем препятствий к тому, чтобы вы письменно заявили великобританскому правительству, что мы ничего не имеем против назначения Карачи конечным пунктом индо-европейской железной дороги. Что касается Бендер-Аббаса, то, как мы уже неоднократно давали понять лондонскому кабинету, всякая линия,

[1] В деп. от 28/15 июля за № 63 Броневский (см. стр. 204, прим. 4), сообщая о подписании нового англо-япон. договора, следующим образом оценивал значение ст. IV этого договора: «Япония, по крайней мере до сей поры, далеко не обнаруживала склонности предоставлять третейскому суду разрешение спорных между нею и другими государствами вопросов; здешнее общественное мнение нередко высказывалось в том смысле, что при разрешении споров этим путем Японии угрожает опасность солидарности людей белой расы между собой, что в свою очередь может привести к пристрастным решениям не в пользу Японии. Действительная же причина, почему последняя вероятно и впредь не скоро еще изменит своего отношения к широкому применению арбитража, лежит вернее всего в ее политике в Китае, в частности в Манчжурии, где все поступательные шаги ее рискуют столкнуться с интересами других держав; обязаться выносить возникающие оттуда споры на третейский суд не может быть для Японии желательным».

Тел. от 18/5 июля за № 165 Броневский сообщал, что англо-япон. союзный договор «значительной частью японской прессы встречен неодобрительно; изменение признается вынужденным и союз—потерявшим для Японии главное значение, особенно существенное ныне, когда наиболее вероятным антагонистом ее является Америка».

[2] См. стр. 213, прим. 4.

[3] См. № 198.

[4] Ответной тел. от 20/7 июля за № 107 С. Арсеньев извещал Нератова, что содержание публикуемой тел. было им лично сообщено королю, «который вновь заявил о своем миролюбии».

[5] Лит. копия.

[6] См. № 196.

идущая от Персидского залива в Северную Персию, как весьма опасная для наших торговых целей, была бы встречена с крайним неудовольствием в наших торгово-промышленных сферах. Кроме того, направление на Бендер-Аббас слишком приблизило бы трансперсидскую линию к багдадско-германскому району, что желательно безусловно предотвратить. Поэтому мы, со своей стороны, признаем желательным избрание другого пункта, где означенная линия могла бы вступать в английскую сферу.

Что касается других пунктов английской памятной записки, не имеющих прямого касательства к трансперсидской дороге, то мы предоставляем себе коснуться их впоследствии [1].

[Нератов.]

№ 210. Временно управляющий министерством иностранных дел военному министру и морскому министру — Сухомлинову и Григоровичу.

Письмо № 438. 18/5 июля 1911 г.

Весьма секретно.

М. г. Владимир Александрович, [Иван Константинович],

Последние события в политической жизни Турции, а равно и общее положение дел на Балканском полуострове требуют особо бдительного отношения к ним императорского правительства в связи с принятием возможных мер, вызываемых этими событиями.

Полагая в непродолжительном времени подвергнуть обсуждению указанные мероприятия согласно полученным мной высочайшим предначертаниям, о которых я уже имел честь сообщать вашему высокопревосходительству в письме от [19] 6 минувшего июня за № 362 [2], я был бы крайне обязан вам ускорением отзыва вашего на помянутое мое письмо.

К сему считаю долгом присовокупить, что на первую очередь в предполагаемом совещании я полагал бы поставить вопрос о проливах и железнодорожном строительстве Турции.

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 211. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 152. 18/5 июля 1911 г.

Reçu télégramme Poklewsky N 557 [3].

Trouve l'opinion de Poklewsky logique, mais je vois pourtant graves inconvénients à autoriser Mahomet-Ali porter guerre civile en Perse en usant de notre frontière. La question posée par régent s'adresse en réalité seulement à nous, Angleterre n'ayant aucune frontière. Nous devenons ainsi seuls responsables, Poklewsky disant lui-même que liberté du passage peut avoir importance déci-

---

[1] Письмом от 27/14 июля Бенкендорф сообщил, что он поставил англ. прав-во в известность о готовности росс. прав-ва «согласиться на направление линии на Карачи, с тем однако, чтобы проникновение в английскую сферу влияния состоялось не в Бендер-Аббасе, а в другом пункте». В заключение Бенкендорф указывал, что, как видно из меморандума, полученного им от англ. прав-ва 26/13 июля (и приложенного к излагаемому письму), «вопрос этот передан на рассмотрение индийского правительства и других заинтересованных ведомств».

[2] При упомянутом письме Нератов препровождал на заключение Сухомлинова и Григоровича копию записки, составленной 11 мая/28 апр. советником м-ва ин. дел А. Гирсом. В этой записке рассматривался вопрос об усилении боеспособности России на Черном море ввиду предстоявшего усиления турец. флота новыми дредноутами. В своем письме Нератов отмечал, что в записке А. Гирса «рассматриваются те способы воздействия на турецкое правительство, которые могли бы, не вовлекая нас в вооруженное столкновение с Турцией, парализовать усилия ее создать на Черном море военный флот более сильный, чем наш». На записке А. Гирса имеется помета Николая II: «Сперва нужно затребовать обоснованное мнение обоих генеральных штабов, а затем можно обсудить в совете мин[истров]». «Петергоф, [13 июня] 31 мая 1911 г.»

[3] См. № 204.

*

sive. Règne de Mahomet-Ali a prouvé qu'il n'était pas homme fort, sachant maintenir calme et administrer de manière à ce que le pays se suffise à lui-même et aux besoins financiers du gouvernement. Le crédit public lui sera refusé. Il devra avoir recours aux procédés anciens et surtout sera encore une fois voué à des subsides russes; il ne pourra se maintenir que grâce à notre protection. Je crois impossible que l'opinion publique anglaise se rallie à lui. Nous perdrons par conséquence l'appui et la coopération de l'Angleterre pour obtenir uniquement la reconnaissance du shah, douteuse d'ailleurs, parce qu'un jour viendra infailliblement où nous aurons à arrêter les subsides; les seuls fonds où il pourrait peut-être puiser serait l'Allemagne. Le rôle de nos officiers redeviendra extrêmement difficile et compromettant. Il me paraît que nous serions extrêmement justifiés de déclarer que le shah a régulièrement abdiqué, que nous avons régulièrement reconnu le jeune shah, que de lui permettre user de la Russie comme d'une base pour porter la guerre civile en Perse n'est pas compatible avec les obligations entre elles des Puissances limitrophes. S'il doit y avoir une guerre civile, nous ne devrions pas y avoir contribué. Il en serait différemment si une réaction générale dans tout le pays le rappelait unanimement. En tout cas cela n'est pas encore le cas — si ce jour venait notre attitude pourrait être modifiée. Le point de vue auquel je me place me paraît être celui auquel se sont tenus tous les gouvernements interdisant tout agissement illicite aux différents prétendants qui jouissaient de leur hospitalité. Notre conduite semble même d'autant plus indiquée que cette fois le gouvernement persan nous a officiellement saisi de la question[1].

B e n c k e n d o r f f.

Перевод.

Получил телеграмму Поклевского № 557.

Нахожу мнение Поклевского логичным, но вижу все же серьезные неудобства в том, чтобы позволить Мохамеду-Али начать гражданскую войну в Персии, воспользовавшись нашей границей. Вопрос, поставленный регентом, относится в действительности только к нам, так как Англия не имеет границы [с Персией]. На нас одних ложится таким образом ответственность, причем сам Поклевский говорит, что свобода прохода может иметь решающее значение. Царствование Мохамеда-Али доказало, что он не является сильным человеком, умеющим поддерживать спокойствие и управлять страной так, чтобы она была самодовлеющей величиной и справлялась со своими финансовыми нуждами. В общественном кредите ему будет отказано. Он должен будет прибегнуть к прежним методам и будет снова находиться в зависимости от русских субсидий. Он сумеет удержать власть лишь благодаря нашему покровительству. Я считаю невозможным, чтобы английское общественное мнение стало на его сторону. Мы лишимся вследствие этого поддержки и содействия Англии, чтобы добиться исключительно признательности шаха, впрочем, сомнительной, потому что неизбежно наступит день, когда нам придется прекратить наши субсидии; единственным источником, из которого ему быть может удалось бы черпать, — была бы Германия. Роль наших офицеров снова окажется крайне трудной и компрометирующей. Мне кажется, мы будем вполне правы, если заявим, что шах отрекся законно, что мы законно признали молодого шаха, и что позволить ему пользоваться Россией, как базой для гражданской войны в Персии, — является несовместимым со взаимными обязательствами сопредельных держав. Если разразится гражданская война, то не следует, чтобы оказалось, что мы ей способствовали. Дело обстояло бы иначе, если бы в силу общей реакции по всей стране он [шах] был бы единогласно призван обратно. Во всяком случае этого пока еще нет; если бы это когда-либо произошло, то наша позиция может быть изменена. Точка зрения, на которую я становлюсь, мне кажется, та же, на которой стояли все правительства, воспрещавшие незаконные выступления различным претендентам, пользовавшимся их гостеприимством. Наш образ действий кажется тем более предрешенным, что на этот раз персидское правительство официально поставило перед нами этот вопрос.

Б е н к е н д о р ф.

---

[1] Тел. от 19/6 июля за № 153 Бенкендорф сообщал о том, что Никольсон сказал ему о полученной от Барклая тел., содержание которой полностью соответствует тел. Поклевского (см. № 204). Никольсон поручил Бьюкенену осведомиться о точке зрения росс. прав-ва. «Личное мнение Никольсона, — передавал Бенкендорф, — что Россия была бы совершенно права, отказывая Мохамеду-Али в разрешении выезда из ее пределов в Персию и противясь политическим махинациям шаха на русской территории. Опубликованные сегодня утром телеграммы из Персии, сообщая о совершившемся факте, вмешивают в дело Россию и ссылаются на протокол соглашения в августе 1909 г. и на шаги, предпринятые правительством с целью предотвращения. Я опасаюсь, что английское правительство будет очень сожалеть о факте, совершившемся без предварительного обсуждения».

№ 212. Поверенный в делах в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Письмо. 18/5 июля 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из последнего моего разговора с маркизом ди Сан-Джулиано, дней 10 тому назад, я вынес впечатление, что министр утомлен нападками, которые на него сыплятся со всех сторон и что для него вопросы внешней политики, несмотря на их многозначительность, как бы отодвинуты на второй план заботами о внутреннем положении. Правда, в то время внимание правительства было поглощено прениями в парламенте о монополизации страхования, исход коих мог иметь решающее значение на дальнейшую судьбу кабинета г. Джиолитти. Как бы то ни было, министр оказался мало словоохотливым против своего обыкновения и на упоминание о марокканском вопросе ответил, что он пророчествами не занимается, а потому ничего пока сказать не может. От французского поверенного в делах я узнал, что по тому же предмету маркиз тоже ограничился несколькими только словами, указав, как бы вскользь, на соглашение Италии с Францией 1902 года [1], которым определялось отношение королевского правительства к марокканским делам, но которое подтвердить не было никакой надобности, так как оно достаточно всем известно. Несколько дней спустя, генеральный секретарь, говоря со мной на ту же тему, выразился уже гораздо определеннее, а именно он заявил, что Италия возобновила свою déclaration de désintéressement [2], но присовокупила, что ей нельзя будет оставаться безучастной, если дальнейшее развитие инцидента, вызванного посылкой германского военного судна в Агадир, станет угрозой нынешнему политическому положению в Средиземном море. Но вместе с тем г. Боллати дал мне понять, что опасения первой минуты исчезают благодаря спокойствию Англии, от которой, по его мнению, главным образом зависит мирное улажение возникших затруднений. В более подробный разбор вопроса он тоже отказывался входить, возобновив во мне впечатление, что Консульта либо не желает высказать свое мнение, либо не поспела еще составить себе таковое, за отсутствием сведений из прямых источников. Отрицательное скорее отношение правительства к марокканскому вопросу, подмеченное и прессой, привело орган националистов к определению, что на действия других держав Италия отвечает покорством.

Что касается восстания в Албании, то и на эту тему министр не стал особенно распространяться. Он удовлетворился упоминанием, что всего более заинтересованные державы, т. е. Россия, Италия и Австро-Венгрия, преследуют одну и ту же цель, а потому единодушны в своих действиях. Не располагая никакими указаниями на этот счет, я предпочел не настаивать и перевел разговор на пребывание Хильми-паши в Риме. И тут министр проронил лишь несколько слов, сказав, что он с ним виделся два раза и вынес прекрасное впечатление из разговоров, в течение которых речь коснулась более или менее всех стоящих на очереди вопросов. Явное равнодушие маркиза ди Сан-Джулиано ко всему в этот день побудило меня прекратить нашу беседу и обратиться через неделю к г. Боллати за разъяснениями по некоторым интересующим меня вопросам.

Накануне того дня, что я с ним виделся, Консультой было получено из Вены приглашение сговориться с Россией и Австрией насчет албанских дел. Г. Боллати отозвался, что действительно настала пора что-нибудь сделать, тем более, что по последним известиям из Валоны явствовало, что восстание распространяется на Южную Албанию, что мне подтвердило правильность сведений болгарского посланника, о которых я имел честь уведомлять доверительным донесе-

[1] Обменом нот от 1 ноября/19 окт. 1902 г. Франция и Италия подтвердили состоявшееся между ними 14/1—16/3 дек. 1900 г. соглашение о разделе сфер влияния на северном побережье Африки и взаимно обязались сохранять нейтралитет в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьей державы или если она «вследствие прямого вызова окажется вынужденной для защиты своей чести и безопасности принять на себя инициативу объявления войны».

[2] «декларацию о незаинтересованности».

нием от [6 июня] 24 мая за № 22 [1]. Что касается самой Албании, то генеральный секретарь выразил мнение, что дальше советов умеренности в Константинополе итти нельзя, так как оттоманское правительство смотрит на албанский вопрос как на внутренний и всякое внешнее вмешательство отклонит. Другое дело — Черногория, воздействие на которую более доступно и необходимо даже ввиду в особенности действий короля, в котором г. Боллати, а вместе с ним и вся Консульта, видит единственного вдохновителя политики королевства, чем и объясняется, по его мнению, честолюбивое ее направление. А посему, по словам г. Боллати, желательно было бы подыскать какое-нибудь личное удовлетворение королю Николаю, после чего уже легче будет найти средство направить восстание на путь усмирения. На мой вопрос, сделает ли римский кабинет в ответ на австрийское приглашение какое-нибудь положительное предложение, он ответил отрицательно, а из всего оборота его дальнейших слов я заключил, что предложения он ожидает от венского кабинета, дабы уяснить его настоящие намерения, и что, кроме того, он придает значение тону, который примут переговоры между императорским и австрийским правительствами.

Несмотря на невозможность проверить правдивость дошедшего до меня сведения, считаю долгом известить, что удаление графа Эренталя от дел считается неминуемым вследствие утраты им, будто бы, доверия наследного принца, недовольства католических сфер и противодействия высших чинов министерства иностранных дел, которые будто бы прониклись общественным мнением, единственным желанием которого выставляется отказ от мегаломании и поддержание общего развития промышленности, достигшей за последние годы значительных успехов.

Примите и пр.

Корф.

№ 213. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 44. 18/5 июля 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Секретной телеграммой от [18] 5 минувшего месяца [2] я имел честь известить императорское министерство о предполагавшемся созыве в Белграде к [10 июля] 27 июня X конгресса всеславянских журналистов и публицистов, высказав при этом мнение о желательности оказания нами возможного содействия сербам командированием сюда представителей русской печати и высылкой образцов наших периодических изданий для организуемой при конгрессе выставки газет и журналов.

Как известно вашему превосходительству из отзыва моего о прошлогоднем софийском конгрессе, лично я отношусь в достаточной мере отрицательно ко всем этим собраниям и съездам ярых апостолов славизма, витающих большей частью в области отвлеченных теорий и очень мало знакомых с современными открытыми и затаенными вожделениями различных славянских народностей. Красно и широко вещая о взаимной братской любви и родственных симпатиях, они никогда не хотят считаться с бросающейся в глаза печальной действительностью. Задаваясь фантастическим планом сплочения воедино всех славян земного шара, они не видят, что уже в силу географических, политических и государственных условий таковое объединение, в какой бы то ни было идеальной области, является праздной мечтой. Они не отдают себе отчета в том, что из различных славянских народностей, особливо же находящихся под австрийским владычеством, далеко не все одушевлены одинакими братскими чувствами, не все исповедуют тождественные идеалы и в большинстве, напротив, преследуют совершенно чуждые друг другу цели и задачи.

---

[1] См. № 88.

[2] Содержание тел. Гартвига от 18/5 июня за № 85 исчерпывается публикуемым документом.

Не удивительно посему, что всеславянские съезды в конечном результате обычно приводили к целому ряду печальных недоразумений, горестных разочарований, а то и весьма неприятных столкновений, после которых только обострялась взаимная рознь, являющаяся отличительной чертой славянского племени во все времена его существования.

Если, несмотря на это, я все же высказался в пользу участия русских делегатов в белградском всеславянском съезде и, по ходатайству организаторов оного, просил как наше главное управление по делам печати, так и видных представителей издательских фирм Петербурга и Москвы об оказании всяческого содействия сербам к осуществлению задуманной ими задачи, то мной в данном случае руководили нижеследующие соображения.

Прежде всего, согласно заранее опубликованной программе, конгресс исключал обсуждение каких бы то ни было политических вопросов. Это являлось гарантией, что щекотливые дебаты об аннексионном кризисе, будущей судьбе Македонии и Старой Сербии, черногорско-сербских недоразумениях и польско-русских отношениях, обычно возбуждающие славянские страсти, не нарушат спокойного течения занятий конгресса.

Собранию предстояло: выслушать целый ряд докладов о положении печатного дела за известные периоды в различных славянских государствах; о последовательном развитии, успехах и современных задачах всеславянской публицистики; совместно обсудить средства к широкому взаимному обмену периодическими изданиями в целях вящего сближения славянских народностей, столь мало и поверхностно знакомых друг с другом. На конгрессе также решено было подвергнуть всестороннему обследованию вопрос об организации особого всеславянского телеграфного агентства, которое могло бы непосредственно обслуживать повременную печать в различных славянских странах, освободив ее таким образом от монопольного владычества австро-еврейских телеграфных бюро, систематически извращающих события из жизни славянства.

Наконец, проектированная при конгрессе «выставка» печатных произведений должна была служить наглядной иллюстрацией прогрессивного роста и совершенствования периодических всеславянских изданий. В этом отношении первенствующее место, конечно, предназначалось России, как наиболее культурной из всех славянских государств.

Само собой разумеется, что при указанных условиях представлялась полная надежда на то, что X белградский конгресс, не в пример предшествующим, оставит хоть какой-либо практический след, содействуя культурному сближению славян, по крайней мере, на почве публицистической.

На призыв здешнего «Новинарского (газетного) удруженья» в самом деле сочувственно откликнулись чуть не все существующие разновидности славянского племени. Приглашение приняли: болгары, македонцы, хорваты, словаки, чехи, русины, австро-поляки, лужичане, далматинцы, босняки и пр. Отсутствие делегатов великой России, конечно, могло быть сочтено за враждебную, ничем не оправдываемую, демонстрацию и посему именно я настойчиво ходатайствовал о командировании сюда представителей русской печати.

Первый день конгресса прошел при самых благоприятных предзнаменованиях. На торжественном открытии собрания, помимо организаторов и гостей-журналистов, присутствовали сербские министры, сановники, уполномоченные различных ученых учреждений, городского управления, дипломатические представители России и Болгарии. Избранный почетным председателем конгресса чешский делегат, известный Голечек, произнес на чешском языке весьма прочувственное слово, в котором искренне благодарил русских делегатов за принятие ими участия в съезде. Затем последовал ряд приветствий конгрессу, закончившихся провозглашенной русским профессором Кулаковским здравицей в честь сербского короля, покрытой сердечными кликами «живио».

Из скупщины, где происходили заседания конгресса, все присутствовавшие отправились в помещение II белградской гимназии, предоставленной в распоряжение выставочного комитета. Выставку открыл сербский престолонаследник.

Из отдела сербо-хорватского королевич Александр прямо проследовал в обширное русское отделение, где я имел честь сердечно приветствовать его высочество, которому действительный статский советник Башмаков давал подробные разъяснения по собранным нашим управлением по делам печати обширным материалам. Престолонаследник остался в восторге от нашей выставки, а сербы и иностранные посетители утверждают, что русский «Новинарский» отдел превзошел все их ожидания, свидетельствуя о громадном культурном значении России в среде прочих родственных ей народов. В этом, несомненно, наш большой успех.

Последующие заседания конгресса были менее торжественны, менее многолюдны и заметно возбуждали менее интереса. Пока славяне не научатся говорить на одном общем языке, который, конечно, должен быть *русским*, до тех пор все собеседования их будут носить несколько «вавилонский» характер. Наиболее существенный вопрос — о всеславянском телеграфном агентстве — так и остался открытым вопросом, подлежащим дальнейшей разработке. Составленная членом сербского «удруженья» записка по этому предмету поражает своей наивностью; по содержанию ее были и будут представлены серьезные возражения со стороны наших делегатов.

Завершая занятия, президиум выразил пожелание, чтобы следующий, XI всеславянский конгресс публицистов собрался в 1912 г. в Загребе. Предложение встретило полное одобрение присутствующих, и настоящий конгресс объявлен закрытым. Все, казалось, сошло благополучно.

Но добродушные и любвеобильные славяне съезжаются не только для работы; они должны непременно «на страх врагам» отпраздновать свое «братство». И сербы, вовсе не желая отставать от своих соседей-болгар, захотели, напротив, превзойти их гостеприимством, отмечая с гордостью, что в их столицу прибыли и те отпрыски славянской семьи — забытые всеми лужичане и строптивые поляки, — которых в прошлом году не видела София.

Праздничная программа была составлена разнообразно: прием у короля с принесением поздравлений его величеству в день тезоименитства, угощение во дворце, загородные прогулки, концерты, народные гулянья и... банкеты. Вот на этих-то банкетах, за чашей вина и должно было проявиться истинное братство славян. Само собой разумеется, что в названных празднествах члены императорской миссии не принимали участия по случаю траура по в бозе почившей великой княгине Александре Иосифовне.

Первый банкет устроен был сербским Новинарским удружением. Гости оживленно беседовали об общности интересов славян, говорили прочувственные речи, пили здравицы. Все сравнительно обошлось мирно, если не считать бессмысленной выходки четырех австрийских поляков, покинувших зал при первых же звуках русского народного гимна. Никто не придал этому значения; поляков втихомолку осудили и продолжали дружескую беседу.

Второй банкет в честь славянских гостей организован был белградской городской общиной [12 июля] 29 июня, в день закрытия конгресса. Во избежание повторения польских демонстраций члены общин решили заранее исключить все народные гимны из музыкальной программы банкета; после речей представителей различных национальностей оркестр должен был играть соответственные народные песни.

Но сербы вообще плохие организаторы, а тут им впервые пришлось иметь дело с многолюдным и довольно разношерстным обществом. На банкет собралось, говорят, до 700 человек, среди которых оказались господа с подложными приглашениями, разные темные личности, австро-мадьярские эмиссары и, конечно, все здешние руссофобы, австрофилы, противники династии и правительства, искатели всеславянских скандалов. Председатель общины, весьма уважаемый радикал Любомир Давидович, слишком занят был почетными гостями, среди которых было и несколько наших делегатов. Посему на банкете оказалось много самозванных распорядителей, забегавших в оркестр, отдававших собственные приказания и, видимо, замышлявших недоброе дело.

Первым на банкете произнес слово опять чех Голечек, почетный председатель

конгресса, повторивший благодарственные заявления русским и закончивший речь здравицей в честь сербского короля. Оркестр исполнил сербский гимн. Следующая речь председателя общины Давидовича сопровождалась общеславянской песней «Гей словяне». Затем говорил наш делегат Башмаков, и хор певчих почему-то пропел «Многая лета». Русским стали тут объяснять, что гимнов вообще не будет. За Башмаковым министр юстиции Аранджелович произнес весьма прочувственное слово о русско-сербских отношениях, покрытое звуками *полонеза*. Это многих озадачило; почувствовалось некоторое возбуждение, все более возраставшее потому, что на раздававшееся с различных сторон требование исполнить русский гимн оркестр продолжал играть полонез.

Встал, наконец, поляк Стасяк, выразивший в заключение своей речи благодарность сербам от имени поляков за то, что они избавлены были на этом банкете от звуков той песни (русского гимна!), которая для них так оскорбительна. В зале поднялась целая буря. Одни громко требовали исполнения русского гимна, браня поляков, другие протестовали, понося русских делегатов. Шум и крики достигли крайних пределов, когда оркестр грянул: «Еще Польска не сгинела». В конце концов в дело энергично вмешался председатель общины, и русский гимн был исполнен, после чего наши делегаты, сильно возбужденные, удалились из зала.

Ночью же обо всем происшедшем мне донес драгоман императорской миссии г. Мамулов. Русские журналисты, повидимому, склонны были без разбору взвалить вину за все происшедшее и на городскую общину и на правительство и чуть ли не на весь сербский народ. Составленный ими по уходе с банкета и под первым впечатлением протест для здешней печати носил крайне резкий, оскорбительный характер и по адресу тех почтенных сербских деятелей, которые, конечно, ни в чем не были повинны.

Я тотчас же предложил русским делегатам собраться на следующий день после полудня в императорской миссии на совещание и до тех пор не предпринимать никаких шагов. Предложение мое было ими принято.

Но уже в 10 часов утра [13 июля] 30 июня ко мне явился крайне взволнованный Пашич и от имени правительственной партии и городской общины принес мне извинения и искренние сожаления по поводу происшедшего вчера на банкете весьма грустного инцидента, который осуждается сербским общественным мнением. Несмотря на то, что ему предстояло чрез несколько часов отправиться по делам во внутрь страны, Пашич по уходе от меня повидался с представителями всех политических партий, министрами, членами белградской управы и Литературного дружества и командировал затем в миссию министра народного просвещения Любу Иовановича, предложившего дать самое широкое удовлетворение русским делегатам. Как раз к этому времени последние собрались у меня. Мне прежде всего, в отдельной комнате, пришлось умиротворять моих несколько возбужденных соотечественников, которые уже поспешили отправить в свои газеты довольно резкие телеграммы. Я разъяснил им истинную подкладку происшедшего события и убеждал их, в интересах русско-сербских отношений и нашей задачи на Балканах, стать выше грубой польской выходки, подстроенной врагами славянства, к которой во всяком случае не причастны здоровые элементы Сербии, и пойти навстречу искренним стремлениям сербов уладить недоразумение в форме, вполне удовлетворительной для нашего достоинства. В этом отношении я встретил сильную поддержку со стороны тотчас же разделивших мою точку зрения — действительного статского советника Башмакова и профессоров Филевича и Кулаковского. После продолжительных дебатов мне удалось, наконец, достигнуть примирительных результатов, о которых я и сообщил министру Л. Иовановичу, ожидавшему меня.

Русские делегаты приняли приглашение белградской городской общины на дружеское собеседование. Это собеседование, назначенное на [14] 1 июля, превратилось в грандиозный банкет, продолжавшийся с 5 часов дня до часу ночи. На нем присутствовали, помимо русских и галицийских гостей, сербские министры, члены общины, представители всех четырех партий, разные обществен-

ные деятели, профессора, журналисты и пр. Были взаимные объяснения, извинения, закончившиеся полным примирением.

На другой день почти все наши делегаты разъехались удовлетворенные, но, быть может, затаив в душе некоторую дозу разочарования в Сербии.

Чувство это, если смотреть на дело с широкой политической точки зрения, совсем неосновательно; но возникновение его у людей, постоянно витающих в области отвлеченных представлений, каковыми являются все публицисты, так легко с плеча решающие спорные вопросы международного характера, — вполне естественно при первом же столкновении с действительностью. Если бы в один прекрасный день повсюду журналистам предоставлено было ведение внешней политики, то, вероятно, к вечеру все государства открыли бы друг против друга военные действия. В этом, кажется, достаточно убеждает первая после описанного инцидента нововременская заметка в № 12680 «о большом свинстве», учиненном сербами.

Как бы то ни было, для меня не представляется сомнений в том, что в данном случае имела место провокация, ловко подстроенная, при благосклонном участии здешних руссофобов пятью поляками, не имеющими, кроме Круликовского, ничего общего с журналистикой и прибывшими на конгресс в качестве австрийских агентов.

Слишком было бы невыгодно для Австро-Венгрии, если бы всеславянский конгресс, созванный в Сербии, куда съехались представители всех находящихся под ее властью славянских народов, привел к мало-мальски благоприятным результатам. Надо было во что бы то ни стало «сорвать» его и главным образом посеять раздор между сербами и русскими, отношения которых за последнее время стали принимать все более тесный и сердечный характер.

В результате X белградский конгресс, мне кажется, как нельзя более подтверждает справедливость высказанного мной в начале настоящей депеши принципиального взгляда на всеславянские съезды.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 214. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 466. 18/5 июля 1911 г.

Ссылаюсь на отправленную сегодня депешу № 75 [1]. Получил телеграмму № 893 [2]. Посылаю копию в Париж.

Французский посол сообщил мне, что вчера Порта заявила представителю французских капиталистов согласие подписать контракты об изысканиях и желаемую французами декларацию, но с условием, что Адриатическая дорога, следуя от Мрдаре на Приштину и Призрен, направляется далее к Сан-Джиованни-ди-Медуа через Дибру. Впрочем Порта потребовала для особенно тщательного обсуждения всего вопроса еще 10 дней. Делоне телеграфировал синдикату в Париж, дабы осведомиться, приемлемо ли направление на Дибру в особенности для Сербии. Посол видит в этом варианте результат германо-австрийского давления на Порту, столь верно указанного Титтони. Практически важно, что Порта окончательно согласилась на сербское направление от Мрдаре до Призрена, что уже указывает на некоторый успех турецкого противодействия означенному давлению. Дальнейший же путь на Дибру, имеющий или пересечь или обойти хребет Шар-Даг, окажется, без сомнения, технически неосуществимым или чрезмерно дорогим, так что Адриатическая дорога должна будет все-таки направиться от Призрена к морю иным, более коротким и удобным путем; кроме того речь идет лишь о предварительных изысканиях, а не об окончательном определении направления или о концессии на постройку, которые будут обсуждаться лишь впоследствии и, вероятно, при ином турецком кабинете. Наконец, для нас чрезвычайно ценно

[1] См. стр. 138, прим. 1.
[2] См. № 194.

добиться теперь же письменного согласия Порты на новейший французский проект декларации, приложенной к депеше № 75, обеспечивающей французам постройку и эксплоатацию малоазиатских железных дорог, даже в случае воспрепятствования нами осуществлению линии к востоку от Сиваса. Поэтому казалось бы желательным согласиться на предложения Порты под условием, что предположенные акты будут подписаны безотлагательно и что предпринимателям будет предоставлено право произвести в случае надобности изыскания от Призрена к морю по различным вариантам направления на Дибру. По мнению посла, вполне разделяемому мной, французскому правительству надлежит проявить в эту критическую минуту непоколебимую твердость и дать ясно почувствовать Порте, что достигнут предел тому терпению, с которым оно переносило турецкую неискренность в его железнодорожном деле. Пока таковая будет продолжаться, французский рынок останется запертым для всяких турецких финансовых операций. К последним я полагал бы необходимым причислить и решенный уже заем на шоссейные дороги.

Чарыков.

№ 215. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 562[1]. 18/5 июля 1911 г.

Телеграфирую циркулярно нашим консульским представителям в Персии: Мохамед-Али-шах прибыл в Гюмиш-Тепе[2]. Послезавтра ожидается его вступление в Астрабад. В Тегеране известие об этом еще не распространилось. Пока трудно судить, будет ли организовано сопротивление и какой оно будет силы. Императорское правительство решило остаться нейтральным в борьбе нынешнего правительства с Мохамед-Али-шахом, который предпринял теперь новую попытку вернуть престол на свой собственный риск и страх. Вам надлежит, не вмешиваясь в предстоящую внутреннюю борьбу, со всей энергией защищать жизнь и имущество русско-подданных и возлагать на находящихся в данный момент фактически у власти ответственность за могущий произойти для наших интересов ущерб. Вы должны удерживать власти от всяких ненужных проявлений жестокости и личной мести и направлять их деятельность к предупреждению грабежей и поддержанию возможного при нынешних обстоятельствах порядка. Желательно избегать бестов, допуская таковые лишь в самых крайних случаях.

Поклевский.

№ 216. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 563. 18/5 июля 1911 г.

Телеграфирую в Астрабад:

Если Мохамед-Али-шах фактически завладеет Астрабадом и вступит в этот город, то, ввиду неизбежности встретиться с ним раньше или позже, вы можете посетить его совершенно частным образом. Если его величество коснется вопроса о признании его Россией, то вам следует ответить, что решение императорского правительства будет вероятно зависеть от признания его остальной Персией своим государем. Вам также надлежит энергично объясниться с его величеством относительно охраны жизни и имущества русско-подданных и поддержания порядка в стране в смысле моей циркулярной телеграммы от сегодняшнего числа[3].

Поклевский.

---

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 8, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[2] Отношением от 26/13 июля за № 202 росс. пограничный в Персии комиссар Лавров сообщал, что 17/4 июля Мохамед-Али прибыл в Гюмиш-Тепе на пароходе «Христофор», принадлежавшем бакинскому купцу Кулиеву. Пароход вышел «из Петровска прямо в Хассан-Кули».

[3] См. № 215. Дополнительной тел. от 19/6 июля за № 566 Поклевский сообщил Нератову: «Барклай убедительно меня просит отменить данное мной Иванову разрешение посетить

№ 217. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 909. 19/6 июля 1911 г.

Сегодняшней почтой вам отправляется австрийская конфиденциальная памятная записка, содержащая предложение о взаимодействии России, Австрии и Италии как в Турции, так и в Черногории, ввиду весьма вероятных между последними осложнений [1], а равным образом и ответ наш на означенное предложение, в котором мы, не уклоняясь от предлагаемого обмена мыслей, указываем на желательность установления общего между державами взгляда и на особенную пользу такового в случае, если бы удалось заручиться предварительным согласием Порты [2].

Благоволите сообщить, нашли ли бы вы возможным совершенно частным и доверительным образом зондировать турецкое правительство о желательности для него выступления держав с предложением посредничества с Черногорией в ближайшем будущем.

Быть может, сама Турция пожелает принять на себя почин в этом деле, подобно тому, как она уже обращалась неоднократно к державам по черногорским делам.

Нератов.

№ 218. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 912 [3]. 19/6 июля 1911 г.

Сообщается посланнику в Тегеране.

Ссылаюсь на телеграмму Поклевского за № 556 [4].

Следуя принципу невмешательства во внутренние дела Персии и борьбу партий, которого Россия и Англия неукоснительно придерживались со времени возникновения в этой стране революционного движения, мы считаем, что обеим державам следует и ныне тщательно воздерживаться от каких-либо действий, которые имели бы характер поддержки одной партии против другой [5].

Мохамед-Али-шаха по его вступлении в Астрабад. Считая мое распоряжение правильным с точки зрения международного права и наших интересов, прошу ваше превосходительство срочно предписать Иванову воздержаться от свидания с его величеством, если вы признаете это предпочтительным». Ссылаясь на публикуемую тел., Нератов послал 19/6 июля за № 915 Иванову (копия Поклевскому) следующую тел. (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 16): «Ввиду принятого нами решения соблюдать строгий нейтралитет в борьбе Мохамед-Али-шаха с нынешним персидским правительством, вам не следует делать первого шага к свиданию с шахом. Но если он выразит желание с вами повидаться, то вы можете его посетить и поступать согласно указаниям, преподанным вам посланником».

Копия этой тел. была послана Бенкендорфу 20/7 июля за № 923. На тел. имеется помета Николая II: «Да». «Рейд «Штандарт», [25] 12 июля 1911 г.»

[1] См. стр. 224, прим. 4.

[2] См. стр. 225, прим. 2.

Копии обеих упомянутых пам. записок были препровождены также Корфу и Н. Гирсу 19/6 июля при отношениях за №№ 443 и 444; причем отношением за № 443 Нератов просил Корфа передать копию ответной пам. записки итал. м-ру ин. дел при первом свидании с ним. В тел. от 24/11 июля за № 27 Корф уведомил, что он выполнил данное ему поручение и что Сан-Джулиано, ознакомившись с содержанием врученного ему документа, «предоставил себе высказаться по зрелом обсуждении».

[3] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 15, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[4] См. № 204.

[5] Тел. от 19/6 июля за № 913 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 14) Нератов, отмечая, что положение офицеров персидской казачьей бригады во время конфликта Мохамед-Али-шаха с персидским прав-вом будет «весьма щекотливым», предписывал Поклевскому в каждом отдельном случае указывать командиру бригады кн. Вадбольскому, «должны ли русские офицеры оставаться во главе бригады и действовать согласно указаниям шаха или же должны устраняться от личного участия и передать командование персидским офицерам».

Вопрос о пропуске нами бывшего шаха ныне отпадает, ибо, как явствует из передаваемой вам телеграммы консула в Астрабаде [1], его величество уже проник в пределы Персии, тайно проехав из Австрии в Туркменскую степь. Принимать же ныне против него какие-либо меры мы считаем в силу упомянутого принципа невозможным.

Мы полагали бы ввиду этого желательным, чтобы Поклевский и Барклай безотлагательно довели до сведения регента, что обе державы останутся совершенно нейтральными в попытке Мохамед-Али-шаха вернуть себе престол.

Благоволите спешно объясниться в этом смысле с лондонским кабинетом и о последующем телеграфировать.

[Н е р а т о в.]

Верно.

Рейд «Штандарт», [25] 12 июля 1911 [г.]

№ 219. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 154. 19/6 июля 1911 г.

Nicolson vient de me dire ne pouvoir comprendre comment débarquement du shah a eu lieu si rapidement. Hier il le croyait à Vienne. Il a dû entrer en Russie, selon lui, sous faux nom. Il m'a communiqué substance du télégramme à Buchanan qui propose déclaration commune: cesser pension au shah, appui régime actuel reconnu comme légitime par les deux Puissances, refus reconnaître ancien shah. Je lui ai dit qu'il me semblait difficile de déclarer que shah ne sera jamais reconnu, qu'il faut envisager possibilité que tout le pays se soumette à lui rapidement. Nicolson m'a répondu que ceci ne pouvait pas être le cas et que nous nous trouvons malheureusement au début d'une guerre civile sanglante et prolongée dont shah est responsable. Dans mon opinion il faut en tout cas dégager responsabilité du gouvernement impérial et je ne vois pas d'autre moyen qu'une déclaration qui lui soit hostile à cause de l'abus de l'hospitalité russe. Une déclaration différente de celle de l'Angleterre soulignerait une différence principielle, favoriserait lutte intestine en Perse et rendrait, je crains, impossible sincère coopération ultérieure anglaise. Le cas est tel que toute réticence nous mettrait dans mon opinion en contradiction avec conditions auxquelles avons admis retraite du shah.

B e n c k e n d o r f f.

Перевод.

Никольсон только-что сказал мне, что он не может понять, каким образом шах мог приехать так быстро. Вчера он считал, что шах в Вене. По его мнению, он, вероятно, приехал в Россию под чужим именем. Он сообщил мне сущность телеграммы Бьюкенену с предложением следующего совместного заявления: прекращение выдачи пенсии шаху, поддержка существующего режима, признанного обеими державами законным, отказ в признании бывшего шаха. Я сказал ему, что мне кажется затруднительным заявить, что шах никогда не будет признан, что нужно считаться с возможностью быстрого подчинения ему всей страны. Никольсон ответил мне, что этого не может быть и что мы стоим, к несчастью, перед началом кровавой и длительной гражданской войны, ответственность за которую ложится на шаха. По моему мнению, следует во всяком случае снять ответственность с императорского правительства, и я не вижу другого способа, кроме заявления враждебного ему [шаху], ввиду злоупотребления им русским гостеприимством. Заявление, отличное от английского, подчеркнуло бы различие в принципе, служило бы к поощрению междоусобной войны в Персии и сделало бы, я опасаюсь, невозможным искреннее сотрудничество с Англией в будущем. Обстоятельства таковы, что всякая недомолвка поставила бы нас, по моему мнению, в положение, противоречащее условиям, на которых мы согласились на отречение шаха.

Б е н к е н д о р ф.

[1] Тел. от 18/5 июля без номера (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 7) Иванов сообщал Нератову (копия Поклевскому): «Вчера Мохамед-Али-шах на пароходе прибыл в Гюмиш-Тепе. При нем четверо министров и трое слуг. Он разослал письмо иомудам и гокланам немедленно стекаться к нему. Саиди Лешкер получил приказание шаха оставаться наиб-оль-хукуме (вице-губернатор) и поддерживать порядок в городе. Телеграф и адлие (местный суд) закрыты. Сторонники шаха собрались на заседание. Завтра или послезавтра состоится выезд шаха. В городе пока спокойно».

№ 220. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо[1]. 19/6 июля 1911 г.

Cher Анатолий Анатольевич,

Je vous remercie beaucoup de votre intéressante lettre[2]. Pour l'Albanie je ne suis pas à même de vous dire quoi que ce soit de saillant.

Quant au Maroc, Paris et Berlin sont à la source plus que moi. Il y a pourtant quelques points intéressants à noter.

Grey est imbu de quelqu'optimisme. Nicolson voit les choses plus en gris. A vrai dire il n'a jamais cru que l'Allemagne se serait lancée dans une démonstration aussi saisissante et inattendue, si elle n'avait quelque gros résultat en vue. Il croit aussi, et je partage cette opinion, qu'à Berlin on a jugé un peu trop superficiellement la détente entre les opinions publiques anglaise et allemande. L'apparence y prêtait, j'en ai rendu compte plusieurs fois, mais si à Berlin on a été jusqu'à compter sur une attitude anglaise qui frise la neutralité, on s'est trompé, et, de fait, on y a été surpris de la réponse de Grey[3] et de la déclaration de Asquith[4]. De fait aussi cette démonstration subite, le surlendemain de toutes les visites allemandes ici, — au cours desquelles il n'a jamais été question de rien de politique, sinon qu'une fois Metternich est venu sonder pour le Maroc[5], — a effacé en mesure très considérable tout le terrain acquis par l'influence allemande.

Mais le drapeau est à Agadir; qu'il en soit retiré pour une simple rectification de frontière ou pour la reprise de quelque négociation secondaire ne semble pas probable ici. Cela constituerait un quasi échec.

Nicolson m'a confié sous le sceau du plus grand secret que Metternich, qui n'aime pas avoir affaire à lui et qui ne vient presque jamais le voir, est arrivé il y a peu de jours pour une affaire tout à fait secondaire, puis tout à coup (Nicolson a fermement l'impression que l'ambassadeur d'Allemagne venait prévenir) lui a adressé un discours sur le thème suivant: entre 1866 et 1870 l'Allemagne est devenue un grand pays, victorieux de tous ses ennemis. Or, c'est la France vaincue et l'Angleterre qui, depuis, se sont partagé le monde, tandis que l'Allemagne n'a eu que des bribes; le moment est venu où l'Allemagne a droit à du réel et du considérable.

Vous connaissez, j'en suis sûr, mieux que moi les conversations qui ont eu lieu entre Mr. de Kiderlen et Mr. Jules Cambon[6]. Aujourd'hui, d'après Nicolson et Mr. Daeschner, ministre de France, il se dessine que l'Allemagne veut sinon la totalité, du moins un très gros morceau du Congo français; tellement que sur ce terrain un arrangement semble difficile. Je demandai aux deux quelle serait la conséquence immédiate d'un échec de la négociation sur ce point. L'un et l'autre me répondirent: tout d'abord l'Allemagne restera à Agadir, dont elle pourrait bien avoir surtout envie.

Si cela est vrai, les choses pourraient prendre une tournure bien sérieuse, il ne faudrait pas se faire illusion à cet égard.

Il est vrai que l'Allemagne ne montre ses cartes qu'avec une extrême réticence et que les choses peuvent encore tourner. L'arrivée à Paris de Mr. de Gwinner a fait penser à plusieurs que Bagdad pourrait encore être au fond de tout cela; comme

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 128, N 427.
[2] Соответствующее письмо в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.
[3] См. № 167.
[4] В своем выступлении в палате общин 6 июля/23 июня Асквит заявил, что, по мнению англ. прав-ва, вследствие недавних событий в Марокко создалось новое положение, дальнейшее развитие которого может затронуть англ. интересы прямее, чем это было до сих пор. Он надеется, что спор, возникший по этому поводу между заинтересованными державами, будет благоприятно разрешен. Участие Англии в разрешении этого вопроса определяется как ее собственными интересами, так и ее договорными обязательствами по отношению к Франции.
[5] См. № 29.
[6] См. № 192.

point secondaire peut-être, comme principal j'en doute. D'ailleurs il paraîtrait que la visite de Mr. de Gwinner n'a été que fort courte [1].

Comme vous ne revenez pas sur les commissions dont vous m'avez chargé concernant le Thibet [2], je ne ferai rien pour le moment.

J'ai lu le rapport d'Arsénieff du 11 mai, N 20 [3]. Je crains qu'il ne se laisse monter la tête par le consul général de France qui passe à l'ambassade pour un faiseur d'embarras. Quant aux traditions japonaises, elles me paraissent un peu insuffisantes.

En réalité je ne vois rien de commun entre le prestige de la Russie et les honneurs réservés à un consul. A ce titre il n'est jamais représentant ni extraordinaire, ni diplomatique.

L'invitation qu'ils ont reçue ne peut être considérée, je crois, que comme politesse personnelle. Et il serait assez fâcheux que le consul d'Allemagne et les autres acceptent sans commentaires, le nôtre et le français posant des conditions dénotant qu'ils se considèrent représentants, ce qui sera certainement contesté. Le mot du prince Bismarck me revient toujours à la mémoire et aussi la réponse du gouvernement allemand à ses consuls dans des cas analogues [4].

Veuillez me croire très sincèrement à vous.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Очень вам благодарен за ваше интересное письмо. Я не в состоянии сообщить вам относительно Албании что-либо заслуживающее внимания.

Что касается Марокко, то Париж и Берлин находятся ближе к первоисточникам, чем я. Тем не менее можно отметить несколько интересных пунктов.

Грей проникнут некоторым оптимизмом. Никольсону положение рисуется в более мрачном свете. По правде говоря, он никогда не верил, что Германия ринулась бы в столь необычайное и неожиданное предприятие, если бы она не имела в виду [добиться] какого-либо крупного результата. Он полагает также — и я разделяю его мнение,— что в Берлине слишком поверхностно оценили ослабление напряженности между английским и германским общественным мнением. Этому способствовали внешние признаки; я неоднократно писал об этом, но если в Берлине дошли до того, что начали рассчитывать, что позиция Англии будет близка к нейтральной, то просчитались, и, правда, в Берлине были поражены ответом Грея и заявлением Асквита. Действительно, это внезапное выступление, через несколько дней после всех германских визитов сюда, во время которых не было речи о какой-либо политике, если не считать того, что Меттерних однажды явился зондировать почву по вопросу о Марокко, — в весьма значительной мере свело на-нет те позиции, которые были завоеваны германским влиянием.

Но в Агадире флаг водружен. Здесь не считают вероятным, что он будет спущен в обмен на простое исправление границы или на возобновление каких-либо второстепенных переговоров. Это означало бы почти поражение.

Никольсон поведал мне под самым строгим секретом, что Меттерних, который не любит иметь с ним дело и почти никогда не посещает его, пришел к нему на-днях по совершенно второстепенному делу, а затем (у Никольсона создалось определенное впечатление, что германский посол явился, чтобы сделать предупреждение) обратился вдруг к нему с речью на следующую тему: между 1866 и 1870 гг. Германия стала великой страной, восторжествовавшей над всеми своими врагами. Между тем побежденная Франция и Англия поделили с тех пор между собой мир, в то время как Германии достались лишь крохи; наступил момент, когда Германия имеет право на нечто реальное и значительное.

Вы, я в этом убежден, осведомлены лучше меня о переговорах, происходивших между г. Кидерленом и г. Жюлем Камбоном. В данный момент, по словам Никольсона и советника французского посольства г. Дешнера, выясняется, что Германия желает получить французское Конго, если не целиком, то по крайней мере весьма значительную его часть, настолько значительную, что соглашение на этой почве представляется затруднительным.

[1] У Siebert'a последующая часть документа опущена.

[2] См. стр. 114, прим. 1.

[3] Дата указана ошибочно. В донесении от 2 июня/20 мая за № 20 ген. консул в Калькутте Б. Арсеньев выражал опасение, как бы «престиж России не был умален на дурбаре в случае, если единственным представителем императорского правительства на этом знаменательном историческом торжестве будет российский генеральный консул в Индии». Далее он сообщал, что его соображения разделяются франц. и япон. ген. консулами. См. также № 69.

[4] См. № 429.

Я спросил у обоих, каков будет непосредственный результат, если переговоры по этому вопросу ни к чему не приведут. И тот и другой ответили: прежде всего Германия останется в Агадире, который она, возможно, особенно желает получить.

Если это правда, то дело может принять весьма серьезный оборот: следовало бы в этом отношении не создавать себе иллюзий.

Правда, Германия раскрывает свои карты лишь с крайней осмотрительностью, и дело еще может принять другой оборот. Приезд в Париж г. Гвиннера навел многих на мысль, что подоплекой всего этого мог бы быть Багдад. Быть может, как второстепенный пункт, но чтобы как главный, — я сомневаюсь. Впрочем визит г. Гвиннера был повидимому весьма непродолжительным.

Так как вы не возвращаетесь к поручениям, которые вы на меня возложили по вопросу о Тибете, то я в данный момент ничего не предприму.

Я прочел донесение Арсеньева от 11 мая № 20; опасаюсь, что его сбивает с толку французский генеральный консул, который, как думают в посольстве, обладает излишним самомнением. Что касается японских традиций, то они мне кажутся малоубедительными.

В сущности я не вижу ничего общего между престижем России и почестями, оказываемыми консулу. В качестве такового он никогда не является ни чрезвычайным, ни дипломатическим представителем.

Приглашение, которое они получили, может рассматриваться, я думаю, лишь как выражение личного внимания. Было бы в достаточной мере нежелательно, чтобы германский и другие консулы дали согласие без оговорок, в то время как наш и французский поставили бы условия, показывающие, что они считают себя представителями, что несомненно вызвало бы возражения. Я всякий раз вспоминаю слова князя Бисмарка, а также ответ германского правительства своим консулам в аналогичных случаях.

Искренно преданный вам

Бенкендорф.

№ 221. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 19/6 июля 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Считаю долгом довести до вашего сведения о беседе, бывшей у меня сегодня со здешним итальянским послом об албанских делах. Беседа эта показалась мне тем более интересной, что г. Титтони, в качестве бывшего министра иностранных дел и близкого человека к королю Виктору-Эммануилу, несомненно сохранил влияние на внешнюю политику Италии, в особенности в вопросах, касающихся столь хорошо известных ему дел Ближнего Востока. К тому же он, как и я, много претерпел от вероломной политики графа Эренталя и вместе со мной подписал в Ракконидже русско-итальянское соглашение о балканских делах.

Г. Титтони начал с того, что высказал мне весьма серьезные опасения насчет внутреннего положения в Турции, которое со дня на день может закончиться полным крахом, что неминуемо вызовет смуту и осложнения на всем протяжении Балканского полуострова. Даже если взгляд этот слишком пессимистичен, не может подлежать сомнению, что нынешние методы турецкого правительства, навязанные ему безответственными младотурецкими элементами, не способны благополучно разрешить албанский вопрос. Порта должна понять, что в настоящую минуту единственный благоразумный для нее исход — дать удовлетворение наиболее насущным требованиям албанцев. Но так как на подобное благоразумие вряд ли можно рассчитывать, то, по истечении вновь продолженного срока перемирия, необходимо будет, в той или другой форме, прибегнуть к европейскому вмешательству [1]. Но при нынешней группировке держав весьма трудно убедить все кабинеты принять участие в подобном вмешательстве и можно быть заранее уверенным, что, например, Германия ни в каком случае на это не согласится.

---

[1] Тел. от 24/11 июля за № 27 (см. также стр. 236, прим. 2) Корф сообщал, что в разговоре с ним итал. м-р ин. дел высказал убеждение, «что доверие албанцев к турецкому правительству подорвано и что они отнесутся со вниманием к его уступкам только, если державы дадут гарантии. Ввиду же отрицательного отношения держав к этому условию министр не может не признать положения безвыходным и угрожающим дальнейшими осложнениями».

Поэтому, по мнению г. Титтони, всего лучше и целесообразнее, если роль эту возьмут на себя три наиболее заинтересованные в албанском вопросе державы, а именно Россия, Италия и Австрия, при нравственной поддержке остальных держав. Г. Титтони подкрепляет свою мысль следующими весьма вескими соображениями: главная опасность для европейского мира заключается в том, что всякая смута на Балканском полуострове может вызвать единоличное активное выступление Австро-Венгрии, которое поставит Россию и Италию лицом к лицу с совершившимся фактом; тогда мы опять окажемся перед дилеммой: или примириться с этим фактом, или довести дело до конфликта. Поставив же Австро-Венгрию между Россией и Италией, мы тем самым можем удержать ее в известных рамках и, так сказать, поставить ее под фактический контроль. На мой вопрос, о каком именно вмешательстве он думает, г. Титтони сказал мне, что о форме и характере общих действий следует заранее сговориться, причем он допускает возможность перейти от чисто дипломатических шагов к мерам материального воздействия на Турцию и, в случае необходимости, на Черногорию и албанцев.

Слова г. Титтони, мне кажется, заслуживают с нашей стороны серьезного внимания и весьма вероятно, что он высказал их мне не случайно. Мысль о возложении европейского мандата в албанском вопросе на Россию, Австрию и Италию впервые была выражена сэром Э. Греем [1]; затем, я вижу из присланных мне литографий, что с этой же мыслью выступил в Петербурге граф Турн [2] и в Константинополе маркиз Паллавичини. Вижу также, что к этим выступлениям вы отнеслись весьма сдержанно, чтобы не сказать отрицательно, если не ошибаюсь, главным образом на том основании, что вмешательство в чисто внутренний албанский вопрос может вызвать резкий отпор со стороны Турции. Но, вместе с г. Титтони, я думаю, что вскоре может настать такая минута, когда подобное вмешательство сделается неизбежным для предотвращения еще более опасных осложнений, и к этой минуте, мне кажется, необходимо заранее подготовиться. На общее вмешательство всей Европы вряд ли можно рассчитывать: Франция слишком занята марокккскими делами; Германия вряд ли откажется от политики потакания Турции. При таких условиях предлагаемое г. Титтони тройственное вмешательство представляется мне наиболее безопасным. Мысль о нем очевидно внушена ему глубоким недоверием к австрийской политике и, в частности, к приемам графа Эренталя. Недоверие это в полной мере разделяю и я, но думаю, что наилучшим способом обеспечить себя от возможных сюрпризов — именно поставить венский кабинет под непосредственное наблюдение Петербурга и Рима. Если бы министром иностранных дел продолжал быть я, эту программу было бы очень трудно выполнить, ибо этому помешали бы личные мои счеты с графом Эренталем. Но при новом лице во главе нашего министерства это мне кажется хотя и трудным, но не невозможным.

На высказанные мне г. Титтони мысли я ответил уклончиво, подчеркнув лишь, что у нас относятся весьма недоверчиво к Австрии и что после всего, что произошло три года тому назад, весьма трудно наладить новое соглашение с венским кабинетом, хотя бы и при участии Италии. Тем не менее я обещал ему довести о нашей беседе до вашего сведения.

В заключение позволяю себе напомнить вам, что во время моих бесед с г. Титтони в Ракконидজи с его стороны была весьма ясно высказана та же мысль о возможности совместного действия России, Австрии и Италии на Балканах и что подобное тройственное согласие вполне укладывается в рамки русско-итальянского секретного соглашения. Не думаете ли, что ныне настало время использовать на практике это соглашение, лежавшее до сих пор под спудом, но способное, может быть, при нынешних обстоятельствах оказать и нам и всеобщему миру ценную услугу?

Примите и пр.

Извольский.

---

[1] См. № 128.
[2] См. № 206.

№ 222. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо[1]. 19/6 июля 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вы, вероятно, вспомните, что создавшееся ныне на почве марокского вопроса крайне сложное и опасное положение было мною еще два месяца тому назад предсказано[2] г. Круппи, который в то время был одержим совершенно непонятным оптимизмом и не верил в возможность активного выступления Германии. Случилось именно то, что следовало ожидать: Германия выждала удобный момент и, воспользовавшись поводом, созданным действиями Франции, а также, главным образом, Испании, заявила о своих притязаниях. При этом совершенно безразлично, существовало ли тайное подстрекательство в Мадриде со стороны Германии. Крупнейшей ошибкой г. Круппи, на которую я не раз ему указывал, было легкомысленное отношение к испанским пожеланиям и интересам; оно побудило Испанию сыграть в руку Германии и окончательно запутало злосчастный марокский вопрос. Г. де Сельв, с которым я имел две длинные беседы и который, как видно из моих телеграмм, держит меня в курсе происходящих в Берлине переговоров, не отрицает сделанных его предшественником промахов; он производит впечатление если и не опытного дипломата, то человека со здравым умом и большим хладнокровием. Застигнутый врасплох германским сообщением[3] в самый день вступления в отправление новых и совершенно непривычных для него обязанностей, он не растерялся и, кажется, с тех пор не совершил никакого неправильного шага. Он высказал мне, между прочим, предположение, что, отправляя военное судно в Агадир, Германия действительно имела первоначально в виду утвердиться на этом пункте Атлантического побережья и захватить его хинтерланд. На такой план ее могла натолкнуть неправильная оценка настроения Англии и преувеличение замечавшихся там в последнее время германофильских течений; лишь встретив твердый отпор со стороны Франции и убедившись, что Англия не допустит захвата Агадира, а Россия останется верной союзу с Францией[4], германское правительство отказалось от своего первоначального намерения и вступило на более безопасный путь торга о компенсациях и эквивалентах. Как вам известно из моей телеграммы от [12 июля] 29 июня[5], первый разговор г. Камбона с г. Кидерленом не выяснил намерений Германии, но дал повод французскому послу вполне определенно заявить, что Франция не согласится на утверждение Германии в какой бы то ни было части Марокко, после чего г. Кидерлен, не возражая на это заявление, как бы мимоходом упомянул о французском Конго, как о возможном предмете переговоров. Сегодня я телеграфировал вам конфиденциальные сведения о второй беседе в Берлине[6]; по ходу этой беседы г. Кидерлен предложил признать французские права на Марокко взамен такого направления границы между Камеруном и Конго, которое, по словам г. де Сельва, было бы равносильно уступке Германии почти всего французского Конго. Г. де Сельв весьма энергично заявил мне, что он не только считает это предложение абсолютно неприемлемым, но что он опасается, что Германия выставила его с целью вызвать со стороны Франции отказ и затем остаться в Агадире. В этом смысле он высказался перед германским послом, бывшим у него до меня. Барон Шен, со свойственной ему мягкостью, постарался рассеять эти опасения и объяснил ему, что чрезмерный запрос г. Кидерлена следует, вероятно, приписать особенностям его темперамента[7]. Г. де Сельв показался мне сегодня весьма озабоченным, и я

---

[1] Опубл. Stieve, I, S. 124, N 100.

[2] См. №№ 18 и 39.

[3] См. № 174.

[4] У Stieve слова: «останется верной союзу с Францией» заменены словами: «neutral bleiben werde» («останется нейтральной»).

[5] См. № 192.

[6] Имеется в виду тел. от 19/6 июля за № 77, содержание которой полностью изложено в публикуемом письме.

[7] У Stieve слова: «и объяснил ему... его темперамента» опущены.

знаю, что настроение это разделяется и другими членами кабинета [1]. Французская печать продолжает быть сравнительно спокойной и сейчас внимание ее главным образом поглощено инцидентом с французским консульским агентом в Эль-Ксаре [2]. Инцидент этот показывает, до какой степени обострились франко-испанские отношения. Г. де Сельв уверял меня сегодня в своем искреннем желании исправить ошибку г. Круппи по отношению к Испании, но прибавил, что намерения его разбиваются о систематическую враждебность испанского правительства и испанских властей в Марокко. Настоящий инцидент будет, вероятно, вскоре улажен, но он еще более затрудняет приискание формулы для франко-испанского соглашения.

В заключение считаю долгом присовокупить, что я воспользовался случаем, чтобы напомнить г. де Сельву, что если бы Германия захотела включить в число компенсаций отказ Франции от Дунайско-Адриатической железной дороги, французское правительство не могло бы на это пойти без согласия России и Италии, с которыми у него на этот счет существует соглашение[3]. Г. де Сельв уверил меня, что он не примет никаких условий, могущих затронуть наши интересы, без сношения с нами, но прибавил, что [4] до сих пор Германия не упомянула ни о каких других предметах компенсаций, кроме Конго. С другой стороны, министр финансов г. Клотц заявил сегодня нашему финансовому агенту [5], что, вопреки газетным слухам, французское правительство ни минуты не допускает мысли компенсировать Германию путем допущения к котировке на парижской бирже германских государственных бумаг.

Примите и пр.

Извольский.

P. S. 20/7 июля. Агентство Гаваса сейчас сообщает о благополучном улажении эль-ксарского инцидента путем представления Испанией устных извинений [6].

Ut in litteris

Извольский.

№ 223. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 19/6 июля 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Ввиду мнения, выраженного графом Эренталем в aide-mémoire, в копии у сего прилагаемом, который должен был передать вашему превосходительству граф Турн [7], осмеливаюсь представить императорскому правительству следующие соображения: нам следовало бы воспользоваться несомненным желанием австро-венгерского правительства притти к соглашению как с Россией, так и с Италией ввиду острого кризиса на Ближнем Востоке, чтобы вступить с этими державами в обмен мыслей, учитывая, конечно, политическую двуличную деятельность руководителя австро-венгерской политики. Только таким образом мы будем вправе требовать, чтобы австро-венгерское правительство не действовало на полуострове, не предупредив нас.

Как бы незначительно ни было соглашение с Австро-Венгрией, оно, в особенности при содействии Италии, одинаково заинтересованной в албанском вопросе,

---

[1] У Stieve последующая часть абзаца опущена.

[2] 15/2 июля франц. консульский агент Буассет, проезжавший между Сук Эль-Арба и Эль-Ксаром, был задержан испан. постом.

[3] У Stieve слова: «с которыми... существует соглашение» опущены.

[4] У Stieve слова: «он не примет... но прибавил, что» заменены словами: «Keine derartige Absichten zu haben» («не имеет такого намерения»).

[5] У Stieve: «mir» («мне»).

[6] У Stieve P. S. опущен.

[7] См. стр. 224, прим. 4.

дает нам возможность подвергать некоторому контролю политические действия графа Эренталя. Прекращение всякого обмена мыслей невыгодно для нас, так как оно даст Эренталю полную свободу действий, причем, раздраженный неудачной попыткой, он же заявит, что он исчерпал все средства для соглашения с нами, но мы отказались от всякого обмена мыслей и сближения.

Злопамятство в политике опасно, — мы поступили крайне благоразумно, вступив в соглашение с Японией по некоторым вопросам, и это должно быть несомненно поставлено в заслугу А. П. Извольскому; почему же не обеспечить себя и со стороны Австро-Венгрии условиями, которые помешали бы ей действовать вполне самостоятельно на Ближнем Востоке.

Не подлежит сомнению, что недовольство турецкого правительства по отношению к Австро-Венгрии за вмешательство во внутренние дела Турции нам очень выгодно, но не в наших интересах также отклонять окончательно соглашение с ней и Италией, которое, ввиду недавно пережитого, можно обставить самыми большими предосторожностями.

Итальянский мой коллега, герцог Аварна, сказал мне, что он считает это тройственное соглашение единственным исходом из тревожного положения вопроса сношений между Турцией и Черногорией; между тем до него дошло, что мы продолжаем не желать какого бы то ни было сближения с Австро-Венгрией, и мы заявили даже Англии и Франции, что у нас не существует обмена мыслей с Австро-Венгрией и Италией.

Со своей стороны итальянский посол уверен, что и его правительство добивается этого соглашения, чтобы предупредить возможность осложнений; прекратить же или не допустить переговоров, по его мнению, равносильно допущению невыгодных для нас действий Австро-Венгрии на Балканах.

Герцог Аварна думает, что Франция и Англия могут только отнестись доброжелательно ко всему тому, что может укрепить мир и предохранить Турцию от чреватого последствиями разложения.

В принципе все державы желают сохранения мира, status quo и строгой локализации войны, если бы она была неизбежна между Черногорией и Турцией.

Граф Эренталь собирается выехать снова из Вены в Мендель близ Боцен-Гриса, откуда он будет управлять делами, прекратив лишь всякие непосредственные сношения с представителями, что крайне затруднит осведомительную часть наших обязанностей, так как заместитель графа Эренталя на Балльплаце, барон Мюллер, вполне молчаливая личность.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 224. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Вене Н. Гирсу.

*/. Телеграмма № 920. 20/7 июля 1911 г.

Сообщается в Константинополь [1].

Вчерашней почтой вам отправлены переданная мне Турном памятная записка и наш ответ на нее касательно предложения венского кабинета о взаимодействии России, Австрии и Италии в вопросе об отношениях Турции и Черногории [2].

Вчера же на приеме в беседе с Турном, подтвердив наше принципиальное согласие на предварительный обмен мыслей между тремя державами, я все-таки высказался за желательность в некоторых вопросах воздействия всех великих держав. Одновременно я сообщил Турну, что мы [3] уже осведомили Чарыкова о

[1] Публикуемая тел. была отправлена 21/8 июля в К-поль за № 929.
[2] См. стр. 224, прим. 4 и стр. 225, прим. 2.
[3] Последующая часть тел. вставлена вместо зачеркнутых слов: «еще ранее до австрийского предложения поручили Чарыкову зондировать Порту по вопросу о том, как бы она отнеслась к международному вмешательству, и ожидаем с нетерпением отзыва ее по сему поводу. Изложенное вам сообщается для сведения на случай могущих быть объяснений с министром иностранных дел».

возникшей мысли посредничества держав, но его взглядов по этому поводу еще не знаем.

А. Нератов.

№ 225. Временно управляющий министерством иностранных дел посланникам в Белграде и Софии — Гартвигу и Неклюдову и поверенному в делах в Афинах— Татищеву [1].

⁷/. Телеграмма № 921 [2]. 20/7 июля 1911 г.

Сообщается в Вену, Берлин, Париж, Рим, Лондон, Константинополь, Бухарест и Цетинье.

На вчерашнем дипломатическом приеме представители славянских государств с большим интересом осведомлялись о дошедших до них слухах о происходящих будто между державами переговорах, имеющих отношение к последним событиям на Балканах.

Я подтвердил им, что действительно такие переговоры происходят со времени выступления Англии, и предмет их составляет сохранение status quo [3], главным же образом преследуют вопрос об общем умиротворении и успокоении. Специально по отношению к Австрии я счел необходимым указать, что мы придаем особое значение начавшемуся с ее стороны обмену мыслей с нами, так как, находясь в общении с нею, мы всегда будем в курсе ее намерений на Балканах.

Изложенное вам сообщается для сведения и на случай объяснений с правительством, при коем вы аккредитованы.

А. Нератов.

№ 226. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Риме Корфу.

⁷/. Телеграмма № 922 [4]. 20/7 июля 1911 г.

Сообщается в Вену, Константинополь и Цетинье.

Вчерашней почтой отправлены вам копии памятных записок, содержащих предложение венского кабинета вступить в обмен мыслей об отношениях Турции и Черногории и наш ответ австрийцам [5]. Копия последнего сообщена мною Мелегари [6].

Воспользовавшись этим случаем, Мелегари сообщил мне о готовности римского кабинета примкнуть к предположенному обмену мыслей и предположении его, не формулируя определенного предложения, возможности следующего образа действий:

1) по отношению к малиссорам он находил бы желательным посоветовать Порте предоставить им право ношения оружия и удовлетворить их желания по отбыванию воинской повинности;

2) Черногории, в лице короля Николая, заявить, что в случае войны с Турцией и в случае поражения Черногории она не должна рассчитывать на поддержку держав, а в случае победы она не получит от этого никаких выгод, и

3) просто как мысль — возможность предложить королю склонить малиссоров к покорности и обещать от имени держав принять это обстоятельство во внимание.

Я ответил Мелегари, что не вижу особых возражений к осуществлению первого предположения, поручив послам в Константинополе сговориться о более точном определении предмета дружеского совета Порте. По второму я высказал

[1] Тел. от 8 июня/26 мая (без номера) Свербеев сообщил, что он уезжает в отпуск, сдав управление миссией Татищеву.
[2] Опубл. Siebert, II, S. 131, N 429.
[3] У Siebert'а слова: «предмет их... status quo» заменены словами: «dass ihr Inhalt geheim gehalten wird» («что их содержание хранится в тайне»).
[4] Опубл. Siebert, II, S. 130, N 428, без указания номера.
[5] См. стр. 224, прим. 4, стр. 225, прим. 2.
[6] Итал. посол в Петербурге.

сомнение в возможности, в случае поражения Черногории, убедить короля в полном безучастии держав, а в случае победы, соглашаясь с предположением римского кабинета, сообщил, что мы уже дважды высказывались в этом смысле перед черногорцами и что было бы полезнее коллективно выступить в этом вопросе всем державам, как участницам Берлинского трактата.

По третьему пункту Мелегари воздержался от более точного его формулирования.

А. Нератов.

№ 227. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 925 [1]. 20/7 июля 1911 г.

Телеграмма за № 152 получена [2].

Вы можете высказать Никольсону, что мы в деле Мохамед-Али-шаха действовали вполне искренно и что появление его в пределах Персии было такой же неожиданностью для нас, как и для лондонского кабинета. На-днях еще, по соглашению с последним, нами решено было сделать Мохамеду-Али внушение через наше посольство в Вене [3]. Шах покинул Россию [10 июня] 28 мая и с тех пор под наблюдением нашим не состоял. Проезд его через Россию инкогнито едва ли мог бы быть предотвращен какими-либо средствами, при полной неожиданности сделанного им шага. Никаких субсидий бывший шах от нас не получал.

С появлением его однако на персидской территории наше отношение к его борьбе с противниками может быть только строго нейтральное. Такого положения мы и будем придерживаться. Факт признания нами Султана Ахмед-шаха не может считаться препятствием к такому образу действий, так как в свое время мы придерживались того же принципа по отношению к признанному нами и Англией Мохамеду-Али и не воспротивились его низложению.

Не оспаривая, что в свое время Мохамед-Али не сумел совладать с движением в Персии и водворить в стране порядок, мы полагаем однако, что он в изгнании многому научился и, быть может, при новом воцарении найдет пути к устранению нескончаемой анархии, столь вредной для интересов наших и Великобритании.

Нератов.

№ 228. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 926. 20/7 июля 1911 г.

Сообщается Поклевскому в Тегеран и Чарыкову в Константинополь.

Телеграмма № 154 получена [4].

Сейчас у меня был разговор с Бьюкененом относительно предлагаемого лондонским кабинетом совместного заявления в Тегеране: о прекращении пенсии шаха, о поддержке настоящего правительства, признанного обеими державами законным, и об отказе признать прежнего шаха. Передавая мне это предложение, посол сказал, что на основании предыдущих наших бесед, он вперед не рассчитывает на наше сочувствие ему. Обсуждая с ним означенные пункты, я сказал, что прекращение пенсии разумеется само собой, так как шах нарушил свое обязательство. Что касается прочих двух пунктов, то какое-либо активное выступление с нашей стороны против Мохамед-Али-шаха на персидской территории я считаю невозможным, а заявление вперед, что мы не признаем его, т. е. не допустим его воцарения, может поставить нас в крайне неловкое положение, если бы он одержал верх, так как нам, в таком случае, оставалось бы только двинуть

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 17, с сокращениями и стилистическими изменениями.
[2] См. № 211.
[3] См. № 200.
[4] См. № 219.

войска в Персию, чтобы силой воспротивиться этому воцарению. Вступив на персидскую территорию, Мохамед-Али сжег свои корабли и ему остается лишь одно: итти вперед с тем, чтобы победить или погибнуть. Поэтому я остаюсь при том мнении, что нам в этом деле лучше всего оставаться нейтральными.

Бьюкенен сказал, что он лично признает логичность моих соображений и обещал передать их в Лондон.

Благоволите, со своей стороны, высказаться в этом смысле перед Никольсоном [1].

[Н е р а т о в.]

Правильно.

Рейд «Штандарт», [25] 12 июля 1911 г.

№ 229. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

°/. Телеграмма № 156. 20/7 июля 1911 г.

N 912 reçu [2].

En ai parlé à Nicolson. Il m'a dit attendre réponse de votre excellence aux propositions qu'ambassadeur anglais a dû vous faire aujourd'hui en vue de la suppression de la pension du shah et de déclarations à lui faire. Nicolson insiste que la reconnaissance par les deux Puissances du nouveau shah et le protocole signé par elles le 25/12 août [3] 1909 leur créent une obligation dans le sens des dites propositions.

B e n c k e n d o r f f.

Перевод.

№ 912 получен.

Говорил об этом с Никольсоном. Он сказал мне, что ждет ответа вашего превосходительства на предложения, которые сегодня должен был сделать вам английский посол относительно отмены пенсии шаху и заявлений, которые ему будут сделаны. Никольсон настаивает на том, что признание нового шаха обеими державами и протокол, подписанный ими 25/12 августа 1909 г., налагают на них обязательство в смысле указанных предложений.

Б е н к е н д о р ф.

№ 230. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

°/. Письмо. 20/7 июля 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Считаю долгом прибавить несколько слов к донесению моему от сего числа за № 60, при коем препровождается текст полученного мною от французского министра иностранных дел сообщения по вопросу о китайском займе [4].

Сообщение г. де Сельв можно считать вполне удовлетворительным, насколько дело касается нашего протеста против 16-й статьи контракта, заключенного китайским правительством с синдикатом банкиров. Но он оставляет открытым более обширный вопрос о дальнейшем финансировании китайских предприятий в Манч-

---

[1] Тел. от 21/8 июля за № 157 Бенкендорф, ссылаясь на публикуемую тел. и на тел. за № 925 (см. № 227), сообщил, что Никольсон находит доводы Нератова справедливыми и что, по его мнению, Грей примет точку зрения Нератова, «дабы сохранить согласие между двумя державами». «Мы просмотрели, — продолжал Бенкендорф, — текст ст. 11-й протокола от 7 сент./25 авг. и я ему [Никольсону] заметил, что эта статья не вполне применима к настоящим обстоятельствам, за исключением вопроса о пенсии. Он не настаивал».

[2] См. № 218.

[3] Так в оригинале. Следует читать: «le 7 septembre/25 août».

[4] См. стр. 213, прим. 1.

журии. Во исполнение полученных им инструкций, наш поверенный в делах Демидов, передавая французскому министру иностранных дел памятную записку касательно вышесказанной статьи контракта, высказал ему в устной форме пожелания императорского правительства об образовании особого синдиката с участием России, Франции и Японии для финансовых операций в той части Китая, в которой Россия и Япония имеют преобладающие интересы и права. При первом свидании моем с г. де Сельв я не преминул обратить самое серьезное его внимание на этот вопрос. Вслед за сим я имел случай разговаривать об этом также с новым председателем совета, г. Кайо. И тому, и другому я подробно изложил наш взгляд на сказанный вопрос: а именно, я указал им на несомненные политические цели, положенные в основу программы синдиката, имеющего в виду введение широких международных интересов в такие местности, где до сих пор преобладающее положение занято Россией и Японией; оказывая свое покровительство этому синдикату, Франция тем самым содействует выполнению столь неудачно задуманного г. Ноксом плана интернационализации Манчжурии или, лучше сказать, вытеснения России и Японии из этой страны. Подобное содействие недопустимо ни с точки зрения союзнических отношений наших с Францией, ни ввиду общеполитического положения на Дальнем Востоке, где мир обеспечен главным образом соглашением между нами и Японией и где всякое нарушение ныне установившегося положения может повести лишь к весьма нежелательным осложнениям. Параллельно с этими двумя беседами я поручил нашему финансовому агенту, тайному советнику Рафаловичу, высказаться в том же смысле перед французским министром финансов, г. Клотц. Все три министра, повидимому, вполне усвоили необходимость принять во внимание нашу точку зрения и подвергнуть вопрос серьезному обсуждению. Таким образом можно считать, что почва здесь до известной степени подготовлена; тем не менее я полагаю, что для практического осуществления наших пожеланий необходимо выступить перед французским правительством, а главное перед французскими кредитными учреждениями, с конкретным финансовым планом. Это, мне кажется, удобнее всего сделать либо через нашего здешнего финансового агента, либо через представителя наших банков. При этом необходимо иметь в виду, что входящие в состав настоящего синдиката французские банки имеют право лишь в конце текущего года заявить о нежелании продолжать участвовать в нем, а действительный выход их из синдиката может состояться не ранее конца 1912 года.

Ко всему вышеизложенному считаю долгом присовокупить, что из разговора моего с г. Кайо я вынес впечатление, что, несмотря на искреннее желание французского правительства оказать нам поддержку, осуществление нашего плана встретит на практике большие трудности. Здешнее правительство имеет в своем распоряжении лишь ограниченные средства воздействия на французские кредитные учреждения, связанные многочисленными интересами с другими участниками синдиката; особенно трудно будет достичь исключения из будущего консорциума Америки, так как при нынешнем положении вещей в Китае финансисты главным образом рассчитывают на поддержку американцев для получения там выгодных предприятий. Как бы то ни было, мне кажется, что для обеспечения успеха нашим пожеланиям необходимо, не теряя времени, поставить дело на деловую почву и выступить здесь с вполне выработанными предложениями, которым я не премину оказать энергичную дипломатическую поддержку. Чем скорее мы это сделаем, тем будет лучше, ибо как раз в настоящее время французское правительство особенно нуждается в нашем содействии для разрешения марокского вопроса, и потому будет вероятно более склонно удовлетворить нас в области китайских финансовых дел.

Примите и пр.

Извольский.

P. S. Одним из серьезных препятствий на пути наших пожеланий явится тот факт, что г. Кайо лично заинтересован в делах четверного синдиката и даже одно время состоял его вице-председателем. Необходимо поэтому найти такую

комбинацию, которая обеспечила бы его интересы и вообще удовлетворила бы принимающие участие в синдикате крупные парижские кредитные учреждения [1].

Ut in litteris

Извольский.

№ 231. Мнение морского генерального штаба по вопросу о проливах [2].

20/7 июля 1911 г.

Весьма секретно.

Морской генеральный штаб, рассмотрев записку действительного статского советника Гирса по вопросу об открытии проливов [3], представляет следующие соображения:

Открытие проливов не может дать нам полной гарантии в том, что наше нынешнее преобладание на Черном море не будет нарушено, так как турецкие дредноуты будут готовы, во всяком случае, скорее наших, и турецкое правительство может начать агрессивные действия до окончания наших балтийских кораблей или тех, которые будут заказаны нами за границей в случае открытия проливов. Возможно даже, что наша попытка провести эти корабли в Черное море послужит турецкому правительству поводом к начатию военных действий. Наконец, если даже предположить, что Турция пропустит наши корабли без препятствий, то все же следует взвесить и дальнейшие последствия, которые поведет за собой этот важный шаг.

Открытие проливов могло бы принести очевидную пользу в 1904 г., когда наш Черноморский флот с присоединением готовых судов из Балтийского флота мог бы прибыть в Тихий океан до падения Порт-Артура и уничтожения 1-й эскадры. В случае повторения подобной же обстановки на Дальнем Востоке в будущем открытие проливов, несомненно, оказало бы ценные услуги нашему флоту, но при нынешнем состоянии Балтийского и Черноморского флотов повторение экспедиции генерал-адъютанта Рожественского не представляется возможным на весьма продолжительное время. Это же соображение остается в силе и при войне в Европе, хотя в этом случае трудно рассчитывать на нейтралитет Турции, который является необходимым условием свободного выхода нашего флота из Черного моря, так как возникновение европейской войны всего вероятнее последует именно вследствие осложнений на Балканском полуострове.

Рассматривая далее последствия, с которыми придется неизбежно считаться в случае открытия проливов, мы видим, что Черное море сделается объектом не только торгового, но и политического соперничества народов.

---

[1] Письмом от 2 авг./20 июля (опубл. Stieve, I, S. 129, N 105) Извольский сообщил Нератову о своей беседе с директором Индо-китайского банка Симоном, стоявшим во главе французской группы банков, входящих в состав четверного синдиката. «К этой группе, — писал Извольский, — принадлежат крупнейшие французские кредитные учреждения; сам г. Симон занимает в здешнем финансовом мире выдающееся положение, имеет большой авторитет во всех вопросах, касающихся Дальнего Востока, и находится в постоянных и близких сношениях с французскими правительственными сферами».

Извольский изложил Симону позицию русского правительства по вопросу о кит. займе. «Г. Симон, — сообщал далее Извольский, — выслушал меня с большим вниманием и поспешил уверить меня в полной своей готовности употребить все усилия, чтобы согласовать действия французской группы с нашими пожеланиями. Упразднение 16-й статьи контракта, по его мнению, не представит особых затруднений. Гораздо труднее будет выполнить наш план о создании особого синдиката для Северного Китая с преимущественным влиянием в оном России и Японии. Противодействие этому он предвидит не только со стороны Америки, но также и, может быть, главным образом, со стороны Германии, которая энергично настаивает на будто бы чисто экономических задачах синдиката и противится принятию в расчет возражений России и Японии».

[2] Заголовок оригинала. Публикуемый документ был прислан Григоровичем Нератову при следующем письме от 20/7 июля за № 1836: «Препровождаю вашему превосходительству мнение морского генерального штаба по вопросу об открытии проливов, которое я вполне разделяю».

[3] См. стр. 227, прим. 2.

Иностранные державы получат возможность еще в мирное время подготовлять свои будущие морские операции посредством устройства баз в Румынии и Анатолии.

Наконец, появление неприятельской эскадры в Черном море до объявления войны лишит нас возможности использовать защиту босфорской узкости с моря, заградив ее минными заграждениями.

Румыния и Болгария, не имеющие возможности вследствие недостаточности технических средств завести собственное судостроение, в случае открытия проливов, будут вправе покупать военные суда за границей и этим заставят нас увеличивать численность своего Черноморского флота.

Все перечисленные последствия составляют отрицательную для нас сторону открытия проливов в стратегическом отношении; принимая же во внимание весьма вероятное требование компенсаций со стороны иностранных держав, в случае нашей инициативы возбуждения вопроса об открытии проливов, этот важный шаг может оказаться полезным более нашим противникам, чем нам.

Морской генеральный штаб полагает, что единственно правильным разрешением вопроса о проливах было бы занятие и укрепление нами верхнего Босфора, и к этой операции должен всегда готовиться Черноморский флот.

Что же касается до неизбежного временного преобладания на Черном море турецких дредноутов, то срок этого преобладания должен быть сокращен до минимума поспешной постройкой наших кораблей в Николаеве. Русской же дипломатии должна быть поставлена задача — сохранить на это время мир на Балканском полуострове.

Исп. об. нач. морского генерального штаба
контр-адмирал Сапсай.

№ 232. Министр финансов временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 420. 20—19/7—6 июля 1911 г.
Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Управляющий Учетно-ссудным банком Персии в Тегеране доставил в С.-Петербург текст недавно принятого меджлисом и, несомненно, уже полученного и министерством иностранных дел закона об организации финансовой системы Персии, из которого усматривается, что все финансовое хозяйство Персии подчинено контролю главного казначея (trésorier général), коим назначен американец Шустер, так что без его согласия не может быть произведен персидским правительством никакой платеж, а равно не может быть одобрен и никакой расход. Все постановления закона формулируются в настолько общих выражениях, что фактически никаких пределов в деле пользования указанными широкими полномочиями не устанавливается, и Шустер, при желании, может приостановить любой платеж из средств персидской казны, например, под предлогом вменяемой ему в обязанность ст. 9-й закона экономии. Доставленная мне вашим превосходительством при записке от [15] 2 сего июля за № 507 [1] переписка показывает, что названный американец не склонен толковать предоставленные ему полномочия ограничительно и не останавливается перед введением новых порядков даже в столь хорошо организованной части, какой является ныне таможенное ведомство в Персии.

В частности, из телеграмм действительного статского советника Поклевского-Козелл [2] видно, что Шустер потребовал, чтобы на его имя были переведены все таможенные поступления, и чтобы впредь все расходы из них, даже уплата жало-

[1] При сопровод. записке от 15/2 июля за № 507 Нератов отправил Коковцову «копии последних телеграмм по вопросу о столкновении между персидским финансовым советником Шустером и таможенным администратором Морнаром». См. №№ 180. 184 и 190.
[2] См. № 180 и стр. 197, прим. 1.

ванья таможенной администрации, производились не иначе, как чеками, контрассигнированными Шустером.

Таким образом этот последний на первых же порах своей деятельности коснулся той области финансового управления, в которой Россия является наиболее заинтересованной, и в которой мы обладаем вполне определенными правами на основании контрактов о заключении займов 1900 и 1902 гг. и о конверсии обязательств персидского правительства 1910 года. Как уже отметил действительный статский советник Поклевский-Козелл, изложенное выше требование Шустера не соответствует постановлениям договора о конверсии 1910 года, так как устраняет таможенную администрацию от функции, специально обеспеченной за этой администрацией ст. IV упомянутого договора. Не могу также не заметить, что покрытие всяких платежей по займам 1900 и 1902 гг., а равно по конвертированным в 1910 г. долгам предоставлено упомянутой статьей IV Учетно-ссудному банку Персии без чьего бы то ни было предварительного разрешения.

Имея в виду те трудности, с которыми было сопряжено урегулирование расчетов нашего банка с персидским правительством, а равно считая весьма важным самое точное выполнение Персией своих денежных перед Россией обязательств, я считал бы недопустимыми никакие отступления от постановлений наших договоров с персидским правительством, как бы незначительны сами по себе эти отступления ни были, так как иначе мы дадим повод к предположениям о возможности и более существенных изменений этих договоров. Поэтому я считал бы вполне своевременным, чтобы наш посланник в Тегеране, ссылаясь на указанное выше требование Шустера, обращенное к Морнару, а равно на происшедшее замедление в производстве майского платежа по займам 1900 и 1902 гг., обратил внимание персидского правительства на то, что мы не допустим никаких отступлений от текста договоров о займах и конвертируемых долгах и попрежнему будем настаивать на том, чтобы все таможенные поступления Северной Персии полностью передавались в учреждения Учетно-ссудного банка Персии (за исключением лишь расходов по взиманию пошлин в общей сумме не свыше 350 000 туманов в год), и только после производства причитающихся нам платежей свободный остаток будет передаваться в распоряжение персидского правительства. Вместе с тем надлежало бы предупредить названное правительство, что в случае каких-либо неисправностей в производстве указанных платежей, мы немедленно приступим к осуществлению предусмотренных на сей случай договорами мер [1].

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 233. Записка, составленная в министерстве иностраных дел [2].

21/8 июля 1911 г.

Посылая записку об открытии проливов на заключение морского ведомства [3], мы естественно рассчитывали получить определенные ответы на такие вопросы обороны Черноморского побережья, оценка значения которых лежит вне нашей компетенции, а именно:

Какого рода опасности угрожают нашему флоту и нашим портам при наличности в Черном море военных судов иностранных держав в *мирное* время?

Ввиду признания самим морским ведомством существенного запоздания в деле собственного судостроительства, не имеются ли иные надежные средства поддержания нашего флота на таком уровне боевой силы, при котором он во всякое время был бы сильнее любого флота турецкого?

Между тем в отзыве морского генерального штаба [4] ответов на эти вопросы

[1] На полях публикуемого документа имеется помета: «Когда положение дела более выяснится, надо будет уведомить министра финансов о том, чего нам удастся добиться. В. Клемм. [1 сентября]19 августа [19]11 г.»

[2] Черновой отпуск написан рукой А. Гирса.

[3] См. стр. 227, прим. 2.

[4] См. № 231.

мы не встречаем; заключительная же часть его подтверждает неизбежность временного, без указания срока, преобладания в Черном море турецких дредноутов и ставит нашей дипломатии задачу сохранить на «это» время мир на Балканском полуострове.

В частности, из всех пунктов отзыва морского генерального штаба, выдвигаемых как возражения против открытия проливов, лишь два касаются военно-морской стратегии: устройство иностранными державами баз в Румынии и Анатолии и появление неприятельской эскадры до войны, что лишит нас возможности использовать защиту узкости Босфора с моря, заградив ее минами.

Первый пункт отпадает, так как мы, очевидно, не можем примкнуть к какому бы то ни было международному соглашению относительно проливов, в котором прибрежные государства не приняли бы на себя обязательства не уступать государствам не прибрежным, ни под каким титулом, какой бы то ни было части своего побережья.

Что касается заграждения минами выхода из Босфора в Черное море, то мера эта, не защищая нас от сильнейшего турецкого флота, который на законном основании сможет уже находиться в Черном море до открытия военных действий, в случае успешного ее выполнения одинаково воспрепятствует появлению в этом море как наших противников, так и союзников.

Мы не можем, конечно, входить в оценку стратегического значения «занятия и укрепления нами верхнего Босфора», но для нас ясно одно, что когда дело уже дойдет до «этой операции, к которой должен всегда готовиться Черноморский флот», всякие трактатные постановления о проливах уже утратят силу.

В общем, морской генеральный штаб затрагивает подробнее политические стороны дела и высказывает даже мотивированное сожаление о том, что проливы не были открыты в эпоху нашей войны с Японией, но в то же время, возражая против открытия их ныне, мирится с наличностью в Черном море в течение неопределенного и более или менее продолжительного срока турецкого флота, более сильного чем наш, как бы не считаясь со всеми возможными последствиями такого положения дел.

На такую точку зрения мы стать не можем. Считаясь с совершенно новым фактом — существованием сильного боевого турецкого флота, угрожающего нашему господству в бассейне Черного моря, — мы обязаны изыскать все способы парализовать в корне всякие враждебные замыслы Турции и вправе ожидать от морского ведомства ответа на кардинальный вопрос: какими средствами располагает оно, чтобы помешать появлению в Черном море турецких дредноутов *до* наступления военных действий?

№ 234. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 470. 21/8 июля 1911 г.

Копия в Цетинье.

Вот, что высказал мне вчера министр иностранных дел: король Николай предложил турецкому посланнику, чтобы Порта сообщила державам условия, даруемые ею албанцам, дабы державы сообщили их королю. Тогда король приложит старания к возвращению беженцев [1]. Без этого, добавил король, они не вернутся. Это предложение для Турции неприемлемо. Сообщить упомянутые условия державам — значило бы придать внутреннему албанскому делу между-

[1] В тел. от 20/7 июля за № 108 С. Арсеньев сообщал, что король черногорский уведомил представителей великих держав о предложении, сделанном им турец. посланнику. «Король предполагает, — передавал Арсеньев, — что Турция циркуляром сообщит державам о дарованных малиссорам льготах, державы же обратятся к Черногории с предложением уговорить малиссоров подчиниться. Король на таковое предложение готов согласиться, если державы дадут ему уверение, что Порта исполнит обещания. Мы все единогласно ответили, что сообщим об этом нашим правительствам, но заранее знаем, что державы не согласятся на шаг, который мог бы быть истолкован, как вмешательство во внутренние дела Турции».

народный характер, что недопустимо. С другой стороны, положение сильной турецкой армии, сосредоточенной на границе, становится невыносимым. Она, в особенности офицеры, раздражена бездеятельностью и беспрестанными отсрочками. Часть редифов подлежит увольнению и тяготится бесплодной задержкой. Так при истечении новейшей отсрочки продолжать нельзя. Наконец, Порта имеет доказательства, что король Николай или, по крайней мере, черногорское правительство мешает малиссорам возвращаться. Искренно желая мира, для коего безусловно необходимо прекращение указанного противодействия Черногории, признавая, что у Черногории есть интересы, связанные с настоящим кризисом, турецкое правительство желает положить ему конец соглашением с Черногорией и предоставлением ей разных выгод. Так, на-днях будет подписан контракт с французами о Скутарийском озере (проект Болотова), что даст Черногории даром более 6000 гектаров пашни; уже решена постройка столь важной для Сербии Адриатической линии. Будучи убеждено, что в желании поддержать мир и упрочить дружественные отношения между Турцией и Черногорией императорское правительство солидарно с турецким, последнее обращается ныне к помощи России и сообщает ей условия, дарованные малиссорам. 1) Они будут отбывать воинскую повинность в пределах Скутарийского вилайета. 2) Они будут избавлены в течение нескольких лет от налогов. 3) Ношение оружия разрешено всем, занятия коих делает это нужным, что будет истолковано самым широким образом. 4) Разрушенные дома и церкви будут восстановлены на счет казны; если не хватит ассигнованных уже хранящихся в Скутари 10 000 лир, недостающее будет добавлено. Относительно же албанского языка будут сделаны облегчения. Дальнейших уступок не будет, да и требуют их не малиссоры, а профессиональные агитаторы, вроде Измаила-Кемаля, следуя видимо внушениям извне, т. е. из Вены. Поставляя императорское правительство в известность об условиях дарованных малиссорам выгод, предлагаемых Черногории, турецкое правительство просит повлиять на Черногорию, дабы она перестала мешать возвращению малиссоров. Я охотно обещал министру передать вам его сообщение и поддержать заслуживающую полного сочувствия мысль уладить при русском посредстве опасное недоразумение между Турцией и Черногорией. Министр затем говорил в том же духе с Поповичем, который телеграфировал в Цетинье. Если Черногория не докажет фактами, что она больше не мешает малиссорам возвращаться, турецкое правительство приобретет предлог для требования от держав, чтобы они принудили ее к тому или предоставили Турции это сделать. Между тем, положение в Албании ухудшается под влиянием поощрения из Вены и настоятельно и спешно необходимо спасти Черногорию от роли козлища отпущения за австрийские грехи. Для этого было бы достаточно побудить короля Николая действительно прекратить обструкцию возвращению малиссоров. Руководствуясь осведомлением со стороны императорского правительства об условиях, дарованных малиссорам Портой, и выгодах соглашения, предлагаемого ею Черногории, вопрос о ручательствах подлежал бы непосредственному обсуждению между турецким посланником и главарями, хотя бы в смысле моей телеграммы № 413 [1], без принятия на себя королем какой-либо ответственности. Великий визирь подтвердил мне сегодня все сказанное министром иностранных дел.

Чарыков.

№ 235. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма [2]. 21/8 июля 1911 г.

В момент окончательного сформирования кабинета [3] произошли следующие перемены: Мушир-эд-Доуле перешел в министерство почт и телеграфов, а на его

[1] См. № 127.

[2] Номер отсутствует. Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 20, со стилистическими изменениями.

[3] В тел. от 19/6 июля за № 565 (опубл. ор. кн., вып. VII, стр. 17, с сокращениями и стилистическими изменениями) Поклевский сообщал: «Кабинет составлен. Сепехдар остается

место министром юстиции назначен бывший военный министр в прошлогоднем националистическом кабинете Каввам-эс-Солтане. Кроме того, министром народного просвещения назначен ярый националист Хаким-оль-Мольк. Меджлис единогласно одобрил проект военного положения, которое кабинет имеет право вводить в местностях, где он найдет это нужным. На основании этого закона образуются военные суды, попечение о безопасности переходит в ведение военного министерства, люди, злоумышляющие против конституции, присуждаются к смертной казни. Чиновники, выдающие правительственные тайны, подлежат строжайшему наказанию, всякие собрания, энджумены и ношение оружия воспрещаются, за нападки на правительство газеты могут быть приостановлены.

Военное положение вводится сегодня в Тегеране.

Поклевский.

№ 236. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 575. 21/8 июля 1911 г.

Получил № 913 [1].

Получив сведения о высадке Мохамед-Али-шаха и опасаясь какой-либо открытой манифестации со стороны персидских чинов бригады, я поручил князю Вадбольскому сообщить это известие казакам, внушив им необходимость во всех их дальнейших поступках беспрекословно следовать указаниям их командира. Одновременно я уполномочил полковника руководить вместе с другими русскими офицерами действиями бригады, если регент, Сепехдар или министры обратятся к ее содействию в следующих трех определенных случаях: для охраны шаха или регента и для поддержания порядка в городе и прекращения в нем грабежей. Состав бригады слишком малочислен для самостоятельного участия в каких-либо экспедициях и, если персидское правительство пожелает возложить на нее какое-либо в этом смысле поручение, то оно будет в каждом отдельном случае давать полковнику указания согласно с имеющимися уже инструкциями и взглядами вашего превосходительства, изложенными в вышеупомянутой телеграмме. Должен лишь заметить, что преждевременное отречение Султана Ахмед-шаха могло бы только осложнить как общее положение, так в частности самой бригады, так как меджлис не замедлил бы, согласно конституции, возвести на престол велиагда или какого-либо другого угодного ему принца.

Поклевский.

№ 237. Министр финансов временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 428. 21—20/8—7 июля 1911 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Агент министерства финансов в Париже телеграммой от 19/6 сего июля, в копии при сем прилагаемой [2], донес мне, что он, по соглашению с нашим послом,

---

премьером, без портфеля, военным министром назначен старший из находящихся ныне в Персии бахтиарских ханов Самсам-эс-Солтане, министром внутренних дел — Восуг-эд-Доуле, остальные портфели сохранены прежними. Сегодня кабинет представится меджлису, которому будет предложено объявить военное положение в Тегеране. Вчера представители меджлиса и старшие бахтиарские ханы энергично высказывались за оказание сопротивления Мохамед-Али-шаху. В Бахтиарию посланы телеграммы о немедленной присылке сюда возможно большого отряда бахтиар».

[1] См. стр.236, прим. 5.

[2] Тел. от 19/6 июля А. Рафалович, уведомляя о своей беседе с Клотцем, сообщал, что последний, не будучи в курсе дела, все же заверил его в своей полной симпатии к интересам росс. прав-ва на Дальнем Востоке.

имел беседу с французским министром финансов по вопросу о китайском займе в 10 млн. ф. ст., причем г. Клотц оказался не осведомленным о наших пожеланиях в связи с этим займом и просил доставить ему по этому вопросу подробную записку.

Предполагая ввиду сего ознакомить французского министра финансов с моим письмом на имя вашего превосходительства от [4—3 июня] 22—21 мая сего года за № 294 [1], считаю долгом предварительно обратиться к вам с покорнейшей просьбой не отказать меня уведомить, не встречается ли с вашей стороны каких-либо к сему препятствий. Вместе с тем я покорнейше просил бы вас поручить нашему послу в Париже, со своей стороны, изложить французскому министру финансов наши взгляды на китайский заем и вообще на финансирование китайских предприятий.

Вместе с тем позволяю себе обратить внимание вашего превосходительства на следующее обстоятельство.

При письме от [15] 2 сего июля за № 771 вы изволили сообщить мне копию секретной телеграммы гофмейстера Извольского [2], из коей усматривается, что французские банкиры, участвующие в международном консорциуме, выразили готовность исключить из контракта о займе в 10 млн. ф. ст. ст. 16-ю, как особенно для нас нежелательную, и что правительство республики, повидимому, намерено удовлетвориться этим заявлением и после исключения ст. 16-й допустить котировку помянутого займа на парижской бирже. В этом смысле французский министр иностранных дел и сделал заявление своему коллеге по финансовому ведомству.

Такая постановка дела представляется мне совершенно не обеспечивающей наших интересов. Прежде всего необходимо иметь в виду, что, как я имел честь подробно изложить в письме от [4—3 июня] 22—21 мая за № 294, проектированная операция независимо условий, изложенных в ст. 16-й, угрожает нам весьма серьезными неудобствами ввиду явно выраженной политической окраски этой операции. Затем, что особенно существенно, мы при проектированном в Париже выходе не получаем никаких гарантий относительно будущих кредитных операций для Китая. На этой стороне вопроса я подробно останавливался в том же письме за № 294 и, оставаясь и в настоящее время при высказанных в этом письме взглядах, я полагаю, что нашей целью должно являться не простое исключение ст. 16-й из подписанного уже соглашения, а придание всему делу финансирования китайских предприятий такой постановки, при которой была бы устранена для кого бы то ни было возможность осуществления политических планов, направленных в прямой ущерб нашим интересам. При этом наличие ст. 16-й в договоре о займе в 10 млн. ф. ст. нам надлежало бы использовать лишь как предлог в деле достижения указанной цели. Между тем, если бы мы ограничили наши требования лишь исключением упомянутой статьи, то нельзя было бы не опасаться, что международный консорциум, выразив согласие на такое исключение из основного контракта, в то же время заключил бы с Китаем секретное соглашение в смысле этой статьи или же иным путем обеспечил бы себе финансирование предприятий в Манчжурии и других областях Застенного Китая, и тогда мы спустя некоторое время вновь оказались бы лицом к лицу с совершившимся фактом.

Приведенная выше телеграмма нашего посла в Париже свидетельствует о том, что французскому правительству чужд изложенный выше взгляд и, повидимому, сделанные им заявления не остались без влияния и на французских банкиров. По крайней мере, на это указывают сведения, сообщенные мне ныне правлением Русско-азиатского банка. Именно, после сделанных нами по поводу займа в 10 млн. ф. ст. представлений директор «Banque de l'Indo-Chine», участвующего в международном консорциуме, выразил было готовность войти в соглашение с группой Русско-азиатского банка и даже просил сообщить ему возможные

---

[1] См. № 82.

[2] При указанном письме Коковцову была препровождена тел. Извольского от 14/1 июля за № 75 (см. № 197).

условия такого соглашения. Затем однако, узнав, что мы будто бы обусловливаем отказ от своего протеста только исключением ст. 16-й, г. Симон уклонился от дальнейших переговоров, заявив, что соглашение с группой Русско-азиатского банка не представляет уже для него непосредственного интереса.

Изложенные соображения побуждают меня просить ваше превосходительство не отказать поручить нашему послу в Париже разъяснить французским министрам иностранных дел и финансов, что одно исключение ст. 16-й из договора о займе в 10 млн. ф. ст. не может быть признано нами достаточным ограждением наших интересов.

В ожидании уведомления о последующем, прошу вас принять и пр.

В. Коковцов.

№ 238. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 945. 23/10 июля 1911 г.

Сообщается в Цетинье и Вену.

Телеграммы №№ 469 [1], 470 [2] и 474 [3] получены.

Единоличное наше выступление для воздействия на Черногорию в качестве посредника обречено было бы на неудачу. Черногория не подчинилась бы нам под влиянием партии войны, либо внешней интриги, не сочувствующей успеху нашего вмешательства.

Для достижения желательного для Турции мирного исхода не видим другого способа, как общее посредничество держав, но только для улажения недоразумений между Турцией и Черногорией, не касаясь пока вопроса о реформах в Албании.

Этот же вопрос может явиться на сцену уже после, как последствие посредничества. Если Порта, оставаясь в изложенных рамках, изъявит готовность обратиться к державам с циркуляром, мы со своей стороны поддержим ее обращение, принимая к сведению изъявление ею согласия на предоставление французским предпринимателям осушения Скутарийского озера и сооружение Адриатической дороги от Мрдаре. Само собой разумеется, мы при этом будем рассчитывать, что Порта подчинится посредническому решению держав.

Предоставляя вам выбрать время и способ частного и доверительного объяснения с турками в изложенном смысле, считаем небесполезным предварительно осведомиться о взгляде Арсеньева на предложение Порты согласно вашей телеграмме № 470 [4].

А. Нератов.

---

[1] Тел. от 21/8 июля за № 469 Чарыков, ссылаясь на тел. Нератова за № 909 (см. № 217) сообщал: «Считаю вполне осуществимым зондирование турецкого правительства о желательности для него посредничества держав с Черногорией и полагаю возможным привести Порту к принятию на себя почина в этом деле». Чарыков отмечал, что это суждение основано на сообщении, сделанном ему турец. прав-вом.

[2] См. № 234.

[3] Тел. от 22/9 июля за № 474 Чарыков извещал Нератова, что черног. посланником получены инструкции, свидетельствующие «о намерении его правительства вызвать разрыв с Турцией».

[4] Ответной тел. от 26/13 июля за № 485 Чарыков сообщал, что отношения между черног. и турец. прав-вами улучшаются; что Поповичем получена благоприятная инструкция, и он «приступит завтра к прямым переговорам с Рифаатом об улажении турецко-черногорских затруднений и осуществлении намеченных экономических предложений Порты». В связи с этим возвращение малиссоров могло бы, по мнению Чарыкова, возобновиться до окончания срока перемирия, и «этим путем было бы избегнуто крайне опасное возобновление Турцией военных действий, не прибегая к дальнейшей отсрочке».

№ 239. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 475 [1]. 23/10 июля 1911 г.

Секретно.

Получил №№ 921 [2], 922 [3] и 929 [4].

Предположения Мелегари заслуживают самого сочувственного внимания, поскольку они могут послужить для продолжения известного соглашения с Титтони [5]. Если внутреннее положение Турции настолько ухудшится, что станет вероятна катастрофа, то надо будет соответственным образом развить упомянутое соглашение и, уже опираясь на выяснившиеся с Италией основания, пойти на соглашение с венским кабинетом. Предотвращение же войны между Черногорией и Турцией является именно одним из тех вопросов, по отношению к коим вы так успешно указали Турну на желательность воздействия всех великих держав. Выступление впрочем принесло бы пользу только Австрии. Ее положение и отчасти положение Германии здесь глубоко скомпрометировано новым убеждением, которое мне высказал вчера великий визирь, что «Австрия принципиально сочувствует образованию автономной Албании, зная, что такова подпала бы ей»; ответственность за такую политику пусть и лежит на венском кабинете. Для нас же достаточно или прямое соглашение Черногории с Турцией или, как вы сказали итальянскому послу, коллективное выступление в вопросе о мире между ними всех держав, как участниц Берлинского трактата.

Чарыков.

№ 240. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 584 [6]. 23/10 июля 1911 г.

Сообщена в Лондон.

Телеграмма № 903 [7] получена.

Английское правительство сообщило Барклаю, что оно не имеет возможности помешать Стоксу в качестве частного лица принять предложенное ему место, но что в последнем случае он должен будет покинуть британскую армию. Барклай конфиденциально высказал свое предположение, что Стокс подаст в отставку. Министр иностранных дел вчера в разговоре со мной осуждал Шустера за сделанное им Стоксу, без ведома шахского правительства, предложение и, не вызванный на это мной, заявил, что он сам ни за что не подпишет такой контракт. Не зная, насколько можно верить подобному заверению Мухтешама, прошу указаний, должен ли я предпринять какие-либо официальные шаги, дабы попытаться предупредить назначение Стокса и могу ли намекнуть относительно компенсации.

Поклевский.

№ 241. Памятная записка австро-венгерского посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. 24/11 июля 1911 г.

Le gouvernement impérial a sans doute connaissance de la démarche faite par le roi du Monténégro le 21/8 ct. auprès des représentants des Grandes Puissan-

[1] Опубл. Siebert, II, S. 132, N 430, без указания номера.
[2] См. № 225.
[3] См. № 226.
[4] См. стр. 244, прим. 1.
[5] Имеется в виду русско-итальянское соглашение, заключенное в Ракониджи 24/11 окт. 1909 г.
[6] Царск. экз. Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 23, с сокращениями и стилистическими изменениями.
[7] См. стр. 215, прим. 3.

cès à Cettigné et de la réponse unanime que ces derniers firent au nouveau projet émis par sa majesté le roi Nicolas [1].

Cette démarche a, selon l'avis du Cabinet de Vienne, amené un changement dans la situation qui formait jusqu'ici le point de départ de l'échange de vues entre les Cabinets de Vienne, de Rome et de St.-Pétersbourg.

Tout en étant entièrement d'accord avec la réponse donnée immédiatement par les représentants des Grandes Puissances au roi Nicolas, le gouvernement impérial et royal est d'avis qu'il incombe avant tout d'attendre quelle sera l'attitude de la Porte vis-à-vis des propositions nouvelles rédigées par le roi du Monténégro.

Si la Turquie acceptait les propositions en question, toute autre ingérence de la part des Grandes Puissances serait, selon l'avis du Cabinet de Vienne, superflue. En tous les cas, une démarche comme celle suggérée par sa majesté le roi Nicolas, ne lui paraîtrait guère faisable, car elle constituerait une immixtion directe dans l'affaire des Malissores, affaire que le gouvernement d'Autriche-Hongrie, d'accord avec celui de Russie, considère comme une question intérieure de la Turquie.

C'est cette même considération qui s'opposerait aussi à l'idée d'une surveillance de l'exécution des concessions accordées, tout autant qu'à celle d'une garantie à donner.

Le Cabinet de Vienne croit devoir envisager dès maintenant aussi l'autre éventualité, à savoir le cas où la Porte repousserait les nouvelles propositions du Monténégro.

C'est alors que le moment lui semblerait venu de tenir, avant l'expiration du terme concédé pour la soumission des Malissores, tant à Constantinople qu'à Cettigné un langage sérieux, destiné à empêcher dans la mesure du possible un conflit armé entre la Turquie et le Monténégro. En vue de cette dernière éventualité le Cabinet de Vienne serait disposé de soumettre aux autres Cabinets intéressés une proposition relativement à une déclaration qui pourrait être faite dans ce but à Constantinople et à Cettigné.

Le gouvernement impérial et royal croit que par la dernière énonciation du roi Nicolas, l'idée mise en avant par le Cabinet de St.- Pétersbourg et ayant trait à une médiation éventuelle des Puissances entre la Turquie et le Monténégro, est pour le moment devenue moins actuelle, parce que, dans le cas de l'acception des propositions monténégrines, une médiation des Puissances ne serait plus nécessaire et que par contre, dans le cas où elle les repousserait, la Turquie aurait par cela même montré assez clairement qu'elle ne serait pas disposée à recourir à une médiation, condition que le Cabinet de Vienne est parfaitement d'accord avec celui de St.-Pétersbourg de considérer comme essentielle pour la mise en exécution de la médiation proposée.

L'ambassadeur d'Autriche-Hongrie est en outre chargé d'exprimer à son excellence Mr. Nératow les meilleurs remercîments du comte Aehrenthal pour sa réponse à son aide-mémoire [2] ainsi que la satisfaction qu'il éprouve à se trouver en presque tous les points dans une concordance de vues parfaite avec Mr. Nératow. En ce qui concerne le projet de médiation le comte Aehrenthal, il est vrai, ne croit pas que la Porte aura recours à la médiation des Puissances, mais quant au fond de la question il n'existe aussi pour ce point aucune divergence d'opinion entre lui et son excellence Mr. Nératow.

Перевод.

Императорскому правительству без сомнения известно о шаге, предпринятом королем черногорским 21/8 сего месяца перед представителями великих держав в Цетинье, и о единодушном ответе, данном этими последними на новый проект его величества короля Николая.

По мнению венского кабинета, это выступление изменило положение, служившее до сих пор исходной точкой при обмене взглядами между венским, римским и петербургским кабинетами.

Вполне соглашаясь с ответом, немедленно данным королю Николаю представителями великих держав, императорское и королевское правительство полагает, что прежде всего

[1] См. стр. 252 прим. 1.
[2] См. стр. 224, прим. 4 и стр. 225, прим. 2.

надлежит выждать, какова будет позиция Порты по отношению к новым предложениям, сформулированным черногорским королем.

Если Турция примет указанные предложения, всякое иное вмешательство со стороны великих держав будет, по мнению венского кабинета, излишним. Во всяком случае ему кажется, что образ действий, подобный тому, который был предложен его величеством королем Николаем, совершенно неосуществим, ибо он явился бы прямым вмешательством в дело малиссоров, которое правительство Австро-Венгрии, в согласии с российским правительством, считает внутренним делом Турции.

Это соображение не соответствовало бы мысли об установлении контроля над осуществлением сделанных уступок, равно как и мысли о предоставлении гарантии.

Венский кабинет считает своим долгом уже теперь предусмотреть и другую возможность, а именно тот случай, что Порта отвергнет новые предложения Черногории.

Тогда, по его мнению, настало бы время выступить, до истечения срока, назначенного малиссорам для выражения покорности, с серьезным заявлением как в Константинополе, так и в Цетинье с целью предупредить, по мере возможности, вооруженный конфликт между Турцией и Черногорией. Имея в виду эту последнюю возможность, венский кабинет склонен внести на рассмотрение других заинтересованных кабинетов предложение относительно заявления, которое могло бы быть сделано с этой целью в Константинополе и в Цетинье.

Императорское и королевское правительство полагает, что, вследствие последних высказываний короля Николая, выдвинутая петербургским кабинетом мысль об эвентуальном посредничестве держав между Турцией и Черногорией стала в настоящее время менее актуальной, так как, если черногорские предложения будут приняты, то в посредничестве держав не будет больше необходимости, а если Турция отвергнет их, то она тем самым достаточно ясно покажет, что не намерена обращаться к посредничеству, — обстоятельство, которое венский кабинет, в полном согласии с петербургским кабинетом, считает основным условием для осуществления предложенного посредничества.

Кроме того австро-венгерскому послу поручено выразить его превосходительству г. Нератову глубочайшую благодарность графа Эренталя за ответ на его памятную записку, а также его удовлетворение по поводу полной солидарности его взглядов со взглядами г. Нератова почти по всем пунктам. Правда, в отношении проекта посредничества граф Эренталь не думает, что Турция примет посредничество держав, но по существу вопроса и по этому пункту нет никакого расхождения во взглядах между ним и его превосходительством г. Нератовым.

№ 242. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 948[1]. 24/11 июля 1911 г.

Сообщается в Тегеран.

Ссылаюсь на телеграмму Поклевского № 584[2].

Считаем принципиально невозможным отнестись безучастно к приглашению Стокса на должность начальника податной жандармерии, которая будет функционировать в нашей сфере влияния, и будем вынуждены потребовать со своей стороны компенсации, например, в виде приглашения русских офицеров в начатую уже организацию общей жандармерии.

Для того, чтобы этот шаг не был истолкован в Персии как разногласие наше с Англией, что было бы особенно опасно при наступивших ныне там событиях, было бы весьма желательно, чтобы лондонский кабинет, признающий невозможность помешать принятию Стоксом предложенного места, но, вместе с тем, как явствует из вашей телеграммы за № 149[3], не сочувствующий этому, заявил одновременно с нами не только шахскому министру иностранных дел, но и Сепехдару и регенту, что он не одобряет намерения Шустера и настоятельно рекомендует приглашение на означенный пост офицера второстепенной державы, так как, в противном случае, Россия будет вправе потребовать компенсации, и Англия ей в этом окажет поддержку.

Благоволите переговорить об этом с Греем и о последующем телеграфировать.

Нератов.

---

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 25, с сокращениями и стилистическими изменениями.
[2] См. № 240.
[3] В тел. от 17/4 июля за № 149 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 6 и Siebert, II, S. 126, N 425) Бенкендорф сообщал, что «Никольсон очень сожалеет об инциденте» со Стоксом и «прекрасно понимает, насколько может осложниться положение в отношении персидского правительства, если инцидент не будет ликвидирован усилиями обеих миссий».

№ 243. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 590 [1]. 24/11 июля 1911 г.

В пространной идентичной ноте [2], адресованной императорской и великобританской миссиям, персидское правительство напоминает, что оно не переставало указывать на интриги бывшего шаха и его тайные сношения с туркменами и шахсевенами. Вопреки ожиданиям здешнего правительства, императорский посланник не счел нужным оказать содействие к задержанию агентов Мохамед-Али-шаха в Баку [3], что дало им возможность проникнуть на персидскую территорию, а затем то же равнодушие посланника к делавшимся ему представлениям позволило бывшему шаху высадиться в Гюмиш-Тепе. Шахское правительство не знает, чему приписать выказанное ему императорским правительством безразличие, несмотря на существование протокола 1909 г. и дружественных отношений между обоими государствами. Затем заявляет, что постановления статей 11-й и 10-й протокола относительно прекращения пенсии бывшему шаху и лишения покровительства миссий самовольно вернувшимся в Персию бывшим бестующим вступают в силу. Персидское правительство также слагает с себя всякую ответственность за убытки, которые могут быть причинены от появления Мохамед-Али-шаха, прибывшего из России и на русском пароходе. Правительство примет самые действительные меры для прекращения беспорядков, кои были бы невозможны в случае более быстрого вмешательства русских властей. В заключение выражается надежда, что императорское правительство ввиду этих исключительных обстоятельств не откажет шахскому правительству в нравственной поддержке, необходимой для прекращения агитации, вызванной выходкой бывшего шаха и его сподвижников.

Хотя подобные же укоры адресованы английскому правительству и Барклаю, министр иностранных дел дал понять последнему, что они относятся исключительно к нам, и нота передана Барклаю только потому, что им подписан вышеупомянутый протокол. Вследствие затруднительности редактирования идентичного ответа, мы с Барклаем считаем возможным оставить ноту без такового, тем более, что вскоре обеим миссиям придется сделать совместное сообщение о положении, которое оба правительства займут во время предстоящих событий.

Поклевский.

№ 244. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 955 [4]. 25/12 июля 1911 г.

Вчера великобританский посол в разговоре со мной вернулся к вопросу о совместном заявлении нами регенту, что обе державы стоят за настоящее персидское правительство и будут оказывать ему поддержку. Я ответил послу, что с нашей точки зрения такая постановка дела представляется невозможной. Ему

---

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 24, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[2] Копия ноты, адресованной перс. м-ром ин. дел Поклевскому 19/6 июля 1911 г. за № 11678, была препровождена Поклевским Нератову при деп. от 26/13 июля за № 35. Содержание ноты изложено в публикуемой тел. (Нота и деп. опубликованы Ор. кн., вып. VII, стр. 29.)

[3] Тел. от 12 июля/29 июня за № 544 (опубл. Ор. кн., вып. VI, стр. 203) Поклевский передавал: «Персидское правительство сообщило миссии о задержании нашими властями в Баку нескольких агентов бывшего шаха, пытавшихся провезти оружие и патроны в Персию, и просило меня ходатайствовать о содержании этих лиц под стражей и высылке в Тегеран найденной у них при обыске переписки. Я уклонился от вмешательства в это дело, ссылаясь на наличие персидского консула в Баку и миссии в Петербурге. Опасаюсь, — сообщал далее Поклевский, — что эти инциденты дадут шахскому правительству повод возбудить вопрос о прекращении пенсии Мохамед-Али-шаху».

[4] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 26, со стилистическими изменениями.

должно быть известно настроение нашего общественного мнения, определенно высказывающегося за соблюдение нами полного нейтралитета в борьбе Мохамед-Али-шаха с правительством. Отступление нами от принципа невмешательства во внутренние дела Персии было бы неизбежно приписано давлению Англии, против которой не замедлило бы возникнуть сильное неудовольствие. Я добавил, что остаюсь поэтому при убеждении, что нам и при нынешних осложнениях, как в 1909 г., следует решительно придерживаться означенного принципа, предоставляя обеим борющимся сторонам решить дело между собой и тщательно воздерживаясь от оказания какой-либо поддержки той или другой стороне.

Упомянутую в полученной сегодня телеграмме Поклевского № 590 [1] персидскую ноту мы, по нашему мнению, не можем оставить без ответа, поскольку она касается России. Кроме того, мы полагали бы полезным, чтобы обеими державами было сделано определенное заявление персидскому правительству относительно политики, коей они решили придерживаться в нынешнем кризисе. Едва ли есть надобность распространяться о том, насколько важно для нас и для Англии, чтобы смысл наших заявлений на этот счет был идентичен.

Мы надеемся поэтому, что лондонский кабинет признает возможным принять следующую формулу тождественного заявления со стороны обеих держав персидскому правительству:

«Принимая во внимание, что Мохамед-Али-шах вернулся в Персию вопреки принятым им на себя по отношению к персидскому правительству обязательствам и неоднократно преподававшимся ему русским правительством советам воздерживаться от интриг в Персии, русское (английское) правительство признает, что бывший шах не может более претендовать на ассигнованную ему по протоколу 7 сентября/25 августа пенсию. С другой стороны, русское (английское) правительство считает, что с момента появления Мохамед-Али на персидской территории взаимные отношения его и персидского правительства приняли вполне определенный характер внутреннего персидского дела, в каковое, на основании твердо установленного принципа, русское (английское) правительство не считает возможным вмешиваться.

Ввиду этого русское (английское) правительство сим объявляет, что оно в возникшей ныне в Персии борьбе партий будет придерживаться абсолютного нейтралитета».

Благоволите сообщить лондонскому кабинету этот проект заявления, поддержав его как вышеизложенными соображениями, так и аргументами, сообщенными вам ранее [2], и о последующем телеграфируйте [3].

Нератов.

№ 245. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 599. 25/12 июля 1911 г.

Тождественная телеграмма в Астрабад.

Несколько дней тому назад, с согласия регента, меджлис избрал из своей среды комитет для облегчения сношений между проживающими на даче регентом и некоторыми министрами и заседающим в городе парламентом. Комитет этот, в который вошло несколько ярых националистов и к коему сразу присоединился Наваб и несколько других, непричастных к меджлису, лиц, стал вмешиваться в правительственные дела и установил над кабинетом контроль,

[1] См. № 243.
[2] См. № 228.
[3] Тел. от 28/15 июля за № 166 Бенкендорф сообщил, что Грей принимает предложение Нератова сделать заявление перс. прав-ву, но желает внести некоторые изменения в его текст. Тел. от 28/15 июля за № 167 Бенкендорф передал текст заявления, предложенный Греем.
Тел. от 30/17 июля за № 987 Нератов уведомил Бенкендорфа, что он принял без изменения текст заявления, предложенный Греем. Этот текст совпадает с текстом, переданным Нератовым Поклевскому в тел. от 30/17 июля за № 989 (см. № 267).

превратившись таким образом в нечто вроде «комитета общественного спасения». Аресты подозреваемых в сочувствии Мохамед-Али-шаху лиц произошли без ведома кабинета и неизвестно по чьему распоряжению. Регент уверял вчера Саблина[1], что комитет тут не при чем, между тем Ефрем [2] получил список и приказание задержать целый ряд лиц, вследствие чего не без основания можно предполагать, что этим делом руководит сам Наср-оль-Мольк, совершенно попавший под влиянием событий в руки кучки националистов. Ввиду вышеизложенного, кабинет, с Сепехдаром во главе, подал вчера в отставку, и образования нового кабинета крайних элементов следует ожидать в самом скором времени. Едва ли можно сомневаться, на чьей стороне теперь симпатии Сепехдара, который может быть вынужден сесть к нам в бест. В Тегеране снаряжают экспедицию против Мохамед-Али-шаха и Салара-эд-Доулэ; бахтиары, будто бы, обещали немедленно выслать в Тегеран 2 000 всадников. По слухам, во главе экспедиции против бывшего шаха отправляется Моиз-эс-Солтане, который назначен губернатором Астрабада и Мазандерана. Под его начальством будут находиться часть бахтиар, отряд фидаев, реформированная пехота и артиллерия. Много говорят о намерении правительства вновь прибегнуть к помощи Халидар-хана и русских террористов и подослать к Мохамед-Али-шаху убийц, назначив весьма крупную цену за его голову. Все это — пока только предположения, отряды еще не сформированы. В Тегеране очень тревожно, все сколько-нибудь значительные люди стремятся укрыться на территории Зергенде. Симпатии населения как в столице, так и в остальных крупных городах Персии на стороне Мохамед-Али-шаха. С минуты на минуту ожидают занятия Керманшаха Саларом-эд-Доулэ; из Хамадана власти бежали, и города приглашают принца прибыть туда. Мне также передают, что духовенство Мешеда публично высказалось против нынешней конституции, но от генерального консульства сведений об этом не имею.

Поклевский.

№ 246. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине Коростовцу.

Телеграмма № 958. 26/13 июля 1911 г.

Хорват [3] телеграфирует министру финансов, что им командирован был к манчжурскому генерал-губернатору с письмом редактор Спицын [4], которого генерал-губернатор, между прочим, просил довести до сведения министра финансов для доклада государю императору о желании Китая войти в союзные отношения с Россией; что Лу Чжен-сяну даны инструкции в таком же смысле и что если императорское правительство пойдет навстречу этому предложению, то Китай командирует особого уполномоченного. В ответном же письме генерал-губернатора Хорвату содержится просьба довести до сведения русского правительства о его желании установить отношения между обеими державами, как они были десять лет назад. Факт подобного важного сообщения редактору газеты представляется весьма странным, и я прошу вас телеграфировать о вашем впечатлении по этому поводу.

Министр финансов проектирует послать Хорвата в Мукден, чтобы от его имени высказать генерал-губернатору общие дружеские заверения, не касаясь вопроса о союзе [5].

Благоволите сообщить ваше заключение и по поводу поездки Хорвата.

[Нератов.]

[1] Первый секретарь росс. миссии в Тегеране.
[2] Начальник полиции в Тегеране.
[3] Управляющий Китайской Восточной ж. д.
[4] Редактор газеты «Юань-дунь-бао», издававшейся при управлении Китайской Восточной ж. д.
[5] При письме от 25/12 июля за № 447 Коковцов препровождал Нератову тел. Хорвата, в основном изложенную в публикуемом документе, в которой последний, между прочим, отмечал, что из беседы с манчж. ген.-губернатором Спицын вынес впечатление, что «Китай проектирует союз Америки, России и Китая».

№ 247. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 158. 26/13 июля 1911 г.

«Times» сообщает, что предполагавшееся отправление атлантического флота в норвежские воды внезапно отменено и флоту предписано итти в Портсмут. Морские страховые полисы содержат особую статью о том, что общество сохраняет за собой право исключать из оных риски, сопряженные с войной. Общество обязано публиковать соответственное объявление за две недели вперед. Подобное объявление выпущено было вчера и вступает в силу 9 августа.

Бенкендорф.

№ 248. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 159. 26/13 июля 1911 г.

Grey me dit qu'hier l'ambassadeur d'Allemagne lui avait, d'ordre de son gouvernement, fait la communication suivante: les conversations entre Kiderlen et Cambon continuent et on espère pouvoir s'entendre; si pourtant cette négociation directe échouait, le gouvernement allemand exigerait du gouvernement français le retour au status quo selon les stipulations d'Algéciras et refuserait une conférence. Cette communication allemande n'a pas été faite à Berlin. Grey en a informé Cambon et m'a dit qu'il croyait devoir en faire autant à l'égard de la Russie. Grey se rend compte du sérieux de cette démarche, mais ne désespère pas du résultat des négociations à Berlin malgré la difficulté de la situation actuelle.

Benckendorff.

Перевод.

Грей мне сказал, что вчера германский посол, по приказанию своего правительства, сделал ему следующее сообщение: переговоры между Кидерленом и Камбоном продолжаются, и есть надежда, что удастся договориться; однако, если эти непосредственные переговоры потерпят неудачу, то германское правительство потребует от французского правительства возвращения к status quo согласно условиям Алжесирасского акта и откажется от конференции. Это германское сообщение не было сделано в Берлине [англ. послу]. Грей уведомил о нем Камбона и сказал мне, что он считает своим долгом сделать то же и в отношении России. Грей отдает себе отчет в серьезности этого выступления, но не теряет надежды на благополучный исход берлинских переговоров, несмотря на затруднительность теперешнего положения.

Бенкендорф.

№ 249. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 161. 26/13 июля 1911 г.

N 955 reçu [1].

Dès que j'entrai chez Grey aujourd'hui et avant que je me sois acquitté de vos instructions, Grey me prévint des termes dont il userait à la Chambre des Communes lors du vote du ministère des affaires étrangères au sujet de Perse. Ces termes correspondent dans leur ensemble à ceux de la déclaration commune à faire dont vous proposez formule. Je lui fis alors votre commission. Il ne fit pas d'objections, prit note des termes et me promit réponse rapide. Sa déclaration à la Chambre établit que rentrée du shah s'est effectuée à l'insu de la Russie et proclamation du principe de non-ingérence. Il avait compris que cette déclaration devait

[1] См. № 244.

servir de réponse à la note persane. Je lui dis que telle n'était pas votre pensée, que vous croyez une déclaration identique nécessaire pour bien établir solidarité des deux gouvernements, mais que note persane portant accusations dirigées contre la Russie, vous jugiez nécessaire d'y faire réponse. Grey me dit qu'il tiendrait beaucoup à connaître texte de cette réponse.

Benckendorff.

Перевод.

Получен № 955.

Сегодня Грей, как только я вошел к нему и прежде чем я выполнил ваши инструкции, предупредил меня о выражениях, в которых он предполагает высказаться в палате общин по персидскому вопросу в связи с голосованием [бюджета] министерства иностранных дел. Эти выражения в общем соответствуют предложенной вами формулировке предстоящего совместного заявления. Тогда я передал ему ваше предложение. Он не возражал, записал формулировки и обещал дать мне ответ в скором времени. Его заявление в палате устанавливает, что возвращение шаха произошло без ведома России, и провозглашает принцип невмешательства. Он понял, что это заявление должно служить ответом на ноту Персии. Я ему сказал, что это не совпадает с вашим мнением, что вы считаете идентичные заявления необходимыми для того, чтобы твердо установить солидарность обоих правительств, но что поскольку персидская нота содержит обвинения против России, вы считаете необходимым дать на нее ответ. Грей мне сказал, что он очень желал бы знать текст этого ответа.

Бенкендорф.

№ 250. Посланник в Бухаресте временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 42. 26/13 июля 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На вчерашнем дипломатическом приеме недавно возвратившийся из заграничного отпуска министр иностранных дел Майореску заговорил со мной об албанских делах.

Он сообщил мне, что как молодой и неопытный румынский поверенный в делах в Белграде, так и всегда отлично осведомленный посланник в Софии одинаково настойчиво доносят ему об усиленном недоверии, с коим относятся к Австро-Венгрии в обоих славянских королевствах по поводу албанского движения. Это недоверие к Двуединой монархии, по словам моего собеседника, является ныне господствующим настроением на всем балканском полуострове.

В Софии, где глубоко убеждение в стараниях России обеспечить мир, особенно внимательно навострили уши по отношению к Вене, и король Фердинанд, выехавший заграницу [1], вероятно не будет путешествовать спокойно.

Лишь бы, добавил министр, он не выкинул вновь какой-нибудь неожиданности, любя подготовлять свои планы во время пребывания своего вне пределов Болгарии и принуждать своих министров исполнять их во время своего отсутствия.

Не без некоторого раздражения Майореску заметил затем, что он неприятно поражен, что часть австро-венгерской прессы — и он надеется, что это только мелкая пресса — пользуется Румынией, как пугалом по отношению к Болгарии, ставя последней все на вид какую-то общность действия Румынии и Турции.

Никакой конвенции с Турцией у Румынии нет и таковая не имела бы никакого смысла. Румыния желает прежде всего сохранения мира и нынешнего status quo на Балканском полуострове.

Конечно, если на Балканах произошли бы крупные изменения, то Румыния отнеслась бы к ним, как того потребуют ее интересы, но она нисколько не намерена, сказал Майореску, создавать новые вопросы.

Министр не понимает, чего в сущности добиваются в Албании, населенной не одними албанцами, но и сербами, болгарами, греками и даже, добавил он, куцо-влахами.

[1] 23/10 июля.

Я возразил моему собеседнику, что ему, только-что побывавшему в Вене, быть может удалось выяснить там, чего хотят австро-венгерцы.

В Вене действительно, ответил Майореску, он виделся с гр. Эренталем, заявившим сперва ему, что в Албании положение как будто бы улучшается, что обрадовало моего собеседника; но граф прибавил, что если оно осложнится, то великим державам нужно будет обсудить, какие принять меры, что менее понравилось румынскому министру.

Вашему превосходительству небезызвестно, что главные деятели нынешнего министерства, Карп [1] и Майореску, всегда отличались австрофильскими тенденциями. От них они, вероятно, не избавились и теперь,— но, повидимому, и их начинает раздражать роль «пугала», как выразился министр, по отношению к Болгарии, роль неблагодарная, ежечасно навязываемая румынам австро-венгерской прессой, не всегда с их согласия, роль, направляющая на них гнев болгар, к коим они относятся не без некоторого опасения, роль не принесшая им до сих пор, судя по тому, что произошло при аннексии Боснии и Герцеговины и провозглашении болгарского королевства, никакой прямой выгоды.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 251. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 112. 26/13 июля 1911 г.

Получил телеграмму № 946 [2]. Ссылаюсь на телеграмму Чарыкова № 480 [3]

Согласно этим телеграммам сообщил королю, что Порта не обратится ни к державам, ни к Черногории с просьбой о посредничестве между ней и албанскими беженцами; что Порта, чрез посредство русского правительства, настаивает лишь на прекращении обструкции Черногории возвращению беженцев на родину; что императорское правительство настоятельно советует королю исполнить это требование Порты; в противном случае всякая ответственность за последующие события будет лежать всецело на короле, который не может тогда рассчитывать ни на моральную, ни на материальную поддержку России. Король ответил, что и без того субсидии приходят неаккуратно, и он будет рад избавиться от опеки России. Я ответил на основании телеграммы вашего превосходительства № 828 [4], что субсидия временно задержана лишь впредь до восстановления относительного спокойствия в крае. Король сказал на это, что был бы весьма рад получить свободу действий в своей внешней политике, стесненной ст. 7-й военной конвенции. На повторительный запрос мой, согласен ли он ответить утвердительно на последнее требование Порты о непрепятствовании беженцам возвращаться на родину, король после долгого колебания, наконец, сказал, что надлежит ныне изыскать способ сообщения главарям малиссоров турецких уступок, к чему черногорское правительство готово оказать со своей стороны со-

---

[1] Председатель совета м-ров и м-р финансов Румынии.

[2] Тел. от 23/10 июля за № 946 Нератов, ссылаясь на свою тел. Чарыкову за № 945 (см. № 238), предлагал С. Арсеньеву: «Благоволите выяснить, возможно ли рассчитывать на согласие короля на предложение Порты. Очевидно, что вопрос о малиссорах сводится к прекращению противодействия со стороны Черногории. Уклоняясь от принятия турецкого предложения, король принял бы на себя тяжелую ответственность за последующие события без выгоды для себя и на пользу лишь тайным недругам».

[3] Повидимому имеется в виду тел. Чарыкова от 21/8 июля за № 470 (см. № 234). Тел. от 24/11 июля за № 480 была адресована росс. консулу в Митровице.

[4] Тел. от 5 июля/22 июня за № 828 Нератов сообщал: «С выдачей остальной части векселя на военные издержки благоволите обождать до восстановления относительного спокойствия в крае». См. № 131.

действие. Чрез несколько часов после того король пригласил меня к себе, заявив мне категорически, что обструкции возвращению беженцев с его стороны не будет [1].

Арсеньев.

№ 252. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 962. 27/14 июля 1911 г.

Сообщается в Вену, Рим, Париж, Лондон, Берлин, Цетинье, Белград и Софию.

Последнее выступление короля Николая с предложением посредничества держав в смысле поручения ему передачи от имени держав малиссорам об уступках Турции, а равно и предложение о последующем контроле над исполнением Турцией данных обещаний оказалось, как и следовало ожидать, неприемлемым для Порты [2].

Шаги короля Николая несколько замедлили начавшиеся между нами, Австрией и Италией переговоры [3].

В бывшей у меня продолжительной беседе с графом Турном [4] нам все же удалось притти к установлению общности взглядов в этом вопросе.

Относясь с сомнением к возможности посредничества, Эренталь высказывается в пользу серьезных представлений сообща в Константинополе и Цетинье, о чем им уже оповещены представители при державах.

По словам Турна, Эренталь, вероятно, согласится сделать попытку и в смысле посредничества, совершенно, конечно, устранив вмешательство во внутренние дела Турции.

Предварительно установления приемлемых для держав условий воздействия было бы наиболее целесообразным поручить послам трех держав в Константинополе выработать дальнейший план действий в предположении, что остальные державы к таковому примкнут.

Мы надеемся, что таким образом удастся предотвратить, при некоторой уступчивости как со стороны Турции, так и Черногории, возможность вооруженного между ними столкновения. Само собой разумеется, что вопрос об улажении албанского кризиса, входящий в область внутренних дел Турции, не должен исключаться из программы предстоящих обсуждений, поскольку это будет приемлемо для Турции.

На указанных основаниях вы можете войти в сношения с вашими австрийским и итальянским коллегами, как только они получат соответственные инструкции.

(для Константинополя:) и в случае неудачи непосредственных переговоров Турции с Черногорией, упомянутых в тел. № 485 [5].

(для Вены и Рима:) Изложенное передается вам для объяснений с министром иностранных дел.

А. Нератов.

---

[1] Тел. от 27/14 июля за № 113 Арсеньев сообщил Нератову: «Король сегодня объявил мне, что он вошел в соглашение с турецким посланником. Последний напишет черногорскому правительству ноту с сообщением льгот, предложенных малиссорам, и просьбой сообщить об этом находящимся в Черногории албанским беженцам. Немедленно по получении королем этой ноты начнется возвращение малиссоров на родину».

Публикуемая тел. и тел. Арсеньева за № 113 были представлены Нератовым Николаю II при докладной записке от 28/15 июля. В этой записке Нератов писал, что, по его мнению, по содержанию указанных тел. не представляется необходимым отвечать Арсеньеву. На докладной записке имеется помета Николая II: «Да». «Рейд «Штандарт», [31] 18 июля 1911 г.».

[2] См. № 234.

[3] Далее зачеркнуто: «Указанное отрицательное отношение Порты побудило Австрию вновь выступить с предложением принять на себя трем державам почин в деле улажения турецко-черногорских отношений».

[4] См. № 254.

[5] См. стр. 256, прим. 4.

№ 253. Записка, составленная в министерстве иностранных дел [1].

27/14 июля 1911 г.

Обостряющееся положение на Балканах в связи с албанским восстанием значительно раздвигает рамки обсуждения вопроса о проливах.

По всем признакам, албанскому вопросу, как в свое время герцеговинскому и болгарскому, не суждено сойти со сцены международного воздействия впредь до его решения, более или менее окончательного. Кроме того, оборот дел на почве препирательств между Черногорией и Турцией заставляет опасаться неизбежного, повидимому, столкновения между этими двумя государствами.

Положение Турции настолько критическое, что она не остановилась перед обращением за помощью к нам, плохо маскируя, правда, желание противопоставить наши цели австрийским и как бы забывая о своих агрессивных по отношению к нам замыслах.

Но как бы то ни было и какой бы оборот ни приняло дело о намечающемся посредничестве держав между Черногорией и Турцией, посредничестве, не исключающем обсуждение «внутренних» дел последней, нельзя не усмотреть, что переживаемый Турцией кризис выдвигает самый вопрос о дальнейшем существовании ее вообще, на созданных ею основах.

Вопрос этот, конечно в скрытой форме, несомненно будет служить предметом особого внимания держав при обсуждении ими мер к предотвращению черногорско-турецкого вооруженного столкновения.

Каков бы ни был исход переживаемого Турцией кризиса — возникновения вопроса о проливах нам не миновать.

Уцелеет Оттоманская империя — она попрежнему останется на неопределенное время хозяином проливов; со всеми невыгодами для нас такого положения, ставящего на карту господство наше в Черном море.

Рухнет Турция — проливы откроются *автоматически*. При условиях, гораздо худших для нас, чем те, которые могут быть теперь обсуждены и установлены по нашему почину и по нашей схеме, так как в момент развала Турции зародятся самые разнообразные требования держав относительно и проливов и самого Константинополя, причем нам будет очень трудно в такую минуту властно и успешно отстаивать свои специальные выгоды.

По всем вышеизложенным соображениям нельзя не притти к заключению, что к моменту катастрофы в Турции, возможность каковой необходимо предвидеть, вопроса о проливах существовать уже *не должно*; тем самым облегчится — если до этого дойдет дело — и раздел Турции, как коренное разрешение вечно тяготеющего над всей Европой Восточного вопроса.

№ 254. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

28/15 июля 1911 г.

Повергаемая на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение вторая памятная записка [2], переданная мне графом Турном, послужила поводом к продолжительной беседе с ним в среду, [26] 13 сего июля, причем главным предметом этой беседы был вопрос о дальнейшем образе действий в балканском кризисе.

Я привлек внимание графа Турна на то обстоятельство, что, по мнению императорского правительства, отклонение Портой посредничества в форме, предлагаемой королем Николаем черногорским [3], еще не указывает, как полагает венский кабинет, на отрицательное отношение турецкого правительства вообще к возможному посредничеству держав. Вся суть вопроса должна, конечно, за-

[1] Черновой отпуск написан рукой А. Гирса.
[2] См. № 241.
[3] См. № 234.

ключаться в правильной разработке тех оснований, на которых такое посредничество окажется приемлемым для Турции и Черногории.

В этих видах наиболее целесообразным решением было бы дать особое поручение послам трех наиболее заинтересованных держав, т. е. России, Австро-Венгрии и Италии, разработать на месте помянутые основания, дабы затем указанные державы могли бы предложить остальным державам примкнуть к проектированным шагам.

Таким образом, прибавил я, предложение венского кабинета о серьезных представлениях, как в Константинополе, так и в Цетинье, — не исключая вопроса о посредничестве великих держав, предлагаемом нами, — могло бы быть рассмотрено послами одновременно.

Согласившись со мной, граф Турн выразил готовность безотлагательно передать о предмете нашей беседы графу Эренталю, причем выразил предположение, что выводы, к коим мы пришли, встретят с его стороны полное сочувствие.

Для осведомления российского посла в Константинополе о предстоящем направлении дальнейшего образа действия нашего в черногорско-турецком споре, мной отправлена вчера, равным образом повергаемая у сего, телеграмма [1].

Нератов.

№ 255. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 969 [2]. 28/15 июля 1911 г.

№ 1.

Телеграмма за № 590 [3] получена.

Относительно тождественного сообщения персидскому правительству о положении, которого оба правительства намерены придерживаться при настоящих событиях в Персии, нами делаются сношения с великобританским правительством.

Независимо от этого мы, со своей стороны, не считаем возможным оставить персидскую ноту без ответа, который полагали бы изложить в редакции, передаваемой вам за № 2.

Благоволите спешно телеграфировать ваше заключение, так как мы намерены, согласно просьбе о том Грея, предварительно сообщить лондонскому кабинету наш проект ответа персианам.

Нератов.

№ 256. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 970 [4]. 28/15 июля 1911 г.

№ 2 [5].

Заявления, делавшиеся нам персидским правительством относительно наблюдавшихся в Персии интриг в пользу Мохамед-Али-шаха, никогда не оставлялись нами без внимания, и шаху неоднократно делались серьезные представления о необходимости воздерживаться от каких-либо действий, направленных против нынешнего режима в Персии. Подобные представления делались не только в бытность шаха в Одессе, но и во время пребывания его за границей, хотя это, по смыслу протокола 1909 г. и не входило в обязанность императорского прави-

---

[1] См. № 252.
[2] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 43, с сокращениями и стилистическими изменениями.
[3] См. № 243.
[4] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 43, со стилистическими изменениями.
[5] См. № 255.

тельства. Так как однако персидское правительство никогда не подкрепляло свои заявления какими-либо доказательствами, а Мохамед-Али всегда ссылался на свою непричастность к какой-либо агитации, то и было полное основание полагать, что последняя велась помимо его величества и лишь именем его другими лицами. Во всяком случае обязанность бороться против всякой агитации в какой-либо стране лежит прежде всего на местном правительстве, а не на других. Между тем персидское правительство, повидимому, ограничивалось в подобных случаях жалобами русскому правительству, не принимая само никаких мер против агитации в своих пределах. Так это было, по крайней мере, в отношении агитации среди туркмен. Поэтому, если последняя приняла такие обширные размеры, что сделала возможной попытку бывшего шаха вернуть себе престол, то вина в этом падает, очевидно, на само персидское правительство. В частности, относительно заявления последнего о появлении в Баку каких-то агентов Мохамеда-Али, императорским правительством были тотчас приняты соответствующие меры. При этом указание персидского правительства на то, что эти агенты будто бы были арестованы бакинскими властями, не подтвердилось, и произведенными местной полицией розысками указанных агитаторов обнаружить не удалось. Что касается проезда через Россию шаха, который проживал последнее время долго за границей, где он находился вне наблюдения императорского правительства, то предотвращение такового проезда инкогнито и при полной его неожиданности, конечно, не было во власти русского правительства. При этом нельзя не отметить также, что самим персидским правительством не было принято никаких мер к предотвращению прибытия шаха на персидскую территорию, хотя оно, повидимому, именно опасалось появления его в Туркменской степи.

Независимо от всего этого, императорское правительство не может не отметить, что за два года, истекшие со времени удаления Мохамеда-Али из Персии, персидским правительством не было сделано почти ничего для внесения умиротворения и порядка в страну. Постоянные министерские кризисы, мелочная борьба партий и бесплодная, большей частью, деятельность меджлиса, характеризовавшие весь этот двухлетний период, несомненно, способствовали подготовлению почвы для интриг в пользу бывшего шаха и его возвращения в страну.

Ввиду этих соображений императорское правительство не признает возможным сложить с персидского правительства ответственность за убытки, которые могут быть причинены русским подданным от появления Мохамед-Али-шаха, и будет попрежнему считать его ответственным за всякий ущерб, который внутренними персидскими неурядицами будет причинен русским правительственным и частным интересам [1].

Нератов.

№ 257. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 972 [2]. 28/15 июля 1911 г.

Телеграммы №№ 584 [3] и 603 [4] получены.

Ссылаюсь на телеграмму Бенкендорфа № 160 [5].

---

[1] Текст публикуемой тел. был послан Бенкендорфу 1 авг./19 июля за № 1002 для ознакомления Грея.

Тел. от 3 авг./21 июля за № 172 Бенкендорф сообщал, что Грей не сделал никаких замечаний на проект ноты.

Тел. от 4 авг./22 июля за № 1016 Нератов сообщил Поклевскому: «Можете передать шахскому правительству наш единоличный ответ на персидскую ноту, по поводу коего со стороны Грея особых заявлений не последовало».

Как видно из тел. Поклевского от 8 авг./26 июля за № 660, содержание публикуемой тел. было передано 7 авг./25 июля в виде ноты перс. прав-ву.

[2] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 42, со стилистическими изменениями.

[3] См. № 240.

[4] Тел. от 26/13 июля за № 603 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 28) Поклевский передавал «упорный слух о том, что Стокс примет участие в экспедиции против Мохамед-Али-шаха».

[5] Тел. от 26/13 июля за № 160 (опубл Siebert, II, S. 133, N 431) Бенкендорф передавал сделанное ему Греем сообщение о том, что Стоксу предложено подать в отставку. «Грей, —

Благоволите принять все зависящие меры к предупреждению назначения Стокса, причем можете указать персидскому правительству на то, что мы, в противном случае, потребуем компенсации.

[Нератов.]

№ 258. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 164. 28/15 июля 1911 г.

N 2[1].

Je tiens de Asquith que paroles qu'il a prononcées hier au parlement signifient que le Cabinet de Londres se considère intéressé à tout arrangement entre la France et l'Allemagne ayant pour objet le Maroc lui-même, mais qu'il ne fera pas d'opposition à l'arrangement concernant littoral sur côte occidentale de l'Afrique au delà du Maroc. Cette déclaration a été rédigée après nouvelle démarche allemande hier matin[2], très différente de langage et de ton de celle de mardi dernier[3]. Le premier ministre, très frappé de cette différence, considère situation sensiblement améliorée.

Benckendorff.

Перевод.

№ 2.

Я узнал от Асквита, что слова, сказанные им вчера в парламенте, означают, что лондонский кабинет считает себя заинтересованным во всяком соглашении между Францией и Германией по поводу самого Марокко, но что он не будет возражать против соглашения относительно полосы на западном побережьи Африки за пределами Марокко. Это заявление было сформулировано после нового германского выступления вчера утром, выступления, сильно отличающегося по выражениям и по тону от демарша, сделанного во вторник. Премьер-министр, крайне пораженный этой переменой, считает положение значительно улучшившимся.

Бенкендорф.

№ 259. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 168. 28/15 июля 1911 г.

Grey, me confirmant ce que Asquith m'avait dit hier soir[4], me dit avoir été extrêmement frappé du changement de ton dans démarche allemande d'hier matin. Sans entrer dans tous les détails de la conversation avec Kühlmann, il me dit que le Cabinet de Berlin affirmait son désir sincère et sérieux d'arriver à un arrangement avec la France, assez complet pour exclure si possible toute friction dans l'avenir au sujet de colonies, et exprime l'espoir que le Cabinet de Londres facilitera la tâche. Ce langage a provoqué délimitation des intérêts anglais dans la déclaration ministérielle d'hier. Grey me dit que le Cabinet de Londres, non seulement fermement décidé à ne créer aucune difficulté, était avant tout anxieux du maintien de la paix: Mais que toutefois il devait laisser à l'avenir le gouvernement fran-

---

по словам Бенкендорфа, — не хочет делать новых заявлений, которые могли бы вызвать отставку Шустера», но, понимая точку зрения росс. прав-ва, он не возражает против того, чтобы последнее потребовало компенсацию за назначение Стокса.

[1] Тел. от 28/15 июля за № 163 (№ 1) Бенкендорф сообщал о выступлении Асквита в палате общин 27/14 июля: «Он призывал палату не настаивать на опасной дискуссии по вопросу о марокском кризисе; лондонский кабинет желал и с самого начала считал нужным в интересах мира ясно определить занятую им позицию; английское правительство, не принимая участия в переговорах, которые ведутся в Берлине между Францией и Германией, надеется на благополучный исход этих переговоров; хотя марокканский вопрос сам по себе и является весьма сложным, английское правительство не думает вмешиваться в переговоры о соглашении, предметом которого являются области на западном побережье Африки; слухи о затруднениях, создаваемых Англией, являются лживой выдумкой».

[2] См. № 259.

[3] См. № 248.

[4] См. № 258.

çais libre de ses décisions et ne pourrait aller jusqu'à conseiller des concessions que le Cabinet de Paris jugerait incompatibles avec sa dignité et qui ne seraient pas acceptées par la Chambre française. De pareils conseils, me dit Grey, équivaudraient à un avertissement de défection.

Benckendorff.

Перевод.

Грей, подтверждая мне то, что Асквит говорил мне вчера вечером, сказал, что он был крайне поражен переменой тона в германском демарше, сделанном вчера утром. Не входя во все подробности разговора с Кюльманом, он мне сказал, что берлинский кабинет подтверждает свое искреннее и серьезное желание притти к соглашению с Францией, достаточно полному, чтобы в будущем исключить, насколько возможно, всякие трения по колониальным вопросам, и выражает надежду, что лондонский кабинет облегчит эту задачу. Эти слова вызвали разграничение английских интересов во вчерашней министерской декларации. Грей сказал мне, что лондонский кабинет не только твердо решил не создавать никаких затруднений, но прежде всего горячо желает сохранения мира. Но что все же он должен в будущем предоставить французскому правительству свободу решений и не может дойти до того, чтобы советовать уступки, которые парижский кабинет счел бы несовместимыми с его достоинством и на которые французской палатой не было бы дано согласия. Подобные советы, сказал мне Грей, были бы равносильны предупреждению об измене.

Бенкендорф.

№ 260. Управляющий консульством в Урге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 691. 28/15 июля 1911 г.

Телеграфирую посланнику:

Совещания князей окончились [1]. После долгих прений все пришли к заключению, что проводимые китайцами реформы направлены к окончательному порабощению Монголии, протест против действий китайцев признан бесполезным. Решено не медлить более и обратиться к нам с просьбой о покровительстве, а пока дать уклончивый ответ на требования правительства. Сегодня геген сообщил мне резолюцию совещания и прибавил, что через несколько дней депутация от духовенства, князей и народа выезжает в Петербург, где подаст формальную просьбу о принятии Халхи под протекторат России. Опасаясь, что китайские власти, узнав о том, примут по отношению к монголам репрессивные меры, хутухта и князья просят немедленно прислать в Ургу под каким-либо предлогом русские войска, присутствие коих воспрепятствовало бы насилиям китайцев. Я просил обождать отправлением депутации до получения от вас ответа на мою телеграмму. Необходимо немедленно и точно определить наше отношение к изложенным фактам. Ожидаю указаний.

Лавдовский.

№ 261. Поверенный в делах в Токио временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 28/15 июля 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

С того момента, как измененный англо-японский союзный договор [2] стал предметом оживленного обсуждения японской прессы, последняя, настроенная крайне

[1] Донесением от 1 июля/18 июня за № 595 Лавдовский сообщал Коростовцу о мерах военного характера, принимаемых кит. прав-вом в Монголии. Как писал Лавдовский, монг. князья, встревоженные действиями кит. прав-ва, решили созвать общее совещание в Урге, чтобы «обсудить те меры, которые следует принять монголам против окончательного порабощения их китайцами». Предусматривая возможность обращения монг. князей к России с просьбой о покровительстве, Лавдовский писал: «Благодаря этому в ближайшем будущем может наступить такой момент, который окажет весьма сильное влияние на направление нашей политики в Монголии. Без сомнения, наше вмешательство в монгольские дела вызовет осложнения на Д. Востоке. С другой стороны, если мы откажем монголам в покровительстве, то потеряем, — вероятно навсегда, — то огромное влияние и те симпатии, которыми мы теперь пользуемся в этом крае, а, кроме того, нам придется, может быть, увидеть, как другая держава появится и займет наше место в Монголии».

[2] См. № 207.

нервно, чутко прислушивается и к отзывам заграничной печати о том же соглашении.

Неудивительно поэтому, что содержание появившейся [17] 4 или [18] 5 июля в «Новом времени» статьи [1] о желательности заключения между Россией и Англией договора об арбитраже было сообщено сюда по телеграфу и вызвало многочисленные комментарии [2].

Наиболее сдержанные отзывы, после изложения статьи «Нового времени», ограничиваются призывом правительства к усугубленной бдительности по отношению к дальнейшему ходу событий. «Иородзу» и «Ниппон» более откровенно заявляют, что если осуществится и это соглашение о широком применении третейского суда, то англо-японский союз потеряет всякое значение. «Асахи» приводит следующее рассуждение, приписываемое им одному японскому дипломату: «Если «Новое время» выражает мнение русского правительства, то вопрос становится для Японии крайне серьезным: ибо с заключением такого соглашения англо-японский союз теряет весь свой смысл. Впрочем, если бы Россия действительно имела подобное намерение и основание рассчитывать на готовность Англии, — вряд ли подобная статья появилась в русской газете; поэтому вероятнее всего, что «Новое время» выражает свое личное мнение. Возможно даже, что слух этот пущен нарочно и что на самом деле Россия имеет в виду заключить подобный договор с Японией».

Но наиболее откровенно бьет в набат всегда сдержанный «Japan Times», который хотя и не является официозом, все же получает небольшую правительственную субсидию и, имея исключительно японский состав редакции, служит — хотя и не на этот раз — выразителем взглядов правящих сфер. Напоминание этой газеты о 70 дивизиях, которые Россия может всегда перебросить на Дальний Восток, имею честь препроводить у сего в вырезке на благовоззрение вашего превосходительства [3].

Примите и пр. А. Броневский.

№ 262. Памятная записка министерства иностранных дел австро-венгерскому послу в Петербурге Турну [4].

29/16 июля 1911 г.

Le ministère impérial des affaires étrangères est parfaitement d'accord avec le Cabinet de Vienne que dans le cas où la Turquie accepterait les dernières propositions du roi du Monténégro, l'intervention des Grandes Puissances deviendrait superflue.

---

[1] В статье «Нового времени» от 17/4 июля 1911 г. за № 12682 идет речь об изменении англо-японского договора. В статье между прочим говорится: «Мы могли бы заключить с Англией договор об арбитраже с неменьшими основаниями, чем Соединенные Штаты. У нас нет ни поводов для вооруженного спора с Англией, ни даже возможности осуществить его. Англия не может послать свои дредноуты на Москва-реку; мы не можем высадить своей армии на берегах Темзы. Договор о третейском разбирательстве всех вообще наших личных недоразумений с Англией оправдывался бы реальными условиями наших политических и географических отношений».

[2] В письме от 28/15 июля Броневский писал, что многие япон. газеты, кроме органов прав-ва, «выражают нескрываемое недоумение и самые живые опасения: красной нитью проходит мысль о существенном ослаблении союза, почти-что — о предательстве Англии и о начале изолирования Японии по почину Америки». «Но за последние 5—6 дней, — писал Броневский, — стало высказываться мнение, что для Японии полезно было бы новым соглашением с Америкой пополнить пробелы измененного англо-японского союзного договора; мало того, пошли упорные слухи, будто в Вашингтоне уже начаты о том переговоры между Уцида и Ноксом и что там предстоит заключение нового дипломатического акта, который послужит развитием японо-американского соглашения 1908 г. и обеспечит положение Японии в Манчжурии». На запрос Броневского о причинах, вызвавших подобные слухи, товарищ м-ра ин. дел Ишии ответил, что эти слухи лишены основания и что «если бы Манчжурия была предметом обсуждения между Японией и правительством Штатов, то это было бы сделано с ведома России».

[3] Приложение не воспроизводится.

[4] Царск. экз.

Il croirait de même qu'un refus définitif aux propositions de sa majesté le roi Nicolas de la part de la Sublime Porte prouverait clairement que cette dernière n'est pas disposée à recourir à une médiation dans la forme proposée par le Monténégro, car il est évident qu'une démarche pareille à celle suggérée par sa majesté le roi Nicolas constituerait une immixtion directe dans une question de politique intérieure ottomane.

Mais, comme Mr. Nératow a eu l'occasion d'observer au cours de son dernier entretien avec le comte Thurn, la possibilité d'une médiation des Grandes Puissances basée sur une entente préalable des Cabinets de St.-Pétersbourg, de Vienne et de Rome, dans le but de prévenir un conflit armé, resterait de toute utilité.

L'idée d'une intervention proposée par le comte Aehrenthal pourrait parfaitement être combinée avec l'idée d'une médiation dont les termes seraient à élaborer par les ambassadeurs de Russie, d'Autriche-Hongrie et d'Italie à Constantinople.

Le comte Thurn ayant promis de transmettre à Vienne le compte-rendu de son entretien avec Mr. Nératow [1], le ministère impérial des affaires étrangères serait heureux d'apprendre que le Cabinet de Vienne partage le point de vue ci-dessus énoncé [2].

Перевод:

Императорское министерство иностранных дел вполне согласно с венским кабинетом, что в случае принятия Турцией последних предложений короля Черногории, вмешательство великих держав окажется излишним.

Оно полагает также, что окончательный отказ Высокой Порты от предложений, сделанных его величеством королем Черногории, ясно свидетельствовал бы о том, что Порта не намерена прибегнуть к посредничеству в форме, предложенной Черногорией, ибо ясно, что демарш, предложенный его величеством королем Николаем, является прямым вмешательством в вопросы внутренней политики Оттоманской империи.

Но как г. Нератов имел случай заметить графу Турну во время последней беседы с ним, возможность посредничества великих держав на основе предварительного соглашения петербургского, венского и римского кабинетов, с целью предупреждения вооруженного конфликта, была бы весьма полезна.

Идея вмешательства, предложенная гр. Эренталем, может вполне быть увязана с идеей посредничества, условия коего подлежали бы выработке российским, австрийским и итальянским послами в Константинополе.

Ввиду того, что граф Турн обещал представить в Вену отчет о своей беседе с г. Нератовым, императорское министерство иностранных дел было бы счастливо узнать, что венский кабинет разделяет изложенную выше точку зрения.

№ 263. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Риме Корфу.

*/. Телеграмма № 979. 29/16 июля 1911 г.

Сообщается в Париж, Лондон, Берлин, Вену, Константинополь и Цетинье.

Телеграмма [27] 14 июля получена [3].

Мелегари в уклончивых выражениях передал мне вчера, что его правительство, как и австро-венгерское, не видит пользы и возможности посредничества в смысле нашего проекта, ибо оно, несомненно, коснется албанского вопроса, что не желательно, как вмешательство во внутренние дела Турции. Поэтому в Риме думают, что лучше ограничиться возможно решительными представлениями в Цетинье и Константинополе о том, что в результате конфликта ни та, ни другая сторона не получит никаких выгод.

---

[1] См. № 254.

[2] Ответной пам. запиской от 1 авг./19 июля австро-венг. пос-во известило Нератова, что Эренталь удовлетворен солидарностью взглядов Петербурга и Вены относительно возможности принятия Турцией черногорских предложений и что он предписал австро-венг. послу в К-поле договориться с росс. и итал. послами о способах реализации проекта посредничества, изложенного в публикуемом документе.

[3] Тел. от 27/14 июля (без номера) Корф, ссылаясь на отношение за № 443 (см. стр. 236, прим. 2), сообщал: «Ввиду поступления нового австрийского предложения (см. № 241) римский кабинет полагает, что обсуждение ответа императорского правительства может быть (отложено), но он обратил внимание на слова: вмешательство и посредничество, каковые понятия ему представляются трудно совместимыми с началами, коих державы придерживаются в отношении Турции».

В ответ я возразил, что в Цетинье мы в этом смысле уже высказывались и потому не видим причины не присоединиться к новым шагам в том же смысле со стороны всех других держав при условии одновременного представления в Константинополе, но что говорить что-нибудь подобное туркам представляет неудобства в том отношении, что Турция, очевидно, не имеет в виду воевать с Черногорией, а проектируемое заявление будет несомненно обидным в глазах турецкого правительства. Посредничество же держав, быть может, не будет отклонено Портой, и если оно практических окончательных результатов и не обещает, все же будет выиграно время, и от держав будет зависеть затянуть переговоры до осени, когда военные действия уже будут мало вероятны. В заключение я прибавил, что лучшим исходом, очевидно, было бы благополучное завершение непосредственного соглашения между Турцией и Черногорией. Мелегари на это не возражал, услыхав от меня, что австрийский посол выразил намерение передать в Вену в сочувственном смысле как изложенные соображения, так и мысль о поручении послам трех держав в Константинополе обсудить вопрос о дальнейших действиях с точки зрения возможного посредничества и представлений.

Ввиду того, что римский кабинет находится в этом вопросе, повидимому, под сильным влиянием Эренталя, прошу вас передать об изложенном итальянскому министру иностранных дел [1].

А. Нератов.

№ 264. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 32. 29/16 июля 1911 г.

Ссылаюсь на № 962 [2].

Сегодня посланы австрийскому послу в Константинополе соответственные инструкции для составления совместно с русским и итальянским послами проекта дальнейшего плана действий. Проект должен быть представлен на одобрение правительств этих трех держав и составлен в надежде, что и остальные державы к нему примкнут.

Гирс.

№ 265. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 434. 29/16 июля 1911 г.

Получил телеграмму № 958 [3].

За мое пребывание здесь мне неоднократно приходилось беседовать с китайскими сановниками о желательности русско-китайского сближения. Такая мысль высказывалась, между прочим, министром иностранных дел Лян Дунь-янем, бывшим товарищем Лян-фанем и более второстепенными лицами. Недавно, после бывшего у меня обеда, военный министр заговорил о том, что своевременным союзом Китай и Россия укрепили бы свое положение и предотвратили бы обрушившиеся на них государственные бедствия; что он до сих пор является сторонником такого союза, но, как военный человек, не может вмешиваться в непринадлежащую ему сферу. На эту же тему мне пришлось беседовать с новым министром сообщений, выказавшим мне особую предупредительность. Однако все подобные беседы носили скорее теоретический характер, не выходя из сферы отвлеченностей, несмотря на делавшиеся намеки. Отсутствие в Китае лица, — после смерти Ли Хун-чана и опалы Юань Ши-кая, — достаточно влиятельного,

[1] Ответной тел. от 3 авг./21 июля за № 28 Корф сообщил, что Сан-Джулиано, «считая в принципе вполне приемлемыми ваши предложения, запросил о мнении венского кабинета на их счет и одновременно разрешил итальянскому представителю в Константинополе войти в обсуждение вопроса с русским и австрийским коллегами, если они получат соответствующие инструкции».

[2] См. № 252.

[3] См. № 246.

которое действительно представляло бы собой правительство, признается нами серьезным препятствием для конкретных предложений с нашей стороны. Чжао перед отъездом в Манчжурию заявлял мне так же, как Хорвату, что желал бы установить между двумя державами прежние дружественные отношения. Я ответил, что готов всячески содействовать такому намерению и для начала просил урегулировать некоторые затянувшиеся вопросы, выразив готовность сделать возможные уступки. Поездка Хорвата может быть полезна с точки зрения установления более непосредственных отношений дороги с вице-королем. Я не вижу вреда, если Хорват позондирует почву относительно действительных намерений и мыслей Чжао и проверит, можно ли считать беседу его со Спицыным серьезной или же она является личным отвлеченным рассуждением о дружбе двух государств. Во всяком случае, ввиду исключительного положения Чжао в правящих сферах, мнение его о нынешних русско-китайских отношениях представляет известное значение.

Коростовец.

№ 266. Поверенный в делах в Вашингтоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 48. 29/16 июля 1911 г.

Référe votre télégramme N 857 [1].

Mon collègue de France est chargé d'appuyer auprès du gouvernement américain notre démarche pour la suppression de l'article 16. Le ministre des affaires étrangères français suggère à ce propos comme son idée personnelle de modifier l'article 16 de façon à limiter les privilèges du syndicat à la réforme monétaire et d'éliminer tout ce qui a trait aux entreprises en Mandchourie. L'idée de modifier l'article 16 et non de l'abroger se trouve dans la note japonaise remise à Paris. Une pareille modification de l'article 16, au lieu de son abrogation indiquée dans notre mémorandum du [11 juillet] 28 juin, vous paraîtrait-elle acceptable.

Koudacheff.

Перевод.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 857.

Моему французскому коллеге поручено поддержать перед американским правительством наше выступление в целях упразднения 16-й статьи. Французский министр иностранных дел выдвигает по этому поводу, как исходящую от него лично, мысль об изменении 16-й статьи таким образом, чтобы ограничить привилегии синдиката монетной реформой и устранить все, что имеет отношение к предприятиям в Манчжурии. Мысль об изменении, а не об упразднении 16-й статьи содержится в японской ноте, переданной в Париже. Считаете ли вы приемлемым подобное изменение 16-й статьи вместо ее упразднения, указанного в нашем меморандуме от [11 июля] 28 июня.

Кудашев.

№ 267. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 989 [2]. 30/17 июля 1911 г.

№ 2 [3].

Так как бывший шах вернулся в Персию вопреки неоднократно дававшимся ему русским и великобританским правительствами советам воздерживаться от каких-либо интриг в Персии, русское правительство признает, что он утратил свое право на пенсию, назначенную ему согласно протоколу. С другой стороны, русское правительство считает, что так как бывший шах находится на пер-

[1] См. № 185.

[2] Лит. копия. Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 45 (со стилистическими изменениями), где она помещена как продолжение тел. № 988 (№ 1).

[3] Тел. от 30/17 июля за № 988 (№ 1) (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 45) Нератов сообщал Поклевскому, что за № 2 ему передается «выработанный по соглашению с великобританским правительством текст заявления персидскому правительству относительно положения, которого Россия и Англия будут придерживаться в событиях, вызванных возвращением в Персию Мохамед-Али-шаха».

сидской территории, вмешательство со стороны русского правительства невозможно. Ввиду этого русское правительство заявляет, что оно не примет никакого участия в борьбе, которая, к несчастью, возникла в Персии [1].

Нератов.

№ 268. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Берлине Остен-Сакену.

Телеграмма № 990 [2]. 30/17 июля 1911 г.

С возвращением канцлера и Кидерлена из Свинемюнде [3] следует ожидать, что переговоры между Германией и Францией примут более решительный характер. Наши союзные отношения с Францией, что признавалось и в объяснениях Пурталеса со мной, побуждают нас близко интересоваться ходом этих переговоров, а в особенности дальнейшим их направлением. Мы убеждены, что две великие державы всегда могут найти приемлемый для каждой из них исход и что в настоящем случае как германское, так и французское правительства одушевлены желанием притти к соглашению. Но для этого несомненно важно, чтобы предлагаемое разрешение вопроса было приемлемо не только для правительств, но и для общественного мнения страны, а также для палат, которым, например во Франции, принадлежит решающий голос на случай изменения территориальных владений. Между тем поступающие... сведения о берлинских переговорах отнюдь не могут считаться успокоительными с этой точки зрения [4].

Повидимому, Кидерлен полагал до сих пор возможным требовать от Франции всю береговую часть Конго, уступая со своей стороны небольшие участки на севере от Камеруна, в коих Франция не нуждается, и не обещая признать за Францией прав [5] на мероприятия в Марокко, необходимые для водворения порядка в случае анархии. Таковое предложение не устанавливает полного невмешательства Германии в марокккские дела, а, с другой стороны, лишает Францию всей колонии Конго, теряющей всякое значение в случае уступки береговой полосы. Ясно, что в глазах общественного мнения и палат во Франции такое решение вопроса будет неприемлемо и что французское правительство должно будет его отвергнуть. Тогда создастся весьма тревожное положение для обеих держав, опасное, может быть, и для мира в Европе. Мы не можем допустить мысли, что это условие соответствовало бы намерениям германского правительства, и желали бы слышать от него успокоительное слово.

Ввиду того, что всякая проволочка может оказаться гибельной с точки зрения общего положения, я надеюсь, что вы найдете возможным незамедлительно переговорить с Кидерленом. Германское правительство хорошо знает о наших исключительно дружеских отношениях к нему, и оно, мы надеемся, не усмотрит в нашей инициативе по настоящему поводу шага, не отвечающего этим отношениям, а лишь диктуемого озабоченностью за спокойное течение переговоров. Наша инициатива подсказывается собственными словами Кидерлена, изъявившего готовность делиться с нами сведениями о ходе переговоров.

Способ и форма обмена мыслей с германским министром иностранных дел, конечно, предоставляется вашему выбору.

[Нератов.]

---

[1] Тел. от 2 авг./20 июля за № 635 Поклевский сообщил: «Вчера Барклаем и мной сделаны шахскому правительству письменные идентичные заявления относительно нашего невмешательства в предстоящую борьбу Мохамед-Али-шаха с нынешним правительством».

[2] Маш. копия, хранящаяся в делах б. росс. пос-ва в Берлине.

[3] В тел. от 28/15 июля за № 49 Остен-Сакен сообщал: «Вчера статс-секретарь отправился в Свинемюнде для встречи с императором».

[4] Тел. от 26/13 июля за № 79 Извольский сообщал: «За отсутствием де Сельва из Парижа, Бапст дал мне следующие сведения: переговоры в Берлине подвигаются весьма медленно; Германия, продолжая настаивать на своем требовании относительно Французского Конго, предлагает в обмен небольшую территорию со стороны Того. Предложение это вряд ли может содействовать разрешению вопроса».

[5] В царск. экз.: «обещая признать за Францией право».

№ 269. Временно управляющий министерством иностранных дел председательствующему в совете министров Коковцову.

Письмо № 828. 30/17 июля 1911 г.

Весьма секретно.

Весьма спешно.

М. г. Владимир Николаевич,

Ввиду того, что китайское правительство начинает понемногу распространять свою реформационную деятельность, сосредоточивавшуюся до сих пор главным образом во Внутренней Монголии, также и на Внешнюю, представители последней — духовный глава монгол хутухта и князья, опасаясь, что китайцы посягнут на автономные права, которые принадлежали монголам, собрали в Урге съезд, только-что теперь закончившийся[1].

На съезде этом, как констатирует наш консульский представитель в названном городе, решено обратиться к русскому правительству с просьбой о покровительстве и предложением принять Халху (Внешнюю Монголию) под протекторат России и для сего отправить депутацию в С.-Петербург. Хотя консул наш настоятельно советует обождать посылкой этой депутации до получения им инструкций от посланника в Пекине, однако, как явствует из только-что полученной телеграммы[2], выборные от князей и духовенства в составе князя первой степени Ханда-Дорчжи и помощника казначея хутухты Церен-Чимита, со свитой из 5 человек, тайно выехали [29] 16 июля в С.-Петербург.

Каково бы ни было решение императорского правительства по поводу отношения к возникшему среди монгол движению, но во всяком случае появление в настоящую минуту депутации, когда нами не подготовлена почва к использованию в наших интересах этого движения, является, по моему мнению, несвоевременным.

Я полагал бы поэтому наиболее целесообразным попытаться, не прибегая, конечно, к давлению, убедить депутацию, что возбужденное ими ходатайство, ввиду его важности, требует предварительного обсуждения и что прибытие их в С.-Петербург пока еще является излишним, для каковой цели следовало бы послать лицо, способное исполнить это ответственное поручение с надлежащим тактом. Считаю долгом прибавить, что кяхтинский пограничный комиссар, полковник Хитров, находится сейчас в командировке в Цицикаре.

Покорнейше прошу вас о вашем заключении и тех мерах, которые вы признаете возможным принять по предмету настоящего письма, не отказать меня срочно уведомить[3].

[Н е р а т о в.]

---

[1] См. № 260.

[2] Имеется в виду тел. Лавдовского от 29/16 июля за № 703, содержание которой изложено в публикуемом документе.

[3] В ответном письме от 3 августа/21 июля за № 3529 Коковцов высказывал опасения, «что искусственные меры по задержанию в пути монгольских князей могут произвести не малый шум и создать серьезные осложнения». Поэтому Коковцов считал целесообразным вступить в переговоры с депутацией по приезде ее в Петербург и «здесь попытаться придать этому делу желательный для нас характер. При таких условиях оно могло бы даже, быть может, получить полезное для нас значение при предстоящих переговорах наших с Китаем».

Тел. от 9 авг./27 июля за № 1046 Нератов, извещая Коростовца, что вопрос об отношении росс. прав-ва к монг. делам будет обсуждаться в совете м-ров, высказывал следующие соображения: «Внутреннее положение Халхи само по себе не затрагивает наших жизненных интересов. Монгольский вопрос важен для нас как средство и должен быть использован нами при решении других политических задач наших в Китае. Настоящее движение в Халхе и посылка монгольской депутации в С.-Петербург дают нам повод указать пекинскому правительству, что волнения в пограничной с нами Монголии не могут не озабочивать императорское правительство и принудят нас принять соответствующие меры на границе, которые неизбежно поведут к росту противокитайского движения среди монголов. Таким образом мы можем рассчитывать создать почву для переговоров с пекинским правительством по монгольскому вопросу и для некоторого влияния на его монгольскую политику».

№ 270. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 503. 30/17 июля 1911 г.

Копии в Вену и Цетинье.

Дополнение к моей телеграмме № 501 [1]. Ссылаюсь на вашу телеграмму № 962 [2]. Австро-венгерский посол прочел мне сегодня свою инструкцию, соответствующую вашей телеграмме № 962, о которой я его осведомил. После предварительного обмена мыслей мы пришли к следующим заключениям. За последние дни увеличились шансы мира между Черногорией и Турцией. Обсуждение вопроса о медиации несвоевременно. Надлежит выждать спокойно результат прямых черногорско-турецких переговоров. Если они удадутся, — вопрос исчерпан. Если не удадутся, — станет известно, почему. Тогда следует ожидать обращения Турции к державам о прекращении недружелюбных поступков Черногории. Но речь нового главнокомандующего Абдула-паши, обнародованная вчера, так провокационна против Черногории, что дает основание для европейского воздействия и в Константинополе. Содержание турецко-черногорских переговоров неизвестно австро-венгерскому послу. Зато министр иностранных дел заявил ему и итальянскому послу, что даже после истечения срока перемирия в четверг [3] турки не откроют огня против малиссоров. Это решение благоприятно миру. Ввиду отъезда итальянского посла обожду сообщения от его заместителя по рассматриваемому вопросу. Во всем этом деле перевес, видимо, на нашей стороне.

Чарыков.

№ 271. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 81. 31/18 июля 1911 г.

Де Сельв, с которым я только-что виделся, серьезно обеспокоен ходом переговоров в Берлине. В прошлую пятницу [4] Кидерлен заявил раздраженным тоном Камбону, что ввиду разглашений печати [5] достоинство Германии не позволит ей отступить от поставленных ею требований. В результате этого разговора дело представлялось в следующем виде: Германия требовала уступки ей всего Французского Конго от течения реки Санга до моря, предлагая, со своей стороны, уступить Франции колонию Того. Франция предлагала исправление границы со стороны Северного Конго, отказывалась от Того и была готова приискать добавочные компенсации в пределах других колониальных своих владений. Кидерлен отказался от рассмотрения этих предложений и заявил, что представит дело императору Вильгельму. Сейчас здесь еще ничего неизвестно о результатах доклада в Свинемюнде, но в течение дня ожидают известий от Камбона. Обещая тотчас сообщить мне эти известия, де Сельв высказал мне, что ныне наступил критический момент переговоров, что французское правительство ни в каком случае не может допустить уступки всего Конго, на что никогда не согласится парламент, а потому, в случае дальнейшей несговорчивости Германии, следует предвидеть возможность прекращения переговоров и все могущие произойти от этого последствия. На мой вопрос, как он представляет себе дальнейшее течение дела

---

[1] Тел. от 29/16 июля за № 501 Чарыков, сообщая Нератову о продолжающихся турецко-черног. переговорах, отмечал: «Порта находит несвоевременным заключение политического договора, но не отказывается закрепить письменно свои экономические уступки касательно Скутарийского озера и железной дороги Скутари — Антивари. Обсуждается также в примирительном духе вопрос о форме, в которой условия, о коих турецкий посланник в Цетинье письменно известит малиссорских главарей, могут быть сообщены королю Николаю».

[2] См. № 252.

[3] 3 августа/21 июля.

[4] 28/15 июля.

[5] 19/6 июля в «Matin» была напечатана статья под заголовком «Les négociations franco-allemandes n'avancent pas. Les prétentions allemandes sont inacceptables» («Франко-германские переговоры не подвигаются. Германские требования неприемлемы»). В статье были приведены выдержки из беседы Камбона с Кидерленом.

в случае прекращения переговоров, де Сельв сказал мне, что в таком случае вопрос должен поступить на обсуждение держав, подписавших Алжесирасский акт, т. е. вероятно новой конференции. В разговоре де Сельв высказал, что французское правительство обязано теперь же считаться с возможностью военных действий и что военный министр республики вероятно вступит по этому поводу в обмен мыслей с нашим генеральным штабом.

Извольский.

№ 272. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 182. 31/18 июля 1911 г.

По словам де Сельва, Жоржу Луи еще в субботу [1] было предписано ознакомить вас с обстоятельствами, изложенными в предыдущей моей телеграмме. Сегодня утром от него получена телеграмма, произведшая здесь весьма отрадное впечатление. Он доносит, что виделся с вами, что вы вполне признали серьезность положения и, несмотря на отсутствие государя императора, высказали ему, что вам достаточно известны мысли его императорского величества, чтобы не сомневаться в том, что голос России будет услышан при нынешних обстоятельствах с полной определенностью [2].

Извольский.

№ 273. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 624 [3]. 31/18 июля 1911 г.

Получил № 972 [4].

Министр иностранных дел принял к сведению сделанное мною третьего же дня заявление относительно Стокса, причем он заметил, что дело о контракте последнего зашло уже очень далеко до его вступления в должность. В тот же день утром меджлис вотировал в пользу Стокса пенсию в 250 ф. ст. в год по истечении или же на случай нарушения его контракта, и вчера Стокс официально подал Барклаю прошение об отставке. Ввиду этого поступление его на персидскую службу можно, мне кажется, считать состоявшимся. Прошу указаний, как я должен формулировать требование компенсации; так как функции Стокса могут быть также расширены на общую жандармерию или на другие войска, то, по моему мнению, нам надлежало бы заявить, что мы считаем шахское правительство обязанным пригласить русских офицеров для организации всякой вооруженной силы в Северной Персии, за исключением финансовой жандармерии [5].

Поклевский.

№ 274. Военный министр временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 3962. 31/18 июля 1911 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Препровождая при письме от [17] 4 сего июля, № 428 [6], копию проекта протокола соглашения, коим обусловливаются взаимоотношения наши с Францией,

[1] 29/16 июля.

[2] См. № 275.

[3] Частично опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 51, со стилистическими изменениями.

[4] См. № 257.

[5] Тел. от 3 авг./21 июля за № 645 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 75) Поклевский дополнительно сообщил, что, по доходящим до миссии слухам, «финансовая жандармерия будет, будто бы, состоять из 7 000 конных и пеших людей», и что, если эти слухи верны, то большая часть перс. вооруженных сил будет находиться под начальством Шустера и Стокса. «Мне кажется, — добавлял Поклевский, — что предъявляя требование о компенсациях, нам следовало бы настоять перед шахским правительством на точном определении числа, функций и географических границ деятельности финансовой жандармерии. Нам тоже надо иметь в виду возможность и даже вероятность отказа в компенсациях».

[6] См. № 202 и приложение к нему.

в случае участия последней в железнодорожном строительстве в Турции, ваше превосходительство изволите просить моего заключения по затронутым упомянутым протоколом вопросам.

Относительно железных дорог, проектируемых к постройке в *Европейской Турции*, указанное в пункте 1 отд. III А проекта протокола направление *Дунайско-Адриатической железной дороги* лишено каких бы то ни было военных для России и южного славянства выгод, так как эта линия на всем своем протяжении проходит глубоко на турецкой территории, обходя как Черногорию, так и турецкие области с сербским населением, вследствие чего направление это является удобным в стратегическом отношении для одной лишь Турции, при действиях ее как против Сербии, так и против Черногории.

Интересы России определяются в данном случае интересами названных славянских государств, обеспечение поддержки которых составляет одну из важнейших наших политических задач, между тем указанная трасса не позволит России установить непосредственную железнодорожную связь с Черногорией через Болгарию и Сербию.

Таким образом с военной точки зрения желательно изменить направление указанной линии, приняв, так называемый, «северный» ее вариант, примерно, Рашка — Беране — Антивари, с проведением линии по черногорской территории и с выходом ее к морю в черногорском порту.

Намечаемые к постройке дороги в пунктах 2, 3 и 4 отд. III А проекта протокола соглашения с военной точки зрения для России значения не имеют, за исключением участка дороги *болгарская граница — Иштиб — Градско*, который, облегчая возможной нашей союзнице — Болгарии — вторжение в пределы Западной Македонии, может отвечать известным русско-болгарским стратегическим интересам. Таким образом, все три направления железных дорог, указанные в пунктах 2, 3 и 4 отд. III А проекта протокола, с военной точки зрения не подлежат оспариванию.

Что же касается вопроса о железнодорожном строительстве в *Азиатской Турции*, то в целом ряде своих писем на имя министра иностранных дел и ваше [1] я уже имел честь неоднократно высказывать те принципы, которых придерживается военное ведомство в вопросе о постройке железных дорог в Азиатской Турции, а именно:

1) Всякое железнодорожное строительство в Азиатской Турции для нас невыгодно со стратегической точки зрения.

2) Особенно крайне нежелательно для нас проведение каких бы то ни было рельсовых путей в зоне к северу от линии Ангора — Кайсарие — Сивас — Харпут — Диарбекир — Ван.

3) На наше согласие на сооружение Самсун-Сивасской железной дороги следует смотреть, как на средство получения возможности оказывать задерживающее влияние на развитие железнодорожной сети Азиатской Турции.

В самом деле, до настоящего времени малоазиатская железнодорожная сеть была развита крайне слабо и сосредоточена лишь в западной части Анатолии. Ближайшие к нашей закавказской границе железнодорожные станции Ангора и Копия отстоят от нее почти на 1 000 верст, что, конечно, является (в случае столкновения с нами) одной из самых слабых сторон в деле боевой готовности турецкой армии. Поэтому всякое развитие железнодорожной сети в Малой Азии, могущее пополнить этот пробел и усилить там стратегическое положение Турции, для нас *нежелательно*.

Между тем проект протокола предусматривает «благосклонное» отношение наше не только к таким сравнительно мало вредным для нас линиям, каковой

[1] От [21] 8 сент. 1909 г. № 530/2607, от [27] 14 июля 1910 г. № 4009, от [24] 11 марта 1911 г. № 3295, от [1 мая] 18 апр. 1911 г. № 3513, от [24] 11 мая 1911 г. № 3573. [Прим. оригинала.]

Дата первого из перечисленных писем указана ошибочно. Следует читать: 1 окт./18 сент. Основные выводы писем изложены в публикуемом документе. Относительно двух последних писем см. также стр. 50, прим. 1 и стр. 51, прим. 1. Письма №№ 3513 и 3573 подписаны Поливановым.

является уже давно проектированная линия *Самсун — Сивас*, но и к таким явно вредным для нашего стратегического положения в Закавказье линиям, как магистраль Сивас — Харпут — Диарбекир — Ван и ее ветви: Дибре — Эрзерум и Силе — Иозгад, а равно и линия Трапезунд — Эрзерум.

Военное ведомство никак не может допустить возможности «благосклонного» отношения России к такому проекту железнодорожной сети, ибо, с постройкой названной магистрали и с проведением вышеуказанных ее ветвей, вся эта сеть дорог едва ли останется долго изолированной от ныне существующей Анатолийской сети и, несомненно, будет в ближайшем будущем соединена с ней постройкой линии Ангора — Иозгад, хотя бы самой Турцией, за собственный ее счет (по прямой линии всего лишь 80 верст).

С сооружением же этой последней линии будет осуществлена чрезвычайно важная в стратегическом отношении дорога Константинополь (Хайдар-паша) — Ангора — Иозгад — Сивас — Харпут — Диарбекир, весьма поднимающая боевую готовность Турции на кавказско-турецком театре войны: она ускорит сосредоточение главных масс турецкой армии к закавказскому фронту; облегчит снабжение турецкой армии всем необходимым как из Константинополя, так и из центра сил и средств Оттоманской империи — Анатолии; наконец она даст возможность туркам быстро перебрасывать свои войска, в зависимости от выяснившейся политической обстановки, из Европейской Турции к границе Кавказа и обратно.

С проведением в будущем названной железнодорожной магистрали (Хайдар-паша — Ангора — Иозгад — Сивас — Харпут — Диарбекир) осуществится, так называемый, северный вариант Багдадской железной дороги, против которого русское правительство в свое время энергично протестовало и в 1900 г. добилось известного соглашения с Портой по вопросу о железнодорожном строительстве в северной части Малой Азии и Армении [1].

Переходя к рассмотрению в отдельности каждой из проектированных ветвей названной магистрали, необходимо отметить:

а) Ветвь Силе—Иозгад неизбежно, как уже указано, ведет в будущем к смычке проектированной сети с существующими Анатолийскими железными дорогами.

б) Ветвь Дибре — Эрзингян — Эрзерум, ведущая в единственный укрепленный оплот передового театра — Эрзерум, — настолько для нас невыгодна, что не требуется даже доказательств этих невыгод.

в) Затем проект соглашения предусматривает продолжение линии от *Диарбекира к Битлису* и *Вану*. Это обстоятельство в весьма значительной мере еще усилит невыгодное для нас значение проектируемой магистрали, так как даст возможность туркам сосредоточить силы своей армии в Ванском районе для наступления как по крайне опасному для нас направлению через Агрыдаг к Александрополю, в обход крепости Карса и в тыл сосредоточения нашей армии, так и через тот же Агрыдаг по эриванскому направлению. Кроме того, линия Диарбекир — Битлис чрезвычайно облегчает выход Сирийского (8-го) турецкого корпуса из своего района для сосредоточения или к Эрзеруму, или в названных александропольском и эриванском направлениях.

г) Что же касается проектируемой линии от *Трапезунда к Эрзеруму*, то линия эта, отстоя от кавказской границы в расстоянии всего 100—150 верст и имея влияние, подобно Самсун-Сивасской линии, на оборону турками черноморского побережья, будет способствовать отчасти сосредоточению турецких войск к Эрзеруму, а, *главное*, — свяжет крепость Эрзерум с его портом на Черном море — Трапезундом, почему осуществление этой линии должно быть признано для нас крайне нежелательным.

д) Что касается северного участка проектируемой магистрали, т. е. от Самсуна до Сиваса, то значение его для нас менее важно (конечно, при условии, что все дело ограничится постройкой только одного участка Самсун — Сивас и дальнейшего продолжения его на Харпут не будет), так как этот участок отстоит от кавказской границы на 500 верст и, проходя в меридианном направлении, имеет

---

[1] См. стр. 1, прим. 2.

влияние лишь на оборону черноморского побережья в пределах Турции для отражения десанта русских войск, а на операции войск на передовом театре влияния не окажет.

Обращаясь далее к порядку осуществления постройки вышеприведенных линий, я не могу не остановиться на нижеследующем:

Отдел V проекта протокола, принимая во внимание единственно лишь финансовые и экономические интересы дорог, предусматривает осуществление постройки главной линии от Самсуна до Диарбекира с ветвями к Иозгаду и Токату в *кратчайший срок*, и лишь при постройке ветвей: Дибре — Эрзерум и Диарбекир — Ван и линии Трапезунд — Эрзерум предположено считаться с нашими военными интересами. Но дело в том, что только-что указанные ветви (за исключением линии Трапезунд — Эрзерум), без осуществления главной линии, и в *экономическом* и в *военном* отношениях будут иметь лишь *чисто местное, очень ограниченное* значение, а потому до постройки главной линии эти ветви едва ли когда-нибудь будут построены, но, несомненно, что постройка главной магистрали Самсун — Сивас — Харпут — Диарбекир повлечет за собой немедленную же постройку и этих ветвей; следовательно, «благосклонное» отношение с нашей стороны к постройке главной линии, что предусматривает отд. V проекта протокола, с точки зрения военного ведомства, является для интересов России решительно вредным.

Таким образом военное ведомство, на основании всех вышеприведенных причин, не может иметь к намечаемому проектом протокола железнодорожному строительству (за исключением Самсун-Сивасской железнодорожной линии, без продолжения ее на Харпут), другого отношения, как только совершенно отрицательного.

Тем не менее, считаясь с тем обстоятельством, что остановить на продолжительное время в независимом государстве железнодорожное строительство мы едва ли будем в состоянии, так как это строительство повелительно вызывается требованиями самой жизни, я продолжаю держаться уже не раз высказанного мной нижеследующего взгляда: для предупреждения сопряженного с развитием железнодорожной сети в Азиатской Турции ухудшения нашего стратегического положения на кавказско-турецком фронте нам следует, не ожидая осуществления сооружения в Малой Азии упомянутых железнодорожных линий, энергично приступить теперь же к наиболее интенсивному осуществлению уже проектированной кавказской сети железных дорог, дополнив эту сеть постройкой, в возможно ближайшем будущем, «Перевальной дороги», которая, как прямая, кратчайшая и безопасная в стратегическом отношении магистраль одна только и может прочно связать центр России с политическим, административным и военным центром Закавказья — г. Тифлисом, от которого уже, как от узла, расходятся железнодорожные линии к турецкой и персидской границам и к омывающим Кавказ двум морям, тогда как предполагаемая к сооружению «Черноморская» дорога совершенно не может почитаться за такую магистраль, так как она соединит Европейскую Россию с Тифлисом не прямым путем, а зигзагами, длиннее «Перевальной» и будет находиться под ударами с моря.

При этом, внимательно следя за развитием малоазиатских железных дорог, нам настоятельно необходимо неуклонно придерживаться принципа: на каждый километр турецких железных дорог, угрожающих нашему положению на Кавказе, отвечать постройкой нескольких километров рельсового пути на кавказском фронте.

Ввиду важности затронутого в письме вашего превосходительства от [17] 4 сего июля № 428 [1] вопроса, я, одновременно с сим, препровождаю копию настоящего моего письма председателю совета министров [2].

Примите и пр. В. Сухомлинов.

[1] См. № 202 и приложение к нему.

[2] В ответном письме от 4 авг./22 июля за № 488 Нератов выражал свое полное согласие со взглядами Сухомлинова, изложенными в публикуемом документе. При этом он отмечал,

№ 275. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

'/. 1 августа/19 июля 1911 г.

В воскресенье [1] утром экстренно просил у меня свидания французский посол, заявивший, что его правительство очень встревожено переговорами о Марокко и что после доклада императору Вильгельму о ходе последних очевидно предстоит решительное предложение со стороны Германии. Французское правительство считает долгом предупредить нас об этом ввиду уже проявленной несговорчивости Германии [2] и союзных наших отношений с Францией.

Вследствие создавшейся остроты положения я принял на себя решение спешно по телеграфу поручить российскому послу в Берлине переговорить с германским министром иностранных дел, придав этим переговорам возможно мягкую форму и не указывая при этом на обращение Франции к нам.

Текст помянутой телеграммы [3] графу Остен-Сакену приемлю смелость повергнуть у сего на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Нератов.

№ 276. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

'/. Телеграмма № 998 [4]. 1 августа/19 июля 1911 г.

Секретно.

Телеграмма № 81 [2] получена.

Графу Остен-Сакену поручено переговорить по нашей инициативе с Кидерленом по поводу создавшегося положения и опасных последствий. Луи об этом извещен. Пурталес говорит в успокоительном смысле.

[Нератов.]

№ 277. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

'/. Письмо [5]. 1 августа/19 июля 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Sir E. Grey m'avait prévenu il y a quelques jours qu'il me ferait parvenir la réponse que le gouvernement britannique venait de donner à la Sublime Porte au sujet des propositions du gouvernement ottoman pour la section du Golfe Persique du chemin de fer de Bagdad et l'augmentation des droits d'entrée turcs [6].

однако, что осуществление столь желательного для России северного направления Адриатической железной дороги уже невозможно: «В настоящее время соглашение о направлении линии через Мрдаре, Приштину, Призрен, Дибру на С.-Джиованни ди Медуа уже подписано и если удастся добиться согласия Порты на прямое соединение Призрена с С.-Джиованни ди Медуа, минуя Дибру, то это надо будет считать наиболее удачным разрешением вопроса». Относительно «благосклонного» отношения росс. прав-ва к железнодорожному строительству в Малой Азии Нератов давал следующие пояснения: «Хорошо понимая неотвратимость постройки железных дорог в Азиатской Турции, министерство иностранных дел могло лишь добиваться наиболее удобных в наших интересах условий осуществления таковой постройки. Таковыми условиями, по мнению министерства, являлось бы получение концессий французскими компаниями, участие русских капиталов в этом деле и непосредственный, по возможности, контроль и наблюдение за сооружением. Всего этого легко достичь подписанием особого соглашения с Францией, содержание которого уже известно вам. С этой лишь точки зрения министерство иностранных дел и может относиться «благосклонно» к турецкому малоазиатскому железнодорожному строительству».

[1] 30/17 июля.

[2] См. № 271.

[3] См. № 268.

[4] Царск. экз.

[5] Опубл. Siebert, II, S. 138, N 433.

[6] Содержание ответа англ. прав-ва Порте от 31/18 июля в основном изложено в публикуемом документе.

La proposition turque dont en son temps j'ai eu l'honneur de rendre compte[1] contenait le projet d'une nouvelle société à parts inégales. 40% étaient réservés à la Turquie et par 20% à l'Allemagne, à la France et à l'Angleterre. De cette façon l'Allemagne disposait indirectement de 60% de l'affaire.

La proposition anglaise substitue à cette combinaison celle de parts égales à ces mêmes quatre Puissances et une cinquième part pour la Russie, selon le désir exprimé par le gouvernement impérial, désir auquel le gouvernement britannique a fait dès le début l'accueil le plus favorable.

Il me semble difficile que ni le gouvernement turc, ni le gouvernement allemand donnent leur consentement aux nouvelles propositions anglaises.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Несколько дней назад сэр Э. Грей предупредил меня, что он сообщит мне ответ, только что данный английским правительством Высокой Порте на предложения оттоманского правительства об участке Багдадской железной дороги у Персидского залива и о повышении ввозных пошлин в Турции.

Турецкое предложение, о котором я имел честь сообщить в свое время, содержало проект создания нового общества с неравными долями, причем 40% предоставлялись Турции и по 20% — Германии, Франции и Англии. Таким образом Германия располагала косвенным образом 60% предприятия.

Английское предложение заменяет эту комбинацию другой, при которой этим же четырем державам предназначаются равные доли, а пятую долю получает Россия, согласно выраженному императорским правительством желанию, к которому английское правительство с самого начала отнеслось весьма благожелательно.

Мне кажется маловероятным, чтобы турецкое и германское правительства дали бы свое согласие на новые предложения Англии.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 278. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 51. 1 августа/19 июля 1911 г.

Reçu N 990[2]. Personnel.

Me suis assuré pour demain d'une entrevue avec Kiderlen. Ferai mon possible pour satisfaire aux désirs de votre excellence. Vous savez qu'une des conditions des pourparlers en cours entre Kiderlen et Cambon a été l'exclusion de tout tiers. Le tableau des concessions qui forment l'objet du marchandage entre les deux négociateurs change tous les jours, et le nouveau d'aujourd'hui devient une erreur le lendemain, ce qui oblige tant en Allemagne qu'en France à donner journellement des démentis aux informations fantastiques de la presse. Je présume que le contenu de votre télégramme d'hier a servi de thème de conversation entre vous et Pourtalès qui en aura rendu compte à son gouvermenent. C'était la vraie voie régulière pour faire entendre à Berlin des conseils de prudence et de raison sans qu'on puisse y voir un acte d'ingérence dans la marche des pourparlers. Imitant votre procédé si correct, je ne me permettrai de toucher avec Kiderlen une question aussi chatouilleuse qu'incidemment et avec la plus grande réserve. Pour éviter des questions indiscrètes, Kiderlen avait renoncé jusqu'ici avec persistance aux réceptions hebdomadaires diplomatiques. Comme impression générale il n'y a pas de doute qu'on ait de part et d'autre conscience de la nécessité d'en arriver de concession à concession à une solution pacifique. Jusqu'à présent les deux négociateurs ne sont pas encore à même d'en parler d'une manière certaine. La promesse de Kiderlen de nous tenir au courant visait évidemment des phases d'entente acquise[3].

Osten-Sacken.

---

[1] Имеется в виду письмо от 14/1 марта (опубл. Siebert, II, S. 60, N 374), содержание которого в основном изложено в публикуемом документе.

[2] См. № 268.

[3] Ответной тел. от 2 авг./20 июля за № 1005 Нератов сообщил Остен-Сакену: «В двух свиданиях с Пурталесом я навел разговор на марокккий вопрос, указав на беспокойство, которое внушают нам поступающие в печать известия о неудовлетворительном, будто бы, ходе

Перевод.

Лично.

Получил № 990.

Обеспечил себе на завтра свидание с Кидерленом. Сделаю возможное, чтобы выполнить пожелания вашего превосходительства. Вы знаете, что одним из условий переговоров, происходящих между Кидерленом и Камбоном, было устранение всякого третьего лица. Перечень уступок, составляющих предмет торга между двумя договаривающимися лицами, ежедневно меняется; то, что является новостью сегодня, становится ошибочным завтра. Это принуждает как Германию, так и Францию ежедневно давать опровержения фантастических сообщений прессы. Я предполагаю, что содержание вашей вчерашней телеграммы послужило темой для разговора между вами и Пурталесом, который, вероятно, осведомил о нем свое правительство. Это было настоящим правильным путем для того, чтобы заставить Берлин прислушаться к советам осторожности и благоразумия, не давая вместе с тем возможности видеть в них вмешательство в ход переговоров. Подражая вашему столь корректному образу действий, я позволю себе затронуть с Кидерленом столь щекотливый вопрос также лишь мимоходом и с величайшей сдержанностью. Во избежание нескромных вопросов, Кидерлен до сих пор упорно отказывался от еженедельных дипломатических приемов. Общее впечатление таково, что обе стороны убеждены, без сомнения, в необходимости притти путем постепенных уступок к мирному разрешению вопроса. До сих пор оба лица, ведущие переговоры, еще не могут говорить об этом определенно. Обещание Кидерлена держать нас в курсе касалось очевидно фазисов достигнутой договоренности.

Остен-Сакен.

№ 279. Поверенный в делах [1] в Стокгольме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 13. 1 августа/19 июля 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Несколько времени тому назад в здешних газетах появилось письмо стокгольмского представителя общества беспроволочного телеграфирования по системе Маркони, сетовавшего на то, что при введении теперь в шведском флоте улучшенного беспроволочного телеграфа, королевское правительство не приняло способа Маркони, а остановилось на системе «Телефункен».

В ответ на это письмо, начальник командной экспедиции шведского морского министерства, барон Спарре, поместил в газетах заявление о том, что шведские морские власти не нуждаются в заграничных фирмах для снабжения судов флота беспроволочным телеграфом, и предпочли систему «Телефункен», при которой все аппараты и приспособления могут быть сделаны дома.

Однако представитель Маркони не прекратил полемики и возразил морскому ведомству, что аппараты, как Маркони, так и «Телефункен», изготовляются за границей и что последние доставляются в Швецию из Германии.

Указание представителя Маркони на принятие в шведском флоте немецкой системы обеспокоило здешнего английского посланника, обратившегося ко мне с просьбой остановить на этом факте внимание нашего морского агента для выяснения технической стороны дела, недоступной для непосвященных лиц. При этом сэр Сесиль Спринг Райс сослался на то, что при здешней великобританской миссии нет постоянно живущего в Швеции морского агента. Английский представитель добавил, что у него сложилось впечатление, что между шведским и германским морскими штабами существует гораздо более тесное общение, чем даже между сухопутными армиями этих стран, и что все справки надо наводить очень осторожно, так как «все сказанное здесь передается в Берлин».

Лучшим же доказательством единения обоих флотов является, по словам сэра Сесиля, прикомандирование на один год офицера шведского морского генерального штаба, капитана (по нашему — старшего лейтенанта) Класа Олефа Линдстрёма, к германскому флоту. По слухам, названный офицер состоит теперь в штабе германского адмирала, командующего флотом.

переговоров в Берлине. Не сомневаюсь в желании обоих правительств найти выход, прибавил я, но приходится считаться с общественным мнением и в особенности с палатами. Пурталес, уезжающий сегодня на неделю, отозвался оба раза в успокоительном смысле. Французское правительство опасается за последствия, если переговоры не подвинутся вскоре вперед».

[1] 4 июля/21 июня Нарышкин уехал в отпуск, сдав управление миссией Мясоедову.

По мнению нашего морского агента, коему я не преминул передать свой разговор с английским посланником, введение на шведских судах той же системы беспроволочного телеграфирования, что и в Германии, не может еще считаться доказательством близких сношений между обоими флотами. Система «Телефункен», очень совершенная, принята во многих других флотах, в том числе и в нашем.

Гораздо более серьезным показателем тесной дружбы на море между Германией и Швецией является, по словам старшего лейтенанта графа Келлера, прикомандирование вышеназванного шведского офицера к германскому флоту. По принятым всюду правилам, иностранные офицеры не допускаются к службе на военные суда. Исключения делаются лишь в крайних случаях и только для союзников.

Однако сведения эти не могут быть для наших военных властей чем-либо новым или неожиданным. Как в сухопутном, так и в морском наших генеральных штабах, при подсчете германских военных сил, учитывается всегда подкрепление их шведскими армией и флотом.

Весьма вероятно, что того же способа подсчета сил германского флота придерживается и великобританское правительство, всегда столь осторожное. Мне сдается также, что все это едва ли оставалось до сего времени неизвестным здешнему английскому представителю, а потому проявленное им теперь некоторое беспокойство представляется для меня мало объяснимым.

Примите и пр.

Мясоедов.

№ 280. Временно управляющий министерством иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 834. 2 августа/20 июля 1911 г.

М. г. Владимир Николаевич,

Получив письмо вашего высокопревосходительства от [25] 12 сего июля за № 447 [1] по поводу заявлений, сделанных манчжурским генерал-губернатором в разговоре с редактором газеты «Юань-дунь-бао», я счел необходимым передать содержание этого письма по телеграфу посланнику нашему в Пекине [2] с целью проверить, какое значение придает он этим важным, но столь необычным путем доводимым до сведения правительства мыслям китайского сановника.

В ответной телеграмме действительный статский советник Коростовец [3], не отрицая наличности среди влиятельных кругов Пекина течения в пользу сближения с Россией, подтверждает однако, что все беседы его по этому поводу никогда не выходили за пределы теоретических рассуждений об обоюдной пользе такого сближения. Возможно поэтому, что и в этот раз Чжао Эрр-сюнь высказывал лишь академические пожелания, которым г. Спицын, не обладающий достаточным опытом в этой сфере, невольно придал более широкое значение. Я полагаю ввиду сего, что, не имея полной уверенности в действительных намерениях генерал-губернатора, мы должны проявить здесь особую осторожность, во избежание возможных недоразумений. Но и независимо от сего, предложения китайского сановника, — допустив, что г. Спицын правильно усвоил себе их сущность, — возбуждают у нас весьма серьезные сомнения. Политика Китая в Манчжурии стремится использовать предполагаемое ею соперничество между Россией и Японией и ищет создать поводы к обострению этого соперничества. Невольно является мысль, не в этом ли кроется истинный смысл последнего выступления Чжао Эрр-сюня. Соображение это подкрепляется как вынесенным г. Спицыным впечатлением, что собеседник намекал ему на желательность союза России, Китая и Америки, без упоминания о Японии, так, в особенности, самым выбором способа для проведения своей мысли. Если бы генерал-губернатор действовал в общепринятом порядке, т.-е. прибег, хотя бы в фазе предварительного зондирования почвы, к дипломатическому пути, то заявления его приняли бы офи-

[1] См. стр. 262, прим. 5.
[2] См. № 246.
[3] См. № 265.

циальный характер и до известной степени связывали бы китайское правительство; тогда как теперь, если мы пойдем навстречу его авансам, Китай может уклониться от серьезных переговоров, а в то же время распространять под рукой сведения о каких-то попытках России через особых агентов вступить с ним в сепаратное соглашение. Ваше высокопревосходительство конечно согласитесь, что как ни желательно установление самых дружественных и добрососедских отношений с Китаем, — к чему мы всемерно и стремимся, — однако основой нашей политики на Дальнем Востоке является ряд соглашений с Японией и еще более создавшаяся общность действий по основным вопросам международной жизни в Манчжурии. Подвергать риску этот главный фактор нашего спокойствия и безопасности на Дальнем Востоке из-за весьма проблематических выгод, обещаемых единоличным сближением с Китаем, едва ли осторожно.

Я покорнейше просил бы поэтому ваше высокопревосходительство, если вы признаете нужным повергнуть на благовоззрение государя императора телеграмму генерала Хорвата, довести до высочайшего сведения и те соображения, которые я имел честь развить в этом письме.

Рассматривая с той же точки зрения и предположение ваше командировать генерала Хорвата в Мукден для свидания с генерал-губернатором, я, в согласии с мнением посланника, не нахожу особых к тому препятствий, но думаю, что в это дело должен быть внесен крайний такт и осторожность. Обмен мнений должен быть, как мне кажется, поставлен исключительно на почву специальных интересов Китайской Восточной железной дороги. Если бы Чжао вернулся к затронутой им со Спицыным теме, то управляющий дорогой мог бы ответить, что он не уполномочен касаться такого вопроса общего принципиального значения, относительно которого к тому же китайское правительство несомненно вошло в сношения с императорским правительством установленным дипломатическим путем. Затем, принимая во внимание, что главной целью свидания генерала Хорвата с китайским сановником является установление личных дружественных отношений, я думал бы, что упоминание в общей форме о том, что недоразумения шли всегда со стороны китайских властей, было бы предпочтительно избежать, и лишь если бы зашла речь об определенных нарушениях интересов дороги, управляющий мог бы разъяснить их причины и наметить способы устранения.

В заключение не могу не указать на желательность более тесного общения между управляющим Китайской Восточной железной дороги и посланником в Пекине, близко и всесторонне осведомленного в политическом положении Китая и в преследуемых нами в этой стране политических задачах. При таком общении генерал-майор Хорват не мог бы оказаться в щекотливом положении, в случае подобных настоящему обращений к нему китайских сановников [1].

Примите и пр.

[Н е р а т о в.]

---

[1] В ответном письме от 11 авг./29 июля за № 486 Коковцов, полностью соглашаясь с мнением Нератова, сообщал, что, командируя Хорвата в Мукден, он дал последнему указания, согласованные с замечаниями, изложенными в публикуемом письме.

Тел. от 12 окт./29 сент. за № 2532 Хорват сообщал м-ру финансов о своей беседе с вице-королем. Хорват заявил вице-королю, что предложения, переданные последним Спицыну, недостаточно ясны и поэтому не могли быть переданы Хорватом в Петербург. Вице-король, подтвердив желание кит. прав-ва заключить союзный договор с Россией, ответил, что избрал Хорвата посредником в этом деле «именно потому, что до официальных переговоров желал узнать частным образом, может ли иметь успех предложение Китая». На это, в соответствии с указаниями Коковцова, Хорват ответил: «Мое личное мнение таково, что Россия желает одного только мира и дружественных отношений к ней Китая и Японии и считает мир на Востоке обеспеченным, а потому мне кажется, что какой-либо союз России на Востоке едва ли необходим», и добавил, «что если будут улажены все вопросы, затронутые мартовским ультиматумом, что если в Монголии не будет вестись политика вытеснения русской торговли, не будут сосредоточиваться войска к линии нашей дороги, что если у России, наравне с прочими державами, будут сделаны займы, то я лично, зная миролюбие России и ее желание сближения с Китаем, убежден, что по урегулировании всех вышеозначенных вопросов возникнет сама собой идея близости и солидарности действий. Пока же Россия желает только спокойно и беспрепятственно пользоваться тем, что ей обеспечено договорами». На заявление вице-короля, что «Россия и Китай граничат на таком огромном пространстве, при котором невоз-

№ 281. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 2 августа/20 июля 1911 г.

Cher Анатолий Анатольевич,

Je n'ai que juste le temps d'ajouter un mot au sujet de ma longue lettre sur les rapports récents entre l'Allemagne et l'Angleterre [1]. Grey m'a tout spécialement recommandé de traiter ce sujet extrêmement secrètement. La raison est que si le langage énergique de Grey, et il l'a été étrangement, s'ébruitait le moins du monde, le gouvernement allemand serait mis en une situation d'amour-propre extrêmement difficile et nuisible à la marche des négociations. Cambon est absolument du même avis, et même n'en a pas dit autant à son gouvernement que je vous en dis.

Il est utile selon Grey et Cambon, et je partage leur sentiment, de laisser à l'empereur Guillaume d'[être] [2] celui qui a tempéré les choses, ce qui du reste à un certain point de vue est légitime.

Un mot encore tout personnel. Les fatigues de ce couronnement, de la chaleur de juillet et des préoccupations m'ont cette fois un peu atteint, et j'aimerais, si possible, quitter Londres pour la Russie vers le 20 août nouv. st. Voulez vous me rendre le service de solliciter un congé pour moi auprès de notre auguste maître. Je ne profiterai, bien entendu, que si la marche des événements le permet. Mais [si] le congé est accordé, je puis profiter des circonstances.

Veuillez me croire bien sincèrement à vous

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Я успею прибавить всего лишь несколько слов по поводу моего длинного письма об отношениях между Германией и Англией за последнее время. Грей специально рекомендовал мне считать эту тему сугубо секретной. Причина та, что если бы энергичный тон Грея (а он был до странности таковым) получил малейшую огласку, то германское правительство оказалось бы в положении, чрезвычайно тяжелом для его самолюбия и вредном для хода переговоров. Камбон совершенно того же мнения и даже не сообщил своему правительству всего того, что я передаю вам.

По мнению Грея и Камбона, с которым согласен и я, полезно предоставить императору Вильгельму быть тем, кто оказал сдерживающее влияние, что, впрочем, до известной степени и правильно.

Еще несколько слов чисто личного характера. Эта утомительная коронация, июльская жара и заботы на этот раз немного повлияли на мое здоровье и мне хотелось бы, если возможно, уехать из Лондона в Россию около 20 августа н. ст. Соблаговолите оказать мне услугу и исходатайствовать для меня отпуск у нашего августейшего повелителя. Понятно, что я им воспользуюсь только, если это допустит ход событий. Но раз будет разрешен отпуск, мне можно будет воспользоваться обстоятельствами.

Искренно преданный вам

Бенкендорф.

№ 282. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 85. 2 августа/20 июля 1911 г.

Секретно.

Получил телеграмму № 998 [3].

Де Сельв только-что прочел мне телеграмму Камбона о вчерашнем свидании с Кидерленом, из коей явствует, что в положении переговоров... Кидерлен начал с того, что заявил о крайнем неудовольствии императора Вильгельма на статьи некоторых французских газет, коснувшихся его личности. Вслед за сим

можны какие-либо враждебные выступления, и что России и Китаю необходим союз», Хорват указал, что он только железнодорожный деятель, а обсуждение этого вопроса, по его мнению, должно вестись дипломатическим путем.

Тел. от 18/5 окт. за № 631 Коростовец сообщал: «Объяснение генерала Хорвата с манчжурским генерал-губернатором, даже независимо от настоящего положения дел в Китае, не считаю серьезным».

[1] Соответствующее письмо Бенкендорфа в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] В оригинале неразборчивое слово.

[3] См. № 276.

он однако отступил от прежней несговорчивости и согласился обсудить французские контрпредложения. Камбон предложил: исправление границы между Камеруном и Конго в северной ее части и уступку одного из французских островов в Полинезии или Индийском океане при условии полного устранения вопроса о приморском Конго и Того. Кидерлен возразил, что для Германии важно получить доступ к морскому берегу, а главное — к реке Конго. Не настаивая на прежнем требовании уступки всего Конго, он указал на морское побережье между портом Либревиль и Имио-дель-Муни [1], но не определил точным образом, как он понимает доступ к реке Конго. Что касается Марокко, он заявил о готовности Германии признать также права Франции в самом широком смысле. На вопрос Камбона, означает ли это признание французского протектората, Кидерлен ответил, что из соображений международного свойства это слово не должно быть употреблено, но что это лишь вопрос редакции будущего соглашения, которое во всяком случае должно быть представлено на утверждение держав, подписавших Алжесирасский акт. На этом последнем пункте особенно настаивает Франция. Разговор между Камбоном и Кидерленом возобновится лишь через несколько дней после взаимного изучения вышеизложенных предложений. Де Сельв видимо облегчен оборотом дела, подающим надежду на соглашение, и искренно благодарен России за предпринятые шаги в Берлине.

Извольский.

№ 283. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 52. 2 августа/20 июля 1911 г.

Suite à mon N 51 [2].

Je sors d'une très longue entrevue avec Kiderlen. En résumerai la teneur dans ces lignes, réservant les détails au courrier de vendredi [3]. Kiderlen me charge de vous dire combien l'attitude de la Russie dans l'affaire du Maroc a été jusqu'ici correcte. «Si l'Angleterre, — a-t-il ajouté, — avait imité le Cabinet de Pétersbourg, nous serions bien plus avancés dans nos pourparlers avec la France». Le secrétaire d'Etat ne serait pas pessimiste quant aux résultats définitifs des pourparlers, si la France cessait de menacer l'Allemagne de ses alliances et si elle maintenait plus sévèrement le secret convenu sur les négociations en cours. Il serait désirable que la France s'en rendît compte ou que ses amis le lui fassent comprendre. Pour ce qui est de l'état actuel des négociations je n'ai pas manqué de traduire à Kiderlen les réflexions qu'elles vous suggèrent [4]. Le secrétaire d'Etat m'a répondu que les pourparlers étaient encore dans la phase de compensations proposées et rejetées. Hier Cambon est venu avec de nouveaux projets de compensation. La proposition d'abandonner ses prétentions dans le Maroc contre des équivalents dans le Congo français mentionnés dans votre télégramme, avait été formulée par le Cabinet de Berlin dans l'intention d'écarter à tout jamais des frictions avec la France au sujet du Maroc. La France semble préférer un système de marchandage, ce qui rend, au dire de Kiderlen, les négociations extrêmement pénibles. Le danger de la situation gît pour Kiderlen dans la manière de représenter l'Allemagne devant l'opinion publique européenne comme pliante devant la menace des secours que trouverait la France dans l'appui de ses alliés. L'entrevue du secrétaire d'Etat avec l'empereur à Swinemunde ne lui a laissé aucun doute sur ce que sa majesté n'était pas d'humeur à prendre avec indifférence ces provocations continuelles de la presse française.

Osten-Sacken.

Перевод.

Продолжение моей телеграммы № 51.

Я только что имел продолжительное свидание с Кидерленом. Резюмирую его содержание в этих строках, откладывая изложение подробностей до почты, отправляющейся в пятницу.

[1] Так в оригинале. Следует читать: «Рио-дель-Муни».
[2] См. № 278.
[3] 4 авг./22 июля (см. № 287).
[4] См. № 268.

Кидерлен поручил мне сказать вам, насколько позиция России в марокканском вопросе была до сих пор корректна. «Если бы Англия, — добавил он, — следовала примеру петербургского кабинета, мы подвинулись бы гораздо дальше в наших переговорах с Францией». Статс-секретарь не смотрел бы пессимистично на окончательные результаты переговоров, если бы Франция перестала угрожать Германии своими союзами и если бы она более строго соблюдала обусловленную секретность происходящих переговоров. Было бы желательно, чтобы Франция отдала себе в этом отчет, или чтобы ее друзья дали ей это понять. Что касается нынешнего положения переговоров, то я не преминул передать Кидерлену размышления, которые они у вас вызывают. Статс-секретарь ответил мне, что переговоры находятся еще в стадии предлагаемых и отклоняемых компенсаций. Вчера Камбон явился с новыми проектами компенсации. Предложение отказаться от притязаний в Марокко в обмен на эквиваленты во французском Конго, упомянутые в вашей телеграмме, было сделано берлинским кабинетом с намерением устранить навсегда трения с Францией по поводу Марокко. Франция, по-видимому, предпочитает систему торга, что, по словам Кидерлена, делает переговоры весьма тягостными. Опасность положения коренится, по мнению Кидерлена, в том, что перед европейским общественным мнением Германию изображают страной, идущей на уступки под угрозой той помощи, которую Франция имела бы со стороны союзников. Свидание статс-секретаря с императором в Свинемюнде не оставило в нем никакого сомнения в том, что его величество не склонен равнодушно терпеть постоянные провокации французской печати.

Остен-Сакен.

№ 284. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 509. 2 августа/20 июля 1911 г.

Копии в Париж, Вену, Цетинье.

Дополнение к моей телеграмме № 504 [1]. Ссылаюсь на мою телеграмму № 503 [2].

Мартино [3] получил и сообщил мне сегодня инструкцию, соответствующую вашей телеграмме № 962 [4]. Припомнив известное соглашение с Титтони, остающееся, видимо, в полной силе, мы после предварительного обмена мыслей пришли к тем же заключениям, что с австро-венгерским послом, и обождем исхода прямых черногорско-турецких переговоров. Они близятся к благоприятному концу. Порта согласилась констатировать обменом нот завтра свои благоприятные экономическим интересам Черногории решения о Скутарийском озере и о железной дороге к Антивари. Взамен просит лишь, чтобы король Николай удовольствовался уже порученным турецкому посланнику извещением его об условиях, дарованных малиссорам [5], и не настаивал на официальном их сообщении. Настала решительная минута всего кризиса. Дальше Турция не пойдет и предпочтет войну, к которой вполне подготовилась. Необходимо, чтобы черногорское правительство вполне уяснило себе истинное положение дела и не навлекло на себя осуждения и давления держав за вызов, брошенный без достаточного основания их настояниям на сохранении мира. Практическим выражением обеспеченности мира должно явиться одновременное с вышеупомянутым обменом нот возвращение на родину нескольких крупных групп малиссоров. Рифаат-паша рассчитывает, что при успешном ходе этой операции она закончится в 3 месяца.

Чарыков.

№ 285. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Письмо. 3 августа/21 июля 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Телеграммой от 28/15 сего июля я имел честь уведомить вас о заключении между Францией и Испанией временного modus vivendi касательно марокканских

[1] Содержание тел. Чарыкова от 31/18 июля за № 504 в основном изложено в публикуемом документе.

[2] См. № 270.

[3] Итал. поверенный в делах в К-поле.

[4] См. № 252.

[5] См. № 234.

дел или, лучше сказать, касательно положения в части марокккской территории, недавно занятой испанцами [1].

Соглашение это заключается в следующем:

1) Испанские военные власти в Эль-Ксаре не будут более вербовать дезертиров шерифских войск и возвратят лошадей и оружие, отобранные ими до сих пор от сказанных дезертиров.

2) Европейцы, снабженные свидетельствами своего дипломатического или консульского представителя, будут свободно, и сохраняя свое оружие, циркулировать в занятых испанцами местностях.

3) Шерифская мегалла будет пребывать на левом берегу реки Луккос. Если ей понадобится перейти на другой берег, об этом будут извещены испанские власти.

Важность этого соглашения заключается в том, что в силу его Франция в первый раз как бы признает занятое испанцами фактическое положение в Эль-Ксаре и его окрестностях. Это указывает на несомненное желание г. де Сельва не на словах только, как его предшественник, пойти навстречу испанским пожеланиям. Кроме того, этим путем будут устранены поводы к постоянным трениям и инцидентам между французами и испанцами в Северном Марокко. Во всяком случае, повидимому, французское и испанское правительства ныне убедились в необходимости сговориться по марокккским делам, и можно надеяться, что нынешний modus vivendi послужит отправной точкой для заключения более общего соглашения.

Примите и пр. Извольский.

№ 286. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 3 августа/21 июля 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Как я уже имел честь уведомить ваше превосходительство телеграммой от [11 июля] 28 мин. июня за № 46 [2], я в сказанный день сделал германскому статс-секретарю по иностранным делам предписанное сообщение касательно статьи 16-й контракта, заключенного между китайским правительством и англо-франко-германско-американским синдикатом.

Сегодня г. фон Кидерлен сообщил мне, что германский посол в Лондоне был осведомлен сэром Эдуардом Греем о том, что участвующие в китайском займе группы готовы изъявить свое согласие на толкование упомянутой статьи в смысле непризнания за синдикатом каких бы то ни было монопольных преимуществ.

Хотя в глазах германского статс-секретаря является несколько странным требование от китайского правительства ограничительного толкования 16-й статьи контракта при ее сохранении, г. фон. Кидерлен сказал, что германское правительство присоединится в этом вопросе к решению прочих заинтересованных держав.

Форма официального уведомления о сем императорского правительства, по словам фон Кидерлена, еще не условлена, но он намекнул на возможность коллективного ответа.

Примите и пр. Гр. Остен-Сакен.

№ 287. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [3]. 3 августа/21 июля 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к моей секретной телеграмме за № 52 [4] возвращаюсь к моему

[1] Тел. от 28/15 июля за № 80 Извольский сообщал, что указанный modus vivendi был установлен в Сан-Себастиано 27/14 июля.

[2] См. стр. 202, прим. 3.

[3] Черновой отпуск, хранящийся в делах б. росс. пос-ва в Берлине.

[4] См. № 283.

*

продолжительному разговору с германским статс-секретарем по иностранным делам касательно марокского вопроса.

Ваше превосходительство уже осведомлены, насколько г. фон Кидерлен высоко ценит дружелюбное и корректное отношение наше к настоящим переговорам между Германией и Францией.

По словам статс-секретаря, положение далеко еще не выяснено. Первоначальным его намерением было, оставив в стороне все ни к чему не ведущие пререкания насчет прошлого, предложить парижскому кабинету обменяться африканскими владениями, выговаривая в свою пользу часть Французского Конго взамен признания за Францией ее преобладающего политического влияния в Марокко. Германия требовала бы от Франции в Марокко лишь обеспечения своих экономических интересов.

По словам фон Кидерлена, французская пресса немедленно стала приписывать Германии чрезмерные вожделения на весь Французский Конго и взывать к дружественной помощи Англии.

Ответом явилась язвительная речь Ллойд-Джорджа [1], которая вызвала всюду в Германии чувство глубокой обиды, и до тех пор спокойное немецкое общественное мнение стало требовать энергичного отпора. Даже более мягкое выступление Асквита [2] в нижней палате не сгладило этого впечатления.

Все это, по словам фон Кидерлена, затормозило начатые с Камбоном переговоры и затруднило возможность скорого и примирительного соглашения.

В настоящее время переговоры приняли характер полного торгашества. В минувший вторник [3] Камбон представил германскому статс-секретарю новые предложения, которые будут предметом дальнейшего изучения со стороны берлинского кабинета.

Не обмолвившись о сути последних, г. фон Кидерлен сильно восставал против несоблюдения условленной тайны со стороны Франции по отношению к ее печати, между тем как немецкая пресса, не находя возможности осведомления у берлинских официальных источников, должна ограничиваться воспроизведением всех фантастических статей английских и французских публицистов.

Выслушав опасения, изложенные в вашей телеграмме касательно неприемлемости для французского общественного мнения и парламента немецких предложений [4], статс-секретарь не оспаривал их, но выразил надежду на благоприятный исход переговоров, если только Франция откажется от постоянного запугивания немецкого общественного мнения заступничеством своих мощных союзников.

Подобные условия весьма осложняют переговоры, которые по первоначальному взаимному соглашению должны были вестись исключительно между Германией и Францией.

---

[1] В речи, произнесенной 21/8 июля на банкете банковских деятелей в Mansion-House, Ллойд-Джордж заявил: «Я должен также сказать следующее: я считаю необходимым, в высших интересах не только Англии, но и всего мира, чтобы Англия при всех условиях сохранила свое место и свой престиж среди великих держав мира. Ее могущественное влияние в прошлом не раз оказывалось неоценимым для дела свободы человечества и может быть таковым и в будущем. Влияние Англии в прошлом не раз спасало народы континента, которые иногда готовы забывать об этом, от катастрофы и даже от полного национального уничтожения. Я пошел бы на большие жертвы для того, чтобы сохранить мир. Я считаю, что ничто не может оправдать нарушение международного мира за исключением вопросов крупнейшего национального значения. Но если бы мы были поставлены в такое положение, при котором сохранение мира зависело от сдачи нами той великой и благотворной позиции, которую Англия завоевала в течение столетий героических достижений, при котором сохранение мира требовало бы допустить такое отношение к Англии в тех случаях, когда затрагиваются ее жизненные интересы, как если бы Англия не имела никакого веса в совете народов, то в этом случае я заявляю со всей настойчивостью, что мир этой ценой являлся бы нестерпимым унижением для такой великой страны, как наша. Честь нации не вопрос партийной политики. Безопасность нашей великой международной торговли не вопрос партийной политики. Международный мир лучше будет обеспечен, если все нации ясно поймут, каковы должны быть условия сохранения мира». (Brit. Doc., V. VII, p. 391, N 412.)

[2] См. стр. 270, прим. 1.

[3] 1 авг./19 июля.

[4] См. № 268.

Коснувшись весьма сдержанно своего недавнего свидания с императором в Свинемюнде, г. фон Кидерлен заметил, что его величество относится далеко не равнодушно ко всем недоброжелательным отголоскам французской и английской печати.

В заключение не могу не высказать своего убеждения, что, судя по всем имеющимся налицо признакам как в самой Германии, так и вне ее, опасение какого-либо европейского военного столкновения из-за марокканского вопроса является по меньшей мере преувеличенным.

Примите и пр. [Остен-Сакен.]

№ 288. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 3 августа/21 июля 1911 г.

Личное и весьма секретное.

Многоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Пользуясь высочайше разрешенным мне отпуском, я покидаю Вену через неделю и еду в Берхтесгаден к семье.

Позвольте мне воспользоваться курьером, чтобы сообщить вам весьма доверительно последний мой разговор с герцогом Аварна, с которым я нахожусь в самых близких отношениях. Как вы усмотрели из моего доверительного письма от 19/6 июля [1], итальянский посол говорит со мною с большой откровенностью. Он находит, что наши интересы на Ближнем Востоке сходны, мы преследуем ту же цель, Италия относится с таким же недоверием к руководителю здешней политики, пограничные инциденты между Италией и Австрией столь же частые, как между Россией и Австрией, тем не менее итальянское правительство вполне целесообразно решило, что единственное средство для сохранения мира при нынешнем критическом положении вещей на Балканах — это постоянный обмен мыслей трех более всего заинтересованных держав, — таким только образом и Италия охраняет себя от новых самостоятельных действий Австрии на Балканах. Вчера мы снова имели случай беседовать с Аварна, он выразил свое удовольствие, что трем послам в Константинополе поручено обсудить вопрос о дальнейших действиях с точки зрения возможного посредничества и представления [2].

На мой вопрос, как смотрит на этот обмен мыслей между нами тремя бывший министр иностранных дел Титтони, мой итальянский коллега ответил, что именно Титтони подал первую мысль соглашения трех самых заинтересованных держав, будучи министром иностранных дел, в разговоре с Эренталем, но от нее в то время пришлось отказаться вследствие всеобщего негодования против Эренталя после присоединения Боснии и Герцеговины. В одном из своих донесений из Парижа Титтони напоминает, что, как инициатор этого необходимого соглашения трех держав не действовать отдельно, он вполне одобряет политику Сан-Джулиано, одобряет также Россию, что она пошла на такой обмен мыслей, так как он не видит другого исхода.

В Ракониджи, судя по доверительному сообщению, полученному в то время герцогом Аварна, Италия и Россия пришли к соглашению по албанскому вопросу действовать совместно; это согласие не нарушается, недоверие к Австрии остается, но над ней устанавливается двойной контроль. Кроме того, герцог Аварна уверен, что в данное время Эренталь искренен, потому что это прямой его интерес, оттого он сделал все первые шаги по отношению к России.

Не могу не разделить мнения Аварна, тем более, что и он приходит к тому же заключению, как и мы, что желательно было бы, чтобы все державы присоединились к нам для воздействия в Константинополе и Цетинье.

Вопрос балканский станет еще опаснее в будущем году, так как внутреннее положение Турции нисколько не улучшается.

Примите и пр. Н. Гирс.

---

[1] См. № 223.

[2] См. №№ 270 и 284.

№ 289. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1015. 4 августа/22 июля 1911 г.

Получил депешу от [20] 7 сего месяца [1].

Направление, приданное вами переговорам с французским правительством о китайском займе, вполне отвечает нашим целям. Наш протест против 16-й статьи контракта на заем в 10 млн. ф. ст. должен служить лишь предлогом для более широкой постановки вопроса об ограждении наших интересов в Китае от попыток нарушить их путем создания международных интересов в областях, где мы занимаем преимущественное положение. Мы опасаемся, что в случае исключения или переделки 16-й статьи, международный синдикат тем или иным путем обеспечит себе финансирование предприятий в Манчжурии и Застенном Китае вообще, и тогда мы спустя некоторое время вновь окажемся перед совершившимся фактом.

Попутно замечу, что слова французского министра иностранных дел Демидову, будто мы могли заблаговременно получить от Маржери [2] точные сведения о контракте на 10-миллионный заем, несправедливы.

Дело велось настолько секретно от нас, что Маржери отказался сделать исправления в неточном тексте контракта, предъявленном ему Коростовцом.

В целях прочного ограждения наших интересов от нарушения их синдикатом четырех держав мы выдвинули мысль об образовании отдельного синдиката с Русско-азиатским банком во главе при участии французских капиталов. По сведениям министра финансов, директор Индо-Китайского банка выразил было готовность войти в соглашение с группой Русско-азиатского банка, но затем уклонился от дальнейших переговоров [3]. Это препятствует придать сказанной мысли нашей конкретную форму [4].

Министр финансов предполагает поручить Рафаловичу ознакомить французского министра финансов с нашим взглядом на политическое значение финансирования китайских займов синдикатом четырех держав. Мы надеемся, что эти объяснения поведут к конкретизации нашего плана создать финансовую комбинацию, ограждающую наши интересы в этой стране.

Газетные телеграммы сообщают о назначении голландца Витерлинга финансовым советником пекинского правительства, что, повидимому, указывает на уверенность международного синдиката в прочности и длительности его деятельности в Китае. Было бы желательно осведомиться, какое значение французское правительство придает этому назначению.

[Нератов.]

№ 290. Временно управляющий министерством иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 836. 4 августа/22 июля 1911 г.

Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Вследствие письма от [20—21] 7—8 июля, № 428 [3], имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что с моей стороны не встречается препятствий к тому, чтобы г. Рафалович ознакомил французского министра финансов с существом наших пожеланий в деле финансирования китайских предприятий, как они изложены в вашем письме от [3—4 июня] 21—22 мая с. г., № 294 [5].

---

[1] Имеется в виду деп. Извольского от 20/7 июля за № 60 (см. стр. 213, прим. 1).

[2] Франц. посланник в Пекине.

[3] См. № 237.

[4] Далее зачеркнуто: «Благоволите оказать возможное воздействие на французских министров, дабы упомянутые переговоры были возобновлены. Со своей стороны мы снесемся с министром финансов о преподании Русско-азиатскому банку соответствующих указаний для постановки этого дела в согласии как с нашими, так и с французскими интересами».

[5] См. № 82.

Что касается высказываемого вами пожелания, чтобы нашему послу в Париже было поручено изложить г. Клотцу наши взгляды на китайский заем и вообще на финансирование китайских предприятий, то как вы изволите усмотреть из прилагаемого в копии письма гофмейстера Извольского от [20] 7 с. июля [1], он уже имел объяснения в этом смысле с г. Кайо и г. де Сельвом и подготовил до некоторой степени почву для нашего выступления с предложением конкретного плана противодействия враждебным нам попыткам синдиката четырех держав.

Секретной телеграммой, в копии при сем прилагаемой [2], я уведомил поэтому посла в Париже о том, что приданное им переговорам о китайском займе направление вполне соответствует видам императорского правительства. Повидимому, нам остается выждать результатов объяснений с французскими министрами гофмейстера Извольского и г. Рафаловича и постараться построить на этих объяснениях конкретный план устранения помянутого синдиката от финансирования китайских предприятий в областях нашего преимущественного влияния. Я должен отметить однако те трудности в осуществлении этого дела, на которые указывается в письме нашего посла. Мне представляется несомненным, что при его проведении весьма важное значение будет иметь степень личной заинтересованности в делах как уже существующего, так и проектируемого нами синдикатов председателя французского совета министров г. Кайо.

Считаю долгом присовокупить, что при имевших до сего времени место объяснениях с французским и английским правительствами мы сочли более осторожным не упоминать пока о возможности допустить новый консорциум к финансированию китайских предприятий во всем Китае к северу от Великой стены, дабы не предрешать вопроса о допущении в эти области иностранных, например японских, капиталов.

К настоящему письму имею честь приложить также копию секретной телеграммы поверенного в делах в Вашингтоне [3], содержащей не лишенное интереса сведение о мысли французского министра иностранных дел предложить нам, чтобы 16-я статья контракта на китайский заем была изменена в смысле ограничения выговоренных международным синдикатом привилегий областью монетной реформы с исключением всего, что касается Манчжурии. Подобного предложения нам не было сделано французским правительством ни через наших представителей в Париже, ни через посольство республики в С.-Петербурге, и сказанная телеграмма князя Кудашева оставлена мною пока без ответа [4].

Примите и пр.

[Н е р а т о в.]

---

[1] См. № 230.
[2] См. № 289.
[3] См. № 266.
[4] В ответном письме от 10 авг./28 июля за № 477 Коковцов указывал, что в письме на имя Столыпина за № 294 (см. № 82) им уже был предложен определенный план действий, состоящий «в преобразовании существующего международного синдиката в новый финансовый консорциум при активном участии России и Японии, с разделением этого консорциума на две группы и с распределением между ними сфер влияния». Далее Коковцов писал: «Если, как можно заключить из депеши гофмейстера Извольского от [20] 7 июля, к принятию этого предложения встречаются частью принципиальные, частью личного характера затруднения, то к их устранению, путем дальнейших объяснений с французскими министрами и должны, казалось бы, быть направлены все наши усилия. Какой-либо другой конкретной комбинации, которая реальным образом могла бы оградить наши политические интересы в Манчжурии от грозящей им в связи с осуществлением замыслов международного консорциума опасности, я, к сожалению, в настоящее время предложить не мог бы». Относительно франц. предложения, переданного росс. повер. в делах в Вашингтоне (см. № 266) Коковцов писал: «При таком выходе все-же остаются в силе все те опасения, которые высказаны были в моем письме от [21]8 сего июля за № 428 [см. № 237] по поводу предположения о полном исключении всей статьи: в чем гарантии того, что консорциум, согласившись на изменение статьи 16-й, не заключит с Китаем секретного соглашения, коим он все-таки обеспечит себе участие в операциях для Манчжурии. Впрочем, если бы даже допустить, что указанным изменением статьи 16-й и удалось формально устранить международный синдикат от дела финансирования предприятий в Манчжурии, все же нельзя было бы быть уверенным в том, что Китай не добудет средств на осуществление опасных для нас своих планов в Манчжурии от того же синдиката обходным путем».

№ 291. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Депеша № 55. 4 августа/22 июля 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Восторженное настроение, с которым приветствовался в пангерманских сферах решительный шаг посылки немецкого военного судна в Агадир, приписываемый инициативе германского статс-секретаря по иностранным делам, уступает за последние дни чувству разочарования. Проникшие во французскую и английскую печать слухи о германских компенсациях вне Марокко побудили как немецкое колониальное общество, так и Всенемецкий союз высказаться против подобного решения мароккского вопроса.

Препровождаемая у сего брошюра [1] председателя Всенемецкого союза, г. Класса, резюмирующая точку зрения националистических кругов, продолжает настаивать на сохранении занятого Германией в Марокко положения, с требованием обеспечения ее преобладающих интересов в юго-западной части шерифата.

Одинаковые мысли высказаны и в появившемся вчера воззвании немецкого колониального общества.

Действия г. фон Кидерлена начинают подвергаться сильной критике со стороны сказанных кругов, усматривавших в нем до сих пор призванного защитника проповедуемых ими взглядов.

«National-Zeitung» распространила вчера вечером даже слух о предстоящей, будто, перемене во главе здешнего иностранного ведомства, указывая на то, что фон Кидерлен скорее пожертвует своим личным положением, чем пойти на несогласные с его убеждениями уступки по отношению к Франции.

По доходящим до меня сведениям, в пресс-бюро германского департамента категорически опровергаются все подобные слухи, причем указывается даже на то, что будто теперь, напротив, найдена почва для благоприятного исхода франко-германских переговоров.

Полученная сегодня из Лондона в бюро Вольфа телеграмма о готовности Франции предоставить Германии в числе компенсаций острова Таити в Австралийском архипелаге, была задержана по распоряжению «Auswärtiges Amt», что указывает на нежелание берлинского кабинета преждевременного оглашения подобных комбинаций, находящихся еще, может быть, в первых зачатках.

Вопрос о предоставлении германской колонии Того Франции взамен других территориальных уступок в Африке толкуется в здешней печати весьма недоброжелательно. «Гамбургские известия» присовокупляют, что и не может быть речи о подобной уступке со стороны Германии, разве что Франция намерена включить в переговоры по марокканским делам, из практических соображений, вопрос о регулировании границы между Дагомеей и Того, начатых между Берлином и Парижем уже прошлой зимой.

Ввиду желаемого сохранения полной тайны о переговорах между фон Кидерленом и Камбоном, «Kölnische Zeitung» предостерегает в новой, очевидно официозной, заметке немецкое общественное мнение не вторгаться непризванно в ход разговоров, чем может только быть скомпрометирован их окончательный успех.

Примите и пр. Гр. Остен-Сакен.

№ 292. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [2]. 4 августа/22 июля 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Настоящие переговоры между берлинским и парижским кабинетами о марокканских делах выдвинули опять на очередь вопрос об отношениях Германии к Анг-

[1] Приложение не воспроизводится.
[2] Черновой отпуск, хранящийся в делах б. росс. пос-ва в Берлине.

лии. Несмотря на все попытки германского министерства иностранных дел сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное речью Ллойд-Джорджа [1], здешние руководящие сферы озадачены предостережением, данным из Лондона, напомнившим Германии, что всякие вожделения ее на чрезмерные территориальные приобретения встретят veto со стороны Англии.

В этом симптоме кроется ключ настоящего положения.

Попытки Германии притти к желанному сближению с Англией оказываются тщетными, несмотря на постоянные заигрывания с нею.

Равным образом трудно предположить, чтобы даже при благоприятном исходе переговоров с Францией франко-германские отношения настолько бы улучшились, чтобы они в ближайшем времени, по крайней мере, вышли из узких рамок установленного с такими затруднениями настоящего modus vivendi.

Таким образом останутся и в будущем площади трений, которые неминуемо должны увеличиваться, если Германия приступит к осуществлению более активной колониальной политики.

Эта политика обусловливается жизненной необходимостью приискания новых мест оседлости ввиду столь быстрого роста немецкого населения, умножающегося, по последним статистическим данным, до 900 000 душ в год. Одновременно ощущается недостаток в иностранных рынках для массового сбыта перепроизводства германской промышленности.

Вот задачи, с которыми приходится считаться имперскому правительству под необузданным давлением общественного мнения и угрозами националистических кругов. Отсюда нервность настроения правительственных сфер, которая так затрудняет всякие с ними переговоры, касающиеся вопросов мировой политики.

Из вышесказанного следует, что призрак англо-германского сближения отдаляется, а счеты Франции с Германией на колониальной почве ставят известную преграду дальнейшему развитию зачатков франко-германской интимности. Все это нельзя не приветствовать с точки зрения наших интересов, а было бы желательно, не сходя с почвы союзных обязательств по отношению к Франции, не жертвовать нашими настоящими отношениями к Германии в угоду Франции и дать по возможности спокойно совершиться событиям, которые могут вовлечь Германию в новые колониальные заботы в связи с неминуемыми крупными материальными затратами.

Подобной осмотрительной политикой мы приобрели бы известное нравственное право на взаимность поддержки Германии в интересующих нас лично вопросах.

Примите и пр. [Остен-Сакен.]

№ 293. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 82. 4 августа/22 июля 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Наконец после 11 лет противодействия со стороны турок, поддерживаемого, в особенности за последнее время, из Вены и Берлина, сооружение Дунайско-Адриатической железной дороги вступило в фазис практического осуществления.

29/16 сего июля был подписан турецким министром общественных работ и представителем Дунайско-Адриатического синдиката г. Делоне договор о производстве изысканий названной линии с обеспечением для означенного синдиката преимущественного права на постройку и эксплоатацию Дунайско-Адриатической железной дороги.

О состоявшемся подписании уведомил меня г. Делоне прилагаемым у сего в копии письмом [2].

Ваше превосходительство изволите припомнить, что о возможно деятельной поддержке сербскому проекту Адриатической дороги было упомянуто в инструк-

[1] См. стр. 292, прим. 1.

[2] Содержание письма Делоне от 29/16 июля изложено в публикуемом документе.

ции императорскому посланнику в Белграде 1900 года[1] и что во исполнение оной сербское правительство произвело изыскания, оказавшиеся вполне удовлетворительными, от Ниша к турецкой границе у урочища Мрдаре. Мне самому привелось осмотреть в то же время головной участок проектированной дороги от Прахово и Радуевца на Дунае до Ниша.

Теперь именно это направление принято Турцией, и, предоставляя себе представить в императорское министерство полный текст соответствующего контракта, который будет сообщен мне французским послом, позволю себе лишь отметить, что здешний сербский представитель считает решение Порты вполне соответствующим сербским интересам.

Румынский посланник сказал мне по этому поводу, что как только состоится решение Турции строить дорогу от Мрдаре к Адриатическому морю, Румыния тотчас исполнит свое обязательство перед Сербией — построить мост через Дунай около Прахово для соединения румынских железных дорог с Адриатической линией. Посланник добавил, что для Румынии настолько важен открывающийся для ее промышленности и торговли кратчайший путь в Македонию, Албанию и к Адриатическому морю, что румынское правительство произведет не колеблясь те затраты, которые будут вызваны постройкой нового Дунайского моста и железнодорожной ветви к оному[2].

Любопытно, что, выдвинув французов в качестве активных поборников желаемой линии, нам удалось достигнуть приступа к осуществлению Дунайско-Адриатической дороги даже без ожидавшегося одновременного и параллельного осуществления Санджакской линии.

Более того, недавнее раскрытие австро-венгерских вожделений по отношению к Албании отняло у турок всякое расположение к соединению рельсовым путем Митровицы с австро-венгерской боснийской сетью в Уваце. Мне даже известно, что Порта решительно отказала в своем содействии осуществлению Санджакской дороги, мотивируя отказ этот вполне обоснованными экономическими соображениями.

Если же теперешние прямые переговоры между Черногорией и Портой приведут к добавлению ветви Скутари — Антивари к Адриатической линии, то, по моему мнению, вопрос о Санджакской дороге заглохнет навсегда: железнодорожное сообщение Австро-Венгрии с Албанией и Македонией осуществится не по кружной и трудной линии Увац — Митровица, а по прямому продолжению Далматинской прибрежной железной дороги до Антивари, на соединение с ныне предоставленной французам албанско-македонской сетью.

Имея в виду, что допущение смычки далматинской линии с албанской около Антивари будет зависеть от черногорского правительства, последнее

---

[1] Возможно, что Чарыков имеет в виду инструкцию, полученную им 24/11 января 1901 г. перед отъездом в Белград, куда он был назначен посланником. В этой инструкции, между прочим, предписывалось дать понять сербск. прав-ву, что росс. прав-во готово оказать ему поддержку в деле сооружения ж.-д. линии, соединяющей Дунай с Нишем и Адриатическим морем. В инструкции отмечалось также, что мысль о постройке этой ж. д. возникла вследствие желания «умалить вредное значение» австр. проекта «о сооружении железной дороги от Сараева к Новому Базару с веткой к сербской границе, что указывает, между прочим, на агрессивное для Сербии значение проекта».

[2] Деп. от 3 сент./21 авг. за № 51 поверенный в делах в Бухаресте Лысаковский передавал Нератову о своей беседе с Майореску, из которой он вынес впечатление, что рум. прав-во, не считая достаточно устойчивым настоящий режим Порты, «несколько сдержанно» относится к ее соглашению с представителем Дунайско-Адриатического синдиката. Лысаковский писал: «Предоставление права изысканий, несомненно, большой шаг вперед, заявил мне при этом г. Майореску; однако, нельзя еще считать, что вопрос о постройке решен окончательно, и потому преждевременно поднимать вопрос о начатии сооружения моста через Дунай, для соединения наших железных дорог с сербскими. Из дальнейшего разговора я однако вынес впечатление, что в случае действительного приступления к сооружению Адриатической линии румынское правительство, руководствуясь собственными интересами, охотно пойдет навстречу сербским желаниям». По мнению Лысаковского, «как в этом вопросе, так и во всех, касающихся политического положения на Ближнем Востоке, Румыния решила придерживаться строго выжидательного положения».

сумеет, без сомнения, извлечь для себя из этого обстоятельства существенные выгоды.

Великий визирь, сообщая французскому послу о подписании в упомянутый день всей совокупности турецко-французских железнодорожных соглашений [1], заметил, что «он успокоил г. Хюгенен (Huguenin)», здешнего представителя германских железнодорожных предприятий в Турции.

Каким образом великий визирь это сделал, послу неизвестно, но здешнее общественное мнение поняло самый факт подписания, как крупный, первый за долгое время, успех французской дипломатии.

Не подлежит сомнению, что Турция сделала таким образом первый действительный шаг по тому пути, на пользу коего мы ей непрестанно указывали, именно по пути сближения с ее балканскими соседями. Адриатическая дорога, по мысли Порты, должна прежде всего обеспечить за Турцией дружеское расположение сербского королевства. Ветвь на Антивари будет, надо надеяться, способствовать прочному миру с Черногорией, а включение в договор с французами ветви к болгарской границе удовлетворяет давнишнему принципиальному требованию Болгарии сомкнуть свою железнодорожную сеть с турецкими линиями в Македонии.

Конечно, вступая на этот путь, Турция, по необходимости, начинает сближаться с Россией.

Недавние яростные нападки на нас туземной печати становятся все реже, и я думаю, что приближается время, когда не только турецкое правительство, но и здешнее общественное мнение поймут всю пользу и всю необходимость для слабеющей Турции искать у нас поддержки и покровительства.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 294. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1021 [2]. 5 августа/23 июля 1911 г.

№ 1.

Телеграммы за №№ 170 [3] и 171 [4] получены.

Вчера великобританский посол сообщил мне, что лондонский кабинет, не имея возможности на законном основании помешать поступлению Стокса, после отставки, на персидскую службу, полагает, что мы могли бы заявить персидскому правительству протест против поручения этому офицеру сформирования воинской части, имеющей действовать в нашей сфере влияния, и что Барклаю будет предписано поддержать наш протест. Я ответил Бьюкенену, что, ввиду отказа в свое время шахского правительства признать англо-русское соглашение относительно обоюдных сфер влияния, подобный протест представляется мне на первый взгляд бесцельным и что, по моему, существует лишь один способ радикального разрешения вопроса, уже указанный мной, а именно вызов Стокса из Персии [5]. Я обещал при этом еще обдумать английское предложение, а посол сказал, что он вновь протелеграфирует в Лондон о вызове Стокса.

Сегодня я заявил послу, что по нашим сведениям Поклевский уже заявил персидскому министру иностранных дел протест против приглашения Стокса

---

[1] См. стр. 317, прим. 4.

[2] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 76, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[3] Тел. от 31/18 июля за № 996 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 51) Нератов запросил Бенкендорфа, «не признает ли великобританское правительство целесообразным вызвать этого офицера [Стокса] из Персии до увольнения его со службы».

Ответной тел. от 2 авг./20 июля за № 170 Бенкендорф сообщил, что, по словам Никольсона, англ. прав-во не имеет возможности воспрепятствовать поступлению Стокса на персидскую службу.

[4] Тел. от 2 авг./20 июля за № 171 Бенкендорф сообщал о сделанном им Грею и Никольсону предупреждении, что росс. прав-во потребует компенсации в случае назначения Стокса.

[5] Далее зачеркнуто: «до отставки».

на проектируемых персами началах, причем протест этот был, повидимому, словесный [1]. Мы могли бы теперь предложить Поклевскому повторить его письменно и в решительной форме, с присовокуплением, что в противном случае мы признаем образ действий шахского правительства недружелюбным по отношению к нам и предоставим себе принять меры, какие признаем нужными, для ограждения наших интересов в Северной Персии. Желательно было бы, чтобы таковой протест был формально и также письменно поддержан великобританским правительством, которое при этом указало бы, что, в случае отказа со стороны персов, оно признает за Россией право принять соответствующие меры. Переданные мной при этом Бьюкенену проекты примерных текстов русской и английской нот сообщаются вам вместе с сим за №№ 2 и 3 [2]. Я предупредил посла, что нам желательно получить ответ не позже вторника [3].

Бьюкенен обещал немедленно телеграфировать. Текст нашей ноты составлен лишь приблизительно, и мы имеем в виду предоставить Поклевскому выработку окончательной редакции соответственно с местными условиями. Намек в сказанной ноте на ранее объясненные основания, почему мы считали бы назначение Стокса несогласным с нашими интересами, касается преподанного в свое время шахскому правительству совета относительно приглашения им на свою службу лишь подданных второстепенных держав.

Благоволите, со своей стороны, спешно переговорить по содержанию этой телеграммы с Греем, присовокупив, что мы полагали бы необходимым опубликовать тексты обеих нот в видах упрочения в общественном мнении обеих стран убеждения в незыблемости полного англо-русского согласия и взаимодействия в персидских делах.

Ответ Грея желательно иметь ко вторнику.

Нератов.

№ 295. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1021. 5 августа/23 июля 1911 г.

N 2.

Me référant à la déclaration faite par moi au ministre des affaires étrangères le 28/15 juillet a. c. [1], j'ai l'honneur, d'ordre de mon gouvernement, de porter à la connaissance du gouvernement persan que le gouvernement impérial de Russie, pour des raisons expliquées en son temps au gouvernement persan, considère l'engagement par ce dernier du major Stokes pour la création d'une force armée, dite gendarmerie pour la perception des impôts, qui, entre autre, devra fonctionner aussi dans le Nord de la Perse, comme incompatible avec ses intérêts, et que je suis chargé de protcster contre la nomination dudit sujet britannique au poste de chef de la force en question. Cette nomination si elle avait lieu quand même, serait envisagée par le gouvernement impérial, comme un acte non-amical de la part du gouvernement persan envers lui et le gouvernement impérial se réserverait, le cas échéant, de pourvoir lui-même aux mesures qu'il jugerait nécessaires pour la sauvegarde de ses intérêts dans le Nord de la Perse [4].

Nératow.

---

[1] См. № 273.

[2] См. № 295.

[3] 8 авг./26 июля.

[4] Тел. от того же числа за № 1021 (№ 3) Нератов сообщил Бенкендорфу предлагаемый им проект ноты, которую англ. прав-во должно предъявить перс. прав-ву. В ноте указывалось: «Выражая сожаление по поводу того, что предложение поступить на персидскую службу было сделано майору Стоксу без предварительного обмена мнений с британским правительством, последнее объявляет, что оно признает за российским правительством право применить всякие меры, которые оно сочтет необходимым, чтобы защитить свои интересы на севере Персии».

Перевод.

№ 2.

Ссылаясь на заявление, сделанное мной министру иностранных дел 28/15 июля с. г., имею честь, по приказанию моего правительства, уведомить персидское правительство о том, что императорское российское правительство, в силу соображений, поясненных в свое время персидскому правительству, считает приглашение этим последним на службу майора Стокса для формирования воинской части, называемой жандармерией для сбора налогов, — каковая будет функционировать, между прочим, и в Северной Персии, — несовместимым со своими интересами, и мне поручено выразить протест против назначения указанного английского подданного на пост начальника упомянутой воинской части. Если бы это назначение все же состоялось, оно будет рассматриваться императорским правительством как недружелюбный по отношению к нему акт со стороны персидского правительства, и императорское правительство оставляет за собой право самому принять, в случае надобности, меры, которые оно сочтет необходимыми для ограждения своих интересов в Северной Персии.

Нератов.

№ 296. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Т/. Телеграмма № 87 [1]. 5 августа/23 июля 1911 г.

Вчера Кидерлен следующим образом определил свои требования относительно Конго: уступка Германии морского побережья между Либревиль и Рио дель Муни и территории к северо-западу [2] от течения рек Угуе и Алима. Далее заключение секретного договора об уступке Германии права преемственности Франции на испанскую Гвинею. Де Сельв телеграфировал Камбону, что в таком виде германские требования неприемлемы, но что он готов уступить вышесказанное морское побережье с соответствующей территориальной полосой вглубь страны и также территорию к северо-западу от течения реки Санга. Этим он думает удовлетворить принципиальные пожелания Германии о доступе к морю и реке Конго. Против уступки прав Франции на испанскую Гвинею де Сельв не возражает. Предложение уступки острова Кидерлен отклонил. На мой вопрос, как далеко распространяется предлагаемая Францией территория к западу и не вызовет ли это протеста со стороны Англии в интересах Судана, де Сельв ответил, что это еще точно не определено, и он ожидает ответа из Лондона.

Извольский.

№ 297. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Т/. Телеграмма № 88. 5 августа/23 июля 1911 г.

Во вчерашнем разговоре Кидерлен дал также понять, что в будущем Германия имеет виды на независимое государство Конго. Таким образом он впервые раскрыл общий план Германии, а именно — создание обширной африканской империи от Атлантического до Индийского океана. Я высказал де Сельву, что это именно и следовало ожидать, что Франция должна считаться с необходимостью для Германии обеспечить выход избытку своего населения и производства; с другой стороны, отказ Германии от Марокко дает Франции возможность твердо основать свою северо-африканскую . . . Франция должна также принять в соображение интересы всеобщего мира и не доводить дела до конфликта. Движение Германии вглубь Африки, конечно, вызовет отпор Англии, но это вопрос будущего и в конце концов также может быть предметом соглашения. Де Сельв со мной согласился и признал, что переговоры в Берлине, хотя и представляют еще большие трудности, но в общем подают надежду на благополучный исход.

Извольский.

---

[1] Опубл. Stieve, I, S. 129, N 106, где датирована 6 авг./24 июля.
[2] У Stieve: «nördlich» («к северу»).

№ 298. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 29. 5 августа/23 июля 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Несмотря на хладнокровие и спокойствие, проявляемые Болгарией по отношению к нынешним балканским замешательствам, нет сомнения, что и король Фердинанд, и кабинет г. Гешова с самым напряженным вниманием следят за развитием этих замешательств; следят без мысли во что бы то ни стало их использовать, но в полном сознании, что может наступить минута, когда Болгарии придется, так или иначе, сказать свое слово и принять участие в событиях.

Как вашему превосходительству уже известно, Болгария отклонила предложения Черногории; она отклонила засим менее категоричные, но все же несомненные предложения Сербии [1]; на-днях г. Гешов ответил учтивым отказом на вторичное предложение Греции обратиться вместе с ней к Порте и к державам с жалобами на нестерпимое положение райи в провинциях, расположенных между болгарской и греческой границами [2].

Болгарский министр иностранных дел говорил мне неоднократно и заявлял даже публично, — перед избирателями во Врацце, — что правительство не сочувствует четническому движению в Македонии, и что оно постарается всеми силами сохранить добрососедские отношения с Турцией; оно впрочем и доказало это по случаю весьма серьезного пограничного столкновения — убийства капитана Георгиева [3].

Наконец, как я уже имел честь упоминать в предыдущем моем от сего числа донесении [4], его величество король Фердинанд заявил мне на-днях в самых определенных выражениях, что он отнюдь не намерен воспользоваться албанскими замешательствами, и что Болгария сохранит и впредь свой нейтралитет, — разве что в Турции наступят совершенно исключительные события, вроде кровавого междуусобия, войны с великой державой или массовых избиений болгар в Македонии.

Таковы заявления успокоительные. Но в то же время и король, и Гешов жаловались мне на то, что их спокойное отношение к происходящему в Турции чрезвычайно затруднено теми убийствами и теми жестокими палочными розысками, коим подвергаются ежедневно болгарские селяне в Македонии. Говоря о событиях, которые могут заставить Болгарию взяться за оружие, оба они выказывали нелицемерное опасение близости подобных событий. Так г. Гешов на-днях доверительно сообщил мне, что один из болгарских представителей за границей имел случай (с месяц тому назад) *прочесть* подлинное донесение германского посла в Константинополе, в коем барон Маршалл высказывает, что анархия власти достигла в Турции крайних пределов, что ежечасно можно ожидать насильственного водворения военной диктатуры и что, быть может, это было бы лучшим выходом из нынешнего нестерпимого положения вещей.

Таким образом обещание, данное королем Фердинандом, успокаивает меня лично лишь на срок его двухмесячного пребывания за границей; и я думаю, что во время этого путешествия он будет столь же нервно поглощен вопросами внешней политики, как был и доселе, ибо он не скрывает от себя, что крупная политическая неудача, которая постигла бы Болгарию, стоила бы ему самому

---

[1] См. № 6.

[2] См. № 116.

[3] См. стр. 29, прим. 1.

[4] В донесении от 5 авг./23 июля за № 28 Неклюдов сообщал о своей беседе с королем Фердинандом, в которой последний жаловался на кампанию, которая ведется против него русской прессой, особенно «Новым временем». Неклюдов заверил его, «что официальная Россия не принимает никакого участия в подобной нелепой и недобросовестной кампании, но при этом не скрыл от него, что у нас действительно несколько опасаются, как бы при настоящем крайне натянутом положении дел в Турции Болгария не дала бы себя увлечь по пути приключения». Ответ Фердинанда изложен в публикуемом документе.

несомненно трона. Здесь очень усиленно поговаривают о новом посещении королем императора австрийского (в Ишле); со своей стороны Гешов сообщил мне весьма доверительно, что едет в начале августа к королю в Карлсбад и при этом выразил весьма характерное пожелание, «чтобы к этому времени могло более выясниться доброжелательное отношение России не только к Болгарии, но и к ее государю». Очевидно, Гешов все-таки опасается австрийских заигрываний или застращиваний и желал бы обладать ощутительными доводами для рассеяния личных опасений короля перед недоброжелательством к нему русского общественного мнения и даже правительственных наших верхов; в то же время для целей гг. Гешова и Данева явилось бы конечно драгоценным указать королю на возможность сговориться с Россией на более определенных и реальных основаниях, нежели термины «благоволения» и «благодарности».

Мы знаем, в чем заключаются «австрийские застращивания»; они сводятся к тому, что враждебные России «агенты-подстрекатели», которых мы несомненно и имеем в среде само́й патриотичной нашей прессы (как имели таковых в среде государственной полиции), при первом признаке более тесного общения нашего с Болгарией, доставляют в редакции доказательства темных происков Кобурга; появляются негодующие и обличительные статьи; затем следуют «конфиденциальные сведения» из Белграда (или иного города)... и дело сделано: в правительственных кругах наших возникает недоверие, в общественном мнении вселяется опасение обмана; а тем временем самому Фердинанду преподносятся торжественно, откуда следует, эти неоспоримые доказательства враждебного, непримиримого к нему отношения России, династической опасности и т. д.

Таковы австрийские застращивания; но в чем состоят австрийские заигрывания и к чему сводится действительное, а не мнимое двоедушие Фердинанда и самих болгар? Оно сводится к желанию какими бы то ни было средствами *и с чьей бы то ни было помощью* добиться заветной цели — С.-Стефанских границ и Солуни. Болгары, конечно, имея сердечное и искреннее влечение к России, *предпочли бы* достичь сего при помощи России; Фердинанд, вероятно, не имеет в глубине души подобного предпочтения. Болгары желают *всего* и не согласны ни на какие уступки; Фердинанд склонен по самому характеру своему к более осторожному поступлению и согласен был бы на исполнение половины программы с тем, чтобы со временем осуществить и другую. Болгары готовы пойти на большой риск в уверенности, что и при полной неудаче им не дадут пропасть, как народу и государству; Фердинанд, не будучи вовсе уверен в подобной «стихийной» устойчивости своего трона, гораздо менее склонен к риску и к бесповоротным решениям.

В связи с этой общностью целей и с этой разницей в приемах болгар и Фердинанда, может быть рассмотрен вопрос и об австрийских обещаниях и заигрываниях.

Во-первых, австрийская политика указывает несомненно болгарам на обладание ею ключа от пещеры с угрожающим румынским ветром. «Захотим — напустим на вас румынскую армию, захотим — остановим». Во-вторых, намекается, вероятно, на возможность полюбовного раздела Македонии: южные склоны Родопа до моря, долина Струмы и горы на запад от нее — болгарам, остальную Македонию — автономным албанцам. Наконец, болгарам могут предлагать и компенсацию в Южной Сербии, например Пиротский округ, который болгары долго считали своим достоянием.

Первый аргумент едва ли может решительным образом подействовать на короля Фердинанда, который должен отлично знать, что ключи от румынской пещеры находятся вовсе не в Вене, а в Берлине; что Румыния может действительно ополчиться на защиту status quo турецкой империи, дабы не допустить чрезмерного усиления Болгарии без соответствующих для себя компенсаций; но что в венском арсенале нет убеждений, способных отвратить Румынию от подобного естественного образа действий только в угоду австрийским замыслам.

Вторая приманка бесспорно и решительно претит болгарам: они всеконечно никогда не согласятся на отчуждение в чью-либо пользу долины Вардара, Битолии, Охриды и Солуни. Если бы король Фердинанд и специально для сего призванный ко власти кабинет (не Данев и не Гешов) решились все-таки пойти на такое соглашение, то только с твердо предвзятым намерением: приобретя сначала, при пособничестве Австрии, Струму, встать затем к своей минутной союзнице в решительную вражду и отвоевать у нее Вардар при помощи России.

Что касается опасностей, угрожающих, будто бы, целости Сербии, то их можно смело считать несуществующими. И болгары, и их государь отлично понимают, что Россия никогда не простила бы Болгарии этого изменнического и братоубийственного акта, а между тем даже временное соглашение с Австрией предполагает, как выше сказано, в конце концов, новое обращение к России и к ее мощному содействию.

Итак, если существует опасность перемены болгарского курса в сторону Вены, то она сводится к временному и неискреннему в корне соглашению, но которое может все-таки кинуть Болгарию на путь приключений и содействовать столь нежелательному для нас ускорению решительных событий на Балканах.

Этому и надлежит препятствовать всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами.

Одним из сих средств явилось бы, конечно, такое соглашение с Болгарией, которое, дав ей и ее королю залог в нашей неизменной и при известных условиях *деятельной* благосклонности, дозволило бы им с бо́льшим спокойствием и уверенностью относиться к разыгрывающимся на Балканах событиям и искренно желать замедления оных.

Другое средство заключается в надлежащих сношениях с державами, заинтересованными, так или иначе, в поддержании целости Оттоманской империи. Из держав Тройственного союза лишь одну Австро-Венгрию можно заподозрить в желании воспользоваться нынешними замешательствами. Италия имеет интерес задерживать движение. Что же касается Германии, то в ней Турция находит самого искреннего и убежденного покровителя. Мне сдается, что именно в Берлине можно найти, при умелом и *искреннем* действии, весьма существенную и мощную помощь не только для обуздания чрезмерной склонности к приключениям нынешней Австрии, но в особенности для воздействия на самих турок в смысле благоразумия, выдержки и спокойствия.

«Zeit gewonnen — alles gewonnen» [1], — вот что должно быть при нынешних обстоятельствах лозунгом нашей политики на Балканах и к этому лозунгу, я думаю, можно привести и Болгарию, если только установить с ней постоянную и разумную связь [2].

Примите и пр.

Неклюдов.

---

[1] «Время выиграть — все выиграть».

[2] По вопросу о возможности австро-болгарского сближения Неклюдов писал в деп. от 13 июля/30 июня за № 26: «Для русской политики подобное взаимное заигрывание двух сил, в сущности глубоко разъединенных и друг другу не доверяющих, не представляет безусловной опасности. Отношение наше к австро-болгарской показной дружбе или явной вражде зависит от того, чего мы в сущности от Болгарии желаем? Ищем ли мы тесного с ней союза и единения, которые имели бы несомненным предметом и последствием расчленение Европейской Турции, или же требуем мы от болгар тщательного воздержания от активной политики». Далее Неклюдов писал: «В первом случае нам нужна Болгария, всецело и без всяких оговорок преданная и послушная во имя скорого достижения ею своих заветных национальных целей; во втором — мы можем довольно спокойно относиться к поверхностным колебаниям и извивам политики короля, следя за ними без наглядного недоверия и без совершенно неприсущей нашему достоинству ревности». По мнению Неклюдова, «главным оплотом нашего благотворного влияния на Болгарию и на охранение мира на Балканах может и должен служить нынешний коалиционный кабинет. У кабинета этого уже не мало затруднений». «Не станем же усугублять, — заканчивал Неклюдов, — этих затруднений и усиливать шансы падения столь благоразумного и искренно преданного нам министерства, проявляя излишнее недоверие, а тем паче неприязнь к королю Фердинанду».

№ 299. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

ᐟ/. Телеграмма № 1026[1]. 6 августа/24 июля 1911 г.

В дополнение к моей вчерашней телеграмме за № 2[2].

В случае запроса Грея, что мы подразумеваем под мерами для защиты наших интересов, вы можете высказать ему следующее. Никаких мер нами в настоящее время не намечено, но мы и теперь считаем себя вправе принимать любые меры, в случае, еслиб нашим интересам в Северной Персии был нанесен какой-либо ущерб. Мы желаем пока, путем означенного заявления персидскому правительству и его опубликования, подчеркнуть в глазах общественного мнения поддержку, оказываемую нам Англией в наших законных домогательствах, для устранения неблагоприятного впечатления, которое производит здесь инцидент со Стоксом[3].

Нератов.

№ 300. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

ᐟ/. Телеграмма № 514. 6 августа/24 июля 1911 г.

Копии в Цетинье, Рим и Вену.

Австрийский посол и итальянский представитель считают последовавшее со вчерашнего дня возвращение на родину многих сот малиссоров окончанием турецко-черногорского кризиса[4]. Я вполне разделяю это мнение и нахожу, что опасность войны между Турцией и Черногорией устранена достигнутым в Цетинье турецко-черногорским соглашением[5].

Чарыков.

№ 301. Временно управляющий министерством иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 498. 7 августа/25 июля 1911 г.

Весьма секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Вследствие письма вашего высокопревосходительства от [4 авг.] 22 сего июля, № 466[6], считаю долгом вас уведомить, что я не могу не согласиться с выводами

---

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 77, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[2] См. № 295.

[3] Ссылаясь на публикуемую тел. и на тел. № 1021 (№№ 1 и 2) (см. №№ 294 и 295), Бенкендорф тел. от 7 авг./25 июля за № 175 (№ 1) сообщил, что, по его мнению, Грей не согласится на предложенный Нератовым текст англ. ноты (см. стр. 300, прим. 4) и не решится заранее одобрить любые меры, которые примет росс. прав-во.

[4] Тел. от 3 авг./21 июля за № 115 С. Арсеньев извещал Нератова, что «турецкий посланник сообщил королю 31/18 июля устно о льготах, дарованных беженцам-малиссорам, в случае возвращения их на родину». Арсеньев добавлял, что турец. посланник 2 августа/20 июля «выехал в Подгорицу для объявления беженцам-малиссорам названных льгот» и что это сообщение произвело на беженцев «благоприятное впечатление».

[5] В докл. записке Николаю II от 10 авг./28 июля Нератов отмечал, что король черног. отозвал из Петербурга Миушковича ввиду окончания черногорско-албанского кризиса. 15/2 авг. тел. за № 536 Чарыков передавал Нератову тел. Б. Миллера, в которой последний сообщал: «Объявлено о снятии военного положения».

[6] Письмом от 29/16 июля за № 473 Нератов известил Столыпина, Коковцова, Сухомлинова и Тимашева о предстоящем подписании франко-турец. железнодорожного соглашения. Он указывал, что оговорки, внесенные франц. стороной в проект декларации (см. стр. 138, прим. 1), дают России возможность противодействовать, в связи с намечавшимся соглашением между Россией и Францией, постройке в Турции железнодорожных линий, не соответствующих условиям русско-турец. договора 1900 года. «Руководствуясь этими соображениями, — писал Нератов, — я не счел необходимым принятие экстренных мер к воспрепятствованию скорейшему заключению франко-турецкого железнодорожного соглашения, принимая в особенности во внимание уже прямо опасную для нас возможность при таких условиях перехода железнодорожного строительства в Турции в немецкие руки». Коковцов ответил письмом от 4 авг./22 июля за № 466, после того как состоялось подписание соглашения Порты с франц. синдикатом. «Я полагаю, — писал он, — что подписанием настоящего акта оттоманское правительство нарушило соглашение, заключенное в 1900 г. с Россией, и потому, по моему мнению, возникает вопрос, можем ли мы оставить такой образ

вашими по существу вопроса о железнодорожном строительстве в Турции. Но я позволяю себе однако думать, что исходные положения наших взглядов несколько рознятся в своих основаниях.

Так, говоря о невыгодности для нас соглашения о малоазиатских железных дорогах, я не могу не отметить и другую сторону этого вопроса, а именно его трудности. С этой точки зрения нам нельзя не считаться с независимостью Турции и с тем обстоятельством, что для нее железнодорожное строительство является вопросом жизненных ее интересов.

Становясь на формальную почву нашего соглашения 1900 г., мы, конечно, можем утверждать, что раз Турция сама не строит железных дорог с выходом на черноморское побережье, то таковая постройка должна быть передана русским капиталистам. Неисполнение последнего условия даст нам возможность заявить Турции протест по поводу подписания соглашения с французским синдикатом и финансирования дела иностранными капиталами, но при этом нам нужно будет выдвинуть свою финансовую группу, могущую взять на себя постройку.

Кроме того, в нашем распоряжении имеется еще довольно сильное средство воздействия на Францию согласно проекту нашего с ней соглашения, сообщенного уже вам [1].

Все эти меры однако, по глубокому моему убеждению, могут быть названы паллиативными и оттянуть осуществление постройки лишь на некоторое более или менее продолжительное время. В конце концов нам все же придется считаться с указанными мною выше обстоятельствами, т. е. независимостью Турции и ее жизненными интересами.

При таких условиях, казалось бы, настаивать на протесте перед Портой или на воздействии на Францию, как бы постройка малоазиатских железных дорог ни представлялась бы и с военно-стратегической и с политической стороны невыгодной для нас, вряд ли было бы нам особенно полезно.

В согласии с мнением военного министра я полагал бы наиболее целесообразным также и в интересах политических ответить на железнодорожное строительство Турции в Малой Азии усиленным железнодорожным строительством по нашему кавказскому фронту. Такая мера являлась бы еще и могучим средством давления на Порту для уступчивости ее в других вопросах.

Если бы наше правительство остановилось на подобном решении, то это последнее обстоятельство могло бы послужить на пользу нашим серьезным государственным интересам.

В объяснение сего положения почитаю долгом высказать вашему высокопревосходительству, что не одно только железнодорожное строительство Турции угрожает нашим интересам, но и проявленная за последнее время усиленная забота турецкого правительства об увеличении своего боевого флота не в меньшей степени должна нас озабочивать.

С этой точки зрения являлось бы, может быть, весьма полезным обусловить наше согласие на железные дороги в Малой Азии хотя бы принципиальным согласием Порты на открытие для нас проливов; заручившись таковым мы могли бы сделать его в дальнейшем уже вопросом международного обсуждения.

По поводу всего высказанного мне было бы особенно важно ознакомиться с заключением вашего высокопревосходительства [2].

Примите и пр.

[Нератов.]

действий Порты без протеста и не даст ли наше молчание повода заключить, что мы отказываемся от указанного соглашения».

Письмом от 9 авг./27 июля за № 3721 Столыпин ответил Нератову, что оговорка, внесенная франц. предпринимателями в ст. II проекта декларации, едва ли может гарантировать Россию от постройки невыгодных для нее линий, вследствие чего он считал «желательным поставить об этом в известность французское правительство, дабы по крайней мере оно не могло впоследствии ссылаться на то, что эта сторона вопроса осталась для него темной».

[1] См. № 202 и приложение к нему.

[2] В ответ на публикуемое письмо Коковцов в письме от 10 авг./28 июля за № 479 подтвердил уже высказанное им мнение о невозможности оставить без протеста заключение франко-

№ 302. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1037 [1]. 8 августа/26 июля 1911 г.

Сообщено посланнику в Тегеране.

Телеграммы №№ 175 [2], 176 [3], 177 [4] и 178 [5] получены.

Предположение Грея ограничить деятельность Стокса Югом Персии в общем представляется нам приемлемым, хотя оно практически может и не устранить затруднения, так как с переносом штаб-квартиры Стокса на Юг не исключается возможность деятельности сформированных им и ему подчиненных частей в Северной Персии. Наше общественное мнение, конечно, не удовлетворилось бы таким решением вопроса, тем более, что Стокс действовал бы не только в британской, но и в нейтральной зоне. Поэтому нам казалось бы необходимым, чтобы, даже в случае ограничения деятельности Стокса Югом, великобританское правительство согласилось на оказание нам поддержки к получению какой-либо компенсации на Севере. Если же персидское правительство не согласится на ограничение сферы действия Стокса, то одного признания за нами права принимать меры к ограждению наших интересов на Севере будет недостаточно, так как мы этим правом и ныне пользуемся, что наша печать не замедлит отметить. В таком случае было бы необходимо, чтобы великобританское правительство обеспечило нам свое содействие к получению полного эквивалента, т. е. такой должности для русского офицера, которая распространила бы его деятельность и на Юг Персии.

В том и другом случае согласие великобританского правительства на оказание нам соответствующей поддержки подлежало бы опубликованию.

В этом смысле я объяснился сегодня с Бьюкененом, прибавив, что мы отнюдь не имеем в виду сейчас же требовать у персидского правительства означенной компенсации ввиду нынешнего его настроения против нас, а считаем, что наше предложение имеет главным образом в виду удовлетворение нашего общественного мнения.

Бьюкенен выразил в заключение беседы надежду, что поступление Стокса на персидскую службу удастся устранить.

Нератов.

турец. соглашения. При этом он считал, что вопрос об отношении росс. прав-ва к постройке железных дорог в Малой Азии следовало бы рассмотреть в совете м-ров. Относительно предложения Нератова обусловить согласие России на постройку малоазиатских железных дорог согласием Порты на открытие проливов для русских судов Коковцов писал, что он не видит «никакой органической связи» между этими двумя вопросами и что он считает преждевременным входить с Портой в переговоры по вопросу о проливах, поскольку этот сложный вопрос еще недостаточно выяснен.

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 79, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[2] См. стр. 305, прим. 3.

[3] Тел. от 7 авг./25 июля за № 176 (№ 2) Бенкендорф сообщал, что Грей послал Барклаю инструкцию «предупредить персидское правительство, что оно может настаивать на назначении майора Стокса лишь в том случае, если оно не собирается использовать его на Севере Персии. Если же персидское правительство будет настаивать, то британское правительство признает право России защищать свои интересы на Севере Персии». Эта тел. была передана Нератовым Поклевскому 8 авг./26 июля за № 1033 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 79, со стилистическими изменениями).

[4] Тел. от 7 авг./25 июля за № 177 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 78) Бенкендорф сообщил, что он высказал Грею пожелание, чтобы росс. общественное мнение было осведомлено об английской точке зрения. Грей ответил, что сделает публичное заявление, если после сообщения Барклая перс. прав-во не откажется от назначения Стокса. Грей сказал, что не сможет однако протестовать против использования Стокса в Южной Персии.

[5] В тел. от 7 авг./25 июля за № 178 Бенкендорф предлагал изменить текст протеста в Тегеране в том смысле, что протест росс. прав-ва «имеет в виду только применение Стокса в Северной Персии». Он предлагал также из проекта ноты росс. прав-ва (см. № 295) исключить фразу, в которой говорится, что назначение британского подданного будет рассматриваться росс. прав-вом «как недружелюбный акт».

№ 303. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1039. 8 августа/26 июля 1911 г.

Personnel.

Au début de l'entrevue avec Buchanan cet après-midi, j'ai demandé à l'ambassadeur, devais-je considérer la démarche prescrite à Barclay [1] comme spontanément prise par Grey ou bien comme suite de notre dernière suggestion.

Buchanan s'est empressé de m'assurer que c'était un acte spontané.

Autrement, lui dis-je, nous aurions été placés devant un fait accompli, ce qui rendrait la négociation très difficile. Quant à l'idée de demander immédiatement une compensation, elle nous semblerait inopportune à l'heure qu'il est, puisque le refus indubitable du gouvernement persan nous forcerait à procéder à des mesures coercitives, ce qui serait contraire à la politique adoptée.

Nératow.

Перевод.

Лично.

В начале беседы с Бьюкененом, сегодня днем, я спросил у посла, должен ли я рассматривать предписанный Барклаю шаг как предпринятый Греем по собственному почину или же как следствие нашего последнего предложения.

Бьюкенен поспешил уверить меня, что это был шаг, предпринятый по собственному почину.

Иначе, сказал я ему, мы были бы поставлены перед совершившимся фактом, что сделало бы переговоры весьма затруднительными. Что же касается немедленного требования компенсации, то такая мысль кажется нам в настоящий момент неуместной, потому что несомненный отказ персидского правительства заставил бы нас прибегнуть к принудительным мерам, что противоречило бы принятой нами политике.

Нератов.

№ 304. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 89 [2]. 8 августа/26 июля 1911 г.

По сведениям французского министерства иностранных дел действительно идет речь о назначении финансовым агентом в Китай голландца [3]. Однако по вопросу об имеющих быть ему предоставленными полномочиях возник спор между китайским правительством и членами синдиката. Первое отказывается дать финансовому советнику право контроля над выполнением монетной реформы, тогда как банкиры, в особенности представители английской группы, настаи-

---

[1] См. стр. 307, прим. 3.

[2] Опубл. Stieve, I, S. 130, N 107.

[3] См. № 289.

В деп. от 17/4 авг. за № 63 Извольский писал: «Повидимому, если Китай будет упорствовать в своем отказе предоставить финансовому советнику право контроля, то английские капиталисты едва ли согласятся выдать свои деньги, несмотря на старания американцев убедить их в том, что вопрос о контроле не имеет существенного значения, так как в случае, если Китай окажется неисправным плательщиком, ему придется считаться с державами, стоящими за синдикатом. С другой стороны, здесь имеют основание полагать, что в самом Китае есть течение против заключения займа, так что если дело затянется, весьма возможно, что заем вовсе не состоится. По словам г. Бапста, члены французской группы синдиката втайне именно на это и надеются, ибо такой исход позволил бы им уклониться от участия в неугодном России предприятии, избегнув вместе с тем необходимость прямого отказа от подписанных уже условий. Чтобы эти надежды могли тем легче оправдаться, французы будто бы скрывают от американцев и немцев свои сведения об опасности, грозящей осуществлению займа в случае дальнейших проволочек». В конце депеши, ссылаясь на свое письмо от 20/7 июля (см. № 230), Извольский писал, что начатые между Рафаловичем и Клотцем переговоры об образовании нового синдиката с участием русских, французских и японских капиталов, прерванные вследствие отъезда Клотца, возобновятся тотчас же по его возвращении в Париж.

вают на этом праве. Американцы стараются убедить банкиров в неосновательности их требования [1], ссылаясь на то, что, в случае неисправного исполнения Китаем своих обязательств, державы, к которым принадлежат группы четверного синдиката, сумеют принудить его к этому [2]. По сообщенному мне [3] весьма доверительно мнению члена французской группы есть основание полагать, что если разрешение указанного спора затянется недель на шесть, возможно, что заем вообще не состоится, ввиду обнаружившегося будто бы в среде китайского государственного совета отрицательного к нему отношения. Обещанные мне дополнительные сведения сообщу тотчас по их получении.

Извольский.

№ 305. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 180 [4]. 9 августа/27 июля 1911 г.

Reçu NN 1037 [5], 1038 [6] et 1039 [7].

Dès que Grey a reçu télégramme de Buchanan, il s'est décidé de faire à Téhéran une démarche énergique qui prévient gouvernement persan qu'Angleterre nous reconnaît liberté action si nomination de Stockes, pour laquelle elle n'a pas été consultée, s'applique au Nord. J'ai compris la chose et je crois que cela ne peut pas se comprendre autrement que signifiant que Stockes ne doit avoir aucun pouvoir au Nord Perse. J'espère voir Grey demain et vérifierai. Je lui montrerai texte de notre protestation selon télégramme N 1038. Par sa démarche à Téhéran Grey a entendu soutenir d'avance notre protestation. A la suite de son entretien avec moi, il a rendu public point de vue anglais dans réponse au parlement [8], dont dernière phrase me paraît très importante [9]. Promesse d'appuyer pour compensation a déjà été donnée. Impressionné par attitude presse russe, Grey trouve pourtant qu'elle va un peu loin. Pour ma part, je voudrais ajouter à ce sujet qu'attitude presse anglaise tout à fait correcte non seulement en cette occasion, mais aussi en celle, en réalité beaucoup plus sérieuse, du retour du shah, où il a suffi d'une affirmation du gouvernement impérial, qui n'a pas été rendue publique, et d'un télégramme du «Times» pour écarter pensée de coopération Russie, tandis que les apparences étaient contre nous, apparences en partie confirmées par attitude à ce sujet de presse russe elle-même. Il me semble d'urgence agir en ce sens, sur cette base sur presse russe et user si possible de la «Rossia». Si notre presse se montre aussi sceptique sur attitude Angleterre dans affaire Stokes, impression sur presse anglaise sera mauvaise, ce

---

[1] У Stieve слова: «Американцы стараются... их требования» заменены словами: «Die Amerikaner stehen auf seiten der chinesischen Regierung» («Американцы стоят на стороне китайского правительства»).

[2] У Stieve слова: «ссылаясь на то... к этому» опущены.

[3] У Stieve «de Selves» («де Сельву»).

[4] Опубл. Siebert, II, S. 138, N 434.

[5] См. № 302.

[6] Тел. от 8 авг./26 июля за № 1038 Нератов сообщил Бенкендорфу две поправки к первоначальному тексту проекта протеста в Тегеране (см. № 295), которые он соглашался внести, при условии, если англ. прав-во примет предложение, содержащееся в тел. от того же числа за № 1037 (см. № 302).

[7] См. № 303.

[8] Тел. от 9 авг./27 июля за № 179 Бенкендорф сообщил, что 8 авг./26 июля Грей дал следующий ответ на заданный в палате общин вопрос о деле Стокса: «Мне известно, что персидское правительство предложило Стоксу служебное назначение. Подобное предложение не может рассчитывать на одобрение великобританского правительства, так как условия упомянутого назначения не согласуются с буквой и духом англо-русского соглашения 1907 года. Это назначение, насколько мне известно, носит очень неопределенный характер и может относиться ко всей Персии. В том случае, если оно относится к Северной Персии, то, по моему мнению, есть много оснований полагать, что оно противоречит духу англо-русского соглашения».

[9] У Siebert'а после слова «importante» стоит двоеточие, а последующая фраза взята в кавычки.

qui relèvera, je le crains, confiance anglaise en nos affirmations et méfiance russe à égard affirmations anglaises — publiées au parlement officiellement.

Benckendorff.

Перевод.

Получены №№ 1037, 1038 и 1039.

Как только Грей получил телеграмму Бьюкенена, он решился сделать в Тегеране энергичное представление, предупреждающее персидское правительство о том, что Англия признает за нами свободу действий в том случае, если назначение Стокса, по поводу которого с ней не посоветовались, касается Северной Персии. Я понял это и полагаю, что этого нельзя понять иначе как в том смысле, что Стокс не должен иметь никакой власти в Северной Персии. Я надеюсь увидеться с Греем завтра и проверю. Я покажу ему текст нашего протеста, как он изложен в телеграмме № 1038. Своим выступлением в Тегеране Грей имел намерение заранее поддержать наш протест. После разговора со мной он огласил английскую точку зрения в своем ответе парламенту, последняя фраза которого, мне кажется, имеет большое значение. Обещание оказать поддержку в отношении требования компенсации уже дано. Находясь под впечатлением позиции, занятой русской прессой, Грей тем не менее считает, что она заходит несколько далеко. Со своей стороны, я бы хотел добавить по этому поводу, что позиция английской печати совершенно корректна не только в данном вопросе, но и в вопросе в действительности гораздо более серьезном — о возвращении шаха, когда оказалось достаточным заверения императорского правительства, которое не было оглашено, и появления телеграммы «Times», чтобы устранить мысль о содействии России [шаху] в то время, как внешние признаки были против нас, признаки отчасти подтвержденные позицией, занятой по этому поводу самой русской прессой. Мне кажется, необходимо срочно воздействовать в указанном смысле на этой базе на русскую печать и использовать по возможности «Россию». Если наша пресса проявит столь же скептическое отношение к позиции Англии в деле Стокса, то это произведет на английскую прессу дурное впечатление, причем это подчеркнет, как я опасаюсь, английское доверие к нашим утверждениям и русское недоверие к английским утверждениям, официально оглашенным в парламенте.

Бенкендорф.

№ 306. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 182. 9 августа/27 июля 1911 г.

N 2[1].

En me recevant Grey dit qu'il espérait que ses paroles au parlement contribueraient à calmer opinion publique russe, que d'ailleurs il avait raison de croire que dans une semaine, peut-être moins, candidature Stokes sera retirée, ce qui mettrait fin à incident regrettable. En vue de cela il croyait prudent de ne pas multiplier démarches publiques à Téhéran. Qu'il comprend attitude opinion russe, mais qu'il devait penser à opinion anglaise, qui, s'il insistait publiquement trop fort, tirerait conclusions qui créeraient au gouvernement anglais difficultés en amenant arguments auxquels il sera difficile de répondre. Télégramme N 4[2] développe ces arguments. Il me pria de suggérer que texte de notre protestation[3] fût modifié, comme communiqué sub N 3[4]. Barclay sera chargé déclarer avoir prévenu que Russie

[1] Тел. от 9 авг./27 июля за № 181 (№ 1) Бенкендорф сообщал: «Под видом телеграммы из Тегерана сегодня в «Times» публикуется сообщение об официальном английском демарше в Тегеране; высказывается мнение, что слова Грея в парламенте [см. стр. 309, прим. 8] будут иметь последствием отказ Стокса и делается намек на возможность отставки Шустера».

[2] Тел. от того же дня за № 184 (№ 4) Бенкендорф сообщил, что Грей предвидит следующую аргументацию общественного мнения. Если даже англо-русским нажимом можно будет добиться назначения во главе жандармерии на Севере русского, а на Юге английского офицера, то положение Англии и России окажется неравным, так как на Севере, кроме того, имеются русские войска, в то время как на Юге при постоянном отсутствии порядка никаких военных сил не имеется и англ. торговля страдает весьма ощутительно. Грей сказал Бенкендорфу, что в данный момент англ. прав-во, настаивая перед перс. прав-вом на организации воинской части для поддержания порядка, ограничивается требованием приглашения шведских и бельгийских офицеров. Бенкендорф ответил, что по его личному мнению Нератов не откажет Грею в его просьбе изменить текст заявления перс. прав-ву, если Грей этого пожелает.

[3] См. № 295.

[4] См. № 307.

agirait comme elle l'entendait. Grey n'objecte nullement à notre protestation, mais croit qu'il serait préférable attendre résultat de son langage très énergique à Téhéran. Ce soir Grey m'écrit que probablement gouvernement persan abandonnera candidature Stokes et qu'en ce cas meilleure solution serait nomination à ce poste de sujet de Puissance secondaire, que dans cas contraire il est prêt à donner appui à notre demande éventuelle que gendarmerie pour perception impôts dans Nord soit mise sous commandement d'un officier russe ou sujet Puissance secondaire indiquée par nous [1].

Benckendorff.

Перевод.

№ 2.

Принимая меня, Грей выразил надежду, что его слова в парламенте будут содействовать успокоению русского общественного мнения, и сказал, что, кроме того, он имеет основание полагать, что через неделю, быть может раньше, кандидатура Стокса будет снята, что положит конец прискорбному инциденту. Ввиду этого он считает благоразумным не прибегать многократно к открытым выступлениям в Тегеране. Он говорит, что понимает позицию русского общественного мнения, но он должен думать об английском общественном мнении. Это последнее, если он будет чересчур сильно настаивать, вывело бы заключение, способное создать для английского правительства затруднения, вызвав аргументы, отвечать на которые будет трудно. Телеграмма № 4 развивает эти аргументы. Он просил меня предложить, чтобы текст нашего протеста был изменен, как сообщается в № 3. Барклаю будет поручено заявить, что он предупредил о том, что Россия будет действовать по своему усмотрению. Грей отнюдь не возражает против нашего протеста, но считает предпочтительным выждать результатов его весьма энергичного заявления в Тегеране. Сегодня вечером Грей мне пишет, что вероятно персидское правительство откажется от кандидатуры Стокса и в таком случае лучшим разрешением вопроса было бы назначение на этот пост подданного второстепенной державы; в противном случае он готов поддержать наше требование, — если таковое будет предъявлено, — чтобы жандармерия по сбору податей на Севере была поставлена под начальство русского офицера или подданного второстепенной державы, указанной нами.

Бенкендорф.

№ 307. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 183. 9 августа/27 июля 1911 г.

N 3.

Texte selon la modification proposée par Grey: Me référant à la déclaration faite par moi au ministre des affaires étrangères le 28/15 juillet a. c., j'ai l'honneur, d'ordre de mon gouvernement, de porter à la connaissance du gouvernement persan que le gouvernement impérial de Russie, pour des raisons expliquées en son temps au gouvernement persan, considère l'engagement par ce dernier du major Stokes comme chef de ses forces armées, dites gendarmerie pour la perception des impôts, comme incompatible avec ses intérêts, et je suis chargé de protester contre cette nomination. Le cas échéant le gouvernement impérial se réserverait de pourvoir lui-même aux mesures qu'il jugerait nécessaires pour la sauvegarde de ses intérêts dans le Nord de la Perse.

Benckendorff.

Перевод.

№ 3.

Текст с изменениями, предложенными Греем: Ссылаясь на заявление, сделанное мной министру иностранных дел 28/15 июля с. г., имею честь, по приказанию моего правительства, уведомить персидское правительство о том, что императорское российское правительство, в силу соображений, поясненных в свое время персидскому правительству, считает приглашение этим последним майора Стокса на должность начальника воинской части, именуемой жандармерией по сбору налогов, несовместимым со своими интересами, и мне поручено выразить протест против этого назначения. Императорское правительство оставляет за собой право, в случае надобности, самому принять меры, которые оно сочтет необходимыми для ограждения своих интересов в Северной Персии.

Бенкендорф.

---

[1] Публикуемая тел. была передана Поклевскому 11 авг./29 июля за № 1057.

№ 308. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 662. 9 августа/27 июля 1911 г.

Копия в Лондон.

Вокруг Шустера тесным кольцом сгруппированы здешние корреспонденты «Times» и Рейтера, полковник Беддос и сотрудник «Siècle» Эрберт, которые, будучи сами крайними националистами, дают ему неверное освещение здешнего положения и толкают его на путь, следование по коему должно неминуемо привести его к кризису. Статья «Times», разделяющая наш взгляд на назначение Стокса, произвела среди этих лиц огромный переполох, который увеличился вследствие полученного от профессора Бруна известия, что «Times» и Рейтер отказываются печатать посылаемые отсюда неблагоприятные для России известия. Это привело, с одной стороны, некоторых из вышеупомянутых лиц ко мне с примирительными, хотя и неприемлемыми, предложениями Шустера относительно Стокса и с уведомлением, что Шустер на-днях лично посетит Барклая и меня. С другой же стороны, эти лица послали анонимно Бруну длинные телеграммы с просьбой поместить в других газетах весь неиспользованный «Times» и Рейтером неблагоприятный для нас материал и с поручением немедленно начать энергичную кампанию в английской прессе в пользу Шустера, чтобы противодействовать впечатлению, произведенному на английское правительство и общественное мнение статьями «Нового времени» [1], которые вдохновляются, будто бы, драгоманом здешней императорской миссии. Непосредственное участие Шустера в этой враждебной нам газетной кампании доказывается тем, что он гарантировал перед Индо-европейской компанией исправную уплату Эрбертом за его телеграммы, большая часть коих адресована Бруну. Очень прошу прямо не пользоваться передаваемыми выше сведениями, так как это могло бы скомпрометировать сообщивший их мне авторитетный источник.

Поклевский.

№ 309. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 664 [2]. 9 августа/27 июля 1911 г.

За последние дни и до меня доходили сведения, что под влиянием тяжелых условий, в которых находится ныне шахское правительство, в среде кабинета и меджлиса возникла мысль искать сближения с нами путем соответствующих уступок. Вчера меня посетил министр иностранных дел и заявил, что особое совещание министров, главнейших членов меджлиса и нескольких выдающихся лиц, вроде Ала-эд-Доуле, пришли к заключению, что враждебная России политика ведет не только нынешний режим, но и вообще Персию к гибели. Министру иностранных дел при этом поручено было узнать, на каких условиях Россия согласилась бы отнестись благосклонно к нынешнему правительству. Передавая

---

[1] Повидимому, имеются в виду статьи в «Новом времени» № 12699 от 3 авг./21 июля и № 12704 от 8 авг./26 июля.

В первой из них указывалось, что «вступление майора Стокса на персидскую службу находится несомненно в прямой зависимости от воли английского правительства». В статье выражалось опасение, что случай со Стоксом «может внести в русско-английские отношения, поскольку они связаны с соглашением 1907 г., существенные ограничения, одинаково невыгодные для обеих сторон».

Во второй статье подвергалась критике статья «Times», в которой сообщалось, что «британское правительство по уставу о военной службе не имеет возможности помешать бывшему английскому военному агенту выйти в отставку». Далее в статье «Нового времени» указывалось: «Если «Times» в данном случае не делает ошибки относительно юридической и фактической невозможности для британского правительства помешать майору, ныне капитану в отставке, Стоксу принять политическое назначение в Персии, то остается в силе... вывод: англо-русское соглашение 1907 г. о взаимном невмешательстве в сферу влияния другой стороны оказывается à merci любого авантюриста и, следовательно, тем самым остается клочком бумаги, не имеющим реального значения».

[2] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 81, со стилистическими изменениями.

мне этот запрос, министр прибавил, что он ожидает от меня лишь принципиального ответа, так как ему известен весь перечень отдельных нерешенных дел, в которых мы заинтересованы и кои он и без того надеется закончить в благоприятном для нас смысле. Я ответил, что до начала нынешней борьбы, в коей императорское правительство решило остаться нейтральным, мне легко было бы в общих чертах определить наши требования, состоящие в следующем: дружественная по отношению к нам и совершенно согласная с буквой и духом англо-русского соглашения политика шахского правительства. Такая политика сделала бы невозможным возникновение опасных для наших отношений инцидентов, вроде приглашения на службу Стокса и предоставления слишком широких полномочий Шустеру и способствовала бы разрешению в благоприятном для всех трех государств смысле вопроса о займах, о будущем железнодорожном строительстве и т. п. На дальнейший запрос о том, в какой мере при подобном направлении персидской политики Персия могла бы рассчитывать на нашу помощь, я позволил себе ответить, что шахскому правительству была бы обеспечена не только нравственная поддержка всех наших агентов в Персии, но и обеспечивались бы случаи материальной помощи после особых на этот счет переговоров. Министр на это сказал, что шахское правительство находится теперь в крайне тяжелом положении, которое значительно ухудшается от того обстоятельства, что нейтралитет наш всеми истолковывается в смысле нежелания нашего притти на помощь нынешнему правительству. Вместе с тем Мохамед-Али-шах не будет в состоянии водворить в стране порядок без нашей помощи, но нынешнее правительство, по мнению министра, способно гораздо лучше использовать помощь России на благо Персии. Отозвавшись затем крайне неодобрительно о приглашении Стокса и вообще о деятельности Шустера, министр выразил желание получить от императорского правительства ответ на следующий точно формулированный вопрос: «Если у императорского правительства явится уверенность, что шахское правительство будет впредь придерживаться дружественной по отношению к России и во всем согласной с буквой и духом англо-русского соглашения политики, то может ли императорское правительство снабдить всех своих агентов в Персии такими инструкциями, чтобы нынешний наш нейтралитет не мог быть истолкован в враждебном для шахского правительства и благоприятном для Мохамед-Али-шаха смысле». Испрашивая указания вашего превосходительства, считаю долгом заметить, что при нынешних обстоятельствах предложение это мне представляется вполне искренним, но трудно поручиться, что развивающиеся события и всегда возможный новый разлад между кабинетом, меджлисом, бахтиарами и Шустером позволят министру довести начатые ныне переговоры до конца [1].

Поклевский.

По-моему, правительство в Персии теперь пустой звук. Скоро мы убедимся в этом окончательно.

Петергоф, [10 августа] 28 июля 1911 г.

---

[1] Тел. от 10 авг./28 июля за № 666 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 87) Поклевский сообщал: «Министр иностранных дел в общих чертах повторил вчера Барклаю свой разговор со мной и выразил сомнение, чтобы шахское правительство могло дать прямое обязательство сообразовать свои действия с англо-русской конвенцией, но он все-таки надеется найти какую-либо другую формулу для соглашения. Министр также дал понять Барклаю, что шахскому правительству будет очень трудно ограничить сферу деятельности Стокса Югом Персии», так как это нежелательно персам, «как косвенное признание нашей и английской сфер влияния».

В тел. от 24/11 авг. за № 1132 Нератов сообщил Поклевскому: «Персидский поверенный в делах сделал мне заявление в том же смысле. Я ответил ему согласно с вашим ответом министру иностранных дел, добавив, что при настоящих условиях я не признаю возможным говорить здесь о каких-либо отдельных вопросах, разрешение коих, по мере возможности, должно последовать на месте, по соглашению между вами и персидским правительством. В заключение я особенно подчеркнул, что твердой основой нашей политики в Персии попрежнему остается полное взаимодействие и согласие с Англией».

№ 310. Военный министр временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 2484. 11 августа/29 июля 1911 г.
Весьма секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В ответ на письмо ваше от [19] 6 июня с. г. за № 362 [1] с препровождением копии записки действительного статского советника Гирса о способах воздействия на турецкое правительство для парализования усилий его создать на Черном море военный флот более сильный, чем наш, имею честь сообщить вашему превосходительству мнение по сему предмету военного министерства.

Из записки действительного статского советника Гирса видно, что автор ее считает «*единственным надежным средством*» для достижения указанной цели «*свободный доступ в это море наших военных судов, свободный выход их оттуда, т. е. открытие проливов, даже при том условии, что право это будет распространено на прочие державы*».

При этом действительный статский советник Гирс полагает, что открытие проливов и предоставление Черного моря в общее международное пользование, лишив Турцию ее исключительного выгодного современного положения на берегах проливов, тем самым повлияет на ее судостроительные планы и остановит приведение в исполнение намеченной широкой программы, имеющей конечной целью захват господства на Черном море.

Нельзя не возразить на эту точку зрения, построенную в расчете на чисто психологический эффект факта открытия проливов. За спиной Турции стоит Германия, которая, как говорит сам автор записки, «систематически» подготавливается к прочному утверждению в Малой Азии, для чего ей необходимо предварительно стать твердой ногой в проливах. Если это так, то нам придется считаться не только с психологией Турции, но и с психологией Германии. Едва ли последняя, раз вступив на путь осуществления программы утверждения на берегах Мраморного моря и в Малой Азии посредством опоры на Турцию, отступит от этой агрессивной политики ввиду превращения Черного моря в международное. Это положение может изменить дело лишь в том смысле, что Германии придется озаботиться о более интенсивном усилении боеспособности турецкого флота.

При этом условии единственным действительным средством парализовать вырастающую со стороны Турции угрозу России явится возможно быстрое усиление нашей собственной морской мощи в Черном море.

Следовательно, весь вопрос должен быть формулирован, как кажется, иначе: открытие проливов само по себе не может парализовать германо-турецкие замыслы; *парализовать же их возможно лишь обеспечением превосходства нашего Черноморского флота в каждый данный момент над турецким.*

В этом последнем отношении открытие проливов или сохранение их закрытыми имеет для России первостепенное значение.

Известно, что закрытие Босфорского и Дарданелльского проливов для военных судов было направлено в свое время исключительно против России. В самом деле, наш Черноморский флот поставлен в тяжелое положение: он не только лишен возможности выйти из Черного моря, т. е. получить широкое стратегическое назначение, но и самое развитие его сил оказалось в зависимости от мощности наших судостроительных средств в Черном море. Никакое усиление Черноморского боевого флота извне при настоящих условиях невозможно; строительные же средства Черного моря не могут дать той быстроты постройки крупных судов, которая необходима, чтобы поставить нашу Черноморскую эскадру в уровень с отдельными флотами держав, стоящих на страже проливов.

Первая невыгода в ближайшем прошлом больно отозвалась во время русско-японской войны, когда наша Черноморская эскадра не могла быть двинута на Дальний Восток.

---

[1] См. стр. 227, прим. 2.

Вторая невыгода выражается в относительной слабости нашего Черноморского флота, не позволяющей рассчитывать на его силу для форсирования, в случае нужды, проливов, т. е. для насильственного нарушения международного трактата.

В ином положении относительно этого последнего трактата находятся другие великие державы.

Для форсирования проливов при войне с Россией, заинтересованным державам, полагающимся на свои собственные силы, нет даже надобности привлекать Турцию, как в 1853 г., к формальному союзу (добиться чего, впрочем, при установившемся в Европе мнении об ослаблении России, не так трудно); совершенно достаточно получить, ценой известных обещаний, тайное согласие Турции; враждебные России эскадры пройдут якобы «насильно», а Турция — самое большое — выступит с маскирующим ее действия бумажным протестом [1]. Следовательно закрытие проливов не обеспечивает нас от прохода в Черное море враждебного нам флота.

В общем, закрытие проливов, в случае общеевропейской войны, ставит нашу Черноморскую эскадру в положение всегда слабейшей и *обороняющейся*, прикованной к Черному морю, другими словами — ставит ее в *пассивное положение*.

Активное значение она может приобрести лишь в маловероятном случае единоборства с Турцией.

Однако в настоящее время, как известно, эта последняя, при помощи господствующей над ней Германии, делает энергичные усилия, чтобы своей морской мощью перерасти Россию и вырвать у нее первенство в Черном море.

Очевидно, что в случае, если бы России удалось в ближайшие годы усилить Черноморский флот настолько, чтобы он мог принять вызов на море не одной Турции, но и другой, более сильной морской державы, то этим самым была бы поставлена точка тем пассивным идеям, которыми вынуждена руководствоваться в настоящее время наша Черноморская эскадра. Из оборонительной она превратилась бы в *наступательную*, способную в минуту необходимости разорвать международные путы и померяться в борьбе за проливы как с турецким, так и с каким-либо другим флотом.

Однако подобное усиление Черноморского флота в короткий срок возможно только *извне*, а именно посредством заблаговременного, в предвидении войны, ввода в Черное море судов как из состава других наших эскадр, так, главным образом, новых морских гигантов, приобретенных или заказанных за границей. Строительные же средства собственно Черного моря могут выполнить лишь ограниченную программу судостроения и притом растянутую на долгие годы.

Таким образом, для решительного и быстрого обеспечения за нами господства в Черном море и для захвата нами наступательного почина необходимо добиться права пропуска наших военных судов через Дарданеллы и Босфор. Право это даст нам возможность, *посредством ввода в Черное море новых судов, в сравнительно короткое время создать могущественный Черноморский флот и вообще усиливать этот флот вводом новых судов по мере необходимости.*

При этом придется, конечно, считаться с тем обстоятельством, что Черное море перестало быть русско-турецким и что открытие проливов облегчит создание собственного боевого флота Румынии, примыкающей к нашим вероятным врагам, другими словами — придется, при построении плана усиления нашей Черноморской эскадры, предвидеть возможность столкновения ее с первых же дней войны с соединенными флотами Турции и Румынии.

В общем, изложенные соображения приводят к следующим выводам:

1) Открытие проливов само по себе не может быть обсуждаемо как средство

---

[1] В 1903 г. Англия, воспользовавшись случаем пропуска в 1902 г. четырех русских разоруженных миноносцев через проливы в Черное море, объявила, что это — «прецедент» на будущее и что Англия не будет считаться, как в происшедшем случае Россия, с державами, подписавшими Берлинский трактат, а лишь с одной Турцией. Едва ли подлежит сомнению, что всякая держава, чувствующая за собой силу, поступит именно в этом духе. [Прим. оригинала.]

для парализования турецкого судостроительства, но должно быть рассматриваемо, как средство для усиления нашего собственного флота, каковым усилением возможно достигнуть относительного его превосходства над турецким;

2) Открытие проливов и предоставление Черного моря в общее международное пользование представляет в военном отношении ту выгоду для России, что даст возможность *свободного выхода* нашему Черноморскому флоту на усиление наших морских сил на других театрах войны и свободного заблаговременно ввода в Черное море судов, необходимых для усиления Черноморского флота;

3) Существующее же в настоящее время положение, запирая для наших судов проход через проливы, не гарантирует нас от пропуска в Черное море, в случае войны с другими державами, враждебного нам флота.

Ввиду сего открытие проливов является для нас мерой несомненно выгодной.

Примите и пр.

В. Сухомлинов.

№ 311. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

⅟. Телеграмма № 1062 [1]. 12 августа/30 июля 1911 г.

Посетивший меня итальянский посол, говоря об адриатической линии, указал на желательность и своевременность сообщения Порте о нашем участии в этом деле.

Я ответил Мелегари, что до самого последнего времени я считал бы подобное выступление неосторожным; при изменившихся же ныне обстоятельствах, быть может, такой шаг и был бы возможен. Во всяком случае, прибавил я, до принятия того или иного решения мне казалось бы полезным поставить этот вопрос на совместное обсуждение ваше и ваших французского и итальянского коллег.

В случае обращения к вам Бомпара или Мартино благоволите телеграфировать.

А. Нератов.

№ 312. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⅟. Телеграмма № 92. 12 августа/30 июля 1911 г.

При последних свиданиях между Камбоном и Кидерленом выяснилось, что Германия отказывается от части Конго к югу от реки Санга, но требует уступки обширной территории к северу и северо-востоку от этой реки вплоть до пределов египетского Судана. Имея в виду, что Англия против этого не возражает, французское правительство склонно согласиться на это требование, но на двух условиях: уступки ей колонии Того и широкого определения прав Франции в Марокко, а именно, между прочим, признание за ней исключительного права на все концессии, имеющие политический характер. Кидерлен должен был представить французские предложения императору и дать ответ Камбону сегодня вечером.

Извольский.

№ 313. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⅟. Телеграмма № 93. 12 августа/30 июля 1911 г.

Ввиду надежды на благополучный исход переговоров с Германией, здесь ныне озабочены скорейшим заключением соответствующего соглашения с Испанией. Желая перенести переговоры об этом соглашении из Мадрида в Париж, де Сельв просил моего частного посредничества между ним и здешним испанским послом, с которым я нахожусь в весьма дружественных отношениях. Если с вашей

[1] Лит. копия.

стороны к этому нет препятствий, я предполагаю, согласно желанию де Сельва, осторожным образом осведомиться у Переса Кабальеро о взглядах его правительства [1].

Извольский.

№ 314. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 1069 [2]. 13 августа/31 июля 1911 г.

Состоявшееся подписание соглашения между турецким правительством и французским синдикатом о постройке малоазиатских железных дорог крайне тревожит наши правительственные круги [3].

Ввиду предстоящего обсуждения вопроса особым совещанием и необходимости наметить дальнейшие мероприятия с нашей стороны, полагали бы полезным запросить Порту официально, справедливы ли появившиеся в печати сообщения о соглашении.

На словах же можно было бы прибавить, что мы желали бы также осведомиться, насколько Порта, ввиду налаживающихся у нее с нами дружеских отношений, признает означенное соглашение отвечающим нашему соглашению 1900 года [4].

Если, по местным условиям, вы не усматриваете препятствий к таковым запросам, то благоволите безотлагательно предъявить их в вышеуказанной форме Порте и о последующем уведомить.

А. Нератов.

№ 315. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 672 [5]. 13 августа/31 июля 1911 г.

Вашу телеграмму № 1033 получил [6].

Барклай сделал это предостережение в письменной форме в прошлый вторник [7], на что персидское правительство, совершенно замалчивая выраженное обоими правительствами в прошлом году пожелание относительно поступающих на персидскую службу иностранных советников, ответило ныне, что назначение Стокса не противоречит тексту англо-русской конвенции. Министр иностранных дел вместе с этим просил содействия английского правительства, дабы найти

---

[1] Ответной тел. от 13 авг./31 июля за № 1070 Нератов сообщил: «Не усматриваем препятствий к осуществлению ваших предположений о переговорах с испанским послом».

[2] Лит. копия.

[3] См. № 301.

[4] При деп. от 14/1 авг. за № 86 и от 19/6 авг. за № 87 Чарыков препроводил в м-во ин. дел копии документов, входивших в состав франко-турец. соглашения от 29/16 июля о железнодорожном строительстве как в Европейской, так и в Азиатской Турции. Из окончательного текста декларации о постройке малоазиатских линий была изъята оговорка, внесенная франц. предпринимателями (см. стр. 138, прим. 1). В деп. за № 87 Чарыков писал: «Эта уступка, вынужденная в последнюю минуту, крайне прискорбна и обязывает нас высказаться категорически перед Портой не только прежде чем было бы приступлено к постройке неугодных нам малоазиатских линий, но даже прежде чем будут заключены окончательные контракты на постройку означенных линий». Анализируя сущность франко-турец. железнодорожного соглашения с точки зрения русских интересов, Чарыков делал следующие выводы: а) подписание соглашения является крупным дипломатическим успехом союзной Франции; б) по достижении этого успеха усилия франц. и росс. прав-в должны быть направлены к тому, чтобы «осуществить все те части соглашения этого, которые для нас желательны и не допустить исполнения тех его частей, которые мы считаем для себя вредными». Для достижения этой цели Чарыков полагал необходимым заменить русско-турец. соглашение 1900 г. новой декларацией, проект которой он препровождал при этой же депеше. Проект Чарыкова в отношении замены соглашения 1900 г. в общих чертах совпадает с проектом, который был выработан впоследствии в росс. мин-ве ин. дел (см. № 509 и приложение к нему).

[5] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 89, со стилистическими изменениями.

[6] См. стр. 307, прим. 3.

[7] 8 авг./26 июля.

какой-нибудь выход из создавшегося положения. Барклай высказал мнение, что лучше всего было бы ограничить деятельность Стокса Фарсом, но министр возразил, что это все-таки могло бы дать нам повод для требования компенсаций, что, в свою очередь, подняло бы вопрос о сферах влияния в Персии. Министр со своей стороны предложил две альтернативы. Согласно первой — персидское правительство дало бы нам заверение, что назначение Стокса не будет служить прецедентом и что через три года его заменит либо перс, либо подданный второстепенного европейского государства. Второе предложение состоит в том, что если императорское правительство благоприятно ответит на изложенный в моей телеграмме № 664 [1] вопрос и обещает не требовать компенсации, то персидское правительство обяжется не употреблять Стокса для активной службы в Северной Персии, предоставив ему лишь заниматься организационной работой в Тегеране. Я позволил себе высказать Барклаю свое мнение, что оба эти предложения далеко не отвечают пожеланиям императорского правительства.

Поклевский.

№ 316. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 673 [2]. 13 августа/31 июля 1911 г.

Вчера в одном частном доме мы с Барклаем встретили за обедом Шустера, с которым у нас затем был в присутствии американского посланника продолжительный разговор. Мы старались внушить Шустеру необходимость сообразоваться в его будущей деятельности в Персии с духом англо-русской конвенции и советовали отказаться от Стокса, так как принятие последнего на персидскую службу противоречит как помянутой конвенции, так и данным нами ранее персидскому правительству советам. При соблюдении этих условий мы выразили даже готовность оказывать Шустеру нравственную поддержку. Последний дал нам самые положительные заверения относительно его будущей деятельности, вполне понимая, что без поддержки обеих миссий успех его здешней задачи невозможен. За назначением Стокса он отрицал всякое политическое значение, объясняя его исключительно желанием поручить опытному и знающему Персию офицеру организацию финансовой жандармерии. Он также с необыкновенной настойчивостью проводил мысль, что императорское правительство могло бы по представлению миссии оказать акт великодушия по отношению к Персии в форме согласия на назначение Стокса, взамен чего он готов был бы обязаться, что этот офицер не получит командировок в провинции Северной Персии, а будет все время находиться в Тегеране, где под непосредственным руководством Шустера займется созданием жандармерии. Мы с Барклаем все время указывали, что вопрос этот зашел слишком далеко и что, по нашему мнению, никакие представления отсюда не могут теперь изменить взгляда императорского правительства. Я намекнул также Шустеру, что его настойчивость может поставить персидское правительство в затруднительное положение и что всякие с нашей стороны меры давления или репрессалии в связи с делом Стокса могут лишь увеличить шансы Мохамед-Али-шаха. Наша беседа не привела к положительным результатам, и остается неизвестным, как поступит далее Шустер, но во всяком случае, имевший место совершенно откровенный обмен мнений несколько увеличил доверие к нему Барклая и мое [3].

Поклевский.

---

[1] См. № 309.

[2] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 90, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[3] Ответной тел. от 16/3 авг. за № 1083 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 96) Нератов сообщал Поклевскому: «Не можем питать доверия к заверениям Шустера, что назначение Стокса не будет иметь политического значения, так как предшествующая деятельность Стокса стяжала ему вполне определенную известность, как интригана, политикана и притом ярого руссофоба. Такой человек не сумеет воздержаться от вмешательства в политику, в которую, может быть, вовлечет и самого Шустера против его воли. Не найдете ли способа, частным образом, обратить на это внимание Шустера, отнюдь однако не выставляя личность Стокса, как главную основу нашего протеста, каковой является принципиальный вопрос о несоот-

№ 317. Поверенный в делах в Вашингтоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 48. 14/1 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Не получая обещанного мне почти месяц тому назад государственным секретарем ответа на меморандум касательно статьи 16-й контракта между Китаем и финансовым синдикатом [1], я на-днях написал частным образом г. Миллеру, заведующему в государственном департаменте отделом Дальнего Востока, чтобы узнать, могу ли я в скором времени осведомиться об отношении американского правительства к упомянутому заявлению нашему.

В ответ я получил прилагаемое при сем в копии письмо [2]. Замедление в ответе г. Миллер объясняет необходимостью обсуждения вопроса, возбужденного нами и Японией, не только четырьмя правительствами, но и четырьмя финансовыми группами, заинтересованными в этом деле.

Так как протест России и Японии был сообщен Англии и Франции ранее, чем это было сделано в Вашингтоне, то было найдено более удобным сосредоточить дело о приискании решения возбужденного нами вопроса в Лондоне. Окончание ведущихся там переговоров ожидается в скором будущем, причем, будто, будет дано удовлетворение нашим возражениям на упомянутую статью 16-ю контракта. В чем выразится это удовлетворение, г. Миллер не пишет. Ответ на наш меморандум он обещает тотчас по получении государственным департаментом известий об окончательных результатах лондонских переговоров. При этом он повторяет переданный им мне ранее на словах взгляд американского правительства на истинный смысл статьи 16-й (мое донесение № 37 [3]), а также заявляет, что американское правительство твердо решило ничем не поощрять монополистических стремлений американских финансистов, если бы ими обнаружены были такие стремления в связи с применением упомянутой статьи.

Французский поверенный в делах, который, как я о том сообщил вашему превосходительству секретной телеграммой от [29] 16 июля, № 48 [4], поддержал пред американским правительством наше домогательство об отмене статьи 16-й, мне доверительно передал, что предложение г. де Сельва ограничить круг действия статьи 16-й одной только монетной реформой категорически отклонено американцами. По его же сведениям, упомянутое выше в письме г. Миллера удовлетворение нашему и японскому протесту вероятно выразится в виде декларации, исходящей от четырех держав, к которой Россия и Япония будут приглашены присоединиться. Декларация эта, на подписание которой, будто, уже имеется соглашение Англии и Германии, точно определит смысл и значение статьи 16-й и предотвратит всякую возможность создания какой-либо монополии в Манчжурии в пользу финансового синдиката.

О желаемой нами простой отмене ее нет и речи.

Примите и пр. Кн. Н. Кудашев.

ветствии назначения этого офицера с духом англо-русского соглашения и нашего прошлогоднего заявления о предоставлении подобных должностей подданным второстепенных держав».

[1] См. стр. 202, прим. 3.

[2] В письме от 10 авг./28 июля Миллер сообщал, что государственный департамент немедленно по получении ноты росс. прав-ва вступил в переговоры с другими прав-вами, заинтересованными в займе. «Я счастлив заявить, — писал Миллер, — что этот обмен мнениями ныне зашел так далеко, что скоро приведет к соглашению, которое, надо надеяться, удовлетворит вполне основательные возражения вашего правительства и Японии по этому вопросу». В отношении ст. 16-й контракта Миллер отмечал, что по мнению прав-ва США эта статья не создает какой-либо монополии на предпринимательскую деятельность в Манчжурии, и что прав-во США не будет поддерживать своих финансистов в этом направлении. В заключение Миллер писал: «Надо надеяться, что это может быть сделано так определенно и ясно, что вполне удовлетворит как ваше правительство, так и японское».

[3] В деп. от 15/2 июня за № 37 Кудашев писал, что ст. 16-я контракта понимается государственным департаментом «в самом тесном смысле выражений, в которых она формулирована, не оставляющем места каким-либо распространительным толкованиям, т. е. ни в каком случае не в смысле создания для синдиката монополистического положения в Манчжурии».

[4] См. № 266.

№ 318. Помощник военного министра временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 2485. 14/1 августа 1911 г.
Секретно. Весьма спешно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Военный агент в Черногории, полковник Потапов, рапортом от [13 июля] 30 июня с. г. № 666[1] донес, что последовавшим распоряжением министерства иностранных дел, сообщенным посланнику в Черногории г. Арсеньеву, приостановлена впредь до полного окончания албанского восстания выдача военной субсидии.

Из 400 000 рублей (1 014 713 крон), переведенных в нашу миссию в Цетинье для выдачи черногорскому военному министерству за первые две трети текущего года, фактически выдано, вследствие указанного распоряжения, 197 100 рублей (500 000 крон), т. е. около половины всей суммы.

Задержка выдачи остальных денег может отразиться на ходе работ по преобразованию черногорской армии, для каковой цели назначается военная субсидия. Имея же в виду, с одной стороны, что расходование ее находится под строжайшим непосредственным наблюдением нашего военного агента, с другой, что опасность столкновения с Турцией и употребление субсидии для подготовки к войне с нею уже миновала, я полагаю, что дальнейшая задержка в выдаче субсидии уже нежелательна.

Приостановка в отпуске денег, притом на неопределенное время, ставит деятельность наших военного агента и офицеров-инструкторов в такие условия, при которых не может быть выполнена намеченная на текущий год учебная программа, т. е. иначе наши инструктора присуждаются к бездействию в самой важной области плана преобразования черногорской армии. Вследствие неожиданности наступивших обстоятельств и приостановки выдачи субсидии призыв рекрут в учебный сбор в сем году не был своевременно отменен; дальнейшее же прекращение отпуска денег не позволит довести начатое сложное дело до конца, так как производство учебных сборов рекрут возможно, по климатическим условиям, только до [2 ноября] 20 октября; таким образом, в случае задержки в выплате денег учебная программа нынешнего года не будет выполнена.

На основании всего изложенного прошу ваше превосходительство не отказать изменить отданное министерством иностранных дел распоряжение и указать, чтобы военная субсидия выдавалась в порядке, применявшемся уже ранее, по письменным заявлениям нашего военного агента, без предварительных каждый раз сношений с министерством иностранных дел.

О последующем имею честь просить поставить меня в известность[2].

Примите и пр.

Ал. Поливанов.

№ 319. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

15/2 августа 1911 г.

Повергая у сего на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества составленный на основании окончательных переговоров с берлинским кабинетом проект соглашения[3] с Германией по персидским делам, вместе с пояс-

[1] В рапорте от 13 июля/30 июня за № 666, в основном изложенном в публикуемом документе, Потапов писал: «При несомненной и исключительной вине черногорцев в том, что албанское движение так затянулось, все же возвещенная мне г. Арсеньевым приостановка выдачи денег за счет русской субсидии ни в коем случае не может отразиться на ходе албанского движения и ускорить замирение в охваченных восстанием областях».

[2] В ответном письме от 16/3 авг. за № 528 Нератов сообщал Поливанову: «О неимении со стороны министерства иностранных дел препятствий к выдаче задержанной части военной субсидии Черногории было сообщено еще [7 августа] 25 минувшего июля», причем окончательное решение этого вопроса было предоставлено Арсеньеву по соглашению с Потаповым.

[3] Упомянутый проект не воспроизводится, т. к. текст его совпадает с текстом соглашения, подписанного 19/6 авг. (см. № 343), за исключением последнего абзаца, который в проекте отсутствует. На проекте соглашения имеется помета Николая II: «С[огласен]». «Петергоф, [15] 2 августа 1911 г.»

нительной запиской [1] к этому проекту и всеподданнейшим докладом о дополнительном словесном заявлении [2], сделанном мне германским послом по вопросу о железнодорожном строительстве в Малой Азии, приемлю смелость испрашивать указаний вашего императорского величества относительно подписания, совместно с графом Пурталесом, означенного соглашения.

Нератов.

Можно подписать.

Петергоф, [15] 2 августа 1911 г.

Приложение I.

Объяснительная записка к проекту русско-германского соглашения по персидским делам [3].

15/2 августа 1911 г.

Введение. Во введении к соглашению [4] существенное значение имеет признание за Россией специальных интересов в Персии в противоположность лишь коммерческим интересам Германии в этой стране. Во время предшествовавших переговоров германское правительство пыталось включить в текст этого введения упоминание о целости и независимости Персии, но попытка эта была нами отклонена. Таким образом, Германия ныне формально отказывается от какого-либо политического влияния в Персии. Засим, в введении подтверждается принцип общего равноправия всех государств в торговом отношении, уже провозглашенный ранее в англо-русском соглашении 1907 года.

Статья 1. Статьей первой Германия отказывается от права домогаться лично для себя, а равно для своих и чужих подданных концессий железнодорожных, дорожных, навигационных и телеграфных в северной части Персии, входящей в состав сферы русского влияния по англо-русскому соглашению 1907 г., причем в восточной части Персии, путем направления демаркационной линии от Хакка не на Зюльфагар, а на Гязик, германское обязательство распространяется и на часть так называемой нейтральной зоны, прилегающей к афганской границе. Принятое Германией этой статьей на себя обязательство является для нас гарантией против распространения в пределы Северной Персии германской сети малоазиатских дорог, а также каких-либо иных турецких линий при содействии Германии.

Статья II. Во второй статье, касающейся главным образом постройки Россией железной дороги от Тегерана к Ханекену на соединение в этом пункте с ветвью Садидже—Ханекен Багдадской железной дороги, осуществление со стороны России этого обязательства, которому Германия придает очень важное значение, поставлено в зависимость от получения на то концессии от персидского правительства. Время испрошения этой концессии приурочено ко времени окончания ветки Садидже — Ханекен, а начало постройки Тегеран-Ханекенской дороги к концу второго года после сооружения сказанной ветки; на всю постройку упомянутой железной дороги положен четырехгодичный срок и притом при условии получения концессии на эту дорогу. Считая, что на постройку остающейся части Багдадской железной дороги до Садидже и ветки оттуда до Ханекена Германии потребуется по меньшей мере, по словам германского посла, семь лет, можно сказать, что наша Тегеран-Ханекенская дорога имеет быть сомкнутой с багдадской сетью приблизительно через 13 лет по подписании соглашения. За это время нам следует постараться создать хотя бы главные наши собственные линии проникновения в Персию, как-то: Энзели-Тегеранскую и Джульфа-Тавризскую, чтобы подготовиться к предстоящей экономической

[1] См. приложение I.
[2] См. приложение II.
[3] Заголовок оригинала. Царск. экз. Черновик написан рукой Клемма.
[4] См. № 343.

борьбе с Германией на рынках Северной Персии. Далее, в статье этой предусмотрена и возможность отказа со стороны России от выполнения этого обязательства, каковой отказ должен последовать не позже, как через два года после окончания постройки ветки Садидже—Ханекен. В таком случае Германия, очевидно наравне со всяким желающим, получит право добиваться для себя концессии на постройку Тегеран-Ханекенской линии. Наконец, Россия принимает на себя обязательство при выборе окончательного направления означенной линии считаться с германскими пожеланиями в этом отношении, и оба правительства обязуются ничем не стеснять международного сообщения на дорогах Садидже — Ханекен и Ханекен — Тегеран.

Статья III. Статьей третьей Россия обязуется не чинить никаких препятствий сооружению Багдадской железной дороги и в частности привлечению к этому делу иностранных капиталов с оговоркой однако, что это не повлечет за собой каких-либо материальных или экономических жертв со стороны России. Первая часть этой статьи вызвала было возражения великобританского правительства, которое высказывало в свое время желание, чтобы мы не распространяли этого обязательства на южный участок сказанной линии, от Багдада к Персидскому заливу. После соответствующих переговоров лондонский кабинет решил однако отказаться от этой точки зрения и удовольствоваться нашим заявлением, что без предварительного соглашения с ним и с французским правительством мы не намерены изъявлять согласие на 4% надбавку на турецкие таможенные пошлины, имеющую служить обеспечением исправности уплаты турецким правительством километрической гарантии об-ву Багдадской дороги. На такое заявление нам давала право часть вторая рассматриваемой статьи, тем более, что германскому правительству словесно разъяснено, что под «денежными или экономическими жертвами» мы разумеем и 4% надбавку.

Статья IV. Этой статьей мы обеспечиваем себе право передачи нашей концессии каким-либо иностранным предпринимателям по нашему выбору. Право это имеет несомненное значение для нас потому, что сооружение Тегеран-Ханекенской линии на русские капиталы едва ли представляется возможным.

Статья V. Последняя статья дает нам право выкупа, по нашему желанию, линии Тегеран — Ханекен, кем бы она ни была сооружена, и притом по действительной ее стоимости. Далее, выговорено одинаковое пользование обеими договаривающимися державами всеми преимуществами в смысле тарифов и других привилегий, которые та или другая сторона могла бы обеспечить себе на сказанной линии. Этот пункт имеет существенное значение ввиду того соображения, что по всей вероятности нам едва ли удастся осуществить постройку Тегеран-Ханекенской линии и при помощи иностранных капиталов, которые несомненно потребуют от нас гарантии, и что в конце концов линия эта будет сооружена немцами, в каковом случае нам будет важно пользоваться всеми выговоренными себе последними привилегиями, как например, на эксплоатацию горных, лесных и иных богатств в известном районе, прилегающем к линии.

Заключительная фраза пятой статьи важна в том отношении, что, сохраняя за нами все права, приобретенные настоящим соглашением, она даже в случае постройки немцами Тегеран-Ханекенской линии ограничит вмешательство Германии в персидские дела лишь вопросами, имеющими непосредственное касательство к этой железной дороге.

Предположение наше включить в соглашение по персидским делам с Германией принятое ею на себя во время потсдамских переговоров обязательство не строить никаких железных дорог от Багдадской магистрали по направлению к русской и персидской границам к северу от Ханекена и не поддерживать других лиц в подобных предприятиях не могло быть осуществлено вследствие того, что германское правительство, после преждевременного опубликования первого проекта соглашения газетой «Evening Times», оказалось вынужденным заявить официально Порте, что наше соглашение касается исключительно Персии и никакого отношения к железнодорожному строительству в турецких пределах не имеет. В силу этого берлинский кабинет встретил затруднения и к тому, чтобы

облечь это обязательство в форму особой секретной ноты. Однако, по поручению и от имени германского правительства и императора Вильгельма II, германский посол сделал временно управляющему министерством иностранных дел формальное словесное заявление в указанном смысле, каковое, с его ведома, закреплено особым всеподданнейшим докладом камергера Нератова [1].

Приложение II.

Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II [2].

·/. 15/2 августа 1911 г.

Je prends, au su de l'ambassadeur d'Allemagne à St.-Pétersbourg, la liberté de soumettre très humblement à votre majesté impériale que le comte de Pourtalès m'a fait la déclaration suivante:

«Je suis chargé de donner au gouvernement russe au nom de sa majesté l'empereur Guillaume II et du gouvernement impérial d'Allemagne l'assurance que ce dernier ne construira pas d'embranchements du chemin de fer de Bagdad dans la région comprise entre ce chemin de fer et les frontières russe et persane au nord de Khanékin et ne prêtera pas son appui à des entreprises semblables dans la région susmentionnée, à l'exception des embranchements déjà connus et concédés, à savoir ceux de Mossoul—Erbil, Diala—Touzkourmatli et Helif—Mardin — Diarbékir — Kharput».

Перевод.

С ведома германского посла в С.-Петербурге беру на себя смелость всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что граф Пурталес сделал мне следующее заявление:

«Я уполномочен дать российскому правительству заверения от имени его величества императора Вильгельма II и императорского германского правительства, что последнее не будет строить ответвлений Багдадской железной дороги в области, находящейся между этой железной дорогой и русской и персидской границами к северу от Ханекена и не будет поддерживать подобные предприятия в вышеупомянутой области, за исключением уже известных ответвлений, на которые уже выданы концессии, а именно: ветки Моссул—Эрбиль, Диала—Тускурматлы и Хелиф—Мардин—Диарбекир—Харпут».

№ 320. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 1079 [3]. 15/2 августа 1911 г.

Бьюкенен сообщил мне сегодня ответ персидского правительства на ноту Барклая по делу Стокса [4], каковой ответ нами не может быть признан удовлетворительным. При этом посол добавил, что отставка Стоксу еще не дана и будет задержана впредь до выяснения обстоятельств.

Я высказал, что, по моему мнению, в этой последней мере заключается единственный возможный выход из положения, ибо до увольнения Стокс не может поступить на персидскую службу и великобританское правительство могло бы его удалить из Персии. Таким образом, принимая во внимание собственные заявления Грея, решение вопроса о Стоксе сводится к удовлетворению личных интересов и самолюбия этого офицера. Я вновь указал послу на важное значение этого дела. Допущение поступления Стокса на службу с распространением его деятельности на нашу сферу влияния, хотя бы и с резиденцией его в Тегеране, поколебало бы веру в незыблемость англо-русского соглашения не только в России и Персии, но и во всем мире, и это могло бы иметь весьма нежелатель-

[1] См. приложение II.
[2] На подлиннике докл. записки подпись Нератова отсутствует.
[3] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 92, со стилистическими изменениями.
[4] См. № 315.

ные последствия. Трудность положения увеличилась бы еще более, если бы мы оказались в силу обстоятельств вынужденными допустить приглашение русского на равнозначащую должность. Это вернуло бы нас к политике соперничества. Я добавил, что, если бы тем не менее поступление Стокса состоялось, то я, ввиду серьезности вопроса, должен был бы, предварительно какого-либо решения, представить дело на рассмотрение в совете министров.

Благоволите в таком же смысле объясниться с Греем и о последующем телеграфировать [1].

Нератов.

№ 321. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [2]. 15/2 августа 1911 г.

Confidentielle.

Monsieur le Gérant,

Après avoir terminé l'entretien au sujet des affaires de Perse [3], je demandai à Sir E. Grey s'il avait des nouvelles des négociations de Berlin au sujet desquelles il s'était montré plutôt inquiet il y a quelques jours. Il avait alors pris l'initiative pour me dire: «I am not entirely happy concerning the negotiations in Berlin. Elles se prolongent et cette prolongation peu naturelle ne me plaît pas». Il avait ajouté que beaucoup dépendrait de l'opinion qu'on avait à Berlin sur l'attitude éventuelle de la Russie, et il me demanda: «Que feriez vous au cas de complications?»

Je répondis à Sir Edward que je n'avais pas qualité pour parler officiellement, mais que le traité de l'alliance franco-russe était en pleine vigueur, que la guerre serait certainement un affreux malheur pour la Russie, mais que personnellement je ne doutais pas que les termes du traité seraient fidèlement observés.

A la question que je lui posai aujourd'hui Sir Edward répondit: «J'ai plutôt le sentiment qu'on se rapproche, mais au fond il n'y [a] rien de neuf et pas de progrès».

Je ne lui cachai pas que je trouvais déplorable et dangereuse la campagne d'une partie de la presse allemande qui en termes honteux accuse l'empereur Guillaume de modération exagérée.

Sir Edward me répondit que pour peu que cette campagne de presse s'accentue il partagerait mon opinion. Il espérait pourtant qu'elle cesserait.

Puis soudainement il revint à sa question de l'autre jour: au cas de complications que ferait la Russie? Je répétai ma réponse.

Sir Edward me dit alors: «Je vous dirai pourquoi je crois qu'il est important qu'on le sache. Au cas d'une guerre entre l'Allemagne et la France, l'Angleterre ne pourra guère s'y soustraire. Si cette guerre entraîne une guerre avec la Russie, elle entraînera aussi l'entrée en ligne de l'Autriche qui n'a aucune envie de s'en mêler, mais qui sera forcée par les circonstances. En ce cas, il n'y a pas de doute possible que les choses prendraient en Albanie un caractère aigu. Cela n'est pas un duel entre la France et l'Allemagne, c'est la guerre générale».

---

[1] Ответной тел. от 16/3 авг. за № 188 Бенкендорф сообщил, что он считает затруднительным после данного Греем 15/2 авг. ответа (см. № 322) опять возбуждать этот вопрос и считает нецелесообразным настаивать в вопросе об увольнении Стокса, так как он тогда будет свободен поступить как ему угодно. По мнению Бенкендорфа, разумнее всего предоставить Грею найти самому решение вопроса о Стоксе.

В тел. от 17/4 авг. за № 1086 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 101, с сокращениями и стилистическими изменениями) Нератов сообщил Бенкендорфу: «Поручаем Поклевскому передать персидскому правительству ноту согласно тексту, изложенному в вашей телеграмме № 183 [см. № 307], как только он удостоверится, что Барклай получил указания поддержать эту ноту. Надеемся, что Грей, тем не менее, будет принимать все зависящие меры к предупреждению поступления Стокса на должность начальника финансовой жандармерии».

Нератов в тел. от 17/4 авг. за № 1089 предписал Поклевскому вручить ноту перс. прав-ву. Проект ноты (см. № 307) был передан Поклевскому тел. того же числа за № 1090 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 101).

[2] Опубл. Siebert, II, S. 141, N 436, где датировано 16/3 авг.

[3] См. № 322.

Puis Sir Edward me dit: «Je ne crois pas que l'empereur Guillaume, en commençant cette affaire [1], ait voulu la guerre; je ne crois pas qu'il la veuille aujourd'hui. Il me semble impossible que, — même dans le cas extrêmement difficile pour lui dont nous parlons, — il se décide à la guerre pour une affaire comme celle-ci» [2].

Je ne puis nier que la largeur de cette appréciation avait de la valeur.

Je tiens à marquer que cet entretien avait un caractère tout confidentiel.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Доверительное.

Г. управляющий,

По окончании беседы о персидских делах я спросил у сэра Э. Грея, имеет ли он новые известия о берлинских переговорах, по поводу которых он несколько дней назад проявлял некоторую тревогу. Тогда он по своей инициативе сказал мне следующее: «Я не вполне доволен берлинскими переговорами. Они затягиваются, и эта странная задержка мне не нравится». Он добавил, что многое будет зависеть от того, что думают в Берлине об эвентуальной позиции России, и спросил: «Что вы будете делать в случае осложнений?».

Я ответил сэру Эдуарду, что я не уполномочен говорить официально, но что франко-русский договор о союзе полностью сохраняет свою силу, что война была бы, конечно, ужасным несчастьем для России, но что лично я не сомневаюсь в том, что условия договора будут точно соблюдены.

На вопрос, поставленный мною сегодня, сэр Эдуард ответил: «У меня скорее такое впечатление, что намечается некоторое сближение, но по существу нет ничего нового и дело не двигается».

Я не скрыл от него, что считаю прискорбной и опасной кампанию, поднятую частью германской прессы, в постыдных выражениях обвиняющей императора Вильгельма в излишней умеренности.

Сэр Эдуард ответил мне, что таково же будет и его мнение, если эта кампания прессы хоть сколько-нибудь усилится. Он однако надеется, что она прекратится.

Затем он внезапно вернулся к вопросу, затронутому на-днях: что сделает Россия в случае осложнений? Я повторил свой ответ.

Тогда сэр Эдуард сказал мне: «Я вам скажу, почему я считаю, что это важно знать. В случае войны между Германией и Францией Англия никак не сможет остаться в стороне. Если эта война повлечет за собой войну с Россией, она вызовет также и выступление Австрии, которая не имеет ни малейшего желания вмешиваться, но которая будет к этому вынуждена обстоятельствами. Нет никаких сомнений в том, что в таком случае положение в Албании обострится. Это — не борьба между Францией и Германией, это — всеобщая война».

Затем сэр Эдуард сказал мне: «Я не думаю, что, начиная это дело, император Вильгельм хотел войны; я не думаю, что он ее хочет в настоящий момент. Мне кажется невозможным, чтобы даже в чрезвычайно затруднительных для него обстоятельствах, о которых мы говорим, он решился на войну из-за такого вопроса, как этот».

Я не могу отрицать, что этот широкий взгляд имеет свою ценность.

Должен отметить, что эта беседа носила весьма доверительный характер.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 322. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 15/2 августа 1911 г.

Monsieur le Gérant,

J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre personnelle que votre excellence a bien voulu m'adresser en date du [10 août] 28 juillet [3]. J'y réponds plus spécialement sous forme privée par ce même courrier [4].

Je viens d'avoir un entretien approfondi avec Sir E. Grey au sujet de l'affaire du major Stokes dans le sens de votre lettre et viens de vous télégraphier le résumé de cet entretien [5].

---

[1] У Siebert'a слова: «en commençant cette affaire» заменены словами: «als dieser Zwischenfall entstand» («когда возник этот инцидент»).

[2] Далее у Siebert'a добавлено: «wenn er die furchtbaren Folgen des allgemeinen Zusammenstosses, den dieser hervorrufen muss, vor Augen hat» («если он представляет себе ужасные последствия всеобщего конфликта, который должна вызвать эта война»).

[3] Указанное письмо в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[4] См. № 323.

[5] Имеется в виду тел. Бенкендорфа от 15/2 авг. за № 187, представляющая краткое резюме публикуемого письма.

J'ai remis, cette fois avec quelque insistance de plus, sous les yeux du secrétaire d'Etat toute l'importance politique d'une question par laquelle le public russe, pris au dépourvu, avait été vivement frappé — impression qui ne s'est pas bornée à la presse seulement, mais qui a gagné des sphères plus élevées, mieux renseignées et bien disposées pour les bons rapports existant actuellement entre les deux gouvernements. J'ajoutai que si le gouvernement impérial lui-même était au fait que le gouvernement britannique n'était pour rien dans cette nomination,— en Russie il resterait infailliblement l'impression que le parallélisme de notre situation réciproque en Perse au sens de la convention était, malgré nos protestations, rompu en faveur de l'Angleterre.

Sir Edward, après m'avoir écouté avec la plus grande attention, me dit qu'il ne tiendrait pas à lui que les rapports d'entente existant entre la Russie et l'Angleterre souffrent la moindre atteinte pour une affaire comme celle du major Stokes; que c'est pour cette raison qu'il s'était déclaré plusieurs fois à la Chambre, où il parlait pour le public, et avait, par une suite de démarches, prévenu le gouvernement persan du point de vue du gouvernement britannique et des conséquences d'une pareille nomination, qui donnerait le droit à la Russie de prendre telle mesure jugée par elle nécessaire, pour la sauvegarde de ses intérêts.

Sir Edward avait cru, me dit-il, que sa dernière démarche [1], dont la conclusion était que cette nomination ne devait pas être faite, aurait eu pour résultat l'abandon du projet. De fait, la réponse persane à cette démarche n'était pas satisfaisante. Il avait en conséquence télégraphié à Sir G. Barclay de déclarer à Mr. Shuster que dans l'opinion du gouvernement la seule solution désirable serait la nomination au poste destiné au major Stokes d'un officier d'une Puissance de second ordre [2]. Je fis observer à Sir Edward qu'il serait important que cette déclaration fut faite non seulement à Mr. Shuster, mais aussi au gouvernement persan. Sir Edward y consentit immédiatement.

Tant qu'il espérait, continua-t-il, qu'à la suite de la démarche anglaise la candidature Stokes serait retirée, il ne lui avait pas paru très nécessaire que notre ministre à Téhéran communiquât sa protestation, mais aujourd'hui cela lui semble utile.

Il me demanda si j'avais des nouvelles à ce sujet. Je lui répondis que je n'en avais pas encore. Sir Edward me pria alors de l'informer dès que possible de la décision à ce sujet du Cabinet impérial, pour qu'il puisse télégraphier à Sir G. Barclay les instructions nécessaires.

Pour conclure, Sir Edward me dit qu'il ne voyait pas ce qu'il pouvait faire de plus sauf de retenir la démission du major Stokes, laquelle n'avait pas été accordée par le gouvernement des Indes.

Le sérieux des paroles de Sir Edward me prouva qu'il avait parfaitement saisi l'importance de la question et qu'il était décidé à ce que cette affaire ne laissât aucun nuage entre le Cabinet impérial et le Cabinet britannique.

Si cette question a vivement embarrassé Sir E. Grey, la rectitude de ses intentions, dont j'ai eu aujourd'hui une preuve nouvelle, n'a jamais fait de doute pour moi, pas plus que son désir de donner à son attitude toute la publicité possible par des déclarations au Parlement, — la forme de publicité la plus officielle en Angleterre.

Veuillez agréer, etc. **Benckendorff.**

Перевод.

Г. управляющий,

Я имел честь получить личное письмо, которое ваше превосходительство изволили отправить мне [10 августа] 28 июля. Более специально отвечаю на него частным образом с этой же экспедицией.

Только-что говорил подробно с сэром Э. Греем по делу майора Стокса в смысле [указаний] вашего письма и телеграфировал вам резюме этой беседы.

---

[1] См. стр. 307, прим. 3.

[2] Об этой тел. Грея Бенкендорф известил Нератова тел. от 12 авг. /30 июля за № 185 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 88).

На этот раз я с несколько большей настойчивостью обратил внимание статс-секретаря на всю политическую важность вопроса, которым была поражена русская общественность, застигнутая врасплох, — впечатление, не ограничившееся одной только прессой, но распространившееся и на более высокие сферы, лучше осведомленные и весьма расположенные к тому, чтобы поддержать хорошие отношения, существующие теперь между двумя правительствами. Я добавил, что если императорское правительство само убедилось в том, что британское правительство не имеет никакого отношения к этому назначению, то в России несомненно может остаться впечатление, что параллелизм в нашем взаимном положении в Персии, согласно конвенции, был, несмотря на наши протесты, нарушен в пользу Англии.

Сэр Эдуард, выслушав меня с величайшим вниманием, сказал, что не от него будет зависеть, если дружелюбные отношения между Россией и Англией потерпят хоть малейший ущерб из-за такого вопроса, как дело Стокса; что по этой причине он неоднократно выступал в палате, где говорил для общественного мнения, и рядом демаршей предупредил персидское правительство о точке зрения британского правительства и о последствиях подобного назначения, которое дало бы России право принять ту или иную меру, которую она сочла бы необходимой для защиты своих интересов.

По словам сэра Эдуарда, он полагал, что последний его демарш, смысл которого заключался в том, что это назначение не должно состояться, будет иметь своим результатом отказ от проекта. В действительности персидский ответ на это выступление был неудовлетворительным. Вследствие этого он телеграфировал сэру Дж. Барклаю, чтобы он заявил г. Шустеру, что по мнению правительства единственным желательным решением будет назначение на пост, предназначенный для майора Стокса, офицера второстепенной державы. Я заметил сэру Эдуарду, что было бы важно, чтобы это заявление было сделано не только г. Шустеру, но также и персидскому правительству. Сэр Э. Грей немедленно на это согласился.

Пока он надеялся, продолжал он, что в результате предпринятого Англией демарша кандидатура Стокса будет снята, ему не казалось необходимым выступление нашего посланника в Тегеране с протестом, но теперь он считает это целесообразным.

Он спросил меня, нет ли у меня новостей по этому вопросу. Я ответил ему, что у меня их еще нет. Сэр Эдуард попросил меня тогда осведомить его возможно скорее о решении императорского кабинета по этому поводу, чтобы дать ему возможность телеграфировать сэру Дж. Барклаю необходимые инструкции.

В заключение, сэр Эдуард сказал мне, что он не видит, что бы он еще мог сделать, кроме того, что задержать отставку майора Стокса, на которую индийское правительство еще не дало согласия.

Серьезность слов сэра Эдуарда доказала мне, что он прекрасно понял важность вопроса и решительно стоит за то, чтобы это дело ничем не омрачило отношений между императорским и британским кабинетами.

Если этот вопрос причинил серьезные затруднения сэру Э. Грею, то лойяльность его намерений, чему я сегодня получил новое доказательство, никогда не вызывала во мне сомнений, как и его желание придать своей позиции всю возможную гласность путем заявлений в парламенте, — форма гласности наиболее официальная в Англии.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 323. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

15/2 августа 1911 г.

Письмо.

Très secrète.

Cher Анатолий Анатольевич,

Je vous remercie beaucoup pour votre lettre du [10 août] 28 juillet [1]. Comme vous, j'espère que pour cette année l'Albanie ne nous créera pas de soucis sérieux.

Je voudrais être tout à fait de votre opinion pour le Maroc. Ce que vous en dites est à peu près la note ici. Grey pourtant trouve que les négociations à Berlin se sont trop ralenties; il n'aime pas ce ralentissement qui peut produire des surprises; il était optimiste, — il l'est un peu moins aujourd'hui. Il m'a dit l'autre jour après quelques mots sur le ralentissement dont je viens de vous parler: «Beaucoup dépend aujourd'hui de ce qu'on pense à Berlin sur l'attitude éventuelle de la Russie en cas de complications».

Je lui ai répondu que la guerre serait pour la Russie un affreux malheur, que nos intérêts n'étaient que très indirectement engagés au Maroc, mais que le traité d'alliance restait en pleine vigueur, si bien qu'à votre entrevue avec le comte de Pourtalès à ce sujet vous lui aviez rappelé cette alliance comme un fait à prendre en sérieuse considération.

Une autre crainte commence à percer à Londres, celle que M.M. de Kiderlen et Cambon n'aboutissent à une cote mal taillée, ne satisfaisant ni la France, ni l'Alle-

[1] Указанное письмо в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

magne et perpétuant une tension de nature à rendre facile l'explosion d'une nouvelle crise à brève échéance.

J'évite toujours de mêler à la politique mes rapports de famille; pourtant, sous forme strictement secrète et confidentielle, je dois, — je crois devoir — faire exception cette fois.

J'ai été passer deux jours à Ostende rendre visite à ma sœur; j'y ai causé avec le prince de Hatzfeld, mon beau-frère, dont la situation politique n'est pas sans importance et qui se trouve très fort au courant des choses.

Il ne me fit pas mystère qu'à Berlin on avait commis une forte erreur de jugement. Sans mentionner la Russie, il me dit qu'on s'était trompé sur la solidité des rapports anglo-français; on croyait que l'Angleterre resterait indifférente, que la France était isolée et que l'occasion était propice pour prouver à la France que, moyennant de larges concessions, elle devait accepter des rapports fixes avec l'Allemagne; il me dit que, malgré les efforts des chauvins, l'opinion était plus calme qu'il n'y paraissait, que le gouvernement s'en rendait compte et doutait même que la France concédât Libreville.

On se rend compte, selon mon beau-frère, qu'on en est à une sorte de retraite subite, due à l'attitude anglaise, ce dont les éléments les plus mauvais de l'esprit public en Allemagne sont en train de profiter pour une campagne en règle contre la personne de l'empereur en l'accusant de faiblesse, une campagne analogue à celle du temps de l'interview du «Daily Telegraph»; et cette campagne, pour peu qu'elle se prolonge, pourrait mettre le souverain dans une situation qui créerait les plus grandes difficultés à une politique sage et prudente.

Il est évident qu'en cas de la cote mal taillée redoutée à Londres, les éléments allemands en question en profiteraient.

A ce point de vue les appréhensions anglaises et les vues que je viens d'énoncer concordent.

Ceci prête, je crois, à réflexion.

Je le répète, je voudrais que ceci ne soit écrit que pour qui de droit et pour vous seuls.

Je passe à l'affaire Stokes et au point de vue de ce que vous m'en dites, me référant à mes télégrammes pour la marche de cette affaire de jour en jour.

Du moins pour ce qui regarde Stokes, votre remarque concernant une surveillance insuffisante sur les agents secondaires anglais a certainement du vrai. Grey m'a avoué lui-même n'avoir été informé que maintenant de l'étrange attitude de cet officier capable, mais très personnel dans ses vues. Harding n'avait que peu de confiance en lui, paraît-il; c'est pourquoi, probablement, muni qu'il est de pouvoirs plus étendus que le gouvernement anglais, il n'a pas hésité à suspendre la démission de Stokes; la chose eût été impossible, si cet officier était au service anglais au lieu d'appartenir à l'armée des Indes.

En général la faute incontestable commise ici est de ne s'être rendu compte que bien des jours trop tard de la gravité de cette question et de ses conséquences, et d'avoir hésité trop longtemps à s'adresser au gouvernement persan, en perdant du temps à exercer sur Stokes lui-même des pressions pas assez explicites dès le début. Même Nicolson s'y est trompé pour se réveiller énergiquement un peu trop tard.

La circonstance atténuante, assurément insuffisante, mais humaine, est que cela a coïncidé avec deux crises qui absorbaient toute l'attention du gouvernement: celle du Parlement et celle avec l'Allemagne, — juste avant la visite de Mr. de Kühlmann. Il n'y a, je crois, pas d'exagération à dire que si Mr. de Kühlmann ne venait pas ce jour-là, la déclaration de premier ministre au Parlement [1] aurait été rédigée sous l'impression de la dernière visite du comte de Metternich [2] et, par conséquent, aurait été toute différente, — avec la guerre comme dénouement final. La chose tenait à un cheveu. J'ai observé que c'est le lendemain qu'on s'est occupé de Stokes.

---

[1] См. №№ 258 и 259.
[2] См. № 248

Que l'Angleterre ait des vues occultes sur le Nord de la Perse, cela est, j'en suis absolument convaincu, tout à fait hors de question. A part que rien ne l'ait indiqué jusqu'ici, la politique et les intérêts anglais s'y opposent, en ce moment plus que jamais.

Quant aux démonstrations publiques de notre solidarité, je pense que l'opinion en Russie a dû être sensiblement rassurée, tant par les déclarations successives de Grey à la Chambre que par les démarches faites depuis à Téhéran. Il me semble impossible que Stokes soit désavoué plus catégoriquement tant à Londres qu'à Téhéran. Grey a été loin, surtout si l'on considère que par amour-propre national il est toujours difficile pour un ministre des affaires étrangères de tout pays de condamner un agent national à la demande d'un gouvernement étranger. A ce point de vue Grey n'a pas manqué de s'exécuter loyalement, même depuis la date de votre lettre.

Pour présenter la chose sous son vrai jour il me faut comparer ce cas à celui du retour de Mohamed-Ali en Perse. Si l'Angleterre avait eu la moindre intention de ne pas s'en tenir strictement à la solidarité anglo-russe, c'est de ce retour qu'elle aurait profité. De fait ce qui s'est passé est juste le contraire.

Grey était très monté contre l'ex-shah qu'il accusait de perfidie et auquel il reprochait, entre autres et surtout, d'avoir manqué de parole et à la Russie et à l'Angleterre. Vous vous souvenez de son premier projet de déclaration tout à fait intransigeante [1]. Il a suffi d'une observation sage et raisonnée de notre part pour qu'il change de ton et revienne simplement au principe de non-ingérence [2]. Il s'est entièrement, par conciliation et en vue de notre action commune, rangé à notre point de vue, sauf, il est vrai, à marquer qu'il ne reconnaît pas à l'ex-shah la qualité de belligérant, le seul gouvernement reconnu par la Russie et par l'Angleterre et, par conséquent, légitime restant jusqu'ici le gouvernement du jeune shah régnant.

Et le cas est très probant. Il avait aux yeux de tous dès l'abord le caractère d'un très gros événement, bien plus clairement que les agissements d'un agent secondaire, comme Stokes. Ni gouvernement, ni presse n'ont émis le moindre doute sur notre bonne foi. On a cru sans hésitation à la parole de notre gouvernement et au télégramme du correspondant du «Times» à St.-Pétersbourg. Le gouvernement n'a rien demandé de plus.

Et pourtant, il faut bien l'avouer, les apparences nous étaient bien peu favorables. Un homme comme le shah, qu'on savait à Vienne, a pu traverser le pays de l'Ouest à l'Est et s'embarquer sur la Caspienne, sans qu'aucun des agents des administrations locales, connues pour avoir des pouvoirs et des moyens d'action plus étendus que dans aucun pays de l'Europe, s'en soit aperçu, sans qu'aucun gouverneur ait jeté un cri d'alarme. C'est là un fait qui devait paraître bien extraordinaire et, — soit dit entre parenthèses, — jeter un jour bien peu satisfaisant sur l'efficacité de nos moyens administratifs.

Je n'irai pas jusqu'à dire que personne dans le public anglais n'ait conservé de doutes et que les agents persans ne trouvent en ce fait nul champ à exploiter; mais nul doute n'a été émis ni publiquement, ni officiellement; je crois que cet antécédent doit modérer les doutes chez nous et nous servir de preuve de la bonne foi de la politique anglaise.

Grey se rend parfaitement compte que la question politique prime. Pour lui il se présente pourtant une difficulté en la personne de Shuster. On sait, je crois, que ce dernier a pris une attitude trop clairement nationaliste, mais on s'explique le fait par la considération que s'il laissait se créer une opposition nationaliste à ses projets de réformes, ils échoueraient. Grey n'aimerait pas que Shuster soit amené à demissionner, pour éviter le reproche, — qui certainement lui serait fait, — que tout début de réformes sérieuses en Perse se heurte à des difficultés créées par les deux Puissances. Et il redoute les avantages que l'Allemagne peut en retirer.

---

[1] См. № 219.

[2] См. №№ 244, 249 и 267.

Dans mon opinion, parmi toutes les issues admissibles, celle d'en revenir à un commandant de cette gendarmerie pour la perception des impôts à un sujet de Puissance secondaire me paraît la seule pratique; je crains que tout ce qui rappelle la division de la Perse en deux sera définitivement repoussé par le gouvernement persan.

Je ne parle que de cette gendarmerie spéciale. Celle que l'Angleterre désire pour l'ordre dans le Midi et pour laquelle elle s'est actuellement décidée à des officiers suédois n'a, que je sache, pas été mentionnée au cours de l'affaire Stokes, telle que j'ai suivie cette dernière. Grey m'a fait entendre une fois, — je crois vous l'avoir télégraphié, [1]—que si nous désirions une gendarmerie de même nature commandée soit par des Russes, soit par des sujets de Puissances moindres, le parallélisme, dont vous m'écrivez, serait rompu en notre faveur, attendu que l'Angleterre n'a pas de troupes anglaises dans le Midi et que pour le moment, il ne paraît guère être question de retirer celles que nous avons dans le Nord. Il est évident que la création dans cette dernière région d'une gendarmerie de cette nature devra être mise comme condition à une évacuation de la Perse par nous un jour ou l'autre.

A en juger par le «Новое время», cette question Stokes semble traitée en Russie un peu plus froidement. Je crois qu'il serait urgent d'agir sur la presse pour réduire ce déplorable incident à sa juste valeur.

Comme vous, j'en comprends les conséquences que je développe ici tous les jours. Mais je dois dire qu'il me paraît impossible d'admettre que l'accord de 1907 puisse être à la merci des agissements, dûs au hasard, d'un agent secondaire. Il ne faut pas, je crois, perdre de vue que la fin de cet accord transforme toute la constellation politique, en laissant la Russie isolée en présence de l'hégémonie de notre plus puissant voisin. A admettre même les meilleures intentions allemandes à notre égard, il sera dès lors fatalement impossible que les intérêts allemands, si énergiquement et si puissamment poussés partout, ne prennent en toute occasion l'avantage et le dessus au détriment surtout des nôtres, — parce que je regarde l'entente anglo-française comme parfaitement stable et assurée pour l'avenir prochain.

Mon écriture est trop mauvaise pour écrire de ma main cette longue lettre. J'ai eu recours pour plus de sûreté à la main de notre premier secrétaire.

Veuillez me croire bien sincèrement à vous

Benckendorff.

Перевод.

Весьма секретно.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Я вам очень благодарен за ваше письмо от [10 августа] 28 июля. Так же как и вы, я надеюсь, что в этом году Албания не создаст нам серьезных забот.

Я хотел бы согласиться с вашим мнением касательно Марокко. То, что вы о нем говорите, воспринимается здесь приблизительно так же. Тем не менее Грей находит, что переговоры в Берлине слишком замедлились; ему не нравится это замедление, грозящее сюрпризом; он был настроен оптимистически, — теперь он стал несколько менее оптимистичен. Грей сказал мне на-днях, после нескольких слов о замедлении, о котором я только что вам писал: «В настоящее время многое зависит от того, что думают в Берлине о вероятной позиции России в случае осложнений».

Я ответил ему, что для России война будет ужасным несчастием, что наши интересы лишь весьма косвенно затронуты в Марокко, но что союзный договор остается в полной силе, настолько, что при вашем свидании с графом Пурталесом по этому вопросу вы ему напомнили об этом союзе, как о факте, с которым следует серьезно считаться.

Другое опасение начинает сказываться в Лондоне, именно — как бы гг. Кидерлен и Камбон не пришли в конечном счете к такому решению, которое не удовлетворило бы ни Францию, ни Германию и продлило бы до бесконечности напряженную атмосферу, что в свою очередь облегчило бы возникновение в ближайшем будущем нового кризиса.

Я всегда избегаю примешивать к политике мои семейные отношения, но на этот раз, однако, в совершенно секретной и доверительной форме я обязан — я считаю себя обязанным — сделать исключение.

Я отправился на два дня в Остендэ, чтобы посетить сестру, и беседовал там с князем Гацфельдом, моим зятем, политическое положение которого не лишено значения и который прекрасно осведомлен о положении вещей.

Он не скрыл от меня, что в Берлине сделали большую ошибку в оценке положения. Не упоминая о России, он сказал мне, что [там] ошиблись в оценке прочности англо-французских отношений; думали, что Англия останется равнодушной, что Франция изолиро-

[1] См. стр. 310, прим. 2.

вана и что положение благоприятно, чтобы доказать Франции, что в обмен на значительные уступки она должна установить определенные отношения с Германией; он сказал мне, что несмотря на старания шовинистов, общественное мнение спокойнее, чем это кажется, что правительство отдает себе в этом отчет, и сомневается даже в том, что Франция уступит Либревиль.

По словам моего зятя [в Берлине] отдают себе отчет в том, что это является внезапным отступлением, вызванным позицией Англии, и что самые дурные элементы общественного мнения в Германии стараются им воспользоваться для систематической кампании против особы императора, обвиняя его в слабости, — кампании, аналогичной той, которая велась в эпоху интервью «Daily Telegraph»; и эта кампания, если она продолжится, может поставить монарха в положение, которое создаст самые большие затруднения для разумной и осторожной политики.

Очевидно, что в случае неудовлетворительного решения, которого опасаются в Лондоне, указанные германские элементы этим воспользуются.

С этой точки зрения английские опасения согласуются со взглядами, изложенными мной.

Я считаю, что об этом следует подумать.

Повторяю, что я хотел бы, чтобы это письмо стало известно только кому следует, и только вам одним.

Я перехожу к делу Стокса и к точке зрения на него, которую вы мне излагали, ссылаясь на мои телеграммы о ходе этого дела изо дня в день.

Ваше замечание относительно недостаточного надзора над второстепенными английскими агентами несомненно содержит долю истины, по меньшей мере в том, что касается Стокса. Грей сам сознался мне в том, что он лишь теперь был информирован о странном поведении этого офицера, способного, но придерживающегося весьма субъективных взглядов. Гардинг, кажется, мало доверял ему; вероятно, именно поэтому, облеченный более широкими полномочиями, чем английское правительство, он не поколебался задержать отставку Стокса; это было бы невозможно, если бы этот офицер находился на английской службе, а не принадлежал к индийской армии.

Вообще, здесь бесспорно совершили ту ошибку, что слишком поздно отдали себе отчет в серьезности этого вопроса и его последствиях и слишком долго колебались прежде чем обратиться к персидскому правительству, теряя время на то, чтобы оказывать на самого Стокса давление, недостаточно внушительное с самого начала. Даже Никольсон вначале ошибся и проявил энергичную деятельность с некоторым опозданием.

Смягчающим обстоятельством, несомненно недостаточным, но понятным с точки зрения человеческой слабости, является то, что это совпало с двумя кризисами, которые занимали все внимание правительства: парламентским кризисом и кризисом в отношениях с Германией, как раз перед визитом г. Кюльмана. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что если бы г. Кюльман не пришел в этот день, то декларация премьер-министра в парламенте была бы редактирована под впечатлением последнего посещения графа Меттерниха, а следовательно была бы совершенно другой, — с войной в качестве окончательной развязки. Дело висело на волоске. Я заметил, что Стоксом занялись на следующий же день.

Не может быть и речи о том, что Англия имеет тайные виды на Северную Персию, я в этом абсолютно уверен. Помимо того, что до сих пор ничто на это не указывало, этому в настоящий момент более, чем когда-либо, противоречат политика и интересы Англии.

Что касается открытых доказательств нашей солидарности, то я думаю, что общественное мнение в России было в значительной мере успокоено как последовательными заявлениями Грея в палате, так и предпринятыми с тех пор демаршами в Тегеране. Я считаю, что невозможно дезавуировать Стокса более решительно, чем это было сделано как в Лондоне, так и в Тегеране. Грей пошел далеко, в особенности если принять во внимание, что из-за национального самолюбия министру иностранных дел любой страны всегда очень трудно осудить по требованию иностранного правительства своего агента. В этом отношении он не преминул пойти лойяльно на уступки даже после вашего письма.

Чтобы представить дело в верном освещении, следует лишь сравнить этот случай с возвращением Мохамеда-Али в Персию. Если бы Англия имела малейшее намерение не придерживаться строго англо-русской солидарности, то она воспользовалась бы этим возвращением. В действительности, произошло как раз обратное.

Грей был крайне возбужден против экс-шаха, которого он обвинял в коварстве, и которого он упрекал, между прочим и прежде всего в том, что он изменил слову, данному им как России, так и Англии. Вы помните его первый проект декларации, совершенно непримиримый. Достаточно было разумного и обоснованного замечания с нашей стороны, чтобы он изменил тон и вернулся к принципу невмешательства. Из миролюбия и ради совместного с нами выступления, он полностью присоединился к нашей точке зрения, за исключением, правда, того, что он отметил, что не признает экс-шаха воюющей стороной, так как единственным правительством, признанным Россией и Англией и вследствие этого законным, остается до сих пор правительство царствующего молодого шаха.

Случай этот очень показателен. С самого начала всем было ясно, что это весьма важное событие, имеющее значение гораздо большее, чем происки такого второстепенного агента, как Стокс. Ни правительство, ни пресса не высказали ни малейшего сомнения в нашей добросовестности. Без колебания поверили слову нашего правительства и телеграмме корреспондента «Times» в Петербурге. Правительство ничего большего не требовало.

Тем не менее, надо сознаться, внешние признаки были для нас весьма мало благоприят-

ными. Такой человек, как шах, о котором знали, что он в Вене, получил возможность пересечь страну с запада на восток и сесть на судно в Каспийском море без того, чтобы хоть один из агентов местной администрации, имеющей, как известно, большие полномочия и пользующейся средствами воздействия более широкими, чем в любой стране Европы, не заметил этого; без того, чтобы ни один из губернаторов не поднял по этому поводу тревоги. Этот факт должен был показаться весьма странным, и, в скобках можно сказать, должен был представить в мало благоприятном свете работоспособность нашего административного аппарата.

Я не скажу, что ни у одного англичанина не осталось сомнений и что персидские агенты не находят возможности пользоваться этим фактом; но ни публично, ни официально сомнение не было высказано. Я полагаю, что этот инцидент должен уменьшить сомнения у нас и послужить для нас доказательством искренности английской политики.

Грей вполне отдает себе отчет в том, что политический вопрос преобладает. Для него однако представляется затруднение в лице Шустера. Мне кажется, все знают, что последний занял позицию слишком явно националистическую, но объясняют это тем, что если он допустит создание националистической оппозиции против его проектов реформ, то они потерпят неудачу. Грей не хотел бы, чтобы Шустер был вынужден подать в отставку, потому что он желает избежать упрека, который ему несомненно был бы сделан, в том, что в Персии всякие начинания в области серьезных реформ наталкиваются на затруднения, создаваемые обеими державами. Он опасается тех выгод, которые может извлечь из этого Германия.

По моему мнению, между всеми допустимыми решениями вопроса единственно практичным является назначение начальником жандармерии по сбору налогов подданного второстепенной державы; я опасаюсь, что все, напоминающее разделение Персии надвое, будет окончательно отвергнуто персидским правительством.

Я говорю лишь о специальной жандармерии. Та, которую Англия желает создать для водворения порядка на Юге и для которой она теперь решилась пригласить шведских офицеров, не была, насколько я знаю, упомянута в связи с делом Стокса, поскольку я слежу за этим делом. Грей сообщил мне как-то, — я вам об этом, кажется, телеграфировал, — что если мы желаем [иметь] жандармерию такого же рода, находящуюся под командой русских [офицеров] или подданных второстепенных держав, то равноправие, о котором вы мне пишете, было бы нарушено в нашу пользу в силу того, что Англия не имеет войск на Юге и что в данное время, повидимому, нет и речи об отозвании тех войск, которые мы имеем на Севере. Очевидно, что создание в этом последнем районе жандармерии такого рода должно быть выставлено как условие для эвакуации нами Персии рано или поздно.

Если судить по «Новому времени», к вопросу Стокса относятся в России несколько хладнокровнее. Мне кажется, было бы неотложно необходимо воздействовать на печать, чтобы свести этот прискорбный инцидент к его настоящему значению.

Как и вы, я понимаю последствия этого дела, о котором я говорю здесь ежедневно. Но я должен сказать, что для меня кажется невозможным допустить, что соглашение 1907 г. может быть поставлено в зависимость от случайных происков второстепенного агента. Нельзя, мне думается, терять из виду, что прекращение [действия] этого соглашения меняет все политические соотношения, оставляя Россию изолированной пред лицом гегемонии нашего более могущественного соседа. Даже если признать, что Германия питает к нам наилучшие намерения, то и в этом случае будет абсолютно невозможно, чтобы германские интересы, проводимые повсюду столь энергично и решительно, не оказались бы во всех случаях в преимущественном положении и не одержали бы верх, особенно в ущерб нашим интересам, так как я считаю англо-французское согласие совершенно прочным и обеспеченным на ближайшее будущее.

Мой почерк слишком плох, чтобы писать от руки это длинное письмо. Для большей верности я обращаюсь к услугам нашего первого секретаря.

Искренно преданный вам Бенкендорф.

№ 324. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 15/2 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Как вам уже известно из последовательных моих телеграмм [1], за последние две недели переговоры в Берлине почти ни на шаг не подвинулись вперед. С одной стороны, г. Кидерлен изо дня в день меняет свои территориальные требования, а с другой — до сих пор отказывается точным образом определить, какие именно права он готов признать за Францией в пределах Марокко, в обмен за территориальные компенсации. В общих чертах и не вдаваясь в излишние подробности,

[1] Имеются в виду тел. Извольского от 10 авг./28 июля за № 91, от 14/1 авг. за № 94 и от 15/2 авг. за № 95. В тел. за № 91 Извольский сообщал: «Вчера Кидерлен уклонился от свидания с Камбоном, но должен увидеться с ним сегодня или завтра. Эти проволочки опять, видимо, внушают здесь тревогу». Содержание тел. за № 94 (опубл. Stieve, I, S. 130, N 108) и тел. за № 95 (опубл. Stieve, I, S. 131, N 109) изложено в публикуемом документе.

в настоящую минуту дело находится в следующем положении: со стороны Германии вполне ясно определилось стремление создать обширную африканскую империю от Атлантического до Индийского океана; встретив непреодолимый отказ Франции уступить ей весь Французский Конго с морским его побережьем, Германия довольствуется небольшим береговым участком между портом Либревиль и рекой Рио-дель-Муни, но под условием секретной уступки ей преемственных прав Франции на испанскую Гвинею, которая отныне будет с трех сторон окружена германскими владениями. Затем Германия не скрывает, что она главным образом стремится иметь доступ к реке Конго и что в будущем объектом ее является государство Конго; при этом она требует уступки ей обширнейшей территории, распространяющейся к югу до течения рек Алима и Угуэ, а к северу и северо-востоку — до пределов Камеруна и Египетского Судана. В последнюю минуту г. Кидерлен отказывается от линии по течению рек Алима и Угуэ, но настаивает на обладании обоими берегами реки Санга и берет назад первоначальное свое предложение уступки Франции колонии Того под предлогом, что германское общественное мнение высказывается против этой уступки. С французской стороны имеется согласие на уступку береговой полосы между портом Либревиль и рекой Рио-дель-Муни и не делается возражений против секретного отказа в пользу Германии от преемственных прав на испанскую Гвинею. Но Франция энергически заявляет, что она не может уступить ни пяди земли к югу от течения реки Санга; что касается до территории к северу и к северо-востоку от этой реки, то раз со стороны Англии не имеется возражений к распространению Германии в сторону Египетского Судана, французское правительство склонно в этом отношении к довольно широким уступкам; но, опасаясь нареканий со стороны общественного мнения, оно настаивает на получении колонии Того или, в противном случае, на значительном уменьшении пространства уступаемой территории. Из вышеизложенного видно, что хотя между германскими требованиями и французскими предложениями все еще существует значительная разница, на этой почве все-таки возможно соглашение: все будет зависеть от того, в каких пределах Германия готова признать права Франции в Марокко; между тем именно этот вопрос, имеющий для Франции первостепенное значение, как бы нарочно оставляется г. Кидерленом открытым; до сих пор г. Камбон не получил на свои запросы об этом никакого точного ответа, и это в высшей степени озабочивает французское правительство; как я вам телеграфировал, г. де Сельв крайне возмущен приемами г. Кидерлена и опасается, что за всеми этими проволочками скрывается намерение его вернуться к первоначальной мысли о занятии Агадира с его хинтерландом, т. е. областью Сус. На существование подобного замысла указывают секретные сведения о том, что германский генеральный штаб изучает операцию высадки войск в Агадире. С другой стороны, из Танжера получаются известия о движении местных племен против города Тарудант в области Сус, где находятся представители фирмы Манесман. Если эти агенты подвергнутся нападению, это может подать Германии повод выступить в их защиту, а затем и к утверждению в Агадире и области Сус. Г. де Сельв в высшей степени этим озабочен: он убежден в том, что в этом именно и состояла первоначальная программа г. Кидерлена, оставленная им под влиянием непредвиденных препятствий со стороны Англии; ныне он опасается, что г. Кидерлен, вопреки более благоразумным намерениям императора, ищет повода прервать переговоры и вернуться к вышесказанной программе.

Как вам уже известно, завтра, в среду, в Берлине должно состояться совещание при участии канцлера и министров морского и колоний, и результаты этого совещания будут представлены императору Вильгельму. Тотчас после совещания и до отъезда в Вильгельмсгёге г. Кидерлен увидится с г. Камбоном. Об этом свидании я буду иметь сведения от г. де Сельва в четверг утром и успею еще сообщить их вам, в дополнение к настоящему письму с отъезжающим в этот день курьером [1].

Примите и пр. Извольский.

[1] См. № 333.

№ 325. Поверенный в делах [1] в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 48. 15/2 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Известие о подписании оттоманским правительством с французским Режи (Régie Française des chemins de fer) предварительного договора об изысканиях, с преимущественным правом на постройку и эксплоатацию двух линий Дунайско-Адриатической железной дороги [2] принято было здесь как в правительственных кругах, так и в печати с радостью.

Направление, избранное для линии железной дороги, начинающейся у сербской границы от Мрдаре через Приштину — Призрен — Дибру на Сан-Джиованни-ди-Медуа не соответствует сербскому проекту. Турция избрала не кратчайший путь на Дьяково через Старую Сербию, где сосредоточена главная масса сербского населения, а предполагает вести дорогу кружным путем на Дибру, т. е. через округа, в которых преобладают арнауты и где сербское население почти совершенно исчезло. Несмотря на это, здесь не могут не признавать той огромной политической и экономической важности, которую имеет для Сербии установление прямого пути к Адриатическому морю и более короткого сообщения с Италией и Южной Францией; кроме того, здесь довольны, что Призрен, этот самый крупный центр Старой Сербии, не обойден, как это между прочим предполагалось в составленном в 1908 г. проекте французских инженеров и инженера Болотова.

Положение участка Дунайско-Адриатической железной дороги, проходящего через Сербию, в настоящее время следующее. Построена линия от Дуная через Неготин — Зайчар до Княжевца, строится линия Княжевац — Ниш. Первоначальные изыскания линии Ниш — Мрдаре уже закончены, к окончательным же изысканиям этой линии будет приступлено немедленно, и проект ее постройки будет нынешней осенью внесен в Скупщину. На эту постройку, как мне сказал министр финансов, предполагается ассигновать часть нового займа, который сербское правительство думает теперь заключить в Париже, но к переговорам о котором еще не было приступлено. Что же касается до заключения какого-либо соглашения с Турцией относительно соединения сербской линии с турецкой, то, по словам г. Иовановича, временно управляющего министерством иностранных дел, переговоры по этому поводу еще не начаты; вероятно, к ним приступят лишь после возвращения из отпуска г. Миловановича, который приедет на этих днях. Тогда же вероятно выяснится вопрос о заключении конвенции с Румынией касательно постройки моста через Дунай в Прахово — Груя, который соединит сербскую линию с румынскими железными дорогами. Пока здесь имеют лишь словесное обещание румынского правительства, что оно согласится на эту постройку, как только вопрос о Дунайско-Адриатической железной дороге будет разрешен. Заключенная же в 1898 г. с Румынией, по этому же поводу, конвенция касалась моста через Дунай в Кладово — Турн-Северин и потеряла свою силу ввиду того, что сербская дорога не проведена в этом направлении.

Таким образом, в Сербии, повидимому, намерены с большой энергией приступить к окончанию сербской части Дунайско-Адриатической железной дороги. Это вполне соответствует тому стремлению к экономическому освобождению от австро-венгерской зависимости, которое проявляет за последние пять лет Сербия, и в чем она достигла уже больших результатов, которые будут еще прочнее, когда ее вывоз получит прямой выход к Адриатическому морю.

Противодействия Австро-Венгрии осуществлению проекта Дунайско-Адриатической железной дороги в Сербии, конечно, опасаются, хотя здесь существует мнение, о правильности которого судить не решаюсь, что Австро-Венгрия не найдет в этом поддержки Германии, которая будто бы лишь открыто противится осуществлению этого проекта, на самом же деле сочувствует экономическому

[1] Ввиду отъезда Гартвига в отпуск Бибиков вступил в управление миссией.
[2] См. № 293.

освобождению Сербии от влияния Австро-Венгрии, так как со времени таможенной войны между Сербией и соседней монархией ввоз последней в королевство сократился больше, чем на половину, а потерянное ею почти целиком перешло к Германии, ввоз которой в Сербию занимает теперь первое место. Проведением же Дунайско-Адриатической железной дороги германские товары найдут себе через Ниш сбыт в Старую Сербию и Албанию, тогда как по Санджакской дороге туда скорее проникли бы австро-венгерские товары.

Примите и пр. М. Бибиков.

№ 326. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Риме Корфу.

*/. Письмо № 526. 16/3 августа 1911 г.

Доверительно.

М. г. барон Модест Николаевич,

В бывшей на этих днях у меня беседе с итальянским послом по поводу последних албанских событий г. Мелегари высказал мне, по поручению римского кабинета, нижеследующие весьма интересные и ценные соображения, о которых почитаю долгом поставить вас в известность.

Г. Мелегари начал с того, что, по полученным в Риме сведениям, русское правительство не было особенно довольно ролью Италии в албанском вопросе. Отчасти такое недовольство было и лично им замечено непосредственно в Петербурге. Нисколько не отрицая, что в данном вопросе Италия шла рука об руку с Австро-Венгрией, г. Мелегари сказал, что итальянское правительство делало это далеко не по убеждению, но в силу лежащих на нем союзнических обязательств [1] и необходимости близко следить за деятельностью венского кабинета специально в Албании. Отношения между Италией и Австро-Венгрией вовсе не отличаются искренностью, и римский кабинет сознает особую важность солидарности своей политики на Востоке с русской. Поэтому, если в отдельных случаях итальянское правительство вынуждено приближаться к Австро-Венгрии, то в этом обстоятельстве нельзя усматривать чего-либо недружелюбного в отношении России. Итальянское правительство продолжает придерживаться установленных совместно с русским правительством принципов.

Я не преминул ответить г. Мелегари, что я с особым удовольствием принимаю к сведению его сообщение [2] и прошу вас, в свою очередь, передать маркизу ди Сан-Джулиано признательность за откровенное и дружественное разъяснение, сделанное мне итальянским послом.

Примите и пр. [Н е р а т о в.]

Характерно.

Петергоф, [14] 1 авг. 1911 г.

№ 327. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 16/3 августа 1911 г.

Cher Анатолий Анатольевич,

Laissez moi m'efforcer de vous mettre en garde contre une tendance que je vois poindre dans la correspondance: celle du soupçon que le gouvernement anglais

[1] В первом черновом отпуске публикуемого письма последующая часть абзаца вставлена вместо зачеркнутого: «Способы действия Австро-Венгрии за последнее время стали однако настолько самовластны, что римский кабинет, несмотря на помянутые союзнические обязательства, желает отныне действовать в балканских делах солидарно с нами, дабы общими действиями дать некоторый отпор австро-венгерскому самовластию. Я склонен думать, что такой поворот в политике Италии, по существу своему представляющий для нас при настоящих условиях серьезный интерес, вероятно, связан с турецким железнодорожным строительством, каковой вопрос должен, конечно, сделаться предметом ближайшего обмена мыслей с итальянским правительством».

[2] В первом черновом отпуске последующая часть абзаца добавлена вместо зачеркнутого: «в ожидании дальнейшего развития нашей беседы уже в практическом ее применении».

joue double jeu dans l'affaire Stokes. Je tiens à vous exprimer ma conviction absolue que tel n'est pas le cas. Si le gouvernement, pour des raisons d'ailleurs inimaginables, tenait à Stokes en ces fonctions-là ou d'autres analogues, la chose aurait été étudiée et présentée tout différemment. Introduire Stokes subrepticement n'a pu venir ici à l'idée à personne.

C'est précisément le manque complet d'étude et la légèreté avec laquelle la chose a été prise au début, qui a fait le gâchis. On a été faible, on a commis des fautes. Il s'agit de redresser tout celà, celà n'est pas si facile, parce que les fautes mêmes ont accumulé des difficultés inutiles, mais qui existent et en créent à Grey. Vous décrire tout cela est trop long, mais au fond on ne savait rien ici, tout le dossier Stokes est à Calcutta, il est venu des renseignements qui se trouvent inexacts. On ne savait plus s'il avait démissionné ou non, la date de sa commission. Je ne sais si le tout est éclairci, mais ce n'est que tout récemment.

Je vous l'ai déjà dit, le Cabinet était empoigné entièrement par la crise de guerre et par l'affaire parlementaire. ... [1] je crois en réalité que ce n'est qu'hier que Grey a réellement saisi toute l'importance réelle que cette affaire avait à nos yeux[2]. Il m'écoutait d'abord avec un peu d'étonnement, puis beaucoup de sérieux et d'attention, c'est alors que ce cri lui a échappé: «Mais je ne compromettrai pas l'entente avec la Russie pour une affaire Stokes»[3]. Et il a changé tout à fait.

C'est le point faible du système simplificateur et tout parlementaire anglais; les affaires, qui paraissent du prime abord secondaires, sont tout à fait négligées, et tombent aux mains des sous-ordres. Il [faut] avoir suivi cela sur place longtemps pour en pouvoir juger. L'affaire Stokes a ennuyé de suite, puis la note simpliste et toute l'affaire a pris un temps le dessus. Sans raisons pour le dire, j'ai quelqu'idée que Barclay a manqué d'énergie. Shuster est considéré comme administrateur sérieux. Il a trouvé en Stokes un collaborateur capable qui lui inspire confiance, qui sait le persan. Tout cela a paru pratique. Et ce n'est que depuis que Grey, par voie des Indes, a découvert que Stokes est un intrigant intéressé, ayant fait opposition à la politique anglaise.

Mais il y a plus, l'Angleterre ne tient pas du tout à s'ingérer dans le Nord de la Perse, le Midi lui suffit, et elle est enchantée que nous ayons à faire dans le Nord. En plus, aujourd'hui que surtout les affaires ne s'arrangent que difficilement à Berlin, l'Angleterre tient à la Russie autant que jamais, et l'hypothèse qu'elle aille brouiller ses cartes pour une affaire comme celle de Stokes est tout à fait inadmissible.

Le gouvernement anglais a pataugé en cette affaire, d'arrière-pensée il n'y en a aucune. Je me rends compte de ma responsabilité en affirmant aussi catégoriquement la chose. Je la prends sans hésitation aucune.

Si j'appuie si fort sur cette tendance de soupçon, c'est que je la crois fort dangereuse. Cela rappelle trop les temps de jadis où elle était chronique. Mais surtout il ne faudrait pas que le gouvernement anglais s'en rende compte, il y aurait là un vrai danger. On n'arrive pas vite ici à des conclusions, mais elles sont tenaces. Celle que je redoute, c'est que vivement froissé, l'idée ne vienne qu'en corrélation avec la signature prochaine de l'arrangement allemand, nous cherchions ou prenions un prétexte pour rompre. Ceci serait un gros événement, très regrettable, mais que je ne puis ne pas redouter. Veuillez bien vous rendre compte combien il est inimaginable que dans la situation actuelle l'Angleterre compromette sa situation avec nous pour une affaire très considérable pour nous, extrêmement maigre pour elle. D'ailleurs Grey n'est absolument pas homme à celà.

Cette pensée que je redoute, que nous puissions penser à virer de bord, [ne] se rattacherait que trop facilement au bruit fait autour de l'entrevue de Potsdam, qui un temps, sans ébranler, a troublé la confiance. Depuis, l'arrivée subite de Moham[ed]-Ali en Perse a certainement étonné.

---

[1] В оригинале несколько неразборчивых слов.
[2] См. № 322.
[3] В оригинале заключительные кавычки отсутствуют.

Croyez le moi, l'Angleterre marche droit. La soupçonner est faire fausse route. Et pour nous l'important est que Stokes ne soit pas nommé.

Le choix des moyens pour l'éloigner, il vaut [mieux] le lui abandonner, que de lui en indiquer.

Je connais les toutes dernières nouvelles de Berlin par Cambon. Elles ne sont pas bonnes, mais ni Grey ni lui n'en désespèrent. Ils considèrent l'un et l'autre que c'est un marchandage inouï. Mais ils trouvent l'opinion de Mr. de Selves un peu nerveuse. Toutefois, si on n'en est pas encore à concerter des mesures éventuelles, on se dit qu'il pourrait être bientôt temps d'y penser. Grey a répondu à Cambon, qui lui [a] posé la question nettement, en envisageant divers combinaisons où, m'a dit Cambon, il parlait de l'Angleterre comme d'une alliée de la France.

On a l'oeil sur ce qui pourrait se passer à Agadir et on y pense, sans prendre encore de décision.

J'ajoute ces quelques détails à la dernière minute, parce que je viens de voir Cambon.

J'en reviens au début, veuillez être bien sûr qu'en l'affaire Stokes il n'y a nul double jeu. J'attends votre réponse pour un congé éventuel et si possible.

Très sincèrement à vous

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Позвольте мне постараться предостеречь вас против тенденции, которая сквозит, как я вижу, в переписке: а, именно, подозрения, что английское правительство ведет двойную игру в деле Стокса. Я желал бы высказать вам мое абсолютное убеждение, что это не так. Если бы правительство, по причинам, которые кстати невозможно себе представить, поддерживало бы Стокса на этой должности или на другой аналогичной, то вопрос был бы изучен и представлен совершенно иначе. Провести [кандидатуру] Стокса тайным путем — это не могло притти здесь никому в голову.

Именно то [обстоятельство], что вопрос совершенно не был изучен и легкомысленное отношение, проявленное к нему в начале, и привело к неразберихе. Была проявлена слабость, были сделаны ошибки. Дело идет об исправлении всего этого; это не легко, так как сами ошибки нагромоздили лишние затруднения, которые однако существуют и создают новые затруднения для Грея. Описывать вам все это было бы слишком долго, но в действительности здесь ничего не знали, так как все досье о Стоксе находится в Калькутте; были получены сведения, оказавшиеся неточными. Не знали даже, подал ли он в отставку или нет, а также дату его назначения. Не знаю, выяснено ли все это, но во всяком случае это произошло лишь совсем недавно.

Я уже говорил вам, что кабинет был полностью поглощен военным кризисом и парламентскими делами. ... я думаю, Грей только вчера постиг все действительное значение, которое это дело имеет в наших глазах. Сначала он меня слушал с некоторым удивлением, а затем с очень серьезным вниманием; тогда именно у него вырвалось восклицание: «Но я не скомпрометирую согласия с Россией из-за какого то дела Стокса». После чего он совершенно изменился.

Это слабый пункт английской упрощающей и чисто парламентской системы; дела, которые сначала кажутся второстепенными, встречают пренебрежительное отношение и попадают в руки подчиненных лиц. Надо долго наблюдать это положение на месте, чтобы судить о нем. Дело Стокса прискучило сразу, затем — чрезмерно упрощенное отношение к нему и временно все было завалено другими делами. Не имея причин говорить [с уверенностью] об этом, я все же думаю, что Барклай проявил недостаточную энергию. Шустера считают серьезным администратором. Он нашел в Стоксе способного сотрудника, внушившего ему доверие, знающего персидский язык. Все это показалось практичным. И лишь позже, по сведениям из Индии, Грей узнал, что Стокс — корыстолюбивый интриган, противодействовавший английской политике.

Но помимо того, Англия совсем не хочет вмешиваться в дела Северной Персии, для нее достаточно Юга, и она в восторге, что мы будем действовать на Севере. Тем более в настоящее время, когда в Берлине дела улаживаются лишь с трудом, Англия дорожит Россией более чем когда-либо, и предположение, что она смешает свои карты по такому делу, как дело Стокса, — совершенно недопустимо.

Английское правительство запуталось в этом деле, задних мыслей здесь нет никаких. Я сознаю свою ответственность, давая столь категорическое утверждение. Я принимаю ее на себя безо всякого колебания.

Если я так сильно подчеркиваю эту тенденцию к подозрительности, то потому, что я считаю ее весьма опасной. Это слишком напоминает былые времена, когда она носила хронический характер. Но в особенности не следует, чтобы английское правительство отдало себе в этом отчет, тут скрывалась бы настоящая опасность. Заключения здесь делаются не

скоро, но они постоянны. Я опасаюсь, как бы при глубокой обиде [здесь] не возникла мысль, что в связи с предстоящим подписанием соглашения с Германией мы ищем либо нашли предлог для разрыва. Это было бы важным событием, очень прискорбным, но которого я не могу не опасаться. Благоволите принять во внимание, насколько трудно предположить, что при нынешней обстановке Англия скомпрометировала бы свои отношения с нами из-за дела, очень важного для нас и весьма незначительного для нее. Кроме того, Грей не является человеком, способным на это.

Мысль, которой я опасаюсь, а именно, что мы думаем об изменении курса нашей политики, была бы слишком легко поставлена в связь с шумом, поднятым вокруг свидания в Потсдаме, шумом, не подорвавшим окончательно, но поколебавшим доверие. Кроме того, внезапное появление Мохамеда-Али в Персии вызвало, конечно, удивление.

Верьте мне: Англия ведет игру честно. Подозревать ее значило бы ошибаться. А для нас важно только, чтобы Стокс не был назначен. Что касается выбора средств для его удаления, то [лучше] всего не подсказывать, а предоставить ей самой этот выбор.

Я имею самые последние сведения из Берлина через Камбона. Они не благоприятны, но ни Грей, ни он не теряют надежды. И тот и другой считают это неслыханным торгом. Но они считают настроение г. де Сельва несколько нервным. Тем не менее, если меры, которые возможно будет принять, еще и не обсуждаются, то предполагается, что скоро наступит время, когда надо будет подумать, о них. В ответ на прямо поставленный Камбоном вопрос Грей ответил, указав на различные комбинации, причем, по словам Камбона, он говорил об Англии, как о союзнице Франции.

Здесь следят за тем, что может произойти в Агадире, и думают об этом, не принимая еще никакого решения.

Я добавляю эти подробности в последнюю минуту, так как только что видел Камбона.

Возвращаюсь к тому, с чего начал, будьте уверены, что в деле Стокса нет никакой двойной игры. Жду вашего ответа по поводу отпуска, если он возможен и обстоятельства будут благоприятны.

Искренно преданный вам Бенкендорф.

№ 328. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 16/3 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Как вам известно из моей телеграммы, назначенное на сегодня свидание между Камбоном и Кидерленом отложено на завтра [1]. Взамен этого барон Шен, очевидно по приказанию из Берлина, посетил г. де Сельва и пытался в полуторачасовой беседе склонить его к большей уступчивости, указывая на «серьезные последствия, могущие произойти от неудачи переговоров». При этом барон Шен все время оставался в пределах уже известных вам из предыдущего моего письма территориальных требований [2]; г. де Сельв возражал на эти требования, что раз Германия берет назад ею же самой сделанное предложение уступить Франции Того-ланд, это должно иметь последствием соответственное уменьшение уступаемой Германии территории; далее г. де Сельв указывал, что раньше, нежели окончательно определить размеры этой территории, необходимо с точностью знать, в каких пределах Германия готова признать преимущественные права Франции в Марокко. В результате этой беседы вопрос ни на шаг не подвинулся вперед и вряд ли можно надеяться, что завтрашнее свидание Камбона с Кидерленом будет более успешно. Таким образом, следует предвидеть, что на-днях опять последует серьезная заминка в переговорах, что при нынешнем настроении общественного мнения как во Франции, так и в Германии, представляет несомненную опасность. Нападки на г. Кидерлена со стороны не только узких пангерманских кругов, но и таких популярных публицистов как Максимилиан Гарден, вряд ли могут воздействовать на него умеряющим образом; здесь же печать и публика, не привыкшие к соблюдаемой в настоящем деле строгой тайне, начинают выказывать нервность, проявляющуюся не только в газетных статьях, но и в некоторых публичных речах. Так, на-днях известный историк Лавис произнес на официальном школьном празднике горячее воззвание к патриотизму эльзасцев, которое, конечно, не останется незамеченным в Германии. Следует поэтому опасаться,

[1] Имеется в виду тел. Извольского от 16/3 авг. за № 96 (опубл. Stieve, I, S. 131, N 110), содержание которой изложено в публикуемом письме.

[2] См. № 324.

что после столь долгих переговоров никакое благоразумное разрешение спора не удовлетворит возбужденных умов обеих сторон.

Подробно и изо дня в день осведомляя меня о ходе переговоров, г. де Сельв горько жалуется на грубость и недобросовестность Германии, признавшей в 1909 г. свободу действий Франции в Марокко и ныне требующей за это особого и крупного вознаграждения. Особенно возмутило его сегодняшнее указание барона Шена на «серьезные последствия возможной неудачи переговоров»; «это, — сказал он мне, — не аргумент, а попытка устрашения, которая может встретить со стороны Франции лишь самый решительный отпор». Со своей стороны, в моих разговорах с г. де Сельвом я стараюсь, по возможности, располагать его к благоразумной уступчивости: весьма естественно, говорю я ему, что Германия страдающая от избытка населения и производства, стремится создать обширную колониальную империю, и для Франции весьма выгодно, что она ищет этой империи в таких областях Африки, где Франция может без большого ущерба для себя уступить необходимые ей территории. Взамен этого Франция получает свободу действий в Северной Африке, т. е. именно там, где ей необходимо обезопасить и окружить свои исторические владения. Сделка эта для Франции несомненно выгодна, но при одном условии, а именно, чтобы отказ Германии от Марокко был закреплен вполне бесспорным образом, и в этом именно мне представляется главный интерес настоящих переговоров. Г. де Сельв лично со мной соглашается, но он, очевидно, должен считаться с так называемой колониальной партией, которая всячески противится расчленению средне-африканских французских владений.

Вместе с г. де Сельвом я ставлю себе вопрос: действительно ли г. Кидерлен ищет почвы для мирного соглашения с Францией или же он затягивает переговоры с целью воспользоваться тем или другим инцидентом, чтобы вернуться к первоначальной своей мысли, т. е. к захвату Агадира и его хинтерланда. Если оправдается вторая гипотеза, это может подать повод к весьма серьезным осложнениям и довести дело до общеевропейского кризиса, от участия в коем нам едва ли удастся уклониться.

Примите и пр.

Извольский.

№ 329. Журнал особого совещания по делам Дальнего Востока.

17/4 августа 1911 г.

Председательствовал:

Председатель совета министров статс-секретарь гофмейстер Столыпин.

Присутствовали:

Министр финансов статс-секретарь Коковцов,

Морской министр вице-адмирал Григорович,

Министр торговли и промышленности тайный советник Тимашев,

Временно управляющий военным министерством генерал-от-инфантерии Поливанов,

Временно управляющий министерством иностранных дел действительный статский советник Нератов и

Начальник главного управления генерального штаба генерал-от-кавалерии Жилинский.

Особому совещанию предстояло обсудить направление, которого императорскому правительству надлежит придерживаться в монгольском вопросе в связи с посылкой в С.-Петербург ургинским хутухтой и князьями четырех аймаков Халхи особой депутации, которой поручено просить государя императора о принятии Монголии под протекторат России.

Эта депутация прибыла в С.-Петербург [15] 2 августа и была принята на следующий день временно управляющим министерством иностранных дел. Из расспросов депутации выяснилось, что, как это впрочем уже было известно из донесений императорской миссии в Пекине и консулов в Монголии, китайское прави-

тельство задумало преобразовать управление Монголией [1], пользовавшейся до сих пор значительной автономией и являвшейся скорее вассальным владением царствующей в Китае династии. Задуманные преобразования, отчасти уже проведенные в так называемой Внутренней Монголии, должны привести к упразднению сказанной автономии, причем Халха должна в административном отношении быть поставлена в одинаковое положение с провинциями Внутреннего Китая.

Для подготовки такого объединения Застенного и Внутреннего Китая пекинское правительство, уже ранее отменившее указ о запрещении китайцам выселяться на север от Великой стены, ныне решило колонизовать китайцами монгольские земли, распространить на Монголию действие китайского горного устава, связать железными дорогами с Пекином главнейшие центры Халхи. Видя главное препятствие поставленной цели в процветающем в Монголии ламаизме, пекинское правительство задумало упразднить большинство буддийских монастырей в этой области. Наконец, в Монголии было решено сформировать и расквартировать регулярные китайские войска, а из монголов набрать для этой цели конницу.

Доказательством непреклонности таких решений правительства богдохана служат как пример Внутренней Монголии, уже обращенной в округа Хейлунцзянской и Мукденской провинции, так и факт начала китайской земледельческой колонизации в прилегающих к русской границе хошунах Халхи, начало постройки железной дороги из Пекина через Калган на север от Великой стены, а равно требование уплаты монголами определенного налога, поступающие от которого суммы должны итти на военные формирования.

Такой поворот китайской политики по отношению Монголии не замедлил вызвать среди ее князей и духовенства сильнейшее беспокойство и желание отстоять свои права и самобытный строй страны. Призванные императорским указом высказаться относительно предположенных реформ князья Халхи единогласно просили богдоханское правительство не нарушать искони установившегося строя Монголии. Затем, собравшись в июне 1911 г. в Урге, князья постановили соединиться под главенством ургинского хутухты и отложиться от Китая. Сознавая свою разрозненность и бессилие перед китайцами, они решили обратиться к России и просить ее помощи в задуманном ими деле, причем однако желают сохранить ту долю самостоятельности, которой они до сих пор пользовались. Для передачи этого ходатайства и была снаряжена прибывшая ныне в С.-Петербург депутация.

Приступая к обсуждению вопроса о том, как отнестись к сказанному ходатайству, особое совещание прежде всего обратило свое внимание на то, что в настоящее время императорское правительство принуждено принимать деятельное участие в решении разных острых вопросов на Ближнем и Среднем Востоке; принимать на себя деятельную роль в монгольском вопросе и тем ослаблять наше влияние в делах Запада было бы весьма нежелательно. Правда, наступивший в монгольских делах кризис не является для нас неожиданным: с давних пор мы оказываем монголам нашу поддержку и покровительство; некоторые наши агенты в Монголии в значительной мере содействовали создавшемуся среди монголов убеждению, что они могут рассчитывать на русскую помощь в случае попытки порвать с Китаем; тем не менее, при настоящей политической конъюнктуре было бы нежелательно активно выступить в монгольском вопросе.

С другой стороны, задуманные Китаем преобразования в Монголии, колонизация китайцами-земледельцами прилегающей к нашей границе полосы, соединение железными дорогами лежащих близ этой границы пунктов с центрами китайской администрации и расположения китайской армии, особенно же появление в ближайшем соседстве с нашими владениями значительных китайских вооруженных сил не могут не тревожить нас. Монгольский вопрос представляет поэтому для нас большое значение и поддержка монголов в их стремлении про-

[1] См. № 260.

тиводействовать сказанным начинаниям китайского правительства вполне соответствовала бы нашим интересам.

Исходя из этих соображений, особое совещание полагало, что наиболее отвечающим нашим политическим задачам и обстановке настоящего политического момента было бы, чтобы императорское правительство, не выступая активно в монгольском вопросе и не принимая на себя обязательства силою оружия отстаивать задуманное монголами Халхи отложение от Китая, выступило посредником между ними и поддержало дипломатическим путем стремления монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их сюзеренами — императорами дайцинской династии.

Практически, по мнению особого совещания, осуществление такого рода направления в этом деле должно выразиться в том, чтобы императорскому посланнику в Пекине было поручено сделать в дружеской и благожелательной форме представления богдоханскому правительству, указав ему на то, что волнения среди монголов Халхи, вызываемые проектами преобразований этой области, не могут оставить императорское правительство равнодушным как ввиду соседства Халхи с нашими владениями, так и ввиду имеющихся там крупных русских торговых интересов, и что самые эти преобразования, направленные к нарушению равновесия на границе, находятся в противоречии с неоднократно делаемыми нам за последнее время заверениями о желании китайского правительства находиться в дружеских отношениях с Россией.

Что касается прибывшей в С.-Петербург депутации, то ей следует объяснить невыполнимость в настоящую минуту задуманного монголами полного отложения от Китая, но обещать нашу поддержку в борьбе с китайцами за сохранение самобытного строя Халхи [1]. Ввиду существующих у депутатов опасений за их безопасность по возвращении на родину и страха перед местью китайцев, жертвами которой могут сделаться как сами депутаты, так и пославшие их хутухта и князья, следует обещать им наше заступничество перед китайцами, самому же факту посылки депутации постараться придать характер наивной демонстрации против китайских утеснений, отнюдь не заслуживающей кары. Во всяком случае, следует действовать так, чтобы в глазах как китайского правительства, так и русской печати, которой, вероятно, сделается известно о приезде депутации, она не имела политического значения.

Ввиду высказанного императорским посланником в Пекине убеждения, что для обеспечения безопасности депутатов и для успеха наших представлений, направленных к сохранению самобытного строя Халхи, необходимо присутствие в Урге некоторой нашей вооруженной силы, особое совещание полагало нужным без замедления усилить конвой нашего консульства в названном городе двумя сотнями казаков с пулеметами [2].

Столыпин, В. Коковцов, Григорович, С. Тимашев, Ал. Поливанов, А. Нератов.

Согласен.

Петергоф, [7 сентября] 25 августа 1911 г.

---

[1] В тел. от 3 авг./21 июля за № 710 Лавдовский сообщал: «По словам ханов и князей они, в случае отделения от Китая, желали бы выговорить для себя защиту от внешних врагов нашими войсками, внутреннее самоуправление и неприкосновенность их кочевого быта. Все остальные условия они ставят всецело в зависимость от нашего усмотрения. Насколько серьезна просьба князей, видно из того, что они, в случае неудачи, рискуют головами».

[2] Тел. от 19/6 авг. за № 1099 (№ 1) Нератов извещал Коростовца о решениях, принятых особым совещанием по делам Дальнего Востока, и предлагал указать кит. прав-ву, что замышляемые им военные и административные реформы в Халхе «были бы сочтены нами за враждебное по отношению к России действие».

Тел. от того же числа за № 1100 (№ 2) Нератов предписывал Коростовцу обратить внимание кит. прав-ва на то, что создание в Монголии кит. армии приведет к нарушению равновесия на границе и «не может не отразиться на совокупности отношений между обеими державами». В заключение Нератов просил Коростовца дать понять кит. прав-ву, что «мы не останемся равнодушными к судьбе монгольских депутатов и пославших их лиц». На указанных тел. имеется помета Николая II: «С[огласен]». «Петергоф, [19] 6 августа 1911 г.»

№ 330. Английский посол в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 17/4 августа 1911 г.

Personnelle.

Mon cher Monsieur Nératow,

Je viens de recevoir un long télégramme du Foreign Office dont je vous donnerai lecture samedi [1]. Mais, en attendant, je tiens à vous faire savoir que Sir E. Grey trouve que le gouvernement impérial, ainsi que l'opinion publique en Russie, exagère un peu la portée de l'incident Stokes et paraît regarder la nomination de cet officier comme un fait accompli. Ça n'est pas du tout le cas; et en outre le gouvernement de sa majesté n'a rien fait pour justifier l'impression qu'il a voulu assurer la nomination du major Stokes au poste de chef de la gendarmerie fiscale ou qu'il a consenti à cette nomination. Tout au contraire, le ministre de sa majesté à Téhéran a été chargé a plusieurs reprises de faire des représentations au gouvernement persán à ce sujet et de lui avertir [2] que si ce dernier persistait à confier à Stokes la tâche d'organiser une gendarmerie nationale pour toute la Perse, le gouvernement de sa majesté reconnaîtrait le droit de la Russie de pourvoir aux mesures qu'elle jugera nécessaires pour sauvegarder ses intérêts.

Sir Edward estime que la Russie ne doive [2] plus tarder à adresser au gouvernement persan une communication, conçue dans le sens de la note dont le comte Benckendorff lui a tout récemment soumis le texte [3], car à défaut d'une telle protestation de la part de la Russie le gouvernement persan sera porté à croire que le gouvernement de sa majesté soit [2] plus royaliste que le roi en ce qui concerne la défense des intérêts russes en Perse. Pour le cas où le gouvernement impérial se décide à faire une telle démarche, Sir E. Grey sera disposé de renouveler l'avertissement qu'il a déjà adressé au gouvernement persan [4], de lui donner à entendre que la meilleure solution serait de charger un ressortissant d'une Puissance secondaire de l'organisation de la gendarmerie à la place de Stokes et d'ajouter que, si le gouvernement persan se montre toujours intransigeant à ce sujet, le gouvernement de sa majesté, vu les objections bien fondées de la Russie, refusera d'accepter la démission de Stokes.

Je vous exposerai plus longuement la manière de voir de Sir E. Grey samedi, mais je n'ai pas voulu attendre jusqu'à ce jour pour vous faire part d'une communication qui montrera, j'espère, que mon gouvernement, dans son désir de collaborer loyalement avec la Russie en toute question qui touche aux intérêts des deux pays, est disposé à faire tout son possible pour aller au devant des désirs du gouvernement impérial dans l'affaire dont il s'agit à présent.

Votre sincèrement dévoué George W. Buchanan.

Перевод. Личное.

Дорогой г. Нератов,

Я только-что получил длинную телеграмму из Foreign Office, которую я вам прочту в субботу. Но до того я считаю нужным вам сообщить, что сэр Э. Грей находит, что императорское правительство, а также общественное мнение в России несколько преувеличивают значение инцидента со Стоксом и, повидимому, считают назначение этого офицера совершившимся фактом. Это совсем не так и помимо того правительство его величества не сделало ничего, чтобы могло создаться впечатление, что оно хотело обеспечить назначение майора Стокса на место начальника финансовой жандармерии по сбору налогов, или что оно согласилось на это назначение. Напротив, посланник его величества в Тегеране получал неоднократные указания сделать представление персидскому правительству по этому поводу и предупредить его, что если последнее будет настаивать на поручении Стоксу организации национальной жандармерии для всей Персии, то правительство его величества признает за Россией право принять меры, которые она сочтет нужными для охраны своих интересов.

Сэр Эдуард считает, что Россия не должна медлить с отправкой персидскому правительству сообщения, составленного в духе ноты, текст которой передал ему недавно Бенкендорф, так как при отсутствии подобного протеста со стороны России персидское правитель-

[1] 19/6 августа.
[2] Так в оригинале.
[3] См. №№ 295 и 305.
[4] См. стр. 307, прим. 3.

ство будет склонно думать, что правительство его величества более роялистично, чем сам король в деле, касающемся русских интересов в Персии. На случай, если императорское правительство решится сделать подобное выступление, сэр Э. Грей будет готов возобновить предупреждение, которое он уже сделал персидскому правительству, дать ему понять, что наилучшим разрешением вопроса было бы вместо Стокса поручить организацию жандармерии подданному второстепенной державы и добавить, что если персидское правительство все же не будет склонно пойти на уступки, то правительство его величества, ввиду обоснованных возражений России, откажется принять отставку Стокса.

Я вам изложу точку зрения сэра Э. Грея более подробно в субботу, но я хочу, не дожидаясь этого дня, сделать вам это сообщение, которое, надеюсь, докажет, что мое правительство желает лойяльно сотрудничать с Россией во всяком вопросе, затрагивающем интересы обеих стран, и сделает все возможное, чтобы пойти навстречу пожеланиям императорского правительства в деле, о котором теперь идет речь.

Искренно преданный вам

Джордж В. Бьюкенен.

№ 331. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 189[1]. 17/4 августа 1911 г.

Me réfère votre télégramme № 1079[2] et mon télégramme № 188[3].

Grey me fit prier de passer. Il me dit qu'après télégramme d'hier de Buchanan, il craignait que vous ne rendiez pas tout à fait justice à ses efforts, que démission avait été refusée à Stokes jusqu'à clôture satisfaisante de l'incident, que par conséquent intérêt de Stokes ne jouait aucun rôle, qu'il avait trouvé réponse persane[4] tout à fait insuffisante, qu'il avait dernièrement fait informer Shuster que sujet de Puissance de second ordre devait être nommé à cette place[5], que gouvernement persan avait déjà été prévenu de toutes les conséquences si, contrairement à désir du gouvernement anglais[6], candidature de Stokes était maintenue, que maintenant il lui paraissait urgent que gouvernement impérial fasse à Téhéran protestation officielle projetée[7], que dès qu'il en serait informé, Barclay sera chargé de renouveller ses objections à nomination de Stokes et indiquerait comme seule nomination possible celle d'un sujet Puissance second ordre, que nomination de Stokes, ayant surgi tout à fait indépendamment du gouvernement anglais, son rôle était surtout d'appuyer nos démarches et protestations et d'indiquer solution conforme à nos intérêts, que jusqu'ici il avait fait à Téhéran plusieurs démarches indépendantes, que l'intérêt de l'affaire lui paraît exiger que Barclay appuie démarche catégorique de Poklevsky, que démission de Stokes avait été refusée pour rendre efficace protestation à Téhéran. Grey me rappela ses déclarations publiques à la tribune[8] et dit qu'elles auraient pu produire en Russie impression plus favorable. Je répondis que j'avais reçu de vous un télégramme me chargeant de lui représenter encore une fois gravité de la question, ce que je croyais devoir faire, que je ne refuserai pas de vous informer le plus exactement possible du tableau qu'il venait de me faire de l'attitude anglaise. J'ajoutai que d'ailleurs d'après télégramme reçu de vous, il me paraît que Buchanan ne vous [a] pas informé que réponse persane était considérée à Londres tout à fait insuffisante, ni de la démarche faite depuis auprès de Shuster, ni du projet de nouvelle démarche d'appui auprès du gouvernement persan, et votre télégramme me paraîtrait rédigé sous impression contraire. Grey me dit encore qu'il pourrait être attaqué au Parlement de s'occuper davantage de nos intérêts dans le Nord que des intérêts anglais dans le Sud où tout allait de mal en pis, ce qui ferait mauvais effet et c'est pourquoi il vous prierait prendre

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 143, N 437.
[2] См. № 320.
[3] См. стр. 324, прим. 1.
[4] См. № 315.
[5] См. № 322.
[6] У Siebert'a «der russischen und englischen» («российского и английского»).
[7] См. № 307.
[8] См. стр. 309, прим. 8.

maintenant nouvelle initiative, qu'il appuyerait énergiquement, en indiquant solution. Buchanan a dû recevoir télégramme dans même sens pour vous être communiqué.

Benckendorff.

Перевод.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1079 и на мою телеграмму № 188.

Грей пригласил меня зайти к нему. Он сказал мне, что после вчерашней телеграммы Бьюкенена он опасается, что вы не совсем справедливо оцениваете его усилия: что Стоксу было отказано в отставке до тех пор, пока инцидент не будет удовлетворительно разрешен, а поэтому интересы Стокса не играют никакой роли; что он [Грей] нашел персидский ответ совершенно неудовлетворительным; что он недавно уведомил Шустера, что на это место должен быть назначен подданный второстепенной державы; что персидское правительство было уже предупреждено о всех последствиях, если, вопреки желанию английского правительства, кандидатура Стокса будет сохранена; что ему представляется крайне необходимым, чтобы императорское правительство предъявило в Тегеране проектированный официальный протест; что как только он [Грей] будет об этом извещен, Барклаю будет поручено возобновить свои возражения против назначения Стокса и указать, как на единственно возможное, на назначение подданного второстепенной державы; что поскольку вопрос о назначении Стокса возник совершенно независимо от английского правительства, роль последнего ограничивается главным образом поддержкой наших демаршей и протестов и указанием на разрешение вопроса сообразно нашим интересам; что до сих пор Барклай предпринял в Тегеране несколько самостоятельных демаршей; что польза дела требует, как кажется Грею, чтобы Барклай поддержал категорическое выступление Поклевского; что Стоксу в отставке было отказано для того, чтобы сделать эффективным протест в Тегеране. Грей напомнил мне о своих публичных заявлениях с трибуны и сказал, что они могли бы произвести более благоприятное впечатление в России. Я ответил, что получил от вас телеграмму, в которой мне поручено указать ему еще раз на серьезность вопроса, что я и считаю своим долгом сделать, но что я не откажусь информировать вас самым точным образом о той картине, которую он изобразил мне, говоря об английской позиции. Я добавил, что, впрочем, согласно полученной от вас телеграммы, мне кажется, что Бьюкенен не уведомил вас ни о том, что персидский ответ был признан в Лондоне совершенно неудовлетворительным, ни об обращении к Шустеру, сделанном с тех пор, ни о проекте нового выступления перед персидским правительством с целью поддержать [нас], и ваша телеграмма представляется мне составленной под обратным впечатлением. Грей сказал мне еще, что он может подвергнуться обвинению в парламенте по поводу того, что он больше озабочен нашими интересами на Севере, чем английскими на Юге, где дела идут все хуже и хуже, что может произвести дурное впечатление, а потому он просит вас теперь вновь взять на себя инициативу, которую он энергично поддержит, указав на решение вопроса. Бьюкенен, повидимому, получил телеграмму в том же смысле, чтобы сообщить ее вам.

Бенкендорф.

№ 332. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [1]. 17/4 августа 1911 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Сердечно благодарю вас за интересное письмо ваше от [9 августа] 27 июля [2]. Особенно драгоценно для меня сведение о предстоящем вскоре подписании соглашения с Германией о Персии, так как несомненно существует опасность новой газетной кампании и новых попыток возбудить здесь недоверие к нашей политике. Поэтому я поспешил, не теряя минуты, принять против этого некоторые профилактические меры, выразившиеся в прилагаемых при сем статьях газет «Matin» и «Journal des Débats» [3]. Надеюсь, что вы не осудите меня за разгла-

---

[1] Опубл. М., стр. 105.

[2] Указанное письмо Нератова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[3] В газете «Matin» от 15/2 авг. была напечатана статья под заголовком «Russie et Allemagne vont signer un accord» («Россия и Германия собираются подписать соглашение»). В этой статье указывалось: «Тройственное согласие так же крепко, каким оно было год тому назад, и франко-русский союз никогда не был столь плодотворным и столь драгоценным, как сейчас».

В статье «L'Annonce d'un accord Russo-Allemand» («Известие о русско-германском соглашении»), напечатанной в «Journal des Débats» от 16/3 авг., подчеркивалась верность Рос-

шение этого дела, ибо если бы известие о подписании соглашения явилось неожиданностью для здешней публики, — это могло бы иметь весьма неблагоприятные последствия. Вы знаете, как трудно иметь дело со здешней печатью, в особенности не имея в моем распоряжении средств материального воздействия. Не знаю, удастся ли мне направить как следует другие влиятельные газеты, в особенности «Temps», где г. Тардье несомненно действует против наших интересов.

Заявления, сделанные вам Мелегари [1], действительно вероятно являются результатом разговора, который я имел с Титтони, от которого я не скрыл впечатления, произведенного у нас уклончивостью Италии в албанском вопросе, в особенности после авансов, сделанных мне здесь им самим. Титтони старался убедить меня, что это впечатление ошибочно, что здесь сказывается личный характер маркиза С.-Джулиано, отличающегося холодностью и нерешительностью, но что, по существу, Италия твердо стоит на почве соглашения и разговоров в Раккониджи. О разговоре этом он, очевидно, донес в Рим.

Что касается Персии, я понимаю ваши тревоги. Не скрою от вас, что лично я не вполне сочувствую нашей политике невмешательства в настоящую смуту. Я конечно понимаю, что вы в этом деле должны считаться с различными течениями и с господствующими у нас симпатиями к экс-шаху. Тем не менее я думаю, что занятое нами положение вряд ли может привести к добру. Если возьмет верх настоящий режим, это совершенно испортит наши дела в Персии. Если же воцарится Мохамед-Али, — в лучшем случае мы вернемся к status quo ante, со всеми его трудностями. Мне кажется, было бы выгоднее принять английское предложение — поддержать нынешний режим, — но обставив эту поддержку такими условиями и гарантиями, которые сделали бы нас и Англию хозяевами положения. Будь я еще министром, я вероятно выступил бы с этой программой, но вполне отдаю себе отчет, что встретил бы сильную оппозицию со многих сторон.

Из писем и телеграмм [2] моих вы знаете, как туго идут франко-германские переговоры. Если дело будет продолжать итти тем же медленным темпом, мне очень хотелось бы съездить на некоторое время к семье в Тегернзее. Это очень недалеко — всего одна ночь в вагоне, и если бы, не дай бог, дело осложнилось, я могу на следующий день быть в Париже. Не откажите поэтому исходатайствовать мне в принципе разрешение отлучиться, каковым разрешением я, само собой разумеется, воспользуюсь лишь сообразно с обстоятельствами. К началу конференции о литературной собственности я во всяком случае буду в Париже. О высочайшем соизволении на отлучку не откажите уведомить меня по телеграфу.

Согласно вашему разрешению [3] я начал доверительные разговоры с испанским послом; о ходе их я не премину сообщить вам, как только они примут несколько более определенный характер.

Искренно преданный вам и готовый к услугам

Извольский.

№ 333. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Письмо. 17/4 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Я только-что виделся с г. де Сельвом, который не имел еще известий из Берлина о состоявшемся сегодня свидании Камбона с Кидерленом; но он показал мне две телеграммы, полученные им от Камбона: в одной Камбон доносит, что англий-

сии союзным обязательствам: «Всем известно, что Россия никогда не позволила бы увлечь себя на путь, идущий вразрез с интересами ее друзей и союзников».

[1] Ср. № 326.

[2] См. №№ 324 и 328.

[3] См. стр. 317, прим. 1.

ский посол беседовал в Гамбурге с императором, который заявил ему, что, вопреки уверениям печати, он вполне солидарен в марокксReferences вопросе со своими министрами. Затем император с большим раздражением отозвался о политике английского правительства, на что сэр Э. Гошен ответил, что вся английская нация поддерживает эту политику.

Во второй телеграмме Камбон сообщает, что Кидерлен, в разговоре с одним из иностранных послов, заявил, что в случае неудачи переговоров было бы ошибочно думать, что Германия согласилась бы пойти на вторую конференцию. Камбон присовокупляет, что весьма важно преждевременно не разглашать этой решимости берлинского кабинета, так как это могло бы подать последнему повод приписать всякому выступлению в пользу конференции враждебный характер по отношению к Германии.

О результате сегодняшнего свидания в Берлине де Сельв сообщит мне завтра, и вы узнаете о нем по телеграфу еще до получения настоящего письма [1].

Примите и пр.

Извольский.

№ 334. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

¹/. Депеша № 56. 17/4 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Переговоры между германским статс-секретарем и французским послом остаются до сих пор, как я узнал вчера от моего французского сотоварища, в фазисе академического обсуждения основ предложения и спроса.

На последнем совещании эти основы определялись со стороны Франции уступкой части Французского Конго с незначительной береговой линией в пользу Германии; Германия же должна была предоставить Франции колонию Того и часть Камеруна, известную под названием «bec de canard» [2].

Первоначальная мысль о присоединении некоторых французских островов в австралийском архипелаге была отвергнута Кидерленом, который, по словам г. Камбона, настаивает на приобретении Германией сплошной колониальной площади.

За последние дни германский статс-секретарь, под гнетом возбужденно-настроенного общественного мнения, повидимому, более не решается поступиться немецкой колонией Того.

На сегодня назначено новое совещание, исход которого мне не известен. Французский посол предупредил однако г. Кидерлена, что при вышесказанных условиях Франция принуждена будет вероятно уменьшить пропорционально объем уступаемой ей территории в Конго.

Трудно предполагать, чтобы сегодняшнее свидание постановило бы что-нибудь принципиально окончательное, так как германский статс-секретарь отправляется сегодня же вечером вместе с имперским канцлером в Вильгельмсгёге на празднование дня рождения императора Франца-Иосифа. Нет сомнения в том, что в присутствии императора Вильгельма ими будет затронут вопрос о новых условиях соглашения.

Французский посол усматривает в посылке в Агадир германского судна непростительную ошибку, отразившуюся на ходе начатых среди полного спокойствия общественного мнения франко-немецких переговоров. «Sans ce geste malheureux, — заметил г. Камбон, — nous aurions été déjà beaucoup plus près d'une solution satisfaisante de la question» [3].

Примите и. пр.

Гр. Остен-Сакен.

---

[1] См. № 340.

[2] «Утиный клюв».

[3] «Без этого злополучного жеста, — заметил Камбон, — мы были бы гораздо ближе к удовлетворительному разрешению вопроса».

P. S. Новое свидание между Кидерленом и французским послом не привело ни к каким положительным результатам. По словам г. Камбона, последний разговор его с германским статс-секретарем скорее отдалил «на несколько сот метров» возможность соглашения.

О[стен]-С[акен].

№ 335. Министр-резидент в Дрездене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Депеша № 6/1718. 17/4 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Отмечавшееся мной неоднократно неблагожелательное отношение саксонских руководящих кругов ко всему исходящему от центральной имперской власти нашло себе яркое выражение в появившейся сегодня в официозном «Dresdner Anzeiger» пространной передовой статье по поводу франко-германских переговоров о Марокко.

В статье этой, носящей многозначительное заглавие «Biegen oder Brechen», саксонский официоз подвергает резкой критике вызванные известной статьей берлинского органа «Post» выступления «Norddeutsche Allgemeine Zeitung». Укоряя берлинские сферы в неудовлетворительной защите германских интересов и в политике, несоответствующей достоинству германского народа, а также желая очевидно доказать превосходство всегерманского патриотизма в том смысле, как его понимают в Саксонии, дрезденский орган впадает в весьма воинственный тон. Сравнивая нынешние обстоятельства с событиями, предшествовавшими войне 1870 г., саксонская газета усматривает лишь три исхода из настоящего положения, каковы: а) война, б) отозвание всех французских и испанских войск из Марокко, или же в) привлечение Германии, наравне с соперницами, ко всем выгодам в шерифском государстве.

Представляя при сем в подлиннике статью расходившегося официоза [1], собирающегося, по собственному выражению, писать историю «не чернилами, а стальным резцом», хотя я и не придаю особенного значения измышлениям органа, однако полагаю необходимым обратить внимание вашего превосходительства на таковые, как на новый пример проявления саксонского партикуляризма, сочетавшегося в данном случае со всенемецкими тенденциями, с каковыми правительствам приходится все более и более считаться, а также со стремлениями германского торгового мира, решительно уже не знающего, куда сбывать продукты германского перепроизводства.

Названный выше дрезденский официоз вообще не отличается доброжелательным отношением к России и в появившемся сегодня номере находит новый случай высказать свои неприязненные к нам чувства по поводу передаваемых им отзывов симпатизирующей французам русской печати. «Dresdner Anzeiger» объясняет таковые «неурожаем и денежной нуждой», заставляющей Россию заискивать перед богатой Францией.

Примите и пр.

А. Вольф.

№ 336. Поверенный в делах [2] в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Депеша № 53. 17/4 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На прошлой неделе во всех здешних газетах появилось известие о предстоящей отставке общеимперского военного министра барона Шёнайха, и с тех пор

---

[1] Содержание указанной статьи в основном изложено в публикуемом документе.
[2] 9 авг./27 июля Гирс уехал в отпуск, передав управление пос-вом Крупенскому.

вопрос этот не перестает быть предметом самого оживленного обсуждения всей австро-венгерской печати.

В сущности, так единогласно предсказываемый ныне уход военного министра не является неожиданностью. О нем говорят уже с давних пор, и ни для кого не составляет тайны, что истинной причиной неизбежной в более или менее близком будущем отставки барона Шёнайха являются постоянные разногласия и крайне обостренные отношения, существующие между ним, с одной стороны, и наследником престола эрцгерцогом Францем-Фердинандом и военной канцелярией его высочества — с другой. При этом одну из причин неудовольствия эрцгерцога против военного министра хотят видеть в готовности последнего итти на уступки венгерским национальным домогательствам в различных, касающихся армии, вопросах. Кроме того, наследник престола счел себя оскорбленным некоторыми, принятыми им на свой счет выражениями в речах, произнесенных бароном Шёнайхом в парламентских делегациях.

Нельзя не признать, как это и отмечается в наиболее серьезных органах здешней печати, что настоящий момент, когда законопроект о военной реформе должен служить предметом обсуждения в парламентах обеих половин монархии, являлся бы весьма неудачно выбранным для увольнения в отставку того именно военного министра, под руководством которого этот проект был составлен и который так удачно провел его в последних делегациях. Хотя кризис в военном министерстве и вызван причинами личного свойства и хотя политика правительства в отношении военных реформ несомненно останется прежняя, несмотря на уход барона Шёнайха, таковой, если бы он действительно теперь состоялся, бесспорно явился бы козырем в руках парламентских противников военного законопроекта. Со стороны оппозиции в венгерском рейхстаге, ведущей обструкцию против военной реформы, уже заметны попытки воспользоваться для своих целей слухами об отставке военного министра, и кабинету графа Куна предъявлен был по этому поводу запрос. Соображения эти побудили даже венгерского премьера послать в Ишль к императору Францу-Иосифу министра гонвед Хазая, чтобы указать его величеству на затруднения, которые были бы связаны с увольнением в отставку в настоящую минуту барона Шёнайха.

Как я узнал от близких к барону Шёнайху лиц, он сам положительно заявляет, что, вопреки появившимся в газетах известиям, он прошения об отставке не подавал и подавать не намерен и что вообще о своем, якобы, уходе он узнал только из газет. При последнем своем свидании с императором, еще до отъезда его величества в Ишль, он действительно говорил о своих невозможных отношениях к наследнику и заметил, что ему, быть может, лучше было бы при таких условиях совсем уйти, на что император ответил, что без него он обойтись не может, и совсем отказался обсуждать этот вопрос до своего возвращения будущей осенью в Вену. Пущенный в печати слух является таким образом, повидимому, интригой против военного министра со стороны его недоброжелателей.

Отношения между эрцгерцогом Францем-Фердинандом и бароном Шёнайхом за последнее время до крайности обострились, и даже простая встреча их сделалась весьма затруднительной, после того как наследник престола на благотворительном рауте, имевшем место минувшей зимой в военном министерстве, публично не подал руки военному министру. С тех пор последний не появлялся ни разу при тех парадных случаях, где ему пришлось бы встретиться с эрцгерцогом и не присутствовал при торжественном спуске на воду в Триесте первого австро-венгерского дредноута. Император разрешил даже барону Шёнайху не принимать никакого участия в предстоящих этой осенью больших маневрах, на которых эрцгерцог Франц-Фердинанд явится заместителем его величества. Такое ненормальное положение, конечно, долго продолжаться не может и, если даже барон Шёнайх и останется теперь у власти, ему, по всем вероятиям, придется выйти в отставку не позже будущей зимы, после того как законопроект о военной реформе будет принят обоими парламентами.

По вопросу об уходе военного министра здешняя печать разделилась на два враждебных лагеря. Между тем как вся либеральная и социал-демократическая

пресса, а также большинство венгерских газет, энергично защищают барона Шёнайха, в органах христианской социальной партии появляются яростные на него нападки. Притом обе стороны без всякого стеснения стараются примешать к делу личность наследника престола. «Neues Wiener Journal» в своих нападках на эрцгерцога Франца-Фердинанда и окружающих его лиц дошел до того, что один номер этой газеты подвергся конфискации.

Примите и пр.

В. Крупенский.

P. S. По последним известиям из Ишля, император Франц-Иосиф выразил надежду, что ему удастся уладить нынешние затруднения и примирить эрцгерцога Франца-Фердинанда с военным министром.

Ut in litteris

В. Крупенский.

№ 337. Поверенный в делах в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. **17/4 августа 1911 г.**[1]

М. г. Анатолий Анатольевич,

После наступившего в Албании успокоения[2] главное внимание правительственных и общественных кругов в области внешней политики привлекает к себе в настоящее время марокксский вопрос. Всякое благоприятное известие касательно идущих между Германией и Францией переговоров вызывает в Вене самую искреннюю радость. Насколько я мог заключить из слов барона Мюллера, в министерстве иностранных дел не сомневаются, что происходящий между названными державами обмен мыслей приведет к непосредственному улажению между ними всех спорных пунктов.

Такой оборот дела, несомненно, вполне соответствует желаниям венского кабинета. Действительно, перспектива необходимости занять то или другое определенное положение при обсуждении марокксского вопроса всеми державами в случае безрезультатности франко-германских переговоров была бы весьма неприятна для Австро-Венгрии. Как ни старается с упорной последовательностью граф Эренталь освободиться от гнета Берлина и строго ограничить действие договора о Тройственном союзе одними лишь определенно предусмотренными в нем случайностями, венскому кабинету вряд ли возможно было бы в указанном выше случае уклониться от поддержки, будь то на международной конференции или при других условиях, домогательств союзной Германии. А между тем в его расчеты нисколько не входит в угоду последней жертвовать своими хорошими отношениями к Франции и к Англии, коими он очень дорожит и которые всячески старается укрепить, что ему за последнее время в значительной мере и удалось, в особенности относительно Англии.

Здесь, повидимому, считают, что изложенные выше соображения имеют отчасти силу и по отношению к Италии и что таким образом в марокксском вопросе интересы последней совпадают с австрийскими.

На Балльплаце, конечно, с удовольствием констатировали бы такое совпадение преследуемых Австро-Венгрией и Италией целей, тем более, что за последнее время это был бы второй пример подобного столь редкого прежде согласия между обеими державами, которого уже один раз удалось достигнуть этим летом в албанском вопросе, в значительной мере благодаря неустанным стараниям итальянского посла в Вене, герцога Аварна.

Примите и пр.

В. Крупенский.

[1] Оригинал ошибочно датирован 17/4 августа 1910 года.
[2] См. № 300.

№ 338. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 683. 17/4 августа 1911 г.

Секретно.

Сильное желание персидского правительства сблизиться с нами и заручиться нашей нравственной поддержкой в борьбе с Мохамед-Али-шахом, выразившееся в разговоре со мной министра иностранных дел [1] и в послании регента меджлису [2], явилось, мне кажется, прямым последствием нашей совместной с Англией декларации о нейтралитете [3], которая была неожиданностью для здешнего правительства, почему-то рассчитывавшего, что оба правительства, а особенно Англия, обязаны активно защищать господствующий ныне в Персии порядок вещей. Одновременно бахтиарские ханы, получившие сперва от Сердар-Асада телеграфное приказание до последней капли крови защищать конституцию, ныне от него же получили телеграмму, предписывающую им прежде всего дружить с Россией и сообразоваться с ее интересами. Несколько месяцев тому назад бахтиарские ханы были сильно разочарованы здешним режимом и некоторые из них громко высказывались в пользу Мохамед-Али-шаха. Неизвестно, вступили ли они тогда в какие-либо сношения с бывшим шахом, но верно то, что некоторые ханы младшей линии всегда были убежденными его сторонниками. Теперь под влиянием вышеупомянутой телеграммы Сердар-Асада и желания регента и более благоразумных персидских государственных деятелей сблизиться с Россией все бахтиарские ханы, включительно до первого министра Самсам-эс-Солтане, в разговорах со мной следующим образом определили свое отношение к происходящим в Персии событиям. Призванные к власти вслед за появлением в Персии Мохамед-Али-шаха, они вызвали в Тегеран своих всадников, число коих дойдет на-днях до 3 000, что, по их мнению, достаточно, чтобы не допустить до столицы бывшего шаха. Но они не питают никакого доверия к меджлису, который способен эксплоатировать их в трудную минуту и может затем снова действовать против них, а потому главным их желанием является сохранение при переживаемом Персией кризисе дружбы с Россией и Англией и своей бахтиарской чести. Ввиду этого они горячо присоединяются к проекту регента и министра иностранных дел улучшить отношения с Россией и будут настаивать на принятии меджлисом вырабатываемой в этом смысле кабинетом строго определенной формулы. Кроме того, они потребуют от меджлиса усиления власти короны и правительства. Если предложения эти будут приняты, что не представляется однако очень вероятным, то тогда у бахтиар явится уверенность, что они будут работать на действительную пользу Персии и доброго ее согласия с обоими соседними государствами. В случае же отклонения этой программы регент подаст в отставку, а бахтиары выйдут из состава правительства и совершенно откажутся от какого-либо активного участия в делах и в происходящей борьбе. Они тогда обратятся в императорскую и английскую миссии за приказаниями и в случае воцарения Мохамед-Али-шаха будут просить обе миссии о посредничестве к примирению их с шахом. Передавая мне о вышеизложенном, Самсам-эс-Солтане задал мне весьма щекотливый вопрос о том, как относится императорская миссия к подобной программе. Принимая во внимание, что первая часть этого плана совершенно соответствует англо-русской политике в Персии, что неодобрение мною второй его части было бы прямым поощрением бахтиар к активному сопротивлению Мохамед-Али-шаху и что бахтиары главным образом хотели знать, сохранят ли они при таком образе действий нашу дружбу, я в своем ответе позволил себе настаивать на представлении кабинетом меджлису самой точной и определенной программы, прибавив, что остальное — частное дело бахтиар и не противоречит нашим интересам. Примирение же Мохамед-Али-шаха, в случае его воцарения, с крупными факто-

---

[1] См. № 309.
[2] См. № 357.
[3] См. № 267.

рами политической жизни Персии, конечно, составит одну из задач императорской миссии. Ханы просили меня затем узнать мнение Барклая по тому же вопросу. Барклай обратил главное внимание на первую часть бахтиарского плана и горячо ее одобрил; затем не знаю, хорошо ли он взвесил все возможные последствия от осуществления бахтиарами второй части программы, но он мне сказал, что это их дело, и возражений не формулировал. Так как я не имел времени запросить ваше превосходительство до моего ответа бахтиарам, то прошу спешно указаний на случай, если слова мои не соответствуют взглядам императорского правительства [1].

Поклевский.

№ 339. Запись, сделанная в министерстве иностранных дел.

18/5 августа 1911 г.

[18] 5 августа 1911 г. французский посол посетил временно управляющего министерством иностранных дел и спросил его, получило ли императорское правительство предложение, которое синдикат четырех держав, по инициативе правительства Соединенных Штатов и через американских представителей, предполагает сделать России и Японии в видах сохранения контракта на китайский заем в 10 млн. ф. ст. с выдачей заинтересованными банкирами обязательства в том, что они не будут рассматривать постановление ст. 16-й контракта как создающее им монополию финансирования китайских займов.

Действительный статский советник Нератов ответил, что такого предложения к императорскому правительству еще не поступало, а на вопрос г. Луи, как мы отнесемся к сказанному предложению, которое, по его сведениям, будет непременно нам сделано, заметил, что затруднения, создаваемые для нас контрактом на заем в 10 млн. ф. ст. едва ли можно признать устраненными указываемым путем, так как ничто не гарантирует нас от возможности заключения синдикатом другого секретного соглашения с китайским правительством, обеспечивающего синдикату те исключительные преимущества, от которых он отказывается в связи с настоящим контрактом.

Г. Луи заверил действительного статского советника Нератова, что французское правительство не задумается взять на себя обязательство держать нас в курсе всего того, что ему будет известно о действиях и планах синдиката, и обещал телеграфировать о настоящем разговоре своему правительству.

№ 340. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 98 [2]. 18/5 августа 1911 г. [3]

Вчерашнее свидание [4] в Берлине не дало никаких положительных результатов. Кидерлен продолжает отказывать в уступке Того и опять настаивает на линии по течению реки Алима. Он заявляет, что Германия не может удовлетвориться предлагаемыми ей кусочками территории и должна получить весь хинтерланд Камеруна. Что касается собственно Марокко, он подтвердил, что Германия готова признать там полную свободу действий Франции и даже в будущем установление французского протектората. Министр иностранных дел предупредил Камбона, что доклад императору не может внести никаких изменений в германские требования и что после этого доклада он намерен отдохнуть в течение десяти

[1] Ответной тел. от 19/6 авг. за № 1102 Нератов сообщил Поклевскому: «Ваш ответ бахтиарам вполне одобряется».
[2] Опубл. Stieve, I, S. 133, N 112.
[3] Оригинал ошибочно датирован 19/5 августа.
[4] См. № 333.

дней. Камбон ответил, что со своей стороны уедет в Париж. — В таком случае, — сказал Кидерлен с улыбкой, — вернитесь в Берлин к 28-му, и тогда мы решим с вами, война или мир.

Извольский.

№ 341. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Телеграмма № 99. 18/5 августа 1911 г.

В переговорах наступил фактический перерыв, и ближайшие 10 дней будут иметь решающее значение. Сюда вызваны оба Камбона из Берлина и Лондона для всестороннего обсуждения положения. Со своей стороны, стараюсь убедить де Сельва, что раз Германия готова признать полную свободу действий Франции в Марокко и не требует уступки ей всего Конго с береговой полосой, Франция должна возможно широко отнестись к вопросу о территориальных уступках внутри Экваториальной Африки, причем нравственный выигрыш будет всецело на французской стороне. Позволяю себе напомнить весьма схожее с настоящим положение в феврале 1909 года, когда адмиралу Тушару было поручено сделать мне сообщение, изложенное в моем письме к Нелидову от 18 февраля [1]. Мне кажется, что и мы имели бы ныне нравственное право выступить здесь с подобным же дружеским советом благоразумия.

Извольский.

№ 342. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Письмо [2]. 18/5 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Восторженное настроение, вызванное в пангерманских сферах известием посылки немецкого военного судна в Агадир, уступило теперь место горькому разочарованию. Затягивающийся ход франко-германских переговоров и перенесение вопроса о возможных компенсациях для Германии исключительно на почву территориальных уступок вне Марокко породили озлобленное чувство разбитой надежды среди немецких шовинистов. Свободно-консервативная газета «Post», являющаяся вместе с тем одним из главных органов всенемецкого лагеря, не знает пределов своему несдержанному раздражению.

Не мирясь с мыслью, что фон Кидерлен-Вехтер мог обмануть ожидания ярых националистов, сказанная газета позволила себе в резкой статье выразить предположение, что статс-секретарю пришлось отказаться от своих первоначальных планов и подчиниться воле императора, проявившего, будто бы, в данном вопросе чрезмерную мягкость и уступчивость.

Несмотря на опровержения, коими здешние официозы тотчас же ответили на вылазки «Post», уличая ее не только в бестактности, но и в отсутствии здравого патриотического чувства, общественное мнение отозвалось хотя и сдержанно, но все-таки не без некоторой доли сочувствия к выраженному ею разочарованию.

---

[1] В письме от 3 марта/18 февр. 1909 г. Извольский, в то время м-р ин. дел, сообщал послу в Париже Нелидову, что франц. посол в Петербурге, Тушар, прочел ему тел. Пишона, в которой последний предлагал Извольскому совместно определить позицию России и Франции в связи с боснийским кризисом. В тел. отмечалось, что высшие интересы обеих держав обязывают их прав-ва принять все меры к предупреждению конфликта из-за вопросов, не затрагивающих жизненных интересов России, и что война, возникшая из-за подобного вопроса, не встретила бы сочувствия со стороны общественного мнения Франции.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 145, N 439.

Каков бы ни был исход настоящих переговоров, в душе народного самосознания останется надолго жало уязвленного самолюбия, что Германии вновь пришлось склонить голову пред мощным предостережением Англии.

Возбудивший же несбыточные надежды статс-секретарь, испытавший минутное удовлетворение народного восторга, утрачивает свой недавний ореол в глазах своих крикливых приверженцев.

Примите и пр.

Гр. Остен-Сакен.

№ 343. Русско-германское соглашение по персидским делам[1].

Петербург, 19/6 августа 1911 г.

Les gouvernements russe et allemand, partant du principe de l'égalité de traitement pour le commerce de toutes les nations en Perse;

considérant, d'une part, que la Russie possède dans ce pays des intérêts spéciaux et que, d'autre part, l'Allemagne n'y poursuit que des buts commerciaux;

se sont mis d'accord sur les points suivants:

Article I.

Le gouvernement impérial d'Allemagne déclare qu'il n'a pas l'intention de rechercher pour lui-même ou d'appuyer en faveur de ressortissants allemands ou de sujets étrangers, au nord d'une ligne partant de Kasri-Chirin, passant par Isfahan, Yezd et Khakh et aboutissant à la frontière afghane à la latitude de Ghazik, — de concessions de chemins de fer, de routes, de navigation et de télégraphes.

Article II.

De son côté, le gouvernement russe, ayant en vue d'obtenir du gouvernement persan une concession pour la création d'un réseau de voies ferrées dans le Nord de la Perse, s'engage à demander, entre autres, une concession pour la construction d'une voie qui doit partir de Téhéran et aboutir à Khanékin pour raccorder sur la frontière turco-persane ledit réseau à la ligne Sadidjé — Khanékin, dès que cet embranchement du chemin de fer Koniah-Bagdad aura été achevé. Une fois cette concession obtenue, les travaux de construction de ladite ligne devront être commencés dans deux ans au plus tard après l'achèvement de l'embranchement Sadidjé—Khanékin et terminés dans le courant de quatre années. Le gouvernement russe se réserve de fixer en son temps le tracé définitif de la ligne en question, tout en tenant compte des desiderata du gouvernement allemand à ce sujet. Les deux gouvernements faciliteront le trafic international sur la ligne Khanékin — Téhéran ainsi que sur celle de Khanékin à Bagdad, en évitant toutes mesures qui pourraient l'entraver, telles que l'établissement de droits de transit ou l'application d'un traitement différentiel. Si au bout de deux années à partir du moment où l'embranchement Sadidjé—Khanékin du chemin de fer Koniah-Bagdad aura été achevé, il n'est pas procédé à la construction de la ligne Khanékin—Téhéran, le gouvernement russe avisera le gouvernement allemand qu'il renonce à la concession se rapportant à cette dernière ligne. Le gouvernement allemand sera libre dans ce cas de rechercher de son côté cette concession.

Article III.

Reconnaissant l'importance générale qu'aurait pour le commerce international la réalisation du chemin de fer de Bagdad, le gouvernement russe s'engage à ne pas prendre de mesures visant à en entraver la construction ou à empêcher la participation de capitaux étrangers à cette entreprise, à condition, bien entendu, que cela n'entraîne pour la Russie aucun sacrifice de nature pécuniaire ou économique.

[1] Опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. II, стр. 44.

Article IV.

Le gouvernement russe se réserve le droit de confier l'exécution du projet de la ligne de chemin de fer reliant son réseau en Perse à la ligne Sadidjé—Khanékin à un groupe financier étranger à son choix, au lieu de la faire construire lui-même.

Article V.

Indépendamment de la manière dont la construction de la ligne en question sera effectuée, le gouvernement russe se réserve le droit à toute participation aux travaux qu'il pourrait désirer, ainsi que celui d'entrer en possession dudit chemin de fer au prix des frais réels encourus par le constructeur. Les Hautes Parties contractantes s'engagent en outre à se faire participer mutuellemment à tous les privilèges de tarifs ou d'autre nature que l'une d'elles pourrait obtenir à l'égard de cette ligne.

Dans tous les cas les autres stipulations du présent arrangement resteront en vigueur.

En foi de quoi, les soussignés, dûment autorisés par leurs gouvernements respectifs, ont signé cet arrangement et y ont apposé leurs sceaux.

Fait à St.-Pétersbourg, le dix-neuf/six août 1911.

Nératow. F. Pourtalès.
L. S. L. S.

Перевод [1].

Правительства русское и германское, исходя из принципа равноправия в отношении торговли всех наций в Персии;

имея в виду, с одной стороны, что у России имеются в этой стране специальные интересы и что, с другой стороны, Германия преследует там лишь коммерческие цели;

вошли в соглашение относительно следующих пунктов:

Статья I.

Императорское германское правительство заявляет, что оно не имеет намерения ни добиваться для себя самого, ни поддерживать домогательств со стороны германских или иностранных подданных концессий железнодорожных, дорожных, навигационных и телеграфных к северу от линии, идущей от Касри-Ширина, пролегающей через Исфагань, Иезд и Хакк и кончающейся на афганской границе на широте Гязика.

Статья II.

Со своей стороны, русское правительство, имея в виду получить от персидского правительства концессию на создание сети железных дорог на Севере Персии, обязуется, в числе прочих, испросить концессию на постройку пути, который должен исходить из Тегерана и окончиться в Ханекене для смычки на турецко-персидской границе означенной сети с линией Садидже—Ханекен, как только эта ветвь Кония-Багдадской железной дороги будет окончена. Раз эта концессия будет получена, работы по постройке означенной линии должны быть начаты не позже как через два года после окончания Садидже-Ханекенской ветки и окончены в течение четырех лет. Русское правительство предоставляет себе определить в свое время окончательное направление означенной линии, считаясь с пожеланиями германского правительства по этому предмету. Оба правительства облегчат международное сообщение на линии Ханекен—Тегеран, а также на линии Ханекен—Багдад, избегая всяких мер, которые могли бы препятствовать ему, как например, установления транзитных пошлин или применения диференциального тарифного обложения. Если по истечении двух лет с момента, когда Садидже-Ханекенская ветка Кония-Багдадской железной дороги будет закончена, не будет приступлено к постройке линии Ханекен—Тегеран, русское правительство уведомит германское правительство, что оно отказывается от концессии, относящейся к этой последней линии. Германское правительство в этом случае будет вольно домогаться, со своей стороны, этой концессии.

[1] Перевод, сделанный в б. м-ве ин. дел (лит. копия).

Статья III.

Признавая общее важное значение, которое имело бы для международной торговли осуществление Багдадской железной дороги, русское правительство обязуется не принимать мер, направленных к тому, чтобы воспрепятствовать постройке ее или помешать участию иностранных капиталов в этом предприятии, при условии, разумеется, что это не повлечет за собой для России никакой жертвы денежного или экономического свойства.

Статья IV.

Русское правительство будет в праве поручить осуществление проекта железнодорожной линии, имеющей связать ее сеть в Персии с линией Садидже—Ханекен, иностранной финансовой группе по своему выбору, вместо того, чтобы озаботиться самому ее постройкой.

Статья V.

Независимо от того, каким образом постройка означенной линии будет осуществлена, русское правительство предоставляет себе право на всякое участие в работах, какое оно могло бы пожелать, а равно право выкупить означенную железную дорогу по цене действительных затрат, понесенных строителем. Высокие договаривающиеся стороны обязуются, кроме того, предоставить друг другу участие во всех привилегиях — тарифных и иных, которые одна из них могла бы получить в отношении этой линии.

Во всяком случае остальные постановления настоящего соглашения останутся в силе [1].

В удостоверение чего, нижеподписавшиеся, получившие надлежащие полномочия от своих правительств, подписали это соглашение и приложили свои печати.

С.-Петербург, 19/6 августа 1911 г.

Нератов. Ф. Пурталес.
М. П. М. П.

№ 344. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1101 [2]. 19/6 августа 1911 г.

Сообщается в Тегеран.

Ссылаюсь на телеграммы №№ 189 [3] и 190 [4].

Согласно сообщению великобританского посла [5], Барклаю предписано было включить в свое обращение к персидскому правительству заявление о том, что, если персидское правительство будет настаивать на своем желании о назначении Стокса в упомянутых этим правительством условиях [6], то великобританское правительство откажет Стоксу в удовлетворении его ходатайства об отставке.

Это сообщение Бьюкенена вполне ликвидирует вопрос, и я просил посла передать Грею нашу искреннюю признательность за оное, усматривая в нем прочный залог успеха совместной нашей деятельности на почве персидских дел.

Благоволите в свою очередь высказаться в изложенном смысле пред Греем.

Нератов.

---

[1] Последующая часть текста в переводе, сделанном в б. м-ве ин. дел, отсутствует.

[2] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 103 и Siebert, II, S. 146, N 440.

[3] См. № 331.

[4] Тел. от 17/4 авг. за № 190 (опубл. Siebert, II, S. 144, N 438) Бенкендорф сообщал, что «Барклай получил инструкции действовать, как только Поклевский будет уполномочен представить протест» и что на запрос перс. посланника в Лондоне, приемлемо ли назначение Стокса начальником финансовой жандармерии сроком на три года, секретарь англ. м-ва ин. дел Маллет ответил отрицательно и заявил, что этот пост должен быть замещен подданным второстепенной державы и на более короткий срок.

[5] У Siebert'а слова: «Согласно сообщению великобританского посла» заменены словами: «Wir erfahren dass» («Мы узнаем, что»).

[6] У Siebert'а слова: «в упомянутых этим правительством условиях» опущены.

№ 345. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Письмо № 535 [1]. 19/6 августа 1911 г. [2]

М. г. Николай Валерьевич,

На-днях сначала здешний австро-венгерский, а затем и итальянский послы затронули в разговоре со мной вопрос о возможности и желательности дальнейшего совместного обсуждения возникающих на Балканах событий.

Граф Турн в очень любезных выражениях сообщил мне о полном удовольствии графа Эренталя по поводу происходившего между нами более близкого обмена мыслей и об уверенности его, что подобный образ действий будет лишь способствовать мирному улажению могущих вновь произойти осложнений.

Г. Мелегари, касаясь той же области, выразился более определенно. Придав своему обращению ко мне вопросительную форму, он развил ту мысль, что, быть может, начатые в Константинополе между представителями трех держав беседы по черногорско-турецкому конфликту [3] представлялось бы желательным не прекращать и впредь, так как, по мнению римского кабинета, нельзя еще быть совершенно уверенным в водворении спокойствия в северной Албании. Не отрицая того, что албанский вопрос является внутренним турецким делом, г. Мелегари прибавил, что однако и этот вопрос, в случае своего чрезмерного развития, может получить международное значение и что лучше быть своевременно к нему подготовленным.

Подтверждая со своей стороны своим собеседникам полнейшее удовольствие наше происходившему совместному обсуждению стоявших на очереди вопросов, я особенно отметил значение албанского вопроса, как затрагивающего область международных дел и специально интересующего все три державы. Поэтому я не усматривал бы возражений к тому, чтобы представители трех держав в Константинополе продолжали поддерживать между собою обмен мыслей в тех же пределах, отнюдь, конечно, не связывая себя какими-либо отдельными или совместными выступлениями, а ограничиваясь доведением до сведения своих правительств соображений, вызываемых происходившим обменом мнений [4].

Передавая изложенное для сведения и руководства, пользуюсь случаем и пр.

[Нератов.]

№ 346. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 100. 19/6 августа 1911 г.

В публику проник слух об отмене больших французских маневров в местности между Компьень и Реймс, под предлогом господствующей там эпизоотии, но на самом деле дабы не отвлекать от восточной границы 1-го и 6-го корпусов. Де Сельв

[1] На полях имеется помета: «Литографии в количестве 5 экземпляров переданы канцелярии для курьерской рассылки [24] 11 августа [19] 11 г. послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене и Риме».

[2] На полях имеется помета: «Отправлено [21] 8 августа 1911 г.».

[3] См. №№ 270 и 284.

[4] В письме от 27/14 авг. поверенный в делах в К-поле Свечин, ссылаясь на публикуемый документ, между прочим отмечал, что «достаточно было одного известия о готовящемся совместном воздействии России с Австрией и Италией, чтобы затяжные затруднения по малиссорскому вопросу вступили в разрешительный фазис». В этом же письме Свечин писал, что ввиду назначения Рифаата-паши послом в Париж, великий визирь берет на себя временное управление м-вом ин. дел. Новый м-р ин. дел, по официальному объяснению турец. прав-ва, должен был быть назначен осенью по возвращении Хакки-паши из предполагавшейся его поездки за границу. По мнению Свечина такая мера объяснялась главным образом «шаткостью положения всего кабинета, дальнейшая судьба коего должна, повидимому, решиться на предстоящем 18/5 сентября в Салониках съезде делегатов младотурецких комитетов».

сказал мне, что в этом смысле еще не принято никакого решения, но что если со стороны Германии будут замечены военные приготовления, Франция должна будет принять соответствующие меры. Сегодня некоторые газеты обсуждают возможность оставления под знаменами старослужащих, подлежащих увольнению 1 октября, о чем я доносил в письме [3 августа] 21 июля [1].

Извольский.

№ 347. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [2]. 19/6 августа 1911 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Пишу вам наскоро два слова, чтобы предупредить вас, что с сегодняшним финансовым курьером я отправляю В. Н. Коковцову письмо, в котором, покуда совершенно частным образом, возбуждаю вопрос о снабжении меня, ввиду надвигающегося международного кризиса, достаточными материальными средствами для воздействия на здешнюю печать. Мне только-что стоило большого труда предотвратить ложные толкования факта подписания нами, как раз в настоящую критическую минуту, соглашения с Германией о Персии [3]. Но это — чисто случайная удача, и было бы весьма важно иметь постоянное и верное орудие для направления важнейших здешних органов, которые почти все поддаются лишь на «звонкие» аргументы. Достаточно вспомнить, какую громадную роль сыграла, во время боснийского кризиса, ловкая раздача графом Кевенгюллером [4] австрийских денег французской печати. Я прошу В. Н. Коковцова ответить мне, считает ли он мою просьбу исполнимой в настоящее время; в таком случае я не премину доставить ему соображения о размере необходимой суммы и о способе ее расходования.

Если вы считаете мою мысль правильной, позволяю себе надеяться, что вы не откажетесь поддержать ее перед В. Н. Коковцовым. О принципиальном согласии или отказе министра финансов я просил бы вас уведомить меня по телеграфу, дабы я мог представить с ближайшим курьером надлежащие соображения.

Искренно преданный вам и готовый к услугам

Извольский.

№ 348. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 101. 20/7 августа 1911 г.

Только-что имел длинную беседу с председателем совета министров, которому еще раз [5] подробно изложил аргументы в пользу благоразумного отношения к вопросу о территориальных уступках в Экваториальной Африке. Кайо лично проявляет большую умеренность, но видимо боится пойти на уступки, могущие вызвать противодействие со стороны общественного мнения и парламента. В конце разговора он спросил меня, не думаю ли я, что в случае окончательной неудачи переговоров Россия, отношения которой с Германией в последнее время значительно улучшились, могла бы выступить в Берлине с предложением дружественного посредничества. Я ответил, что, конечно, не может быть сомнения

[1] Письмо Извольского от 3 августа/21 июля в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено. Тел. от 25/12 авг. за № 104 Извольский сообщал: «Официально объявлено об отмене больших маневров в местности между Компьень и Реймс по причине эпизоотии. Взамен этого будет расширена программа маневров 7-го корпуса вокруг Безансона с приглашением на них иностранных офицеров».

[2] Опубл. М., стр. 111.

[3] См. № 343.

[4] Австро-венг. посол в Париже.

[5] См. № 341.

в нашей готовности всеми средствами помочь Франции, но что необходимо зрело обдумать, не принесет ли подобное выступление, исходящее от союзницы Франции, больше вреда, нежели пользы. Буду тщательно следить в течение ближайших дней за обсуждением вопроса и всячески влиять на здешних министров. Но ввиду возрастающего здесь возбуждения против германских требований, мне кажется, что следует предвидеть окончательную неудачу переговоров и заранее обсудить, осуществима ли мысль Кайо о нашем посредничестве; если же нет, то нельзя ли указать ему на другого посредника, например, на императора Франца-Иосифа или короля Виктора-Эммануила. Подробности письмом с оказией в среду [1].

Извольский.

№ 349. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 701 [2]. 20/7 августа 1911 г.

Получил телеграмму № 1089 [3].

Вчера мной передан персидскому правительству измененный текст ноты. Одновременно Барклай письменно подтвердил предостережение английского правительства [4], добавив, что отставка Стокса не принята и что шахскому правительству следовало бы заменить его в деле организации финансовой жандармерии офицером второстепенной державы.

Поклевский.

№ 350. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 21/8 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В телеграмме моей от вчерашнего числа [5] я мог лишь в самых общих чертах передать вам содержание моей продолжительной беседы с председателем совета министров. С картой в руках г. Кайо подробно изложил мне ход переговоров с Германией и постоянно меняющиеся требования г. Кидерлена, который то предлагал, то брал назад предложение об уступке Франции Того-ланда и который настаивает теперь на безвозмездном отмежевании доброй половины французского Конго, уклоняясь до сих пор от точного определения прав, которые он готов предоставить Франции в Марокко. Внимательно выслушав г. Кайо, я, со своей стороны, высказал ему с полной откровенностью мой взгляд на настоящий вопрос. «В сущности, — сказал я, — вы должны признать, что Франция уже одержала над Германией крупную нравственную победу». Если допустить, что, посылая судно в Агадир, г. Кидерлен первоначально имел в виду захват этого порта и утверждение на марокканской территории, перенесение переговоров на почву территориальных компенсаций в Экваториальной Африке является с его стороны крупным шагом отступления. Но отступление его этим не ограничилось: потребовав уступки всего французского Конго с береговой его полосой, портами и городами, он довольствуется ныне лишь частью этой колонии, а именно территориями внутри африканского материка, не имеющими для Франции первостепенной важности. Что касается Того-ланда, то французское правительство

---

[1] См. № 350.
[2] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 105, со стилистическими изменениями.
[3] См. стр. 324, прим. 1.
[4] См. № 344.
[5] См. № 348.

с самого начала дало понять, что оно не придает особенного значения его приобретению. С другой стороны, из последних сообщений г. Камбона из Берлина видно, что по отношению собственно к Марокко Германия готова сделать Франции самые широкие уступки; в этом, мне кажется, заключается центр тяжести всего дела и, если французскому правительству удастся закрепить формальным и бесспорным образом отказ Германии от вмешательства в марокккские дела, Франция могла бы принять полностью германские требования в Экваториальной Африке и все-таки считать, что выигрыш — и материальный и нравственный — на ее стороне. Можно впрочем думать, что требования эти не имеют ультимативного характера и что Франция может выступить с новыми контрпредложениями; но необходимо, чтобы эти контрпредложения были достаточно широки, чтобы дать Германии серьезную компенсацию, ибо, как выразился г. Кидерлен, он не может удовольствоваться предлагаемыми с французской стороны кусочками территорий, а ему нужен весь хинтерланд Камеруна. В этом отношении весьма интересна появившаяся в одной из наиболее шовинистских германских газет «Tägliche Rundschau» статья бывшего губернатора Камеруна, г. Путткамера, который точно определяет необходимое для Камеруна приращение территории. Далее, необходимо заранее обсудить все последствия возможной неудачи переговоров; Германия, как сказано в одной официозной немецкой газете, действительно находится в весьма выгодном положении: если она не получит требуемой ею компенсации, она несомненно объявит предыдущие договоры нарушенными и останется в Агадире, а может быть, утвердится и внутри Марокко. В таком случае Франции придется или примириться с этим фактом или принудить ее удалиться, а это означает агрессивные действия с французской стороны, т. е. открытие военных действий при наименее выгодных для Франции условиях. Не надо забывать, что если бы ныне дело дошло до войны, то окажется, что Франция решилась на эту крайность даже не из-за Марокко, а в сущности из-за того или другого куска своих экваториальных владений.

Переходя к рассмотрению более общих условий возможного конфликта и на вопрос г. Кайо об эвентуальной роли России, я сказал, что ему, конечно, хорошо известна сущность лежащих на нас обязательств, а именно чисто оборонительный характер русско-французской военной конвенции, в силу которой Россия должна выступить на помощь Франции в случае *нападения* на нее со стороны Германии. К этому необходимо присовокупить, что русское общественное мнение не может отнестись к настоящему конфликту иначе, как к колониальному спору. По этому поводу полезно вспомнить, по аналогии, обстоятельства 1908 г., когда не только в здешней печати, но также в официальных французских сообщениях высказывалось, что во Франции не поймут, что война может вспыхнуть не из-за насущных интересов России, а из-за сербских интересов [1].

Г. Кайо на большинство моих аргументов по существу не возражал, и я мог убедиться, что лично он придерживается вполне умеренных взглядов; но, сказал он, в глазах французской нации нынешние притязания Германии являются ничем не оправдываемой попыткой исторгнуть у Франции часть ее территории, а это после потерь 1870 г. особенно болезненно отзывается на ее самосознании. Публике весьма трудно разъяснить цену отвлеченного обязательства касательно Марокко, в особенности после бесцеремонного отношения Германии к соглашению 1909 г., которым, казалось, был положен конец германскому вмешательству в марокккский вопрос. Ни настоящее, ни какое-либо другое французское правительство не может согласиться на такое отчуждение хотя бы и колониальной территории, которое встретит осуждение со стороны нации и парламента. Необходимо иметь в виду, что ныне французская нация настроена совершенно иначе, нежели в 1905 году. В полном сознании своей вооруженной мощи, Франция, глубоко возмущенная германскими притязаниями, не допустит чрезмерных усту-

[1] Слова: «К этому необходимо... сербских интересов» отчеркнуты карандашом и на полях помета Николая II: «Да». «Петергоф, [26] 13 августа 1911 г.».

пок, и если таковые будут сделаны правительством, они будут отвергнуты парламентом, а это создаст еще более острое и опасное международное положение.

Допуская возможность окончательной неудачи переговоров, г. Кайо спросил меня, не думаю ли я, что Россия, которой французское правительство глубоко благодарно за неизменную и лойяльную поддержку, могла бы в критическую минуту выступить в Берлине с дружественным предложением посредничества (г. Кайо употребил термин «арбитража», но на мой вопрос, понимает ли он под этим — *третейское решение*, разъяснил, что он употребил это выражение в разговорном, а не в юридическом смысле и что термин «посредничество» вернее выражает его мысль). За последнее время отношения между Россией и Германией значительно улучшились, и ему известно, что император Вильгельм, в разговоре с одним иностранным представителем, выразившись весьма резко об английской политике, отозвался с большой симпатией о России. Поэтому выступление России в Берлине могло бы иметь успех. С другой стороны, и французы, чувствующие большое доверие к России и склонные к юридическим формам и приемам, охотнее подчинятся компромиссу такого рода, нежели прямому давлению со стороны Германии. Г. Кайо присовокупил, что он ставит мне этот вопрос совершенно частным образом и дабы ознакомиться с личным моим мнением.

Я ответил г. Кайо, что не может быть никакого сомнения в нашей всегдашней готовности оказать Франции самую деятельную помощь и поддержку; но, с другой стороны, мысль о русском посредничестве в Берлине требует самого зрелого обсуждения; ибо подобное выступление, исходя от союзницы Франции, легко может возыметь обратное действие и принести более вреда, нежели пользы. Я обещал г. Кайо тщательно обдумать этот вопрос и сообщить ему мои соображения по этому поводу.

Позволяю себе подтвердить высказанную в моей вчерашней телеграмме мысль, что ввиду со дня на день возрастающего здесь возбуждения против германских притязаний, нам необходимо ныне же предвидеть окончательную неудачу переговоров и обсудить, осуществима ли или нет мысль о русском или каком-либо ином посредничестве между Францией и Германией. Что касается лично до меня, то я полагаю, что вряд ли Россия могла бы с надеждой на успех и с пользой для себя выступить в этой роли. Достаточно вспомнить впечатление, произведенное на нас в 1908 г. вполне дружественным сообщением графа Пурталеса, чтобы заранее представить себе, как будет встречена в Берлине какая бы то ни было попытка склонить Германию к большей уступчивости. Но даже если допустить, что подобная попытка возымеет практический успех, можно быть заранее уверенным, что всякий, даже самый справедливый, компромисс при нынешнем общем возбуждении умов вызовет как с той, так и с другой стороны одинаковое неудовольствие против посредника. Уклоняясь от формального выступления в Берлине, мы, конечно, можем и должны продолжать уже предпринятое нами в осторожной форме воздействие на Берлин; с другой стороны, я не отрицаю возможности вообще, в крайнем случае, прибегнуть к посредничеству. Если не ошибаюсь, последний раз о подобном разрешении острого международного спора была речь в 1885 г. по поводу нашего конфликта с Англией из-за Афганистана и сражения при Кушке. В то время предполагалось представить спор на третейское разбирательство маститого короля датского Христиана IX. (Полагаю, что вы найдете в делах министерства данные об этом эпизоде, с которым связаны мои личные воспоминания, ибо Н. К. Гирс намеревался командировать меня в Копенгаген для изложения перед королем нашей версии дела). Посредничество короля Христиана не состоялось, ибо нам удалось притти к непосредственному соглашению с Англией. Тем не менее эпизод этот мог бы послужить прецедентом для настоящего случая. Но, повторяю, желательнее предложить в посредники не Россию, а какую-либо менее заинтересованную державу, например Австро-Венгрию или Италию. Особенно было бы выгодно для нас, если бы роль эту взял на себя престарелый император Франц-Иосиф, облеченный высоким престижем и лично обязанный перед императором Вильгельмом за выступление в пользу сохранения мира в 1908 году. Здесь, как вам известно, питают традиционные симпатии к Австро-

Венгрии и все еще видят в ней как бы противовес Германии. Все это, вместе взятое, могло бы при случае способствовать успеху австро-венгерского посредничества в настоящем споре.

Примите и пр.

Извольский.

Возьмите с собой на совещание у меня во вторник[1].

Петергоф, [26] 13 августа 1911 г.

№ 351. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 702. 21/8 августа 1911 г.

Копия в Лондон[2].

Посетивший меня вчера Шустер сказал, что ввиду последнего шага обеих держав в деле Стокса, ему остается лишь приготовить заявление для персидского правительства и печати, в котором он изложит причины, парализовавшие его деятельность в Персии. Между таковыми главной ему представляется перемена, под нашим давлением, в отношении английского правительства к приглашению Стокса на персидскую службу, что и побуждает Шустера подать в отставку. Возвращаясь вновь к вопросу о Стоксе, он опять указал на полное отсутствие в Персии подходящего лица для организации финансовой жандармерии; даже прибывшие шведские офицеры заявляют, что, вследствие незнакомства с местным языком и условиями, они раньше года действительной пользы оказать не могут. Между тем всякое замедление в сборе податей грозит Персии банкротством и делает невозможным даже начало какой-либо серьезной реформы. Настаивая на том, что проявленное императорским правительством великодушие в этом деле может поднять нравственный престиж России в Персии, Шустер со своей стороны готов обязаться, что Стокс останется в Тегеране лишь шесть месяцев, после чего он будет послан на Юг Персии, а заведывание финансовой жандармерией в Северной Персии перейдет к офицерам какого-либо второстепенного государства или даже к русскому, если того пожелает императорское правительство. Впрочем, ввиду подозрительности персов, он не желал бы формально связывать себя относительно последнего условия, но он уверен, что ему удастся добиться от персов даже этого. Упомянув затем о начатых им переговорах о займе с Зелигманом, о которых буду телеграфировать на-днях[3], Шустер выразил готовность всеми силами содействовать заключению конверсионного займа при посредстве Учетно-ссудного банка, если таково будет желание императорского правительства и при условии, чтобы размер займа был таков, чтобы шахскому правительству пришлось получить не менее одного миллиона фунтов стерлингов наличными деньгами. В заключение Шустер вновь заверял, что его будущая деятельность в Персии ни в чем не нарушит интересов России и Англии и усиленно просил меня представить высказанные им соображения на усмотрение императорского правительства. Я выразил готовность сделать последнее, не подавая ему, однако, никакой надежды на возможность получения полного согласия на его предложение. Должен сознаться, что разговор с ним произвел на меня впечатление и что едва ли можно сомневаться в том, что отставка Шустера причинит английскому правительству много неприятностей как со стороны части английской прессы, так и особенно американской. Если бы императорское правительство ныне, после получения нами полного удовлетворения от английского правительства[4] и при готовности персов отказаться от услуг этого английского офицера, нашло возможным согласиться

[1] 29/16 августа.
[2] Повидимому, публикуемая тел. была передана Бенкендорфу за № 703.
[3] См. ч. II, стр. 8, прим. 2.
[4] См. стр. 307, прим. 3, и № 349.

на вышеупомянутую комбинацию, то мне кажется, что относительно условий службы Стокса и обещания содействия нашему займу следовало бы заручиться письменным документом Шустера. Лучше было бы также оставить Стокса на действительной английской службе, дабы обеспечить над ним некоторый контроль английского правительства. Министр иностранных дел уверял меня на-днях, что меджлис на этой неделе даст согласие на прокладку нефтепровода Нобеля и на беспошлинный ввоз автомобилей на Джульфа-Тавризской дороге. Если в этих делах вновь произойдет задержка, то Шустер готов всеми силами содействовать немедленному их окончанию [1].

Поклевский.

352. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 62/с [2]. 22/9 августа 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Ссылаясь на секретное мое письмо от 25/12 мая с. г. за № 48/с [3], считаю долгом обратить внимание вашего превосходительства на желательность, ввиду могущих возникнуть политических осложнений, своевременно озаботиться, чтобы министерство иностранных дел в С.-Петербурге и императорское посольство в Париже могли сноситься между собой по беспроволочному телеграфу.

Для этого, по соображениям, изложенным в упомянутом моем письме и приложенном к нему протоколе [4], необходимо установить цифры, долженствующие служить условным адресом министерства и посольства, а также найти способ заменить исключительно цифрами нынешние позывные знаки употребляемых нами ключей.

Желательно поручить 1-й экспедиции при канцелярии министерства безотлагательно выработать и то и другое, причем полагаю излишним еще раз подчеркнуть, до какой степени самая возможность наших сношений этим путем должна храниться в строжайшей тайне.

Примите и пр.

Извольский.

№ 353. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 22/9 августа 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Меня только-что посетили генералы Дюбайль и Лафон-де-Ладеба, уезжающие послезавтра в Петербург для присутствования на Красносельских маневрах.

---

[1] Тел. от 23/10 авг. за № 1128 Нератов указывал Поклевскому (копия в Лондон), что «для какого-либо дальнейшего решения по делу Стокса необходимо иметь прежде всего самые подробные сведения, как о составе будущей финансовой жандармерии, так и о том, в чем будут заключаться ее обязанности и где и как она будет функционировать. Благоволите истребовать у Шустера эти сведения письменно, предупредив его, что в его же интересах в этом сообщении не должно быть никаких неясностей или недомолвок». Далее Нератов отмечал, что «если и после перевода его [Стокса] на Юг по истечении 6 месяцев предполагается сохранить за ним звание главного начальника над жандармерией во всей стране, то считаем это вперед неприемлемым для нас или же требующим компенсации».

[2] Опубл. М., стр. 111.

[3] В письме от 25/12 мая за № 48/с (опубл. М., стр. 91) Извольский писал о деятельности франко-русской комиссии, созданной по инициативе франц. военного ведомства в январе 1910 г. Целью этой комиссии являлось обеспечение радиосвязи между франц. и росс. правами «на случай политических осложнений или войны». Как писал Извольский, протоколы заседаний комиссии представлялись франц. военным ведомством на утверждение росс. военного м-ра.

[4] Протокол № 6 совещаний по установлению прямого беспроволочного сообщения между Францией и Россией, происходивших в Париже 24 и 28 апр. и 4 мая нов. ст., касается исключительно технических вопросов обеспечения радиосвязи.

Из них первый занимает пост «начальника штаба армии», а второй был «начальником генерального штаба» до недавней реформы высшего командования над французской армией [1].

Генерал Дюбайль сказал мне, что кроме участия в маневрах целью его поездки является обмен мыслей с начальником нашего генерального штаба по различным вопросам, вытекающим из секретной русско-французской военной конвенции. Как вам, конечно, известно, конвенция эта предусматривает периодические совещания между начальниками штабов обеих армий; последний раз подобное совещание происходило в Париже, при участии с нашей стороны генерала Гернгроса, а с французской — генерала Лафон-де-Ладеба. В нынешнем году собеседование переносится в Петербург и в нем примут участие генералы Жилинский и Дюбайль; последний дал мне понять, что он намерен возбудить некоторые вопросы первостепенной важности, а именно, прежде всего, продолжает ли русский генеральный штаб, на случай общей войны против Германии, держаться плана наступательных действий, единственно способных отвлечь от Франции значительную часть германской армии? Генерал Дюбайль видимо хотел подробно развить передо мною соображения, которые он намерен представить на обсуждение в Петербурге, но я уклонился от разговора на эту тему, заявив о полной моей некомпетентности в военных вопросах.

При нынешнем напряженном международном положении встреча начальников русского и французского штабов приобретает особое значение и, конечно, не преминет привлечь внимание Германии: кроме того, впечатления, которые ген. Дюбайль вынесет из своей поездки в Петербург, будут иметь первостепенный интерес для французского правительства, которое будет судить по ним о степени помощи, на которую оно может рассчитывать, в случае столкновения с Германией, со стороны союзной России. Вследствие всего этого считаю непременным долгом обратить серьезнейшее внимание компетентных лиц на необходимость самым тщательным образом обставить предстоящие в Петербурге русско-французские военные совещания.

Примите и пр.

Извольский.

№ 354. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 22/9 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Текущая неделя будет несомненно иметь решающее влияние на дальнейший ход франко-германских переговоров. В Париж уже прибыли послы: оба брата Камбон, из Берлина и Лондона, и г. Баррер из Рима; сегодня начинаются при их участии совещания между наиболее заинтересованными министрами, а в конце

[1] В деп. от 3 авг./21 июля за № 61 Извольский писал: «Организация высшего военного управления во Франции подверглась коренному преобразованию в силу декретов 28 июля». «Существовавшая доселе система высшего военного управления страдала, по общему признанию, опасным отсутствием единства. С одной стороны стоял начальник генерального штаба, ведающий делом подготовления к войне, с другой — так называемый «генералиссимус», вернее вице-председатель военного совета, призванный в случае войны к высшему командованию главной армией, т. е. армией, направленной против Германии». «На основании новых декретов высшее военное управление представляется ныне во Франции в следующем виде.

Во главе генерального штаба поставлен начальник генерального штаба (chef de l'État-major général), назначаемый декретом из состава военного совета и подчиненный военному министру. Он же на основании ежегодно возобновляемого приказа призывается в случае войны командовать «главной группой армий». При нем в качестве помощника состоит начальник штаба армии (chef de l'État-major de l'armée), по праву входящий в состав военного совета. Начальник штаба армии в случае мобилизации остается при военном министре и служит связью между главнокомандующим и правительством». Далее Извольский сообщал, что начальником ген. штаба назначен ген. Жоффр, а должность начальника штаба армии сохранена за бывшим начальником ген. штаба ген. Дюбайлем.

недели должен состояться в Рамбулье совет министров под председательством президента республики.

Как я вам телеграфировал [1], со своей стороны я употребляю все усилия, чтобы действовать на французских министров в пользу благоразумных решений. С этой целью я имел вчера длинную беседу с г. Делькассе, стоящим ныне во главе морского министерства, но имеющим большое влияние не только на дела своего ведомства, но и на общее направление французской политики; кроме того, он занимает выдающееся личное положение в палате депутатов, и когда г. Кайо придется представить на суд парламента будущую сделку с Германией, на его долю выпадет первенствующая роль в защите кабинета. Поэтому для меня представляло особый интерес ознакомиться со взглядами этого министра на настоящее положение.

Г. Делькассе повторил мне все, что я уже слышал от гг. де Сельва и Кайо, но, как и следовало ожидать, в еще более энергичных и определенных выражениях. Заявляя о своем искреннем желании содействовать мирному улажению спора, он в то же время высказал, что ни он, ни его товарищи по министерству не могут переступить известного предела уступок. «В Германии, — сказал он, — должны знать, что в настоящее время французское общественное мнение настроено совершенно иначе, нежели в 1905 г., и что Франция настолько уверена в своей правоте и в своей вооруженной силе, что она не поддастся никакому запугиванию. Французы начинают чувствовать, что им невозможно долее оставаться под постоянной угрозой со стороны Германии по поводу марокких дел, и во всех слоях населения существует решимость положить конец этому невыносимому положению». Как морской министр, он может свидетельствовать о силе и твердости духа французского флота: не далее как с завтрашнего дня в Тулоне будут сосредоточены 3 эскадры, из коих одна составлена из новейших судов, что дает Франции полное господство в Средиземном море. Сухопутная армия, несомненно, более готова, нежели в 1905 г., и чувствует себя совершенно равной германской армии. При таких условиях если бы даже министерство согласилось на уступки, идущие вразрез с интересами и достоинством Франции, оно несомненно будет сметено парламентом.

Обсуждая практическую сторону вопроса о возможных территориальных уступках в Экваториальной Африке, г. Делькассе особенно подчеркнул невозможность для Франции уступить обширную территорию, размерами превышающую не только Марокко, но и всю Францию, без всякого материального эквивалента; с этой точки зрения, взятие г. Кидерленом обратно первоначального предложения уступки Франции Того-ланда является главным камнем преткновения. Кроме того, как бывший министр колоний, он ясно видит германский план разрезать пополам французские владения в Экваториальной Африке и, поглотив государство Конго, дойти до Индийского океана. Несмотря на все вышесказанное, он однако действует и будет продолжать действовать в пользу мирного разрешения спора; об этом, сказал он смеясь, известно даже моему врагу, г. Жоресу, как видно из одной из его последних статей.

Со своей стороны, я повторил г. Делькассе все аргументы, высказанные мною в беседе с г. Кайо и подробно изложенные в моем предыдущем письме [2]. Таким образом мною исчерпаны все средства повлиять путем личного воздействия на предстоящие решения французского правительства.

С военным министром, г. Мессими, я не виделся, ибо он находился в провинции. Два дня тому назад он произнес на сельскохозяйственном съезде речь, в которой высказал, что он сознает всю тяжесть лежащей на нем задачи — внушить нации, при настоящих обстоятельствах, полное доверие к ее судьбе и силам. «Конечно, — прибавил он, — мы миролюбивы, но мы гордимся нашим славным прошлым и не отказываемся от наших традиций. Вера, которую мы питаем в будущность Франции, вполне на высоте как сегодняшней действительности, так и возможностей завтрашнего дня».

[1] См. № 348.
[2] См. № 350.

В последнее время я имел частые беседы не только с французскими министрами, но с представителями главнейших органов французской печати, на которых я также старался влиять умеряющим образом. До сих пор здешние газеты держались в пределах относительного благоразумия; но мало-помалу, под влиянием наступившей проволочки, тон их начинает повышаться. В виде образчика прилагаю при сем две статьи газеты «Matin», из коих первая, написанная г. Гедеманом после разговора со мной, показалась слишком умеренной, вследствие чего тот же публицист должен был на следующий день выступить со второй, более энергичной статьей [1]. Прилагаю также статью, только-что появившуюся в специальном военном органе «La France Militaire», играющем здесь почти роль нашего «Инвалида» [2].

Наконец, сегодня все газеты печатают отчеты речей, произнесенных вчера при открытии в провинции «генеральных советов». Почти повсюду председатели этих советов, между которыми не мало бывших министров, воспользовались случаем, чтобы заявить надежду на твердость правительства при отстаивании интересов и достоинства Франции. Эти манифестации, без сомнения, еще более повысят всеобщее настроение.

Резюмируя тщательно собранные мною впечатления, я не могу не высказать, что во Франции действительно наблюдается ныне давно неиспытанное повышение национального чувства, с которым необходимо серьезно считаться. Повышение это замечается не только в политических, военных и газетных кругах, но даже в финансовом мире; по свидетельству отличного знатока этого мира, нашего финансового агента Рафаловича, и деловые сферы, совершенно иначе настроенные, нежели в 1905 г., начинают негодовать на германские проволочки и притязания и, не наталкивая на войну, все же склоняться к мысли, что это единственный выход из настоящей неизвестности и придирок со стороны Германии.

Завтра я, вероятно, узнаю от г. де Сельва о первых результатах его разговоров с Камбоном и тотчас сообщу вам их по телеграфу.

Примите и пр.

Извольский.

№ 355. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 199. 23/10 августа 1911 г.

Me réfère mon № 192 [3].

Crois devoir signaler que Grey et Nicolson m'ont plusieurs fois exprimé combien ils redoutaient éventuelle démission Shuster comme devant remettre tentative

[1] 21/8 авг. в «Matin» была опубликована статья «Désaccord ou malentendu» («Разногласие или недоразумение»). В этой статье Гедеман отмечал пробудившееся во франц. общественном мнении чувство недовольства и разочарования ходом франко-германских переговоров. Автор статьи выражал уверенность в том, что население обеих стран, несмотря на критику со стороны отдельных лиц, с удовлетворением примет ясно сформулированное и обоюдно выгодное соглашение, которое положит конец давнишним трениям между обеими странами. Вторая статья «Matin» от 22/9 авг. того же автора под заголовком «La France peut faire des concessions. Oui: à une condition» («Франция может делать уступки. Да: при одном условии») начиналась указанием на военную мощь Франции. Подчеркнув, что франц. прав-во настроено миролюбиво, но имеет твердые взгляды «на достоинство и интересы нации», Гедеман писал, что огромное большинство Франции хочет соглашения с Германией и готово пойти на территориальные уступки, но лишь при одном условии: чтобы этой ценой был положен конец состоянию непрерывной тревоги последних шести лет, что может быть достигнуто лишь при условии предоставления Франции полной свободы в Марокко — вплоть до возможности провозглашения своего протектората над Марокко. Без этого — ни франц., ни европейское общественное мнение не поймет, зачем Франция пошла на уступки Германии.

[2] В упомянутой статье от 22/9 авг., озаглавленной «L'erreur Allemande» («Ошибка Германии»), указывалось на наступивший застой в переговорах и подчеркивалась непримиримость герм. и франц. точек зрения. «Компетентные лица считают,— говорилось в этой статье,— что при таких условиях следует не делать перерыв переговоров, а следует прекратить переговоры и обратиться к другому методу разрешения конфликта».

[3] Ссылаясь на тел. Поклевского от 21/8 авг. за № 703 (см. № 351), Бенкендорф сообщил тел. от 22/9 авг. за № 192, что Грей смотрит на отставку Шустера с величай-

réforme en Perse, résultat très regrettable et devant fournir arguments à vive opposition. Crois y avoir intérêt à prendre en considération ce même argument; d'ailleurs démarche de Shuster auprès Poklevsky note chez lui changement d'attitude et recours au gouvernement impérial comme dernière instance. Si votre excellence partage les vues exposées dans télégrammes de Poklevsky et les miens, il serait très désirable prendre décision aussi vite que possible, pour assurer à cette décision caractère d'une concession sage, faite dans intérêt de la Perse, d'une démarche directe et avant tout agissement et pression en faveur de ces projets tant à Téhéran qu'à Londres.

Benckendorff.

Перевод.

Ссылаюсь на мой № 192.

Считаю долгом отметить, что Грей и Никольсон много раз заявляли мне, что они крайне опасаются возможной отставки Шустера, вследствие чего попытки провести реформы в Персии должны быть отложены — весьма прискорбный результат, который дал бы аргументы для резкого противодействия. Считаю, что в наших интересах принять этот аргумент в соображение; кроме того, обращение Шустера к Поклевскому свидетельствует о том, что его позиция изменилась и он прибегает к императорскому правительству, как к последней инстанции. Если ваше превосходительство разделяет взгляды, изложенные в телеграммах Поклевского и моих, было бы желательно принять решение возможно скорее, дабы придать ему характер благоразумной уступки, сделанной в интересах Персии, характер непосредственного выступления, предпринятого ранее каких-либо действий и давления в пользу этих проектов как в Тегеране, так и в Лондоне.

Бенкендорф.

№ 356. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 102. 23/10 августа 1911 г.

На вчерашнем совещании министров при участии братьев Камбон и Баррера решено: настаивать на ясном признании и на полной свободе действий Франции в Марокко; отказаться от Того-ланда под условием частичного исправления границы с этой колонией. Уступить Германии уже предложенный береговой участок и территорию к северо-востоку от реки Санга с доступом к реке Конго. Точные пределы этой территории сообщу дополнительно [1]. Де Сельв высказал мне, что ответ Германии на эти предложения покажет, желает ли Германия притти к соглашению или ищет предлога порвать переговоры. Он прибавил, что совещание рассмотрело все могущие произойти случайности, не исключая самых крайних. На мой вопрос, что сделает Франция, если Германия окончательно займет Агадир, он ответил, что в таком случае Франция, со своей стороны, должна будет занять некоторые пункты в Марокко. Камбон возвращается в Берлин

шим опасением. Эта отставка ему причинила бы весьма серьезные затруднения политического характера. Бенкендорф, со своей стороны, полагал, что после того, как будет установлено, что Стокс будет назначен всего на 6 месяцев и Россия таким образом получит удовлетворение, она должна бы сделать уступку по вопросу о реформах в Персии. Такая уступка, по мнению Бенкендорфа, произвела бы наилучшее впечатление в Англии и Персии и могла бы быть легко объяснена русскому общественному мнению.

[1] Письмом от 30/17 авг. Извольский сообщил, что на нескольких совещаниях франц. совета м-ров при участии Поля и Жюля Камбонов и Баррера были намечены границы уступаемой Германии части Франц. Конго. «Решения министерских совещаний, — писал Извольский,— доложены г. де Сельв президенту республики, под председательством коего в четверг состоится совет министров для их формального закрепления; сказанные решения облечены в форму письменных инструкций г. Ж. Камбону, который сегодня вечером выезжает в Берлин и тотчас же возобновит переговоры с г. Кидерленом». Далее Извольский писал: «По словам г. Камбона, получаемая им инструкция носит вполне категорический характер; тем не менее, в той части, которая касается специально территориальных уступок, она до известной степени эластична и дает ему возможность, не прибегая всякий раз к Парижу, допускать те или другие несущественные варианты».

в начале будущей недели и увидится с Кидерленом во вторник или среду [1]. Во время настоящего перерыва здесь будут продолжаться разговоры с бароном Шеном, от которых впрочем вряд ли можно ожидать практических результатов.

Извольский.

№ 357. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 23/10 августа 1911 г.

Конфиденциально.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Как вашему превосходительству уже известно из секретного донесения моего от [26]13 прошлого июля [2], над Тегераном пронеслась, под впечатлением известия о прибытии в Персию Мохамед-Али-шаха, националистическая волна. Часть прежнего умеренного большинства меджлиса перешла на сторону демократов и образовавшееся, под председательством Самсам-эс-Солтане, министерство должно было плясать по демократической дудке, тем более, что из среды меджлиса избран был особый комитет из 9 членов, который официально предназначался лишь для облегчения сношений между парламентом и кабинетом, но на практике присвоил себе право наблюдения за тем, чтобы деятельность министров была согласной с пожеланиями националистического большинства.

Кабинет, однако, вскоре заметил, что согласная с рецептами демократов внутренняя политика лишает правительство симпатии умеренных элементов страны, и тем увеличиваются шансы Мохамед-Али-шаха. Начатые было аресты так называемых «реакционеров» вызвали сильное негодование многих влиятельных лиц, заблаговременно предупрежденных о нахождении их имен в проскрипционном списке и благополучно укрывшихся на дачах, преимущественно на территории деревни Зергенде. Лиц же, которых удалось задержать, пришлось вскоре выпустить на свободу, за отсутствием каких-либо против них улик. Подобно Сепехдару, новый кабинет пришел также вскоре к заключению, что при изменчивости большинства меджлиса и при постоянном вмешательстве этого учреждения в дела управления, необходимо увеличение прерогатив короны и власти правительства.

Необходимость же перемены курса иностранной политики была подсказана кабинету главным образом нашей совместной с Англией декларацией о нейтралитете [3]. Здесь почему-то думали, что протокол 1909 г. делает невозможным вторичное воцарение Мохамед-Али-шаха, и были убеждены, что Англия выскажется за невозможность признания ею бывшего шаха. Поэтому декларация о нейтралитете поразила персов и доказала им, что если между Россией и Англией и возникало какое-либо разногласие по этому вопросу, то во всяком случае восторжествовало мнение России. Из отношения же других иностранных миссий к попытке Мохамед-Али-шаха вернуть себе престол, кабинет мог также притти к заключению, что неофициальные симпатии всех здешних иностранных представителей, за исключением американского, не на стороне нынешнего правительства.

Если к этому прибавить, что большинство персов уверено, что за Мохамед-Али-шахом стоит хотя бы нравственная поддержка России, с которой персидскому правительству бороться не по силам, то появление среди благоразумных здешних элементов желания во что бы то ни стало добиться расположения России и заручиться ее нравственным содействием в борьбе с бывшим шахом является вполне естественным.

---

[1] 30/17 августа.

[2] Донесение Поклевского от 26/13 июля за № 36 в основном изложено в публикуемом письме.

[3] См. № 267.

Вследствие вышеизложенного, недели две тому назад кабинет обратился к регенту с петицией, в которой указывал на необходимость перемены внутренней и внешней политики Персии и на свою решимость подать в отставку, если подготавливаемые ими в этом смысле предложения не будут приняты меджлисом.

Бахтиары, со своей стороны, горячо поддерживали этот шаг кабинета по причинам, которые я позволил себе подробно изложить в секретной телеграмме моей № 683 [1]. Являясь теперь главной вооруженной силой, на которую опирается правительство, они не желали бы жертвовать жизнью своих людей исключительно для защиты здешних националистов; ввиду же неизвестности, какой оборот могут принять события и вследствие данных им Сердар-Асадом советов, они стараются ныне заручиться дружбой России, так как в симпатиях Англии они не сомневаются и заветной их мечтой было всегда распространение их деятельности в сферу нашего влияния. К бахтиарским планам, однако, надо всегда относиться с некоторой осторожностью, ибо они никогда не теряют из вида своих собственных интересов, а потому нужно опасаться, что принятие меджлисом предложения правительства они могут попытаться использовать, сначала для закрепления своего положения в кабинете, а затем, может быть, и для осуществления других более честолюбивых замыслов.

Регент, за последнее время вернувший себе прежнее равновесие и вновь не доверяющий демократам, весьма сочувственно отнесся к петиции кабинета и обратился [12 августа] 30 прошлого июля в меджлис с посланием, текст коего при сем препровождается на усмотрение вашего превосходительства [2]. Послание это находится в логической связи с первым заявлением регента меджлису, и в конце его заключается ясный намек на выход Наср-оль-Молька в отставку, в случае непринятия парламентом предложения кабинета.

Целью визита ко мне Восуг-эд-Доуле, о коем я подробно донес телеграммой № 664 [3], было желание узнать, на каких именно условиях императорское правительство согласилось бы в настоящий момент оказать нынешнему правительству нравственную поддержку, дабы затем на основании полученного ответа формулировать уже определенные предложения меджлису. Ответ вашего превосходительства, подтверждающий занятое нами положение невмешательства в борьбу с Мохамед-Али-шахом, несколько затруднил положение кабинета, который теперь лишен возможности указать меджлису на немедленное «quid pro quo» взамен за делаемые нам уступки.

Тем не менее, по доходящим до меня сведениям, министры заняты выработкой программы, в которую они желают включить обещание воздержаться от каких-либо мер, которые могут нарушить интересы России и Англии в Персии. Кроме того имеется в виду получение согласия меджлиса на проведение нефтепровода Нобеля и на беспошлинный ввоз автомобилей для Джульфа-Тавризской дороги, причем некоторым эквивалентом для Англии явится предоставление ей телеграфной концессии в Арабистане.

Первым шагом кабинета в его стремлении добиться от меджлиса санкции на изменение внешней и внутренней политики Персии было образование парламентского большинства из остатка умеренных и части беспартийных депутатов; при помощи этого большинства правительству удалось добиться упразднения упомянутого выше комитета из 9 членов меджлиса. Демократы, однако, ведут решительную борьбу против готовящихся предложений кабинета, и тот факт,

[1] См. № 338.

[2] Содержание обращения регента к меджлису в основном изложено в публикуемом документе. Регент призывал депутатов притти к соглашению с советом м-ров по вопросам внутренней и внешней политики. Обращение оканчивалось словами: «Я повторяю еще раз, что в наше время ни одна страна и тем более наша, при том положении, в котором она находится, не может процветать не поддерживая хороших отношений с другими странами. Я должен заявить, что в случае, если серьезность положения и мои предложения не будут должным образом приняты во внимание, мое положение станет совершенно невыносимым и ни при каких условиях я не смогу больше оставаться праздным зрителем того печального положения, в которое ввергнута страна».

[3] См. № 309.

что представление последних в меджлис откладывается со дня на день, доказывает, что правительство далеко не уверено в своем большинстве, и что успех его программы в парламенте нуждается еще в предварительных переговорах.

Примите и пр.

С. Поклевский-Козелл.

№ 358. Поверенный в делах в Брюсселе[1] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 29. 24/11 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Со времени выступления Германии в марокканском вопросе посылкой военного судна в Агадир бельгийская пресса живет под страхом разрыва Германии с Францией и нервно отмечает все перипетии переговоров, явно опасаясь за благополучный их исход.

В Бельгии ясно сознают, что вовсе не африканские выгоды привлекают германского орла и что причины все более и более настойчивых выступлений Германии лежат гораздо глубже, чем охрана интересов каких-то, повидимому даже довольно проблематических, немецких торговцев, затраты на что далеко не окупаются стране получаемыми выгодами.

Покуда вопрос лежит как будто в колониальных интересах, но надо думать не надолго.

Германец 50 лет тому назад удовлетворялся малым, он был мирен потому, что ничего кроме легко доступного ему довольства не искал и мировой политикой, будучи разбит на многие плохо спаянные между собой государства, не задавался. Но времена переменились, его потребности, в особенности после объединения Германии, возросли быстро, борьба за существование стала труднее у себя на родине и, почувствовав свою силу на политическом поприще, у него явилось естественное желание приложить ее к тому, чтобы поживиться на счет более слабых соседей. Народонаселение при этом быстро растет и вскоре достигнет предела, который может прокормить страна, и близится минута, когда фатально Германия ринется на более слабых соседей, по линии наименьшего сопротивления, т. е. на запад, даже может быть не ища, как ныне, никакого африканского предлога. Война станет для нее жизненной необходимостью и эта сознаваемая германскими политиками мысль заставляет их делать огромные затраты на армию и флот, дабы в решительную минуту перевес силы был вне всяких сомнений на их стороне.

Все это необычайно остро чувствуется здесь, и тревога за благополучный исход чуть было не окончившихся конфликтом с Францией действий нашей соседки была велика. Даже вспомнили в здешней прессе про Россию, которую обыкновенно настойчиво игнорируют или если вспоминают, то стараясь оттенить какими-либо тщательно подобранными фактами из преступной хроники ее отсталость. Ныне газеты особенно старательно отметили роль России, направленную к целям мирного окончания Агадирского инцидента.

Примите и пр.

Кн. Н. Вяземский.

№ 359. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

25/12 августа 1911 г.

Представляя у сего секретную телеграмму российского посла в Париже от [23] 10 сего августа[2], излагающую подробности о настоящем положении переговоров между Францией и Германией, осмеливаюсь присовокупить, что по тому же поводу вчера посетил меня французский посол.

---

[1] Вяземский управлял миссией во время отпуска И. Кудашева.
[2] См. № 356.

Передавая в свою очередь тождественные данные, г. Жорж Луи дополнил их еще следующим сообщением: бывшее в Париже совещание, о котором упоминает гофмейстер Извольский, рассматривая возможный ход событий в случае отказа Германии принять выработанные Франциею условия соглашения, остановилось на вопросе о возможности со стороны Германии дальнейшего пребывания в Агадире и даже военном занятии сего порта. При таких условиях, сказал г. Луи, французское правительство предполагает в первом случае ограничиться посылкой своих судов до Рабата, объясняя таковой шаг необходимостью установить связь со своими военными силами, находящимися в Феце. Во втором же случае Франция окажется вынужденной ответить высадкой десанта в Могадоре или в другом пункте Южного Марокко.

Заканчивая свою беседу, г. Жорж Луи высказал от имени своего правительства надежду, что императорское правительство не откажет Франции не только в своем дипломатическом содействии, но, в случае нужды, и в военной помощи.

Изложенное почитаю долгом всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

Нератов.

Во вторник[1] *в 11 час. у меня состоится совещание по этому поводу с вами, мин*[*истром*] *финансов, военным министром и начальником генеральн*[*ого*] *штаба.*

Петергоф, [26] 13 августа 1911 г.

№ 360. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Риме Корфу.

Шифрованное письмо № 550[2]. 26/13 августа 1911 г.

Весьма секретно.

М. г. барон [Модест Николаевич],

Посетивший меня на этих днях итальянский посол в совершенно доверительной форме передал мне от имени своего правительства о желании последнего положить предел всем тем неприятностям, которые систематически чинятся ему Турцией в Триполи. Под давлением указанных обстоятельств, в особенности же общественного мнения Италии[3], маркиз ди Сан-Джулиано намерен принять самые решительные меры к восстановлению нормального порядка вещей в Триполи и к принуждению Турции относиться с бо́льшим уважением к итальянским интересам.

На мой вопрос, каким образом итальянское правительство предполагает достичь подобных результатов и считается ли оно с возможным сопротивлением и неудовольствием Порты к выступлению Италии, г. Мелегари сказал мне, что все предусмотрено, и Италия готова ко всяким случайностям.

Из дальнейшего разговора я осведомился, что Франция и Англия, а равно и Германия с Австро-Венгрией не только извещены о намерениях Италии, но и не возражают против них.

Передавая изложенное для сведения вашего превосходительства, имею честь покорнейше просить вас выразить при первом случае министру иностранных дел благодарность императорского правительства за сделанное ему любезное сообщение и тут же высказать, что отсутствие в сообщении г. Мелегари каких-либо указаний о новых соглашениях между Италией и Австро-Венгрией по делам балканским побуждает нас думать, что вопрос о Триполи не вызвал никаких изменений в существующем положении.

В ожидании уведомления вашего о последующем, прошу принять и пр.

Нератов.

---

[1] 29/16 августа.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 149, N 443.

На полях имеется помета: «Отправлено с курьером [7 сент.] 25 авг. в Вену, К-поль, Париж, Берлин, Лондон».

[3] См. №№ 118 и 119.

№ 361. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

28/15 августа 1911 г.

Представляя у сего на высочайшее благовоззрение вашего императорского величества памятную записку [1] здешнего великобританского посольства, в которой подробно изложены взгляды лондонского кабинета по вопросу о предстоящем 29/16 сентября сего года окончании полномочий верховного комиссара на Крите, а равно и проект ответа на таковую [2], приемлю смелость пояснить нижеследующее.

В основание проекта ответа положены данные, согласованные с точкой зрения лондонского кабинета, совпадающей в общих чертах с установившимися взглядами России на желательность поддержать на Крите существующее положение вещей и в частности, в вопросе о верховном комиссаре, предотвратить осложнения.

Нет сомнения, что возобновление полномочий Заимиса, не говоря уже о назначении ему заместителя, вызовет не только протест Турции [3], но и весьма вероятное брожение на острове. Если вспомнить, что за последние годы, всякий раз, когда державы предъявляли критянам какие-либо требования, почему-либо последним неугодные, то исполнение таковых неизбежно связывалось с серьезными морскими демонстрациями держав. И ныне всякое изменение в положении острова, в связи с окончанием полномочий Заимиса, подаст лишь повод к более решительному выступлению критян и вынудит державы прибегнуть к военной оккупации.

Дабы избежать столь нежелательного оборота дела, представлялось бы может быть наиболее удобным не затрагивать совершенно вопроса о верховном комиссаре и присоединиться к фактически уже существующему предложению англичан о контроле внешних сношений Крита.

Первое решение до известной степени гарантирует «status quo» на острове, а второе послужит к предупреждению могущих возникнуть, в каждый данный момент, недоразумений между Турцией и Критом.

Повергая изложенное на благоусмотрение вашего императорского величества, приемлю смелость испрашивать высочайших указаний.

Нератов.

Одобряю.

Петергоф, [28] 15 августа 1911 г.

---

[1] Приложение отсутствует.

Тел. от 22/9 авг. за № 1119 Нератов сообщал ген. консулу в Канее Шебунину (копия Константинополь, Афины), что по вопросу о верховном комиссаре «лондонский кабинет полагает не возобновлять полномочий Заимиса и совершенно не замещать пост верховного комиссара по следующим соображениям: возвращение Заимиса вызовет одинаково как сопротивление Турции, так и неудовольствие на острове. Водворение верховного комиссара даст возможность Турции настаивать на отмене всех бывших до того нарушений status quo, и это обстоятельство, конечно, вызовет новую оккупацию. Назначение же нового лица представляется совершенно невозможным. Лондонский кабинет предлагает ввиду изложенного, чтобы державы взяли под собственный контроль критское правительство, принимая на себя известную ответственность и исполняя как бы часть функций верховного комиссара, в особенности когда это будет касаться сношений Крита с Турцией». «Такое положение,— заключал Нератов, — тем более естественно, что власть верховного комиссара, за отсутствием таковой, должна переходить к державам, от которых он эту власть получил».

[2] В проекте ответа выражалось полное согласие с предложением англ. прав-ва. На проекте имеется помета Николая II: «С[огласен]». «Петергоф, [28] 15 августа 1911 г.».

[3] Тел. от 20/7 авг. за № 1106 Нератов извещал Свечина (копия в Париж, Лондон и Рим) о сообщении Турхана-паши, согласно которому Порта выразила желание обсудить вместе с державами вопрос по поводу кончающихся полномочий комиссара на Крите. Нератов обратил внимание Турхана-паши на то, что этот вопрос действительно затронут и находится в стадии предварительного рассмотрения. Постановку же вопроса об участии Турции в обсуждении Нератов считал преждевременной, так как державы-покровительницы озабочены сохранением status quo на острове.

№ 362. Поверенный в делах [1] в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

¹/. Письмо. 28/15 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Не имев пока случая видеться с великим визирем, я могу прибавить весьма немногое к моему вчерашнему письму [2] и хочу отметить здесь лишь несколько текущих событий.

Заключение русско-германского соглашения касательно Северной Персии [3] не вызвало здесь того возбужденного обсуждения, которому подвергся разглашенный прошлой зимой первоначальный проект оного. Большинство турецких газет уделяет ему мало места, а официозный орган правящих кругов партии «Единения и прогресса» — «Танин» отозвался на заключение помянутой конвенции прилагаемой при сем сравнительно умеренной статьей [4], выражающей уверенность, что и секретные условия, если таковые действительно имеются, были сообщены оттоманскому правительству.

Весьма правдоподобно, что Турция действительно имеет ныне с немецкой стороны удовлетворяющие ее сведения и ручательства.

К тому же сводится и замечание, сделанное вчера Рифаатом-пашой в краткой беседе со мной при случайной встрече, что «состоявшееся ныне соглашение существенно отличается от возбудившего в Турции опасения проекта, затрагивавшего ее непосредственно», — замечание, к которому он однако прибавил вопрос насчет предполагаемых тайных условий. Вся наша беседа носила впрочем совсем частный, поверхностный характер.

Англо-турецкие переговоры о южном участке Багдадской железной дороги к Персидскому заливу не подвигаются вперед. Сэр Джерард Лоутер сказал мне недавно, что он предвидит упорное сопротивление английскому контрпроекту, изложенному в письме к вам графа Бенкендорфа от 1 августа/19 июля сего года [5] и уделяющему долю России, наравне с Англией, Францией, Германией и Турцией; между тем турецкий проект, оставляющий за Германией и Турцией преобладающее место, не представляет возможной почвы к соглашению, чему служит, между прочим, подтверждением курьезный факт, что тарифы эксплоатируемой ныне немецким Анатолийским обществом части багдадской линии не опубликовываются во всеобщее сведение и не представляют никакой гарантии равномерного применения.

На-днях состоялось подписание контракта, предоставляющего Национальному банку Турции, учрежденному известным лондонским финансистом Касселем, право на предварительные изыскания по сооружению портов в Самсуне и Трапезунде, с преимущественным правом на окончательную концессию этих работ. Характер основанного Касселем банка не позволяет почитать это учреждение вполне английским, и великобританский посол сказал мне, что он не принимал никакого участия в его переговорах с турецким правительством по означенному предприятию, каковые велись непосредственно.

Примите и пр. А. Свечин.

№ 363. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

¹/. Письмо [6]. 29/16 августа 1911 г.

Monsieur le Gérant, Confidentielle.

La lettre du comte d'Osten-Sacken du 18/5 [7] courant me semble éclairer de façon tout spécialement lucide le mouvement d'opinion au sujet des affaires du

---

¹ Тел. от 19/6 авг. (без номера) Свечин уведомил о вступлении в управление посольством, ввиду отъезда Чарыкова в отпуск.
² См. стр. 356, прим. 4.
³ См. № 343.
⁴ Приложение не воспроизводится.
⁵ См. № 277.
⁶ Опубл. Siebert, II, S. 150, N 444.
⁷ См. № 342.

Maroc qui se dessine de plus en plus en Allemagne et qui peut avoir des conséquences fâcheuses sur une situation que je ne puis m'empêcher de considérer comme extrêmement sérieuse.

Ce mouvement d'opinion qui, dans l'appréciation de notre ambassadeur à Berlin, se dirige plus spécialement contre l'Angleterre, me paraît dû à la déception éprouvée surtout par les partis chauvins en Allemagne; mais en circonstances pareilles c'est d'ordinaire le chauvinisme qui l'emporte et détermine la pression.

Le Cabinet de Berlin crut devoir entamer une campagne diplomatique par une démonstration navale éclatante à Agadir, indiquant clairement le Maroc comme objectif.

La déception commença dès le jour où, à cause de malheureuses indiscrétions de presse, il devint public que la négociation portait non pas sur le Maroc, mais sur le Congo.

Cette déception, qui aggrave de beaucoup les choses, me paraît le résultat inévitable de l'apparition de la «Panthère» à Agadir.

Ce dernier fait en lui-même et pour les mêmes raisons devait avoir infailliblement une autre conséquence qui me paraît n'avoir été prévue à Berlin que de façon très insuffisante, — une déclaration nette et claire de l'attitude de l'Angleterre.

Le Cabinet de Londres, se désintéressant des résultats de la négociation franco-allemande pour les parties de l'Afrique en dehors du Maroc, maintenait qu'il avait au Maroc même des intérêts spéciaux et que rien ne pourrait être décidé pour le Maroc sans lui. De fait c'était exclure le Maroc du remaniement colonial auquel aspirait le gouvernement allemand.

Je crois que c'est cette attitude trop inattendue du Cabinet de Londres qui devait déterminer le mouvement d'opinion anti-anglais à Berlin.

Pourquoi on a pu supposer à Berlin que la France resterait isolée et par conséquent plus malléable — reste une question fort peu explicable.

Pour la question qu'elle soulevait l'Allemagne n'était pas sans quelques arguments sérieux; mais il n'est pas facile non plus de s'expliquer d'où a pu venir l'espoir qu'une Puissance comme la France, même à la supposer plus ou moins diplomatiquement isolée, se fut décidée à céder sous le coup d'une menace une importante colonie contre des engagements concernant le Maroc, engagements d'un caractère beaucoup plus révocables que ne l'est une cession territoriale.

Il serait intéressant de se rendre compte quelle était en réalité la compensation que l'Allemagne avait tout au début projetée. Avait-elle en vue seulement le Congo, ou pensait-elle au moins à la contrée de Souse? Je ne sais quelle est à ce sujet l'opinion du comte d'Osten-Sacken. La question me paraît importante non seulement au point de vue rétrospectif, mais aussi à celui du développement ultérieur des négociations. C'est même en ce point que je vois le plus de danger pour le maintien de la paix.

Je ne puis contribuer à l'éclaircir que par des symptômes très indirects.

Dès le jour où parut la nouvelle de l'apparition de la «Panthère» à Agadir je rencontrai Mr. de Kühlmann au Foreign Office; je lui demandai ce qu'il en pensait. Il me répondit: il s'agira de marchander. Je lui demandai s'il s'agissait du Maroc et d'un port marocain. Il me répondit: «Ni l'un ni l'autre. On considère en Allemagne un port comme une grande dépense et un danger. Il s'agira probablement de compensation ailleurs en échange des progrès de la France au Maroc ». La valeur de cette appréciation est qu'elle me fut faite dès le début par un diplomate allemand intelligent et, bien entendu, bien renseigné.

Il y a de cela quelques jours je passai la soirée avec le comte de Metternich. Ce côté de la question n'a pas été touché entre nous.

J'ai voulu me rendre compte le mieux possible si l'accusation assez généralement portée contre mon collègue d'Allemagne d'avoir mal renseigné son gouvernement était fondée. J'en avais toujours douté. J'en doute plus que jamais. Je crois plutôt qu'à Berlin on a passé outre à ses avertissements. Un peu pressé par moi sur les inconvénients et les dangers que devait présager un début aussi démonstratif, Mr.

de Metternich se défendit, mais plutôt mollement. Très imbu de la légitimité de la cause allemande, il m'a paru beaucoup moins édifié sur les procédés diplomatiques de son gouvernement, sans pourtant l'avouer en toutes lettres. Il se résuma ainsi:

«Je puis vous dire que dès le premier jour j'ai considéré l'affaire comme extrêmement sérieuse», et c'est d'Angleterre plus que de France que nous parlions. Je lui demandai son appréciation sur le rôle de l'Angleterre. Il me répondit: «L'Angleterre ne veut pas la guerre. Elle ne croit pas que l'Allemagne la veuille. Au Maroc l'Angleterre est plus française que les Français; ailleurs non. L'Angleterre se désintéresse du Congo et même plus loin, et verrait avec satisfaction une solution portant sur ces parages». Je lui répondis que c'était parfaitement mon avis et j'ajoutai qu'il serait bon, sans le remettre d'avantage, de s'expliquer clairement sur le Maroc et sur le rôle que l'Allemagne y reconnaîtrait à la France. Il se borna à des objections de tactique.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Доверительное.

Г. управляющий,

Мне кажется, что письмо графа Остен-Сакена от 18/5 сего месяца чрезвычайно ясно освещает настроение общественного мнения в марокканском вопросе; это настроение, все более и более проявляющееся в Германии, способно вызвать прискорбные последствия для создавшегося положения, которое я не могу не считать чрезвычайно серьезным.

Это настроение общественного мнения, которое, по мнению нашего посла в Берлине, направлено в особенности против Англии, вызвано, мне кажется, разочарованием, испытываемым главным образом шовинистическими партиями Германии; но в подобных обстоятельствах именно шовинизм обычно и берет верх и оказывает давление.

Берлинский кабинет счел нужным начать дипломатическую кампанию шумной морской демонстрацией в Агадире, ясно указав на Марокко, как на свою цель.

Разочарование началось в тот день, когда из-за злополучной нескромности прессы стало известно, что переговоры ведутся не о Марокко, а о Конго.

Это разочарование, значительно усилившее серьезность положения, кажется мне неизбежным следствием появления «Пантеры» в Агадире.

Последний факт, сам по себе и по тем же причинам, должен был неизбежно привести и к другому последствию, которое, как мне кажется, не было достаточно предусмотрено в Берлине: точному и ясному заявлению Англии о своей позиции.

Лондонский кабинет, не интересуясь результатами франко-германских переговоров об африканских районах вне Марокко, настойчиво заявлял, что в самом Марокко у него имеются специальные интересы и что в отношении Марокко никакое решение не может быть принято без его участия. Фактически это исключало Марокко из колониального передела, к которому стремилось германское правительство.

Я думаю, что именно эта слишком неожиданная позиция лондонского кабинета и должна была вызвать движение общественного мнения в Берлине против Англии.

Очень трудно уяснить себе, почему в Берлине могли предположить, что Франция будет изолирована и, следовательно, более податлива.

Германия имела некоторые серьезные аргументы в поднятом ею вопросе, но нелегко также уяснить себе и то, откуда могла появиться надежда, что такая держава, как Франция, допустив даже, что дипломатически она более или менее изолирована,— решится под угрозой уступить большую колонию взамен обязательств касательно Марокко, — обязательств гораздо менее прочного характера, чем уступка территории.

Было бы интересно уяснить себе, на какую компенсацию в действительности рассчитывала Германия в самом начале. Имела ли она в виду только Конго или же по меньшей мере рассчитывала на область Сус? Я не знаю, каково мнение Остен-Сакена на этот счет. Вопрос мне кажется важным не только с ретроспективной точки зрения, но и с точки зрения дальнейшего хода переговоров. И даже именно с этой стороны я вижу наибольшую опасность для сохранения мира.

Я могу содействовать выяснению этого обстоятельства лишь по очень косвенным признакам.

В тот же день, когда стало известно о появлении «Пантеры» в Агадире, я встретил в Foreign Office фон Кюльмана; я спросил, что он думает по этому поводу. Он ответил мне: придется торговаться. Я спросил, идет ли речь о Марокко и о каком-либо порте в Марокко. Он ответил: «Ни о том, ни о другом. В Германии считают, что порт — это крупные расходы и постоянная угроза. Речь будет, вероятно, итти о компенсациях в другом месте взамен успехов Франции в Марокко». Ценность этого сообщения в том, что оно было сделано мне в самом же начале умным и, безусловно, хорошо осведомленным германским дипломатом.

Несколько дней тому назад я провел вечер с графом Меттернихом. Эта сторона вопроса между нами не затрагивалась.

Мне хотелось как можно лучше уяснить себе, обосновано ли выдвигаемое обычно против моего германского коллеги обвинение в том, что он плохо информировал свое правительство. Я всегда в этом сомневался. Теперь я в этом сомневаюсь больше, чем когда-либо. Я скорее думаю, что в Берлине его предупреждения не были приняты во внимание. Когда я в несколько настойчивой форме выразил мнение, что столь демонстративное выступление предвещает затруднения и опасности, г. фон Меттерних стал отрицать это, но довольно вяло. Глубоко убежденный в законности германских притязаний, он, как мне показалось, гораздо менее убежден в правильности дипломатических приемов своего правительства, хотя он и не признает этого открыто. В заключение он высказался следующим образом: «Я могу вам сказать, что с первого же дня я считал положение крайне серьезным». И мы говорили больше об Англии, чем о Франции. Я спросил, как он оценивает роль Англии. Он мне ответил: «Англия не хочет войны. Она не думает, что Германия хочет ее. В марокканском вопросе Англия отстаивает интересы Франции больше, чем сама Франция; в других вопросах этого нет. Англия заявляет о своей незаинтересованности в Конго и даже далее, и она с удовлетворением встретила бы решение, касающееся этих областей». Я ему ответил, что совершенно таково же и мое мнение, и добавил, что было бы хорошо, не откладывая дальше, объясниться по вопросу о Марокко и о роли, которую Германия признала бы там за Францией. Он ограничился возражениями тактического порядка.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 364. Поверенный в делах в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 35. 29/16 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Не националисты уже одни взывают к общественному мнению и к правительству о необходимости приступить к разрешению задач, с коими связана дальнейшая судьба Италии. То, что происходит в Марокко, в настоящее время взвешивается, оценивается, и как будто открывает глаза даже тем, которые до сих пор не хотели видеть ничего за пределами королевства. Нарушение Францией Алжесирасского трактата с предполагаемым его последствием, утверждением республики в Марокко, все чаще и чаще рассматривается как нарушение равновесия в Средиземном море и как угроза Италии быть парализованной, если она, не теряя времени, не займет последнюю остающуюся свободной часть африканского прибрежья. К тому же политика последовательных захватов Триполи со стороны Франции не составляет тайны ни для кого. Стоит вспомнить достигнутые ею в этом отношении результаты: в 1906 г. ей удалось добиться в Константинополе отделения оазиса Явет от Триполи и включения оного в свои владения; в том же году различными облегчениями она сумела оттянуть к Тунису караваны из области озера Чад, которые раньше направлялись в Триполи; два года тому назад она заняла Уадай, естественный Hinterland его; потом исправлением границы, вырванным в Константинополе, она включила в свою территорию западную полосу земли, издавна принадлежавшую Триполи; наконец, с юга она придвинула свою границу на расстояние восьми километров к Гадамесу и захватила близлежащие колодцы, что равносильно занятию всего оазиса. Соглашение 1902 г. таким образом соблюдается одной Италией, — по мнению националистов, полным ее бездействием, — но служит занавесою агрессивным выступлениям Франции. Противоставлять ей метод мирного проникновения — то же, что признаться в полной неспособности присоединить Триполи, на что изъявили свое согласие Англия и Франция, и чему не воспротивятся союзники, Германия и Австрия. С другой стороны, время не терпит. Турция еще без флота; через несколько лет уже невозможно будет ограничиться посылкой каких-нибудь двух крейсеров, и на место простой аннексии придется вести войну со всеми ее опасностями, страх перед которыми может повести к полному отречению от Триполи.

Мнение это стали поддерживать за последнее время органы печати, до сих пор весьма осторожно приступавшие к обсуждению столь щекотливых вопросов. В этом нельзя не усмотреть знак времени, тем более, что кроме вышеизложенных они приводят новые аргументы, которые, без сомнения, подействуют еще сильнее на общественное мнение. А именно, триполитанскому вопросу придается значение внутреннего. Залежи серы столь значительны в вилайете, что они угро-

жают Сицилии полным разорением, если они попадут в чужие руки. Постоянная эмиграция в Аргентину дошла почти до своего предела, между тем, как Северная Америка накануне принятия новых мер против эмигрантов, так что Новый Свет должен будет закрыться для итальянцев, ищущих работу за границей. На родине же им заработка нет. Италия поставлена в условия, в которых находилась Япония; она будет вынуждена, как и та, на войну, чтобы создать себе колонию для избытка своего населения и для сбыта продуктов быстро растущей промышленности. Триполи должен стать тем, чем сделалась Корея. Ближайшей задачей пресса себе поставила возбудить течение общественного мнения в направлении окончательной развязки триполитанского вопроса, долженствующее в свою очередь увлечь за собой правительство, бездействие коего в лице г. Джиолитти и маркиза ди Сан-Джулиано подвергается строжайшему порицанию. В этом смысле высказывается миланская «Perseveranza», туринская «Stampa», римская военная «Preparazione», не считая некоторых менее распространенных газет и многочисленных специальных изданий и книг авторов, принадлежащих к группе националистов.

Примите и пр.

Корф.

№ 365. Поверенный в делах в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 29/16 августа 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вчера, немедленно по получении доверительного письма вашего превосходительства от [16] 3 с. м. за № 526 [1], я виделся с министром иностранных дел, вернувшимся на несколько дней в столицу. Выслушав меня весьма внимательно, маркиз ди Сан-Джулиано сказал мне, что им уже был получен отчет о вашем разговоре с г. Мелегари и что он только может подтвердить сказанное вам итальянским послом. По его словам, за время последних затруднений в Албании Россия, Австрия и Италия преследовали одну цель — сохранение мира; все три они действовали в полном единодушии, и нет ни малейшей причины подозревать какую-либо из них в нечистосердечности. По сведениям, доставляемым итальянскими консулами, австрийские представители в Албании точно исполняли предписания из Вены и из их образа действия можно заключить, что австрийское правительство никаких своекорыстных видов не имело. По отношению, в частности, к России, Италия не отступала ни на минуту от установленных между ними принципов, из коих в данном случае руководящим началом являлось сохранение status quo. Что же касается внутренних побуждений, в силу которых три правительства были приведены к одному общему действию, то маркиз ди Сан-Джулиано заметил, что это вопрос психологический, который не поддается точному разбору и что, со своей стороны, он может отвечать только за себя. «Но, — сказал он в заключение, — если придерживаться одного настоящего, то справедливость требует, чтобы только-что завершившийся кризис обсуждался беспристрастно и чтобы в оценку действий тех или других не входили личные впечатления, сколько бы недавнее прошлое ни советовало относиться с неустанным вниманием к деятельности некоторых из них».

Примите и пр.

Корф.

№ 366. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 508. 29/16 августа 1911 г.

Ссылаюсь на телеграммы №№ 1099 и 1100 [2].

Вчера имел с китайскими министрами предписанное мне объяснение, придерживаясь руководящих указаний императорского министерства. В отношении

---

[1] См. № 326.

[2] См. стр. 341, прим. 2.

посетившей Петербург монгольской депутации я счел осторожнее не касаться репрессии с китайской стороны, чтобы не показать китайцам, что мы допускаем возможность суровых мер против лиц, официально нами принятых. Я уклонился также от ответа на расспросы министров о подробностях приема депутации, ограничившись указанием, что беседа носила вполне корректный и дружественный Китаю характер. По существу дела китайские министры заявили, что Китай действительно желает поддержания дружелюбных отношений с Россией. Меры, принимаемые в Монголии, имеют целью культурное и экономическое развитие страны, не имеют политической подкладки и не направлены против России и русских интересов. Оппозиция монголов объясняется их косностью, часть князей, особенно живущих в Пекине, относится к реформам сочувственно. Что касается колонизации и военных мероприятий, то этот вопрос касается министерств военного и колоний, с которым они должны обсудить дело предварительно какого-либо ответа. Хотя в подкрепление моего заявления мной передана краткая записка, едва ли однако можно ожидать, что без давления китайцы пойдут на серьезный обмен мнений по вопросу, который они считают чисто внутренним. Весьма возможно, что сделанный нами шаг будет истолкован как тактический маневр перед началом переговоров по торговому договору [1].

Коростовец.

№ 367. Записка германского посла в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

[30/17 августа 1911 г.[2]]

Selon l'intention des deux parties contractantes l'article II, comme du reste tout l'accord [3], ne touche aucunement aux chemins de fer turcs. La phrase en question de même que la phrase de l'article V relative aux privilèges auxquels les deux parties contractantes s'engagent à se faire participer mutuellement, ne vise que la ligne Téhéran — Khanékin. Si dans cette phrase la ligne Khanékin — Bagdad est également mentionnée, c'est qu'on a voulu faire ressortir que cette ligne bénéficiera également des avantages dont jouira la ligne Téhéran — Khanékin grâce à la stipulation que les deux gouvernements s'engagent à ne pas entraver le trafic international sur cette dernière ligne.

Перевод.

Согласно намерению обеих договаривающихся сторон, статья II, как и все соглашение, никоим образом не касается турецких железных дорог. Фраза, о которой идет речь, так же как и фраза из статьи V касательно преимуществ, участие в которых обе договаривающиеся стороны обязуются предоставить друг другу, относится только к линии Тегеран — Ханекен. Если в этой фразе равным образом упоминается также и линия Ханекен — Багдад, то лишь для того, чтобы подчеркнуть, что и эта линия будет также пользоваться преимуществами, которые будут предоставлены линии Тегеран — Ханекен, в силу постановления, по которому оба правительства обязуются не препятствовать международной торговле на этой последней линии.

№ 368. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1148. 30/17 августа 1911 г.

Ваши письма [22] 9 августа [4] и телеграмма № 102 [5] получены.

Соображения, высказанные вами Кайо по поводу как положения, занятого Францией в споре с Германией, так и в особенности неблагоприятного впечатления, которое было бы произведено у нас разрывом между названными двумя державами, удостоились всемилостивейшего одобрения.

---

[1] См. № 100.
[2] На оригинале помета: «Передано гр. Пурталесом [30] 17 августа».
[3] См. № 343.
[4] См. №№ 352, 353 и 354.
[5] См. № 356.

Для французского правительства не должно быть сомнения в том, что военное столкновение из-за колониального вопроса не может вызвать у нас симпатичного Франции подъема настроения. С другой стороны, французскому правительству не может быть неизвестно, что предпринятые сравнительно недавно преобразования в нашем военном деле не могли еще быть доведены до конца. Следовательно, в техническом отношении и с точки зрения нашей военной готовности настоящий момент не может быть признан благоприятным для военных действий.

Изложенное побуждает нас отнестись с крайним сомнением к выгодности прибегнуть теперь же к военным мерам, тем более, что, даже в рамках только мобилизации наших войск, дело уже примет серьезные размеры, ввиду неизбежности австрийской мобилизации против нас.

Поэтому старания как России, так и Франции должны быть направлены к улажению вопроса в миролюбивом смысле [1].

Вам по высочайшему повелению поручается еще раз разъяснить вышеизложенное французскому правительству [2]. Наша дипломатическая помощь вполне ему обеспечена. Но, как показали обстоятельства, слишком настойчивые выступления наши в Берлине могли бы принести вред французским интересам. Поэтому казалось бы, что высказанная вами мысль о более активном выступлении Австро-Венгрии [3] в пользу мира и большей сговорчивости со стороны Германии заслуживала бы самого серьезного внимания и не только в решительный момент кризиса, но, может быть, и теперь, когда германское правительство не сказало еще своего последнего слова. Не будучи еще стеснено чувством самолюбия, оно охотнее прислушается к голосу своей союзницы, которая сама заинтересована в том, чтобы не быть вовлеченной в военные осложнения, и потому не откажет, вероятно, принять на себя инициативу и выступить в Берлине с дружеским предупреждением [4].

Мы не считаем возможным указывать способ обращения к Австро-Венгрии, но полагаем, что последняя внимательно следит, в собственных интересах, за ходом франко-германских переговоров и что некоторое, более детальное объяснение Франции с венским кабинетом, не будет противоречить установившимся добрым отношениям между ними.

Во всяком случае, попытка в этом смысле вреда делу не принесет, а выяснит отношение Австро-Венгрии к конфликту.

Благоволите в самой осторожной форме объясниться в сказанном смысле с французским правительством и о последующем телеграфировать [5].

С[огласен]. [Н е р а т о в.]

Петергоф, [30] 17 августа 1911 г.

---

[1] Слова: «Соображения, высказанные... миролюбивом смысле» вставлены вместо зачеркнутых: «Из них явствует, что французское правительство, решаясь отстаивать свои интересы даже силой оружия, рассчитывает на нашу не только дипломатическую, но и военную помощь, причем полагает, повидимому, что мы сочтем нужным избрать наступательный образ действий. Вы совершенно правильно отметили, что обязательства наши имеют оборонительный характер, ибо они ограничиваются мероприятиями мобилизационными в случае мобилизации германской армии. Но даже и в этих рамках причастность наша к нынешнему франко-германскому конфликту могла бы быть источником еще более серьезных событий ввиду неизбежной в таком случае мобилизации австро-венгерской армии против нас. У нас такой оборот дела произвел бы самое удручающее впечатление и никто не мог бы понять, что опасность войны проистекает от пререканий из-за колониальных вопросов».

[2] Далее зачеркнуто: «и прибавить, что мы вполне уверены, что оно приложит все старания к миролюбивому разрешению спора».

[3] См. № 350.

[4] Последующая часть публикуемой тел. вписана вместо зачеркнутого: «Об объяснениях ваших с французским правительством по этому предмету будем ожидать от вас сообщения по телеграфу.

Пребыванием генерала Дюбайля здесь мы воспользуемся для определения того, что французское военное министерство ожидает от нас в смысле военных мероприятий».

[5] Проект настоящей тел. был представлен Нератовым на утверждение Николаю II 30/17 авг. при докл. записке следующего содержания: «Во исполнение высочайших указаний вашего императорского величества, преподанных на вчерашнем совещании [см. № 359],

№ 369. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 30/17 августа 1911 г.

Cher Анатолий Анатольевич,

Mille remercîments pour votre lettre [1]. Je ne vous envoie pas grand'chose parce qu'en réalité depuis 15 jours rien d'essentiel ne s'est passé à Londres concernant la situation politique internationale.

Heureusement, l'indiscrétion du «Temps» [2] a, il me semble, passé tout à fait inaperçue. Le tout doit avoir été concerté à Paris par pièce et morceau. Il ne peut être question de Pétersbourg.

La campagne de presse allemande contre l'Angleterre fait ici du mauvais sang, plus réel qu'apparent dans la presse, et le discours de l'empereur Guillaume est loin d'avoir fait plaisir [3]. Comme preuve, je vous envoie un article de la «Westminster Gazette», paru hier [4]. Cette feuille a été jusqu'ici presque anti-française depuis Agadir et très fort sous l'influence de l'ambassade d'Allemagne.

D'ailleurs la situation n'a changé en rien. L'Angleterre fera une opposition très nette à des progrès allemands au Maroc, surtout à un port.

Quant au Congo, elle s'en désinteresse parfaitement et, je le sais, donne des conseils prudents à la France. Je crois qu'il peut être admis comme fait, que l'Angleterre, du moins sous le Cabinet actuel, ne vise aucune sorte d'expansion coloniale, même en Afrique. Mais elle défendra avec d'autant plus d'énergie les approches de ses domaines et ses routes de commerce.

Je ne vous fatiguerai pas à entrer dans les détails que je tiens de Cambon sur les instructions que son frère doit emporter à Berlin. Vous les connaissez comme moi. D'ailleurs mes informations datent d'une semaine et beaucoup de choses ont pu se passer depuis à Paris. En me donnant les détails d'un projet rédigé concernant le Maroc, Cambon appuya sur l'argument que jusqu'ici [on] avait causé Congo à satiété et seulement effleuré le Maroc. Qu'il était temps d'y mettre plus de précision, ce qui permettrait à la France de mesurer ses concessions au Congo. Quand il m'eut fait part de celles qu'on était disposé à faire actuellement, je lui ai dit qu'un protectorat aussi complet au Maroc me paraissait exiger plus de sacrifices au Congo.

Mon collègue me répondit: «Soyez sûr que ce n'est pas nous qui mettrons fin aux négociations».

Ce qui inspire des inquiétudes tant ici que, je crois, en France, c'est que l'Allemagne veuille se réserver une situation privilégiée à Souse avec les chemins de fer. Mr. de Schön en aurait déjà parlé, et Mr. de Metternich aussi m'a parlé avec quelqu'insistance de la grande difficulté d'établir la liberté économique au Maroc de façon acceptable pour l'Allemagne.

Ce point peut compliquer beaucoup les choses et je le redoute. La note plutôt optimiste prédomine ici comme à Paris. Je ne crois pas que l'impression du Foreign Office le soit autant. On continue à considérer la situation comme sérieuse, et je crois qu'on se prépare.

Pour le cas où les négociations entre l'Allemagne et la France viendraient à être rompues, je tiens de Mr. Cambon que Sir Ed. Grey compte proposer une conférence, sous quelle forme je ne sais pas. Grey ne m'en a pas parlé, mais il y a une semaine

---

приемлю смелость представить у сего проект телеграммы российскому послу в Париже, которая имеет послужить инструкцией для гофмейстера Извольского при предстоящих объяснениях его с французским правительством по поводу происходящих переговоров последнего с Германией».

[1] Письмо Нератова Бенкендорфу в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] Тел. от 20/7 авг. за № 191 Бенкендорф сообщал, что в газете «Temps» от 20/7 авг. были опубликованы подробности переговоров между Греем и росс. посольством в Лондоне; Бенкендорф выражал крайнее сожаление по этому поводу, так как в опубликованном сообщении, по его мнению, была частично использована его переписка.

[3] См. № 384.

[4] Приложение не воспроизводится.

que je ne l'ai vu, et il ne revient que la semaine prochaine. D'après Cambon Grey s'attendrait bien à ce que l'Allemagne refuse, quoique un refus pur et simple soit difficile à exprimer. Surtout il pense qu'une pareille proposition ferait gagner du temps et donnerait occasion à la reprise des négociations nouvelles. Sa pensée est basée sur son opinion que personne ne veut la guerre.

La grève, qui un moment menaçait de devenir fort sérieuse, moins que ne le disaient les journaux d'ailleurs, s'est terminée et constitue un succès marqué pour le ministère. D'ailleurs les partis se sont encore cette fois sagement abstenus d'en faire une question d'opposition politique, au contraire, la politique a été exclue et on est resté sur le terrain purement économique. Même l'attaque du Labour party contre le gouvernement n'a pas été bien sérieuse et plus pour sauver le prestige ébranlé du parti, qui est loin d'avoir été à la hauteur de la situation. Mr. Lloyd Georges est encore celui qui s'est montré le plus énergique, le plus pratique et le plus influent.

Ne m'en veuillez pas si je viens vous demander quelques informations plus particulières sur l'arrangement signé avec l'Allemagne. Je ne connais que le texte de presse et rien de plus. Autour de moi tant Mallet que Metternich paraissent en savoir plus long, ce qui m'embarrasse.

Pour ici le point important reste celui de la surtaxe de 4%. J'ai cru comprendre des paroles de Mallet que vous aviez touché ce point, mais ne sais pas en quels termes.

C'est là le point, je ne saurais assez le répéter, le plus délicat entre l'Angleterre et nous et le seul où l'arrangement avec l'Allemagne puisse être en conflit avec nos arrangements avec l'Angleterre. Je ne crois pas que la chose soit relevée ici. On y compte. Quant à la Perse, où décidément Barclay semble avoir été trop faible au début (et on le sent ici), Grey a toujours été convaincu qu'on finirait par s'expliquer, sans dommage pour la coopération, plus nécessaire que jamais.

J'en viens au soi-disant «succès» Kiderlen avec nous. Je trouve la note de la presse allemande un peu sourde. Metternich a été un peu obscur avec moi. J'ai compris qu'il y avait satisfaction dans le public allemand de ne voir figurer au traité rien sur des garanties pour nous en Asie Mineure, mais déception au point de vue politique générale. Je ne crois pas qu'en Allemagne on considère l'arrangement comme un réel succès diplomatique.

Il va de soi que je ne profiterai du congé que si l'atmosphère s'éclaircit.

Veuillez me croire, cher Анатолий Анатольевич, très sincèrement à vous.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Тысячу раз благодарю за ваше письмо. Я не пишу вам много, потому что в Лондоне за две недели действительно не произошло ничего существенного в области международного политического положения.

К счастью нескромность «Temps» кажется прошла совершенно незамеченной. Вероятно все было состряпано в Париже из разных кусков. О Петербурге не может быть и речи.

Кампания германской печати против Англии вызывает здесь раздражение более ощутимое, чем это отражено в прессе, и речь императора Вильгельма далеко не вызвала здесь удовольствия. В доказательство посылаю вам статью из «Westminster Gazette», напечатанную вчера. Эта газета до сих пор была почти антифранцузской со времени Агадира и находилась под сильным влиянием германского посольства.

Положение, впрочем, нисколько не изменилось. Англия будет определенно противодействовать успехам Германии в Марокко, особенно в отношении порта.

Что касается Конго, то Англия в нем совершенно не заинтересована и, я знаю, преподает Франции советы осторожности. Можно, мне кажется, признать фактом, что Англия, по крайней мере при теперешнем кабинете, не стремится к какому-либо расширению колоний, даже в Африке; но с тем большей энергией она будет защищать подступ к своим владениям и свои торговые пути.

Не буду утомлять вас сообщением переданных мне Камбоном подробностей относительно инструкций, с которыми его брат едет в Берлин. Они вам известны так же как и мне. Впрочем, мои сведения получены неделю назад и с тех пор в Париже могло произойти многое. Сообщая мне подробности проекта, составленного по марокканскому вопросу, Камбон подчеркнул то, что до сих пор о Конго говорилось очень много, тогда как о Марокко упоминалось лишь вскользь, что в этот вопрос пора внести больше ясности; это позволило бы Франции взвесить свои уступки в Конго. Когда он сообщил мне, какие уступки [Франция] склонна

сделать в настоящее время, я сказал, что, по моему мнению, столь полный протекторат над Марокко требует более крупных жертв в Конго.

Мой коллега ответил: «Будьте уверены, что не мы положим конец переговорам».

Как здесь, так, кажется, и во Франции, внушает беспокойство то, что Германия хочет создать себе привилегированное положение в области Сус в отношении железных дорог. Г. фон Шен как будто уже говорил об этом; так же и г. фон Меттерних с некоторой настойчивостью говорил мне о том, насколько трудно установить экономическую свободу в Марокко в форме, приемлемой для Германии.

Этот пункт может привести ко многим осложнениям, чего я и опасаюсь. Здесь, как и в Париже, преобладает скорее оптимистическое настроение. Не думаю, чтобы здешнее министерство иностранных дел вполне разделяло это настроение. Положение продолжает считаться серьезным и думаю, что делаются приготовления.

Я узнал от г. Камбона, что, в случае перерыва переговоров между Германией и Францией, сэр Э. Грей намеревается предложить конференцию, в какой форме — я не знаю. Грей мне не говорил об этом, но я не виделся с ним уже неделю, а он вернется только на будущей неделе. По словам Камбона, Грей вполне допускает, что Германия откажется, хотя формулировка прямого и безусловного отказа является затруднительной. Он полагает в особенности, что подобное предложение позволило бы выиграть время и дало бы возможность возобновить переговоры. Его мысль основана на убеждении, что никто не хочет войны.

Стачка, которая грозила одно время стать крайне серьезной,— хотя и не в такой степени, как уверяли газеты,— теперь окончилась и является явным успехом для министерства. Впрочем, и на этот раз партии благоразумно воздержались от превращения ее в вопрос политической борьбы, наоборот, политика была совершенно исключена и вопрос оставался на чисто экономической почве. Даже атака рабочей партии на правительство была не особенно серьезной и имела преимущественно целью спасти подорванный престиж партии, оказавшейся далеко не на высоте положения. Г. Ллойд-Джордж показал себя еще раз самым энергичным, самым практичным и самым влиятельным.

Не посетуйте на меня, если я попрошу у вас некоторых более подробных сведений о соглашении с Германией. Я знаю лишь газетный текст и ничего более. Вокруг меня — как Маллет, так и Меттерних,— как будто бы знают больше, и это ставит меня в неудобное положение.

Вопрос о 4% надбавке остается для Лондона важным пунктом. Насколько я понял со слов Маллета, вы затронули этот пункт, но не знаю, в каких выражениях.

Настойчиво повторяю, что это — самый деликатный вопрос в наших отношениях с Англией и единственный пункт, в котором соглашение с Германией может оказаться противоречащим нашим соглашениям с Англией. Не думаю, чтобы здесь стали поднимать этот вопрос. На этом строят расчеты. Что касается Персии, где Барклай вначале был несомненно слишком слаб (и здесь это чувствуют), то Грей всегда был убежден, что тут можно столковаться без ущерба для совместной деятельности, более необходимой, чем когда-либо.

Перехожу к так называемому «успеху» Кидерлена в отношениях с нами. По-моему, тон германской печати немного глух. Меттерних, говоря со мной, выражался несколько туманно. Я понял, что общественное мнение Германии удовлетворено тем, что в договоре не упоминается ничего о каких-либо гарантиях для нас в Малой Азии, но разочаровано с точки зрения общей политики. Не думаю, чтобы в Германии считали это соглашение настоящим дипломатическим успехом.

Само собой разумеется, что я воспользуюсь отпуском только в том случае, если атмосфера прояснится.

Прошу вас, дорогой Анатолий Анатольевич, верить моей искренней преданности.

Бенкендорф.

№ 370. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 30/17 августа 1911 г.

Cher Анатолий Анатольевич,

Mr. Daeschner, chargé d'affaires de France, sort de chez moi. Il est venu me lire une lettre de Mr. Paul Cambon en date d'hier. En voici à peu près la teneur:

«Mes impressions du jour et *celles de mon frère sont mauvaises*. L'optimisme de la presse n'a aucun fondement. Il faut espérer que la réaction pessimiste qui interviendra d'ici deux semaines inévitablement n'en aura pas plus. Mr. de Schön n'a rien apporté qui facilite les choses».

Puis des détails de date. La première entrevue Jules Cambon — Kiderlen lundi prochain [1]. Esprit public en France excellent etc., rien de saillant. Paul Cambon sera ici dimanche, je le verrai et vous télégraphierai s'il y a lieu. Mais veuillez prendre en considération, que par prudence, à toute bonne fin, je donnerai à mes

[1] 4 сент./22 августа.

télégrammes une rédaction mitigée, si mes informations signalent du danger pour la paix.

Encore une fois veuillez me croire sincèrement à vous.

Benckendorff.

D'après un télégramme de presse, «le Matin» aurait déjà un article fort pessimiste.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Г. Дешнер, поверенный в делах Франции, только-что был у меня. Он приходил прочесть мне письмо г. Поля Камбона от вчерашнего дня.

Содержание его приблизительно следующее:

«Мои сегодняшние впечатления и *впечатления моего брата плохи.* Оптимизм прессы не имеет никаких оснований. Надо надеяться, что пессимистическая реакция, которая наступит здесь неизбежно недели через две, будет иметь не более [оснований]. Г. фон Шен не привез ничего, что могло бы облегчить положение».

Затем подробности текущего дня. Первое свидание Жюля Камбона с Кидерленом — в понедельник. Настроение общественного мнения во Франции прекрасное и т. д., ничего выдающегося. Поль Камбон будет здесь в воскресенье, я увижусь с ним и, если будет нужно, буду вам телеграфировать. Но прошу принять во внимание, что, осторожности ради, я дам своим телеграммам, на всякий случай, смягченную редакцию, если по моим сведениям миру будет грозить опасность.

Еще раз прошу вас верить моей искренней преданности.

Бенкендорф.

Согласно телеграфного сообщения в прессе, «Matin» уже поместил крайне пессимистическую статью.

№ 371. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 30/17 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вам уже известно, что во время настоящего перерыва франко-германских переговоров между г. де Сельвом и здешним германским послом продолжались как бы частные разговоры [1], от которых, казалось, было трудно ожидать каких-либо практических результатов. Г. де Сельв воспользовался этими разговорами, чтобы заблаговременно и в неофициальной форме ознакомить германское правительство как с французскими требованиями касательно Марокко, так и с пределами возможных со стороны Франции территориальных уступок; со своей стороны, барон фон Шен в такой же форме осведомил г. де Сельва об общем настроении берлинского кабинета. Хотя с его стороны не было сделано никаких определенных заявлений о приемлемости или неприемлемости французских условий, г. де Сельв вынес из этого обмена мыслей несколько более оптимистический взгляд на судьбу дальнейших переговоров. Французский министр иностранных дел сказал мне, что ныне, после разговоров с германским послом, он пришел к заключению, что Германия, так же как и Франция, желает избегнуть разрыва и ищет лишь возможно более широких компенсаций за окончательный отказ от Марокко. Это внушает ему надежду на соглашение, ибо предложения, с которыми г. Камбон возвращается в Берлин, удовлетворяют главнейшим пожеланиям Германии о доступе к морю и реке Конго и предоставляют ей не только исправление границы, но крупное приращение территории Камеруна. Ответ Германии на эти предложения покажет, действительно ли Германия желает полюбовного соглашения. Почти столь же оптимистически высказался передо мной г. Камбон, который предвидит еще со стороны Германии упорный торг, но рассчитывает в конце концов найти почву для соглашения. Он рассказал мне, со свойственным ему остроумием, главные перипетии своих пререканий с г. Кидерленом, который, по его словам, несколько раз доходил до крайнего раздражения и которого он

[1] См. № 356.

считает весьма серьезно больным человеком. Много вреда принесли с обеих сторон различные «колониальные» элементы, а еще более — безответственные журналисты; в общем, по его мнению, двухнедельный перерыв оказался несомненно благотворным, впустив, по его выражению, в душную комнату «струю свежего воздуха». Оптимистическое настроение гг. де Сельва и Камбона отразилось и на французской печа́ти, которая за последние дни выказывает бо́льшую сдержанность; такое же настроение замечается сейчас и со стороны главнейших германских газет, так что в общем предстоящее на-днях возобновление переговоров совершится, повидимому, при улучшившихся условиях.

С удовольствием отмечая вышеуказанные благоприятные симптомы, я не могу однако не присовокупить, что в сущности они не имеют вполне реального значения. Барон фон Шен, как вам известно, отличается мягкостью форм и всячески старается завоевать личные симпатии французских правительственных и общественных кругов; с самого начала настоящего кризиса он довольно ясно давал понять, что не одобряет крутого поступка г. Кидерлена, и всегда высказывался в пользу мирного разрешения спора. Но влияние его в Берлине ограничено, и весьма возможно, что даваемые им успокоительные заверения будут опровергнуты фактами. Я боюсь поэтому со своей стороны предаваться чрезвычайному оптимизму и думаю, что необходимо считаться, если не с вероятностью, то во всяком случае с возможностью неудачи переговоров и с наступлением критического фазиса в настоящем деле.

Из предыдущих моих писем[1] вам уже известны мои наблюдения над проявлениями французского общественного мнения; нынешнее его настроение резко отличается от того, которое господствовало семь лет тому назад, при первых недоразумениях с Германией по поводу Марокко. Насколько тогда здесь панически боялись войны, настолько теперь к возможности вооруженного столкновения относятся со спокойствием и серьезной решимостью. В то время о Марокко заботилась лишь небольшая группа колониальных деятелей; теперь, под влиянием германских придирок, к этой стране проявляется интерес широких кругов: по выражению одной газеты «Le Maroc n'était pas populaire, mais il l'est devenu»[2]. С 1905 г. в области как сухопутных, так и морских военных сил произведена обширная работа, и в сознании народа Франция обладает армией и флотом, вполне равными с армией и флотом Германии. Спокойная решимость, о которой сказано выше, наблюдается в самых различных партиях и слоях населения; в этом отношении большое впечатление производят решения и заявления провинциальных советов, с замечательным единодушием высказывающихся в пользу твердости в споре с Германией. Все это, вместе взятое, создает такое положение, при котором правительство рискует, в случае чрезмерной уступчивости, вызвать взрыв всеобщего негодования и быть опрокинутым палатами. На этих днях президент совета министров, г. Кайо, и министр колоний, г. Лебрен, выступив с речами в провинции, должны были употребить хотя и вполне умеренные, но твердые выражения и заявить, что они стремятся к сохранению мира, но лишь такого, который отвечал бы достоинству и жизненным интересам Франции. Г. де Сельв и г. Делькассе сказали мне, что они получают массу писем из всех концов Франции с изъявлением готовности отстаивать французскую точку зрения с оружием в руках.

Таким образом, если бы берлинские переговоры окончились неудачей, здесь создастся настроение, весьма мало благоприятное для третейского суда или посредничества, о котором мне говорил г. Кайо. Со времени моего разговора с ним я имел случай, в весьма осторожной форме и совершенно частным образом, беседовать об этом предмете с гг. де Сельв и Ж. Камбон. Ни тот, ни другой не высказались в пользу мысли г. Кайо; г. де Сельв сказал мне, что, по его мнению, французская публика слишком проникнута убеждением в полной солидарности России с французскими интересами, чтобы уразуметь ее в роли третейского

---

[1] См. №№ 350 и 354.

[2] «Вопрос о Марокко не был популярным, но теперь он стал таким».

судьи или посредника; г. Ж. Камбон вполне с этим согласен и, кроме того, предвидит, что наше выступление в Берлине вызовет там резкий отпор. Вместе со мной г. Ж. Камбон считает, что в роли посредника между Францией и Германией может выступить лишь одно лицо — император Франц-Иосиф, и то лишь в том случае, если выступление это будет вполне самоличным, ибо граф Эренталь не пользуется ни доверием, ни симпатиями Берлина.

Примите и пр.

Извольский.

№ 372. Протокол совещания начальников российского и французского генеральных штабов [1].

31/18 августа 1911 г.

Par application du paragraphe 1-er de l'article 4 de la convention militaire du 17 août 1992 [2], les chefs d'État-major des armées russe et française se sont réunis en conférence à Krasnoé Sélo le 31/18 août 1911. L'attaché militaire français était présent en qualité de secrétaire.

Les divers points de la convention ont été successivement examinés par les conférants et ont donné lieu aux échanges de vues ci-après.

Préambule.

Les deux chefs d'État-major déclarent d'un commun accord que les mots «guerre défensive» ne sauraient être interpretés dans le sens de «guerre que l'on conduira défensivement». Ils affirment au contraire la nécessité absolue pour les armées russe et française de prendre une offensive vigoureuse et, autant que possible, simultanée, conformément au texte de l'article 3 de la convention, aux termes duquel «les forces des deux Puissances contractantes s'engagent à fond et en toute diligence» [3].

Article 1.

Mêmes observations que dans la conférence de 1910, ainsi conçues:

«Les deux chefs d'État-major, confirmant le point de vue des conférences antérieures, sont parfaitement d'accord sur ce point que la défaite des armées allemandes reste, quelles que soient les circonstances, le premier et le principal objectif des armées alliées».

Article 2.

Mêmes observations que dans la conférence de 1910, ainsi conçues:

«Les conférants expriment à nouveau d'un commun accord l'avis formulé dans l'entretien du 21/8 avril 1906 (paragr. 2 du chapitre 1) que la mobilisation de l'armée allemande oblige la Russie et la France à mobiliser immédiatement et simultanément toutes leurs forces à la première nouvelle de l'événement et sans qu'il soit besoin d'un concert préalable, mais, qu'en cas de mobilisation partielle ou même générale de l'Autriche ou de l'Italie seules, ce concert leur paraît indispensable. Ils conviennent donc de prier leurs gouvernements respectifs de vouloir bien préciser ce point qui a déjà éveillé l'attention de leurs prédécesseurs» [3].

Article 3.

Partageant l'opinion de leurs prédécesseurs, les conférants, d'un commun accord, pensent que l'Allemagne dirigera la plus grande partie de ses forces contre la France et ne laissera qu'un minimum de troupes contre la Russie.

Mr. le général Dubail expose que de nouveaux arguments à l'appui de cette appréciation sont donnés par les améliorations apportées récemment par les Alle-

---

[1] Рукописная копия. Опубл. М., стр. 697, и Stieve, I, S. 137, N 117.
На публикуемом документе имеется помета: «На русском переводе надпись: «Доложено его величеству [22] 9 января 1912 г. Генерал-от-кавалерии Сухомлинов».

[2] Так в оригинале. Следует читать: «1892 г.»

[3] В оригинале заключительные кавычки опущены.

mands à leur réseau de chemins de fer de l'Ouest (voies, chantiers, quais de débarquement) et par les fortifications élevées sur la frontière française.

Le chef d'État-major français développe ensuite les considérations suivantes:

De ce que l'on sait de la mobilisation et de la concentration allemandes on peut conclure que les premières grandes rencontres se produiront vraisemblablement en Lorraine, Luxembourg et Belgique du 15-e au 18-e jour.

L'armée française aura à ce moment un effectif supérieur aux 1 300 000 hommes prévus par l'article 3 de la convention.

On croit savoir que les Allemands conduiront les hostilités avec la dernière énergie, de manière à imposer, dès le premier jour, leur volonté à l'adversaire et à obtenir la décision, ou tout au moins à réduire les Français à la défense. En cas de succès ils auraient ainsi la possibilité de reporter en temps utile la majeure partie de leurs forces contre les Russes.

L'État-major français a des raisons de croire que dans les circonstances actuelles (août 1911), si l'Allemagne provoquait la guerre, elle ne serait immédiatement suivie ni par l'Autriche, ni par l'Italie.

Mr. le général Gilinsky admet qu'il en serait ainsi pour l'Italie, mais qu'il croit au contraire que les Autrichiens seront tenus de prendre fait et cause pour les Allemands, ne fût ce que par reconnaissance pour l'appui prêté par ces derniers à l'Autriche dans la Bosnie et dans l'Herzégovine.

Mr. le général Dubail, continuant son exposé, indique les grandes lignes de la mobilisation et de la concentration françaises.

Il montre que l'armée française se concentre aussi rapidement que l'armée allemande et que, dès le 12-e jour, elle en est en mesure de prendre l'offensive contre l'Allemagne, avec l'aide de l'armée anglaise à son aile gauche.

La France est donc prête à marcher dans le sens strictement indiqué par l'article 3 de la convention militaire de 1892. Toutefois, pour être assurée du succès il est nécessaire qu'elle reçoive l'aide simultanée et effective de l'armée russe.

Il faut en un mot, que l'Allemagne soit attaquée *en même temps* à l'Ouest et à l'Est.

Etant données les différences profondes qui existent dans la situation géographique, économique, politique et militaire de nations alliées, la difficulté a toujours été de se rapprocher de cette simultanéité qui répond à un idéal actuellement irréalisable.

Dès 1900, l'État-major russe, se conformant à cette manière de voir, s'engageait à attaquer le 18-e jour avec un premier échelon suffisant pour combattre victorieusement cinq ou six corps d'armée allemands, appuyés d'un certain nombre de divisions de réserve.

En 1908 obéissant aux mêmes préoccupations, il envisageait les moyens à prendre pour donner aux Allemands *dès le début d'une guerre le plus d'inquiétudes possible sur leur frontière orientale.*

Il semble que la nouvelle répartition des troupes russes en temps de paix entraîne certaines difficultés au point de vue d'une prompte intervention dès le début d'une campagne.

En 1910, en effet, le passage de la frontière était indiqué comme devant avoir lieu seulement vers le 20-e jour.

L'État-major français ne peut que confirmer encore une fois l'opinion émise à plusieurs reprises dans les conférences antérieures:

Pour lui, le but à poursuivre pour les armées russes consiste à obliger l'Allemagne à maintenir le plus de forces possible sur sa frontière orientale.

Ce but, qui fait le fond même de la convention militaire de 1892, ne peut être atteint que *par l'offensive.*

L'effet de cette offensive sera d'autant plus certain qu'elle se produira *plus tôt*, s'effectuera avec *le plus de forces* et prendra une *direction plus dangereuse* pour l'adversaire.

Dans ces conditions, étant admis d'un commun accord par les conférants que les Allemands dirigeront la masse principale de leurs forces contre la France, le chef

d'État-major français exprime le désir qu'on se rapproche le plus possible de la disposition consistant à prendre l'offensive avec un premier échelon dès le 18-e jour, peut-être même ce délai pourrait il être réduit, grâce aux progrès récents introduits dans la mobilisation et la concentration russes.

Mr. le général Dubail termine son exposé en disant qu'il n'ignore pas les motifs divers qui ont obligé la Russie à reviser la répartition du temps de paix de ses troupes sur son territoire. Il rend un sincère hommage aux efforts faits depuis trois ans par la Russie pour renforcer sa puissance militaire et il est heureux de constater l'amélioration produite dans l'ensemble de l'armée amie et alliée par les dernières modifications apportées à la mobilisation.

Mr. le général Gilinsky expose à son tour le point de vue du côté de la Russie:

Il affirme tout d'abord hautement la volonté du gouvernement impérial de remplir scrupuleusement les obligations que lui impose la convention.

Mr. le général Dubail s'empresse de déclarer qu'il apprécie à toute sa valeur la loyauté de cette déclaration à un moment où des difficultés surgissent à propos des affaires marocaines et où l'on ne peut encore se rendre un compte exact des véritables intentions de l'Allemagne.

Mr. le général Gilinsky ajoute que, étant données les menaces actuelles d'un conflit, l'État-major russe a le devoir d'éclairer exactement l'État-major français sur l'état présent de l'armée russe.

Celle-ci poursuit sa réorganisation consécutive à la guerre de Mandchourie; mais cette transformation n'a commencé réellement qu'en 1908, c'est à dire il y a quatre ans. Un grand nombre d'améliorations sont en voie d'exécution; mais tout en procédant avec la plus grande diligence, l'armée russe n'aura son complet en artillerie lourde de campagne qu'en 1913, en mitrailleuses qu'en 1914, en nouvelles munitions d'infanterie qu'en 1916. En outre l'équipement fait actuellement défaut pour la majeure partie des régiments de réserve. Mr. le général Gilinsky donne sur ces points des indications détaillées avec chiffres à l'appui.

Il ajoute que lorsque l'armée russe aura terminé sa réorganisation, elle mettra en ligne un effectif bien supérieur aux 800 000 hommes prévus par la convention.

Mais il convient de remarquer que l'Autriche a fait de grands progrès au point de vue militaire. Sa mobilisation s'opère maintenant aussi rapidement que celle de l'armée russe, et sa concentration se fait plus près de la frontière. Contrairement à ce qui avait lieu jusqu'ici, l'État-major russe est conduit à admettre que l'Autriche serait en mesure de prendre l'offensive avant les troupes russes destinées à lui faire face.

Dans ces conditions la Russie ne paraît pas en état de soutenir avant deux ans au moins une guerre contre l'Allemagne avec la certitude du succès. Elle serait certainement en mesure de parer des coups, peut-être moins d'en porter de décisifs.

Néanmoins, quelles que soient les lacunes signalées ci-dessus dans la préparation à la guerre de l'armée russe, l'État-major ami et allié se déclare prêt à satisfaire dans la plus grande mesure possible aux desiderata exprimés par l'État-major français.

Mr. le général Gilinsky déclare notamment que les troupes de l'armée active mobilisées auront, à l'exception des derniers éléments des trains et convois, terminé leur concentration à la frontière le 15-e jour et que l'on s'efforcera *de prendre l'offensive dès cette date* sans attendre les derniers éléments dont il s'agit et qui ne seront au complet que le 20-e jour.

Mr. le général Gilinsky estime que les mesures prises par l'État-major russe forceront les Allemands à laisser au moins cinq à six corps d'armée sur leur frontière Est, ainsi que le demande l'État-major français. Il donne en outre des indications de détail sur la mobilisation et la concentration de l'armée russe (effectifs, dates de préparation, dispositif général de concentration).

Mr. le général Dubail remercie Mr. le général Gilinsky de la sincérité de ses explications sur l'état de préparation actuel de l'armée russe et se déclare pleine-

ment satisfait d'une offensive qui commencera aussitôt après le 15-e jour et serait de nature à maintenir au moins cinq à six corps d'armée allemands sur la frontière de la Prusse orientale.

Article 4.

Les chefs d'État-major reproduisent sans changement les six premiers paragraphes des observations concernant l'article 4 dans la conférence 1910 et qui sont ainsi conçus:

«Les conférants admettent d'un commun accord les points suivants:

1) Les conférences entre les deux chefs d'État-major seront périodiques et, en principe, annuelles;

2) En outre on se concertera toutes les fois que l'un des États-majors en exprimera le désir;

3) Le procès verbal de la conférence sera soumis à l'approbation du gouvernement de chaque pays en demandant le visa du ministre de la guerre et du président du conseil des ministres, de sorte que les chefs d'État-major des armées alliées puissent s'appuyer sur ce document dans la réalisation des améliorations désirables;

4) Il sera donné une forme plus suivie et plus complète aux échanges de renseignements entre les États-majors.

En particulier, avant chaque conférence, on échangera l'indication des points que l'on se propose d'examiner».

Les chefs d'État-major insistent en particulier pour que les procès verbaux des conférences soient soumis à la ratification des deux gouvernements.

En ce qui concerne les voies et moyens de correspondre en temps de guerre, les conférants sont d'accord pour admettre que la préférence doit être accordée à la télégraphie sans fil.

La ligne Paris-Bobrouïsk fonctionne d'une manière satisfaisante dans les deux sens. Il est toutefois désirable de mettre dans le poste de Bobrouïsk des appareils plus forts pour s'opposer avec succès à un brouillage systématique.

Le poste de Sébastopol ne fonctionne pas régulièrement. L'État-major russe déclare qu'on se propose de l'abandonner entièrement à la marine, à qui il appartient et qui l'absorbe presque sans interruption pour son propre service, et d'établir sur les bords de la mer Noire, ailleurs qu'à Sébastopol, un autre poste qui appartiendra uniquement à la guerre.

Le chiffre du temps de paix est en service depuis 1910 [1]. Mr. le général Dubail fait connaître que le chiffre du temps de guerre sera vraisemblablement prêt dans un mois.

Les conférants sont d'avis de réunir à nouveau, au commencement d'octobre prochain, les membres techniciens de la commission franco-russe pour lui faire étudier sur place les mesures de détail à prendre pour que les quatre postes Bobrouïsk, Paris, mer Noire, Bizerte soient à même d'assurer leur service. La commission des techniciens tiendrait ses réunions à Bobrouïsk, puis en Crimée et l'on continuerait ensuite à Paris et à Bizerte, si celà paraît nécessaire.

Les autres moyens prévus et organisés pour correspondre en temps de guerre sont les suivants:

1) Emissaires faisant la navette entre la Belgique et le Danemark. On se propose maintenant d'établir cette communication par l'Angleterre et le Danemark.

2) Télégraphe par les Etats-Unis et l'océan Pacifique ou par la Méditerrannée et la Turquie.

L'idée d'un cable direct entre la France et la Russie a été abandonnée. Il en est de même de celle de lignes des pigeons voyageurs.

Article 5.

Mêmes observations que dans la conférence de 1910, qui sont ainsi conçues:

«Les conférants sont d'accord que l'article 5 oblige les contractants non seulement à ne pas faire la paix, mais encore à ne pas cesser les opérations ni conclure un armistice individuellement».

---

[1] У Stieve: «1911».

*

Article 6.

L'article 6 reste abrogé.

Conformément à l'accord diplomatique du mois d'août 1899 rappelé au chapitre 1 de l'entretien du 2 juillet /19 juin 1900, la convention aura la même durée que les accords diplomatiques actuellement en vigueur et dont elle est le complément.

Article 7.

Sans observations.

Signé:

Le chef d'État-major général de l'armée russe J. Gilinsky.

Le chef d'État-major de l'armée française Dubail.

Vu: le ministre de la guerre Messimi.

С подлинным верно:

Начальник генерального штаба генерал-от-кавалерии Жилинский.

Перевод.

Во исполнение параграфа 1 статьи 4 военной конвенции от 17 августа 1892 г. начальники штабов армий русской и французской собрались на конференцию в Красном Селе 31/18 августа 1911 г. Французский военный атташе присутствовал в качестве секретаря.

Различные пункты конвенции были последовательно рассмотрены участниками совещания и послужили поводом к нижеследующему обмену мнений.

Введение.

Оба начальника генеральных штабов заявляют с обоюдного согласия, что слова «оборонительная война» не могут быть поняты в том смысле, что «война будет вестись оборонительно». Напротив, они утверждают, что для русских и французских армий является безусловной необходимостью предпринять энергичное и по возможности одновременное наступление согласно тексту параграфа 3 конвенции, по условиям которого «силы двух договаривающихся держав выступают полностью и со всей быстротой».

Статья 1.

Те же замечания, что на конференции 1910 г., которые гласят:

«Оба начальника генеральных штабов, подтверждая точку зрения предыдущих совещаний, вполне согласны с тем, что поражение германских войск остается при всяких обстоятельствах первой и основной целью союзных войск».

Статья 2.

Те же замечания, что на конференции 1910 г., которые гласят:

«Участники совещания снова с общего согласия выражают мнение, сформулированное на заседании 21/8 апреля 1906 г. (параграф 2 статьи 1-й), что мобилизация германской армии обязывает Россию и Францию одновременно и немедленно мобилизовать все их силы при первом известии о германской мобилизации и без предварительного соглашения, но в случае частичной или даже всеобщей мобилизации только Австрии или Италии, такое соглашение представляется им необходимым. Поэтому они согласились просить свои правительства уточнить этот пункт, уже обративший на себя внимание их предшественников».

Статья 3.

Разделяя мнение своих предшественников, участники совещания полагают, что Германия направит наибольшую часть своих сил против Франции и оставит только минимальную часть своих войск против России.

Генерал Дюбайль заявляет, что такая оценка положения подтверждается новыми аргументами, а именно недавно произведенными немцами усовершенствованиями сети западных железных дорог (подъездные пути, мастерские, погрузочные платформы) и укреплениями, возведенными на французской границе.

Начальник французского генерального штаба развивает затем следующие соображения:

Из того, что известно о германской мобилизации и концентрации [германских войск], можно заключить, что первые крупные столкновения произойдут, вероятно, в Лотарингии, Люксембурге и Бельгии на 15—18 день.

Наличный состав французской армии будет в это время превышать 1 300 000 человек, предусматриваемых параграфом 3 конвенции.

Предполагают, что немцы будут вести военные действия крайне энергично, чтобы с первых же дней подчинить противника своей инициативе и добиться решающего успеха или, по крайней мере, свести действия французов к обороне. В случае успеха они таким образом будут иметь возможность перебросить в нужный момент большую часть своих сил против России.

Французский генеральный штаб имеет основание полагать, что при теперешних обстоятельствах (август 1911 г.), в случае, если Германия спровоцирует войну, ни Австрия, ни Италия не последуют за ней немедленно.

Генерал Жилинский допускает, что это верно относительно Италии, но относительно австрийцев он думает, что они, напротив, должны будут принять сторону немцев, хотя бы из благодарности за поддержку, оказанную этими последними Австрии в отношении Боснии и Герцеговины.

Генерал Дюбайль, продолжая свое изложение, обрисовывает основные черты мобилизации и концентрации французских войск.

Он указывает, что французская армия концентрируется так же быстро, как и немецкая, и что с помощью английской армии на своем левом фланге она уже на 12-й день будет готова предпринять наступление против Германии.

Итак Франция готова выступить, точно придерживаясь параграфа 3 военной конвенции 1892 года. Однако, для уверенности в успехе, необходимо, чтобы она получила немедленную и эффективную помощь со стороны русской армии.

Одним словом, надо, чтобы Германия была *одновременно* атакована с востока и с запада.

Принимая во внимание глубокое различие, существующее в географическом, экономическом, политическом и военном положениях союзных наций, всегда было затруднительно осуществить эту одновременность действия, являющуюся в настоящее время недостижимым идеалом.

С 1900 г. русский генеральный штаб, сообразуясь с этой точкой зрения, обязывался послать в атаку на 18-й день первый эшелон, достаточный для того, чтоб победоносно сразиться с пятью или шестью германскими корпусами, опирающимися на известное количество резервных дивизий.

В 1908 г., в силу тех же соображений, он предусматривал меры, способные причинить Германии *с самого начала войны возможно больше беспокойства на ее восточной границе.*

Повидимому, новое размещение русских войск в мирное время поведет за собой некоторые затруднения в смысле быстрого выступления с самого начала кампании.

Действительно, в 1910 г. переход через границу был назначен только на 20 й день.

Французский генеральный штаб может лишь вновь подтвердить мнение, неоднократно высказывавшееся на предыдущих конференциях.

По его мнению, цель, которую должны преследовать русские войска, заключается в том, чтобы заставить Германию содержать возможно большее количество сил на ее восточной границе.

Эта цель, составляющая основу военной конвенции 1892 г., может быть достигнута только *путем наступательных действий.*

Эффект этого наступления будет тем действительнее, чем оно произойдет *раньше*, будет выполнено с *наибольшим количеством сил* и примет *наиболее опасное направление* для противника.

При этих условиях, — поскольку участники совещания согласны с тем, что немцы направят свои главные силы против Франции, — начальник французского генерального штаба выражает пожелание, чтобы возможно ближе придерживались плана, заключающегося в том, чтобы перейти к наступательным действиям первым эшелоном на 18-й день; возможно даже, что этот срок сможет быть сокращен благодаря достигнутым недавно успехам в мобилизации и концентрации русских войск.

Заканчивая свой доклад, генерал Дюбайль говорит, что ему известны мотивы, заставившие Россию пересмотреть расположение войск на своей территории в мирное время. Он отдает должное усилиям, сделанным за последние три года Россией для укрепления ее военной мощи, и счастлив констатировать улучшение состояния всей дружественной и союзной армии в результате последних изменений, введенных в отношении мобилизации.

Генерал Жилинский в свою очередь излагает точку зрения России:

Прежде всего он подтверждает волю императорского правительства точно выполнить обязательства, налагаемые на него конвенцией.

Генерал Дюбайль спешит заявить, что он оценивает во всей его полноте лойяльность этого заявления в момент, когда возникают затруднения из-за марокканских дел и когда нельзя еще дать себе точный отчет в истинных намерениях Германии.

Генерал Жилинский добавляет, что, принимая во внимание настоящую угрозу конфликта, русский генеральный штаб обязан точно ознакомить французский генеральный штаб с истинным положением русской армии.

Таковая проводит свою реорганизацию после войны в Манчжурии; но фактически это преобразование началось только с 1908 г., т. е. всего четыре года назад. Многие усовершенствования находятся на пути к осуществлению, но даже действуя с наибольшей поспешностью, русская армия сможет иметь полный комплект тяжелой полевой артиллерии только в 1913 г., пулеметов—в 1914 г., снаряжения нового типа для пехоты—в 1916 г. Кроме того, в данное время не имеется обмундирования для большинства резервных полков. Генерал Жилинский дает по этим пунктам точные указания и подтверждает их цифровыми данными.

Он добавляет, что когда русская армия закончит свою реорганизацию, она выставит наличный состав войска значительно превышающий 800 000 человек, предусмотренных конвенцией.

Но следует отметить, что Австрия сделала крупные успехи с военной точки зрения. Ее мобилизация проводится теперь так же быстро, как мобилизация русской армии, а концентрация ее войск происходит ближе к границе. В противоположность тому, что было до сих пор, русский генеральный штаб принужден допустить, что Австрия будет готова к наступательным действиям раньше чем русские войска, которым придется с ней сражаться.

При этих условиях Россия не будет, повидимому, в состоянии по крайней мере раньше чем через два года вести войну с Германией с уверенностью в успехе. Конечно, она сможет отражать удары, но навряд ли она будет в состоянии сама наносить решительные удары.

Тем не менее, каковы бы ни были эти, указанные выше, пробелы в готовности русской армии к войне, дружественный и союзный генеральный штаб заявляет, что он готов удовлетворить в самой широкой мере все пожелания, высказанные французским генеральным штабом.

В частности, генерал Жилинский заявляет, что мобилизованные войска действующей армии, за исключением последних частей, поездов и обозов, закончат свою концентрацию на границе на 15-й день и [командование] постарается *начать наступление с этого дня*, не ожидая упомянутых выше последних частей, которые будут готовы не раньше, чем на 20-й день.

Генерал Жилинский полагает, что меры, принятые российским генеральным штабом, принудят немцев оставить на их восточной границе по крайней мере пять или шесть корпусов, как этого просит французский генеральный штаб. Кроме того он сообщает детальные сведения относительно мобилизации и концентрации русских войск (наличный состав, сроки готовности, общий план концентрации).

Генерал Дюбайль благодарит генерала Жилинского за его откровенные объяснения о состоянии современной готовности русской армии и заявляет, что будет вполне удовлетворен, если наступление начнется тотчас же после 15-го дня и будет способно удержать, по крайней мере, пять или шесть корпусов германской армии на границе восточной Пруссии.

Статья 4.

Начальники генеральных штабов воспроизводят без изменений шесть первых параграфов замечаний, относящихся к статье 4 конференции 1910 г. и гласящих:

«Участники конференции принимают с общего согласия следующие пункты:

1) Конференции между обоими начальниками генеральных штабов будут периодическими и, в принципе, ежегодными.

2) Кроме того, совещания будут иметь место каждый раз, когда один из генеральных штабов выразит на это желание.

3) Протокол конференции будет представлен на одобрение правительства каждой страны и на визу военного министра и председателя совета министров для того, чтобы начальники генеральных штабов союзных армий могли базироваться на этом документе при осуществлении желательных улучшений.

4) Обмену информациями между генеральными штабами будет придана более последовательная и более полная форма.

В частности, перед каждой конференцией каждая сторона укажет пункты, предназначенные к рассмотрению».

Начальники генеральных штабов в особенности настаивают на том, чтобы протоколы совещаний представлялись на утверждение обоих правительств.

Что касается путей и средств сношения в военное время, то участники конференции согласились отдать предпочтение беспроволочному телеграфу.

Линия Париж—Бобруйск функционирует удовлетворительно в обоих направлениях. Желательно, однако, поставить в Бобруйске более сильные аппараты, во избежание систематических искажений.

Севастопольский пункт работает нерегулярно. Российский генеральный штаб заявляет, что этот пункт предполагается передать в исключительное пользование морского ведомства, которому он принадлежит и которое пользуется им почти беспрерывно для собственных надобностей; на побережьи Черного моря предполагается установить, помимо Севастополя, другой пункт, который будет служить исключительно военным целям.

Шифр мирного времени действует уже с 1910 года. Генерал Дюбайль сообщает, что шифр военного времени будет, вероятно, готов через месяц.

Участники конференции согласны вновь созвать в начале будущего октября совещание членов технической франко-русской комиссии, чтобы на месте подробно изучить, какие меры нужно принять, дабы обеспечить правильное функционирование четырех пунктов: Бобруйск, Париж, Черное море, Бизерта. Техническая комиссия соберется в Бобруйске, затем в Крыму и, если будет необходимо — в Париже и в Бизерте.

Остальные меры, предусмотренные и подготовленные для обеспечения связи в военное время, следующие:

1) Эмиссары, курсирующие между Данией и Бельгией. В настоящее время предполагается установить такое же сообщение между Англией и Данией.

2) Телеграфное сообщение через Соединенные Штаты и Тихий океан или через Средиземное море и Турцию.

Мысль о прямом проводе между Россией и Францией была оставлена, точно так же как и мысль о голубиной почте.

Статья 5.

Те же замечания, что и на конференции 1910 г., которые гласят:

«Участники конференции согласны, что параграф 5 обязывает договаривающиеся стороны не только не заключать мира, но и не прекращать военных действий и не заключать перемирия сепаратно».

Статья 6.

Статья 6 остается упраздненной.

Согласно дипломатическому соглашению от августа 1899 г., упомянутому в 1-й главе совещания от 2 июля/19 июня 1900 г., конвенция будет действительна на тот же срок, что и ныне действующие соглашения, дополнением которых она является.

Статья 7.

Без возражений.

Подписали:

Начальник генерального штаба русской армии Я. Жилинский.

Начальник штаба французской армии Дюбайль.

Просмотрено: военный министр Мессими.

С подлинным верно:

Начальник генерального штаба генерал-от-кавалерии Жилинский.

№ 373. Временно управляющий министерством иностранных дел германскому послу в Петербурге Пурталесу.

Письмо № 996. 31/18 августа 1911 г.

Monsieur l'Ambassadeur,

Pour faire suite à notre entretien d'hier au sujet de l'observation faite à Constantinople à propos des articles II et V de l'arrangement russo-allemand du [19] 6 août [1] ct., j'ai l'honneur d'informer votre excellence que nous n'avons aucune objection à faire au projet du texte de l'interprétation desdits articles que vous m'avez laissé hier [2], et que nous ne manquerons pas, de notre côté, de faire à la Porte une communication dans le même sens, si elle s'adressait à nous à ce sujet.

[Nératow.]

Перевод.

Г. посол,

В продолжение нашей вчерашней беседы по поводу сделанного в Константинополе возражения относительно статей II и V русско-германского соглашения от 19/6 сего августа, имею честь уведомить ваше превосходительство, что мы не имеем никаких возражений против предложенного текста толкования указанных статей, оставленного мне вами вчера, и что мы, со своей стороны, не преминем сделать в этом же смысле сообщение Порте, если бы она обратилась к нам по этому вопросу.

[Нератов.]

№ 374. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу и поверенному в делах в Риме — Корфу.

Телеграмма № 1150 [3]. 31/18 августа 1911 г.

Сообщается в Константинополь, Афины и Канею.

Шебунин сообщает [4], что среди оппозиции принято решение созвать Народное собрание на Крите в течение сентября, причем деятельность последнего,

[1] См. № 343.

[2] См. № 367.

[3] Лит. копия.

[4] В донесении от 9 авг./27 июля за № 24 Шебунин писал о «признаках внутреннего брожения» на Крите, выражавшихся «в вооруженных митингах, петициях, в революционном учреждении особой полиции с призывом к прекращению уплаты податей, в громких обвинениях правительства в бездействии, главным образом, относительно движения вперед вопроса о соединении с Грецией и т. д.» Как писал Шебунин, оппозиционные партии

конечно, будет направлена к достижению заветной мечты критян — воссоединению с Грецией.

Принимая во внимание, что указанная дата созыва Собрания совпадает со сроком окончания полномочий Заимиса, можно с уверенностью допустить, что в последнем вопросе кроется главным образом причина созыва Собрания.

Предварительный обмен мнений с здешними представителями держав-покровительниц по вопросу о верховном комиссаре в достаточной степени выяснил общность взглядов их на желательность не поднимать сего вопроса, относясь к нему пассивно и совершенно не замещая пост верховного комиссара.

Таковой постановке дела может однако сильно помешать помянутый созыв Народного собрания, могущий понудить державы даже к оккупации острова. Подобный исход нам представляется нежелательным, и чтобы его избегнуть, было бы, может быть, полезно воздействовать на афинский кабинет в лице Венизелоса и поручить консулам попытаться на месте склонить правительство и наиболее видных представителей населения отложить намеченное Собрание, столь опасное в настоящий момент по своим последствиям.

В изложенном смысле благоволите объясниться с министром иностранных дел и выяснить, не признает ли французское (великобританское, итальянское) правительство возможным преподать своему представителю в Афинах и консулу на Крите соответственные инструкции.

О последующем будем ожидать телеграфного уведомления [1].

А. Нератов.

№ 375. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

½. Телеграмма № 106 [2]. 31/18 августа 1911 г.

Частные беседы, происходившие здесь в течение последних дней между де Сельвом и бароном Шеном, сначала внушили французскому правительству некоторый оптимизм [3] в дальнейшей судьбе переговоров, которые возобновятся

«пришли на этих днях к решению созвать Народное собрание немедленно и, распустив настоящий его состав и отставив от власти теперешнее правительство, заменить последнее новым и назначить новые выборы в Собрание». Причем это последнее должно было, по их мнению, иметь права учредительного собрания. «О таковом своем решении деятели оппозиции почли необходимым оповестить все население острова особым манифестом», в котором они, «провозгласив себя истинными выразителями воли всего критского населения, делают стереотипное заявление верности до гроба идее эносиса (соединения с Грецией), выражают твердую надежду, что державы-покровительницы не замедлят ее осуществить, чем избавят страну от страшных катастроф».

Тел. от 30/17 авг. за № 62 Шебунин сообщал Нератову, что открытие Народного собрания назначено на 14/1 сент.

[1] Тел. от 11 сент./29 авг. за № 116 Извольский передавал Нератову полученный от де Сельва ответ на пам. записку по поводу созыва Народного собрания на Крите. По словам Извольского, франц. прав-во вполне присоединяется к мнению росс. прав-ва о несвоевременности созыва Народного собрания, совпадающего с истечением полномочий верховного комиссара. Франц. прав-во поручило своему представителю совместно с другими представителями держав-покровительниц попытаться склонить критское прав-во к отсрочке созыва Народного собрания.

Тел. от 8 сент./26 авг. за № 199 Бенкендорф сообщал, что Грей запросил мнение англ. ген. консула на Крите по вопросу о созыве Народного собрания. Ответ ген. консула сводился к следующему: «Исполнительный комитет расположен отсрочить созыв Собрания в своих собственных интересах, но давление общественного мнения и революционное настроение оппозиции сделали тщетными все усилия комитета. Поэтому генеральный консул полагает, что от исполнительного комитета нельзя ничего ожидать. Давление же на оппозицию вызовет бурные возражения и весьма неуместные демонстрации».

Тел. от 4 сент./22 авг. за № 33 Корф ответил, что итал. м-р ин. дел «расположен присоединиться» к предложению Нератова. Корф высказывал мнение, что итал. представителям будет предписано «присоединиться к их коллегам, если они получат тождественные инструкции».

[2] Опубл. Stieve, I, S. 135, N 115.

[3] См. № 371.

в Берлине завтра или в понедельник [1]. Вместе с тем из весьма доверительного, но вполне достоверного источника я узнал, что отправленный бароном Шеном в Берлин с донесением советник посольства барон Ланкен вернулся оттуда с известием, что французские предложения считаются неприемлемыми. Вчера де Сельв еще об этом не знал, но известие это уже отчасти проникло в печать, вероятно, из германского источника. Таким образом следует предвидеть, что переговоры в Берлине либо окончательно порвутся, либо во всяком случае пойдут очень туго.

Извольский.

№ 376. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [2]. 31/18 августа 1911 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Отправляемые мной с сегодняшним курьером три письма [3] настолько исчерпывают мои наблюдения над существующим положением, что я не могу ничего к ним прибавить. Дай бог, чтобы мой пессимизм не оправдался, ибо неудача берлинских переговоров, несомненно, вызовет острый кризис. Мне только-что телефонировали из министерства иностранных дел, что г. де Сельв вернулся из Рамбулье [4], и как только ваша длинная телеграмма [5] будет окончательно разобрана, я поеду к нему для исполнения возложенного на меня поручения. О результате я не успею вам сегодня написать, но буду телеграфировать.

Не сердитесь на меня, если я посетую на скудость доставляемых мне сведений о впечатлениях наших послов в Лондоне и, в особенности, в Берлине. Между тем, без таковых сведений и слыша лишь звук одного здешнего колокола, невозможно вполне правильно судить об общем положении. Даже итальянский посол, менее, нежели я, заинтересованный в деле, ежедневно получает по *телеграфу* все, что сообщается в Рим из Лондона и Парижа.

Спасибо за исходатайствование мне отпуска. Разумеется, я воспользуюсь им лишь в том случае, если политические обстоятельства это позволят, а на это сейчас весьма мало надежды. Если переговоры в Берлине наладятся и наступит короткий антракт, я, может быть, решусь съездить на несколько дней в Тегернзее, куда езды по железной дороге всего одна ночь; уж очень хочется повидать сына, который скоро должен вернуться в Петербург. Но, уезжая на три или четыре дня, я не передам управление посольством Демидову и, в случае надобности, могу вернуться сюда в течение 12 часов.

Завтра я отпускаю на несколько дней барона Шиллинга [6] в Давос к С. Д. Сазонову. По его желанию, Шиллинг отвезет ему последние литографии и, кроме того, отпуска́ последних моих писем о здешнем положении. Я не сомневаюсь в том, что вы сообщаете все мои письма П. А. Столыпину на прочтение, ибо весьма важно, чтобы он мог отдать себе полный отчет в серьезности международного положения. Судя по некоторым принимаемым у нас внутренним мерам, можно думать, что мы все еще убеждены в мирном течении европейской политической жизни.

Искренно преданный вам и готовый к услугам

Извольский.

---

[1] 4 сент./22 августа.

[2] Опубл. М., стр. 112.

[3] См. № 371, стр. 366, прим. 1, а также прим. 4 к публикуемому документу.

[4] В письме от 31/18 авг. Иввольский, подтверждая сведения, переданные им в тел. за № 106 (см. № 375), сообщал, что де Сельв «уехал в Рамбулье, чтобы участвовать в совете министров под председательством президента республики».

[5] См. № 368.

[6] Секретарь росс. пос-ва в Париже.

№ 377. Поверенный в делах в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

ᐟ/. Письмо. 31/18 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Известие о заключении русско-германского соглашения [1] было сочувственно встречено здешними политическими кругами и печатью, признающими за этим актом, несмотря на его специальный характер, серьезное политическое значение в смысле новой гарантии европейского мира. «Fremdenblatt» вполне верно выразил впечатление, произведенное названным соглашением на здешнее общественное мнение, отметив, что в прессе было особенно подчеркнуто, что соглашение это, хотя и не содержит каких-либо политических обязательств, все же, несомненно, должно рассматриваться как ясное доказательство укрепления и улучшения русско-германских отношений и что уже по одной этой причине его заключение должно вызвать в Австро-Венгрии, верной союзнице Германии, чувство радостного удовлетворения. Газета говорит далее, что и самый момент подписания соглашения признается имеющим политическое значение, как оказывающий благоприятное воздействие на нелегкое положение Германии в переговорах относительно Марокко. Кроме того, в экономическом отношении важно то обстоятельство, что в соглашении положительно высказан принцип открытых дверей в Персии. Статья нашей официозной «России», в коей упоминалось, что русско-германское соглашение не исчерпывает всех тех предметов, по которым в Потсдаме между обеими державами установилось единомыслие [2], дала повод некоторым из здешних газет заговорить о существовании заключенных в Потсдаме словесных обязательств между обеими державами, перечисляя таковые в нескольких пунктах, составлявших, впрочем, лишь повторение тех сведений о Потсдамском свидании, которые в свое время обошли всю европейскую прессу. Здешние газеты не дошли однако до того, чтобы утверждать, как некоторые органы германской и французской печати, будто, кроме опубликованного соглашения, между Россией и Германией подписан еще особый секретный протокол. В общем, впрочем, обсуждение русско-германского соглашения лишь короткое сравнительно время занимало австро-венгерскую печать; это легко объясняется тем, что внимание последней было главным образом поглощено кризисом, наступившим в франко-германских переговорах о Марокко.

Примите и пр. В. Крупенский.

№ 378. Посланник в Брюсселе [3] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

ᐟ/. Письмо. 31/18 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Возвращаясь из всемилостивейше разрешенного мне отпуска, я воспользовался проездом через Люксембург, чтобы повидаться с тамошним статс-министром Эйшеном.

Состоя более четверти века во главе великогерцогского правительства, г. Эйшен находится в постоянных дружеских сношениях как со многими политическими деятелями соседних Пруссии, Франции и Бельгии, так и с лицами, стоящими во главе более значительных промышленных и финансовых предприя-

[1] См. № 343.

[2] В Арх. Вн. Пол. хранится, написанная рукой Клемма, статья для «России», датированная 20/7 августа. В этой статье, между прочим, говорилось: «Хотя не все результаты, к которым пришли государственные люди обеих стран, нашли себе выражение в рассмотренном выше соглашении по специальному персидскому вопросу, тем не менее установленные в Потсдаме основы взаимных отношений обеих держав остаются в полной силе и дают нам, между прочим, несомненное право рассчитывать на вполне доброжелательную в отношении России политику со стороны Германии в вопросах железнодорожных и иных, представляющих важность с точки зрения русских политических, экономических и стратегических интересов».

[3] См. стр. 369, прим. 1.

тий названных государств. В среде тех и других он пользуется репутацией человека высокого государственного ума и образования, и я заинтересовался познакомиться как с впечатлениями, вынесенными г. Эйшеном из недавнего его путешествия по Германии и Франции, так и с его взглядом на события и мнением относительно судеб Люксембурга и Бельгии в случае, ежели марокккский вопрос поведет к вооруженному столкновению между соседними великими державами.

Между тем как в правительственных сферах Бельгии и в ее печати установилось убеждение, что с началом военных действий последует немедленная оккупация королевства войсками той или другой из воюющих сторон, г. Эйшен держится того мнения, что как Бельгия, так и Люксембург останутся вне сферы военных операций.

Свое мнение мой собеседник основывает главным образом на топографии гористой местности, перерезанной во всех направлениях реками и каналами, а потому вовсе непригодной для быстрого передвижения войск, и на недостаточной пропускной способности железных дорог, ведущих из Пруссии через Бельгию и Люксембург во Францию.

Действительно, лишь железнодорожная линия из Кельна через Аахен — Вервье в Намюр может быть использована со стратегической целью и то с большим ущербом для промышленной Рейнской области. Железнодорожные же ветви, расположенные внутри четырехугольника Кельн — Кобленц — Люксембург — Люттих — одноколейные, легкой постройки и приспособлены лишь для тихого товарного передвижения.

Что же касается специально люксембургских железных дорог, то главная линия, так называемая, «Wilhelmsbahn», идущая с одной стороны из Меца через Люксембург в Люттих, а с другой стороны из Триера через Люксембург в Лонгви, на французской границе, и перерезывающая великое герцогство крест-накрест, то эта последняя в течение многих лет арендуется и эксплоатируется Пруссией, которая обязалась по контракту выстроить вторую колею, но которая до сих пор этого не исполнила, несмотря на увеличивающееся с каждым годом на этой линии товарное и пассажирское движение, что служит если не доказательством, то, по крайней мере, симптомом того, что германское правительство не придает этой линии значения в военном отношении. Со своей же стороны, великогерцогское правительство, считая нежелательным образование в своих пределах иностранной стратегической железной дороги, покамест не настаивает на исполнении Пруссией данного обязательства.

Пробыв некоторое время в Рейнской провинции и затем в Лотарингии и в Эльзасе, г. Эйшен заметил усиленные военные приготовления как в войсках, так и на железных дорогах, главным образом в последних двух областях, а потому он полагает, что план кампании германского правительства заключается в сосредоточении военных действий на границе по линии Мец — Страсбург — Мюльгаузен с целью прорваться между французскими крепостями, чтобы итти прямо на Париж.

Во время своего недавнего пребывания в Эвиане, а затем в западной Германии г. Эйшен из разговоров с немецкими и французскими политическими деятелями вынес впечатление, что тогда как во Франции желают во что бы то ни стало избегнуть войны, общественное мнение Германии весьма агрессивно настроено и, не сомневаясь в победе, учитывает вперед, даже в случае уничтожения своего флота великобританским, те компенсации, которыми увенчается победоносная кампания в смысле территориальных приращений в колониях и высокой военной контрибуции.

Не будучи в состоянии судить, насколько основателен взгляд г. Эйшена, считаю своим долгом о нем донести вашему превосходительству, тем более, что слова статс-министра вполне соответствуют тому впечатлению о воинственном расположении германского населения, которое я вынес из разговоров, неоднократно слышанных мною ныне в Баварии в среде офицеров, местных помещиков и даже крестьян.

Примите и пр. Кн. Кудашев.

№ 379. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Константинополе Свечину.

Телеграмма № 1157. 1 сентября/19 августа 1911 г.

Сообщено в Берлин [1].

Турецкий посол официально, но притом доверительно, сделал мне приблизительно следующее сообщение: «Оттоманское правительство обратило внимание на то, что ст. II и V русско-германского соглашения [2], между прочим, имеют касательство к турецкой Багдадской железной дороге, причем договаривающимися сторонами не было ведено по этому предмету никаких предварительных переговоров с Портой. Не усматривая в постановлениях означенных статей чего-либо вредного для себя, оттоманское правительство тем не менее считает, что в этом случае нарушен принцип его суверенных прав, и потому заявляет, что оно не будет считать себя связанным этими постановлениями».

Я ответил на это послу, что, так как постройка Багдадской дороги есть германское предприятие, то обязанность сговориться с турецким правительством относительно указанных пунктов лежала на германском правительстве, мы же, со своей стороны, имели все основания думать, что соглашение между обоими этими правительствами уже предварительно состоялось.

[Нератов.]

№ 380. Военный агент в Англии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма № 34 [3]. 1 сентября/19 августа 1911 г.

В военных сферах Англии война Франции с Германией ожидается. Англия намерена поддержать Францию на море и суше. Лорд Китченер намечен главнокомандующим, и его отъезд по раньше состоявшемуся назначению в Египет откладывается. Приготовлений в войсках к мобилизации пока еще нет.

Ермолов.

№ 381. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма [4]. 1 сентября/19 августа 1911 г.

Получил № 1148 [5].

Тотчас же вчера вечером виделся с де Сельвом и подробно развил перед ним изложенные в вашей телеграмме соображения. Де Сельв уверил меня в искреннем миролюбии французского правительства, но в то же время еще раз повторил уже известные вам аргументы о невозможности для Франции пойти на чрезмерные уступки, на что не согласится ни общественное мнение, ни парламент. По его словам, из инструкций, данных Камбону, ясно вытекает готовность Франции предоставить Германии значительные территориальные компенсации. Если Германия категорически отвергнет эти предложения, она докажет этим, что истинная ее цель — унизить Францию и подчинить ее своей воле. Таким образом настоящий спор затрагивает не только колониальный вопрос, но и национальное достоинство Франции. Что касается посредничества Австро-Венгрии, то де Сельв сказал мне, что он действительно имеет основание рассчитывать на ее сочувствие к Франции, но что в настоящем фазисе событий он не видит возможности просить венский кабинет о выступлении в Берлине, ибо, с одной стороны, сомневается

---

[1] На оригинале имеется помета: «В Париж и Лондон по почте».
[2] См. № 343.
[3] Маш. копия. Препровождена в м-во ин. дел военным м-ром при отношении от 4 сент./22 авг. за № 371.
[4] Номер отсутствует.
[5] См. № 368.

в успехе подобного шага, а с другой — опасается, что это внушит Германии сомнение в неустрашимости Франции и сделает ее еще более требовательной. Несмотря на подобный ответ де Сельва, считаю, что преподанные мной по высочайшему повелению советы благоразумия весьма полезны и своевременны и что несколько позже и в случае окончательной неудачи берлинских переговоров можно будет вернуться к мысли об австро-венгерском посредничестве. Отправленные мной со вчерашним курьером письма подробно ознакомят вас с здешним настроением [1].

Извольский.

№ 382. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁰/. Телеграмма № 108. 1 сентября/19 августа 1911 г.

Секретно.

Мои указания на неизбежность в случае мобилизации наших войск таковой же мобилизации против нас Австро-Венгрии [2] вызвали со стороны де Сельва замечание, что по господствующему здесь убеждению Тройственный союз Австро-Венгрию к этому не обязывает. Не знаю, на чем основано это убеждение, которое я поспешил категорически опровергнуть.

Извольский.

№ 383. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁰/. Депеша № 59. 1 сентября/19 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Обнародование нашего соглашения с Германией [3] касательно Персии было встречено здешней печатью с удовлетворением. Немецкая пресса не упустила подчеркнуть при этом, что соглашение подписано во время мароккского кризиса, что не помешало его осуществлению.

Одновременно печать ссылается на известную речь имперского канцлера в рейхстаге от [23] 10 ноября минувшего года, в которой фон Бетман-Гольвег заявил, что оба правительства не будут вдаваться ни в какие комбинации, которые были бы враждебно направлены против одного из них.

Хотя с нашей стороны и не последовало громогласно подобного ответного заявления, и сам текст договора касается лишь специальных вопросов, — тем не менее настоящее соглашение считается здесь подтверждением благополучно завершившегося в Потсдаме добрососедского сближения между обеими странами.

Что касается критического отношения немецкой прессы к постановлениям договора, то наиболее существенным и важным для Германии считается наше обещание не противодействовать сооружению Багдадской дороги. Однако сделанная нами при этом оговорка, что мы согласны на подобное воздержание только при условии, что это не повлечет за собой для нас никакой жертвы денежного или экономического свойства, — умаляет, по откровенному признанию некоторых органов, значение выговоренной Германией уступки. С точки же зрения защиты наших будущих интересов нельзя не приветствовать проявленную нами в этом вопросе предусмотрительность.

Из общего хора отголосков здешней печати, либо громко приветствующих успех немецкой дипломатии в деле заключения русско-германского соглашения, либо более сдержанно высказывающих удовлетворение по поводу достигнутого при данных трудных условиях результата, резко выделяются раздраженные суждения публициста Гардена в журнале «Zukunft» и отзывы всенемецкого органа «Tägliche Rundschau».

[1] См. стр. 366, прим. 1, № 371, № 376 и прим. 4 к нему.
[2] См. № 368.
[3] См. № 343.

Последняя газета отличается особенной запальчивостью при обсуждении посвященных соглашению статей «Нового времени» и «России». Сделанный «Новым временем» намек на то, будто Германия обязалась перед нами оказывать известное влияние на Турцию, в свою очередь, возбуждает негодование «Фоссовой газеты», категорически отрицающей даже возможность подобной мысли.

Примите и пр.

Гр. Остен-Сакен.

№ 384. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 60. 1 сентября/19 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Произнесенная императором Вильгельмом в минувшее воскресенье в Гамбурге на банкете в ратуше речь, текст коей при сем прилагается [1], обратила на себя всеобщее внимание не только по внешней законченности формы, но и по глубине мысли.

Император высказывает в ней свои сокровенные взгляды на мировое развитие современной Германии и дает в образе трех всадников, добивающихся на скаковом поле первого приза, олицетворение экономического соревнования держав. Августейший оратор рисует в сжатых словах борьбу соперников. Первый, находящийся впереди, берется за хлыст при приближении своих двух конкурентов — но не для удара против них, а только для поощрения своего коня. «Так и между нациями возможно мирное соревнование», сказал император, давая понять этими словами, что и в настоящую минуту он помышляет только о мирной борьбе, несмотря на избыток применяемой Германией энергии для достижения своей цели.

Приводя изречение великого курфюрста, что торговля и мореплавание должны служить главными основами преуспеяния государства, император называет «торговлю» дыханием страны, для чего она нуждается в необходимом просторе.

Но не следует удивляться тому, продолжал его величество, что подобные стремления воссоединенной германской империи для многих неудобны и вызывают в свою очередь усиленную конкуренцию наций на коммерческой почве.

Защитой же развивающейся торговли и мореплавания является, по словам императора, германский военный флот, служащий выражением воли народа к утверждению своего значения на море.

Обращаясь к населению города Гамбурга, император выразил надежду встретить у него всегда должное понимание необходимости дальнейшего развития флота, дабы Германия могла быть уверена, что никто не помешает занять ей «подобающее ей место на солнечной стороне».

Нельзя не усмотреть в этой новой речи Вильгельма II прямого указания на настоящие марокканские события и твердую волю неотступно продолжать современный курс, ставящий мировые экономические цели во главе своей политической программы.

Как немецкая, так и английская печать видят в словах императора призыв к новым денежным пожертвованиям на увеличение флота даже за пределы установленной программы, что неминуемо вовлечет Англию следовать примеру Германии, дабы сохранить существующее ныне между обеими державами соотношение их морских сил.

Примите и пр.

Гр. Остен-Сакен.

---

[1] Содержание речи Вильгельма II, произнесенной 27/14 августа, изложено в публикуемом документе.

№ 385. Поверенный в делах [1] в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁒. Депеша № 48. 2 сентября/20 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

С окончанием черногорско-турецких затруднений в настроении черногорских правящих кругов наступило заметное и, надо надеяться, прочное успокоение. О воинственных замыслах, о необходимости для «задыхающейся в своих тесных пределах» Черногории раздвинуть эти пределы путем земельных приращений за счет своих плохо управляемых и слабеющих политически восточных соседей — не слышно более ни в речах здешних политических деятелей, ни в писаниях местных более или менее официозных газетных обозревателей.

Черногорские правители, повидимому, убедились, что маленькому славянскому государству, не имеющему прочных ресурсов ни в виде развитой промышленности, ни в виде многочисленного и обеспеченного природными богатствами населения, нельзя и думать об активных внешних выступлениях, возможных для такой страны, как Черногория, лишь в моменты общего замешательства среди окружающих ее более сильных соседей или же при одновременном выступлении и активной поддержке со стороны других, более сильных государств.

Ни того, ни другого из указанных выше условий при нынешнем глубоко миролюбивом настроении большинства руководящих европейской политикой держав не было, и остается только удивляться упорству, с которым вершители судеб Черногории почти до последних минут албанского кризиса вели свою страну к разрыву с Оттоманской империей, который, при данных обстоятельствах, неминуемо привел бы королевство к тяжкой и едва ли не бесславной катастрофе. Предотвратить эту катастрофу удалось лишь благодаря настойчивым многократным советам и благожелательному попечению всегдашней покровительницы славянства — России.

Албанский кризис улажен и, ввиду дарованных малиссорам широких уступок [2], которые, по отзыву здешнего турецкого посланника, надо полагать, будут в ближайшем времени распространены турецким парламентом и на прочие группы албанского населения, вероятность нового албанского мятежа представляется сомнительной, по крайней мере, в течение нынешнего и наступающего года.

Впрочем турецкое правительство, наученное горьким опытом, по имеющимся у меня сведениям, не повторит ошибки, сделанной им при усмирении прошлогоднего албанского мятежа, и на этот раз намерено оставить в Скутарийском округе значительные военные отряды. Мера эта, несомненно, окажется весьма полезной для умиротворения края, само собой разумеется, при непременном условии введения в нем обещанных необходимых реформ.

Поддержка, оказанная Черногорией беженцам-малиссорам, хотя и не привела к тем, будто бы, благотворным для королевства, а, в сущности, весьма фантастичным выгодам, которые рисовались в воображении здешних политических деятелей, однако дала и некоторые положительные для королевства результаты, подняв престиж короля Николая в глазах соседних албанских племен, доселе настроенных враждебно к Черногории, и укрепив в них желание поддерживать искренние добрососедские отношения с черногорским населением.

Следует однако заметить, что помощь многотысячной массе малиссорских выходцев, состоявших более полугода на прокормлении у крайне бедного черногорского народа, потребовала от королевства больших материальных жертв и привела к переживаемому ныне страной серьезному финансовому кризису, справиться с которым черногорскому правительству, как я имел честь указывать в донесении моем от [27] 14 сего августа за № 47 [3], едва ли удастся без какой-либо внешней более или менее крупной финансовой операции.

---

[1] 20/7 авг., ввиду отъезда С. Арсеньева в отпуск, в управление миссией вступил Обнорский.

[2] См. № 234.

[3] В деп. от 27/14 авг. за № 47 Обнорский сообщал Нератову, что потери черног. казны в связи с албан. кризисом исчислены в сумме 5 млн. крон и для того, чтобы справиться с де-

Уступки, выговоренные королевским правительством для себя у Турции при улажении албанского кризиса, а именно постройка железнодорожной ветви от Скутари на Антивари и урегулирование течения реки Бояны, являются приобретениями, чрезвычайно ценными для Черногории в экономическом отношении, но, к сожалению, первая из этих мер, ввиду естественных технических трудностей, вряд ли в скором времени может получить осуществление, а, следовательно, и дать осязательные выгоды ослабевшему от кризиса черногорскому населению.

Тем более желательным представляется скорейшее осуществление другой обещанной Турцией меры, а именно осушение части Скутарийского озера, прилегающей к реке Бояне, что даст Черногории от шести до восьми тысяч гектаров удобной для обработки, заболоченной ныне земли, — приобретение огромное для маленькой Черногории, могущее, по сделанным здесь подсчетам, прокормить от 30—40 тысяч человек.

Соображение это побудило министра-президента г. Томановича, а равно и некоторых других здешних политических деятелей усиленно выражать в разговорах со мной надежду, что императорское правительство, следившее с живым участием за ходом переговоров между Черногорией и Турцией во время улажения албанского кризиса, найдет возможным, в случае весьма вероятных при восточных обычаях промедлений в осуществлении этой меры, напомнить турецкому правительству в дружеской форме о желательности скорейшего исполнения обещания, данного Турцией черногорскому правительству.

Примите и пр.

Н. Обнорский.

№ 386. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Константинополе Свечину.

Телеграмма № 1161. 3 сентября/21 августа 1911 г.

Сообщается в Берлин.

Германский посол сообщил мне, что турецкое правительство частным образом выразило германскому неудовольствие по поводу включенных в ст. II русско-германского соглашения [1] постановлений, которые касаются Багдадской железной дороги и относительно которых не было сделано предварительных сношений с Портой. По этому предмету германскому поверенному в делах в Константинополе будет поручено дать Порте следующие разъяснения.

«Содержание ст. II, а также постановления ст. V о преимуществах, которые обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно предоставить друг другу, относятся лишь к линии Тегеран — Ханекен. Если в этой статье равным образом

фицитом бюджета 1911 г., Черногории придется обратиться к внешнему займу. По словам Обнорского, Томанович в разговоре с ним высказал надежду, что прав-ва держав «сами придут на помощь королевству, уделив безвозмездно в его пользу из имеющихся в распоряжении каждого из этих правительств секретных фондов некоторые суммы, которые в общей сложности и составили бы сумму, достаточную для покрытия понесенных королевством убытков». На возражение Обнорского, что эти суммы имеют свое определенное назначение и не могут быть использованы на нужды других государств, Томанович намекнул, что если Россия не поможет Черногории, то последняя вынуждена будет «искать новых способов покрытия своих дефицитов, вызванных албанским кризисом, — способов, которые могли бы поставить ее в экономическую кабалу у одной из держав». Обнорский сообщал Нератову, что «конечно, о какой-либо безвозмездной помощи со стороны иностранных государств не может быть и речи. Помощь могла бы быть, пожалуй, оказана Черногории лишь в виде более или менее льготного займа, причем скорее всего на такую комбинацию откликнулись бы Австрия или Италия, но следует опасаться, что устройство займа едва ли не было бы обусловлено этими державами, сильно заинтересованными в черногорской экономической политике, предоставлением им Черногорией значительных льгот в области промышленности и торговли, которые легко могли бы оказаться крайне стеснительными и даже опасными для самостоятельного экономического развития черногорского народа». Поэтому Обнорский считал наиболее желательной помощь со стороны России, которая могла бы выразиться «в форме либо единовременной субсидии, либо льготного займа». На этой деп. имеется помета Николая II: «К докладу». «Петергоф, [4 сентября] 22 августа 1911 г.»

[1] См. № 343.

упомянуто о линии Ханекен — Багдад, то это объясняется желанием подчеркнуть, что последняя линия будет также пользоваться преимуществами, обеспеченными за линией Тегеран — Ханекен в силу постановления, что оба правительства обязуются *не ставить препятствий международной торговле на этой последней линии».*

Я ответил послу, что с нашей стороны против таких разъяснений никаких возражений не встречается.

Нератов.

№ 387. Председатель совета министров временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 4019. 3 сентября/21 августа 1911 г.

Весьма секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Препровождая при сем вашему превосходительству докладную записку, врученную мне депутацией от ургинского богдо-гегена и халхинских 4 ханов [1], долгом почитаю сообщить, что при приеме мной означенной депутации я преподал ей совет не предпринимать никаких активных мятежных против китайского правительства действий и указал вместе с тем, что российское правительство, дорожа добрыми отношениями с соседними монгольскими племенами, постарается повлиять на Китай в смысле прекращения усиленного переселения на границу китайцев и посылки войск в пограничную с нами Монголию, консульский же конвой в Урге будет русским правительством усилен [2].

Примите и пр.

П. Столыпин.

№ 388. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1162. 4 сентября/22 августа 1911 г.

Из последнего разговора с Жоржем Луи я вынес впечатление, что французское правительство очень тревожно настроено по поводу исхода переговоров с Германией и видимо очень торопится скорейшим их окончанием, недостаточно учитывая настроение, создавшееся около этого вопроса в германском общественном мнении.

Я высказал Луи, что, по мнению моему, поспешность в этом деле не вызывается обстоятельствами. Совершенно естественно, что германское правительство старается выторговать возможно больше и не рассчитывает сразу сойти с занятого им положения. Чем планомернее будут переговоры, тем вернее, мне кажется, можно притти к миролюбивому решению. На указание Луи, что поспешность вызывается необходимостью для французского правительства дать отчет о переговорах в палате, я высказал, что сроки созыва палат, как французской, так и германской, совпадают, и та и другая собираются в октябре, и что если даже к этому времени переговоры не будут закончены, то правительство, имея обеспеченное большинство, всегда может сослаться именно на то обстоятельство, что переговоры еще продолжаются.

В заключение я счел нужным высказать г. Луи самую искреннюю надежду, что французское правительство приложит со своей стороны возможные усилия к мирному разрешению возникшего у него с Германией спора.

[Нератов.]

---

[1] В упомянутой докл. записке от 28—30/15—17 июля монг. ханы, указывая на тяжелое положение Монголии, просили у росс. прав-ва «помощи и покровительства».

[2] См. № 329.

№ 389. Поверенный в делах в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 548[1]. 4 сентября/22 августа 1911 г.

№ 1.

Посетивший меня сегодня утром германский поверенный в делах сделал мне следующее сообщение: несколько дней тому назад великий визирь в настойчивых выражениях обратил его внимание на то, что Турция, хотя бы и не возражая на них по существу, не может с формальной стороны оставить без возражения постановления II и V статей русско-германского соглашения[2], так как никакие условия касательно транзитных или диференциальных пошлин и тарифов, поскольку они касаются и турецких линий, принципиально недопустимы помимо согласия турецкого правительства. Согласившись с основательностью замечания Хакки-паши, г. Микель передал о нем по телеграфу своему правительству и прочитал мне полученную им вчера ответную телеграмму из Берлина, в которой говорится, что текст русско-германского соглашения подвергся в последнюю минуту спешным изменениям, коим следует приписать неудовлетворительную редакцию вызвавших турецкие возражения статей, что по мысли договаривавшихся сторон постановления этих статей должны относиться только до будущих персидских линий и что германскому поверенному в делах подлежит сделать Порте заявление в означенном смысле совместно со своим русским коллегой, который получит соответственные указания. Узнав, что я такие указания не получал, г. Микель спросил меня, не сочту ли я возможным на завтрашнем дипломатическом приеме у Хакки-паши высказаться пока частным образом в согласном с немецкой точкой зрения смысле. Я ответил ему, что, помимо формальной инструкции, имею тем менее возможность сделать это, что в моих глазах даваемая его берлинской телеграммой вопросу постановка антиюридична, как нарушающая равновесие всей конвенции, оставляя на одной стороне все исчисляемые в помянутых пунктах обязательства и освобождая от них, хотя бы только в теории, другую. Мое возражение несколько умерило поспешность Микеля. Он не стал оспаривать его по существу, а перешел к обсуждению иных форм удовлетворения Турции, как то: заключение с ней особой тройственной конвенции или официальное сообщение ей российско-германской, с приглашением присоединиться к касающимся ее постановлениям последней, тем более, что, прибавил он, Хакки-паша решил не удовлетворяться простым словесным заявлением. Сказав, что последнее из его предположений казалось мне лично более приемлемым, мы в заключение условились, что впредь до получения мной инструкций он не будет делать великому визирю предписанного сообщения, а скажет ему завтра лишь, что он передал его замечания в Берлин и что там расположены отнестись к ним с предупредительным вниманием.

Свечин.

№ 390. Поверенный в делах в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 549[2]. 4 сентября/22 августа 1911 г.

№ 2.

Получил телеграмму № 1157[3].

Из моей телеграммы № 1 вы изволите усмотреть странное несоответствие между полученной германским поверенным в делах в Константинополе инструкцией, клонящейся к совместному русско-германскому заявлению Порте, и ва-

[1] На оригинале надпись: «Всеподданнейше доложено. Петергоф, [3 сентября] 23 августа 1911 г.»

[2] См. № 343.

[3] См. № 379.

шим ответом турецкому послу, изложенным в помянутой вашей телеграмме, сообщенной в Берлин. Из сделанного мне г. Микелем сообщения видно, к какому совместному с нами толкованию второй и пятой статей русско-германской конвенции желал бы прибегнуть берлинский кабинет. Трудно после этого сомневаться, что в этом именно смысле, оставляющем в силе принятые обязательства только по отношению к персидским линиям, т. е. для одной русской стороны, немцы и будут истолковывать означенные статьи, если им будет представлено одним сговориться о них с турецким правительством. О степени же доверия, которого заслуживает беспристрастие турецко-германских тарифных приемов, можно судить по примеру Анатолийской дороги, приведенному в моем письме от [28] 15 сего августа [1]. Вследствие вышеизложенного, я полагаю не сообщать содержание вашей вчерашней телеграммы [2] моему германскому коллеге, дабы отсрочить, по возможности, свободу его объяснений с турками, сказав ему при случае, что мне известно лишь, что вы вошли в сношение с Берлином по предмету турецких возражений. Такой же ответ я дам завтра и великому визирю, в случае запроса с его стороны, прибавив, если бы он сослался на ваш разговор с Турханом, что я не могу пока понимать вашего заявления турецкому послу в смысле полного нашего устранения, раз, за отсутствием предварительного уговора между Берлином и Константинополем, вопрос касается ныне текста самой конвенции.

Свечин.

№ 391. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

5 сентября/23 августа 1911 г.

Посетивший меня испанский поверенный в делах от имени своего правительства сделал нижеследующее сообщение:

Еще со времени Алжесирасских переговоров Испания обеспечила себе в бухте Ифни, в Южном Марокко, преимущественное право рыбной ловли, для ближайшего определения которого испанское и марокккское правительства должны были отправить в Ифни специальных делегатов. Между тем правительство махзена до последнего времени уклонялось от исполнения принятого им на себя в означенном деле обязательства.

Такой образ действий принудил Испанию заявить, что если до воскресенья, [3 сентября] 21 августа сего года, правительством махзена не будут командированы делегаты, то она оставляет за собой право принять необходимые меры для защиты своих интересов.

По поводу изложенного сообщения я имел случай говорить с французским послом, и на мой вопрос, не может ли указанное выступление Испании, которое, вероятно, выразится в занятии порта Ифни, при настоящих обстоятельствах создать нежелательные осложнения, — г. Жорж Луи ответил, что он сомневается в этом, так как данный вопрос уже давно служил предметом обсуждения между Францией и Испанией и по нему было достигнуто полное соглашение.

Я воспользовался случаем и спросил посла, как относится правительство республики к действиям Испании в Марокко вообще. На это г. Луи мне ответил, что между Францией и Испанией в настоящее время ведутся переговоры и что этот вопрос нисколько не тревожит его правительство [3].

---

[1] См. № 362.
[2] См. № 386.
[3] Тел. от 5 сент./23 авг. за № 111 Извольский сообщал: «Здесь глубоко возмущены намерением Испании занять Ифни на марокккском побережье южнее Агадира. Франция не отрицает права Испании на этот пункт, но находит занятие его крайне несвоевременным, ибо это не только затрудняет соглашение с Испанией, но несомненно осложняет общее положение». В заключение Извольский сообщал: «Весьма желательно воздействие нашего посла на испанское правительство в том же смысле».

Об изложенном приемлю смелость всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

Нератов.

№ 392. Статс-секретарь по иностранным делам российскому послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо [1]. 5 сентября/23 августа 1911 г.

Confidential.

My dear Ambassador,

You will doubltess remember having a conversation with Sir A. Nicolson as to the proposed visit of a Russian man of war to Bombay for the purpose of saluting the King on his arrival for the Durbar festivities [2].

Sir Arthur expressed on my behalf his great appreciation of the exceedingly friendly and kind intention of the Emperor of Russia and on the matter being referred to the King, His Majesty was much gratified to hear of the suggested visit.

I have now been privately informed that Germany is anxious to send a cruiser to Bombay and it is probable, that if she were to do so, other Powers would follow her example. You will, I am sure, understand that an assemblage of foreign warships in Indian waters would be exceedingly inconvenient and embarrassing to His Majesty in many ways. Much therefore as the King appreciates the Emperor's kind thought, His Majesty considers that it would be better that no foreign men of war should be present.

The King regrets extremely that he does not think it practicable in these circumstances that the very friendly intention of the Emperor should be carried into effect, but His Majesty feels sure that His Imperial Majesty will not fail to appreciate the reasons which have led to this decision. There is no doubt that, if it had been possible for a man of war from Russia alone to be present in Indian waters to salute the King, the effect would have been to emphasize throughout the Far East the friendly relations so happily existing between the two great Empires, but this effect would naturally be neutralized and nullified if other powers also sent ships.

Your sincerely

E. Grey.

Перевод.

Доверительное.

Мой дорогой посол,

Вы несомненно помните, что у вас был разговор с сэром А. Никольсоном относительно предполагаемого визита в Бомбей русского военного судна с целью приветствовать короля при его прибытии на торжества дурбара.

Сэр Артур выразил по моему поручению большое удовлетворение по поводу чрезвычайно дружественного и любезного намерения российского императора, и когда этот вопрос был доложен королю, его величество был очень рад узнать о предлагаемом визите.

В настоящее время я частным образом осведомлен, что Германия очень желает послать в Бомбей крейсер, и если она так поступит, то другие государства вероятно последуют ее примеру. Вы, я уверен, поймете, что скопление иностранных военных кораблей в индийских водах было бы во многих отношениях чрезвычайно неудобно и стеснительно для его величества. Как ни ценит король любезное намерение императора, все же его величество считает, что лучше, если ни одно иностранное военное судно не будет присутствовать.

Король крайне сожалеет, что в данных условиях он не считает возможным исполнение столь любезного намерения императора, но его величество уверен, что его императорское величество не преминет оценить доводы, приведшие к этому решению. Нет никакого сомнения в том, что если бы было возможно присутствие военного корабля от одной лишь России для приветствия королю в индийских водах, то этим на всем Дальнем Востоке были бы подчеркнуты дружественные отношения, столь счастливо существующие между обеими империями, но этот эффект, понятно, будет нейтрализован и сведен к нулю, если другие государства также пошлют свои корабли.

Искренно преданный вам Э. Грей.

---

[1] Копия публикуемого документа была препровождена Бенкендорфом Нератову при письме от 13 сент./31 авг., в котором он передавал содержание своей беседы с Никольсоном. Соображения, высказанные последним, полностью совпадают с доводами Грея, изложенными в публикуемом письме.

[2] См. стр. 203, прим. 3.

№ 393. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 110. 5 сентября/23 августа 1911 г.

Вчера утром Камбон имел свидание с Кидерленом и сообщил ему условия Франции касательно как будущего положения ее в Марокко так и территориальных компенсаций. Кидерлен не высказал никакого мнения и сказал лишь, что обсудит эти условия с канцлером. Разговор имел вполне дружественный характер. Следующее свидание состоится завтра, в среду. Сегодня вечером здесь ожидается письменное донесение от Камбона, которое впрочем вряд ли может содержать что-либо новое.

Извольский.

№ 394. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма [1]. 5 сентября/23 августа 1911 г.

Состоявшийся вчера в Тулоне смотр французского флота и спокойные, но твердые речи президента и морского министра еще более повышают общественное мнение. Парижская биржа в противоположность берлинской сохраняет спокойное настроение; особенно устойчивы до сих пор русские ценности. По объяснению здешних банкиров, берлинский крах вызван, между прочим, требованием обратно весьма крупных сумм, помещенных за последние два года в Германии французскими крупными учреждениями под залог германских ценностей.

Извольский.

№ 395. Поверенный в делах [2] в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 60. 5 сентября/23 августа 1911 г.

Г. Камбон представил вчера германскому статс-секретарю по иностранным делам французский проект соглашения, прося, ввиду возбуждения общественного мнения обеих стран, дать ему ответ сегодня. Кидерлен выразил сомнение в приемлемости некоторых статей французского проекта и обещался передать послу ответ германского правительства не позже среды. Здесь замечается сильное возбуждение общественного мнения, также и правящих кругов против Англии за ее образ действий в марокканском вопросе. Настроение это и проявляемое Германией стремление сговориться со всеми прочими политическими противниками, дабы развязать себе руки для будущего, может, до некоторой степени, облегчить настоящую задачу французского посла по заключении прочного соглашения с Германией относительно Марокко.

Шебеко.

№ 396. Поверенный в делах в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 550. 5 сентября/23 августа 1911 г.

Получил телеграмму № 1161 [3].

При вчерашнем свидании со мною великий визирь, не входя в ближайшее определение вашего объяснения с турецким послом по предмету русско-германского соглашения, сказал мне лишь, что из полученной от Турхана-паши телеграммы он с удовольствием усматривает, что вы не сделали возражений против

---

[1] Номер отсутствует.

[2] Тел. от 3 сент./21 авг. (без номера) Остен-Сакен сообщал, что он, в связи с отъездом в отпуск, передал управление пос-вом Шебеко.

[3] См. № 386.

принципиальной основательности турецкого заявления. К этому Хакки-паша прибавил некоторые пояснения относительно характера означенного заявления, сводящегося к тому, что в намерения турецкого правительства вовсе не входит создать диференциальные тарифы или какие бы ни было преграды свободы и равноправия торгового движения на будущей Ханекен-Багдадской железной дороге; что поэтому возражения со стороны Турции вызывают не самые относящиеся до сего постановления российско-германской конвенции, а факт уговора о них между Россией и Германией помимо Турции; что таким образом вопрос сводится к изысканию способа ясной и официальной формулировки равномерного согласия и оттоманского правительства на означенные договорные постановления. Из вышеизложенного с очевидностью вытекает, что в глазах великого визиря помянутые постановления русско-германского соглашения относятся также и до Ханекен-Багдадской линии и что он этому не противится по существу. Следовательно, стремясь ныне ограничить применимость II и V статей конвенции [1] к одной Ханекен-Тегеранской линии, немцы идут гораздо дальше турецких требований и пользуются последними как предлогом, чтобы сбросить с самих себя только-что принятые по конвенции с нами обязательства. Поспешное выступление г. Микеля предо мною служит лишним тому доказательством [2]. Если немцы предложат туркам документально оформить с ними свое ограничительное толкование означенных статей, то турки, вероятно, от этого не откажутся. Но последствием такого оборота было бы, что вместо приступления Турции к некоторым постановлениям русско-германской конвенции потребуется официальное присоединение России к германо-турецкому рестриктивному соглашению касательно применимости ее статей.

Свечин.

№ 397. Временно управляющий министерством иностранных дел германскому поверенному в делах в Петербурге Люциусу.

Письмо № 630. 6 сентября/24 августа 1911 г.

Cher Monsieur de Lucius,

Notre chargé d'affaires à Constantinople télégraphie que Mr. de Miquel lui a communiqué la teneur des instructions qu'il a reçues de Berlin et qui l'invitent à déclarer à la Porte, conjointement avec son collègue de Russie, que [3], les dispositions des articles II et V de l'accord russo-allemand du 19/6 août a. c. devaient, dans l'idée des deux parties contractantes, se rapporter seulement aux futures lignes persanes.

Je crois devoir rectifier un malentendu évident qui s'est glissé dans cette affaire; il n'a jamais été question entre le comte de Pourtalès et moi de démarches communes à Constantinople. Je me suis borné à informer l'ambassadeur de ce que le gouvernement impérial n'a pas d'objections à ce que le gouvernement allemand fasse à la Porte la déclaration dont le comte de Pourtalès m'avait entretenu [4].

Je tiens à profiter de cette occasion pour tirer au clair un point qui pourrait peut-être à l'avenir donner lieu à des malentendus regrettables. Il va de soi que, si le gouvernement impérial est d'accord avec le fait que les dispositions de l'art. II de l'accord ne visent que la ligne Téhéran — Khanékin, ainsi que le passage de l'art. V relatif aux privilèges auxquels les deux parties contractantes s'engagent à se faire participer mutuellement, pareille déclaration à la Porte n'invalide aucunement les dispositions de l'accord même et que l'engagement de l'Allemagne et de la Russie de «faciliter le trafic international sur la ligne Khanékin — Téhéran, *ainsi que sur celle de Khanékin à Bagdad*, en évitant toutes mesures qui pourraient

[1] См. № 343.
[2] См. 389.
[3] Далее зачеркнуто: «le texte de l'accord russo-allemand du 19/6 août a. c. a dû être remanié à la hâte au dernier moment et que c'est grâce à cela» («текст русско-германского соглашения в последний момент был наспех переделан и что благодаря этому»).
[4] См. №№ 367 и 373.

l'entraver, telles que l'établissement de droits de transit ou l'application d'un traitement différentiel», reste sans doute en vigueur. Il m'est d'ailleurs inutile d'insister sur ce point, car il est évident que l'établissement par exemple de tarifs différentiels sur la ligne Khanékin — Bagdad serait en contradiction flagrante avec le sens de l'article en question [1] et enfreindrait une des dispositions les plus essentielles de l'accord.

[Nératow.]

Перевод.

Дорогой г. Люциус,

Наш поверенный в делах в Константинополе телеграфирует, что г. фон Микель сообщил ему содержание инструкций, которые он получил из Берлина; они предписывают ему совместно с его российским коллегой заявить Порте, что постановления статей II и V русско-германского соглашения от 19/6 августа сего года должны, по мнению договаривающихся сторон, относиться только к будущим персидским линиям.

Я считаю своим долгом разъяснить явное недоразумение, вкравшееся в это дело. Между графом Пурталесом и мною никогда не было речи о совместных выступлениях в Константинополе. Я ограничился тем, что уведомил посла, что императорское правительство не встречает возражений к тому, чтобы германское правительство сделало Порте заявление, о котором граф Пурталес говорил со мною.

Я считаю нужным воспользоваться этим случаем, чтобы выяснить пункт, который в будущем поведет, быть может, к прискорбным недоразумениям. Само собой разумеется, что если императорское правительство согласно с тем, что постановления II статьи соглашения имеют в виду лишь линию Тегеран—Ханекен, равно как и абзац ст. V относительно преимуществ, участие в которых обе договаривающиеся стороны обязуются предоставлять друг другу, то подобное заявление Порте отнюдь не аннулирует постановлений самого соглашения, и обязательство России и Германии «облегчать международное сообщение на линии Ханекен—Тегеран, а *также на линии Ханекен—Багдад*, избегая всяких мер, которые могли бы препятствовать ему, как, например, установление транзитных пошлин или применение диференциального тарифного обложения», остается несомненно в силе. Я считаю, впрочем, бесполезным настаивать на этом пункте, так как очевидно, что, например, установление диференциальных тарифов на линии Ханекен—Багдад находилось бы в явном противоречии со смыслом указанной статьи и нарушало бы одно из самых существенных положений соглашения.

[Нератов.]

№ 398. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Константинополе Свечину.

Телеграмма № 1179. 6 сентября/24 августа 1911 г.

Телеграммы за №№ 548, 549 и 550 получены [2].

Сообщаем вместе с сим германскому поверенному в делах, что о совместном вашем выступлении с Микелем по вопросу о русско-германском соглашении не было и речи.

Вообще мы предпочитаем предоставить Германии уговориться с Портой по этому предмету. Во избежание же невыгодного для нас толкования в будущем Германией статьи II соглашения Люциусу сообщается сегодня, что, соглашаясь на то, чтобы Микелем было сделано Порте упоминаемое в телеграмме № 1161 [3]

---

[1] Далее зачеркнуто: «compromettrait la portée de l'accord dans son ensemble, en enfreignant une des dispositions les plus essentielles de ce document et en entraînant inévitablement et logiquement après soi l'établissement de tarifs différentiels sur la ligne Khanékin—Téhéran.

Ce point de vue est corroboré du reste par le passage de l'art. V contenant l'engagement de deux parties à se faire participer mutuellement à tous les privilèges de tarifs ou d'autre nature que l'une d'elles pourrait obtenir à l'égard de la ligne Téhéran—Khanékin» («и скомпрометировал бы значение соглашения в целом, нарушая самые существенные постановления этого документа и вызывая в качестве неизбежного и логического последствия установление диференцированного тарифа на линии Ханекен—Тегеран.

Эта точка зрения подтверждается, впрочем, фразой ст. V, содержащей обязательство обеих сторон предоставить друг другу привилегии в отношении тарифа или иные, которые одна из них могла бы получить на линии Тегеран—Ханекен»).

[2] См. №№ 389, 390 и 396.

[3] См. № 386.

разъяснение, мы считали очевидным, что это ни в чем не изменит постановлений соглашения, и что, конечно, остается в полной силе обязательство России и Германии облегчать международное сообщение на линии Тегеран—Ханекен, а также на линии Ханекен — Багдад, избегая всяких препятствующих ему мер, вроде транзитных пошлин и диференциальных тарифов.

Думаем, что таким образом устраняются последствия, вызывающие ваши опасения.

Копия письма Люциусу [1] высылается вам почтой.

Нератов.

№ 399. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 1180 [2]. 6 сентября/24 августа 1911 г.

По сообщению Извольского, намерение Испании занять порт Ифни в Южном Марокко именно в настоящее тревожное время подняло в Париже чувство глубокого возмущения [3].

По словам же здешнего французского посла, подобное выступление испанского правительства уже учитывалось парижским кабинетом и не тревожило его [4]. Все же нам было бы очень желательно знать, обращалось ли по сему поводу французское правительство к лондонскому кабинету и намерен ли последний предпринять какие-либо шаги в целях побудить Испанию отложить свои намерения до выяснения положения, создавшегося около Марокко вообще.

Благоволите, если не встретите к сему особых препятствий, под рукою и доверительно осведомиться о настоящем вопросе и о последующем телеграфировать.

[Нератов.]

№ 400. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 112. 6 сентября/24 августа 1911 г.

Получил телеграмму № 1162 [5].

Свидание Камбона с Кидерленом отложено на завтра, четверг. Полученное вчера письменное донесение Камбона не содержит никаких новых сведений. Здесь действительно очень желают скорейшего окончания переговоров, ибо опасаются, что новые проволочки окажут возбуждающее действие на общественное мнение и неблагоприятно отразятся на положении денежного рынка. Кроме того, — и это самое главное, — через две недели предстоит увольнение старослужащих. Оставление их под знаменами может значительно осложнить международное положение.

Извольский.

№ 401. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 61. 6 сентября/24 августа 1911 г.

Кидерлен сказал мне сегодня, что та часть французского проекта, которая касается территориальных уступок Германии в Конго, не вызовет, по всей вероят-

---

[1] См. № 397.
[2] Опубл Siebert, II, S. 154, N 445.
[3] См. стр. 403, прим. 3.
[4] См. № 391.
[5] См № 388.

ности, больших затруднений [1]; что же касается до Марокко, то необходимо установить те гарантии, которые Франция готова дать Германии для обеспечения в будущем экономической свободы ее в этой стране [2]. Ответ берлинского кабинета будет, по всей вероятности, вручен французскому послу завтра, в четверг.

Шебеко.

№ 402. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 62. 6 сентября/24 августа 1911 г.

Статс-секретарь по иностранным делам вчера выразил мне надежду, что представителю нашему в Константинополе предложено будет сделать сообщение оттоманскому правительству касательно нашего соглашения с Германией, аналогичное тому, которое предписано сделать германскому представителю [3].

Шебеко.

№ 403. Посол в Мадриде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма [4]. 6 сентября/24 августа 1911 г.

Le ministre des affaires étrangères m'a prié de passer chez lui ce matin pour me dire que depuis notre conversation d'hier la situation était entièrement changée [5], l'ambassadeur de France étant venu lui faire au nom de son gouvernement la communication suivante verbale, mais officielle: la France déclare à l'Espagne qu'aucun arrangement ne sera possible si elle ne renonce pas une fois pour toutes à occuper Ifni ou tout autre point de la zone du Sud. Le ministre me dit que le roi a été outré de cette prétention et déclare qu'il n'est pas admissible que l'Espagne renonce à Ifni, ce point lui étant reconnu en droit depuis longtemps. La réponse à la France sera donnée après le conseil des ministres, mais Garcia Prieto m'a exprimé confidentiellement son opinion personnelle que l'Espagne pourrait indemniser la France en la laissant s'établir sur quelque autre point du littoral sud du Maroc, à condition toutefois qu'il ne soit pas proche des îles Canaries. On est ici très froissé du ton péremptoire de la communication, qui a arraché au ministre l'exclamation: «Mais c'est un ultimatum», à quoi l'ambassadeur à répondu: «Nullement, nous voulons seulement éviter des malentendus» [6].

Budberg.

Перевод.

Министр иностранных дел попросил меня зайти к нему сегодня утром и сказал мне, что со времени нашего вчерашнего разговора положение совершенно изменилось. Его посе-

---

[1] О том же сообщал Извольский в тел. от 8 сент./26 авг. за № 114 (опубл. Stieve, I, S. 144, N 118).

[2] Тел. от 8 сент./26 авг. за № 63 Шебеко сообщал, что 7 сент./25 авг. Кидерлен передал Камбону сущность герм. ответа на франц. проект соглашения. «Камбон считает изложенные в германском контрпредложении требования экономических преимуществ в Марокко неприемлемыми и затрудняется даже передать их в Париж».

[3] См. №№ 386, 389 и 390.

[4] Номер отсутствует.

[5] Тел. от 5 сент./23 авг. (без номера) Будберг сообщал, что по просьбе франц. посла испан. экспедиция в Ифни отложена, так как испан. прав-во предпочитает дождаться окончания франко-герм. переговоров, чтобы предпринять этот шаг, право на который давно уже признано как со стороны Франции, так и Марокко. Тел. Будберга была передана Нератовым Извольскому 6 сент./24 авг. за № 1182.

[6] 7 сент./25 авг. Нератов представил Николаю II докл. записку о том, что в тот же день испан. поверенный в делах в Петербурге сделал ему официальное сообщение по вопросу, изложенному в публикуемой тел. «При этом г. Серрат присовокупил от имени своего правительства, что сообщение, сделанное французским представителем в Мадриде, носило недружественный характер; по содержанию же своему оно определенно устанавливает, что Франция готова предоставить Испании свободу действий в некоторых пунктах северного побережья Марокко при непременном однако условии совершенного отказа последней от всякого выступления в Южном Марокко».

тил французский посол и от имени своего правительства сделал следующее устное, но официальное сообщение: Франция заявляет Испании, что никакое соглашение не будет возможно, если она не откажется раз и навсегда от оккупации Ифни или любого другого пункта южной зоны. Министр сказал мне, что король был возмущен этой претензией и заявил, что недопустимо, чтобы Испания отказалась от Ифни, так как право на этот пункт было за ней признано издавна. Ответ Франции будет дан после заседания совета министров, но Гарсия Прието высказал мне при этом доверительно, как личное свое мнение, что Испания может компенсировать Францию, уступив ей какой-либо другой пункт на южном побережье Марокко, при условии, однако, чтобы он не находился близко от Канарских островов. Здесь крайне обижены безапелляционным тоном сообщения, вызвавшим у министра возглас: «Но ведь это ультиматум», на что посол ответил: «Нисколько, мы лишь желаем избегнуть недоразумений».

Будберг.

№ 404. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма [1]. Баденвейлер, 6 сентября/24 августа 1911 г.

Маршалл уверен в мирном исходе марокских переговоров. Но уступчивость Германии крайне затрудняется английским давлением, которое, по словам посла, сильно раздражает германское общественное мнение. Это давление оставит надолго прискорбные следы на отношениях Германии с Англией. Обсудив внутреннее положение Турции, Маршалл и я выяснили полное совпадение наших взглядов, что могло бы послужить исходной точкой для дальнейших разговоров в смысле новейшего русско-германского соглашения касательно Персии, которое искренно приветствуется послом. С Адриатической дорогой он, видимо, примирился. Но намерен, как мне кажется, поддерживать нерасположение Порты принять английские предложения о линии Багдад — Персидский залив [2]. Маршалл полагает, что дорога будет доведена только до Бассоры.

[Чарыков.]

№ 405. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Константинополе Свечину.

Телеграмма № 1185. 7 сентября/25 августа 1911 г.

Продолжение моей телеграммы № 1179 [3].

Если бы Хакки-паша вновь вернулся к вопросу о нашем соглашении с Германией, вы, конечно, можете высказать ему, что постановления ст. II относительно Ханекен-Багдадской дороги очевидно ни в чем не затрагивают суверенных прав Турции и должны были, по мысли императорского правительства, исключительно обеспечить ему торговое равноправие на этой линии, как на линии Тегеран—Ханекен, и предупредить введение стеснительных мер, вроде установления транзитных пошлин, диференциальных тарифов и т. п.

---

[1] Оригинал, на котором имеется надпись: «Отправлено с очередным курьером из Карлсруэ [10 сент.] 28 августа», был прислан Чарыковым Нератову из Баденвейлера при частном письме от 10 сент./28 августа. В этом письме он между прочим сообщал, что барон Маршалл уехал 9 сент./27 авг. в К-поль по окончании своего обычного летнего отпуска, и что перед отъездом он, Маршалл, виделся с императором Вильгельмом, канцлером и Кидерленом. Далее Чарыков писал: «В обстоятельных и дружеских беседах, которые я имел с послом здесь и которые были непринужденнее и свободнее, благодаря нахождению обоих нас в отпуску, я осведомился о некоторых интересных известиях и хотел сообщить их вам по телеграфу. К сожалению, ни в Карлсруэ, ни в Дармштате нет подходящих шифров и потому я пользуюсь сегодняшним курьером, чтобы переслать вам проектированный текст». Далее Чарыков писал: «Мне крайне интересно будет узнать, состоялось ли особое совещание по малоазиатскому железнодорожному вопросу [см. № 314] и каковы его постановления. Мои беседы с Маршаллом открывают может быть и в этом отношении новые благоприятные для нас горизонты».

[2] См. № 277.

[3] См. № 398.

Соображения, изложенные в моей вчерашней телеграмме, остаются, разумеется, в силе.

Нератов.

№ 406. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже — Извольскому, поверенному в делах в Берлине — Шебеко и послу в Лондоне — Бенкендорфу.

Письмо №№ 641, 642, 643 [1]. 7 сентября/25 августа 1911 г.

Весьма секретно.

М. г. Александр Петрович, Николай Николаевич, гр. Александр Константинович,

С сегодняшним курьером вашему... [2] будет доставлен текст русско-германского соглашения 19/6 сего августа [3].

Для вашего личного сведения, считаю долгом сообщить вам, что мы заручились обещанием Германии не строить ветвей Багдадской ж. д. в области, лежащей между этой линией и русской и персидской границами к северу от Ханекена; а также не будет [4] оказывать содействия подобным предприятиям в указанной области, за исключением известных уже нам веток, концессии на которые были получены ранее, а именно веток Моссул — Эрбиль, Диала — Тускурматлы и Хелиф — Мардин — Диарбекир — Харпут. Означенное обещание было передано мне германским послом в устной форме и повергнуто мной на высочайшее благовоззрение всеподданнейшим докладом, редакция коего была мной установлена по соглашению с графом Пурталесом [5].

Считаю долгом прибавить, что об этом обязательстве мной было доведено до сведения... [6]

[А. Нератов.]

P. S. Означенное обязательство не было включено в текст соглашения по просьбе Германии, связавшей себя официальным обещанием перед Турцией [7].

А. Н.

№ 407. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 644. 7 сентября/25 августа 1911 г.

Секретно.

М. г. граф Александр Константинович,

В дополнение к предыдущей переписке [8] имею честь уведомить ваше сиятельство, что я поручил послу в Париже осведомиться конфиденциальным образом об отношении французского правительства к вопросу о положении, которое займут иностранные консулы на предстоящих торжествах коронационного дурбара в Индии [9]. Гофмейстер Извольский сообщил мне в ответ [10], что прави-

---

[1] №№ указаны в порядке последовательности адресатов. Письмо Бенкендорфу опубл. Siebert, II, S. 154, N 446.

[2] Пропуск в оригинале.

[3] См. № 343.

[4] Так в оригинале. В письме, сохранившемся в архиве б. росс. пос-ва в Лондоне, слово «будет» опущено.

[5] См. приложение II к № 319.

[6] Дальше зачеркнуто неразборчивое слово; в письме, хранящемся в архиве б. росс. пос-ва в Лондоне, вместо зачеркнутого слова значится: «сэра Джорджа Бьюкенена».

[7] Подобное же письмо было отправлено Свечину в Константинополь 9 сент./27 авг. за № 651.

[8] См. №№ 69 и 187.

[9] Имеется в виду письмо Нератова Извольскому от 23/10 авг. за № 600, содержание которого в основном изложено в публикуемом документе.

[10] Письмо Извольского от 29/16 авг. за № 64 в основном изложено в публикуемом документе.

тельство республики не придало особого значения жалобам своего консула в Калькутте, аналогичным с теми, которые высказывал коллежский советник Арсеньев [1]; и предписало ему не уклоняться от приглашений, которые он получит по поводу упомянутых торжеств.

Положение, занимаемое консульскими представителями России в азиатских государствах, несколько разнится, конечно, от того, которое занимают консулы Франции, в общем все же менее заинтересованной в азиатских делах, чем мы. Не придавая этому обстоятельству решающего значения, я однако думаю, что если есть возможность избавить нашего генерального консула от той мало соответствующей его достоинству роли, которая предстояла бы ему на дурбаре, ввиду отношения индийского правительства к иностранным консулам — это следовало бы сделать. Г. Арсеньев находится в настоящее время в отпуску; весьма возможно, что он получит другое назначение и в Калькутту больше не вернется. Таким образом его отсутствие на дурбаре не имело бы демонстративного характера; что же касается временно управляющего генеральным консульством, то, ввиду второстепенного положения, которое он занимает, его отсутствие на коронационных торжествах едва ли было бы особенно заметно.

Поэтому я думаю, что можно было бы предложить г. Арсеньеву вовсе не возвращаться теперь к месту служения, а г. Ревлиоти предоставить отклонить приглашение на дурбар под каким-либо благовидным предлогом.

Передавая вашему сиятельству о вышеизложенном, покорнейше прошу вас почтить меня вашим заключением по настоящему вопросу.

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 408. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 198 [2]. 7 сентября/25 августа 1911 г.

Reçu télégramme N 1180 [3].

Lundi [4] au retour de Paris Cambon m'a dit comprendre d'autant moins les agissements inconsidérés de l'Espagne que le gouvernement français était tout prêt à lui donner toutes satisfactions possibles. Il dit que des propositions très larges avaient été faites à l'Espagne. Je tiens de l'ambassadeur d'Espagne que ces propositions n'ont pas été jugées acceptables à Madrid [5]. Il dit aussi qu'à la suite d'une démarche de Bunsen l'occupation d'Ifni avait été temporairement remise et que l'Espagne avait sur ce point des droits de traités incontestables. Grey il y a quelques jours a dit à l'ambassadeur d'Espagne qu'il trouvait des négociations entre l'Espagne et la France intempestives tant qu'un accord ne serait pas établi entre la France et l'Allemagne et toute conversation à ce sujet purement académique. Il a mis l'ambassadeur en garde contre toute action de nature à compliquer la situation [6]. Je tiens ceci de Grey et de l'ambassadeur d'Espagne. Ce dernier m'a pourtant dit que l'occupation d'Ifni n'a été reculée que de quelques jours, des raisons de navigation rendant l'occupation plus tard en automne très difficile. Cambon m'a en effet paru préoccupé de la politique espagnole.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграмму № 1180.

В понедельник, по возвращении из Парижа, Камбон сказал мне, что неосмотрительный образ действий Испании ему тем более непонятен, что французское правительство вполне

---

[1] См. стр. 239, прим. 3.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 156, N 448, с изменениями.

[3] См. № 399.

[4] 4 сент./22 августа.

[5] См. № 403.

[6] У Siebert'а слова: «toute action... la situation» заменены словами: «übereilten Schritten» («поспешных шагов»).

готово было дать ей любое возможное удовлетворение. Он сказал, что Испании были сделаны весьма далеко идущие предложения. Я слышал от испанского посла, что в Мадриде они не были признаны приемлемыми. Он сказал также, что вследствие выступления Бунзена занятие Ифни временно отложено и что согласно договоров Испания имеет на этот пункт бесспорные права. Несколько дней назад Грей сказал испанскому послу, что он считает переговоры между Испанией и Францией несвоевременными, пока не состоится соглашение между Францией и Германией и что всякий разговор по этому вопросу является чисто академическим. Он предостерегал посла от всякого действия, могущего осложнить положение. Я слышал это от Грея и от испанского посла. Тем не менее последний мне сказал, что оккупация Ифни отложена лишь на несколько дней, так как условия навигации делают занятие [этого порта] позднее, осенью, весьма затруднительным. Мне показалось, что Камбон в самом деле обеспокоен испанской политикой.

Бенкендорф.

№ 409. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 113. 7 сентября/25 августа 1911 г.

Получил телеграмму № 1182 [1].

Вопрос о занятии Ифни осложняется тем обстоятельством, что Франция ставит условием нового соглашения с Испанией о Марокко отказ Испании от особой зоны к югу от Агадира, предоставленной ей соглашением 1904 г., в каковую зону входит крайний север. Условие это объясняется необходимостью наложить на Испанию соответственную жертву за приобретаемую ею свободу действий в северной зоне. Следует предвидеть, что подобное требование встретит сильный отпор со стороны Испании и еще более обострит франко-испанские отношения.

Извольский.

№ 410. Поверенный в делах в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 7 сентября/25 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

За исключением вопроса о русско-германской конвенции 19/6 августа, о чем я имел честь донести вашему превосходительству секретной телеграммой от 5 сентября/23 августа [2], объяснения мои с великим визирем в прошлый понедельник относились большей частью до разных текущих дел посольства с Портой и лишь под конец разговор наш коснулся общеполитического положения.

Я воспользовался этим случаем, чтобы осведомиться о взгляде Хакки-паши на настойчиво повторяющиеся за последние дни слухи, что в случае утверждения Франции в Марокко Италия, считая политическое равновесие в Средиземном море нарушенным, потребует себе соответственной компенсации, причем часто указывается прямо на Триполи. В это самое утро одно телеграфное агентство сообщило сюда, между прочим, содержание статьи берлинской «Kreuz-Zeitung», ратующей в означенном смысле за права и интересы Италии.

Я затронул в беседе с великим визирем этот вопрос потому, что нельзя не замечать поразительной разницы между настроением по сему предмету турецкой прессы и направляющих ее политических кругов ныне и в недавнее еще время. Тогда как ранее простое обсуждение итальянских интересов в Триполи итальянской печатью вызывало здесь раздражение и страстные возражения, теперь официозное «Оттоманское телеграфное агентство» воспроизводит вышеупомянутые известия о компенсациях Италии без комментариев, и турецкие газеты до сих пор на эту тему безмолвствуют.

[1] См. стр. 409, прим. 5.
[2] См. № 396.

Хакки-паша не был еще осведомлен об оповещенной телеграфом статье берлинской газеты и при упоминании об этом заметно навострил свое внимание. Но в общем он говорил на этот раз о триполитанских притязаниях Италии, юридической их необоснованности и пр. спокойным, почти отвлеченным тоном.

Здесь нелишне будет отметить, что триполийский вали, систематически чинивший всевозможные придирки и правонарушения по отношению к итальянским учреждениям и подданным в Триполи, недавно был отозван и заменен там бывшим трапезундским валием, человеком, пользующимся репутацией ловкого администратора.

Все это, конечно, пока не более, как одни признаки; но в связи с общеполитическим положением данной минуты они достойны некоторого внимания. Сопоставляя их с недавним прошлым, нельзя не вынести впечатления «qu'il y a quelque chose de changé» [1]. А если не упускать из виду, что со своими жалобами и челобитными по триполийским делам Турция постоянно обращалась в Берлин (см., между прочим, мое письмо к гофмейстеру Сазонову от 14/1 октября 1910 года [2]), то в Берлине и следует искать ключ к замечаемой перемене.

Когда в боснийском конфликте Германия оказалась в необходимости высказаться недвусмысленно между Турцией и Австро-Венгрией, она не могла не стать на сторону последней. Если бы ход событий поставил ее перед необходимостью такого же выбора между Италией и Турцией, едва ли может быть сомнение в том, что перевес окажется на стороне Италии. Тот же боснийский вопрос убеждает, что Германия не рискует даже при этом серьезно своим положением и влиянием в Турции, которая на нее одну уповает против России.

После нескольких месяцев шумных протестов Турция, по внушениям Германии, не замедлила примириться окончательно с потерей своих верховных прав на Боснию и Герцеговину, а отношения ее с Австро-Венгрией стали даже более дружественными. Трудно усмотреть достаточно веские причины, которые могли бы безусловно воспрепятствовать подобному же конечному исходу дела в Триполи, хотя занятие последнего и вызовет неминуемо период бурных протестов. Есть, несомненно, разница в том, что Босния была уже фактически утрачена для Турции тридцать лет ранее, тогда как Триполитания находится еще в непосредственном ее владении. Но и по отношению к последней ущерб для Турции только нравственный. Триполийские владения не только не производительны в руках Турции, но прямо убыточны для нее в денежном и военном отношениях, отвлекая за море довольно значительную военную силу. Не может быть сомнения в том, что Германия предпочла бы, чтобы войска эти освободились для усиления малоазиатского фронта Турции.

Считаю не лишенной известного интереса прилагаемую при сем в вырезке статью константинопольской газеты «Le jeune Turc» [3], не стоящей в непосредственной связи с правящими сферами, но широко распространенной в наиболее образованных слоях турецкого мира. Статья эта, касаясь современных европейских осложнений и приспособляя знаменитое изречение императора Вильгельма времен Алжесирасской конференции по адресу Австро-Венгрии, жаждет для Турции чести и выгоды заслужить в свою очередь название «brillant troisième» гогенцоллернской империи.

О том, как, несмотря на некоторые преходящие встречные явления и несмотря на внутреннюю борьбу партий и смену правящих лиц, Турция про-

[1] «что произошла какая-то перемена».

[2] При письме от 14/1 окт. 1910 г. Свечин препроводил «полученный секретным путем документ» — обращение великого визиря к герм. м-ру ин. дел. Свечин писал при этом, что турец. прав-во и раньше неоднократно обращалось к берл. кабинету с жалобами на происки итальянцев в Триполитанском вилайете. Новое обращение Хакки-паши заслуживало, по мнению Свечина, большего внимания, так как в нем содержалось «вполне определенное упоминание о принятых перед Германией обязательствах, относящихся до реорганизации и увеличения турецких военных сил на малоазиатской окраине империи» и указание на то, что «Порта должна будет сократить размер предназначаемых на это денежных средств, чтобы обратить часть их на усиление триполийских позиций, если берлинский кабинет не произведет серьезного давления на Италию».

[3] Приложение не воспроизводится.

грессивно подпадает все более военному, политическому и экономическому господству Германии, можно судить и по нескольким новейшим примерам. Так на-днях новый американский посол г. Рокхилл сказал мне, что до его сведения дошло, что между турецким правительством и обществом Багдадской железной дороги, получившим, как известно, недавно концессию на ветвь от багдадской магистрали к югу до Александреттского порта, ведутся ныне переговоры о постройке тем же обществом линии к северу от багдадского пути до Диарбекира. Такая линия от Александретты до Диарбекира шла бы по близкой параллели от проектированной г. Честером железной дороги, и сдача ее немцам сделала бы, по справедливому замечанию г. Рокхилла, все планы названного американского предпринимателя, ожидающие своего обсуждения в турецкой палате депутатов, неосуществимыми. Странно, как это находит и г. Рокхилл, что сам г. Честер как-будто перестал интересоваться своим проектом и с прошлой зимы безвестно отсутствует из Константинополя. Я приложу старания к тому, чтобы проверить полученное американским послом сведение и у других источников.

На-днях в здешних газетах было оповещено, что предстоит заказ турецким военным ведомством восьмидесяти мортир (obusiers) и что на означенную поставку будет объявлен конкурс. К сему присовокуплялось, что к торгам будут однако допущены только немецкие и австро-венгерские заводы.

Примите и пр.

А. Свечин.

№ 411. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 739. 7 сентября/25 августа 1911 г.

Сообщаю в Лондон.

Получил телеграмму № 1128 [1]:

Шустер посетил меня вчера и просил довести до сведения императорского правительства, что ему крайне трудно оформить сделанные им и изложенные в моей телеграмме № 702 [2] предложения относительно будущей службы Стокса, так как меджлис видит в этом косвенное признание влияния России и Англии. Вследствие этого он просит, как акт великодушия, согласия императорского правительства на заключение контракта со Стоксом, всего сроком на 9 месяцев, которые он проведет в Тегеране для содействия Шустеру в организации финансовой жандармерии. Он надеется, что в случае нашего согласия английское правительство оставит Стокса на действительной военной службе. По истечении помянутого срока последний либо вернется в индийскую армию, либо, при заключении с ним нового контракта, будут приняты к руководству требования императорского правительства. Шустер очень просил о сроке в 9 месяцев, но конечно был бы весьма благодарен и за оставление ему Стокса на 6 месяцев. Сообщенные мне письменно данные о финансовой жандармерии представляю в отдельной телеграмме [3].

Поклевский.

Не уступать.

Петергоф, [8 сентября] 26 августа 1911 г.

№ 412. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 531. 7 сентября/25 августа 1911 г.

Посетивший меня Ху Вей-дэ [4] на словах передал нижеследующий ответ на наше заявление по монгольскому вопросу [5]. Политика китайского правительства

---

[1] См. стр. 362, прим. 1.
[2] См. № 351.
[3] См. № 419.
[4] Товарищ м-ра ин. дел Китая.
[5] См. № 366.

в Монголии имеет целью улучшить внутреннее положение этой области, стоящей на весьма низком уровне; прогресс Монголии послужит на пользу как русской торговле в этой области, так и вообще соседних русских владений. Благодаря невежеству многих монголов цели китайского правительства были вероятно превратно истолкованы. Ныне китайским властям предписано разъяснить населению, что Китай преследует лишь благо Монголии. Колонизация производится на свободных землях без ущерба для монгольских землевладельцев. Достаточные военные силы необходимы для действительных мер к поддержанию порядка; от волнений в Монголии могли бы пострадать русские интересы. Что касается до существующих дружелюбных отношений между Россией и Китаем, то китайское правительство искренно желает их упрочения, но не видит связи между этими отношениями и монгольским вопросом, который является чисто внутренним делом Китая. Передавая эти устные объяснения императорскому правительству, вай-ву-бу просит принять меры к тому, чтобы в сопредельных русских областях не возникло брожения среди буддистов.

Коростовец.

№ 413. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Афинах Татищеву.

Телеграмма № 1190[1]. 8 сентября/26 августа 1911 г.

Сообщается в Париж, Лондон, Рим, Константинополь и Канею.

Английское правительство обратилось к нам с предложением, чтобы представители держав-покровительниц в Афинах заявили совместно королю Георгу, либо непосредственно, либо через министра иностранных дел, о решении не замещать пост верховного комиссара по истечении срока полномочий Заимиса, ввиду нежелательности нарушения существующего порядка на острове.

С тем же предложением Англия обратилась к Франции и Италии; если представители этих держав в Афинах получат соответственные инструкции по сему предмету, не усматриваем препятствий к тому, чтобы вы присоединились к выступлению ваших коллег.

К сему считаю долгом присовокупить, что великобританскому представителю в Афинах предписано изложить королю, что решение держав сообщается его величеству предварительно обнародования, ввиду особого положения, занимаемого Грецией в настоящем вопросе, и высказать уверенность, что король оценит причины, приведшие державы к таковому решению[2]; представители же в Канее и Константинополе получат, как только сообщение королю будет сделано, предписание уведомить Кундуроса[3] и Порту о решении держав сохранить status quo на острове и не возобновлять полномочий Заимиса[4].

Нератов.

С[огласен.]

Петергоф, [7 сентября] 25 августа 1911 г.

---

[1] Царск. экз.

[2] Тел. от 8 сент./26 авг. за № 1196 Нератов сообщил Татищеву, что, ввиду пребывания короля Георга в Дании, представители держав-покровительниц в Копенгагене получили предписание сделать заявление непосредственно королю. «Вам все же надлежит, — передавал Нератов, — независимо сего, сговорившись с коллегами, сделать совместное заявление Венизелосу».

Тел. от 12 сент./30 авг. за № 47 Татищев сообщал, что греч. прав-ву передана декларация представителей четырех держав-покровительниц. Тел. от того же числа за № 48 Татищев передавал текст декларации, содержание которой исчерпывается публикуемым документом.

[3] Председатель исполнительного комитета.

[4] Тел. от 13 сент./31 авг. за № 563 Свечин передавал текст соответствующего сообщения Порте и указывал, что оно будет сделано 14/1 сент.

№ 414. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 200 [1]. 8 сентября/26 августа 1911 г.

J'ai demandé à Grey ce qu'il pense de situation politique entre France et Espagne. Il m'a dit que roi et gouvernement avaient d'abord considéré démarche Geoffray [2] comme ultimatum, que c'est là un malentendu qui avait été, pense-t-il, depuis dissipé dans sens que France s'attend à contre-proposition espagnole. Grey a ajouté qu'il ne faut pas perdre de vue que si négociations à Berlin aboutissent, France aura, sauf approbation des autres Puissances, obtenu reconnaissance de sa situation au Maroc au prix de sacrifices très considérables, que par conséquent quels que soient les droits historiques de l'Espagne, elle ne saurait s'attendre à les voir assurés sans aucun sacrifice. Grey ajouta qu'il croit savoir que Geoffray était personnellement imbu de principes très conciliants. Grey ne m'a pas paru autrement inquiet. Je crois qu'attitude du gouvernement anglais en cette question sera déterminée par entente anglo-française.

Benckendorff.

Перевод.

Я спросил у Грея, что он думает о политических отношениях между Францией и Испанией. Он сказал мне, что король и правительство сперва сочли выступление Жоффре ультиматумом, что это являлось недоразумением, которое затем, как он думает, было рассеяно в том смысле, что Франция ожидает испанского контрпредложения. Грей добавил, что не следует упускать из виду, что если берлинские переговоры закончатся успешно, то Франция, при условии одобрения со стороны других держав, получит признание своего положения в Марокко ценой весьма значительных жертв. Поэтому, каковы бы ни были исторические права Испании, она не может рассчитывать на то, чтобы эти права были закреплены за ней без каких-либо жертв. Грей добавил, что, насколько ему известно, Жоффре лично проникнут весьма миролюбивыми намерениями. Грей, как мне показалось, не сильно встревожен. Я полагаю, что позиция английского правительства в этом вопросе будет определяться англо-французским соглашением.

Бенкендорф.

№ 415. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 202 [3]. 8 сентября/26 августа 1911 г.

Mercredi [4] Cambon me fit très confidentiellement le récit d'un entretien récent entre Isvolsky et son frère au sujet d'une éventualité de médiation autrichienne [5]. Il plaidait avec l'ambassadeur le refus d'une médiation autrichienne. Il me dit avec insistance qu'il ne croyait pas possible que la France pût accepter une pareille proposition. Aujourd'hui à la fin de mon entretien avec Grey, le ministre fit allusion aux nouvelles parvenues à ce sujet de Paris. Tout en se gardant de donner à ses paroles un caractère d'entretien officiel et en marquant qu'il désirait leur conserver celui d'un simple échange d'idées, Grey me dit qu'en dernier ressort il serait prêt à adhérer à tout projet quel qu'il soit, à condition qu'il fût pratique, ayant

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 157, N 450.

[2] См. № 403.

Тел. от 9 сент./27 авг. за № 204 Бенкендорф сообщал, со слов Камбона, что Жоффре не имел ни инструкций, ни намерения придать своему заявлению ультимативный характер. Дело шло лишь о том, чтобы Испания, по примеру Франции, принесла некоторые жертвы, но что заявление Жоффре не исключало возможности испанских контрпредложений. По мнению англ. посла в Мадриде, участие Испании в берлинских переговорах, одинаково неприемлемое как для Франции, так и для Германии, лишь осложнило бы эти переговоры. По окончании же переговоров в интересах Франции было бы дать возможно широкое удовлетворение Испании.

[3] Опубл. Siebert, II, S. 158, N 451.

[4] 6 сент./24 августа.

[5] См. №№ 350 и 368.

pour fin d'abord le maintien de la paix et en second lieu, si cela devient nécessaire, celui d'exonérer la France de toute accusation de politique agressive. Il a dit penser à une conférence, mais qu'il ne voulait exclure ni médiation, ni arbitrage. Toutefois il croit qu'il est prématuré d'en parler et en tous cas il croit impossible que la France puisse accepter la médiation d'un souverain allié à l'Allemagne. Il ne considère pas cette idée de conférence pratique. Je lui répondis que je n'avais au sujet de ces pourparlers aucune information autorisée, mais que le fait de l'entretien, même confidentiel, entre Isvolsky et Cambon me prouvait qu'il y a là une question à l'étude. Entrant dans l'examen du projet tel qu'il m'était présenté je dis qu'il ne fallait pas perdre de vue que la Russie avait au cours de la crise actuelle une situation tout particulièrement difficile, plus difficile que toute autre Puissance; que d'un côté tenue par des traités d'alliance, auxquels la Russie ne songeait certainement pas à se soustraire, il n'en était pas moins évident que si il y a guerre, elle surprendrait la Russie en plein travail pacifique de consolidation, reconstruction et réformes et qu'elle serait appelée à y prendre part à l'occasion d'une question où ses intérêts directs sont minimes et uniquement pour des considérations d'ordre politique supérieures, insuffisantes pour l'opinion publique générale et pour des raisons d'honneur et de prestige; qu'en ce cas plus qu'en tout autre il incombait au gouvernement impérial d'étudier tous les projets et de ne renoncer à aucun effort pour le maintien d'une paix équitable. J'ajoutai que c'est ainsi que je m'expliquerais les pourparlers de Paris. Grey ne fit aucune objection et répéta que dans le double but indiqué il concourait à nos voeux et concourrait au moment donné à tout projet pratique. Il répéta qu'il n'avait parlé de cette question que tout confidentiellement et incidemment. Je répondis que je croyais devoir informer votre excellence de cette partie de notre entretien, en lui conservant le caractère voulu.

Benckendorff.

Перевод.

В среду Камбон рассказал мне весьма доверительно о недавнем разговоре его брата с Извольским по вопросу о возможности австрийского посредничества. Он убеждал посла в необходимости отказаться от австрийского посредничества. Он сказал мне в настойчивой форме, что по его мнению Франция не может принять подобного предложения. Сегодня Грей, в конце моего разговора с ним, коснулся сведений, полученных по этому поводу из Парижа. Избегая придавать своим словам характер официальной беседы и подчеркивая, что он желает сохранить за ними характер простого обмена мнениями, Грей сказал мне, что в конечном счете он был бы готов присоединиться к любому проекту при условии, чтобы он был практически осуществимым и, во-первых, имел бы целью сохранение мира, а во-вторых, если это окажется необходимым, избавлял бы Францию от всякого обвинения в агрессивной политике. Он сказал, что думает о конференции, но не желает исключать ни посредничества, ни арбитража. Тем не менее он думает, что преждевременно говорить об этом, и во всяком случае считает невозможным, чтобы Франция могла согласиться на посредничество монарха, находящегося в союзе с Германией. Эту мысль о конференции он не считает практичной. Я ответил ему, что не имею никаких достоверных сведений об этих переговорах, но что сам по себе факт хотя бы и доверительной беседы между Извольским и Камбоном доказывает мне, что вопрос находится в процессе изучения. Входя в рассмотрение проекта в том виде, в каком он мне представлен, я сказал, что нельзя упускать из виду, что в течение настоящего кризиса положение России является особенно трудным, более трудным, чем положение какой-либо другой державы; что, с одной стороны, Россия связана союзными договорами, от соблюдения которых она конечно не думает уклоняться, но что тем не менее ясно, что если бы война возникла, она застала бы Россию в разгаре ее мирной работы по укреплению, реконструкции и реформам и что она вынуждена была бы принять участие в войне из-за вопроса—в коем ее непосредственные интересы минимальны — исключительно по соображениям высшей политики, неудовлетворительным с точки зрения широкого общественного мнения, и по мотивам чести и престижа; в этом случае — больше чем в каком-либо ином — императорское правительство должно изучить все проекты и не отказываться ни от каких усилий к сохранению справедливого мира. Я добавил, что именно таким образом я объясняю себе парижские переговоры. Грей ничего не возразил и повторил, что ради обеих указанных выше целей он и содействует выполнению наших пожеланий и в любое время будет содействовать каждому целесообразному проекту. Он повторил, что говорил об этом вопросе лишь строго доверительно и между прочим. Я ответил, что считаю своим долгом осведо-

мить ваше превосходительство об этой части нашей беседы, сохранив за нею желаемый характер.

Бенкендорф.

№ 416. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине Коростовцу.

Телеграмма № 1204. 9 сентября/27 августа 1911 г.

№ 531 [1] получен.

Не отрицая, что монгольский вопрос есть внутреннее дело Китая, мы однако не можем не указать китайскому правительству на то значение, которое то или другое решение этого вопроса будет иметь для общих политических отношений России с Китаем, ввиду нашего соседства с Монголией и родства между нашими бурятскими подданными и монголами. До принятия китайским правительством нышешнего направления его монгольской политики Халха была спокойной. Принятие этого направления уже вызвало в крае волнения, и мы не можем не опасаться их дальнейшего развития, особенно имея в виду пример Внутренней Монголии.

Мы не думаем поощрять среди наших буддийских подданных волнений, которые могли бы передаться в Монголию; но и китайское правительство хорошо сделает, если со своей стороны откажется от мер, вызывающих в Халхе брожение, которое может передаться в наши пределы. Интересы России и Китая в данном случае совпадают, и это дает нам основание рассчитывать, что китайское правительство внимательно отнесется к нашим представлениям. Если же оно не желает следовать нашему совету, то принимает на себя ответственность за последствия своего образа действий [2].

Объясняясь в вышеизложенном смысле с китайскими министрами, вы могли бы, если признаете это полезным, указать им, что настоящее положение в Халхе побуждает нас вернуть в Ургу наш усиленный консульский конвой, отозванный, было, вследствие наступившего там успокоения.

[Нератов.]

№ 417. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 115. 9 сентября/27 августа 1911 г.

Продолжение моей вчерашней телеграммы № 114 [3].

Из устных сообщений Кидерлена Камбону можно заключить, что он существенно изменил постановку марокkского вопроса. Тогда как до сих пор он заявлял о готовности Германии предоставить Франции самые широкие права в Марокко и главным образом настаивал на обширных территориальных компенсациях, ныне он опять стремится стеснить свободу действий Франции в этой стране,

---

[1] См. № 412.

[2] Донесением от 10 сент./28 авг. за № 855 Лавдовский сообщал Коростовцу, что монгольские князья остались недовольны ответом росс. прав-ва на их ходатайство и что многие из них уехали в свои хошуны, опасаясь репрессий со стороны китайцев. Амбань Саньдо (местный администратор), узнавший об обращении князей к России, потребовал от них «письменного заявления о том, что обращение к нам за помощью есть дело немногих лиц, и что большинство князей и гэген в этом деле участия не принимают». Под влиянием угроз амбаня князья дали устно требуемый ответ и уведомили Лавдовского, что «впоследствии, когда обстоятельства переменятся, они откажутся от своих слов». По словам Лавдовского, Саньдо категорически воспретил князьям сноситься с консульством, «рекомендовав им не полагаться на помощь России и пригрозив, в случае неповиновения, пустить в дело 500 чел. солдат и вооружить китайское население Урги, которое многочисленнее монгольского. Дворец хутухты окружен китайскими солдатами, не пропускающими русских подданных». «Поэтому, — указывал Лавдовский, — если мы не думаем отказаться от данных нами монголам обещаний, то необходимо принять немедленно решительные меры воздействия на китайцев».

[3] См. стр. 409, прим. 1.

Германский контрпроект не только выставляет длинный ряд экономических требований, но, признавая в принципе политическое господство Франции в Марокко, обставляет каждый пункт французского проекта ограничительными оговорками и условиями. Здесь очень поражены этой новой переменой фронта, которая приписывается влиянию императора и канцлера. Де Сельв высказал мне, что раз Германия опять стремится ограничить права Франции в Марокко, территориальные компенсации теряют всякий смысл и оправдание. Я ответил ему, что на мой взгляд постановка вопроса безопаснее и выгоднее для Франции, ибо спор о пределах территориальных уступок мог привести к внезапному разрыву переговоров, наоборот, обсуждение будущего статуса Марокко — весьма эластично и может продолжаться очень долго и в конце концов окончиться благополучно. Серьезной преградой на этом пути является однако вопрос об оставлении под знаменами старослужащих, который должен быть разрешен к 20 сентября. Я обратил особенное внимание де Сельва на этот вопрос и на опасность вызвать со стороны Германии ответную меру, что неизбежно осложнит положение.

Извольский.

№ 418. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 744. 9 сентября/27 августа 1911 г.

После последнего сражения начальники правительственных войск и английские корреспонденты вели продолжительную беседу с Аршад-эд-Доуле [1], стараясь получить от него разные сведения. Последний вел себя все время героем и никого из здешних своих единомышленников не выдал, но между прочим рассказал о беседе императорского посла в Вене с Мохамед-Али-шахом и о том, что купленное в Австрии оружие и патроны были провезены через Россию под видом минеральной воды. Он также пояснил, что бывший шах имеет при себе два пулемета, которыми он, однако, не может воспользоваться, так как приглашенные им на службу два австрийца не прибыли в Персию. У Аршад-эд-Доуле захвачен сундук с документами и корреспонденцией, но говорят, что большинство последней писано шифром, ключ к коему персидскому правительству неизвестен.

Поклевский.

№ 419. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 746. 9 сентября/27 августа 1911 г.

Дополнение к моей телеграмме № 739 [2].

Согласно письму Шустера, финансовая жандармерия предназначается как для активного сбора налогов, так и для внушения чувств порядка и общественной безопасности, без коих взимание податей в Персии невозможно. Состав жандармерии будет персидским, за исключением нескольких европейских и американских офицеров. Шустер считает, что для успешного выполнения возложенной на нее задачи, численность ее должна дойти от 12 000 до 15 000 тысяч, но этой цифры вероятно нельзя будет достигнуть ранее восемнадцати или более месяцев. Он убежден, что существование двух жандармерий в Персии не нужно и не экономно, но пока это лишь его личное мнение. Он думает, что в большинстве случаев одно присутствие хорошо организованной и дисциплинированной силы, каковой явится финансовая жандармерия, будет достаточным для поддержания порядка. Более же серьезные беспорядки потребуют вмешательства регулярной армии.

Поклевский.

---

[1] Тел. от 6 сент./24 авг. за № 737 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 120) Поклевский сообщил Нератову о том, что «правительство объявляет о полной победе над отрядом Аршад-эд-Доуле, который взят в плен и расстрелян».

[2] См. № 411.

№ 420. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1209 [1]. 10 сентября/28 августа 1911 г.

Сообщается в Лондон и Берлин.

Посетивший меня вчера французский посол сделал мне по поручению своего правительства нижеследующее сообщение относительно франко-испанских переговоров.

Появившийся слух о будто бы ультимативном заявлении [2], сделанном Францией Испании касательно предположенного последней занятия Ифни, лишен основания. Действительно, французский посол в Мадриде коснулся этого вопроса в несколько более решительной форме, но сделано это было лишь [3] после неоднократных настояний со стороны испанского правительства на продолжении переговоров.

Испанское правительство, к сожалению, придало указанному шагу неправильное толкование. Во всяком случае, прибавил Жорж Луи, правительство республики никогда не предприняло бы крайнего шага, не предупредив нас.

Поблагодарив Луи за сообщение, я высказал ему со своей стороны, что мы были несколько удивлены оборотом франко-испанских переговоров и выступлением Франции в столь жгучий момент, когда всякий неосторожный шаг может дать лишь лишний козырь в руки Германии.

Г. Луи ответил мне, что он вполне разделяет мое мнение по сему вопросу [4].

[Нератов.]

№ 421. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [5]. 11 сентября/29 августа 1911 г.

Personnelle.

Cher Анатолий Анатольевич,

Mes derniers renseignements sont puisés dans le télégramme par lequel Mr. Jules Cambon rend compte de l'examen préliminaire des contre-propositions allemandes entre lui et Mr. de Kiderlen à leur entrevue de jeudi dernier [6]. Je dois la communication très confidentielle de ce télégramme à l'amabilité de mon collègue de France.

L'impression de Mr. Paul Cambon et celle de Sir E. Grey, que j'ai vu le même jour, sont hésitantes, mais pas entièrement mauvaises.

Le terrain serait éclairci; une base semble avoir été trouvée. S'il reste, il est vrai, des points fort inquiétants, les uns contestables, les autres inacceptables, il n'en est pas moins acquis que le nombre en est limité.

Sir E. Grey craint que la négociation n'exige encore beaucoup de temps et il redoute que l'esprit public tant en France qu'en Allemagne n'ait pas la patience nécessaire. Les paniques de Bourse se produisant juste en ce moment semblent donner raison à ses appréhensions. Bref, il est loin d'être entièrement rassuré.

Mr. Cambon m'a dit que Sir E. Grey, en prenant connaissance du projet de contre-propositions allemandes, avait «tiqué» sur plusieurs points trop voisins d'un privilège spécial. Il aurait dit: il faut la même porte ouverte pour tout le monde, —

---

[1] Опубл. Stieve, I, S. 144, N 119.

[2] См. стр. 417, прим. 2.

[3] Последующие слова абзаца вставлены вместо зачеркнутых: «ввиду желания французского правительства удержать Испанию от всякого выступления, крайне несвоевременного в настоящий политический момент».

[4] Ответной тел. от 12 сент./30 авг. за № 117 Извольский сообщал: «Де Сельв подтвердил мне, что заявление Франции в Мадриде отнюдь не имело ультимативного характера. Франция, считая, что Испания должна дать ей некоторые компенсации за приобретаемые выгоды на севере Марокко, указала ей на отказ от южной зоны, в которой до сих пор испанцы ничего еще не предпринимали. Испанское правительство согласилось на принцип компенсации, и переговоры продолжаются».

[5] Опубл. Siebert, II, S. 160, N 453.

[6] 7 сент./25 августа.

ce qui exclue des privilèges spéciaux pour l'Allemagne et borne les privilèges français aux intérêts politiques.

Il peut cette fois encore, je crois, se répéter quelque chose d'analogue à ce à quoi nous avons assisté lors de nos négociations avec l'Allemagne pour la Perse.

Que les adjudications pour les constructions des chemins de fer et leurs fournitures restent ouvertes à toutes les Puissances y compris, bien entendu, l'Allemagne— ne fait pas de difficultés. Il en est autrement de l'exploitation qui, entraînant un intérêt politique, doit, — selon le gouvernement français et aussi, je pense, dans l'opinion anglaise, — rester en mains marocaines, c'est à dire françaises.

Mr. Paul Cambon regrette personnellement que le projet français ait fait mention de la question judiciaire. Il la trouve inopportune tant que durera le régime des capitulations qui, en l'état où se trouve le Maroc, ne peut prendre fin d'ici très longtemps. Cette question judiciaire devrait entraîner celle de tribunaux mixtes, ce qui constitue une difficulté sérieuse.

Le projet allemand ne contiendrait rien de définitif au sujet de Souse.

En somme, malgré quelques points fort obscurs, l'Allemagne aurait accepté les 6 premiers articles du projet français, et ceci est considéré ici comme fort important, à moins que Mr. de Kiderlen, en précisant le texte, ne change encore une fois de point de vue. Sir E. Grey n'est pas tout à fait rassuré à ce sujet.

Sir E. Grey n'est pas très pessimiste quant aux complications que pourrait amener l'entrée en scène des intérêts espagnols. Il pense qu'il n'y a place pour des négociations pratiques possibles entre la France et l'Espagne que plus tard et sur la base d'un arrangement franco-allemand. D'ici là les conversations auront forcement un caractère académique, c'est ce qu'il a dit à Mr. de Villa-Urutia.

Comme tout le monde, j'ai eu un moment d'appréhension quand le mot «ultimatum» [1] à soudainement retenti.

Il semblerait que le ministre espagnol et sous son influence le roi, se seraient un peu nerveusement pressés de le prononcer. En réalité ce n'est pas la France, mais l'Espagne qui a rendu aiguë la question d'Ifni en annonçant l'occupation immédiate de ce point. D'après ce que me dit Mr. Cambon, Mr. Geoffray a été chargé de présenter un projet d'arrangement contenant en effet l'abandon d'Ifni — ceci en réponse à la déclaration espagnole; ce projet n'exclue nullement un contre-projet espagnol; c'est une base de négociations sans aucun caractère d'ultimatum que la succeptibilité espagnole y a vu et dont imprudemment le mot a été prononcé.

Je ne sais si cette question d'Ifni est en elle-même fort importante. Ifni est une plage déserte qui restera telle, à moins que l'Espagne n'y dépense des milliards, qu'elle n'a pas et que la France n'a d'ailleurs aucune intention de dépenser.

C'est surtout question d'amour-propre poussé un peu loin. Les droits anciens de l'Espagne ne sont guère contestables, depuis 1860 surtout. Mais depuis 50 ans l'Espagne n'a jamais rien fait pour les faire valoir. Le conflit subit me semble donc plus à la charge de l'Espagne que de la France.

Je ne sais s'il est déraisonnable d'estimer que ce point pourrait constituer un des sacrifices peu onéreux que l'Espagne aurait à porter à l'oeuvre d'un arrangement franco-espagnol. On ne saurait s'attendre à ce que la France, qui espère acheter extrêmement cher la reconnaissance de sa situation au Maroc, assure du même coup celle de l'Espagne sans qu'il en coûte rien à cette dernière. C'est aussi l'opinion de Sir E. Grey.

Le rôle que l'Allemagne a pu jouer en cette affaire reste quelque peu mystérieux. Vous n'ignorez pas, je pense, un renseignement intéressant que très confidentiellement Mr. Paul Cambon m'a fourni: pour le cas d'un accord Mr. de Kiderlen aurait accepté de s'engager par écrit en note secrète de ne pas se mêler des intérêts espagnols.

Il est vrai que la zone espagnole est mentionnée dans le texte des contre-propositions allemandes. Pourtant cette contradiction n'inquiète pas Mr. Paul Cambon, et Sir E. Grey ne m'en a pas parlé.

---

[1] См. № 403.

D'après Mr. Cambon, c'est sur l'insistance qu'a mise le gouvernement espagnol à continuer la négociation, que le projet français avait été présenté avec mention du point de vue français sur Ifni. Si actuellement l'Espagne ne répondait par aucune contre-proposition, la négociation se trouverait de fait remise.
Toujours selon Mr. Paul Cambon, le but réel du gouvernement espagnol serait de prendre part aux négociations actuelles de Berlin.
Ceci ne serait pas admissible, et il pense que même l'Allemagne s'y opposerait, comme compliquant la négociation à un point qui rendrait un résultat pratique presque impossible.
Sir E. Grey s'est borné à me dire qu'il croyait que le malentendu au sujet du mot «ultimatum» avait été dissipé.

Le 12 septembre/30 août.

Cette lettre était écrite sous l'impression des premières nouvelles reçues par Sir E. Grey et Mr. Paul Cambon, absents aujourd'hui tous deux. Je la laisse telle qu'elle est pour mieux expliquer ce qui suit.
J'ai vu hier soir Sir A. Nicolson. Malheureusement les dernières nouvelles de Paris ne lui permettent pas de persévérer dans l'optimisme relatif que les premières nouvelles avaient produit. Mr. de Selves considérerait que Mr. de Kiderlen a cette fois encore changé de terrain. Cessant d'attacher grande importance aux concessions territoriales au Congo, il serait revenu sur le côté politique de la situation au Maroc et aurait si bien transformé, en les précisant, le caractère des articles, qu'au lieu de protectorat français il en résulterait plutôt une sorte de condominium.
En ce cas les conclusions hésitantes de Sir E. Grey n'auraient pas été tout à fait sans fondement. Sir A. Nicolson considère cette fois la situation comme fort sérieuse et, sans désespérer tout à fait encore, il m'a dit ne pas bien comprendre comment on arrivera à faire concorder des points de vue aussi différents.
Il m'a cité les points suivants qui en effet me paraissent bien sérieux:
Dans l'article V, je crois, l'Allemagne renonce à négocier avec le sultan sans s'être entendu au préalable avec la France; mais cet engagement doit être réciproque.
L'importance de cette modification saute aux yeux. Elle annulle pour ainsi dire tout l'avantage français.
Ensuite l'Allemagne abandonne bien l'organisation de tous les services publics à la France, mais celle-ci ne pourra y procéder qu'à la demande du sultan. Ceci encore paralyserait toute initiative française.
Enfin l'Allemagne négocie avec la France en excluant de la négociation la zone d'influence espagnole et ce point serait certainement important, si la chose devait être prise tout à fait au sérieux. Mais il me vient à ce sujet des doutes. En effet, la promesse de Mr. de Kiderlen à Mr. Cambon était trop positive; il me paraît plutôt que c'est un point sur lequel Mr. de Kiderlen céderait pour arriver à un accord. Dans le cas contraire, il aurait une preuve en main pour montrer à l'Espagne qu'elle a été soutenue par le gouvernement allemand, — procédé d'une franchise douteuse, mais que je ne saurais écarter de mon esprit.
Sans parler des points secondaires, ce sont là les points principaux qui font que Sir A. Nicolson considère la situation comme fort compliquée et sérieuse.
Selon lui toute la base qui est l'admission par l'Allemagne, moyennant compensations au Congo, d'un protectorat français au Maroc, est détruite, — ce qui constitue un recul sur lequel il sera difficile de revenir.
Je lui demandai de compléter sa pensée. Vous ne pensez pas, lui dis-je, que l'Allemagne veuille la guerre. — Non, m'a-t-il répondu, je ne le crois aucunement. Mais je crois que, sous la pression d'une partie influente de l'opinion publique, le gouvernement allemand s'est vu contraint de virer de bord et de charger ses batteries en les redirigeant sur le Maroc.

Sir Arthur redoute que l'Allemagne au fond ne serait pas fâchée [1] de voir échouer les négociations actuelles, mal emmanchées à tout point de vue; mais ceci selon lui ne déterminerait pas encore nécessairement la guerre.

Une conférence, si l'Allemagne ne veut pas la guerre, restera toujours une possibilité ouverte, mais entourée, il est vrai, de maintes difficultés graves, attendu que probablement l'Allemagne n'y consentirait qu'à la condition de revenir à la situation créée à Algéciras. C'est à dire qu'avant tout, les forces françaises, espagnoles et le navire allemand à Agadir devraient commencer par évacuer le Maroc.

Si les choses sont comme me les a représentées, très confidentiellement d'ailleurs, Sir A. Nicolson et comme elles m'ont été confirmées par Mr. Daeschner, l'émotion qui paraît s'être emparée du public tant à Berlin qu'à Paris ne serait plus aussi peu justifiée que je le pensais hier.

Sir A. Nicolson m'a dit qu'il avait appris que Mr. Louis avait été entièrement satisfait des paroles que l'empereur a daigné lui adresser lors de l'audience qui lui a été accordée.

Veuillez me croire, cher Анатолий Анатольевич, votre très sincèrement dévoué.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич, Лично.

Мои последние сведения почерпнуты из телеграммы, в которой г. Жюль Камбон дает отчет о предварительном рассмотрении германских контрпредложений между ним и г. Кидерленом при их свидании в прошлый четверг. Весьма доверительным сообщением этой телеграммы я обязан любезности моего французского коллеги.

Впечатления г. Поля Камбона и сэра Э. Грея, с которым я виделся в тот же день, неопределенны, но не вполне плохие.

Положение как-будто бы выяснилось; база, как кажется, найдена. Если и остаются, правда, вызывающие большую тревогу пункты, одни из которых спорны, а другие неприемлемы, то все же достижением является то, что их количество ограничено.

Сэр Э. Грей опасается, что переговоры потребуют еще много времени и что общественные круги, как во Франции, так и в Германии, не проявят нужного терпения. Паника на бирже, проявляющаяся как раз в настоящий момент, повидимому дает основания его опасениям. Одним словом, Грей далеко еще не вполне успокоился.

Г. Камбон сказал мне, что сэр Э. Грей при ознакомлении с проектом германских контрпредложений, «косился» на некоторые пункты, слишком похожие на специальную привилегию. Он будто бы сказал: «нужно, чтобы дверь была для всех одинаково открыта», — что исключает возможность специальных привилегий для Германии и сводит французские привилегии лишь к политическим интересам.

Думаю, что и на этот раз может повториться нечто подобное тому, свидетелями чему мы были во время наших переговоров с Германией о Персии.

То, что возможность принимать участие в торгах на сооружение и оборудование железных дорог остается открытой для всех держав, включая, разумеется, и Германию, не встречает препятствий. Иначе обстоит дело с эксплоатацией, которая, будучи связана с политическими интересами, должна, по мнению французского правительства, а также, думаю, и по мнению англичан, оставаться в марокканских, т. е. французских руках.

Г. Поль Камбон лично сожалеет, что во французском проекте затрагивается вопрос судопроизводства. Он находит это нецелесообразным пока будет существовать режим капитуляций, который при теперешнем положении Марокко будет продолжаться еще в течение долгого времени. Вопрос о судопроизводстве должен повлечь за собой и вопрос о смешанных судах, вопрос, представляющий серьезное затруднение.

Германский проект якобы не заключает в себе ничего окончательного касательно Сус.

В общем, несмотря на несколько весьма неясных пунктов, Германия будто бы приняла 6 первых статей французского проекта, а это признается здесь весьма важным, если только г. Кидерлен, уточняя редакцию текста, не изменит еще раз своей точки зрения. В последнем сэр Э. Грей не совсем уверен.

Сэр Э. Грей не очень пессимистично оценивает осложнения, которые может вызвать появление на арене испанских интересов. Он думает, что возможные практические переговоры между Францией и Испанией могут иметь место лишь позже и на базе франко-германского соглашения. До этого времени разговоры будут неизбежно носить академический характер. Это же он сказал и г. де Вилья-Урутия.

Когда внезапно было произнесено слово «ультиматум» я, как и все, испытал на минуту страх.

---

[1] У Siebert'a слова: «ne serait pas fâchée» заменены словами: «ärgerlich sein wird» («будет недовольна»).

Произнеся это слово, испанский министр, а под его влиянием и король проявили, повидимому, несколько нервную поспешность. В действительности не Франция, а Испания обострила вопрос об Ифни, заявив о немедленной оккупации этого пункта. Как мне сказал г. Камбон, г. Жоффре в ответ на испанское заявление был уполномочен представить проект соглашения, действительно содержащий отказ от Ифни; этот проект нисколько не исключает испанского контрпроекта: он является базой для переговоров, отнюдь не имеющей характера ультиматума, который померещился обидчивым испанцам, неосторожно произнесшим это слово.

Не знаю, является ли сам по себе этот вопрос об Ифни очень важным. Ифни представляет собой пустынный берег, который таким и останется, если только Испания не потратит миллиарды, которых у нее нет и которые Франция, впрочем, вовсе не намерена затрачивать.

Все это главным образом вопрос излишнего самолюбия. Исконные права Испании бесспорны, особенно с 1860 года. Но для того, чтобы ими воспользоваться, Испания в течение 50 лет ничего не предприняла. Поэтому, мне кажется, что во внезапном конфликте Испания виновата больше чем Франция.

Не знаю, лишено ли основания мнение, что этот пункт мог бы явиться одной из необременительных жертв, которые Испания должна была бы принести для достижения франко-испанского соглашения. Нельзя ожидать, чтобы Франция, рассчитывающая купить весьма дорогой ценой признание ее положения в Марокко, была готова обеспечить вместе с тем и положение Испании без всяких жертв со стороны последней. Такого же мнения придерживается и сэр Э. Грей.

Роль, которую, повидимому, сыграла Германия в этом деле, остается несколько таинственной. Вам известно, как я полагаю, интересное сведение, которое мне весьма доверительно сообщил г. Поль Камбон: в случае, если соглашение состоится, г. Кидерлен будто бы согласился письменно обязаться секретной нотой не вмешиваться в [сферу] испанских интересов.

Правда, испанская зона упомянута в тексте германских контрпредложений. Тем не менее это противоречие не беспокоит г. Поля Камбона, а сэр Э. Грей об этом со мной не говорил.

По словам г. Камбона, ввиду настойчивости, проявленной Испанией в деле продолжения переговоров, Франция представила свой проект с упоминанием о французской точке зрения по вопросу об Ифни. Если Испания не сделает в настоящее время какого-либо ответного контрпредложения, переговоры на деле окажутся отсроченными.

По мнению г. Камбона, действительной целью Испании является желание принять участие в нынешних берлинских переговорах.

Это было бы недопустимо, и он думает, что даже Германия воспротивится этому, так как это осложнило бы переговоры настолько, что практический результат их стал бы почти невозможным.

Сэр Э. Грей ограничился тем, что сказал мне, что, по его мнению, недоразумение по поводу слова «ультиматум» рассеяно.

12 сентября/30 августа.

Это письмо было написано под впечатлением первых известий, полученных сэром Э. Греем и г. Полем Камбоном, которые сегодня оба отсутствуют. Я оставляю его без изменений, чтобы лучше объяснить то, что изложено ниже:

Вчера вечером я виделся с сэром А. Никольсоном. К несчастью, последние известия из Парижа не позволяют ему сохранять относительный оптимизм, вызванный первыми сведениями. Г. де Сельв считает, что г. Кидерлен и на этот раз изменил позицию. Перестав придавать большое значение территориальным уступкам в Конго, он вернулся к политической стороне положения в Марокко и, уточняя статьи, так видоизменил их характер, что вместо французского протектората получается скорее своего рода condominium.

В таком случае нерешительные выводы сэра Э. Грея были не совсем лишены основания. Сэр А. Никольсон считает на этот раз положение весьма серьезным; не теряя еще окончательно надежды, он сказал мне, что не совсем понимает, каким образом удастся примирить столь различные точки зрения.

Он указал на следующие пункты, которые, действительно, кажутся мне весьма серьезными:

В ст. V, мне кажется, Германия отказывается от ведения переговоров с султаном без предварительной договоренности с Францией; но это обязательство должно быть взаимным.

Важность этого изменения бросается в глаза. Им, так сказать, сводятся на-нет все преимущества Франции.

Затем, Германия, хотя и предоставляет Франции организацию всех общественных работ, но Франция может приступить к этому лишь по просьбе султана. Это тоже парализовало бы всякую инициативу со стороны Франции.

Наконец, Германия ведет переговоры с Францией, исключая из переговоров зону испанского влияния, а этот пункт являлся бы, конечно, важным, если надо было бы принимать дело всерьез. Но на этот счет у меня возникают сомнения. Действительно, обещание, данное г. Кидерленом г. Камбону, имело слишком положительный характер; мне кажется скорее, что это пункт, по которому г. Кидерлен уступит для того, чтобы притти к соглашению. В противном случае, у него была бы возможность доказать Испании, что она поддержана

германским правительством, — образ действий сомнительной искренности, но от мысли о котором я не могу отделаться.

Если не говорить о второстепенных — то таковы основные пункты, из-за которых сэр А. Никольсон признает положение весьма сложным и серьезным.

По его мнению, целиком уничтожена вся основа переговоров, состоящая в том, что Германия признает протекторат Франции в Марокко взамен компенсации в Конго. Это такой шаг назад, который будет трудно наверстать.

Я попросил его дополнить свою мысль. Не думаете ли вы, сказал я ему, что Германия желает войны. Нет, ответил он, я этого отнюдь не думаю. Но я считаю, что под давлением влиятельной части общественного мнения германское правительство оказалось вынужденным изменить курс и перезарядить батареи, обратив их вновь против Марокко.

Сэр Артур опасается того, что в сущности Германия была бы довольна провалом нынешних переговоров, предпринятых со всех точек зрения неудачно; но это, по его мнению, еще не вызвало бы непременно войну.

Если Германия не хочет войны, то конференция останется все еще возможным выходом, правда связанным со многими серьезными затруднениями, так как Германия вероятно пойдет на это лишь при условии возврата к положению, созданному в Алжесирасе. Иначе говоря, французские и испанские войска и германское судно в Агадире должны прежде всего эвакуироваться из Марокко.

Если дело обстоит так, как мне его представил, впрочем весьма доверительно, сэр А. Никольсон, и как это было мне подтверждено г. Дешнером, то возбуждение, охватившее, повидимому, общественное мнение как в Берлине, так и в Париже, было бы уже не столь мало обосновано, как я думал вчера.

Сэр А. Никольсон сказал мне, что по его сведениям г. Луи был вполне удовлетворен словами, с которыми император соблаговолил обратиться к нему во время данной ему аудиенции.

Прошу вас, дорогой Анатолий Анатольевич, верить моей искренней преданности.

Бенкендорф.

№ 422. Поверенный в делах в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 53. 11 сентября/29 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Скупщина соберется в будущем месяце на последнюю, перед окончанием своих полномочий, сессию. Однако пока еще не существует уверенности, что ей удастся благополучно довести ее до конца, так как нынешнее правительство, составленное из старо-радикалов[1], обладает всего большинством в два голоса и, если оно не будет поддержано самостоятельными радикалами, с которыми ведет по этому поводу переговоры, то ему трудно будет провести в Скупщине свои законопроекты, и парламент придется распустить до срока.

Во всяком случае среди политических партий уже началась предвыборная агитация и также делаются попытки к образованию новых политических партий.

Считаю долгом остановиться на одной из таких попыток, которая может иметь некоторое значение. На этих днях появилась в Белграде новая газета под названием «Пьемонт», редактором ее состоит Люба Иованович, бывший председатель общества Славянский Юг, стремившегося к объединению всего сербства и сыгравшего роль в Аграмском процессе и в процессе Васича.

В своей вступительной программе означенный орган обращается с призывом к сербской молодежи всех партий и выражает надежду, что она объединится и образует новую партию на истинно демократических началах, которая будет иметь задачей работу на благосостояние страны; существующие же партии слишком заняты партийной борьбой и личными счетами, и радикалы, пробывшие столько лет у власти, за последние 7 лет во многом отклонились от своих демократических принципов, заменивши их бюрократическими идеалами.

Последнее замечание отчасти справедливо.

Г. Пашич, которого я спросил о значении этого движения, сказал мне, что оно может иметь успех у молодежи и может повести к образованию новой партии.

Как я слышал из другого источника, движение это не имеет в действительности того оппозиционного характера по отношению к господствующей партии, которое оно старается себе придать. Говорят, что оно подготовлено радикалами,

[1] См. № 146.

сознающими необходимость обновить свой состав приливом нового, более молодого элемента и что перед выборами движение это сольется с этой последней партией. Это может быть верно, так как программа, объявленная газетой «Пьемонт», мало чем отличается от программы старо-радикалов.

Примите и пр. М. Бибиков.

№ 423. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 12 сентября/30 августа 1911 г.

Cher Анатолий Анатольевич,

Je vous remercie infiniment de votre lettre du [7 septembre] 25 août [1].

Il est évident que pour nous il s'agit avant tout que la paix soit maintenue. C'est notre premier et pour le moment notre seul objectif. Mais il ne faut [pas] se dissimuler que depuis ces derniers jours la tâche est devenue malaisée et qu'il faut avant tout méditer bien à fond dans quel sens doivent être dirigés nos efforts et par quels moyens il faut agir.

Permettez moi à ce sujet une franchise entière, et ne m'en veuillez pas, si je ne puis, voyant d'ici les choses sous un angle différent, m'associer à votre point de vue aussi entièrement que je l'aurais désiré.

Pour mieux expliquer ma pensée laissez moi user d'un cas qui présente quelqu'analogie. Nos négociations avec l'Allemagne au sujet de la Perse.

Dans cette négociation, entamée tranquillement et sans fracas, il s'agissait surtout d'aboutir. Dans ce but nous avons dû faire de larges concessions, allant jusqu'à nous contenter de promesses orales [2], quelle qu'en soit la valeur. J'eus fait, je crois, comme vous, à cause du caractère de la négociation et du but à atteindre qui, finalement, était en grande partie d'éviter un échec, et parce qu'il s'agissait de questions, toutes assurément importantes, mais dont aucune n'eût été immédiatement cause de guerre.

Le cas entre l'Allemagne et la France est évidemment tout différent.

Après s'y être fort secrètement préparée depuis longtemps (Sir Reginald Lister [3] voyait les choses venir depuis fort longtemps), l'Allemagne a subitement et le pistolet à la main sommé la France de dégorger. Ainsi placée, la question, dans mon humble opinion, ne peut plus être résolue que par un accord, fût-il imparfait, mais supportable pour la France, ou par la guerre. Laisser les choses où elles sont, moyen vers lequel vous semblez pencher, me paraît tout à fait impossible. L'esprit public tant en Allemagne qu'en France, la dignité nationale engagée des deux côtés, ne le permettront pas. A débuter si mal et à pousser les choses si loin, les considérations extrêmement justes de politique mondiales, auxquelles vous vous référez, n'ont plus qu'une influence infinitésimale, et s'efforcer d'en imposer la valeur ne produira, je crains, rien.

En réalité la situation revient à ceci: l'Allemagne exige, la France doit céder. Je crois que nous n'arriverons à rien, ou plutôt que nous aboutirons à la guerre, en prêtant un appui diplomatique à cette manière de poser la question.

Je crois tout comme vous que le but de l'Allemagne n'est pas la guerre. Mais son but est d'obtenir sans guerre et par intimidation des résultats et un succès, qui en réalité ne peuvent être obtenus que par la guerre. C'est l'essence même d'une politique agressive, autant qu'aveugle, tout comme le coup de théâtre du début.

Vous reprochez à la France un excès de nervosité. Mais à prendre en considération la situation qui lui est faite, j'avoue très franchement que je n'en vois pas les symptômes aussi clairement que vous. En réalité c'est sur elle surtout qu'on pèse, l'Angleterre aussi. C'est là un appui diplomatique plutôt de nature à inquiéter qu'à rassurer un pays, qui aujourd'hui n'acceptera pas d'humiliation. Accepter ce que l'Allemagne offre aujourd'hui en est une.

---

[1] Указанное письмо Нератова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] См. приложение II к № 319 и № 406.

[3] Англ. посланник в Танжере.

D'ailleurs que c'est-il passé et quel a été le rôle de la France? On lui lance une sorte de défi. La France accepte d'emblée de négocier. Elle accepte d'emblée le système de compensations. On lui promet vaguement de très grandes choses au Maroc, mais on lui demande toute une colonie. Elle en accorde une très large part et prend presque tout de suite en considération le désir de l'Allemagne d'aboutir et à la mer et au fleuve Congo. L'Angleterre que cela n'arrangeait guère consent aussi. Alors Mr. de Kiderlen paraissait tenir surtout à ce Congo français. Cette question préalablement entablée par une suite de concessions françaises, la France fort naturellement demande à causer Maroc. Tant qu'on s'en tient aux généralités, les choses vont bien. Et Mr. de Kiderlen rassure la diplomatie étrangère. Il montre un projet de contreproposition à Mr. J. Cambon, ce qui ne pouvait signifier qu'une chose: «Faites vos observations, j'en tiendrai compte dans la mesure du possible». Mr. Cambon en fait de fort précises. Mr. de Kiderlen rassure encore une fois son entourage. Quand arrive la contreproposition écrite, il se trouve que non seulement il n'a tenu nul compte des observations françaises, mais, précisant ce qui avait été contesté, retire d'une main tout ce qu'il avait concédé de l'autre. Spécialement les points les plus essentiellement importants. Il ne s'agit plus seulement d'intérêts économiques, mais carrément d'intérêts politiques, jusqu'ici exclus et où il exige pour l'Allemagne une position, en pratique égale à celle de la France.

En somme la négociation, très difficile dès le début, avait été menée normalement. Elle semblait devoir aboutir. C'est ce qu'on pensait ici, je crois même à Paris. Mais je me trompe fort, si cette dernière démarche allemande n'est pas de nature à compromettre les choses excessivement sérieusement. Je vois bien le résultat des conseils de modération donnés à Paris, je ne vois aucune trace de ceux donnés à Berlin.

La France pour une fois se sent, à tort ou à raison, assez sûre d'elle-même. Le gouvernement ne rencontre qu'un minimum d'opposition dans le pays et malgré cela il n'a, que je sache, commis aucun de ces actes qui puissent lui être reprochés en Allemagne, ni ailleurs, comme devant amener des complications. Je ne puis, sans trop m'étendre, étudier ici les raisons de politique tant intérieure qu'extérieure qui font que l'Allemagne change périodiquement de terrain.

Je reviens à la France et entre parenthèse voudrais toucher à l'affaire espagnole. Les reproches que vous adressez à la France en cette matière me paraissent bien sévères. Comme tout le monde j'ai passé par un moment d'étonnement. Le télégramme laconique de Budberg m'a fait impression [1]. Ce télégramme rend les paroles du ministre; si le ministre ne lui a dit que cela, il lui a dit beaucoup trop peu. Il ne lui a pas dit que la démarche française, précise, mais pas comminatoire était accompagnée de propositions sérieuses et qu'elle était motivée par le décret récent de l'Espagne d'... [2] Ifni immédiatement, en pleine crise. Résolution bien autrement aventureuse que la réponse française, devenue en réalité une nécessité. Que l'Allemagne puisse profiter de cette situation est clair, si clair que c'est à se demander sérieusement si l'Espagne avec toute son agitation méridionale eût pris une résolution d'une imprudence aussi patente que celle d'occuper juste alors Ifni, sans encouragement de la part de l'Allemagne.

A ce point de ma lettre, permettez moi de revenir au programme très clairement établi dans la vôtre.

Aucune hésitation possible, et pour cause, sur le but que nous devons poursuivre et poursuivons: le maintien de la paix. J'ajouterai par tout moyen; à une condition pourtant, c'est que ces moyens mènent au but.

Le moyen sur lequel vous appuyez tout d'abord, est d'agir, non pas seulement, mais surtout sur la France, en lui conseillant modération et prudence, autrement dire, faire des concessions, ceder aux exigences.

En toute conscience je crois qu'il y a des limites dans cette voie. Suivie jusqu'ici, je n'en vois pas les résultats et ne puis en prévoir. Même pour la paix on

---

[1] См. № 403.
[2] Слово неразборчиво.

ne peut pas demander à la France de passer par les fourches Caudines, parce que cela ne réussira pas, et surtout qu'à la décourager trop, c'est encourager encore plus l'intransigeance et la fermeté allemande, ce qui de fil en aiguille ne peut produire autre chose que la guerre. Cette fois l'Allemagne a été trop loin. Elle veut conserver une grosse partie du Congo et elle ne veut pas se retirer du Maroc politiquement.

Vous dites infiniment justement: «Nous ne serons pas pour la guerre». Pas plus que nous, l'Angleterre ne sera jamais pour la guerre. Mais je crois qu'il ne faut pas le dire trop haut. Je crois au contraire que le moment est venu de faire amicalement mais clairement comprendre à Berlin que pour nous aussi, malgré l'amélioration de nos rapports avec l'Allemagne, à cause même de cette amélioration, il y a des limites à notre intervention modérative à Paris, et qu'il ne faut pas pousser les choses trop loin.

Je crois qu'on compte trop sur nous à Berlin. On ne se fait pas faute de le dire et de le répandre par la diplomatie. J'entends trop souvent cette phrase qu' «on y est très content de nous». Selon moi cette note n'est pas une garantie, c'est un danger pour la paix.

Je crois qu'actuellement la seule bonne chance pour une issue pacifique est qu'à Berlin on modère les exigences. Il serait peut-être temps de le faire comprendre explicitement. Parce que je suis persuadé que cela seul peut faire réfléchir un pays et un gouvernement fort tourmenté déjà. Il ne serait pas question de leur demander l'impossible, mais d'en rester à leur premier programme. Acquisition au Congo, moyennant retraite politique du Maroc sans subterfuges.

En somme en tout ceci il s'agit d'hégémonie, c'est pourquoi il n'est pas en notre pouvoir de garantir la paix en y forçant la France.

Certainement qu'il y aurait lieu d'étudier avec l'Angleterre les moyens à employer en dernier ressort, si les négociations venaient à être rompues. Mais je crois que le Cabinet de Berlin n'en devrait rien savoir. Il changerait ses batteries, ce qui peut facilement produire une crise.

Il me semble très fort qu'à Berlin on suit avec une attention soutenue chaque symptôme et prend en conséquence les décisions du jour. Quelque chose que je ne sais pas, a dû se passer entre le jour où Mr. de Kiderlen a montré son projet à Mr. Cambon et le jour où la contre-proposition a été remise. Il semble qu'on a dû y avoir changé d'idées.

Je me rends fort bien compte des difficultés pour la mise en pratique de l'idée anglaise d'une conférence. Je vous rends compte ailleurs des idées à ce sujet de Sir A. Nicolson [1], et comme il se représente que les choses pourraient se passer. L'Allemagne fera des difficultés, au mieux elle posera ses conditions, on pourra les discuter.

J'avoue que je penche vers cette solution. Elle est simple, et surtout je ne vois pas d'alternative.

Mr. Paul Cambon, au retour de Paris m'a, de façon prudente et pas très circonstanciée, parlé d'une entrevue entre A. P. Iswolsky et son frère. Dans mon opinion insister pour que la France accepte la médiation d'un allié de l'Allemagne ne peut pas réussir. Je crois que le pays se révolterait à pareille pensée. L'Angleterre ne s'y prêterait pas. Elle tient trop à ses rapports avec la France. Quelle que soit d'ailleurs la haute situation de l'empereur Fr.-Joseph, l'Autriche n'inspire aucune confiance.

Quant à notre médiation, elle me paraît encore plus impossible. Elle serait prise comme un changement d'attitude. Je ne vois pas en effet comment peuvent se confondre la qualité d'allié avec celle de médiateur.

Je ne crois pas que cette idée soit viable ni concernant l'Autriche, ni nous concernant. Pour le cas que vous en jugiez de même, il vaudrait mieux la laisser tomber. Elle inquiète, non sans quelque raison. Mr. Cambon en était fort préoccupé. Il croit Mr. de Selves de même. Sir E. Grey a pris les choses simplement, mais ne voit en réalité que des objections.

---

[1] См. № 421.

C'est l'inquiétude que j'ai vu naître qui a provoqué, je pense, que Mr. Louis ait sollicité l'honneur d'une audience souveraine. C'est aussi ce qui m'a induit à y toucher avec Sir Edward, comme je vous en ai rendu compte par télégraphe [1]. Sa réponse identifie son attitude.

A tout prendre, je crois qu'il faudrait laisser la négociation à Berlin continuer le plus longtemps possible. La France ne la rompera guère. Entre temps continuer à prêcher la modération. Mais cette fois plus sérieusement à Berlin qu'à Paris, et s'aboucher avec l'Angleterre pour les moyens à employer en dernier ressort.

A bien considérer, je crois que faute de mieux une conférence est encore ce qui a le plus de chance de succès. Pour une médiation, opération infiniment délicate, la difficulté est le médiateur, je n'en vois pas un.

Il me paraît bien difficile que l'Allemagne oppose un refus net à une proposition de conférence, en conditions débattues avec elle et proposée par rien moins que la Russie et l'Angleterre ensemble. Ce refus indiquerait que tout est inutile et un propos délibéré d'en appeler aux armes, dont je doute fort.

Ce que je ne crois pas, c'est que nous soyons en bonne situation pour faire isolément une proposition quelle qu'en soit la nature. En le faisant, nous assumerions de très grosses responsabilités, dont personne ne nous saurait gré et que je redouterais extrêmement pour nos propres intérêts.

Encore une fois, cher Анатолий Анатольевич, veuillez excuser l'entière franchise de cette lettre et de me croire votre bien sincèrement dévoué.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Бесконечно благодарен вам за ваше письмо от [7 сентября] 25 августа.

Очевидно, что для нас прежде всего важно, чтобы мир был сохранен. Это наша первая, а в данную минуту единственная цель. Но не следует скрывать от себя, что за последние дни задача стала нелегкой и что прежде всего нужно серьезно обдумать, в какую сторону должны быть направлены наши усилия и какими средствами надо действовать.

Позвольте мне быть совершенно откровенным в этом вопросе и не сетуйте, если, глядя отсюда на вещи под иным углом зрения, я не могу разделить ваших взглядов так безоговорочно, как желал бы.

Чтобы лучше объяснить мою мысль, позвольте мне прибегнуть к примеру, представляющему некоторую аналогию к нашим переговорам с Германией относительно Персии.

В этих переговорах, начатых спокойно и без шума, прежде всего важно было достигнуть цели. Для этого нам пришлось сделать большие уступки, которые доходили до того, что мы довольствовались устными обещаниями, независимо от их ценности. Думаю, что я поступил бы, как и вы, вследствие характера переговоров и поставленной цели, которая, в конце концов, в значительной мере заключалась в том, чтобы избежать неудачи, а также и вследствие того, что дело шло о вопросах, которые все несомненно были важны, но из которых ни один не стал бы немедленной причиной войны.

Между Германией и Францией дело обстоит, очевидно, совершенно иначе.

После долговременной, крайне секретной подготовки (сэр Реджинальд Листер уже очень давно предвидел наступление этого), Германия внезапно и с оружием в руках потребовала, чтобы Франция отдала забранное. Поставленный таким образом вопрос, по моему скромному мнению, уже не может быть разрешен иначе, как соглашением, хотя бы несовершенным, но приемлемым для Франции, или же войной. Оставить все, как есть — к чему вы, кажется, склоняетесь, — представляется мне совершенно невозможным. Общественное мнение как в Германии, так и во Франции, национальное самолюбие, затронутое с обеих сторон, этого не допустят. В деле, начатом так плохо и зашедшем так далеко, те чрезвычайно верные соображения мировой политики, на которые вы ссылаетесь, могут иметь лишь бесконечно малое влияние, и старания отстаивать их значение, боюсь, не приведут ни к чему.

В действительности положение сводится к следующему: Германия требует, Франция должна уступить. Думаю, что мы не придем ни к чему или, вернее, что мы дойдем до войны, оказывая дипломатическую поддержку такой постановке вопроса.

Как и вы, я полагаю, что целью Германии не является война. Но ее цель состоит в том, чтобы без войны и путем запугивания добиться результатов и успеха, которые на самом деле могут быть получены лишь в результате войны. В этом — самая сущность политики, столь же агрессивной и вместе с тем столь же слепой, как и первоначальное неожиданное выступление.

Вы укоряете Францию в излишней нервозности. Но если принять во внимание, в какое положение она поставлена, то признаюсь со всей откровенностью, что для меня симптомы

[1] См. № 415.

этого менее очевидны, чем для вас. Действительно, ведь главным образом оказывают давление на нее, в том числе и Англия. Такая дипломатическая поддержка может скорее встревожить, чем успокоить страну, которая теперь не пойдет на унижение. Принять то, что сейчас предлагает Германия, было бы унижением.

Впрочем, что же произошло и какова была роль Франции? Ей бросают своего рода вызов. Франция сразу соглашается вступить в переговоры. Она сразу принимает систему компенсаций. Ей смутно обещают значительные блага в Марокко, но требуют у нее целую колонию. Она уступает очень большую часть и почти тотчас же принимает к сведению желание Германии иметь выход и к морю и к реке Конго. Англия, которую это совсем не устраивает, тоже дает согласие. Г. Кидерлен, казалось, особенно дорожил тогда этим французским Конго. После того, как Франция уладила этот вопрос путем ряда уступок, она, вполне естественно, потребовала переговоров о Марокко. До тех пор пока ограничиваются лишь общими местами, дело идет благополучно, и г. Кидерлен успокаивает иностранных дипломатов. Он показывает г. Ж. Камбону проект контрпредложений, что могло означать лишь одно: «Делайте ваши замечания, я учту их в пределах возможного». Г. Камбон делает весьма определенные замечания. Г. Кидерлен еще раз успокаивает окружающих. Когда же поступает письменное контрпредложение, то оказывается, что он не только совершенно не принял во внимание французские замечания, но, уточняя спорные пункты, он одной рукой отнимает все, что отдал другой, особенно же в пунктах наиболее существенной важности. Тут дело идет уже не только об экономических, но прямо о политических интересах, которые до сих пор исключались и в которых он требует для Германии положения, фактически равного положению, занимаемому Францией.

В общем переговоры, очень трудные с самого начала, велись нормально. Казалось, они должны были привести к цели. Так полагали здесь и, думаю, даже в Париже. Но я сильно ошибаюсь, если этот последний германский демарш не способен чрезвычайно серьезно повредить делу. Я ясно вижу результат советов умеренности, данных в Париже, но не вижу и следа [действия] советов, данных в Берлине.

На этот раз Франция, с основанием или нет, но довольно уверена в себе. Правительство встречает в стране лишь минимальную оппозицию и, несмотря на это, насколько я знаю, оно не совершило ни одного действия, которое могло бы вызвать упреки со стороны Германии или с какой-либо другой стороны, как ведущее к осложнениям. Без того, чтобы слишком не распространяться, я не могу вникать здесь в причины, по которым Германия периодически переходит с одной позиции на другую.

Возвращаясь к Франции, я хотел бы между прочим коснуться и испанских дел. Ваши упреки по адресу Франции в этом вопросе кажутся мне очень суровыми. Как и все, я в первую минуту удивился. Лаконическая телеграмма Будберга произвела на меня впечатление. Эта телеграмма передает слова министра; если министр сказал ему только это, он сказал слишком мало. Он не сказал ему, что французский демарш, определенный, но не носивший характера угрозы, сопровождался серьезными предложениями и был мотивирован недавним испанским декретом о немедленном [занятии?] Ифни в самый разгар кризиса. Решение гораздо более рискованное, чем французский ответ, который стал необходимым. Что Германия может извлечь выгоду из этой ситуации, — ясно и настолько, что приходится серьезно спросить себя, приняла ли бы Испания, при всей своей южной возбудимости, столь явно неосторожное решение, как решение именно тогда оккупировать Ифни, если бы ее не поощряла к этому Германия.

В этом месте моего письма позвольте мне вернуться к программе, весьма ясно изложенной в вашем письме.

Никаких колебаний, и не без причины, относительно цели, которую мы должны преследовать и преследуем: сохранение мира. Прибавлю — всеми средствами, с тем, однако, условием, чтобы средства эти вели к цели.

Средство, на котором вы прежде всего настаиваете, состоит в том, чтобы воздействовать не исключительно, но главным образом на Францию, советуя ей умеренность и благоразумие, иначе говоря — делать уступки, подчиняться требованиям.

По чистой совести, я считаю, что на этом пути есть пределы. По нему шли до сих пор, но я не вижу результатов и не могу таковых предвидеть. Даже ради мира нельзя требовать от Франции, чтобы она прошла под Кавдинским игом, потому что это не удастся, особенно же потому, что слишком ее обескураживать — значит еще более поощрять германскую несговорчивость и твердость, что постепенно приведет ни к чему иному, как к войне. На этот раз Германия зашла слишком далеко: она хочет сохранить крупную часть Конго и не желает политически уйти из Марокко.

Вы бесконечно правы, когда говорите: «Мы не будем за войну». Подобно нам Англия никогда не будет за войну. Но я думаю, что не следует говорить это слишком громко. Полагаю, напротив, что наступила пора по дружески, но ясно дать понять Берлину, что для нас тоже, несмотря на улучшение наших отношений с Германией и даже именно вследствие этого улучшения, существуют границы нашему умеряющему влиянию на Париж и что не следует заходить слишком далеко.

Я думаю, что в Берлине на нас слишком рассчитывают. Не упускают случая высказывать это и разглашать при посредстве дипломатии. Я чересчур часто слышу фразу о том, что «нами очень довольны». По-моему, такой отзыв не гарантия, а опасность для мира.

Думаю, что в настоящее время единственный верный шанс на мирный исход состоит в том, чтобы в Берлине умерили требования. Пора, быть может, дать это ясно понять, ибо я убе-

жден, что лишь этим можно навести на размышления страну и правительство, уже и без того сильно обеспокоенное. Вопрос не в том, чтобы требовать от них невозможного, но в том, чтобы придерживаться их первой программы: приобретения в Конго взамен политического отхода из Марокко, без уловок.

В общем, дело идет о гегемонии: вот почему не в вашей власти упрочить мир, принуждая к нему Францию.

Конечно, следовало бы вместе с Англией изыскать средства, которые следует применить в крайнем случае, если переговоры будут прерваны. Но думаю, что берлинский кабинет об этом ничего не должен знать. Он перенесет свой огонь в ином направлении, что легко может привести к кризису.

Я убежден, что в Берлине с неослабным вниманием следят за каждым симптомом и соответственно изменяют решения. Что-то, о чем я не знаю, несомненно произошло между тем днем, когда г. Кидерлен показывал г. Камбону свой проект, и тем, когда было вручено контрпредложение. Кажется, что там изменили свою точку зрения.

Я очень хорошо отдаю себе отчет в затруднительности практического осуществления английской идеи о конференции. В другом сообщении я передаю вам, что думает по этому поводу сэр А. Никольсон и как он рисует себе дальнейшие возможности. Германия будет чинить затруднения, в лучшем случае она поставит условия, их можно будет обсудить.

Признаюсь, что я склоняюсь к этому решению. Оно просто, а главное я не вижу альтернативы.

Г. Поль Камбон, вернувшись из Парижа, говорил мне осторожно и не очень обстоятельно о свидании своего брата с Извольским. По моему мнению, настаивать на том, чтобы Франция приняла посредничество союзницы Германии, не может быть успешным. Думаю, что страна возмутилась бы подобной мыслью. Англия на это не пойдет. Она слишком дорожит своими отношениями с Францией. Как бы впрочем ни было высоко положение императора Франца-Иосифа, Австрия не внушает никакого доверия.

Что касается нашего посредничества, то оно мне кажется еще более невозможным. Оно будет принято за перемену позиции. И в самом деле, я не вижу, как можно соединить роль союзницы с ролью посредницы.

Не думаю, чтобы эта идея [посредничества] была жизнеспособна ни относительно Австрии, ни относительно нас. Ее лучше отбросить, если таково и ваше мнение. Она беспокоит, и не без причины. Г. Камбон был ею очень озабочен. Он полагает, что таково же отношение г. де Сельва. Сэр Э. Грей принял это спокойно, но находит в действительности лишь одни возражения.

Именно это беспокойство, возникшее на моих глазах, побудило, я думаю, г. Луи испросить высочайшую аудиенцию. Та же причина побудила меня коснуться [этого вопроса] в беседе с сэром Эдуардом, о чем я вам дал отчет по телеграфу. Его ответ определяет его позицию.

В общем я думаю, что следует предоставить переговорам в Берлине тянуться как можно дольше. Франция их не прервет. Тем временем продолжать проповедывать умеренность, но на этот раз серьезнее в Берлине, чем в Париже, и обмениваться мнениями с Англией по поводу средств, подлежащих применению в крайнем случае.

По зрелом размышлении я считаю, что за неимением лучшего, конференция имеет все же еще наибольшие шансы на успех. Что касается посредничества, дела до крайности щекотливого, то затруднение состоит в отыскании посредника; я не вижу такового.

Мне кажется трудно допустимым, чтобы Германия наотрез отказалась от предложения конференции, обставленной условиями, выработанными при ее участии, и предложенной ни более ни менее, как Россией и Англией совместно. Такой отказ означал бы, что все бесполезно и что существует предвзятое намерение взяться за оружие, в чем я сильно сомневаюсь.

Я не думаю, чтобы нам было удобно выступать изолированно с предложением какого бы то ни было рода. Делая его, мы взяли бы на себя очень большую ответственность, за которую никто бы не был нам благодарен и которой я крайне опасаюсь во имя наших собственных интересов.

Еще раз, дорогой Анатолий Анатольевич, благоволите извинить полную откровенность этого письма и верить моей искренней преданности.

Бенкендорф.

№ 424. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Телеграмма № 116 [1]. 12 сентября/30 августа 1911 г.

Ознакомление с полным текстом германского ответа еще более усилило здесь первые впечатления, изложенные в моей телеграмме № 115 [2]. В своем мемуаре Кидерлен стремится, с одной стороны, путем ряда оговорок и примечаний к статьям французского проекта как можно больше стеснить политическую свободу

[1] Опубл. Stieve, I, S. 145, N 120. За № 116 имеется еще одна тел. Извольского (см. стр. 392, прим. 1).

[2] См. № 417.

действий Франции в Марокко, а с другой — получить не только равные для всех держав экономические гарантии, но также исключительные привилегии в пользу Германии. Это особенно ясно выражено в статье, касающейся железных дорог. Германия предлагает разделить Марокко на две зоны: в северной — Франция будет иметь 70 процентов, а Германия — 30; в южной, наоборот, Германия — 70, а Франция — 30. Де Сельв высказал мне, что подобная постановка вопроса для Франции абсолютно неприемлема. Если Франция была готова на территориальные уступки, то лишь с целью получить полную политическую свободу действий в Марокко, на что Кидерлен первоначально вполне соглашался; если в результате соглашения Франция будет опять испытывать прежние стеснения и затруднения, территориальные жертвы теряют всякий смысл. Что касается предлагаемого железнодорожного кондоминиума, то Франция не может согласиться на него уже потому, что это нарушило бы принцип всеобщего экономического равенства и интересы третьих держав. Внимательно прочитав вместе с де Сельвом германский мемуар, я высказал ему убеждение, что он дает широкий простор для дальнейших переговоров, и указал ему на возможность по многим пунктам найти примирительные формулы. Де Сельв со мной согласился и уверил меня, что он всецело стоит за продолжение переговоров. Ответные инструкции Камбону будут обсуждаться на-днях в совете министров и получатся в Берлине в конце недели. С курьером [в] четверг [1] пошлю вам подробный анализ германского мемуара [2].

Извольский.

№ 425. Поверенный в делах в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [3]. 12 сентября/30 августа 1911 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Со времени получения секретного письма вашего превосходительства от [26] 13 текущего месяца за № 550 [4] министр иностранных дел в столицу не возвращался, а потому я был лишен возможности исполнить ваше предписание. Тем не менее я полагаю необходимым передать вам сущность последнего моего разговора с временно исполняющим обязанности директора канцелярии министра, г. делла Торретта, вам лично известным советником посольства в Петербурге, через руки которого, за отсутствием всех высших чинов Консульты, проходят все политические дела.

На замечание мое, что я не мог не обратить внимания на ряд газетных известий из Вены, касающихся триполитанского вопроса, а в особенности на сообщение о несвоевременности, по мнению будто бы австро-венгерского правительства, гласно обсуждаемых намерений Италии, мой собеседник, намекнув на доверительное поручение, данное г-ну Мелегари [5], мне передал, тоже доверительно, что граф Эренталь принял к сведению однородное сообщение герцога д'Аварна и что положительно он ни в какие по сему поводу переговоры не входил. Из дальнейших слов г. делла Торретта я узнал, что с итальянской стороны вопрос о Триполи вообще выделен совершенно особо и старательно не связывается ни с каким другим и что посему свобода действий королевского правительства не ограничена ни какими-либо условиями, ни какими бы то ни было обязательствами. Таково положение дела по отношению ко всем державам без различия, а в особенности по отношению к Австро-Венгрии. Еще доверительнее г. делла Торретта прибавил, что римский кабинет пришел к настоящему решению окончательно упорядочить свое положение в Триполи теперь же для того, чтобы до

[1] 14/1 сентября.
[2] См. № 432.
[3] Опубл. Siebert, II, S. 167, N 454.
[4] См. № 360.
[5] У Siebert'а предыдущая часть документа опущена; письмо начинается фразой: «...Torretta teilte mir vertraulich mit» («...Торретта доверительно сообщил мне»).

всякого изменения нынешних обстоятельств на Балканском полуострове [1] иметь свободными руки для защиты итальянских интересов по ту сторону Адриатического моря. «Могу ли я заключить из всего вами сказанного, что при наступлении новых условий вы откровенно нас известите о своих взглядах?» — спросил я его, на что он ответил, что считает своей обязанностью мне заявить, что слышанное мной является кратким резюме его разговоров с министром, который при обсуждении как триполитанского, так и балканского вопросов никогда не терял из виду уговоров и соглашений с Россией [2]. «По сущности маркиз ди Сан-Джулиано не мог бы вам сказать ничего иного, — прибавил он, — разница была бы только в выражениях, да в авторитете самого министра».

К вышеизложенному считаю уместным присовокупить, что триполитанский вопрос пока, насколько мне возможно судить, пребывает в одном и том же фазисе, а именно, что до принятия более решительных мер королевское правительство выждет прибытия нового вали в Триполи и даст ему срок доказать на деле, что он снабжен инструкциями, соответствующими обещаниям Порты. К тому же времени выяснятся еще полнее затруднения или препятствия к осуществлению всего предприятия не столько с материальной стороны, сколько по международным соображениям, среди которых на первом месте является поддержка, которую Германия сочтет нужным оказать Турции, несмотря на свои союзнические отношения к Италии, чтобы не сказать — в их обход.

По сведениям, которые мне нет возможности проверить, пока никаких приказаний в военном ведомстве не последовало, но намечен состав корпуса, которому пришлось бы оперировать в Триполи.

Печать продолжает свою кампанию с тем же напряжением, о котором я уже имел честь вас известить [3], и видимо не поддается внушениям, так как только очень ограниченное количество газет как бы вскользь отметили, что триполитанский вопрос совершенно независим от марокканского [4].

Примите и пр. Корф.

№ 426. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1229 [5]. 13 сентября/31 августа 1911 г.

Ваши телеграммы за №№ 739 [6] и 746 [7] получены.

План Шустера сводится к тому, чтобы сосредоточить в своих руках финансы, наиболее крупную, организованную на военный лад силу и, следовательно, решающий перевес во всех внутренних делах. В сущности, это — диктаторство, и санкционировать такое положение мы никогда не согласимся.

Думаем, что Шустер мог бы воспользоваться имеющимися налицо, хотя бы например в казачьей бригаде, персидскими офицерами и при их помощи, безо всякого участия Стокса, организовать жандармерию для всей Персии. Это было бы наиболее простым решением вопроса и в корне устранило бы все трения, связанные с личностью этого английского офицера.

Впрочем, мы могли бы пойти и на то, чтобы Стокс, оставаясь на английской службе и не нося звания начальника персидской жандармерии, занялся организацией таковой на Юге, как это давно имелось в виду англичанами и на что мы уже ранее изъявили согласие; хотя при этом не следует забывать, что его жандармерия

---

[1] Далее у Siebert'а добавлено: «die afrikanische Frage lösen wolle, um später» («разрешить африканский вопрос, чтобы впоследствии»).

[2] У Siebert'а вся последующая часть документа опущена.

[3] См. №№ 119 и 364.

[4] Шифрованным письмом от 13 сент./31 авг. за № 843 (опубл. Siebert, II, S. 168, N 455, как тел.) Корф сообщил, что вернувшийся в Рим Сан-Джулиано «в энергичных выражениях подтвердил все сказанное делла Торретта... и в заключение самым категорическим образом заявил, что триполитанский вопрос стоит совсем независимо и обсуждается самостоятельно. От подробностей же о настоящем его фазисе министр уклонился».

[5] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 127, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[6] См. № 411.

[7] См. № 419.

будет действовать не в английской, а в нейтральной зоне. Стокс мог бы в течение 6 месяцев подготовить или персидских офицеров, или же, как о том шла речь до сих пор, шведских, которые занялись бы дальнейшей организацией дела на Юге, а сам сойти со сцены. В таком случае устройство жандармерии на Севере нужно было бы поручить русским офицерам. Это являлось бы наиболее выгодной для нас комбинацией, на осуществлении которой мы стали бы всемерно настаивать.

Однако если бы мы натолкнулись на категорический отказ персов санкционировать таким образом раздел на сферы влияния, можно было бы, в крайнем случае, предложить организацию северной жандармерии персидским же офицерам из казачьей бригады, конечно, под негласным руководством Вадбольского. Шахское правительство едва ли стало бы противиться этому, так как в таком случае делом заведывали бы его же офицеры-персы.

Предлагаемые мной комбинации являются лишь попыткой найти выход из запутанного положения, создавшегося в деле Стокса, а отнюдь не представляют собой окончательных решений.

Не откажите телеграфировать ваше заключение, а также сообщить нам другие способы решения, если таковые имеются у вас в виду.

Нератов.

№ 427. Временно управляющий министерством иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 934 [1]. 13 сентября/31 августа 1911 г.

Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Английский посол передал мне прилагаемую при сем в копии памятную записку [2]. Как вы изволите усмотреть из нее, дело идет о предположении правительств держав, к которым принадлежат финансовые группы, вошедшие в состав известного консорциума для финансирования китайских займов, добиться отказа России и Японии от их протеста против выпускаемого сказанным синдикатом китайского займа в 10 млн. ф. ст. Для этого предположено, чтобы каждая из упомянутых финансовых групп заявила о признании правильности декларации своего правительства, утверждающей, что 16-я статья контракта на этот заем не имеет в виду создания монопольных прав в пользу синдиката и что домогательства подобных прав не будут поддержаны подлежащими правительствами.

Предварительно издания этой декларации, великобританское правительство считает долгом осведомиться, будет ли такого рода компромиссное решение вопроса сочтено удовлетворительным Россией и Японией.

Французское правительство через своего посла в С.-Петербурге предупреждало меня еще в начале текущего августа месяца [3] о том, что нам будет сделано предложение отказаться от протеста против 16-й статьи контракта на китайский заем у синдиката четырех держав, удовлетворившись выдачей заинтересованными финансовыми группами обязательства не рассматривать постановление сказанной статьи, как создающее им монопольные права. Я ответил тогда г. Луи, что затруднения, создаваемые нам этим контрактом, едва ли могут быть признаны устранимыми таким путем, так как ничто не гарантирует нас от заключения синдикатом другого секретного соглашения с китайским правительством, обеспечивающего синдикату те исключительные права, от которых он отказывается в связи с настоящим контрактом.

Передавая о вышеизложенном вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой почтить меня отзывом о значении, которое вы придаете такому предположению правительств, заинтересованных в синдикате четырех держав, со своей стороны считаю долгом [4] присовокупить, что посетивший меня японский

[1] Маш. копия. В деле хранится черновой отпуск, написанный рукой Ковакова.
[2] См. приложение к публикуемому документу.
[3] См. № 339.
[4] В черновом отпуске для дальнейшей части письма имеется незачеркнутый вариант: «изложить нижеследующие соображения:
Принятие делаемого нам предложения для нас нежелательно прежде всего потому, что

посол при высочайшем дворе передал мне, что японское правительство желало бы установить с нами общий взгляд на делаемое сказанными правительствами предложение [1]. Со своей стороны токийский кабинет считает это предложение неприемлемым, так как право финансировать все китайские предприятия, обнимаемые сообщенной нам их программой, каковое право синдикат желает сохранить за собой, достаточно широко, чтобы рассматривать его как монополию на финансирование всего вообще промышленного развития Манчжурии и ее колонизации. Японское правительство не находит возможным согласиться на сосредоточение столь широко поставленного дела в руках синдиката четырех держав, в котором Япония, имеющая преобладающие интересы в Южной Манчжурии, не принимает участия и не располагает правом голоса.

На мой вопрос, думает ли Япония ограничиться таким заявлением и не считает ли она полезным ныне же выступить с каким-либо практическим предложением, клонящимся к нарушению монополии, на которую претендует четверной синдикат, барон Мотоно ответил, что не имеет на этот предмет прямых указаний своего правительства. Насколько ему известно, однако, токийский кабинет рассчитывает ограничиться пока повторением протеста против 16-й ст. контракта на китайский заем, воспользовавшись для этого вышеизложенными доводами [2], и выступить с контрпредложениями, лишь когда заинтересованные правительства сами осведомятся о тех условиях, которые Япония поставит, чтобы дать свое согласие на выпуск этого займа. Такой образ действий, по его мнению, произведет более сильное впечатление на участников четверного синдиката и будет поэтому более соответствовать преследуемым императорским и японским правительствами целям.

Барон Мотоно сказал мне при этом, что, по его сведениям, под влиянием переговоров с Русско-азиатским банком, французский Индо-китайский банк зондировал почву, чтобы узнать, насколько возможно осуществить мысль об ограничении деятельности четверного синдиката областями к югу от Великой стены, с одновременным созданием другого синдиката, с Русско-азиатским банком во главе, в сферу деятельности которого входил бы Застенный Китай.

Мысль эта встретила будто бы полное несочувствие со стороны «Deutsche Bank» и «Hongkong and Shanghai Banking Corporation», которые ответили, что сделают все от них зависящее, чтобы помешать ее осуществлению. Это обстоя-

---

программа расходования займа в 10 млн. ф. ст., сообщенная нам, составлена в столь общих выражениях, что одного права международного синдиката финансировать все китайские предприятия, которые обнимаются этой программой, достаточно, чтобы признать синдикат имеющим монополию на финансирование промышленного развития и колонизации Манчжурии.

Этот довод мы и могли бы выставить английскому правительству в оправдание нашего отказа от делаемого нам предложения. А так как конечная цель наша заключается в том, чтобы взять в наши руки финансирование китайских займов в сфере нашего влияния, то нам, по моему мнению, следует воспользоваться настоящей минутой, чтобы еще раз подтвердить наше отношение ко всему делу иностранных займов Китая. Нам необходимо, мне кажется, еще раз указать французскому и английскому правительствам, что мы не можем помириться с настоящим займом у международного синдиката, пока не получим уверенности, что помещение иностранных капиталов в областях Китая, входящих в сферу нашего преимущественного влияния, будет происходить под нашим контролем, достаточным для обеспечения нас от употребления этих денег во вред нашим интересам; практически же для достижения этой цели мы предлагаем образование синдиката русских, французских и английских банков с Русско-азиатским банком во главе.

Считаю долгом присовокупить, что я поручил нашему поверенному в делах в Токио предупредить японского министра иностранных дел о нашем желании согласиться с токийским кабинетом относительно ответа, который мы дадим английскому правительству».

[1] В тел. от 6 сент./24 авг. за № 1181 Нератов, передавая Броневскому содержание англ. пам. записки, поручал ему «сообщить министру иностранных дел о вышеизложенном, прибавив, что мы подвергнем рассмотрению это предложение и во всяком случае не ответим англичанам, не обменявшись мыслями с японским правительством».

Тел. от 7 сент./25 авг. за № 173 Броневский передал аналогичные заверения япон. прав-ва.

[2] 15/2 сент. япон. пос-во в Петербурге передало Нератову проект составленной в этом смысле ответной ноты англ. прав-ву.

тельство, в связи с неимением в Японии достаточных капиталов для того, чтобы выступить в роли заимодавца Китая, хотя бы совместно с европейскими капиталистами, заставляет посла думать, что время для образования конкурирующего с четверным синдикатом консорциума русских, японских и французских банков еще не наступило.

Из вышеизложенного приходится заключить, что мы не можем в настоящую минуту рассчитывать на солидарность с нами Японии в вопросе об образовании синдиката Русско-азиатского банка для финансирования китайских предприятий в Застенном Китае.

В ожидании отзыва вашего высокопревосходительства по настоящему предмету пользуюсь и пр. [1]

[Нератов.]

Приложение.

Памятная записка английского посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

3 сентября/21 августа 1911 г. [2]

His Britannic Majesty's Government have been engaged in communication with the United States, German and French Governments, in attempting to devise some means of removing the objections raised by both the Russian and Japanese Governments to the terms of article 16 of the Chinese Loan Agreement of April 15, 1911, with a view to satisfying these latter Governments that their special interests in Manchuria would not be injured by the provisions of the article in question.

It is suggested that each of the financial groups interested should formally notify to its Government its acquiescence in a declaration worded as follows:

«Article 16 of the Agreement, as interpreted by the Governments concerned, refers only to the specific enterprises in Manchuria mentioned in the statement which, under article 8, is to be handed to the banks by the Board of Finance, and does not create or intend a monopoly, as to which apprehension has been expressed by the Governments of Russia and Japan. Any claim to such a monopoly, if made by the groups, would not receive the support of their respective Governments».

This declaration accompanied by a copy of the Agreement itself and of the statements of Manchurian expenditure and of expenditure for currency reform handed to the groups by the Board of Finance on the date of the signature of the Agreement would then be communicated to the Russian and Japanese Governments.

Before taking this step, however, His Majesty's Government think it desirable to ascertain whether such a declaration would be considered satisfactory by Russia and Japan and have accordingly instructed His Majesty's ambassadors at St.-Petersburg and Tokio to make the necessary enquiry of the Governments to which they are accredited.

Перевод.

Правительство его британского величества пыталось совместно с правительствами Соединенных Штатов, Германии и Франции изыскать способ для устранения возражений, выдвинутых правительствами России и Японии против условий статьи 16-й соглашения о займе от 15 апреля 1911 г. с целью убедить эти последние государства, что их специальные интересы в Манчжурии не будут затронуты постановлениями вышеуказанной статьи.

Предложено, чтобы каждая из заинтересованных финансовых групп формально известила свое правительство о своем согласии со следующей декларацией:

«Статья 16-я соглашения, как она понимается заинтересованными правительствами, относится только к определенным предприятиям в Манчжурии, указанными в заявлении,

---

[1] В ответном письме от 25—26/12—13 сент. за № 559 Коковцов сообщил, что изложенное в англ. пам. записке предложение «должно быть признано еще менее удовлетворительным разрешением вопроса, чем те компромиссы, которые предлагались нам ранее в виде исключения статьи 16-й полностью или устранения из нее упоминания о предприятиях в Манчжурии».

[2] На оригинале имеется надпись: «Передана великобританским послом [6 сентября] 24 августа 1911 г.».

которое согласно статье 8-й должно быть передано министерством финансов банкам, и не создает и не имеет целью создать монополию, относительно которой выразили опасение правительства России и Японии. Никакое притязание на подобную монополию, если оно будет предъявлено этими группами, не получит поддержки со стороны соответствующих правительств».

Эта декларация, вместе с копией самого соглашения и программой расходов на Манчжурию и на монетную реформу, которые будут вручены министерством финансов этим группам в день подписания соглашения, будут затем сообщены русскому и японскому правительствам.

Однако, прежде чем предпринять этот шаг, правительство его величества считает желательным удостовериться, будут ли Россия и Япония удовлетворены этой декларацией, в соответствии с чем оно дало послам его величества в С.-Петербурге и Токио инструкции запросить по этому вопросу правительства, при которых они аккредитированы.

№ 428. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 205. 13 сентября/31 августа 1911 г.

Nicolson a reçu aujourd'hui le texte de la réponse allemande [1]. Il n'a pas encore eu le temps de l'étudier à fond. Un examen préliminaire lui prouve que le projet est inacceptable pour la France. Surtout parce que la liberté d'action politique française au Maroc est paralysée par des réserves importantes, dont les principales sont: l'engagement réciproque de ne traiter avec le sultan que s'étant entendu, et que la France ne pourra pourvoir aux services publics que si le sultan en exprime le désir. Nicolson est frappé par l'exclusion dans la réponse allemande de la déclaration que l'Allemagne n'a au Maroc que des intérêts économiques qui se trouvait dans le projet français. Il trouve cette omission très significative. Il dit ne s'être pas encore rendu suffisamment compte de la portée des clauses d'après lesquelles, au cas où l'adjudications de chemins de fer seraient acquises par des sujets français ou allemands, dans le Nord 70% reviendraient à la France et 30% à l'Allemagne, et vice versa dans le Sud. Il hésite encore à se prononcer sur la question de droit, mais croit que les adjudications à des sujets d'autres Puissances se trouveront de fait exclues. Dans son idée le projet prouve que l'Allemagne ne renonce nullement à l'influence et aux droits politiques au Maroc, ce qui est contraire à ses déclarations antérieures et constituera une difficulté principale à des négociations ultérieures. Il croit qu'il n'y a pas de progrès, mais un recul dans les négociations, mais il dit que la France continuera les négociations et enverra sous peu une nouvelle réponse, ce qu'il approuve. Je pars ce soir pour six jours à Balmoral.

Benckendorff.

Перевод.

Сегодня Никольсон получил текст германского ответа. Он не успел еще изучить его основательно. Предварительное ознакомление показывает, что для Франции проект неприемлем, в особенности потому, что политическая свобода действий Франции в Марокко парализуется существенными оговорками, из которых главными являются: взаимное обязательство вступать в переговоры с султаном лишь после предварительной договоренности и то, что Франция может организовать общественные работы лишь тогда, когда султан выразит такое желание. Никольсон поражен исключением из германского ответа декларации о том, что Германия имеет в Марокко лишь экономические интересы; эта декларация была во французском проекте. Он считает этот пропуск крайне показательным. Он сказал, что еще не отдал себе в достаточной мере отчет в значении статей, по которым, в случае получения концессий на сооружение железных дорог французскими и германскими подданными, на Севере 70% выпадает на долю Франции и 30% на долю Германии, а на Юге наоборот. Он затрудняется еще высказать свое мнение по правовому вопросу, но полагает, что отдача концессий подданным других держав будет фактически исключена. По его мнению, проект доказывает, что Германия отнюдь не отказывается от влияния и от политических прав в Марокко, что противоречит ее предыдущим заявлениям и составит главное препятствие для дальнейших переговоров. Он думает, что переговоры не продвинулись вперед, а сделали шаг назад, но говорит, что Франция будет продолжать переговоры и в ближайшее время пошлет новый ответ, и он это одобряет.

Я уезжаю сегодня на шесть дней в Бальмораль.

Бенкендорф.

---

[1] См. №№ 417, 421 и 424.

№ 429. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 13 сентября/31 августа 1911 г.[1]

М. г. Анатолий Анатольевич,

Секретным письмом от [7 сентября] 25 сего августа за № 644 [2] ваше превосходительство изволили запросить мое заключение относительно возможности для нашего консульского представителя в Калькутте не присутствовать вовсе на предстоящих торжествах коронационного дурбара в Индии.

Со своей стороны, я затрудняюсь присоединиться к выраженному в этом письме мнению, что отсутствие нашего консульского представителя на дурбаре не имело бы демонстративного характера и, наоборот, я опасаюсь, что оно было бы именно таким образом истолковано.

Этого тем более желательно избегнуть после сделанного мне сэром Э. Греем и передаваемого при особом письме от сего числа сообщения по вопросу о посылке военного судна в Бомбей ко времени торжеств [3].

Ввиду изложенного и хотя не придавая этому вопросу чрезмерного значения, я тем не менее не могу не высказать, что мне казалось бы весьма нежелательным, чтобы российский генеральный консул, один из всех иностранных консульских представителей, отклонил приглашение на дурбар.

С другой стороны, управляющий генеральным консульством в Индии доставил мне копию с донесения своего от [18] 5 июля с. г. № 24 [4], полученного мной с прибывшим вчера в Лондон очередным курьером из Парижа.

В этом пространном донесении, посвященном отношению местного правительства к иностранным консулам по вопросам исключительно церемониальным, титулярный советник Ревелиоти между прочим доносит о том, как он неоднократно вступал по сему поводу в переговоры не только со своими коллегами, но и с секретарем по иностранным делам и с заведывающим церемониальной частью, оспаривая толкование правительственного циркуляра и «выражая недоумение по поводу того, как может лорд Гардинг, бывший еще так недавно послом и т. п.».

По этому поводу я не могу не высказать, что подобные выступления со стороны секретаря генерального консульства, лишь временно управляющего таковым, мне кажутся безусловно недопустимыми, и я предложил г. Ревелиоти по телеграфу воздержаться на будущее время от возобновления подобных разговоров.

Что касается существа вопроса, то мне кажется, что нам трудно протестовать против порядка вещей, принятого, с одной стороны, Францией, по сообщению гофмейстера Извольского, а с другой, как видно из того же донесения, Германией, в дипломатической службе коей, как известно, должность генерального в Калькутте консула считается весьма высокой (так, например, барон Шпек-Штернбург был из Калькутты назначен послом, а граф Квадт — посланником).

Вообще по поводу отношения консулов к местным властям не могу не разделять точку зрения, выраженную по поводу одного частного случая, возбужденного в 1904 г. немецким консулом в Сингапуре г. Эшке, изложенную в донесении нашего там консульского представителя г. Рудановского от [19] 6 февраля 1904 г. за № 6245 на имя гофмейстера Гартвига, а именно: «Германское министерство иностранных дел советует г. Эшке придерживаться консульского устава, т. е. не возбуждать неудовольствия английских властей предъявлением хотя бы и справедливых, но неважных претензий».

Примите и пр.

Бенкендорф.

---

[1] Оригинал ошибочно датирован 13 апр./31 августа.
[2] См. № 407.
[3] См. № 392.
[4] Дата донесения Ревелиоти указана ошибочно. Следует читать 15/2 июля. Содержание указанного донесения в соответствующей части изложено в публикуемом документе.

№ 430. Военный агент в Англии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 137. 13 сентября/31 августа 1911 г.

О положении, занимаемом Англией во франко-германских переговорах.

По поводу настоящего политического положения, повидимому, обостряющегося, имею донести нижеследующее:

1) Английский генеральный штаб, в полуофициальном со мной разговоре, на-днях мне передал, что ему известно, что германский император *лично* против войны, но что он может быть увлечен стремлениями и давлением пангерманских партий. Это, повидимому, и осуществляется.

2) Английские дивизионные кавалерийские маневры, предполагавшиеся на Салисбюрийской равнине с 15 по 21 сентября, вчера отменены.

3) В Лондонской конторе «Ллойд», страхующей суда и товары против рисков войны, премии опять повысились и достигли 10%.

4) На этих днях адмиралтейство стало усиленно и спешно закупать в Южном Валиссе и отправлять на платформах по железным дорогам (а не на судах, как обыкновенно) огромные запасы угля, от 15 до 20 тысяч тонн в сутки не только в Гулль и Ньюкэстль, но и к западным берегам Шотландии.

5) Доношу, как слух из негласного источника, что между Англией и Бельгией имели, будто бы, место переговоры об отправке Англией для поддержки Франции на бельгийскую территорию экспедиционной армии и что будто бы Бельгия дала на это свое согласие. Необходимо по этому поводу иметь в виду, что факт высадки английских войск на бельгийскую территорию, вообще говоря, для Бельгии едва ли желателен, ибо такое нарушение ее нейтралитета развяжет руки Германии, затруднит для Бельгии сохранение роли зрителя и притянет на нее часть военных операций Германии. С другой стороны, силы, которые Англия в состоянии будет высадить, недостаточно значительны, чтобы обеспечить для ее союзников действительные выгоды. Хотя на бумаге численность экспедиционной армии определяется равной 160 000 чел. (6 дивизий), но на самом деле Англия едва ли будет в состоянии отправить более 80 000 чел.

6) В Голландии отпуски офицерам приостановлены и назначены пробные мобилизации; начальник голландского генерального штаба выехал в Берлин. Здесь полагают, что Голландия не позволит английским транспортам войти в устье Шельды.

Вышеуказанные сведения более или менее указывают на некоторое обострение политического положения и на ожидание войны.

С другой стороны, в противоречии с ними, отмечается тот факт, что отъезд лорда Китченера в Египет назначен на субботу, 16/3 сентября. Отъезд этот был, однако, назначен до наступления в переговорах между Францией и Германией более острого фазиса и, может быть, будет опять отложен.

Генерал-лейтенант Ермолов.

№ 431. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 13 сентября/31 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Отношения между Францией и Испанией на почве марокканского вопроса не только не налаживаются, но, повидимому, грозят еще большими осложнениями. Вскоре после заключения в Сан-Себастьяне временного франко-испанского modus vivendi, я сделал, с вашего разрешения, попытку побудить обе стороны начать переговоры об окончательном соглашении. С этой целью я имел длинные разговоры со здешним испанским послом, который самым красноречивым образом излил мне жалобы испанского правительства на Францию. Нельзя отрицать, что некоторые из этих жалоб справедливы и что, в особенности во время министерства г. Круппи, здесь были совершены крупные ошибки по отношению к Ис-

пании, на что я неоднократно обращал внимание французского правительства. Г. Перес Кабальеро, вполне признавая, что ныне Франция проявляет больше уступчивости и доброжелательства, вступил, по моему совету, в предварительный обмен мыслей с г. де Сельвом; к сожалению, как раз в это время здесь было получено известие о намерении испанского правительства занять гавань Ифни на Атлантическом побережье Марокко, южнее Агадира. Вам, конечно, известна из донесений нашего посла в Испании история испанских прав на эту гавань [1]. Французское правительство этих прав не отрицает, но считает, что занятие его как раз в настоящий момент, тогда как в течение полустолетия Испания о том и не помышляла, в высшей степени несвоевременно и может лишь осложнить положение. Вместе с тем здесь думают, что раз Испания воспользуется выгодами, покупаемыми Францией столь дорогой ценой территориальных уступок в Экваториальной Африке, то и испанское правительство обязано принести соответствующую жертву и дать Франции надлежащую компенсацию. Вот почему французскому послу в Мадриде было предписано указать испанскому министру иностранных дел, что подобной компенсацией мог бы явиться отказ Испании от предоставленной ей соглашением 1904 г. южной зоны со включением Ифни, в каковой зоне Испания до сих пор не проявляла никакой деятельности. Г. де Сельв заявил мне, что, вопреки уверениям испанской дипломатии, сообщение это отпюдь не имело ультимативного характера и что, если Испания предложит ему какой-либо другой объект компенсации, он вполне готов вступить в обсуждение подобного предложения. Но г. де Сельв продолжает считать, что занятие Ифни было бы крайне нежелательным и может лишь возбудить против Испании французское общественное мнение и затруднить дальнейшие переговоры; ему до сих пор неизвестно, принято ли испанским правительством окончательное решение в этом деле; во всяком случае он намерен продолжать начатые переговоры об окончательном соглашении и надеется привести их к благополучному окончанию.

Со своей стороны, я прилагаю все усилия к тому, чтобы способствовать этим переговорам и с этой целью поддерживаю постоянные личные сношения со здешним испанским послом, весьма сведущим в марокккских делах, но к сожалению весьма страстно относящимся к этому вопросу.

Примите и пр. [Извольский.] [2]

№ 432. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 13 сентября/31 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вам уже известно вкратце из моей телеграммы [3] о содержании письменного германского ответа на французский проект конвенции и о впечатлении, произ-

---

[1] Деп. от 9 сент./27 авг. за № 12 Будберг сообщал: «Право пользования портом Ифни закреплено за Испанией тетуанским договором 1860 г., но до сих пор ею использовано не было. В прошлом году, во время переговоров в Мадриде с Эль-Мокри, вопрос об этом порте был возобновлен, и испанское правительство добилось согласия султана на посылку смешанной комиссии для передачи на месте пользования портом испанским властям. Соглашение это вошло в общее соглашение, подписанное 16 ноября минувшего года.

Передача должна была состояться в мае месяце настоящего года, но султан, несмотря на данное обязательство, медлил назначением своих делегатов и, когда испанскому посланнику в Танжере было поручено запросить Эль-Гуэбаса о причине такой медлительности, был получен ответ, что ввиду изменившихся обстоятельств назначение смешанной комиссии в данный момент считается несвоевременным».

В этой же деп. Будберг, ссылаясь на свои телеграммы (без номера) от 5 сент./23 авг. и 6 сент./24 авг. (см. № 403 и прим. 5 к нему), писал, что он не может в данный момент сообщить каких-либо новых сведений, так как совет м-ров еще не принял окончательного решения по вопросу о занятии Ифни, и франц. посол в Мадриде еще не получил ответа. «Существует мнение, — писал Будберг, — что это делается с целью выиграть время, дабы обосновать свое решение на окончательном результате берлинских переговоров, результат коих здесь ожидается с большим нетерпением».

[2] В оригинале подпись отсутствует.

[3] См. № 424.

веденном этим ответом на здешнее правительство. В своем мемуаре г. Кидерлен стремится, с одной стороны, путем целого ряда оговорок и примечаний к статьям сказанного проекта, как можно более стеснить политическую свободу действия Франции в Марокко, а с другой — получить не только равные для всех держав гарантии экономической свободы, но также исключительные выгоды и привилегии в пользу Германии, главным образом в области железнодорожного строительства. Вопрос о границах территориальных уступок в Экваториальной Африке в германском мемуаре покуда оставлен открытым. Мемуар этот был рассмотрен вчера совещанием главнейших министров, которое установило текст ответного французского мемуара; г. де Сельв представил этот текст сегодня президенту республики в Рамбулье и отправит его г. Камбону в Берлин завтра с курьером.

В своем ответе французское правительство руководствуется тем общим положением, что раз Франция соглашается на значительные территориальные компенсации, она имеет право настаивать на предоставлении ей в Марокко самой полной политической свободы действия; вы, конечно, изволите вспомнить, что несколько недель тому назад г. Кидерлен вполне с этим соглашался и заявлял Камбону, что редакцию соответствующей части конвенции он всецело предоставит французской дипломатии. Что касается экономических гарантий, то Франция готова самым формальным образом обеспечить в Марокко полную свободу чисто коммерческих и промышленных предприятий на началах равенства для всех держав; подтверждая принцип сдачи *выполнения* всякого рода публичных работ с торгов, она в то же время не может предоставить иностранцам *эксплоатации* таких отраслей государственного хозяйства, как железные дороги, телеграфы и т. п., ибо с таковой эксплоатацией несомненно связаны политические права. Кроме того, из уважения к принципу всеобщего равенства, она не может согласиться на такие требования Германии, которые явно клонятся к установлению исключительных выгод или привилегий в пользу Германии, хотя бы под видом кондоминиума и кооперации с Францией.

В настоящую минуту имеются: первоначальный французский проект конвенции, состоящий из 17 статей; германский мемуар в форме примечаний к статьям французского проекта и французский контрмемуар, принимающий, отвергающий или изменяющий германские примечания. Если к отъезду завтрашнего курьера в министерстве иностранных дел успеют отпечатать эти три редакции, я не премину приложить их к настоящему письму. Покуда же считаю долгом представить вам следующий беглый их анализ:

Вступительная часть конвенции принимается обеими сторонами без изменения.

Статья 1-я, определяющая взаимное положение Франции и Германии в Марокко, содержит во французской редакции постановление, что Германия имеет в этой стране лишь *экономические интересы*. Германия исключает это постановление. Франция настаивает на его сохранении.

Статьи 2-я и 3-я предусматривают, что Франция может вводить в Марокко необходимые реформы и посылать туда свои войска *по соглашению* с шерифским правительством. Германия требует не только *согласия* этого правительства, но и наличности с его стороны *просьбы* о реформах или посылке войск. Франция на это соглашается.

Та же 3-я статья во французской редакции ограничивает предоставляемую всем державам экономическую свободу 30-летним сроком; Германия это ограничение отвергает; Франция на предположенном ограничении не настаивает.

Германия требует, чтобы члены дирекции Государственного банка в Танжере назначались поочередно делегатами при таможенной комиссии и при таможенном совете. Франция на это соглашается.

В статье 5-й Франция требует от Германии не заключать никаких соглашений с Марокко без предварительного уговора с Францией. Германия изменяет эту статью в том смысле, что как Германия, так и Франция обязаны сообщать друг другу свои соглашения с Марокко. Франция настаивает на сохранении своей редакции.

Статья 6-я предвидит организацию новых судов в Марокко и отмену консульской юрисдикции. Германия требует учреждения смешанных судов, по примеру египетских. Франция предлагает совершенно исключить эту статью.

Статья 7-я (представляющая наибольшие затруднения) касается железных дорог и публичных работ: во французской редакции имеется весьма важная оговорка о том, что эксплоатация предприятий, имеющих государственный характер, принадлежит исключительно марокккскому правительству, или сдается им по его усмотрению. Германия требует исключения этой оговорки. Франция настаивает на ее сохранении.

Германия требует, чтобы Государственный банк назначал по очереди членов своей дирекции в Танжере делегатами при генеральной комиссии торгов. Франция соглашается.

Германия требует, чтобы марокккское правительство назначало на одну из должностей шерифских делегатов при специальном комитете публичных работ лишь кандидатов, представляемых одной из четырех держав, имеющих, в силу Алжесирасского акта, право назначать цензоров при Государственном банке. Франция на это не соглашается.

Германия требует, чтобы при назначении служащих и инженеров для *эксплоатации* больших предприятий принимались во внимание национальность *строителей* сказанных предприятий пропорционально их участию. Франция отвергает это требование («как несовместимое с государственным характером *эксплоатации* предприятия»).

Германия предлагает дополнить 7-ю статью особым приложением, в котором излагается обширный план железнодорожного строительства в Марокко, основанный на принципе отчасти раздела сфер, отчасти же кондоминиума, или кооперации между Францией и Германией. Главнейшие постановления этого плана заключаются в следующем: Германия не будет противиться постройке двух французских военных железных дорог от Уджды на Таурирт к правому берегу Мулуи, и от Казабланки, через Сеттат, к правому берегу реки Ум-ер-Ребиа, при условии, что при постройке будут допущены материалы всех национальностей. Затем Германия требует немедленной сдачи с торгов постройки железной дороги от Танжера, через Лараш и Мекинес, на Фец, причем эта линия должна быть построена прежде всякой другой дороги к северу от Тензифта. Если постройка этой линии будет сдана французам, германцы получат в ней 30%. Если она будет сдана германцам, французы получат 70%. Те же доли участия будут применяться ко всем железным дорогам к северу от Тензифта. Далее, Германия требует немедленного железнодорожного соединения Таруданта (в области Сус) и Маракеша с Атлантическим побережьем. В этой постройке германцы будут иметь 70%, а французы — 30%. То же распределение долей будет применяться к постройке всех линий в зоне к югу от Вади-Тензифта и к северу от Вади-Драа. *Франция целиком и безусловно отвергает предлагаемое приложение к 7-й статье.*

Статья 10-я. Германия требует назначения международных цензоров при путях сообщения с правом Veto. Франция на это не соглашается.

Статья 11-я. Германия требует учреждения специальных комиссий для рассмотрения жалоб германских подданных. Франция на это не соглашается.

Статья 12-я. Германия требует немедленного открытия порта Агадир. Вслед за сим, в северной зоне, порты будут открываться по требованию Франции, а в южной — по требованию Германии. Франция на это не соглашается и заявляет, что порты будут открываться по мере надобности.

Статья 14-я. Германия требует сохранения за собой права покровительства над марокккскими подданными. Франция на это не соглашается.

Из последующих статей серьезное значение имеет та, которая относится к Испании. Германия требует исключения из области действия настоящего соглашения не только испанских владений в Марокко, но и местностей, где признается испанское влияние. Франция на это не соглашается.

Наконец, Франция настаивает на обязательстве обеих сторон оказать друг другу поддержку перед остальными державами, чтобы получить их согласие на

франко-германское соглашение; Германия желает ограничиться простым сообщением соглашения державам.

Из вышеизложенного с достаточной ясностью вытекает сущность все еще неустраненного франко-германского разногласия. Г. де Сельв прочел мне письмо, при котором он посылает г. Камбону свой контрмемуар. В письме этом он в умеренных, но твердых выражениях резюмирует французскую точку зрения, а именно: Франция не иначе согласится на территориальные компенсации, как взамен признания за ней полной политической свободы действий; Франция готова дать всем державам самые широкие гарантии равенства и свободы, но исключительно в области экономической и отвергает все требования, клонящиеся к утверждению в Марокко постороннего политического влияния. Наконец, Франция не может одновременно согласиться на территориальные уступки и на учреждение франко-германского кондоминиума в деле железнодорожного строительства в Марокко; кондоминиум этот, на самом деле, привел бы к закреплению за Германией исключительных выгод и привилегий; ибо если Франция обяжется предоставлять Германии известную долю участия в своих предприятиях, она тем самым нарушит интересы и права третьих держав, которые этим путем будут фактически устранены от участия в сказанных предприятиях. Нельзя отрицать, что аргументация эта вполне логична и основательна и что в общем французский ответ, хотя все еще значительно рознится от германского, отнюдь не исключает возможности дальнейших переговоров. Г. де Сельв еще раз подтвердил мне, что он твердо намерен продолжать эти переговоры в самом дружеском тоне и что разрыв их ни в коем случае не произойдет по инициативе Франции.

Примите и пр. Извольский.

P. S. При сем прилагаю только-что полученный мной из министерства иностранных дел текст проекта конвенции с германскими контрпредложениями и французскими возражениями на них.[1]

Ut in litteris. Извольский.

№ 433. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 13 сентября/31 августа 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

За истекшие два месяца французские министры неоднократно выражали мне глубокое негодование на грубость, недобросовестность и непоследовательность, проявляемые в переговорах германской дипломатией. В этом отношении особенное неудовольствие высказывается по адресу г. Кидерлена, личному влиянию коего приписываются главнейшие из встречаемых затруднений, тогда как, наоборот, воздействие императора Вильгельма и г. Бетман-Гольвега считается скорее благотворным.

Если проследить различные фазисы, через которые до сих пор прошли переговоры, нельзя не признать основательности французских сетований. Действительно, как вы изволите припомнить, в момент отправки французских войск в Фец, г. Кидерлен начал с того, что не формулировал никаких возражений и высказал лишь опасение, что Франция, под давлением событий и общественного мнения, не сдержит обещания относительно временного характера занятия марокккской столицы. Вслед за сим, в Киссингене состоялся между г. Кидерленом и г. Камбоном дружественный обмен мыслей, который должен был повести к более формальным переговорам; но не успели начаться эти переговоры, как со стороны Германии последовал трескучий эффект посылки судна в Агадир, как уверяют, по личной мысли и настойчивому совету г. Кидерлена. С тех пор, в течение двух месяцев, французская дипломатия принуждена приспособляться к постоянно меняющимся требованиям г. Кидерлена, который с необыкновенной легкостью

[1] Приложение не воспроизводится.

переходит от одной постановки вопроса к другой, берет назад им же самим сделанные предложения, без всякой видимой причины прерывает переговоры и, как бы преднамеренно, вызывает не только во Франции, но и в самой Германии всеобщие нервность и раздражение. Если справедливо, что первоначальная цель г. Кидерлена заключалась в захвате Агадира с его хинтерландом и что лишь под влиянием угрозы со стороны Англии он перешел к мысли о широких территориальных компенсациях, — то, как вы изволили усмотреть из предыдущего моего письма [1], мы присутствуем ныне при третьем воплощении его политики, а именно при возвращении к мысли, положенной в основу соглашения 1909 г. о франко-германских экономических привилегиях в Марокко, причем г. Кидерлен не отказывается ни от территориальных компенсаций, ни от мелких стеснений французского политического положения в империи шерифов. Столь частые и неожиданные перемены фронта почти в конец истощили терпение французских министров, и мне стоит большого труда удерживать их от резких ответов и от решения порвать переговоры. При этом можно лишь удивляться относительной умеренности французской печати, а главное, необыкновенному спокойствию парижской биржи, неизменно сохраняющей, в противоположность берлинской, твердое настроение.

Здесь, между прочим, очень возмущены бесцеремонностью и бестактностью, с которыми г. Кидерлен, вызвав десятидневный перерыв переговоров [2], отправился путешествовать по Швейцарии, причем он не постеснялся появиться на французской территории; за несколько дней перед тем, в Экс-ле-Бэн произошел инцидент с германским флагом [3], и можно было опасаться, что г. Кидерлен подвергнется со стороны французской публики враждебной демонстрации. По прибытии г. Кидерлена в Шамуни, местному префекту было предписано представиться ему и в то же время организовать охрану его личности. Это, конечно, не помешало журналистам снять с него большое количество фотографий. Одна из этих фотографий, сделанная корреспондентом газеты «Matin», повидимому, оказалась для него особенно неприятной: он изображен на ней вместе с нашей соотечественницей (по мужу), г-жей Иониной, которая сопровождала его в этой экскурсии. Г. Кидерлен поспешил телеграфировать в Париж барону Шену, прося его помешать появлению этой фотографии в печати; в сказанной газете она не появилась, но ходит здесь по рукам, и я препровождаю при сем, в виде курьеза, доставленный мне экземпляр этого изображения.

Примите и пр. **Извольский.**

№ 434. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 65. 13 сентября/31 августа 1911 г.

Вызывающий тон французской печати по отношению к Германии производит здесь весьма скверное впечатление и сильно затрудняет работу французского посла в Берлине по достижению соглашения. Было бы весьма желательным употребить наше влияние в Париже для воздействия на печать, дабы она воздержалась в настоящий момент от резкой критики германских предложений и личных нападок на германское правительство. Камбон только-что высказался мне в конфиденциальной беседе в этом смысле.

Шебеко.

---

[1] См. № 432.

[2] См. № 340.

[3] 15/2 авг. по случаю международных гоночных состязаний здание одного из ресторанов было украшено флагами всех национальностей. Один из посетителей, француз, сорвал герм. флаг. В газетах распространилось сообщение, что флаг был сорван франц. офицерами. В тел. от 18/5 авг. за № 97 Извольский сообщил, что в этом инциденте не было замешано ни одного франц. офицера и что Кидерлен не придает инциденту серьезного значения.

№ 435. Поверенный в делах в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 13 сентября/31 августа 1911 г.

Доверительно.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Извините, если настоящим частным письмом я еще раз возвращаюсь к триполитанскому вопросу. Те данные, которые я могу прибавить ныне к моему письму от [7 сентября] 25 сего августа [1] и секретной телеграмме от [10 сентября] 28 [2], не носят еще довольно положительного характера, чтобы писать о них официально. Но совокупность их приводит меня к убеждению, что означенный вопрос легко может стать здесь заботой завтрашнего дня — и потому я не хочу о них умолчать. Возможно всестороннее предварительное уяснение обстоятельств, среди коих нарождается помянутый вопрос, кажется мне полезным во избежание нередкого здесь оптического обмана, где сильное зарево дает малый огонь, скоро затем потухающий.

Из разговоров с итальянским поверенным в делах и некоторыми другими членами посольства или близко стоящими к нему лицами, при случайных светских встречах последних дней, я мог убедиться, что они не только не уклоняются от обмена мыслей по настоящему положению триполитанского вопроса, но вступают в него охотно. За понятной оговоркой, что посольство не имеет пока официальных указаний относительно намерений римского кабинета, ими высказываются приблизительно следующие мысли. Если Италия решится на тот шаг, о котором все громче раздаются слухи, — досадно, конечно, что он неизбежно будет иметь вид пиратского набега. Но это внешняя сторона вопроса. Бывает такое стечение обстоятельств, которое вынуждает великую державу к принятию подобной меры по отношению стран, как Турция. В руках последней триполитанское побережье и вся страна представляют непроизводительную, сплошную пустыню. Для Италии этот обширный край, находясь в немногих часах плавания от берегов Сицилии, будет не только источником благосостояния, но превратится сравнительно скоро в заселенную провинцию, которая сохранит отечеству миллионы его сынов, принужденных ныне эмигрировать в Америку в ущерб его внутреннего преуспевания и силы. Вот почему триполийский вопрос стал в Италии вопросом народным. Обращаясь к международной его обстановке, нельзя не признать, что обстоятельства данной минуты выдвигают его на очередь. С подпадением Марокко под власть Франции, положение вещей в Средиземном море изменяется. У нас имеется соглашение с Францией, заключенное лет десять тому назад, которым в таком случае обеспечивается ее согласие на занятие нами Триполи. Хотя договор этот и остался секретным, итальянскому общественному мнению известно о его существовании. Может ли, с другой стороны, Германия, требующая себе по поводу водворения Франции в Марокко широких компенсаций, хотя у нее и нет прямых интересов в Средиземном море, оспаривать ради Турции более непосредственное право на компенсацию в этом море союзной с ней Италии? Оппозиции со стороны Англии мы тоже не имеем основания опасаться. Все это создает такое положение, где общественное мнение Италии все более убеждается, que c'est le moment ou jamais [3] для осуществления его заветного стремления. Выразителем этого взгляда является единодушно вся итальянская печать, без различия партий, и нельзя отрицать, что правительство может оказаться в невозможности откладывать долее окончательное решение.

Хотя и высказываемые совершенно частным образом соображения эти не лишены в настоящую минуту симптоматического значения в устах итальянских

---

[1] См. № 410.

[2] В тел. от 10 сент./28 авг. за № 560 Свечин сообщил: «Турецких войск в Триполи значительно меньше, чем я полагал. По точным сведениям нашего военного агента там расположено всего около 6 000 человек и единственный прибрежный форт вооружен слабой и устаревшей артиллерией. Никакое серьезное сопротивление немыслимо, так как итальянскому флоту легко будет воспрепятствовать всякому подвозу подкреплений».

[3] «теперь или никогда».

дипломатов в Константинополе. Что его подчеркивает еще более, это — что ими высказывается при этом вопросительное [1] опасение по одному пункту: как бы пример Италии не повел к посягательствам на счет Турции и со стороны некоторых балканских государств, в особенности Греции и Болгарии, и Италия не сделалась чрез это виновницей осложнений на Балканском полуострове, для нее самой в такую минуту весьма нежелательных.

Избегая высказываться по предмету означенного опасения перед итальянцами, я однако полагаю, что оно скорее преувеличено. Отдаленный Триполи, занимаемый к тому же великой не балканской державой, — не Крит, присоединение коего к Греции могло бы вызвать встречные требования болгар. Национальные балканские соревнования тут не затрагиваются. Поощрением для воинственных предприятий балканских государств могло бы только послужить военное ослабление Турции; но предвидеть оное от ампутации Триполи нет причины. Если, как это более чем вероятно, Турция и не согласится уступить Триполитанию добровольно взамен денежного вознаграждения, и дело дойдет до военного действия, она окажется, как это объяснено в помянутой моей секретной телеграмме, в совершенной невозможности подвозить подкрепления, вследствие подавляющего превосходства итальянского флота. Предварительное серьезное увеличение незначительного числа войск, имеющихся у нее в Африке, — также вещь едва ли содеянная. В настоящих обстоятельствах оно было бы способно лишь ускорить развязку и сознание этой опасности и обусловливает, повидимому, в значительной степени за последнее время то более сдержанное и пониженное настроение турок в этом вопросе, которое отмечено в моем письме от [7 сентября] 25 августа. Мой итальянский коллега сказал мне между прочим, что при последних своих свиданиях с великим визирем он ожидал с его стороны усиленных запросов касательно приписываемых Италии планов, которыми полны все итальянские газеты, но таковых не последовало: Хакки-паша хранит до сих пор осторожное молчание.

Раз что предполагаемые события в Триполи не могут повести к временному ослаблению турецкой военной силы в Европе, могущему вызвать воинственные выступления со стороны балканских государств, причиной такого ослабления мог бы явиться только внутренний переворот, как следствие означенных событий. Неустойчивость внутреннего порядка Турции, все усиливающиеся раздоры правящих лиц, не исключают, конечно, возможности подобного оборота. Но трудно сказать, насколько потеря триполитанских владений могла бы послужить прямым тому поводом. Этот удар судьбы, которому у Турции абсолютно нет средств противления, оказался бы, надо думать, сноснее для чувства турецких народных масс и армии, нежели утрата даже чисто фиктивного господства над Критом, подчинение коей было бы, в их понимании, унизительной робостью перед ничтожной Грецией. Дело не обойдется, конечно, без шумных протестов и манифестаций, антиитальянского бойкота, даже некоторых насилий над итальянцами, в особенности в больших портовых городах, как Смирна и Салоники, где у них значительные колонии и учреждения, — насилий, которые потребуют, быть может, появления итальянской эскадры и у европейских берегов Турции. Аналогичные явления имели место в 1908—1909 г. и против Австрии. Но эти манифестации, бойкоты и митинги, несмотря на произносимые при этом осуждения правительства, не суть в Турции действительно народные движения. Они под рукой поощряются политической властью, и пример 1909 г. показал, что ей столь же легко прекратить их, как скоро они перестают быть нужными в ее целях. Всего поэтому вероятнее, что дело окончится также и теперь денежной сделкой, так как внешней помощи ожидать неоткуда. В виду такого сознания, все изъявления платоничных симпатий со стороны непричастных к делу держав не имели бы цены в глазах Турции и остались бы безрезультатными на дальнейшее направление ее международной политики, склоняющейся постепенно все более на сторону Германии в расчете на будущие более важные всеевропейские события, опасность коих к тому же вдруг надвинулась ближе, чем когда бы ни было.

[1] Так в оригинале.

Прошу вас, дорогой Анатолий Анатольевич, верить моим чувствам искреннего уважения и преданности. А. Свечин.

P. S. 14/1 сентября. Я имел случай обменяться взглядами с английским послом и французским поверенным в делах, издавна знакомым с Турцией, г. Бопп, и нашел, что мои воззрения на вероятный ход и последствия триполийского дела, если ему предстоит ныне разыграться, разделяются ими в общих их чертах.

А. С[вечин.]

№ 436. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 755. 13 сентября/31 августа 1911 г.

Копия в Астрабад.

Ссылаюсь на № 48 Иванова [1].

Шансы Мохамед-Али-шаха в настоящее время главным образом зависят от действий Салара-эд-Доуле, на-днях разбившего отряд бахтиар Эмира Муфаххама в Мелавире, от успехов Шоджа-эд-Доуле в Азербайджане, а также от верности туркменов бывшему шаху и от умения последнего их сорганизовать и защитить Шахруд и Сенан, куда на-днях должны отправиться незначительные правительственные отряды при вновь назначенных в эти города губернаторах. Мне кажется, что, на случай неуспеха задуманного Мохамед-Али-шахом предприятия, общие правила беста не могут быть применяемы со всей строгостью. В случае появления Мохамед-Али-шаха в консульстве необходимо, по моему мнению, принять немедленные меры к выезду его величества из пределов Персии и не разрешать ему переезда, под нашей охраной, в другой какой-либо пункт персидского побережья. Беста главарей нынешнего движения, как наиболее для нас неудобного, следует всеми силами избежать, ограничиваясь, в крайнем случае, некоторым содействием к выезду этих лиц за границу, не вмешивая себя в имущественные дела, если в последних законно не заинтересованы русские подданные. Принятие же в бест местных властей и лиц, поддерживавших дружественные сношения с консульством, в случае опасности для их жизни, едва ли причинит нам особенные затруднения, так как при других обстоятельствах нашими консулами нередко оказывалась подобная же защита и сторонникам нынешнего правительства. Выставив подобный общий принцип, я даже считал бы невозможным осуждать Иванова, если, под давлением местных условий, он допустил бы в единичных случаях какие-либо от этого отступления. Если вашему превосходительству угодно будет согласиться с высказанными выше соображениями, то прошу телеграфного их подтверждения, как в миссию, так и в Астрабад, и я тогда, по мере надобности, буду давать подобные же указания и другим нашим консульствам в Персии [2].

Поклевский.

---

[1] Тел. от 10 сент./28 авг. за № 48 Иванов сообщал Нератову: «Телеграфирую посланнику в Тегеране: По слухам Мохамед-Али-шах вчера прибыл в Сари и сейчас же выехал неизвестно куда. Вследствие отказа в бесте эмиру Мукерему прошу указаний, могу ли принимать в бест вообще кого бы то ни было, ибо очевидно, в случае неудачи Мохамед-Али-шаха, астрабадские власти и многие другие лица, давно поддерживающие с консульством дружеские сношения, будут искать спасения в консульстве. Равно как поступить, если бы сам Мохамед-Али-шах явился в консульство, на российскую территорию или вообще в Туркменскую степь».

На тел. имеется помета Николая II: «Раньше всяким разбойникам давали убежище!» «Киев, [19] 6 сентября 1911 г.».

[2] Тел. от 14/1 сент. за № 1236 (переданной в Тегеран) Нератов сообщал Иванову в Астрабад, что, разделяя изложенные в публикуемой тел. соображения, он предлагает принять их к руководству. «Вообще, — сообщал далее Нератов, — следует по возможности ограничить бест, предоставляя его лишь в случаях крайней необходимости. Поскольку дело касается лично Мохамед-Али-шаха, нужно будет, если бы он прибег к нашей защите, принять самые решительные меры, чтобы спасти его жизнь». На тел. имеется помета: «Да». «Киев, [19] 6 сентября 1911 г.».

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо. 5 августа/23 июля 1911 г.

Весьма секретно.

М. г. Анатолий Анатолиевич,

В донесениях моих от сего числа [1] я высказываю перед вашим превосходительством господствующие здесь взгляды на положение Балканского полуострова и впечатления, вынесенные мной относительно политики короля Фердинанда и его министров.

Если правда, что в самом сердце Оттоманской империи надвигаются и могут ежечасно наступить события первостепенной важности; если правда, что Болгария не связана еще никакими соглашениями с Австро-Венгрией и король Фердинанд, — как Геракл на распутьи, — колеблется между добродетелью русского воздержания и пороком австрийских заигрываний; если правда, наконец, — о чем я твердить не устану, — что Болгария представляет собой немаловажную силу и притом силу, бесспорно желающую действовать в одном направлении с силой русской — то из этого следует, что вопрос о заключении особого соглашения с Болгарией стоит на неотложной очереди и должен быть решен без замедления в ту или другую сторону.

Когда я был назначен посланником в Софию, С. Д. Сазонов немедленно же посвятил меня в сущность весьма секретных переговоров о военной конвенции, указывая при этом на желательность ее заключения; в таком же смысле высказался передо мной дважды и генерал-квартирмейстер Данилов, заменявший в то время начальника генерального штаба.

Наконец, я имел счастье выслушать из уст государя императора всемилостивейшие замечания по сему предмету.

По возвращении моем в С.-Петербург в апреле месяце, когда я обратился к вашему превосходительству за дальнейшими инструкциями, — вы изволили сказать мне, что все переговоры о военной конвенции сосредоточены ныне в Петербурге и ведутся между министерством и генералом Паприковым. Я понял это в том смысле, что чисто военная сторона конвенции не подлежит суждению императорской миссии в Софии и должна быть установлена при непосредственном участии нашего генерального штаба, благо и место болгарского посланника занято генералом бесспорной компетенции.

Но с тех пор я ни разу не был осведомлен о ходе переговоров. Одно время, под впечатлением возобновившихся нападок нашей прессы на короля Фердинанда и попутных заискиваний перед ним австрийской политики, я думал, что все дело кануло в воду; я возымел даже мысль, что, быть может, путем удачных перлюстраций или иным верным способом, вы осведомились об измене короля Фердинанда и склонности его заключить соглашение с Австрией; но я не получаю подтверждения и подобному предположению.

Между тем, именно в настоящую минуту мне чрезвычайно важно было бы знать: возобновились ли со стороны генерала Паприкова разговоры о конвенции и вообще, — если переговоры о ней за все это время не подвинулись, то в силу

[1] См. № 298.

чьего воздержания, — нашего или болгарского? Это могло бы дать мне драгоценное указание на расположение короля, на степень его искренности, и на роль, которая в этом столь важном вопросе предоставлена на долю Гешова.

Испрашивая этих сведений, я прежде всего жду от вас наискорейших указаний, могу ли я при случае иметь разговор о сем с г. Гешовым? Как министр-президент и министр иностранных дел, он *должен* был быть поставлен в курс дела самим королем; с нашей же точки зрения нет никакой причины опасаться в этом весьма секретном деле переговоров с таким безусловно честным и выдержанным государственным деятелем, как Гешов, раз в тайну посвящены и генерал Паприков и отставные министры Малинов и генерал Николаев.

Такова, многоуважаемый Анатолий Анатолиевич, суть моей к вам просьбы, наискорейшее и благосклонное исполнение коей, смею уверить, весьма важно для меня в смысле бдительного наблюдения за болгарской политикой в это сложное и опасное время.

Что же касается самой военной конвенции и связанного с ней политического соглашения, то, ссылаясь на предыдущие донесения мои, повторяю, что дело не может быть отложено в долгий ящик. Прежде всего необходимо окончательно и бесповоротно решить, нужно ли нам связать себя подобным формальным соглашением с Болгарией? Не даст ли оно лишнего толчка воинственным замыслам и национальным вожделениям болгар, и не ускорит ли таким образом событий, которые в нашей выгоде было бы возможно долее задержать?

На эти вопросы я отвечу, что все зависит от того оборота, который примут дела на Турецком востоке: если возгорится война между Турцией и Черногорией, если начнется резня в Македонии, если в самом Константинополе произойдут кровавые волнения и междоусобия, — то, конечно, болгар нельзя будет удержать, и соглашение с нами, обеспечив им тыл, ободрит их к решительным действиям.

Наоборот, если события удастся задержать соединенными усилиями тех держав, которые искренно заинтересованы хотя бы во временном поддержании Оттоманской империи, то соглашение с Россией даст и правительству Гешова — Данева и в особенности самому королю лишние основания для терпеливого выжидания и сохранения спокойствия и мира.

Таким образом, предыдущий вопрос сводится к следующему: может ли и должна ли Россия воздержаться от вмешательства в случае проникновения турецких войск в Черногорию, в случае резни христиан в Македонии и Старой Сербии, в случае кровавых междоусобий в самом центре Турецкой империи? Вопрос этот важен и сложен; он настолько превышает мою компетенцию, что я не решаюсь даже самому себе дать на него бесповоротного ответа.

Но если высочайшей властью этот роковой вопрос будет решен в том смысле, что, *при известном размере событий*, Россия воздержаться от вмешательства не может, — то из сего будет следовать бесспорная польза и даже необходимость определенного соглашения и заключения военной конвенции с Болгарией.

И в таком случае — времени терять не следует. Соблазняемый из Вены и отталкиваемый нами, король Фердинанд может пойти на такое соглашение с Австрией, которое представится ему наименее рискованным выходом из его личных затруднений и колебаний; но подобное возобновление австрийского курса вызовет в конце концов падение нынешнего кабинета, и власть может перейти в руки способные, вопреки самому королю, ускорить события, нарушить границы условленного с Австрией и поставить Болгарию в такое положение, из которого нам же придется ее выручать.

Напротив того, заключение конвенции и соглашения, укрепив положение Гешова и Данева и прекратив колебания и сомнения короля Фердинанда, даст не только Болгарии надежный оплот, а следовательно и сравнительное успокоение, но и России доставит далеко не лишнюю стратегическую заручку, на случай столкновения ее с Турцией и Австрией. Ибо не следует упускать из виду, что подобное столкновение может воспоследовать и вовсе не по почину Болгарии, а независимо от нее и даже независимо от «славяно-балканского» вопроса.

В заключение, считаю долгом выразить пожелание, чтобы наш военный агент, подполковник Романовский, собиравшийся и без того в кратковременный отпуск для перевоза семьи и хозяйства из России в Софию, — был вызван официально в С.-Петербург в случае приглашения на наши осенние маневры болгарского начальника генерального штаба Фичева. Очень прошу вас посодействовать в этом и принять подполковника Романовского, которому я всецело доверяю и который сообщит вам устно свои собственные наблюдения и весьма ценные, на мой взгляд, мнения.

Примите и пр.

Неклюдов.

II

Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

12 августа/30 июля 1911 г.

Представляя у сего на высочайшее благовоззрение весьма секретное письмо д. с. с. Неклюдова [1] по вопросу о желательности ускорения хода переговоров по заключению русско-болгарского военно-политического соглашения, каковые несколько задержались сначала из-за болезни и кончины гофмейстера Сементовского-Курило, а затем из-за внутренних событий в королевстве, — я позволяю себе думать, что в настоящем деле нежелательна особенная поспешность, тем более, что политическая обстановка, с улажением черногорско-турецкого кризиса, значительно изменилась.

Независимо сего, в настоящем фазисе переговоров нами ожидается ответ болгарского правительства на предложения, которые были сообщены генералу Паприкову еще в конце минувшего года. То же обстоятельство, что ныне только-что принята Великим народным собранием 17-ая статья болгарской конституции, в силу которой королю предоставляется заключение договоров, по моему мнению, должно побудить нас несколько осторожнее отнестись к этому делу и дожидать первого шага со стороны болгар. Такая постановка вопроса и с точки зрения чисто политических интересов наших представляется мне более выгодной.

Предварительно снабжения д. с. с. Неклюдова соответственными указаниями, я полагал бы весьма желательным ознакомиться с некоторыми подробностями дела со слов имеющего прибыть в непродолжительном времени в С.-Петербург военного агента в Болгарии подполковника Романовского.

Доводя изложенное до высочайшего сведения, приемлю смелость испрашивать всемилостивейших предначертаний вашего императорского величества.

Нератов.

Подождем приезда военного агента.

Петергоф, [12 августа] 30 июля 1911 г.

III

Временно управляющий военным министерством временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 2511. 24/11 августа 1911 г.

Весьма секретно. Весьма спешно.

М. г. Анатолий Анатолиевич,

При сем препровождаю копию рапорта военного агента в Болгарии от [2 августа] 20-го июля сего года за № 60 [2] о предстоящей возможности использовать приезд в Петербург начальника штаба болгарской армии генерала Фичева в инте-

---

[1] См. № I.

[2] См. приложение к публикуемому документу.

ресах возобновления переговоров о военном между Россией и Болгарией соглашении или, по крайней мере, в целях выяснить действительное отношение болгарского правительства к идее соглашения после состоявшегося предоставления, измененной конституцией, царю болгарскому права по единоличному усмотрению заключать тайные союзы.

Вполне разделяя взгляд нашего военного агента в Болгарии, высказанный им в прилагаемой копии его рапорта, имею честь просить ваше превосходительство не отказать ориентировать меня в мнении министерства иностранных дел по поводу этого, первостепенной для нас важности, вопроса.

Приложение: Копия рапорта военного агента в Болгарии от [2 августа] 20 июля 1911 года за № 60.

Прошу принять и пр.

Ал. Поливанов.

Приложение.

Военный агент в Болгарии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 60 [1]. **2 августа/20 июля 1911 г.**

Казалось бы теперь, когда Великое народное собрание изменило § 17-й болгарской конституции в смысле предоставления царю совместно с правительством права заключать тайные политические договоры с другими государствами, ничто не мешает царю Фердинанду покончить с вопросом о заключении военной конвенции между Россией и Болгарией, о которой велись столь долгие, но, к сожалению, до сих пор бесплодные переговоры.

До настоящей минуты колебания царя до известной степени могли быть объяснены отчасти присущей ему подозрительностью и мнительностью, отчасти тем обстоятельством, что фактически, по смыслу старой конституции, он был лишен права заключать договоры без ведома и одобрения Народного собрания.

Ныне, с изменением конституции, руки царя в смысле ведения внешней политики Болгарии окончательно развязаны, и трудно предположить, чтобы такой прирожденный дипломат и тонкий политик, каким является царь Фердинанд, не использовал свое право заключать тайные договоры с другими государствами, тем более, что в силу сложившейся политической обстановки на Балканском полуострове, Болгария не может оставаться далее изолированной и неизбежно должна искать себе союзника, на случай могущих возникнуть здесь серьезных политических осложнений.

Таким союзником для Болгарии может быть только Россия или Австрия.

Австрия, сознавая, что Болгария, обладающая сравнительно многочисленной и сплоченной армией, представляет на Балканском полуострове довольно внушительную силу, всеми мерами старается привлечь ее на свою сторону.

Милости и почет, оказываемые венским двором царю Фердинанду, заключение консульской конвенции между Австрией и Болгарией и, наконец, любезности, рассыпаемые австрийской печатью по адресу Болгарии, наглядно свидетельствуют о настойчивом желании Австрии иметь Болгарию в числе своих союзников.

Не довольствуясь этим, Австрия старается внушить царю, что Россия является непримиримым врагом Кобургской династии и поддерживает революционные элементы страны.

Семена эти падают на благоприятную почву, ибо царь, при всем своем обширном уме, человек крайне мнительный и впечатлительный, и в настоящее время, — под влиянием личных и подчас весьма резких нападков на него известной части болгарской печати и оппозиции в Народном собрании, — серьезно озабочен династическим вопросом.

Наконец, с внешней стороны, австрийские утверждения в недоброжелательном

---

[1] Маш. копия.

отношении к царю как бы находят подтверждение в некоторых органах русской прессы и в частности «Нового времени», появившихся в середине минувшего июля месяца.

Правда, общественное мнение Болгарии на стороне России и не доверяет Австрии, что ярко выразилось во время Великого народного собрания не только в речах депутатов разных партий, но и в болгарской прессе; однако болгары, при всем своем несомненном руссофильстве, прежде всего реальные политики; потеряв надежду осуществить свою мечту о С.-Стефанской Болгарии или поддержке России, они, в конце концов, должны будут примириться с австрофильской политикой, раз последняя даст им надежду хотя бы на частичное исполнение их политической программы и народных идеалов.

При таких условиях, по моему глубокому убеждению, необходимо, не откладывая дела в долгий ящик, теперь же возобновить в Петербурге переговоры о заключении военной конвенции с Болгарией. Я совершенно разделяю точку зрения моего предшественника на желательность заключения этой конвенции. Отказаться от нее с легким сердцем мы можем лишь в том случае, если мы одновременно откажемся от какого-либо вмешательства в дела Балканского полуострова, что едва ли возможно и вероятно.

Болгария, связанная конвенцией с нами, должна будет считаться с нашей политикой, и мы получим право сдерживать ее воинственные порывы до тех пор, пока это нам будет нужно; Болгария в руках австрийцев может служить серьезной угрозой миру на Балканах, и конвенция между ними несомненно может ускорить ход событий и способствовать агрессивной политике Австрии.

Ныне обстоятельства складываются так, что Австрия может предупредить нас в этом важном вопросе и нам необходимо выяснить его возможно скорее. В этом отношении предполагаемая поездка начальника штаба болгарской армии генерала Фичева в С.-Петербург может быть для нас чрезвычайно полезна. Фичев не может не быть посвящен в намерения болгарского правительства, поэтому его пребывание в Петербурге позволит нам хоть отчасти ориентироваться в дальнейших намерениях царя Фердинанда и выяснить нам, какого курса политики намерен он с нами держаться.

Содержание настоящего рапорта доложено мной нашему посланнику.

Романовский.

IV

Временно управляющий министерством иностранных дел временно управляющему военным министерством Поливанову.

Письмо № 549. 26/13 августа 1911 г.

Весьма секретно.

М. г. Алексей Андреевич,

В ответ на письмо вашего высокопревосходительства от [24] 11 сего августа, № 2511 [1], считаю долгом сообщить вам нижеследующие соображения.

Вполне разделяя доводы нашего военного агента в Болгарии о желательности ускорения хода переговоров по заключению русско-болгарского военно-политического соглашения,я не могу однако признать необходимость особой поспешности в сем деле. В таковом убеждении меня укрепляет главным образом то обстоятельство, что с улажением черногорско-турецкого кризиса политическая обстановка на Балканах значительно изменилась. Кроме того, в настоящем фазисе наших переговоров с Болгарией нами ожидается ответ на предложения, сообщенные еще в конце минувшего года генералу Паприкову.

---

[1] См. № III.

Что же касается до предоставленного § 17 болгарской конституции права королю заключать договоры, то это обстоятельство скорее говорит в пользу некоторой сдержанности с нашей стороны, вынуждая нас, по мнению моему, ожидать первого шага со стороны болгар, в целях выяснить главным образом действительное отношение болгарского правительства к соглашению с нами.

В виду сего, представлялось бы целесообразным, избегая всего, что могло бы навести болгар на мысль об особой желательности для нас соглашения, в очень осторожной форме коснуться настоящего дела в беседе с генералом Фичевым, в случае если бы он по собственному почину не поднял этого вопроса или не был на то особо уполномочен болгарским правительством.

Примите и проч.

[Нератов.]

УКАЗАТЕЛЬ I

Именной [1]

[1] Цифры обозначают страницы.

УКАЗАТЕЛЬ II

Корреспонденты[1]

Австро-Венгрия

Англия

Бельгия

Болгария

Германия

Греция

Индия

Испания

Италия

Китай

---

[1] Цифры обозначают номера документов.

Переписка других ведомств

УКАЗАТЕЛЬ III

Темы дипломатической переписки [1]

Австро-Венгрия

1. Австро-болгарские отношения — 79, 93, 120, 298, приложения I и III к первой части тома
2. Австро-итальянские отношения — 32, 118, 123, 161, 177, 221, 288, 326, 337
3. Австро-румынские отношения — 250, 298
4. Австро-русско-итальянские переговоры в связи с турецко-черногорским конфликтом (восстание в Албании) — 163, 177, 206, 212, 217, 221, 223, 224, 226, 239, 252, 254, 262, 263, 264, 270, 284, 288, 300, 345, 365
5. Австро-русские переговоры о status quo на Балканах — 62, 101, 110, 123, 162, 163, 177, 221, 223
6. Внутреннее положение — 177, 212, 336
7. Военные мероприятия Австро-Венгрии — 42
8. Позиция Австро-Венгрии в связи с Агадирским кризисом — см. Марокко I (3)
9. Позиция Австро-Венгрии в связи с русско-германским соглашением по персидским делам — см. Германия (8а)
10. Позиция Австро-Венгрии в связи с турецко-черногорским конфликтом (восстание в Албании) — см. Турецко-черногорский конфликт (3)

Англия

1. Англо-русские переговоры о представительстве росс. прав-ва на коронационном дурбаре в Индии — 69, 92, 147, 170, 187, 220, 392, 407, 429
2. Англо-русские отношения в Персии — см. Персия (2)
3. Англо-турецкие переговоры о переуступке концессии на линию Багдад — Залив — см. Турция (3а)
4. Внутреннее положение — 170, 369
5. Возобновление англо-японского союзного договора — см. Япония (1)
6. Поездка далай-ламы в Лондон и Петербург (вопрос о) — см. Тибет (1)
7. Позиция Англии в связи с Агадирским кризисом — см. Марокко I (4), (4а), (4б), (4в)
8. Позиция Англии в связи с русско-германским соглашением по персидским делам — см. Германия (8б)
9. Позиция Англии в связи с турецко-черногорским конфликтом (восстание в Албании) — см. Турецко-черногорский конфликт (4)
10. Позиция Англии в связи с франко-испанскими противоречиями в Марокко — см. Марокко II (2)
11. Политика Англии в Персии — см. Персия (1), (1а), (1б), (2), (3), (4), (7), (8), (11)
12. Четверной консорциум (позиция Англии) — см. Китай (6а)

Бельгия

1. Позиция Бельгии в связи с Агадирским кризисом — см. Марокко I (5)

Болгария

1. Болгаро-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (1)
2. Болгаро-греческие отношения — см. Греция (1)
3. Болгаро-румынские отношения — 298
4. Болгаро-турецкие пограничные столкновения — 31, 64, 77, 298
5. Македонский вопрос — 6, 50, 141, 298
6. Позиция Болгарии в связи с турецко-черногорским конфликтом (восстание в Албании) — см. Турецко-черногорский конфликт (5)
7. Русско-болгарская военная конвенция (вопрос о) — см. приложения I, II, III и IV к первой части тома
8. Сербо-болгарские переговоры о союзном договоре — 6, 31, 50, 65, 120

---

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов; цифры, поставленные в скобках, обозначают соответствующие пункты рубрик.

Германия

Голландия

Греция

Испания

Италия

Китай

Крит

Марокко

Монголия

Персия

Россия

Румыния

Сербия

Соединенные Штаты Америки

Тибет

Тройственное согласие

Тройственный союз

Турецко-черногорский конфликт

Турция

Франция

